

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

4

2018

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

V E S T N I K
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 года

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 1995

2 0 1 8 **Том 24**

2 0 1 8 **Volume 24**

№ 4
Октябрь – Декабрь

№ 4
October – December

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ОТРАСЛЯМ:
07.00.00. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ; 10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ;
12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственной университет

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КИРПИЧНИК АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
кандидат психологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук,
Костромской государственной университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

Институт русского языка им. В.В.Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

БУРЫКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

доктор филологических наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА

доктор филологических наук, профессор, действительный
член Российской Академии Естественных наук (академик),
Ивановский государственный университет

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Всеобщей истории РАН

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

ANATOLIY GRIGORIEVICH KIRPICHNIK
Candidate of Psychological Sciences, Professor,
Kostroma State University

EXECUTIVE SECRETARY

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology,
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate,
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

ALEKSEY ALEKSEYEVICH BURYKIN

Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences,
leading scientific associate,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

GALINA MIKHAILOVNA VISHNEVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Full Member of Russian
Academy of Natural History (academician),
Ivanovo State University

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV

Candidate of Historical Sciences, senior staff scientist,
Universal History Institute of the Russian Academy of Sciences

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУДИНОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, кандидат философских наук
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор
директор Гуманитарного института
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОПОВА ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Почетный работник сферы образования РФ,
действительный член Российской Академии
Естествознания (академик), Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

VLADIMIR ANDREEVICH KUDINOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Kostroma State University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
Doctor of Philology, Candidate of Philosophic Sciences,
Professor, leading researcher,
Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associate,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

TAT'YANA GEORGIYEVNA POPOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
honorary educationalist of education of the Russian Federation,
Russian Natural Sciences Academy full member (academician)
Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (г. Нижний Новгород)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Украины
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Literature Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Nizhny Novgorod Management Institute –
branch of Russian Academy
of National Economy and Career Service
under the President of the Russian Federation

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

EDITORIAL BOARD FOREIGN STAFF

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor
Honoured lawyer of the Ukraine
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 9 Исмаилова А.М.**
Развитие горнорудной промышленности в Восточной Армении в 80-х гг. XIX – начале XX вв.
- 14 Коняев Р.В.**
Огневая подготовка нижних чинов в запасных частях Омского военного округа в годы Первой мировой войны
- 18 Фадеева М.В.**
От чего болели и чем страдали студенты Императорского Варшавского университета в начале XX в.
- 24 Руколеев А.В.**
Финансирование и деятельность Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества (1817–1917 гг.)
- 29 Панченко А.А.**
Идея мировой революции и её влияние на развитие лингвистического образования в первые годы советской власти
- 33 Майорова Н.С.**
Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) о духе, душе и человеческой жизни
- 37 Осмаев М.К.**
Социально-культурная сфера Чечено-Ингушетии периода Великой Отечественной войны: преодоление нехватки специалистов
- 43 Околотин В.С.**
Оперативно-чекистское обслуживание оборонных объектов в Ивановской области в 1942 году
- 48 Абовян Е.Н., Дзюбан В.В.**
Суземский край в годы Великой Отечественной войны (хроника партизанской борьбы, 1941–1943 гг.)
- 53 Кищенко М.С., Никифоров Ю.С., Тумаков Д.В.**
«Сильному мужику все кланяются»? константы или новации в структуре и практиках советской региональной элиты 1950–1970-х гг.
- 60 Белова Н.А.**
О современных проблемах межнациональных отношений в Костромской области
- 66 Фаткина Е.И.**
Предприятия как элемент структуры экспортного контроля Швеции в сфере оборонной промышленности
- ### ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
- 70 Голубков А.В.**
Споры о «телесной риторике» во французской аристократической культуре XVII века: случай «смешных прециозниц»
- 74 Чекалов К.А.**
Авторефлексивность и метатекстуальность в романах Поля Феваля
- 82 Ермакова А.В.**
И.Ф. Анненский и А. Рембо: перевод как повторное творчество (на примере стихотворения «Sensation» А. Рембо)
- 87 Денисова Т.М.**
Особенности немецкого короткого рассказа «постклассического» периода (Юдит Германн)

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 9 A.M. Ismailova**
The development of the mining industry in Eastern Armenia in the 1880s – the early 20th century
- 14 R.V. Konyayev**
Firing instruction of lower ranks in renewals of Omsk Military District during the World War I
- 18 M.V. Fadeyeva**
What students of the Imperial University of Warsaw suffered from and what they were ill with in the early 20th century
- 24 A.V. Rukoleyev**
Financing and activities of the Imperial St. Petersburg mineralogical society (1817–1917)
- 29 A.A. Panchenko**
The idea of the World revolution and its influence on the development of the linguistic education during the first years of the Soviet period of Russian history
- 33 N.S. Mayorova**
Archbishop Luka (Valentin Felixovich Voyno-Yasenetsky) on the spirit, soul and human life
- 37 M.K. Osmayev**
Social and cultural scope of Chechnya-Ingushetia in the period of the World War II (east front): overcoming the lack of specialists
- 43 V.S. Okolotin**
Operational maintenance of defence facilities by the all-Russian emergency Commission to combat the anti-Soviet employees in Ivanovo Region in 1942
- 48 Ye.N. Abovyan, V.V. Dzyuban**
Suzemka district during the World War II (chronicle of guerrilla warfare, 1941–1943)
- 53 M.S. Kishchenkov, Yu.S. Nikiforov, D.V. Tumafov**
"Everyone cringes before the big shot", oh really?: constants or innovations in structure and practices of the Soviet regional elite of the 1950s–70s
- 60 N.A. Belova**
Modern problems of interethnic relations in Kostroma Region
- 66 Ye.I. Fat'kina**
Defence enterprises as an element of the Swedish export control structure
- ### SCIENCE OF LITERATURE
- 70 A.V. Golubkov**
The debates about «body rhetoric» in the XVIIth century French aristocratic culture: the case of the «ridiculous précieuses»
- 74 K.A. Chekalov**
Auto-reflection and meta-textuality in the novels of Paul Henri Corentin Féval
- 82 A.V. Yermakova**
Innokenty Annensky and Jean Nicolas Arthur Rimbaud: translation as re-creation (the case of the poem Sensation by Arthur Rimbaud)
- 87 T.M. Denisova**
Features of the German short story "postclassical period" (Judith Hermann)

- 92 Тихомиров В.В.**
Пьеса А.Н. Островского «Василиса Мелентьева» как историческая драма
- 98 Овчинина И.А., Виноградов А.А.**
Особенности работы А.Н. Островского над исторической хроникой о Минине
- 103 Васильев Д.В.**
Характер проявления и роль архетипа трикстера в исповедальных высказываниях подпольного героя повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья»
- 108 Коптелова Н.Г.**
Образы и мотивы комедии дель арте в поэтическом осмыслении А. Блока (1900-е годы)
- 114 Ушакова О.Н.**
Семантика образа звезды в сборнике Г.В. Иванова «Розы» и поэтическая традиция
- 120 Клементьев Р.Е.**
Несостоявшаяся экранизация повести А. Платонова «Епифанские шлюзы»
- 125 Холодова З.Я.**
Художественное мышление М. Пришвина: драматургический аспект
- 131 Кучина Т.Г.**
Муза безмолвия: мотивы молчания и немоты в метапоэтике С. Гандлевского и Л. Лосева
- 136 Бокарев А.С.**
«Новая искренность» в поэзии Дмитрия Воденникова: о поведенческих стратегиях лирического субъекта
- 140 Тюленева Е.М.**
Стратегия Шахерезады и поиск Второго в «Преподавателе симметрии» А. Битова
- 145 Лакербай Д.Л.**
Персональный стиль как «литературная карта»
- 151 Марков А.В.**
Ассоциативная теория языка Г.Г. Шпета в контексте развития визуальных медиа
- 155 Чернов А.В.**
Журналистская «оптика» в историческом дискурсе. «Историческое письмо» М. Зыгаря и Л. Парфенова. Часть 2
- 161 Подкина Ю.В.**
Метафора в журналистском тексте экономической тематики
- ЯЗЫКОЗНАНИЕ**
- 166 Третьякова И.Ю.**
Окказиональные преобразования фразеологизмов: интенсификация значения
- 170 Богданова О.Ю.**
Эмотивный аспект диктемного имени текста
- 174 Неганова Г.Д.**
Актуализация природно-географических особенностей Костромской низины в народной географической лексике: Волго-Костромская пойма
- 178 Виноградова П.П.**
Лексико-семантическое своеобразие наименований обрядовой хлебной выпечки костромского края
- 182 Горлова Т.В.**
Архаические топонимы города Нерехты Костромской области как историко-географический индикатор (на примере названий варнишных мест)
- 92 V.V. Tikhomirov**
The play "Vasilisa Melentyeva" by Alexander Ostrovsky as a historical drama
- 98 I.A. Ovchinina, A.A. Vinogradov**
The peculiarities of A.N. Ostrovsky's work on the historical chronicle about Kosma Minin
- 103 D.V. Vasil'yev**
The character of the manifestation and role of the trickster archetype in the confessional statements of the underground hero of Fyodor Dostoyevsky's story "Notes from Underground"
- 108 N.G. Koptelova**
Images and motifs of Commedia dell'arte in Alexander Blok's poetic comprehension (the 1900s)
- 114 O.N. Ushakova**
Star image semantics in the collection of poetry "Roses" by Georgy Ivanov and poetic tradition
- 120 R.Ye. Klement'ev**
Unmade screen adaptation of Andrei Platonov's novella "Epifan Locks"
- 125 Z.Y. Kholodova**
Mikhail Prishvin's artistic outlook: the dramatics aspect
- 131 T.G. Kuchina**
Muse of silence: motifs of silence and dumbness in Sergey Gandlevskiy's and Lev Loseff's metapoetics
- 136 A.S. Bokarev**
"New sincerity" in the Dmitry Vodennikov's poetry: on the behavioural strategies of a lyric subject
- 140 Ye.M. Tyuleneva**
Scheherazade's principle and the search for the Second in "The Symmetry Teacher" by Andrei Bitov
- 145 D.L. Lakerbay**
Personal style as a "literary card"
- 151 A.V. Markov**
Associative theory of the language by Gustav Shpet in the context of the development of visual media
- 155 A.V. Chernov**
Journalistic "optics" in historical discourse. Leonid Parfyonov's and Mikhail Zygar's "historical writing". Part 2
- 161 Yu.V. Podkina**
Metaphor in journalistic text of economic topics
- SCIENCE OF LANGUAGE**
- 166 I.Yu. Tret'yakova**
Occasional transformations of phraseological units: intensification of phraseological meaning
- 170 O.Yu. Bogdanova**
Emotive aspect of the text diceme name
- 174 G.D. Neganova**
Actualisation of natural and geographical features of Kostroma lowland in dialect geographic lexis: the Volga – the Kostroma floodplain
- 178 P.P. Vinogradova**
Lexico-semantic originality of appellation of ritual bread pastry of Kostroma territory
- 182 T.V. Gorlova**
Archaic toponyms of the town of Nerekhta of Kostroma Region as the historical and geographical indicator (in terms of names of places of saltworks)

- 186 Дмитрук Л.А.**
О статусе некоторых единиц лексико-фразеологического фонда русского языка (исторический аспект)
- 189 Цветкова Е.В.**
Книга «Меткое костромское слово» Н.С. Ганцовской как источник сведений о костромской топонимии
- 194 Маник С.А.**
Новое в лексикографическом описании лексического значения общественно-политической терминологии в XXI веке
- 199 Тихонова Н.Ю.**
К вопросу о переводе безэквивалентных терминов права
- 203 Попова Т.Г., Степанов С.А., Полубоярова М.В.**
Лексико-семантическая группа существительных «чувство» в романе Л.Н. Толстого «Семейное счастье»
- 207 Саушева Е.В.**
Языковая личность капитана в рассказе И.А. Бунина «Сны Чанга»
- 211 Сухарева Я.И.**
Особенности композиционно-речевой организации сборника рассказов М.А. Булгакова «Записки юного врача»
- 215 Полякова Е.А.**
Особенности перевода наименований земли в древнеанглийской поэме «Беовульф»
- 220 Иванова Н.В.**
Анжамбеман в поэме Шарля Бодлера «Le Voyage» и переводе Марины Цветаевой
- 223 Волкова Е.Б., Ременикова И.А., Вечеринина Е.А.**
Типичные многокомпонентные сложноподчинённые предложения в текстах математических произведений на русском и романо-германских языках
- 228 Журавлева Н.Н., Попутникова Л.А., Евдокимова И.Ю.**
Характеристика терминосистемы «Ackerschlepper» (сельскохозяйственный трактор) в немецком языке
- 235 Зими́на М.В., Ополовникова М.В.**
Метафорический портрет президента России в немецкоязычной прессе
- 240 Демина Е.М.**
Образ современного политика и стилистические средства его создания (на примере политических дискурсов Мари Ле Пен и Эммануэля Макрона)
- 244 Шляхтина Е.В.**
Эвфемизация проблемы старения в рекламном тексте на английском и русском языках (на материале журнала «Cosmopolitan»)
- 248 Якунина Т.И.**
Паремиологические средства как структурные элементы фразеосемантического поля «Man»
- ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**
- 252 Бриль Г.Г.**
Современный взгляд на теорию и практику юридического разрешения социальных конфликтов в Советском государстве 1917–1930-х годов
- 186 L.A. Dmitruk**
On the status of some units of the lexical and phraseological fund of the Russian language (historical aspect)
- 189 Ye.V. Tsvetkova**
The book "Apt Kostroma Word" by Nina Gantsovskaya as a source of knowledge on Kostroma toponymy
- 194 S.A. Manik**
New lexicographic approaches to describe lexical meaning of socio-political terminology in the 21st century
- 199 N.Yu. Tikhonova**
Revisiting the translation of non-equivalent legal terms
- 203 T.G. Popova, S.A. Stepanov, M.V. Poluboyarova**
Lexico-semantic group of nouns "feeling" in the novel "Family Happiness" by Leo Tolstoy
- 207 Ye.V. Sausheva**
Language identity of the captain in the story "The Dreams of Chang" by Ivan Bunin
- 211 Ya.I. Sukhareva**
Features of the composite and speech organisation of the collection of stories of Mikhail Bulgakov "A Country Doctor's Notebook"
- 215 Ye.A. Polyakova**
Translation of the nouns denoting "earth" in the Old English poem Beowulf
- 220 N.V. Ivanova**
Enjambment in the poem "le voyage" by Charles Baudelaire and in the translation of Marina Tsvetaeva
- 223 Ye.B. Volkova, I.A. Remennikova, Ye.A. Vecherinina**
Typical multicomponent compound sentences in the texts of mathematical works in Russian and Romano-Germanic languages
- 228 N.N. Zhuravlyova, L.A. Poputnikova, I.Yu. Yevdokimova**
Characteristic of the term "Ackerschlepper" (agricultural tractor) in the German language
- 235 M.V. Zimina, M.V. Opolovnikova**
Metaphorical portrait of the president of Russia in the German printed media
- 240 Ye.M. Dyomina**
The image of modern politician and the stylistic means of its creation (in terms of Marine Le Pen's and Emmanuel Macron's political discourses)
- 244 Ye.V. Shlyahatina**
Euphemisation of the aging issue in the ad texts both in English and Russian (a case study of "Cosmopolitan")
- 248 T.I. Yakunina**
Paroemiological means as structural elements of the phraseological semantic field "man"
- JURAL SCIENCES**
- 252 G.G. Bril'**
Modern view on the theory and practice of social conflicts legal resolution in the Soviet state (1917–1930s)

- 256 Кашанский Р.С.**
К вопросу о функциональной природе оговорок в праве
- 261 Желева О.В., Ткач А.С.**
К вопросу о правовой природе уголовного проступка
- 265 Щербич Л.А.**
Субъект преступной деятельности: криминалистический аспект
- 271 Юшенкова С.Ю.**
Влияние бланкетности на процесс криминализации торговли людьми в России
- 276 Хакимов Э.И.**
Приостановление в системе организационных (оперативных) санкций российского права
- 282 Бабичев Д.А.**
К дискуссии о проблемах организации прокурорского надзора за законностью решений в оперативно-разыскной деятельности
- 287 Кудряшова А.В.**
О соотношении понятий «методика» и «организация» применительно к прокурорской деятельности
- 290 Муратова А.Р., Багаутдинова А.М.**
К вопросу о правовой природе договора на разработку веб-сайта
- 296 SUMMARY**
- 311 ТРЕБОВАНИЯ
К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

- 256 R.S. Kashanskiy**
On the question of the functional nature of reservations to the law
- 261 O.V. Zheleva, A.S. Tkach**
On the legal nature of criminal offence
- 265 L.A. Shcherbich**
The subject of criminal activity: a forensic aspect
- 271 S.Yu. Yushenkova**
The effect of blanket on the process of criminalisation of human trafficking in Russia
- 276 E.I. Khakimov**
Suspension in the system of organisational (operational) sanctions of the Russian law
- 282 D.A. Babichev**
On the discussion on the problems of the organisation of prosecutor's supervision of the law of decisions in operational investigative activities
- 287 A.V. Kudryashova**
About the ratio of concepts "technique" and "organisation" in relation to Prosecutor's activity
- 290 A.R. Muratova, A.M. Bagautdinova**
The question of the legal nature of an agreement for the development of a website
- 296 SUMMARY**
- 311 REQUIREMENTS
TO REGISTRATION OF MANUSCRIPTS**

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(470.67)19/20:327(479.23)

Исмаилова Алмас Муса-Кызы

кандидат исторических наук

Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Республика Дагестан, г. Махачкала
almaz.ismailova@mail.ru

РАЗВИТИЕ ГОРНОРУДНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ В 80-Х ГГ. XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Данная статья посвящена развитию горнорудной промышленности Восточной Армении. Армения, располагаясь на одной из окраинных территорий Российской империи, в экономическом, политическом и культурном отношении была тесно связана с Россией. Когда в конце XIX в. экономическое завоевание Кавказа Россией было почти завершено, экономика Армении также подчинилась требованиям капиталистической промышленности России. Автор прослеживает развитие горнорудной промышленности в Восточной Армении. В конце XIX – начале XX веков наряду с формированием местного капитала в горную промышленность Армении влился и иностранный, в частности французский, капитал. Производство меди в Восточной Армении в исследуемый период выросло в несколько раз. Накануне Первой мировой войны главный центр закавказской медной промышленности также переместился в Армению. Автор дает характеристику процесса становления горнорудной промышленности Восточной Армении в 80-е годы XIX – начале XX в. Предложенный подход будет интересен специалистам в области изучения истории Южного Кавказа во второй половине XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: Восточная Армения, медь, рудники, горнорудная промышленность, губерния, иностранный капитал, Кавказская промышленная и металлургическая компания, руда, гидроэлектростанция, бессемерование медных штейнов в конвертерах.

В конце XIX в. Россия вступила в эпоху империализма. Интенсивное развитие промышленности охватило не только центральные, но и окраинные районы империи, в том числе и Южный Кавказ. Подъем промышленного производства был характерен и для Восточной Армении. Во второй половине XIX в. Южный Кавказ, в том числе Восточная Армения, включается в сферу российского капитализма и в основном развивается по тому же пути, что и Россия. Одной из главных причин слабого прилива новых капиталов в Армению во второй половине XIX века являлось отсутствие железнодорожного транспорта [1, с. 401].

Появление в крае некоторых отраслей промышленности было непосредственно связано с открытием железной дороги [2, с. 569]. Строительство железной дороги имело особенно большое значение для экономического развития Армении. Сооружение железных дорог одновременно ускорило приток русского и иностранного капиталов в Армению, что благоприятствовало развитию здесь основных отраслей крупной капиталистической промышленности. В 1899 г. была построена железная дорога Александрополь – Эривань, а в 1905 г. – Эривань – Джульфа [9, с. 6].

После присоединения Восточной Армении к России царское правительство заинтересовалось существовавшей на тот момент в Армении горной промышленностью. Было составлено «Описание рудников и заводов», а затем встал вопрос о расширении добычи и выплавки меди. Ведущей отраслью промышленности в Восточной Армении было медеплавильное производство, базировавшееся на местном сырье – медных рудниках Горнорудная промышленность в основном размещалась в Алавердском и Зангезурском районах. В 1868 г.

в Восточной Армении на заводах выплавка меди достигла 15 860 пудов, при этом количество рабочих было 656, печей – 13, горнов – 9, движущих машин – 3 [12, с. 180]. В Алавердском районе размещалось три завода: Алавердский, Шамлугский и Ахталский. На Ахталском заводе раньше производилось серебро, но ввиду бедности серебряных руд в 60-х годах XIX в. его производство совершенно прекратилось, и в Ахталах начали разработку медных руд, переплавка которых осуществлялась в Алавердах. Однако и производительность Шамлугского медеплавильного завода снизилась. В 1880 г. здесь было выплавлено всего 560 пудов меди. 1 пуд меди обходился в среднем от 8 до 9 руб. 85 коп. [14, л. 15]. В конце 80-х годов XIX в. Шамлугский завод перестал действовать, а добываемая в Шамлугских рудниках медная руда выплавалась на Алавердском заводе. Среднее число рабочих на Алавердском заводе составляло 87 человек. В 1880 году было выплавлено 986 пудов чистой меди. Очистку меди производили в рафинировочной печи [1, с. 415].

Другим центром добычи меди был Кафан в Зангезурском уезде. Зангезурская руда была подразделена на три группы: руду первого сорта, составляющую 50 % всей добываемой руды, с содержанием 16 % меди; руду 2-го сорта (10 % всей руды) с 9 % меди; и руду с примесью фальерца (20 % руды) с 12 % меди. 20 % добываемой руды составляет мелочь, содержащая 10 % меди. Из-за транспортных затруднений обычно плавил руду, содержащую более 12 % металла, руда же, содержащая менее 7–8 % меди, шла на отход. Запасы меди в Зангезуре весьма велики. На одних только Катарских группах запасы руды с высоким содержанием меди достигали 40 млн пудов [13, с. 20]. Здесь в разное

время функционировали Катарский, Кавартский (Угурчайский), Ньюадинский, Пиридованский, Галидзорский, Лазаревский и Сюникский медеплавильные заводы. Добыча медной руды и выплавка меди производилась также и в Александропольском уезде (Сисимаданский завод). В конце 90-х годов XIX в. прекратили свое существование Сисимаданский завод в Александропольском уезде Эриванской губернии, Делижанский завод, Дагадан-Дюзинский завод, возникший в 1891 г., просуществовал лишь 7 лет.

Медная промышленность Армении и всего Южного Кавказа в начале пореформенного периода переживала длительный застой. В конце 70-х и в начале 80-х годов XIX в. производство меди сильно сокращается. В 1883 году количество выплавленной меди в Армении уменьшается до 5,4 тыс. пудов против 13,4 тыс. пудов 1870 года, то есть в 2,5 раза. Одной из причин такого сокращения выплавки меди была Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и ее последствия.

Почти полное отсутствие машиностроительной промышленности на Южном Кавказе сильно ограничивало спрос на медь. Существовавшая в этот период конъюнктура на русском и мировом медном рынке также не благоприятствовала развитию медной промышленности Армении.

Рост медной промышленности начинается с 1883 г., когда завершается строительство железнодорожного сообщения Тифлис – Баку. С установлением железнодорожного сообщения Баку – Батум закавказская медь начинает вывозиться через Одесу на русские рынки. С 1883 по 1894 гг. выплавка меди в Армении увеличивается в 4,9 раза [1, с. 421].

В медную промышленность Армении вложили свои капиталы и местные капиталисты-армяне. Им принадлежали следующие медные рудники: 1) Делижанский завод на посессионных правах у Арцруни, было добыто ископаемых: в 1895 г. – 2 270 пудов, в 1896 г. – 4 100 пудов, в 1897 г. – 1 060 пудов; 2) Гализурский завод в аренде Кундутовых, было добыто ископаемых: в 1895 г. – 51 418 пудов, в 1896 г. – 38 449 пудов, в 1897 г. – 55 413 пудов; 3) Угурчайский бр. Кундутовых, было добыто ископаемых: 1895–56 200 пудов, в 1896 г. – 57 650 пудов, в 1897 г. – 61 956 пудов; 4) Катарский у тов. Мустафова, было добыто ископаемых: в 1895 г. – 32 789 пудов; в 1896 г. – 36 128 пудов, в 1897 г. – 32 555 пудов; 5) Лазаревский у бр. Лазаревых, было добыто ископаемых: в 1895 г. – 15 911 пудов, в 1896 г. – 23 289 пудов, в 1897 г. – 45 842 пудов; 6) Сисимаданский на посессионном праве у Гриельского и Ко, было добыто ископаемых: в 1895 г. – 300 пудов, в 1896 г. – 180 пудов, в 1897 г. – 14 570 пудов [4, с. 57].

В конце XIX века на медных предприятиях Зангезура также происходят технические сдвиги. Здесь местный рудопромышленник А. Мелик-Азарянц

в 1897 г. построил новый крупный медеплавильный завод, где переплавлялась медная руда, полученная не только из собственных рудников самого Мелик-Азарянца, но и других рудопромышленников.

Благодаря усовершенствованию технологических методов, развитию транспортных средств производство меди в Восточной Армении в 1895 г. достигло 42 348 пудов, что в 5,4 раза превосходило выработку 1885 г. [11, с. 19]. До конца XIX в. большая часть меди выплавлялась на предприятиях местных феодалов. В 1899 г. продукция предприятий Мелик-Азарянца составляла 51,7 % производства меди в Армении [5, с. 76]. На Сисимаданском посессионном медеплавильном заводе Гриельского и Ко добыто 49 670 пудов медных руд, из коих проплавлено 42 277 пудов, получено 1 651 пуд 6 фунтов чистой меди, с которой в казну должно поступить подати 412 руб. 79 коп. [6, с. 135].

Таким образом, производство зангезурской меди находилось в руках армянских и греческих капиталистов. Продукция медеплавильных заводов достигла в Алаверды в 1885 г. – 8 418 пудов, в Кафане в 1887 г. – 15 тыс. пудов. Если в 1900 г. выплавка меди на Алавердских заводах не превышала 20 тысяч пудов, то уже в 1901 г. было произведено 59 769, а в 1904 г. – 116 тыс. пудов [9, с. 7]. В Зангезурском уезде на медеплавильном заводе «Сюник», принадлежащем Мелик-Азарянцу, в 1900 г. было выплавлено 50 тыс., в 1904 г. – 68,4 тыс., а в 1907 г. – 94 тыс. пудов меди. Добыча медной руды на Алавердских рудниках в 1900 г. составляла 536,5 тыс. пудов, а в 1901 г. – 1 980 тыс. пудов. В течение 7 лет (с 1899 по 1905 г.) на Алавердских рудниках было добыто более 166 тыс. тонн руды с содержанием 4–5 % меди, то есть значительно больше, чем за предыдущие 50 лет, когда было добыто около 92 тыс. тонн руды. Шамлугский рудник также резко увеличил добычу, выдав в течение указанного периода около 9 тыс. тонн руды с содержанием до 10 % меди [1, с. 413].

Так, если в 1870 году в Армении функционировало 8 медеплавильных заводов, то в 1900 г. это число уменьшилось до шести. Среднегодовая выплавка меди одним заводом в 1870 г. составляла 1 700 пудов, а в 1900 г. – 11 918 пудов, то есть в 7 раз больше, чем в 1870 году. В течение двух последних десятилетий XIX в. медная промышленность Армении развивалась быстрее, чем медная промышленность всей Российской империи, в том числе и Южного Кавказа в целом. Так, если в 1900 г. по сравнению с 1880 годом выплавка меди во всем Закавказье увеличилась в 6,3 раза, то за этот же период выплавка меди в Армении возросла более чем в 13 раз [1, с. 412].

Несмотря на то, что вследствие создания Сюникского завода мелкие заводы Зангезура разорились, местные предприниматели, попав в руки состоятельного Мелик-Азарянца, спаслись от засилья

иностранный капитал. Сохранили и даже укрепили свои позиции Угурчайский и Галидзорский заводы. Угурчайский завод, принадлежащий братьям Кондуровым, производил в 1901 г. 8 709 пудов, в 1902 г. – 10 605 пудов, в 1903 г. – 13 706 пудов меди. Таким образом, к 1910 г. в Армении было произведено 278,2 тысячи, а в 1913 г. – 343 тысячи пудов меди.

В конце XIX века начался сильный приток иностранного капитала в горную промышленность России, в том числе и в медно-рудную промышленность Восточной Армении. В медной промышленности Армении видное место занимал французский капитал. Он появился еще в 60-х годах XIX в., когда французокоподданный Эрнст Пьеро купил у князей Меликовых за 150 тыс. рублей Ахталские серебряно-медные рудники и организовал «Компанию рудников Ахталы». Эта компания в 1887 г. приобрела все медные предприятия Алавердской группы – Алавердские и Шамлугские медные рудники и Лалварский медеплавильный завод. В 90-х годах XIX в. французская компания установила ватержакеты, один шлезифен, проложила рельсовые дороги на территории рудников и завода. «Компания Ахталы» затратила на ремонт оборудования и на новое строительство 5 миллионов франков. Однако из-за недостаточности капиталов она не могла завершить техническую реконструкцию завода и рудников. Обжиг руды и выплавка меди опять производились на древесном топливе. В 1896 г. заводская стоимость пуда меди равнялась 19 руб. 22 коп., а продажная цена составляла 14–15 руб. Для удешевления производства меди требовалось дальнейшее улучшение способов добычи руды и выплавки металла и проведение больших геологоразведочных работ.

В 1899 году Алавердские рудники и заводы перешли в руки нового монополистического объединения в лице «Кавказской промышленной и металлургической компании» [12, с. 207]. Это общество, располагая большими капиталами, широко развернуло новое строительство. Оно построило два медеплавильных завода: один наверху, при руднике, а другой в ущелье, близ полотна строящейся Карсской железной дороги. Несколько лет спустя рядом с тупиком была построена железнодорожная станция Алазди. Для перевозки медной руды из верхних рудников были возведены бремсберг (грузовой фуникулер) и канатная дорога. Новые медеплавильные заводы были введены в эксплуатацию в июле 1900 года. Пуск в 1900 г. новых заводов значительно увеличил выплавку меди: в том же году, несмотря на то, что новые заводы начали работать только с июля месяца, выплавка меди возросла до 19,7 тыс. пудов – это в 4 с лишним раза больше, чем в 1897 г. В следующем 1901 г. выплавка меди Алавердскими заводами достигла 59,8 тыс. пудов, что в 13 раз превышает показатели 1897 г.

Французские капиталисты начали реконструкцию старых заводов на современной основе, переводя производственные процессы на минеральное топливо и постепенно увеличивая выплавку. Они построили оборудованный новейшей техникой завод на Алавердской группе рудников под названием «Майес» и электростанцию на реке Дебед, благодаря чему с 1908 года французский капитал вышел на первое место в Закавказье по производству меди.

Бурное развитие медной промышленности в Восточной Армении продолжалось и в начале XX в. Только в течение одного года, в 1901 г., выплавка меди в Армении возросла против 1900 года на 70 % [8, с. 266].

В 1911 году, предвидя поражение в борьбе с иностранными конкурентами, Мелик-Азарянц продал свои предприятия в Зангезуре за 5 млн руб. французскому «КПМО». Братья Кундуровы сохранили за собой Угурчайский завод. Галидзорский частновладельческий завод, принадлежавший Мелик-Порсаданову, работал с перебоями.

В начале XX века значительная часть медной промышленности Зангезура тоже перешла в руки французских капиталистов «Кавказского промышленного и металлургического общества». В 1913 г. в общей продукции медной промышленности Армении доля иностранного капитала составляла 68,7 %, а местного капитала – 31,3 % [1, с. 435].

Среднегодовая производительность медеплавильных заводов, находившихся под контролем французского капитала, в 1912–1914 годах составляла 221 180 пудов чистой меди, тогда как Сисимаданский завод за тот же период произвел 1 192 пуда меди, а Угурчайский завод – 43 657 пудов меди. «Кавказское промышленное и металлургическое общество» получало от эксплуатации медеплавильных заводов огромные доходы.

В 1912 году при заводе «Манес» по примеру Кедабекского завода была построена электролизная фабрика, на которой были установлены 84 ванны для электролиза меди. При электролизном рафинировании меди выделялись шлаки, содержащие благородные металлы. Но специального оборудования для извлечения из шлака благородных металлов завод не имел.

С 1912 года до начала Первой мировой войны французская компания «КПМО» продавала этот драгоценный шлак, в частности в Гамбург. После начала войны царское правительство запретило вывоз за границу шлака, содержащего благородные металлы. Это вынудило руководство «КГМО» установить на заводе «Манес» специальное оборудование для извлечения из медного шлака золота и серебра. Накануне Первой мировой войны в руках этого монополистического объединения находились следующие медные рудники и медеплавильные заводы Армении: Алавердский, Шамлугский,

Манесский и Шагали-Эйларский – в Алавердском районе, Сюникский и Катарский – в Зангезурском районе.

Земли под заводские сооружения были приобретены этой компанией в большинстве случаев за бесценок обманым путем у местных жителей. Получая большие барыши от деятельности Алавердских предприятий, французские концессионеры еще более увеличивали свои доходы за счет жестокой эксплуатации рабочих путем уменьшения и без того ничтожной заработной платы, отмены всякого рода пособий, отмены оплаты за увечья на производстве, больничных, отпусков [7, с. 65].

Большую часть сбыта меди компании «КПМО» захватил торговый дом «Вогау». В 1901 году между «Вогау» и «КПМО» был заключен недолгосрочный договор, который затем несколько раз возобновлялся. По договору, «Вогау» фактически скупал всю производимую фирмой «КПМО» медь. Центральное управление «Кавказского промышленного и металлургического общества» находилось в Париже. Общество, внедряя новую технику, из года в год увеличивало выплавку меди.

Накануне Первой мировой войны на долю Армении приходилось 17 % всей производимой в царской России меди.

Алавердский завод был одним из первых предприятий в России, применившим бессемерование медных штейнов в конвертерах.

В 1900 г. из трех конвертеров постоянно работал один, а на двух других в это время производили набойку и сушку футеровки. Воздух к конвертерам подавался компрессором производительностью 85 м³/мин. при давлении 200 мм рт. ст.

На заводе «Пиритик А» общая мощность всех установленных электродвигателей в 1909 г. составляла 260 л. с., из них 160 л. с. потреблял электромотор, приводящий в движение центробежный вентилятор для подачи воздуха к шахтным печам.

На заводе «Манес» были переведены на электропривод три центробежных вентилятора шахтных печей, два турбокомпрессора для конвертеров и вентилятор рафинировочной печи. Суммарная мощность всех двигателей на заводе «Манес» в 1900 г. составляла около 600 л. с.

Ввиду большого спроса на электролитную медь и в целях более успешного сбыта продукции в 1912 г. на заводе «Манес» был построен электролитный цех с годовой производительностью 600 г электролитной меди [7, с. 83].

В результате развития горной промышленности увеличилось также число рабочих и сезонных работников, достигая до 6 тысяч человек. На Алавердских, Шамлугских и Ахталских рудниках, а также на заводах «Пиритик А» и «Манес» в 1912–1914 гг. работало около 2 800 человек. В последующие годы число рабочих несколько уменьшилось, однако было не ниже 2 500 человек [7, с. 90]. Производство меди указанными заводами в 1900 г. составило 67,9 тыс. пудов, в 1906 г. – 140,19 тыс. пудов [12, с. 207].

В последующие годы в медной промышленности России намечается общий подъем, охвативший и на медной промышленности Армении. Начало этого подъема в России относится к 1907 г., он был связан с крупной потребностью электропромышленности в меди.

Развитие медной промышленности в Армении было обусловлено большим спросом на медь со стороны развивающейся промышленности России. Производство меди в Армении представляло значительный удельный вес и в общем производстве меди в России, что видно из таблицы 1 [3, с. 217].

Продукция медной промышленности Армении в 1913 г. превысила уровень 1908 г. в 1,8 раза, а в 1900 г. – в 4,8 раза [10, л. 3]. Производство меди в 1915 г., к сожалению, не оправдало предположений медеплавильных заводов, и выплавка меди не достигла цифры предыдущего года, составив всего лишь 1 478 791 пудов 18 фунтов.

Такое сокращение следует приписать влиянию войны 1914 г., прекращению работ на Дзансультском заводе наследников Сименса, уменьшению количества рабочей силы и несвоевременной доставке топлива почти на всех ведущих производствах меди заводах [10, л. 28].

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. горнорудная промышленность Армении представляла собой довольно крупную отрасль промышленности, дававшую в среднем от 100 до 140 тысяч пудов меди в год. В начале XX века в Армении действовало шесть более или менее крупных медеплавильных заводов; из них один, и районе Алаверды, принадлежал «Кавказской промышленной и металлургической компании», а остальные четыре – местным капиталистам.

Накануне Первой мировой войны на долю Армении приходилось 17 % всей производимой в царской России меди [9, с. 8]. В начале XX в. в Армении действовало шесть более или менее крупных

Таблица 1

Производство меди (в тыс. пудов)	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
В России	1 026	1083,6	1385	1564	2062,7	2048,4
в том числе в Армении	189,3	266,7	272,4	260,4	316,5	337,4
Удельный вес производства Армении в общем производстве меди в России	18,5 %	24,6 %	19,7 %	17 %	15,35 %	16,6 %

медеплавильных заводов. Развитие капитализма в медной промышленности Армении привело не только к обновлению ее техники, но и к концентрации производства меди. В процессе капиталистической конкуренции мелкие предприниматели обанкротились и их предприятия перешли в руки крупных капиталистов. Постепенно число предприятий уменьшилось, а количество выплавленной меди увеличилось.

Библиографический список

1. *Адоңц М.А.* Экономическое развитие Восточной Армении в XIX в. – Ереван, 1957. – 560 с.
2. *Аргутинский-Долгоруков А.* История сооружения и эксплуатации Закавказской железной дороги за двадцать пять лет ее существования (1871–1896 гг.). – Тифлис, 1896. – 682 с.
3. *Брейтерман А.Д.* Медная промышленность России и мировой рынок. – Л., 1930. – Ч. 3. – 116 с.
4. *Кавказский календарь: 1898 г.* – Тифлис, 1897. – 567 с.
5. *Кавказский календарь на 1901 год.* – Тифлис, 1900. – 676 с.
6. *Конопка С.Р.* Кавказ: (Северный Кавказ и Закавказье). – Тифлис, 1914. – 588 с.
7. *Мелконян В.А.* Metallurgiya medi v Armenii. – Ереван, 1955. – 104 с.
8. *Наниташвили Н.Л.* Германский капитал в Закавказье. Деятельность фирмы «Сименс и Гальске», 1860–1917 гг. – Тбилиси, 1982. – 376 с.
9. *Парсамян В.А.* Революционное движение в Армении, 1905–1907 гг. – Ереван, 1955. – 86 с.
10. *Российский государственный исторический архив (РГИА РФ).* – Ф. 70. Акционерное общество «Медь» (по торговле медью и изделиями из нее). – Оп. 1. – Д. 1.
11. *Тамзарян Г.Г.* Восточно-армянская либерально-буржуазная мысль в 70–90-х годах XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. – Ереван, 1963. – 177 с.
12. *Туманян О.Е.* Экономическое развитие Армении / проф. О.Е. Туманян. – Ереван, 1956. – Ч. 1. – 371 с.

13. *Худадов В.Н.* Закавказье: Историко-экономический очерк. – М.; Л., 1926. – 208 с.

14. *Центральный государственный исторический архив Республики Грузия (ЦГИА ГР): Кавказское горное управление (1859–1912).* – Оп. 1. – Д. 5628.

References

1. *Adonc M.A.* Ekonomicheskoe razvitie Vostochnoj Armenii v XIX v. – Erevan, 1957. – 560 s.
2. *Argutinskij-Dolgorukov A.* Istoriya sooruzheniya i ehkspluatcii Zakavkazskoj zheleznoj dorogi za dvadcat' pyat' let ee sushchestvovaniya (1871–1896 gg.). – Tiflis, 1896. – 682 s.
3. *Brejterman A.D.* Mednaya promyshlennost' Rossii i mirovoj rynok. – L., 1930. – CH. 3. – 116 s.
4. *Kavkazskij kalendar': 1898 g.* – Tiflis, 1897. – 567 s.
5. *Kavkazskij kalendar' na 1901 god.* – Tiflis, 1900. – 676 s.
6. *Konopka S.R.* Kavkaz: (Severnyj Kavkaz i Zakavkaz'e). – Tiflis, 1914. – 588 s.
7. *Melkonyan V.A.* Metallurgiya medi v Armenii. – Erevan, 1955. – 104 s.
8. *Nanitashvili N.L.* Germanskij kapital v Zakavkaz'e. Deyatel'nost' firmy «Simens i Gal'ske», 1860–1917 gg. – Tbilisi, 1982. – 376 s.
9. *Parsamyan V.A.* Revolyucionnoe dvizhenie v Armenii, 1905–1907 gg. – Erevan, 1955. – 86 s.
10. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA RF).* – F. 70. Akcionernoe obshchestvo «Med'» (po trgovle med'yu i izdeliyami iz nee). – Op. 1. – D. 1.
11. *Tamzaryan G.G.* Vostochno-armyanskaya liberal'no-burzhuaznaya mysl' v 70–90-h godah XIX v.: dis. ... kand. ist. nauk. – Erevan, 1963. – 177 s.
12. *Tumanyan O.E.* Ekonomicheskoe razvitie Armenii / prof. O.E. Tumanyan. – Erevan, 1956. – CH. 1. – 371 s.
13. *Hudadov V.N.* Zakavkaz'e: Istoriko-ehkonomicheskij ocherk. – M.; L., 1926. – 208 s.
14. *Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Respubliki Gruziya (CGIA GR): Kavkazskoe gornoe upravlenie (1859–1912).* – Op. 1. – D. 5628.

ОГНЕВАЯ ПОДГОТОВКА НИЖНИХ ЧИНОВ В ЗАПАСНЫХ ЧАСТЯХ ОМСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Гарантом суверенитета любого государства является сильная армия. Боеготовность вооруженных сил во многом определяется уровнем подготовки их личного состава. В статье реконструируется процесс огневой (стрелковой) подготовки нижних воинских чинов в сибирских запасных стрелковых бригадах, на примере воинских частей Омского военного округа. Автор анализирует основные этапы огневой подготовки нижних чинов. В работе на основе широкой источниковой базы реконструирована последовательность огневой подготовки нижних воинских чинов – от ознакомления со стрелковым оружием до проведения учебных стрельб боевыми патронами с элементами тактической подготовки в составе подразделений. На основе делопроизводственных документов запасных воинских частей Омского военного округа автор делает вывод о качестве огневой подготовки рядового солдатского состава.

Ключевые слова: Первая мировая война, Омский военный округ (ОмВО), огневая подготовка, стрельба, нижние чины, запасные части, военно-обученный резерв.

К началу Первой мировой войны численность русской армии составляла 1 млн 423 тыс. чел. [5, с. 75]. В ходе мобилизационного развертывания к началу 1915 г. русская армия возросла до 5 млн чел. [6, с. 10]. К весне 1915 г. был израсходован весь подготовленный в мирное время военно-обученный резерв. Все более возрастающие потери русской армии, а также увеличение численности неприятельских войск потребовали от российского руководства и армейского командования решения проблем, связанных с пополнением действующей армии подготовленными резервами. Для решения этой задачи в военных округах России были развернуты запасные и учебные воинские формирования. На территории ОмВО в августе – сентябре 1914 г. были развернуты две запасные стрелковые бригады. 3-я Сибирская стрелковая запасная бригада была развернута в г. Омске, 4-я Сибирская стрелковая запасная бригада – в Новониколаевске. В 1916 г. в Томске была развернута 5-я Сибирская стрелковая запасная бригада [12, с. 413]. В годы Первой мировой войны сибирские запасные воинские формирования готовили военно-обученный резерв для действующей армии.

Основная масса военнослужащих, проходивших подготовку в западно-сибирских воинских частях, обучалась по военно-учетной специальности стрелка. В условиях военного времени программа подготовки нижних чинов была сокращена и носила сугубо практический характер [8, с. 33]. Отличительной особенностью военной подготовки в русской армии была направленность на индивидуальное обучение военнослужащих. Требовалось готовить солдат, способных действовать на поле боя не только в составе подразделений, но и в первую очередь самостоятельно – в качестве одиночных бойцов [15, с. 15].

Важнейшей составляющей индивидуального обучения стрелка была огневая подготовка. В рамках огневой подготовки военнослужащие обучались стрельбе и обращению с оружием. Основная цель обучения стрельбе – подготовка тол-

кового, меткого и дисциплинированного стрелка, способного вести огонь не только в составе части под управлением начальника, но и при отсутствии такого управления [10, с. 61]. Обученный стрелок, прошедший курс подготовки в запасных частях, должен был уметь вести действительный ружейный огонь. Под действительностью огня понималось нанесение противнику возможно больших потерь в максимально короткие сроки [10, с. 15]. Для выполнения этой задачи стрелку было необходимо: 1) вести одиночный огонь со скоростью, соответствующей важности избранной цели; 2) прекращать огонь при исчезновении или уничтожении цели; 3) переводить огонь на другие, более важные цели в определенный промежуток времени; 4) уметь использовать все преимущества местности. В соответствии с Наставлением для действий пехоты в бою эти навыки входили в понятие дисциплины огня [11].

Обучение стрельбе в запасных частях подразделялось на два больших этапа: начальное обучение и учебная стрельба.

Начальное обучение подразделялось на подготовительные к стрельбе занятия и начальные упражнения в стрельбе [10, с. 63]. На подготовительных занятиях личному составу запасных частей предстояло ознакомиться с устройством и способами сбережения винтовки, с правилами стрельбы и свойствами ружейного выстрела [10, с. 64]. Нижние чины отрабатывали действия и приемы, необходимые для стрельбы. Для ознакомления солдат с устройством винтовки использовались различные учебные наглядные пособия и плакаты, а также учебные винтовки в полуразобранном состоянии. Они закреплялись на специальных станках, представлявших собой деревянную либо металлическую раму, прочно фиксирующую винтовку в одном конкретном положении. При этом офицер рассказывал про все основные составные части винтовки, объяснял и наглядно показывал их работу при стрельбе [10, с. 66]. На подготовительных занятиях солдаты обучались навыкам прице-

ливания из винтовки, закрепленной на станке перед зеркалом. При этом обучающий офицер, объясняя рядовым основные принципы прицеливания, пояснял, что необходимо учитывать расстояние до цели при правильной установке прицельного хомутика винтовки [10, с. 68–71]. Сразу после этого личный состав отрабатывал навык плавного спуска курка на учебной винтовке со станка [13, с. 5].

На данном этапе огневой подготовки обучающий офицер производил выстрел боевым патроном из боевой винтовки, прикрепленной к станку. Этот прием позволял офицерам наглядно показать, а рядовым – усвоить такие понятия, как выстрел, траектория полета пули, точка прицеливания, линия полета пули, кучность и точность стрельбы и т. д. [10, с. 1–4].

По завершению начального обучения личный состав запасных частей переходил к начальным упражнениям в стрельбе. Они производились боеприпасами различных типов. Для начальных упражнений проводилась стрельба как обычными боевыми патронами, так и другими, менее мощными боеприпасами. Как правило, в качестве таковых использовали дробинки и патроны с уменьшенным зарядом [7, л. 242]. Стрельба подобными боеприпасами часто практиковалась в запасных частях Омского военного округа. Так, в 38-м Сибирском стрелковом запасном полку 2 июля 1916 г. на стрельбище была выведена 14-я стрелковая рота для стрельбы патронами с уменьшенным зарядом по 6 боеприпасов на каждого солдата [1, л. 2]. Это позволяло экономить порох и металлы для изготовления подобных патронов, а также уменьшало износ оружия. Обычный боевой патрон имел более массивную пулю и больший заряд пороха, что при выстреле, в свою очередь, оказывало сильное воздействие на ствол, затворную группу и другие составные элементы винтовки. Использование подобных патронов также позволяло экономить ресурс боевого и учебного оружия. Для стрельбы этими боеприпасами не требовалось выполнения всех мер техники безопасности. Так, стрельбу дробинками из учебных винтовок можно было организовать даже в казарме, а патронами с уменьшенным зарядом – на небольших полигонах без специальных мер безопасности [10, с. 98–99]. Это было выгодно и с той точки зрения, что в связи с погодными условиями и временем года не всегда имелась возможность организовать стрельбу боевыми патронами. Вместе с тем стоит отметить, что, несмотря на преимущества, данные боеприпасы не могли заменить в обучении настоящие боевые патроны, поэтому они использовались лишь на одном из этапов подготовки стрелков.

Для ведения действительного огня стрелку было необходимо знать наиболее точное расстояние до цели. Для этого использовались специальные измерительные приборы – дальномеры. Как правило, они имели в своей конструкции оп-

тические линзы. Их использовали специально обученные нижние чины, которые находились при взводном или ротном командирах. Однако в условиях реального боя не всегда имелась возможность применения этих приборов, поэтому дальномерщики обучались навыку измерения расстояния на глаз – глазомеру. В нужный момент дальномерщики были обязаны сообщать взводному или ротному командирам точное расстояние до цели, которое впоследствии сообщалось всем стрелкам подразделения [10, с. 105]. Это было необходимо для установки прицела на нужную высоту. Всю необходимую информацию о расстоянии до цели и правильном положении прицела своему подразделению сообщал командир. Однако стрелки обучались навыку ведения индивидуального огня на поле боя. Для этого каждого стрелка учили самостоятельно определять расстояние до цели на глаз. В соответствии с требованиями, каждый нижний чин стрелковой специальности должен был уметь определять расстояние до 800 шагов [10, с. 107]. В запасных частях ОмВО тренировке глазомера уделяли необходимое внимание. При этом командование зачастую не ограничивалось минимальными требованиями наставлений. Так, в полках по приказанию командира 5-й Сибирской стрелковой запасной бригады офицеров и нижних чинов каждую неделю тренировали глазомерному определению расстояния. При этом требовалось, чтобы весь личный состав умел определять расстояние до цели, в пределах от 100 до 3000 шагов [1, л. 65].

Такой же подход использовали и при подготовке специальных наблюдателей, в задачи которых входило наблюдение за полем боя. Они были необходимы для выявления возможных целей, наблюдения за полетом пуль и др. Наблюдатели помогали офицерам пристреливать местность и отслеживать перемещение целей на поле боя [10, с. 26–28]. Зачастую функции наблюдателей могли выполнять те же дальномерщики. Но при этом каждый стрелок должен был уметь самостоятельно наблюдать за полем боя, отслеживать вражеские цели, корректировать свой огонь и следить за обстановкой. Как правило, обучение наблюдению за полем боя проходило вместе с тренировкой глазомера.

После прохождения курса начального обучения стрелкам предстояло пройти курс учебной стрельбы. Ее целью служила подготовка военнослужащих к ведению огня в условиях боевой обстановки [10, с. 113]. Она подразделялась на учебную одиночную стрельбу и учебную стрельбу частями. Одиночная стрельба была предназначена для обучения нижних чинов, а стрельба частями – для оттачивания навыков управления огнем стрелковых подразделений у взводных и ротных командиров.

Как правило, к учебным стрельбам допускались только те нижние чины, которые уже имели навык обращения с оружием, умели наблюдать за полем боя и определять расстояние до цели, а также стре-

лявшие боевыми патронами [10, с. 113]. В учебной одиночной стрельбе имелись две фазы подготовки: одиночная подготовительная и одиночная боевая стрельба. Подготовительная стрельба тренировала у нижних чинов навык производства самостоятельного меткого и скорого огня по нужным целям. Всего по уставным нормативам было 22 упражнения для одиночной подготовительной стрельбы, предназначенных для подготовки строевых военнослужащих различных родов сухопутных войск. Все эти упражнения различались видами мишеней, по которым должен производиться огонь, положением стрелка при стрельбе (в основном стоя и лежа), условиями производства выстрела (по команде либо без нее), а также способами заряжания винтовки [10, с. 116–121]. На данном этапе обучения нижние чины отрабатывали навыки перевода огня с одной цели на другую, перебежки между укрытиями, а также стрельбы по неподвижным, появляющимся и движущимся целям [10, с. 128–129].

В процессе обучения весь личный состав запасных частей ОмВО обязательно проходил данный этап огневой подготовки. Так, 14 июля 1916 г. 12-я, 14-я и 16-я роты 38-го Сибирского стрелкового запасного полка были выведены на стрельбище за ст. «Томск II» для выполнения 1-го и 2-го упражнений одиночной подготовительной стрельбы [1, л. 60]. 17 мая 1915 г. командир 23-го Сибирского стрелкового запасного батальона отдал приказ командирам 1-й, 3–12-й, 15-й и 18-й рот пройти 7-е упражнение одиночной подготовительной стрельбы с нижними чинами, прибывшими в батальон в период с 17 по 28 апреля. Таким образом, военнослужащие прошли курс начального обучения огневой подготовки в срок менее месяца, после чего начали проходить курс одиночной подготовительной стрельбы [3, л. 17].

Одиночной боевой стрельбой завершалась одиночная подготовка рядового к производству меткого и скорого выстрела. Нижние чины получали навыки стрельбы в условиях самостоятельного действия при отсутствии управления со стороны начальника. На данном этапе подготовки военнослужащие отрабатывали навык применения к местности для увеличения действительности огня [10, с. 130]. Всего имелось 15 упражнений одиночной боевой стрельбы. Все они различались теми же условиями, что и упражнения одиночной подготовительной стрельбы. В целом они позволяли отрабатывать тактические действия рядовых на поле боя [10, с. 132–137]. Стоит также отметить, что командирам запасных частей было предоставлено право самостоятельного выбора упражнений для подготовки личного состава.

Стрельба боевыми патронами производилась на стрелковых полигонах, где имелась возможность выполнения всех мер техники безопасности. Перед проведением стрельб из состава военнослужащих выделялись специальные команды для оце-

пления полигона и установки мишеней [3, л. 17]. Зачастую после проведения стрельб выделенные из личного состава солдаты под командованием одного или нескольких офицеров подбирали отстрелянные гильзы и пули и складывали их в специальные цинковые ящики [1, л. 60].

От обучения стрельбе освобождались: денщики, полковые писари и фельдшеры [10, с. 63]. Все остальные военнослужащие были обязаны проходить огневую подготовку. В запасных частях обучали стрельбе и нестроевых военнослужащих [4, л. 17]. Анализ делопроизводственных документов запасных частей ОмВО позволяет сделать вывод, что командование сибирских запасных стрелковых бригад не допускало отправки в действующую армию военнослужащих, не прошедших курс огневой подготовки. [4, л. 12, 50].

Следует отметить, что в условиях военного времени качество подготовки солдат могло в значительной степени варьироваться. Запасные части тыловых военных округов отправляли пополнения на фронт в зависимости от его потребности. Поражения и неудачи действующей армии всегда увеличивали необходимость пополнения ее резервами. В подобных условиях запасные части вынуждены были упрощать программы подготовки и сокращать сроки обучения маршевых пополнений. Так, в сентябре 1915 г. командующий войсками ОмВО генерал Н.А. Сухомлинов приказал начальнику 4-й Сибирской стрелковой запасной бригады отправлять в действующую армию в течение сентября – ноября по 100 маршевых рот общей численностью в 75 тыс. человек, а в каждый последующий месяц – по 15,5 тыс. (62 маршевые роты) [14, с. 190]. В связи с изменяющейся потребностью действующей армии в пополнениях сроки подготовки личного состава варьировались от трех недель до пяти месяцев [9, с. 290].

Это негативно сказывалось на качестве огневой подготовки нижних чинов в целом. Об уровне огневой подготовки рядовых в запасных частях ОмВО свидетельствуют документы. Так, в июле 1916 г. командующий войсками ОмВО генерал Н.А. Сухомлинов посетил 27-й Сибирский стрелковый запасной полк. По результатам своей проверки он сделал вывод о том, что в 14-й роте «навodka со станка и проверка прицеливания в зеркало довольно правильная, с применением последних указаний...» [1, л. 78]. При осмотре 73–75-й и 76-й маршевых рот в действующей армии, прибывших в декабре 1916 г. из 38-го Сибирского стрелкового запасного полка, было уставлено, что личный состав имел срок подготовки в 3–4 месяца и успел пройти курс начального обучения с шестью стрельбами патронами с уменьшенным зарядом, а также тремя одиночными подготовительными стрельбами и одну одиночную боевую стрельбу [2, л. 48]. Прибывшая в ноябре 1916 г. из того же полка 77-я маршевая рота имела 3-месячный курс обучения, и ее личный со-

став прошел четыре одиночных подготовительных и четыре одиночных боевых стрельб [2, л. 78]. Прибывшая из того же 38-го Сибирского стрелкового запасного полка в действующую армию в декабре 1916 г. 72-я маршевая рота имела 9-недельный курс боевой подготовки и успела пройти три упражнения одиночной подготовительной стрельбы и два – одиночной боевой стрельбы [2, л. 86].

Таким образом, огневой подготовке нижних чинов в запасных частях ОмВО в годы Первой мировой войны придавалось исключительно большое значение. Ее прохождение было обязательно для всего личного состава, за исключением незначительного числа военнослужащих. Огневая подготовка характеризовалась последовательностью и дифференцированностью. В процессе огневой подготовки военнослужащие обучались определению расстояния до цели, ведению индивидуального огня и стрельбе в составе подразделения. По прибытии в действующую армию военнослужащие маршевых рот проверялись по всем предметам военного обучения.

Библиографический список

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). – Ф. Д-132. – Оп. 1. – Д. 12.
2. ГАНО. – Ф. Д-132. – Оп. 1. – Д. 35.
3. ГАНО. – Ф. Д-134. – Оп. 1. – Д. 7.
4. ГАНО. – Ф. Д-134. – Оп. 1. – Д. 2.
5. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне: в 2 т. – Париж, 1939. – Т. 1. – 213 с.
6. Западная Сибирь в мировых войнах XX века: монография: в 2 кн. / Ю.П. Горелов, О.В. Гусева, И.А. Еремин и др. – Барнаул: Алтайский Дом печати, 2014. – Кн. 1: Западная Сибирь в Первой мировой войне. – 238 с.
7. Исторический архив Омской области (ИАОО). – Ф. 333. – Оп. 1. – Д. 2.
8. Коняев Р.В. Подготовка нижних чинов для русской армии в Омском военном округе в годы Первой мировой войны // Мир Евразии. – 2016. – № 3 (34). – С. 32–37.
9. Коняев Р.В. Сроки подготовки маршевых подразделений в запасных частях Омского военного округа в годы Первой мировой войны // Алтайский архивист. – 2016. – № 1 (24). – С. 289–291.
10. Наставление для стрельбы из винтовок, карабинов и револьверов. – Пг.: Изд-во тов-ва В.А. Березовский, 1916. – 384 с.
11. Наставление для действий пехоты в бою 1914 г. Ст. 74 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bergenschild.ru/Reconstruction/archive/pehota_v_boyu/pehota_v_boyu_03.htm (дата обращения: 09.09.2017 г.).
12. Новиков П.А. Омский военный округ в годы Первой мировой войны // Иркутский историко-экономический ежегодник. – Иркутск: БГУЭП, 2014. – С. 411–416.

13. Приказ по военному ведомству № 589 от 31 октября 1915 г. // Наставление для стрельбы из винтовок, карабинов и револьверов. – Пг.: Изд-во тов-ва В.А. Березовский, 1916. – С. 3–5.

14. Сибирский военный округ: Первые страницы истории (1865–1917) / В.А. Копылов, В.П. Милухин, Ю.А. Фабрика. – Новосибирск, 1995. – 266 с.

15. Ульянов И.Э., Леонов О.Г. Регулярная пехота 1855–1918: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. – М.: АСТ-ЛТД, 1998. – 288 с. – (История российских войск).

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti (GANO). – F. D-132. – Op. 1. – D. 12.
2. GANO. – F. D-132. – Op. 1. – D. 35.
3. GANO. – F. D-134. – Op. 1. – D. 7.
4. GANO. – F. D-134. – Op. 1. – D. 2.
5. Golovin N.N. Voennye usiliya Rossii v mirovoj vojne: v 2 t. – Parizh, 1939. – T. 1. – 213 s.
6. Zapadnaya Sibir' v mirovyh vojnah HKH veka: monografiya: v 2 kn. / YU.P. Gorelov, O.V. Guseva, I.A. Eremin i dr. – Barnaul: Altajskij Dom pečati, 2014. – Kn. 1: Zapadnaya Sibir' v Pervoj mirovoj vojne. – 238 s.
7. Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti (IAOO). – F. 333. – Op. 1. – D. 2.
8. Konyaev R.V. Podgotovka nizhnih činov dlya russkoj armii v Omskom voennom okruge v gody Pervoj mirovoj vojny // Mir Evrazii. – 2016. – № 3 (34). – S. 32–37.
9. Konyaev R.V. Sroki podgotovki marshevyh podrazdelenij v zapasnyh chastyah Omskogo voennogo okruga v gody Pervoj mirovoj vojny // Altajskij arhivist. – 2016. – № 1 (24). – S. 289–291.
10. Nastavlenie dlya strel'by iz vintovok, karabinov i revol'verov. – Pg.: Izd-vo tov-va V.A. Berезovskij, 1916. – 384 s.
11. Nastavlenie dlya dejstvij pekhoty v boju 1914 g. St. 74 [EHlektronnyj resurs]. – URL: http://bergenschild.ru/Reconstruction/archive/pehota_v_boyu/pehota_v_boyu_03.htm (data obrashcheniya: 9 sentyabrya 2017 g.).
12. Novikov P.A. Omskij voennyj okrug v gody Pervoj mirovoj vojny // Irkutskij istoriko-ehkonomicheskij ezhegodnik. – Irkutsk: BGUEHP, 2014. – S. 411–416.
13. Prikaz po voennomu vedomstvu № 589 ot 31 oktyabrya 1915 g. // Nastavlenie dlya strel'by iz vintovok, karabinov i revol'verov. – Pg.: Izd-vo tov-va V.A. Berезovskij, 1916. – S. 3–5.
14. Sibirskij voennyj okrug: Pervye stranicy istorii (1865–1917) / V.A. Kopylov, V.P. Milyuhin, YU.A. Fabrika. – Novosibirsk, 1995. – 266 s.
15. Ul'yanov I.E.H., Leonov O.G. Reguljarnaya pekhota 1855–1918: Boevaya letopis', organizaciya, obmundirovanie, vooruzhenie, snaryazhenie. – M.: AST-LTD, 1998. – 288 s. – (Istoriya rossijskih vojsk).

ОТ ЧЕГО БОЛЕЛИ И ЧЕМ СТРАДАЛИ СТУДЕНТЫ ИМПЕРАТОРСКОГО ВАРШАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В НАЧАЛЕ XX В.

История повседневности – направление, которое скоро уже сможет отметить полувековой юбилей в российской научной традиции в целом и применительно к истории студенчества в частности, – по-прежнему всё ещё отстаивает право быть признанным в качестве одного из подходов к изучению прошлого. Статья посвящена одному из проявлений феномена студенческой повседневной жизни.

Студенческие самопереписи, дневники и воспоминания – традиционный набор источников, на основании анализа которых реконструируется студенческая повседневность. В статье обобщен новый материал по исследуемой теме, в научный оборот вводятся обнаруженные автором архивные материалы – свидетельства о болезни, предоставлявшиеся студентами Императорского Варшавского университета в качестве оправдания пропуска ими занятий.

Анализ этих источников позволил автору реконструировать одну из сфер студенческой повседневности – студенческое нездоровье, снабдив вопрос о студенческом здоровье примерами заболеваний и врачебными диагнозами.

Ключевые слова: история повседневности, российская история, история студенчества, Императорский Варшавский университет, история XX в., история медицины, здравоохранение.

История студенческой повседневности сегодня всё ещё может считаться новым подходом к изучению дореволюционного студенчества. Ряд авторов подвергали анализу различные стороны студенческой повседневности. Так, к примеру, А.Е. Иванов и П.В. Гришунин предпринимали попытку комплексного анализа этого феномена [3; 7], Д.А. Цыганков изучал студентов в пространстве города [13], И.В. Зимин анализировал трансформацию внешнего вида студентов [4]. Данная статья в продолжение изучения студенческой повседневности посвящена вопросу студенческого здоровья.

«Польский вопрос» – вот одна из первых ассоциаций, возникающих при упоминании истории существования царства Польского в составе Российской империи, история Императорского Варшавского университета не будет исключением из этой традиции. Многими авторами как из числа современников описываемых событий (например, см.: [2; 5]), так и среди исследователей других эпох предпринимались попытки реконструировать различные подходы к решению «польского вопроса» (например, см.: [6]).

А.Е. Иванов, основываясь на результатах студенческих самопереписей, пишет, что «в конце XIX – начале XX в. неблагополучие со здоровьем испытывали от 33 до 50 % студентов» [7, с. 331]. Он выделяет 3 вида заболеваний: в связи с кишечником, простудных и венерических – и отмечает вред для здоровья от спиртных напитков, отмечая, что «медицинское обслуживание студентов безвозмездно осуществляли врачи высших учебных заведений, амбулаторно и на дому» [7, с. 333]. Последнему утверждению противоречат выводы «Общества для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского университета». Если в 1875 г. врач М.М. Воинов в глазной лечебнице и оказывал бесплатную помощь студентам, то после его смерти в том же году местом осуществления

бесплатной помощи студентам стала единственная кровать в Мясницком отделении больницы, устроенной К.К. Шильдбахом, и электролечебница А.И. Алмазова [8, с. 4]. Однако такой помощи было явно недостаточно, потому что уже в 1875 г. в счет лечения студентов в Екатерининскую больницу было внесено 19 р. 80 к. В 1875 г. 64 студента получили билеты на бесплатные и удешевленные лекарства [8, с. 4], в 1876 г. – только 16 студентов [9, с. 12].

Как видно из таблицы 1 (см.: [8]), с 1877 до 1896 гг. «Общество для пособия нуждающимся студентам» исправно выделяло деньги на лечение студентов.

Таблица 1
Деньги, потраченные «Обществом для пособия нуждающимся студентам» на лечение студентов

Год	Сумма
1877 г.	111 р. 60 к.
1878 г.	57 р. 20 к.
1879 г.	26 р. 40 к.
1880 г.	125 р. 40 к.
1882 г.	37 р. 40 к.
1884 г.	92 р. 40 к.
1886 г.	140 р. 80 к.
1887 г.	нет данных
1888 г.	391 р. 60 к.
1889 г.	349 р. 80 к.
1890 г.	248 р. 60 к.
1891 г.	490 р. 60 к.
1892 г.	582 р. 20 к.
1893 г.	358 р. 60 к.
1894 г.	572 р. 40 к.
1895 г.	303 р. 60 к.
1896 г.	189 р. 20 к.

Из «Половой переписи» 1904 г. доцента М.А. Членова можно узнать о состоянии здоровья московских студентов. На вопрос об общем состоянии здоровья удовлетворительно оценили его 63,8 % опрошенных. Остальные жаловались на болезни: туберкулезом болели 1,2 % студентов, от желудочно-кишечного катара страдали 6,8 %, на заболевания других внутренних органов жаловались 3,5 % учащихся. Неврастению у себя нашли 16,8 % опрошенных, истерию 0,4 %, от других заболеваний нервной системы страдали 5,5 % студентов, а с анатомическими аномалиями половых органов вынуждены были мириться 2 %. [14, с. 30]. Как видно, 40 % студентов считали себя подверженными тем или иным серьезным заболеваниям, так что врачебная помощь, получаемая ими в том или ином виде, в самом деле была востребована. Согласно тем же опросам, 50,7 % студентов курили [14, с. 30], причем 70 % из них указывали, что курить они начали от 15 до 20 лет. Неизвестно, поступление ли в Московский университет имело для них столь роковые последствия, однако курящие студенты были нормой не только в 1903 г., но и в 1859 г. Правда, именно с 1859 г. курение в зданиях университета было запрещено. Однако вовсе не вследствие заботы о здоровье студентов, а из-за беспокойства о состоянии пациентов университетских клиник, страдавших от табачного дыма. Запрет на курение не позволял правлению университета «никакого со своей стороны распоряжения об устройстве особых курительных комнат для студентов» [12, л. 4]. Судя по архивным материалам, открытия подобных комнат студенты не дождались и к 1904 г.

Итак, студенческие самопереписи, а также исследования, подобные труду М.А. Членова, становятся источниками реконструкции истории болезней в студенческой среде. Подобная источниковая ситуация типична в отношении студентов всех Императорских университетов. В этом свете особый интерес для изучения данной темы представляют собранные в фонде Варшавского университета

свидетельства о болезни, которые предъявлялись студентами, по всей видимости, в качестве уважительной причины для пропуска занятий.

В начале XX века число студентов Императорского Варшавского университета увеличилось почти от тысячи до двух с половиной тысяч человек. На фоне таких величин число заболевших студентов, уведомлявших о своей болезни университет, составляет незначительный процент (рис. 1; всего за 1903–1914 гг. 129 студентов подали свидетельства о болезни).

Как видно из графика, пик оповещений о болезнях студентов пришёлся на 1904 г., в другие годы от студентов поступило в среднем 10–15 свидетельств. В архивном деле, где эти свидетельства лежали вместе с другими бумагами, имеющими отношение к университетской администрации, кипа этих свидетельств не имела, казалось, точно очерченного начала или конца. Десять свидетельств датировались концом XIX века (1893 и 1894 гг.) [1, л. 1–4, 6, 9, 14, 17, 20, 31], остальные 129 приходились уже на разные годы XX века.

Все свидетельства роднит между собой только то, что выдавались они врачами, зачастую это были записи о болезнях, успешно завершившихся выздоровлением студента, в редких случаях студент всё ещё был болен и в свидетельстве указывалось на необходимость длительного лечения. На соседних листах сосуществовали сильный понос, неврастения и ревматизм (и, судя по всему, были в равной степени основанием для пропуска занятий). От одной и той же инфлуенции студенты «болели» и «страдали»; в редких случаях название заболевания указывали только на латыни, в основном это были русскоязычные названия. В четырёх случаях в качестве основания для пропуска была указана болезнь не студента, а близкого родственника, о котором необходимо было заботиться.

Согласно правилам для студентов, по крайней мере с 1860 г. подпись студенческого врача была основанием для освобождения студента от экзамена по болезни [11, л. 1]. Правила для студентов

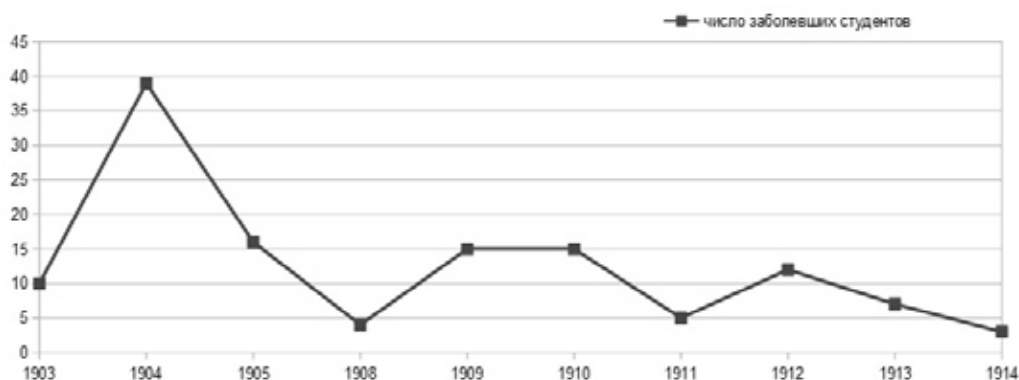

Рис. 1. Число заболевших студентов Императорского Варшавского университета (начало XX в.)

Заболевания студентов Императорского Варшавского университета За 1903–1914 гг. (типология)

Типы заболеваний	Поставленные диагнозы	Число заболевших студентов
<i>Болезни органов дыхательной системы</i>	ангина	1
	ангина (острая) и катар глотки	1
	бронхит (острый)	1
	бронхит (хронический)	2
	бронхит лёгких	1
	верхушечный катар (хронический)	1
	воспаление миндалевидных желёз, ангина	1
	воспаление обоих лёгких	1
	воспаление пазух дыхательных путей	1
	воспаление плевры правой половины груди	1
	катар лёгких (острый)	1
	катар правой верхушки (острый)	1
	катаральное воспаление лёгких	1
	левосторонний плеврит	1
	лёгочная болезнь	1
	правосторонний экссудативный плеврит	2
	припадки грудной жабы	1
	скарлатина	1
	сухой плеврит	1
	сухой правосторонний плеврит	1
туберкулёз левого лёгкого	1	
<i>Заболевания внутренних органов</i>	воспаление слепой кишки	2
	воспаление мочевого пузыря (острое)	1
	воспаление почек	2
	желудочный плеврит	1
	заболевание почек (острое)	1
	катар (хронический)	1
	катар желудка и кишок (острый)	1
	катар желудочно-кишечного тракта	1
	катаральное воспаление кишок	1
	катаральное воспаление мочевого пузыря	1
	энтерит (сильный)	1
	геморрой (острый)	1
	анемия, головокружение, сердцебиение, одышка при ходьбе	1
	<i>Заболевания опорно-двигательного аппарата</i>	воспаление вены левой голени
воспаление коленного сустава		1
растяжение стяжки коленного сустава правой ноги		1
растяжение связки голеностопного сочленения		1
ревматизм		2
ревматизм левого коленного сустава (острый)		1
ревматизм суставов (острый)		1
сочлененный ревматизм (острый)		3
суставной ревматизм (острый)		4
суставный ревматизм		2
суставный ревматизм и катар горла		1

Типы заболеваний	Поставленные диагнозы	Число заболевших студентов
<i>Заболевания нервной системы</i>	«хотя в состоянии здоровья есть улучшение, но для окончательно-го здоровья нуждается в длительном отдыхе»	1
	истеро-неврастения (тяжёлый приступ)	1
	неврастения	2
	неврастения (резко выраженная)	2
	неврастения (тяжёлая форма)	2
	неврастения и желудочно-кишечный катар	1
	неврастения и малокровие (сильное)	1
	нервное ослабление	1
	раздражительность нервной системы и общая слабость организма	1
	невралгия (в сильной степени)	1
	невралгия седалищного нерва	1
<i>Инфекционные заболевания</i>	брюшной тиф	7
	брюшной тиф (тяжёлая форма)	1
	грипп	2
	грипп (2,5 недели)	1
	грипп (инфлюенция), лихорадка и кашель	1
	грипп (лёгкая форма)	1
	грипп (осложнившийся бронхитом)	2
	грипп (тяжёлая форма)	2
	грипп и правосторонний плеврит	1
	инфлуенция (грипп)	11
	инфлуенция (грипп), с осложнением в лёгких	7
	инфлуенция (грипп), осложнённая бронхитом и катаром лёгких	1
	инфлуенция (грипп), осложнённая бронхитом и ревматизмом суставов	1
	инфлуенция (грипп), осложнённая плевритом и бронхитом	1
	инфлуенция, осложнённая невралгией и бронхитом	1
	инфлюенция (лихорадка, головная боль и сильный кашель)	2
	инфлюенция и бронхит	1
	малярия	1
	малярия (злокачественная форма)	1
	тиф	1
тиф, левосторонний плеврит, флотит	1	
дизентерия	1	
дизентерия (тяжёлая форма)	1	
<i>Иное</i>	вследствие присутствия опухоли в половой сфере	1
	герпетическое воспаление века	1
	накожная болезнь (хроническая)	1
	флегмонозное воспаление подкожной клетчатки левой руки	1
	autrax capiti	1
	экзема ноги	1
<i>Забота о родственниках</i>	забота о больной жене	1
	забота о больном отце	2
	в виду серьёзной болезни матери (психоз)	1

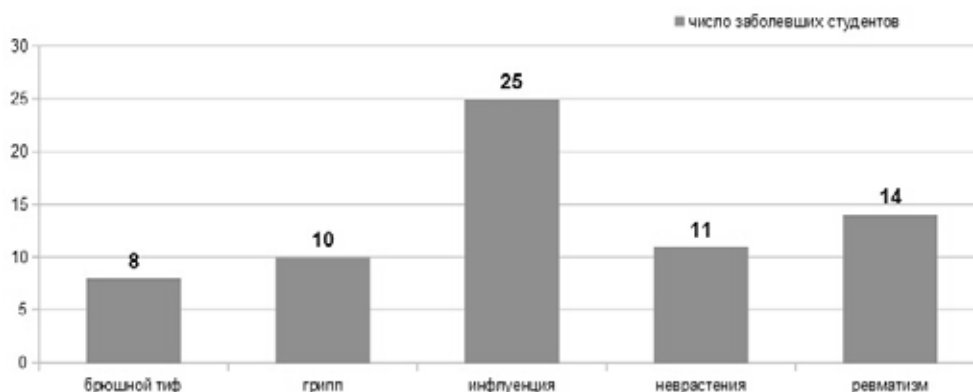

Рис. 2. Заболевания, которым в большей степени были подвержены студенты Императорского Варшавского университета

с 1864 г. давали возможность бесплатной медицинской помощи студентам (у университетского врача), стипендиатам также бесплатно выдавались необходимые лекарства [10, с. 25–26], однако о практике освобождения студентов от занятий в случае болезни в правилах не сказано.

Реакции от университетской администрации на подаваемые свидетельства от студентов Императорского Варшавского университета обнаружить не удалось. Косвенным свидетельством того, что это было небесполезным делом, может служить тот факт, что свидетельства подавались студентами в течение продолжительного времени. На основании анализа этих свидетельств можно увидеть, чем чаще всего болели и от чего страдали студенты в начале XX века [1]. С полным перечнем заболеваний, свидетельства о которых были выданы студентам, можно ознакомиться в таблице 2, общая статистика заболеваний выглядит следующим образом (рис. 2).

Как видно из графика, чаще всего студенты заражались инфлюэнцией, также в числе наиболее частых диагнозов встречаются ревматизм, невралгия и брюшной тиф.

В историографии болезни студентов рассматривают в соотношении с их образом жизни, отсюда указания на простудные, кишечные и венерические заболевания как на наиболее распространённые в студенческой среде. Хотя реальность студенческой повседневности была куда разнообразнее, чем её отражение во врачебных свидетельствах, они могут предложить интересный ракурс рассмотрения этой темы, добавив к числу типичных студенческих заболеваний также и нервные расстройства.

Библиографический список

1. Archiwum Państwowe w Warszawie Oddział. – Ф.: Cesarski Uniwersytet W Warszawie. – Д. 531: Свидетельства о болезни и документы о причинах пропуска студентами-фармацевтами лекций.
2. Варшавский университет и бывшая Варшавская Главная школа. – СПб.: Б. и., 1908. – 123 с.
3. Гришунин П.В. Студенчество столичных университетов: структуры повседневной жизни.

1820-е – 1880-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Санкт-Петербургский гос. ун-т (СПбГУ). – СПб.: Б. и., 2005. – 19 с.

4. Зимин И.В. Студенческая форма и нагрудные знаки в России XIX – начала XX века // Факты и версии: ист.-культ. альманах. – СПб.: ИМИСП, 2005. – С. 107–121.

5. Есинов В.В. Высшее образование в царстве Польском за сто лет (1815–1915). Варшавский университет. – Пг.: Б. и., 1914. – 89 с.

6. Иванов А.Е. «Польский вопрос» в высшей школе Российской империи // От Древней Руси к новой России: юбилейный сб., посвящ. чл.-кор. РАН Я.Н. Щапову. – М.: Б. и., 2005. – С. 328–335.

7. Иванов А.Е. Студенчество в России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – 414 с.

8. Отчет Комитета Общества для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского университета: За 1875 г. – М.: Б. и., 1875. – 18 с.

9. Отчет Комитета Общества для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского университета: За 1876 г. – М.: Б. и., 1876. – 19 с.

10. Правила Императорского Московского университета // Журнал министерства народного просвещения. – 1864 (май). – С. 17–26.

11. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГАМ). – Ф. 418: Московский Императорский университет. – Оп. 29. – Д. 609: 1860 г. Об изменении действующих правил для студентов Московского университета. Правила для студентов Московского университета 1860 г.

12. ЦГАМ. – Ф. 418. – Оп. 276. – Ед. хр. 23: О непозволении студентам курение табаку в зданиях Университета.

13. Цыганков Д. Московский университет в городском пространстве начала XX века // Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Мауэр, А. Дмитриева. – М.: НЛЮ, 2009. – С. 371–460.

14. Членов М.А. Половая перепись Московского студенчества и ее общественное значение. – М.: Студенческая мед. изд. комиссия, 1909. – 105 с.

References

1. Archiwum Pánstwowe w Warszawie Oddział. – F.: Cesarski Uniwersytet W Warscawie. – D. 531: Svidetel'stva o bolezni i dokumenty o prichinah propuska studentami-farmaceutami lekcij.
2. Varshavskij universitet i byvshaya Varshavskaya Glavnaya shkola. – SPb.: B. i., 1908. – 123 s.
3. Grishunin P.V. Studenchestvo stolichnyh universitetov: struktury povsednevnoj zhizni. 1820-e – 1880-e gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk / Sankt-Peterburgskij gos. un-t (SPbGU). – SPb.: B. i., 2005. – 19 s.
4. Zimin I.V. Studencheskaya forma i nagrudnye znaki v Rossii XIX – nachala HKH veka // Fakty i versii: ist.-kul't. al'manah. – SPb.: IMISP, 2005. – S. 107–121.
5. Esipov V.V. Vysshee obrazovanie v carstve Pol'skom za sto let (1815–1915). Varshavskij universitet. – Pg.: B. i., 1914. – 89 s.
6. Ivanov A.E. «Pol'skij vopros» v vyshej shkole Rossijskoj imperii // Ot Drevnej Rusi k novej Rossii: yubilejnyj sb., posvyashch. chl.-kor. RAN YA.N. SHCHapovu. – M.: B. i., 2005. – S. 328–335.
7. Ivanov A.E. Studenchestvo v Rossii konca XIX – nachala HKH veka. Social'no-istoricheskaya sud'ba. – M.: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEHN), 1999. – 414 s.
8. Otchet Komiteta Obshchestva dlya posobiya nuzhdayushchimsya studentam Imperatorskogo Moskovskogo universiteta: Za 1875 g. – M.: B. i., 1875. – 18 s.
9. Otchet Komiteta Obshchestva dlya posobiya nuzhdayushchimsya studentam Imperatorskogo Moskovskogo universiteta: Za 1876 g. – M.: B. i., 1876. – 19 s.
10. Pravila Imperatorskogo Moskovskogo universiteta // ZHurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. – 1864 (maj). – S. 17–26.
11. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv g. Moskvy (CGAM). – F. 418: Moskovskij Imperatorskij universitet. – Op. 29. – D. 609: 1860 g. Ob izmenenii dejstvuyushchih pravil dlya studentov Moskovskogo universiteta. Pravila dlya studentov Moskovskogo universiteta 1860 g.
12. CGAM. – F. 418. – Op. 276. – Ed. hr. 23: O nepozvolenii studentam kurenie tabaku v zdaniyah Universiteta.
13. Cygankov D. Moskovskij universitet v gorodskom prostranstve nachala HKH veka // Universitet i gorod v Rossii (nachalo HKH veka) / pod red. T. Mauehr, A. Dmitrieva. – M.: NLO, 2009. – S. 371–460.
14. CHlenov M.A. Polovaya perepis' Moskovskogo studenchestva i ee obshchestvennoe znachenie. – M.: Studencheskaya med. izd. komissiya, 1909. – 105 s.

ФИНАНСИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТОРСКОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО МИНЕРАЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА (1817–1917 ГГ.)

Объектом исследования является деятельность Императорского минералогического общества в Санкт-Петербурге с 1817 по 1917 г. В данной статье рассматриваются вопросы его финансирования и научной деятельности. Раскрываются роль взаимодействия государства, частных лиц, а так же членов общества в формировании бюджета. Освещаются некоторые данные, касающиеся затрат и накопления бюджета в зависимости от года проведения исследования и повседневной деятельности общества. Описываются направления изысканий общества в области минералогии, геологии и других смежных наук. Приводятся данные результатов исследований и экспериментов, проведенных членами Императорского минералогического общества. Источниковой базой работы являются материалы, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале архива РАН. Результаты настоящего исследования призваны повысить достоверность научных данных в области истории минералогии в России.

Ключевые слова: Императорское минералогическое общество, бюджет, финансирование, геология, минералогия, научное общество, исследования.

Императорское минералогическое общество (далее Общество, ИМО), на сегодняшний день являющееся старейшим минералогическим обществом мира, было четвертым по счету минералогическим обществом, основанным в Европе. Предметом деятельности Общества, созданного в январе 1817 г. и объединившего любителей и испытателей природы, горных инженеров, ученых в области минералогии и геогнозии, среди которых были и действительные члены зарубежных минералогических обществ, являлась «минералогия во всем пространстве слова» [9, с. 15]. Первоначально ИМО насчитывало 33 человека. Проект постановления, рассмотренного на Учредительном собрании и утвержденного в дальнейшем императором Александром I, принадлежал перу основателя и первого директора ИМО Л.И. Панснера [3, с. 19]. В соответствии с данным постановлением, ИМО в своей деятельности должно охватывать все «неорганические произведения

природы, в земле и на поверхности оной находящиеся, а также вести усовершенствование и всеобщее распространение познаний о неорганическом царстве природы» [9, с. 20]. С момента своего создания ИМО было призвано выполнять ряд функций, основными из которых являются организационная, просветительская, исследовательская (рис. 1).

С.П. Соловьев и В.В. Доливо-Добровольский выделили четыре периода в истории Общества в до-революционный период, связывая их с расширением деятельности организации: период становления Общества (1817–1830 гг.), период его деятельности до введения нового устава (1830–1864 гг.), период разветвления систематических геологических исследований России (1864–1882 гг.), период работы Общества начиная с года учреждения Геологического комитета до Великой Октябрьской социалистической революции (1882–1917 гг.).

Решение задач в соответствии с поставленными перед Обществом целями в разные периоды

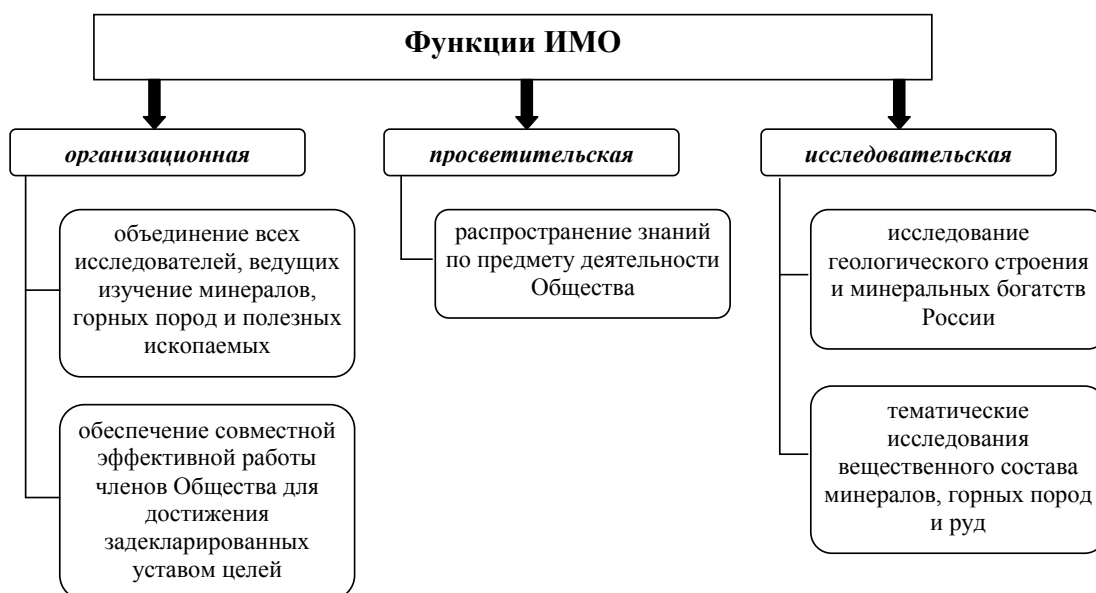

Рис. 1. Функции Императорского минералогического общества

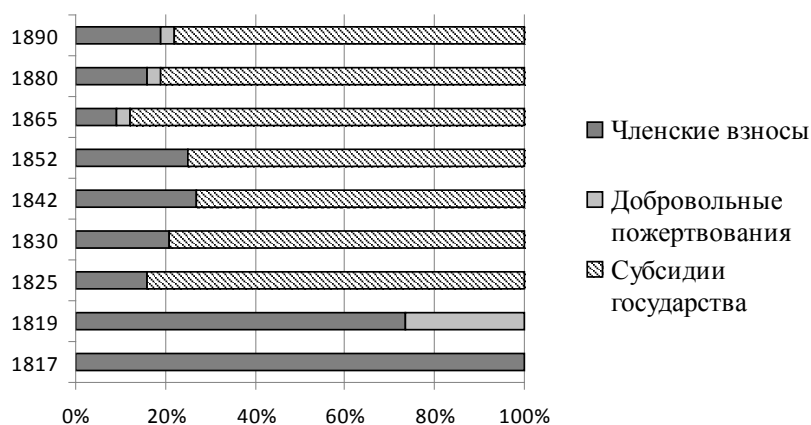

Рис. 2. Источники финансирования ИМО

его существования было бы невозможным при отсутствии финансирования. В момент зарождения Общества источники финансирования были регламентированы постановлением. Так, в § 11 постановления отмечено, что действительные члены, пребывающие в Санкт-Петербурге, обязаны вносить в казну Общества по 25 руб. в год «для разных необходимых издержек». Источники финансирования ИМО в разные годы его существования (в долевом отношении) представлены на рисунке 2.

Однако нельзя утверждать, что казна ИМО пополнялась исключительно за счет членских взносов. Время от времени она увеличивалась посредством частных пожертвований. Пожертвования почетных членов ИМО, освобожденных от уплаты членских взносов, составляли 10–50 руб. в год [6, д. 1–18]. Известны случаи добровольных пожертвований, осуществлённых действительными членами Общества. Например, в 1819 году на адрес организации пришло письмо от действительного члена Общества, учителя физики и математики Ю.И. Ковалевского. В нем он представил рассуждение о природе окрестностей города Камень-Подольска, «хваля и воспевая минералогическое общество» [6, д. 1, л. 211–231]. Помимо письма Ю.И. Ковалевский приложил 200 руб. ассигнациями в пользу Санкт-Петербургского минералогического общества [6, д. 1, л. 211]. К заседанию Общества 25 февраля 1825 г. лейб-медик Либонец прислал характеристическое описание минерала гроссуляра, найденного в Иркутской губернии [6, д. 3, л. 20]. Помимо сочинения он направил сумму в размере 100 руб. на пользу Обществу.

До 1825 года бюджет Организации составлял чуть меньше 1 тыс. руб. ассигнациями. Указанных выше средств хватало только на осуществление бытовых расходов. Тем не менее уже в первые десятилетия существования Общества его члены внесли большой вклад в познание геологии России. Их усилиями были созданы Минеральный кабинет и библиотека, организована издательская деятельность.

В Минеральном кабинете собирались коллекции минералов, горных пород, полезных ископа-

емых и ископаемых органических остатков. Ценный материал поступал как из разных регионов Российской империи (Петербургская, Вологодская, Олонецкая и др. губернии, Урал, Сибирь), так и из-за рубежа. Пополнение коллекции Минерального кабинета осуществлялось двумя путями: приобретением и через пожертвования. Экспонаты, представленные в Минеральном кабинете, вызывали интерес у просвещенных людей и ученых-естествоиспытателей.

В первое десятилетие существования ИМО издательская деятельность была затруднена и продвигалась медленно по двум причинам: из-за недостатка средств и отсутствия оригинального материала. Отдельные статьи, написанные членами Общества, публиковались в издававшихся в то время журналах: «Отечественные записки», «Указатель открытий», «Горный журнал». В этой связи необходимо отметить одного из учредителей Общества Дмитрия Ивановича Соколова, который, неоднократно выступая на заседаниях ИМО с интересными научными сообщениями, издал все свои работы сначала в двух первых периодических журналах, а затем, начиная с 1825 г., публиковался исключительно в «Горном журнале» [5, с. 10–11].

Важную роль играет издательская деятельность самого Общества. Через 13 лет после своего основания ИМО на собранные денежные средства публикует первый том периодического издания «Труды минералогического общества». В сборнике было опубликовано геологическое описание Санкт-Петербургских окрестностей действительного члена ИМО Т. Странгвейса, минералогические наблюдения, сделанные Й. Менге во время путешествия по Уральским горам, сочинение Г. Крюкова об острове Гохланд (ныне Гогланд), описание Олонецких заводов с кратким обзорением Олонецкой губернии, представленное действительным членом К.И. Арсеньевым на заседании Общества 2 февраля 1819 г. и другие [6, д. 2].

Правительственное финансирование Минералогического общества началось с 1825 г. благодаря его президенту А.Г. Строганову и действительно-

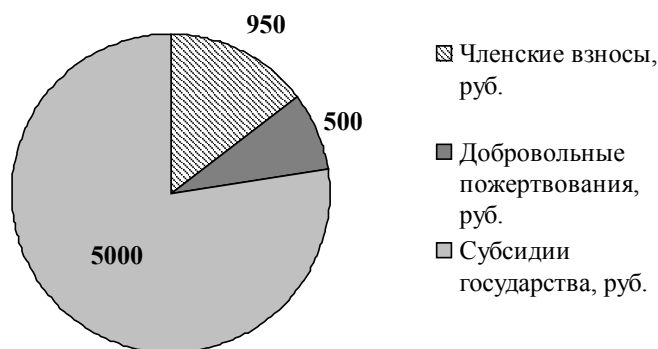

Рис. 3. Составляющие бюджета ИМО за 1826 г.

му члену П.А. Кикину. Оно составило 5 тыс. руб. В 1826 г. бюджет ИМО пополнился в общей сложности на сумму 6 450 руб. (рис. 3). Через год правительство назначило субсидию в размере 10 тыс. руб. [6, д. 3, л. 148].

Второй период деятельности ИМО, связанный с именами А.Г. Строганова, Я.Г. Зембницкого, С.С. Куторги, А.Н. Демидова, ознаменовался ростом числа научных исследований его членов, активизацией издательской деятельности и деятельности по пропаганде знаний в области минералогии и геологии. В это время существенным образом пополнилась коллекция Минерального кабинета.

В 1839–1843 гг. в России была произведена денежная реформа. Деньги стали перечисляться по курсу на серебро. В это время бюджет Общества значительно сократился, тем не менее исследования продолжались. Члены Минералогического общества занимались обобщением знаний по неорганической природе (Д.И. Соколов, Г.И. Гесс, А.М. Теряев); геологическими наблюдениями, в том числе сбором материалов для составления геологических карт отдельных губерний европейской части России и некоторых районов Сибири (С.С. Куторга) и открытием залежей полезных ископаемых; публичным чтением лекций по некоторым дисциплинам геолого-минералогических наук (Г.И. Гесс, А.Д. Озерский, Э.И. Эйхвальд). Во втором томе периодических изданий был опубликован ряд статей, в которых представлены химические анализы некоторых минералов. Так, в сообщении А. Комонена (1843 г.) представлены химические данные об уваровитах и лейхтенбергитах, а статья крупнейшего ученого, создателя периодического закона химических элементов Д.И. Менделеева, посвященная химизму финляндских ортитов и пироксенов, была опубликована в 1856 г. [8, с. 5–14].

4 декабря 1864 года Общество утверждает новый устав. Это событие становится началом наивысшего расцвета ИМО. В период с 1864 г. по 1882 г. было осуществлено всестороннее геологическое изучение территории России и подготовлена почва для учреждения в дальнейшем Геологического комитета.

Согласно новому уставу, Общество наделялось правом «снаряжать для исследования России в минералогическом и геологическом отношении учебные экспедиции» [10, с. 14]. Новый устав расширил функции Минералогического общества. Также в 1864 г. Общество получило казенное помещение в здании Департамента народного просвещения. Это позволило ему более половины получаемых средств (1 730 руб.) обратиться непосредственно на исследования Общества [6, д. 18, л. 17].

На субсидирование ИМО решающее влияние оказывали личные связи руководящего состава Общества в составе президента Н.М. Романовского (герцога Лейхтенбергского), директора Н.И. Кокшарова, секретаря П.А. Пузыревского с представителями власти. Сам Н.М. Романовский ежегодно, с момента начала вступления в должность президента ИМО, жертвовал сумму 200 руб. в год в бюджет Общества [6, д. 18, л. 19]. Вскоре по ходатайству президента ИМО была назначена дополнительная ежегодная субсидия на 5 лет в размере 3 000 руб. ежегодно, ассигнованная Министерством финансов специально для геологических исследований России [1, с. 86].

Действительные члены были обязаны вносить в казну Общества по 5 руб. ежегодно по курсу в пересчете на серебро. Эти деньги превосходили те взносы, которые делали действительные члены до принятия нового устава (1817–1864). Только после утверждения нового устава, субсидирования правительства с 1866 г. Общество начало проводить систематические геологические исследования с целью составления геологической карты европейской части России [2, с. 23–25].

В 1867 г. Минералогическое общество праздновало 50-летие своего существования. Ход этого юбилейного торжества с достаточной полнотой отражен в обзоре, составленном директором Общества Н.И. Кокшаровым, и в соответствующих протоколах заседаний Общества, составленных его секретарем профессором П.А. Пузыревским [9, с. 68]. На этом торжественном заседании руководство Общества принимало не только поздравительные письма, телеграммы, но и ценные артефакты для Минерального кабинета. Некоторые из них

были с приложением определенного пожертвования в виде денежных средств.

8 апреля 1869 г. на заседании Общества его директор академик Н.И. Кокшаров (профессор Горного института, а в период 1872–1881 гг. – ректор) объявил о готовности Горного института (ныне Санкт-Петербургский горный университет) предоставить Минералогическому обществу помещение в занимаемом им здании [9, с. 63].

С 1866 по 1882 г. Общество организовало и провело 53 научные экспедиции в более чем 30 губерниях [4, с. 5]. Результаты этих исследований отражались как в журнале «Записки Императорского минералогического общества», издававшемся с 1866 г. по постановлению дирекции Общества, так и в специально созданных сборниках «Материалы для геологии России». В «Записках», наряду со статьями в области минералогии и кристаллографии, опубликованы работы известных исследователей (Н.П. Барбот де Марни, Н. Головкинского, В.В. Докучаева, А.А. Иностранцева, И.И. Лагузена, И.В. Мушкетова, П.А. Пузыревского, Г.Д. Романовского, Ф.Ю. Шмидта и др.), в которых представлены материалы по геологическому строению различных участков России, характеристики горных пород; дано описание разнообразных полезных ископаемых и приведены данные палеонтологического характера [7, с. 257].

Материалы, полученные в ходе проведения геологических исследований, стали основой для составления геологической карты европейской части России. Неокрашенные части карты, соответствующие неисследованным областям, определяли географию дальнейших экспедиций ИМО.

Весьма успешная деятельность ИМО во второй половине XIX века стала причиной появления специального правительственного геологического учреждения – Геологического комитета, к которому перешла функция по руководству систематической геологической съемкой европейской части России. Он был создан при активном участии членов ИМО и пользовался довольно значительными денежными ассигнованиями, превосходящими аналогичные ассигнования Общества.

Направлениями деятельности ИМО в период с 1882 г. по 1917 г. стали: геологическая съемка районов Российской империи, не охваченных Геологическим комитетом, и исследования в различных областях минералогии, петрологии, учения о полезных ископаемых. Членами Общества были проведены минералогические исследования в Средней Азии, на Южном Урале, в Донецком бассейне (К.А. Ненадкевич, Я.В. Самойлов, П.А. Земятченский); петрологические исследования вулканов Центрального Кавказа (Ф.Ю. Левинсон-Лессинг), горных пород Приазовья (И.А. Морозевич), Кольского полуострова (Б.А. Попов), островов Онежского озера (К.Д. Хрушев) и др. Минералогическое

общество финансировало общие геологические исследования, которые в свою очередь планировались Геологическим комитетом.

После создания Геологического комитета, за период с 1882 по 1917 г., на страницах «Записок Минералогического общества», а также «Материалов для геологии России» было опубликовано немало ценных работ по геологии целого ряда исследователей: Н.И. Андрусова, А.Д. Архангельского, К.И. Богдановича, А.А. Борисяка, В.Н. Вебера, Г.В. Вульфа, А.П. Герасимова, П.В. Еремеева, П.А. Карпинского, А.Н. Карножицкого, И.В. Мушкетова, А.П. Павлова, В.А. Обручева, Н.Н. Яковлева и др. [9, с. 30]. За 18 лет (1882–1900 гг.) в этих журналах было опубликовано 367 статей и крупных заметок, из которых по минералогии – 131; кристаллографии – 39; геологии – 95; палеонтологии – 50; петрографии – 2; полезным ископаемым – 29 [5, с. 83]. Разработки этих учёных стали основой для проведения дальнейших комплексных исследований в области геологии и минералогии.

В заключение необходимо сделать несколько выводов:

1. Добровольно созданное в 1817 г. группой энтузиастов Императорское минералогическое общество сыграло основополагающую роль в развитии отечественной геологии и минералогии.

2. Руководству Императорского минералогического общества удалось успешно обеспечить его финансирование из трех источников: субсидии государства, ежегодные членские взносы, добровольные пожертвования. Члены Общества при этом зачастую выступали в роли его меценатов.

3. Периоды существования Императорского минералогического общества характеризуются разными основными источниками пополнения его бюджета. На этапе становления организации это были членские взносы, в остальное время – субсидии государства. Наивысший расцвет Общества пришелся на вторую половину XIX века, когда развитие промышленности в России потребовало обнаружения новых месторождений минерального сырья. В этот период государство оказывало Обществу максимальную финансовую поддержку. При этом такая поддержка обеспечивалась за счет весомых практических результатов, полученных членами этой организации.

Постреволюционным преемником Императорского минералогического общества стало Всесоюзное (ныне Российское) минералогическое общество, которое существует до сих пор. Этот факт свидетельствует об уважительном отношении к своему делу членов Общества всех времен.

Библиографический список

1. Доливо-Добровольский В.В. Некоторые недостаточно освещенные страницы в истории Минералогического общества (к 180-летию со дня осно-

вания) // Российское минералогическое общество глазами современников: сб. статей.– СПб.: Веук, 2014. – С. 84–87.

2. Канев Г.П., Силин В.И. Геолого-палеонтологические исследования А.А. Штукенберга в Тимано-Печорском крае // Вестник института геологии Коми научного центра Уральского отделения РАН. – 2004. – № 2. – С. 23–25.

3. Кокишаров Н.И. К портрету Лоренца Ивановича Панснера, основателя и первого директора Императорского минералогического общества // Российское минералогическое общество глазами современников: сб. статей. – СПб.: Веук, 2014. – С. 16–21.

4. Марин Ю.Б., Рундквист Д.В. 200 лет Императорскому Санкт-Петербургскому – Всесоюзному – Российскому минералогическому обществу // Записки Российского минералогического общества. – 2017. – № 1. – С. 3–14.

5. Поваренных А.С. Минералогическое общество в течение первых ста лет своего существования // Очерки по истории геологических знаний. – М., 1956. – С. 3–46.

6. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. – Ф. 766. – Оп. 1. – Д. 1. – Д. 18.

7. Соловьев С.П., Стулов Н.Н. 100 лет «Запискам» минералогического общества (вторая серия) // Записки всесоюзного минералогического общества. – 1966. – Ч. 95. – № 3. – С. 256–259.

8. Соловьев С.П. Вклад Минералогического общества в познание минеральных богатств за 150-летний период (1817–1967 гг.). // Проблемы кристаллохимии минералов и эндогенного минералообразования: сб. науч. трудов по минералогии, посвященный 150-летию Всесоюзного минералогического общества. – Л.: Наука, 1967. – С. 5–14.

9. Соловьев С.П., Доливо-Добровольский В.В. История Всесоюзного Минералогического общества и его роль в развитии геологических наук. – СПб., 1992. – 334 с.

10. Устав Минералогического общества: (утв. 4 дек. 1864 г.). – СПб.: Б. и., 1865. – 14 с.

References

1. Dolivo-Dobrovolskij V.V. Nekotorye nedostatochno osveshchennye stranicy v istorii

Mineralogicheskogo obshchestva (k 180-letiyu so dnya osnovaniya) // Rossijskoe mineralogicheskoe obshchestvo glazami sovremennikov: sb. statej.– SPb.: Veuk, 2014. – S. 84–87.

2. Kanev G.P., Silin V.I. Geologopaleontologicheskie issledovaniya A.A. Shtukenberga v Timano-Pechorskome krae // Vestnik instituta geologii komi nauchnogo centra Ural'skogo otdeleniya RAN. – 2004. – № 2. – S. 23–25.

3. Koksharov N.I. K portretu Lorenca Ivanovicha Pansnera, osnovatelya i pervogo direktora Imperatorskogo mineralogicheskogo obshchestva // Rossijskoe mineralogicheskoe obshchestvo glazami sovremennikov: sb. statej. – SPb.: Veuk, 2014. – S. 16–21.

4. Marin YU.B., Rundkvist D.V. 200 let Imperatorskomu Sankt-Peterburgskomu – Vsesoyuznomu – Rossijskomu mineralogicheskomu obshchestvu // Zapiski Rossijskogomineralogicheskogo obshchestva. – 2017. – № 1. – S. 3–14.

5. Povarennyh A.S. Mineralogicheskoe obshchestvo v techenie pervyh sta let svoego sushchestvovaniya // Ocherki po istorii geologicheskikh znaniy. – M., 1956. – S. 3–46.

6. Sankt-Peterburgskij filial arhiva RAN. – F. 766. – Op. 1. – D. 1. – D. 18.

7. Solov'ev S.P., Stulov N.N. 100 let «Zapiskam» mineralogicheskogo obshchestva (vtoraya seriya) // Zapiski vsesoyuznogo mineralogicheskogo obshchestva. – 1966. – CH. 95. – № 3. – S. 256–259.

8. Solov'ev S.P. Vklad Mineralogicheskogo obshchestva v poznanie mineral'nyh bogatstv za 150-letnij period (1817–1967 gg.). // Problemy kristallohimii mineralov i ehndogenного mineraloobrazovaniya: sb. nauch. trudov po mineralogii, posvyashchennyj 150-letiyu Vsesoyuznogo mineralogicheskogo obshchestva. – L.: Nauka, 1967. – S. 5–14.

9. Solov'ev S.P., Dolivo-Dobrovolskij V.V. Istoriya Vsesoyuznogo Mineralogicheskogo obshchestva i ego rol' v razvitii geologicheskikh nauk. – SPb., 1992. – 334 s.

10. Ustav Mineralogicheskogo obshchestva: (utv. 4 dek. 1864 g.). – SPb.: B. i., 1865. – 14 s.

ИДЕЯ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В статье на основании архивных материалов Нижегородского государственного лингвистического университета в первые годы советской власти рассматривается зарождение советской системы преподавания иностранных языков в контексте идеи мировой революции и всемирной Республики Советов. Пользуясь связями с международными объединениями эсперантистов, пионеры лингвистического образования получали правительственную поддержку и на всесоюзном, и на региональном уровнях. Обоснованно указывается, что планы по распространению «красной идеи» на мировой арене в совокупности с выявленным влиянием пролетариатской идеологической установки на процесс преподавания иностранных языков на территории как СССР в целом, так и Нижегородского региона в частности, имело одно из решающих значений в становлении вектора развития всей системы высшего иноязычного образования.

Ключевые слова: мировая революция, эсперанто, лингвистическое образование, история Нижегородского государственного лингвистического университета.

Идеологическая платформа пришедших к власти большевиков содержала разветвленную систему идей и механизмов их воплощения в жизнь, обеспечивающих эффективное распространение ценностей марксизма. События 1918–1919 гг. в ряде европейских стран, например Баварии, Венгрии, Словакии, создавали ощущение скорейшего наступления диктатуры мирового пролетариата и создания всемирной Республики Советов.

Различные социалистические преобразования, включавшие, например, территориально-национальные эксперименты [2; 5; 17], широкую внешнюю [15] и внутреннюю [16; 19] официальную пропаганду, строительство «машины народного хозяйства», предложенное В.И. Лениным в докладе на VII съезде РКП(б) [8] и многие другие меры имели своей целью показать привлекательность социалистического образа жизни. Одним из инструментов претворения идеи мировой революции в реальность должен был стать объединяющий пролетариев всех стран межнациональный и наднациональный язык общения – эсперанто, созданный на базе интернациональной лексики в 1887 г. польским врачом и полиглотом Л.Л. Заменгофом [18].

Внедрение международного языка средствами системы преподавания иностранных языков проходило на фоне лозунга «Иностранные языки в массы», декларирующего поддержку преподавательских инициатив в этом направлении.

Так, например, в «Нижегородском листке», ежедневной газете, издаваемой в Нижнем Новгороде с 1893 года и посвященной жизни в регионе, от 15 ноября 1917 г. появилось следующее объявление: «Изучайте языки, что даст вам верный кусок хлеба. Наши самоучители всем доступны, изложены просто и ясно. Самоучители английского, французского, латинского, немецкого, итальянского, польского и татарского по 3 рубля 50 копеек каждый, турецкого, норвежского, чешского, шведского, арабского, персидского, финского, греческого, сербского и эсперанто по 1 рублю 75 копеек каждый...

Москва, издательство Д.М. Куманева. Наложением платежом без задатка не высылаются» [14].

На 1917 г. в Нижнем Новгороде существовали частные курсы иностранных языков, созданные владевшим восьмью языками полиглотом М.М. Ландау [1] и существовавшие первоначально как частные уроки иностранного языка в состоятельных семьях, трансформировавшиеся затем в групповые занятия в ряде организаций. Как писал в своем дневнике сам М.М. Ландау: «Владею в совершенстве следующими языками (говорю, пишу и читаю): русским, английским, французским, немецким, польским» [22].

На рубеже лета – осени 1917 г. М.М. Ландау создал собственное образовательное учреждение – курсы иностранных языков – и составил их пока немногочисленный педагогический коллектив [1]. Находясь во главе группы преподавателей, М.М. Ландау лично проводил уроки английского и немецкого языков.

Параллельно с курсами Ландау в Нижнем Новгороде развивались аналогичные языковые курсы в Москве. Из-за высокого уровня преподавания московские курсы нашли своих многочисленных слушателей и, как результат, в 1926 г. получили статус Высших курсов иностранных языков (далее – ВКИЯ). На базе созданных в 1926 г. ВКИЯ в 1930 г. был организован Московский институт новых языков [9].

Выпускники ВКИЯ, специалисты со знанием иностранных языков, работали в Народном комиссариате иностранных дел, Народном комиссариате внешней торговли, других организациях и учреждениях. По сути, история развития курсов иностранных языков, давших в конечном итоге основу для создания Московского государственного лингвистического университета, отражает процесс зарождения и становления новой профессии: лингвиста советских времен.

Курсы Ландау также продолжали зарекомендовать себя в глазах чиновников. М.М. Ландау включил в список языков, преподаваемых на его

курсах, эсперанто, который на тот момент уже был достаточно востребован среди нижегородцев. Так, к 1917 г. в Нижнем Новгороде уже существовало и активно работало одно из отделений международной организации эсперантистов, а в 1919 г. проводились публичные лекции среди студентов историко-филологического факультета НГУ на тему значимости эсперанто как международного языка [13].

Закономерно, что в первые годы советской власти во всей стране вообще и в Нижнем Новгороде в частности эсперантисты, объединявшиеся в кружки и клубы, получали значительную поддержку со стороны коммунистической партии. В данной повестке интерес М.М. Ландау к эсперанто оказались востребован как у власти, так и у населения. В 1918 г. курсы эсперанто в Нижнем Новгороде получили финансовые дотации от властей и продолжали существовать. Более того, орган Нижегородского губернского комитета РКП(б) – «Нижегородская Коммуна» [12] – неоднократно и регулярно помещал на своих страницах рекламу курсов эсперанто, на которых вел занятия и М.М. Ландау: «Курсы языка эсперанто. Правление Нижегородского Общества Эсперантистов доводит до сведения записавшихся на курсы, что таковые происходят в помещении бывшей гимназии Хреновской (угол Ошары и Чернопрудненского переулка) по понедельникам, средам, пятницам и субботам с 7 до 9 часов вечера» [21].

Таким образом, в трудных условиях, когда власти закрывали многие учебные учреждения частного характера, а для государственных образовательных структур остро не хватало помещений (подтверждений тому было достаточно; так, в январе 1919 г. ректор НГУ проф. Сеницын во время приезда в Нижний наркома А.В. Луначарского довольно резко поставил перед ним вопрос о недопустимости реквизиций вузовских помещений для нужд армии. – *А. П.*) [11], курсы иностранных языков, руководимые Ландау, продолжали исправно функционировать, надежно прикрытые щитом эсперанто. Еще более их позиции укрепило специальное постановление Москвы о повышении значимости языка эсперанто, вышедшее весной 1919 г. «Комиссия по международному языку, образованная при Комиссариате просвещения, вынесла постановление о введении языка эсперанто в школах республики» [7]. Постановление отражало существующее в Нижнем Новгороде положение дел.

Так, Нижегородское общество эсперантистов, подчиняющееся окружному комитету эсперанто секции III Интернационала (ЭСКИ) с момента создания Коминтерна [20], «организуя новые курсы этого языка, имеет, между прочим, в виду и подготовку кадров преподавателей» [10].

Анализируя мотивы, подтолкнувшие местные власти к дальнейшему развитию системы препода-

вания иностранных языков, отметим следующее. Окончание Первой мировой войны и базовые изменения, произошедшие на международной арене, выдвигали необходимость широкого изучения западноевропейских языков. В тех условиях руководство страны ещё не выдвигало жесткую установку на создание «железного занавеса» в сторону Запада. Причем на первый план жизнью выдвигалась необходимость знания не только немецкого и французского, которые традиционно в России изучались с давних времен, но и языка стран-победительниц (Англии и США), все более прочно занимавших ведущие позиции в экономической и политической сферах международной жизни. Ранее приоритетные в России французский и немецкий языки, уступая позиции английскому, постепенно допускали его в положение вровень с собой. Научные открытия мирового уровня (работы Эйнштейна, Планка, Бора, Резерфорда и др.) все чаще выходили в свет на английском языке. Вполне уловившие эту тенденцию российские ученые, в том числе нижегородские, стали испытывать возрастающую потребность в знании английского языка.

Ученые, входившие в Секцию научных работников Нижнего Новгорода, действовавшую в рамках Нижегородского государственного университета (НГУ), понимали, что чтение специальной литературы на иностранных языках, особенно английском (немецким многие преподаватели владели свободно), являлось потребностью момента. Именно ученые подтолкнули чиновников Губернского отдела народного образования (ГУБОНО) к осмыслению вопроса о создании курсов иностранных языков. В городе М.М. Ландау и потенциал курсов, руководимых им, были известны – его курсы не могли не заинтересовать тех, кто нуждался в знании иностранных языков. Видимо, не случайно директор Горьковского педагогического института, составляя в 1935 г. докладную записку начальству в Москву о местном потенциале преподавания иностранных языков, позволил себе написать следующее: «Секция научных работников города Нижнего Новгорода в 1923 г. организовала курсы иностранных языков с целью предоставления знаний иностранного языка своим членам» [24].

Кроме помощи, которую ГУБОНО должен был оказать в сложившихся условиях университету, кураторам развития образования в губернии следовало думать о преподавании языка в школе, стало быть, вести нужную кадровую политику, пополняя ряды учителей иностранных языков.

С осени 1923 г. Нижегородские курсы иностранных языков начали действовать вполне официально. Все работники, устраивавшиеся преподавать на курсы, или уже являлись членами профессионального союза, или вступали в него [3; 4]. Видимо, финансирование курсов шло «по профсоюзной линии». Отсюда ещё одно обозначение курсов как

имевшихся при Союзе работников просвещения. М.М. Ландау позже отмечал, что с 1923 г. он работал преподавателем английского языка «на курсах иностранных языков при Союзе работников просвещения, имея под своим руководством несколько групп» [22].

После окончания Гражданской войны и в связи с заметной стабилизацией ситуации в стране власти начинают обращать более пристальное внимание на вопросы и проблемы народного образования, в том числе обучения иностранным языкам. В 1924 г. Наркомпросом РСФСР издается программа подготовки учителей иностранного языка и начинают появляться соответствующие учебники. Однако книг, пособий, в том числе методических, и учебников не хватало, и потому значительные силы М.М. Ландау вкладывает в приобретение и накопление учебных материалов, необходимых для квалифицированного ведения занятий. Поскольку его курсы были платными, часть финансов уходила на тиражирование (перепечатку) пособий по истории стран изучаемых языков и оплату их художественных переводов, осуществляемых самими сотрудниками курсов [23]. Постепенно формировалась библиотека учреждения, возглавляемого Ландау, – основа будущих библиотечных фондов Горьковского педагогического института иностранных языков (ныне – Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова).

Идея мировой революции, сохранявшаяся с 1917 года до конца 1920-х гг. в идеологическом арсенале власти, подвигло ее к поддержке курсов иностранных языков под руководством М.М. Ландау, несмотря на тяжелые условия жизни общества в тот период. Успешно развиваясь, частные курсы Ландау были замечены властью и реорганизованы в 1923 г. в государственные курсы при ГУБОНО, прежде всего, из-за приверженности руководства того времени идее мировой революции. Знание языка эсперанто и наличие опыта его преподавания в условиях веры части советской политической элиты в мировую революцию сыграли немаловажную роль в предоставлении М.М. Ландау дополнительных возможностей для развития курсов. Немалую роль сыграло также и то обстоятельство, что Ландау сумел создать профессиональную команду преподавателей иностранных языков: английского, немецкого и французского. Таким образом, структурой, ставшей в дальнейшем базой для формирования вузовских подразделений Нижнего Новгорода, оказались Нижегородские курсы иностранных языков.

Библиографический список

1. Архив музея Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.

2. Батунаев Э.В. Политика коминтерна в Монголии // Известия Восточного института. – 2017. – № 3 (35). – С. 18–24.

3. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). – Ф. 752 Г. Нижегородский губернский отдел профсоюза работников просвещения Губ. Прос. (1917–1929 гг.). – Оп. 1. – Д. 631. – Л. 1–353.

4. ГОПАНО. – Ф. Р-3086 Г. Нижегородские краевые и территориальные организации профсоюза работников просвещения: (1929–1936). – Оп. 2. – Д. 70. – Л. 1–200.

5. Елаев А.А. Идея мировой революции как фактор внутренней и внешней политики Бурят-Монголии в 20-е гг. XX в. // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 12. – С. 41–46.

6. Желтов А.К. Народное образование в Горьковской области за 30 лет (1917–1947). – Горький: ОГИЗ, 1948. – 104 с. – С. 25.

7. Известия ЦИК: газета. – 9 марта 1919 г. – Ч. 53.

8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1983. – Т. 2: 1917–1922. – С. 31.

9. Московский государственный лингвистический университет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

10. Нижегородская Коммуна. – 1919. – 15 мая. – № 104.

11. Нижегородская Коммуна. – 1919. – 18 января. – № 12.

12. Нижегородская Коммуна. – 1919. – 23 января. – № 15.

13. Нижегородская Коммуна. – 1919. – 8 февраля. – № 29.

14. Нижегородский листок. – 1917. – 15 ноября.

15. Остапенко А.И. Идеи мировой революции и формирование внешнеполитического ведомства советской России в конце 1917 – начале 1918 года // Столетие революции 1917 года в России: науч. сборник. Сер. 2: Исторические исследования (60): Труды исторического факультета МГУ. – 2018. – № 108. – С. 455–468.

16. Офицерова Н.В. «Глобус революции»: образы будущего по материалам «Петроградской правды» 1923 г. // Контуры будущего: технологии и инновации в культурном контексте. – СПб.: Астерион. – 2017. – С. 335–338.

17. Райченко А.А. Литовско-Белорусская ССР: неудачный эксперимент советской государственности // Труды БГТУ. Сер. 6: История, философия. – 2017. – № 2 (203). – С. 25–29

18. Сергеев И.В. Основы эсперанто. – М., 1961. – 50 с.; Проблемы интерлингвистики. – М., 1976. – 60 с.

19. Ульянова С.Б. Социализм как индустриальная мечта (Массовые представления о социализме в советском обществе в 1920-е гг.) // Контуры буду-

щего: технологии и инновации в культурном контексте. – СПб.: Астерион. – 2017. – С. 7–11.

20. ЦАНО. – Ф. Р-120. – Оп. 15. – Д. 36. – Л. 6–7.

21. ЦАНО. – Ф. Р-120. – Оп. 2. – Д. 290. – Л. 66.

22. ЦАНО. – Ф. Р-120. – Оп. 9. – Д. 232. – Л. 10.

23. ЦАНО. – Ф. Р-2595. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 2.

24. ЦАНО. – Ф. Р-2734. – Оп. 3. – Д. 41. – Л. 14.

References

1. Arhiv muzeya Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova.

2. Batunaev E.H.V. Politika kominterna v Mongolii // Izvestiya Vostochnogo instituta. – 2017. – № 3 (35). – S. 18–24.

3. Gosudarstvennyj obshchestvenno-politicheskij arhiv Nizhegorodskoj oblasti (GOPANO). – F. 752 G. Nizhegorodskij gubernskij otdel profsoyuza rabotnikov prosveshcheniya Gub. Pros. (1917–1929 gg.). – Op. 1. – D. 631. – L. 1–353.

4. GOPANO. – F. R-3086 G. Nizhegorodskie kraevye i territorial'nye organizacii profsoyuza rabotnikov prosveshcheniya: (1929–1936). – Op. 2. – D. 70. – L. 1–200.

5. Elaev A.A. Ideya mirovoj revolyucii kak faktor vnutrennej i vneshnej politiki Buryat-Mongolii v 20-e gg. XX v. // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – № 12. – S. 41–46.

6. Zheltov A.K. Narodnoe obrazovanie v Gor'kovskoj oblasti za 30 let (1917–1947). – Gor'kij: OGIZ, 1948. – 104 s. – S. 25.

7. Izvestiya CIK: gazeta. – 9 marta 1919 g. – CH. 53.

8. KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK. – M.: Politizdat, 1983. – T. 2: 1917–1922. – S. 31.

9. Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa:

<https://ru.wikipedia.org/wiki>.

10. Nizhegorodskaya Kommuna. – 1919. – 15 maya. – № 104.

11. Nizhegorodskaya Kommuna. – 1919. – 18 yanvarya. – № 12.

12. Nizhegorodskaya Kommuna. – 1919. – 23 yanvarya. – № 15.

13. Nizhegorodskaya Kommuna. – 1919. – 8 fevralya. – № 29.

14. Nizhegorodskij listok. – 1917. – 15 noyabrya.

15. Ostapenko A.I. Idei mirovoj revolyucii i formirovanie vneshnepoliticheskogo vedomstva sovetskoj Rossii v konce 1917 – nachale 1918 goda // Stoletie revolyucii 1917 goda v Rossii: nauch. sbornik. Ser. 2: Istoricheskie issledovaniya (60): Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU. – 2018. – № 108. – S. 455–468.

16. Oficerova N.V. «Globus revolyucii»: obrazy budushchego po materialam «Petrogradskoj pravdy» 1923 g. // Kontury budushchego: tekhnologii i innovacii v kul'turnom kontekste. – SPb.: Asterion. – 2017. – S. 335–338.

17. Rajchenok A.A. Litovsko-Belorusskaya SSR: neudachnyj ehksperiment sovetskoj gosudarstvennosti // Trudy BGTU. Ser. 6: Istorija, filosofiya. – 2017. – № 2 (203). – S. 25–29

18. Sergeev I.V. Osnovy ehesperanto. – M., 1961. – 50 s.; Problemy interlingvistiki. – M., 1976. – 60 s.

19. Ul'yanova S.B. Socializm kak industrial'naya mechta (Massovye predstavleniya o socializme v sovetskom obshchestve v 1920-e gg.) // Kontury budushchego: tekhnologii i innovacii v kul'turnom kontekste. – SPb.: Asterion. – 2017. – S. 7–11.

20. ЦАНО. – Ф. Р-120. – Оп. 15. – Д. 36. – Л. 6–7.

21. ЦАНО. – Ф. Р-120. – Оп. 2. – Д. 290. – Л. 66.

22. ЦАНО. – Ф. Р-120. – Оп. 9. – Д. 232. – Л. 10.

23. ЦАНО. – Ф. Р-2595. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 2.

24. ЦАНО. – Ф. Р-2734. – Оп. 3. – Д. 41. – Л. 14.

АРХИЕПИСКОП ЛУКА (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКИЙ) О ДУХЕ, ДУШЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Статья посвящена личности архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). Жизненный путь святителя изобилует крутыми поворотами. Обладая незаурядными художественными способностями, он поступил на юридический факультет, но стал не юристом, а медиком. Медицина составляла основу его жизни. На пересылке, в ссылке, в тяжелейших условиях архиепископ Лука продолжал делать операции, изучать и систематизировать полученные данные. Результаты его научно-исследовательской деятельности получили широкое признание в научном мире и в медицинском сообществе. Уникален тот факт, что автором книг в «безбожном» государстве был священнослужитель – архиепископ Лука. Сам автор считал это обстоятельство вполне закономерным. Ведь если для него путь служения был не очевиден, то для окружающих будущее священство В.Ф. Войно-Ясенецкого не вызывало сомнений. Приняв сан, он посвятил себя божественному служению. В многочисленных проповедях он поднимал самые разные темы, но главную свою задачу видел в защите церкви. Обладая умом пытливого исследователя, архиепископ Лука не противопоставлял религию и науку. Божественное, Дух Божий он понимал как основу основ, воплощенную в окружающем мире, в одухотворенных растениях и животных и обладающем душой человеке.

Ключевые слова: священник, архиепископ Лука, государство, вера, дух, душа, антирелигиозная политика.

Архиепископ Лука (в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий) – личность очень неординарная. Двигаясь по прямому пути жизни, он неоднократно принимал решения, которые определяли неожиданные повороты этого пути. В конце жизни, анализируя пройденное и прожитое, за всеми этими поворотами архиепископ Лука видел адресованные ему призывы к служению и чувствовал направлявшую его руку Бога. Унаследовав от отца глубокую религиозность, он не получил религиозного образования. Будучи воспитан в религиозной семье, подолгу находясь в Киево-Печерской Лавре, он не имел мысли о возможности принять священнический сан.

По окончании гимназии молодой человек свою будущую деятельность связывал со служением страждущим людям. Он видел себя учителем народной школы, хотя имел художественные способности, серьезно занимался рисованием и добился на этом поприще значительных результатов. Отучившись год на юридическом факультете, испытывая непреодолимое отвращение к естественным наукам, в 1898 г. он поступил на медицинский факультет Киевского университета. Среди сокурсников В.Ф. Войно-Ясенецкий заслужил репутацию «профессора», но с наукой связывать свою будущность не предполагал. И вновь вопреки всему практикующий хирург стал ученым. Сферой его интересов были региональная анестезия и гнойная хирургия, а результаты исследований оказались столь серьезны, что их не только признало научное сообщество, но в качестве учебника использовало несколько поколений врачей. Знания и опыт профессор В.Ф. Войно-Ясенецкий передавал студентам сначала медицинской школы, затем медицинского факультета Туркестанского государственного университета.

В Ташкенте В.Ф. Войно-Ясенецкий был активным мирянином, принимал участие не только

в богослужениях, но и в религиозных собраниях, где выступал с беседами на темы Священного Писания, и на епархиальных съездах духовенства и мирян. После одного из выступлений к В.Ф. Войно-Ясенецкому подошел епископ Ташкентский и Туркестанский Иннокентий (Пустынский) и произнес слова, которые определили его жизнь: «Доктор, Вам надо быть священником» [2, с. 29]. Именно епископ Иннокентий разглядел в докторе священника и в январе 1921 г. рукоположил его в сан иерея и назначил четвертым священником кафедрального собора в Ташкенте. Отцу Валентину было поручено дело проповеди. Впоследствии уже епископ Лука говорил, что за свою священническую жизнь совершал таинство крещения считанные разы, а проповедь и исповедание имени Христа считал своим призванием от Бога.

В 1920-е гг. священник-философ, как его называли в Ташкенте, неоднократно выступал на антирелигиозных диспутах и одерживал весьма убедительные победы над своими оппонентами. Эти собрания он рассматривал не только как возможность защитить гонимую государством религию, но и как способ нести слово Божие. К беседам на богословские темы, проводившимся обычно в воскресные дни, прибавлялись циклы бесед-лекций, которые содержали критику материализма.

Крайне отрицательно священник В.Ф. Войно-Ясенецкий оценивал обновленческий раскол. Из-за усилившегося влияния обновленцев Ташкентскую кафедру покинул епископ Иннокентий, а отец Валентин в 1923 г. тайно принял монашество с именем Луки и был хиротонисан в епископа с последующим назначением на Туркестанскую кафедру. Вскоре последовал арест и ссылка епископа Луки, положившая начало преследованиям, ограничениям свободы, бытовым неустраоенностям и, как бы парадоксально это не выглядело, дальнейшим

научным исследованиям. В автобиографии архиепископа Лука укорял себя в том, что врачебная практика, интересы исследователя и проблемы со здоровьем отгеснили на второй план его пастырскую деятельность.

Антирелигиозная политика советского государства базировалась и на тезисе об отрицании религии по мере развития науки, придавая последней значение средства утверждения безрелигиозного мышления. Можно предположить, что против этого тезиса выступал архиепископ Лука. Сам он служил наглядным его опровержением: глубина знаний, убежденность в правоте и твердость в вере. Архиепископ Лука писал: «Вера есть осуществление ожидаемого, т.е. глубокая уверенность в том, что осуществится то, чего мы ждем... Люди науки, люди чуждые религии, с презрением относятся к вере. Они говорят, что нужно помышлять и рассуждать только о том, что доступно нашему исследованию. Они говорят, что бредни пустые – все разговоры о каком-то мире невидимом потустороннем. Но, отрицая веру христианскую, могут ли они сказать, что сами в своей деятельности, направленной на изучение природы, видимого мира, чужды всякой вере? Могут ли они сказать, что вера есть принадлежность только людей религиозных? Нет, не могут, ибо и в своем познании мира, и в своем научном исследовании природы ученые неизбежно допускают веру. У них своя, не религиозная, но тоже вера, ибо они на веру принимают весьма многое из того, что доказать и практически познать они не могут. И всегда, во все периоды развития человечества, в научном мышлении огромное место занимала вера научная» [1, с. 128–130]. Путь науки – изучение видимого материального мира, исследование тайн природы, путь веры – познание мира невидимого.

До 1941 года архиепископ Лука пережил четыре ареста, перед ссылкой в Сибирь в декабре 1937 года он стоически переносил голодовку, но не подписывал обвинительные протоколы.

В годы Великой Отечественной войны архиепископ Лука был направлен в Красноярский госпиталь, где он работал хирургом. «Он не выходил из операционной. Если обычно отделение из 3–4 врачей делало до 700 операций в год, то он один делал в это время до 1000 операций ежегодно» [3, с. 10]. В 1946 году врачу и ученому присудили Сталинскую премию, которая составляла 200 тысяч рублей. В ответном письме к И.В. Сталину врач, ученый и архиепископ просил 130 тысяч от этой суммы забрать назад и употребить эти деньги на помощь сиротам и жертвам фашизма.

Необходимо отметить, что в сложное военное время церковь занималась сбором пожертвований, серьезно помогая государству и поддерживая фонд обороны, активно работал в этом направлении и архиепископ Лука: «Под руководством архиепи-

скопа Тамбовского и Мичуринского Луки в епархии за несколько месяцев 1944 года для нужд фронта было перечислено более 250 тыс. рублей на строительство танковой колонны им. Дмитрия Донского и авиаэскадрильи им. Александра Невского» [5, с. 498].

Развенчание материализма сквозной линией прошло через написанное в 1945–1947 гг. эссе «Дух, душа и тело», носившего апологетический характер и призванного защитить веру от безбожия.

По мнению архиепископа Луки, современная ему наука не имела оснований для отрицания существования духовной энергии, которую церковь считает первичной и рассматривает как «первородительницу всех физических форм энергии»: «Энергией любви, излившейся по всеблагой воле Божией. Словом Божиим, дано начало всем другим формам энергии, которые, в свою очередь, породили сперва частицы материи, а потом через них и весь материальный мир. В другом направлении излившаяся любовь Божия создала и весь духовный мир, мир разумных ангельских существ, разум человеческий и весь мир духовных психических явлений» [1, с. 308].

Под духом понимается сфера, где преобладает и властвует духовная сторона. Душа же сфера, где духовное теснейшим образом сопряжено с телесным и зависит от него. Материальное, телесное осуществлено и оживотворено Божьим Духом [1, с. 337]. Движение представляет собой сущность и основной закон природы. Дух стирает границы между живым и мертвым. Движение в живых организмах возникает, производится и определяется духом жизни, энергией духа: «Духовная энергия, истекающая от Духа Божия, энергия любви движет всей природой и все животворит. Она есть источник жизни, и нет ничего мертвого». Однако движение присуще и неорганической природе и в ней оно «есть проявление жизни, хотя бы в минимальной, мало известной нам форме». Энергией духа проникнуто все мироздание, «но только в высших формах развития (творения) эта энергия достигает значения свободного, самосознающего духа» [1, с. 339].

Дух творит формы, что, с точки зрения архиепископа Луки, очень ярко подтверждают формы человеческого тела, даже на стадии эмбрионального развития. А внешность человека служит отражением его духовной сущности.

Одухотворены растения и животные, им свойственен дух жизни. «Дух растет и изменяется от деятельности сознания». У растений нет души, а «у животных – это объединяемый самосознанием (умом у высших животных) комплекс органических и чувственных восприятий, мыслей и чувств, следов воспоминаний или только (у низших) комплекс органических ощущений. Примитивный дух животных – это только дыхание жизни (у низших). По мере повышения по лестнице существ растет

их духовность, и к дыханию жизни присоединяются зачатки ума, воли и чувства» [1, с. 352].

Дух и душа составляют единую сущность, будучи неразделимо соединены при жизни, но степень духовности людей может значительно отличаться. Душа – «совокупность органических и чувственных восприятий, следов воспоминаний, мыслей, чувств и волевых актов, но без обязательного участия в этом комплексе высших проявлений духа, не свойственных животным и некоторым людям». Отличие животных состоит в том, что душа их смертна, как «смертны и те элементы самосознания человека, которые исходят из умершего тела (органические и чувственные восприятия)». Связанные с жизнью духа элементы самосознания бессмертны, как бессмертен и дух. Душа человека по сущности своей выше, поскольку может обладать высшими дарами Святого Духа, «духом страха Божия, духом познания, духом силы и крепости, духом света, духом разумения, духом мудрости. Духом Господним или даром благочестия и вдохновения в высшей степени» [1, с. 352–353]. Дар Святого Духа воплощен и в стремлении приблизиться к Богу, и это свидетельствует о высшей способности души человека.

Душа человека теснейшим образом связывалась с сердцем. В некоторых языках для их обозначения использовались одни термины. В понимании архиепископа Луки сердце – орган высшего познания. Вопреки мнению интеллектуалистов, не мозг, а именно сердце – орган чувств, орган мысли, указывающий и раскрывающий субъективное состояние человека, орган духовного восприятия, орган, который «совершенствует и исправляет Бог, как центр нашей духовной жизни и Богопознания»: «Мы познаем Бога по проявлениям его. Мы познаем Его по проявлениям силы и могущества Его, по действиям Его на сердца наши. По действиям Божиим, по изливаниям на нас силы Божией, по благодати Божией, которую мы ощущаем в сердцах наших... Вера недоказуема. Много, много было споров, много было попыток доказать, что Бог существует и что Бога нет. Но никто на продолжении всей истории человечества не мог доказать ни того, ни другого. Бога можно воспринимать только чистым сердцем. Да не смущается сердце ваше всеми нападениями на веру от разума и науки... Вера – это наша величайшая драгоценность, величайшая из всех ценностей человеческих» [1, с. 131]. Только сердцем человек способен ощущать Бога. Сердцем человек молится и великой формой молитвы является безмолвный вопль к Богу.

В тексте Священного писания о сердце упоминается почти на каждой странице. Мысли подлежат глубокой и окончательной обработке в сердце. Мысли формируют чувства, именно поэтому сердце способно передать всю гамму чувств и эмоций, оно служит хранилищем добра и зла, совести, ис-

точником воли. Сердце определяет поведение человека и выбор им жизненного пути.

Вера в силу своей иррациональности находит пристанище не в уме, а в сердце. В притче о сеятеле Иисус говорил, что «семя слова Божия сеется в сердце человека и хранится им, если оно чисто, или похищается из него дьяволом, если оно не умеет и не достойно хранить его» [1, с. 316]. Однако сердце «само обладает удивительной, важнейшей способностью получать из мира духовного экзотические, несколько не адекватные органам чувств, ощущения самого высшего порядка. И эти ощущения из сердца передаются уму, в мозг и в огромной степени определяют, направляют и изменяют все психические процессы, в уме и духе происходящие» [1, с. 321]. Следовательно, именно сердце рождает мысли, служащие материалом для мыслительной деятельности мозга, и потому является вторым органом восприятия познания и мысли. Исследования академика И.П. Павлова доказали, что мозговая кора анализирует не чувства, а ощущения. И, «если мозг нельзя считать органом чувства, то это в огромной мере подтверждает учение Священного Писания о сердце как органе чувств вообще, и в особенности высших чувств» [1, с. 330].

Человеку свойственно смешивать понятия мозг и ум, но дух не равнозначен уму, который есть выражение и проявление духа. «Кроме обычных раздражений, адекватных нашим органам чувств, наш мозг и сердце могут воспринимать гораздо более важные раздражения, исходящие из мозга и сердца других людей, животных и всей окружающей нас природы и, что важнее всего, из неведомого нам трансцендентального мира» [1, с. 333]. И судьба человека, и «все направление жизни всегда определяется благодатным воздействием Святого Духа, творящего в нем все доброе и чистое. И никогда не бывает тщетной надежда на Бога. Только бы был человек достойным того, чтобы обитал в Нем Святой Дух, чтобы стал он храмом для Него» [4, с. 289].

Дух извне входит в человека, имеющего душу. Дух может существовать отдельно от тела. Но именно дух «властвует над плотью, дух неизмеримо сильнее плоти, все происходящее в теле нашем направляется духом, живущим в нас. Духом все проникнуто, все живет, все направляется. От духа зависят все функции тела, он руководит нашей внутренней жизнью: он дает направление мыслям, чувствам, желаниям и стремлениям» [4, с. 288]. Следовательно, сердце и есть вместилище духа.

По словам архиепископа, в духе человеческом навеки отпечатлеваются все наши психофизические акты. «Для проявления духа нет никаких норм времени, не нужна никакая последовательность и причинная связь воспроизведения в памяти пережитого, необходимая для функций мозга. Дух сразу обнимает все и мгновенно воспроизводит все в его целостности» [1, с. 386]. Дух осуществляет

сложные интеллектуальные операции, проходящие мимо человеческого сознания. Архиепископ Лука вслед за некоторыми европейскими учеными считал, что сознание может забыть и стереть воспоминания, в то время как память не забывает ничего. Этим он объяснял и феномен в мгновение ока пролетевшей перед глазами человеческой жизни в ярких красках и с такими подробностями, запечатлеть которые мозг человека не в силах: «Бессознательное бодрствует».

Дух человека бессмертен, поскольку он – дыхание Духа Божия. Бог дает человеку возможность бесконечного совершенствования духа, для чего и «необходимо вечное бессмертное существование духа и бесконечность ряда форм его совершенства». Однако автор высказал сомнения в том, чтобы «закон бесконечного совершенствования духа в приближении к совершенству Бога был дан только людям, а не всему мирозданию, не всему миру духовных существ, ибо и они сотворены в различных степенях совершенства, далеко превосходящих малое совершенство духа человеческого» [1, с. 398]. Таким образом, дух можно рассматривать как сумму души и части ее, находящейся за пределами человеческого сознания. «В духе отпечатлеваются, его формируют, в нем сохраняются все акты души и тела. Под их формирующим влиянием развивается жизнь духа и его направленность в сторону добра или зла. Жизнь мозга и сердца и необходимая для них совокупная, чудно скоординированная жизнь всех органов тела нужны только для формирования духа и прекращаются, когда его формирование закончено, или вполне определилось его направление». В бессмертном человеческом духе продолжается вечная жизнь и бесконечное развитие к добру или злу и после смерти тела. Блаженство праведников следует рассматривать как беспредельное развитие в сторону добра и Божественной любви, а муки грешников как мучение, вызванное отчуждением от Бога и отравой зла и ненависти [1, с. 401]. Так дух человека свободен, а чувственная душа подчинена законам причинности, сочетающим свободу и необходимость.

В самые сложные времена, несмотря на аресты и ссылки архиепископ Лука находил в себе силы для проповеди и заботы о ближних. Велика его роль в сохранении и возрождении духовно-

нравственных ценностей. Представленные нами размышления архиепископа и их анализ приводят к выводу о том, что Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий был человеком, опередившим свое время. Еще в 30-е годы XX века он пришел к мысли о возможном единстве науки и веры, об их непротиворечивом сосуществовании. Огромнейшей его заслугой являются не только спасенные жизни пациентов, но и спасенные души простых людей и научной интеллигенции.

Библиографический список

1. Архиепископ Лука Дух, душа и тело. – М.: ТЕРРА, 2008. – 496 с.
2. Архиеп. Лука (Войно-Ясенецкий) Я люблю страдание... Автобиография. – М.: Изд-во им. Святителя Игнатия Ставропольского, 1999. – 206 с.
3. Котельников Г.П., Бурлина Е.Я. Праведник века Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий – Епископ Лука // Вопросы культурологии. – 2008. – № 5. – С. 9–11.
4. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) / сост. Е.И. Круглова. – М.: Благовест, 2012. – 352 с.
5. Худобородов А.Л., Яшина М.А. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) накануне и во время Великой Отечественной войны (некоторые дискуссионные вопросы) // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов. – Казань, 2015. – С. 495–499.

References

1. Arhiepiskop Luka Duh, dusha i telo. – M.: TERRA, 2008. – 496 s.
2. Arhiep. Luka (Vojno-YAseneckij) YA polyubil stradanie... Avtobiografiya. – M.: Izd-vo im. Svyatitelya Ignatiya Stavropol'skogo, 1999. – 206 s.
3. Kotel'nikov G.P., Burlina E.YA. Pravednik veka Valentin Feliksovich Vojno-YAseneckij – Episkop Luka // Voprosy kul'turologii. – 2008. – №5. – S. 9–11.
4. Svyatitel' Luka (Vojno-YAseneckij) / sost. E.I. Kruglova. – M.: Blagovest, 2012. – 352 s.
5. Hudoborodov A.L., YAshina M.A. Arhiepiskop Luka (Vojno-YAseneckij) nakanune i vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny (nekotorye diskussionnye voprosy) // Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg. v sud'bah narodov i regionov. – Kazan', 2015. – S. 495–499.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СФЕРА ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПРЕОДОЛЕНИЕ НЕХВАТКИ СПЕЦИАЛИСТОВ

Состояние кадрового потенциала учреждений социально-культурной сферы Чечено-Ингушской АССР в годы Великой Отечественной войны еще ни разу не становилось предметом специального исследования. Начальный период войны отмечен сокращением числа учреждений этой отрасли и уменьшением количества имевшихся в республике квалифицированных специалистов, значительная часть которых оказалась призвана в армию или эвакуирована вместе со своими организациями. Начиная с 1943 г. происходит восстановление кадрового потенциала социально-культурной сферы, который не смогла прервать даже депортация чеченцев и ингушей – к концу войны доля социально-культурных работников от общей численности рабочих и служащих уменьшилась лишь незначительно.

В статье впервые вводятся в научный оборот архивные материалы, раскрывающие ряд мер по стимулированию подготовки национальных кадров в период до февраля 1944 г.

Ключевые слова: Чечено-Ингушская АССР, Великая Отечественная война, социально-культурная сфера, подготовка кадров.

Деятельность учреждений социально-культурной сферы Чечено-Ингушской АССР в период Великой Отечественной войны, включая вопросы обеспечения отрасли квалифицированными специалистами, получила далеко не полное освещение в республиканской историографии. Лишь частично указанная проблематика нашла отражение в исследованиях В.И. Филькина, М.А. Абазатова, М.М. Ибрагимова, Х.А. Гакаева и др. На этом фоне нельзя не отметить ценность сборника «Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (июнь 1941–1980 гг.)», изданного в 1985 г., в котором опубликовано значительное число документов по рассматриваемой тематике.

К началу Великой Отечественной войны социально-культурная сфера получила значительное развитие в Чечено-Ингушской АССР, что подтверждается данными о количестве работников, занятых в ней. По одним данным, в 1940 г. 20,3 % всех рабочих и служащих были заняты в социально-культурной сфере, в том числе: просвещении – 11,1 %, науке и научном обслуживании – 1,0 %, кредитных и страховых учреждениях – 1,1 %, аппарате органов государственного и хозяйственного управления, кооперативных и общественных организаций – 7,1 % [16, с. 109].

По другим данным, доля работников социально-культурной сферы составляла 18,8 %, в том числе: просвещение – 10,3 %, наука и научное обслуживание – 0,9 %, кредитные и страховые учреждения – 1,0 %, аппарат органов государственного и хозяйственного управления, кооперативных и общественных организаций – 6,6 % [17, с. 106].

Таким образом, примерно пятая часть всех рабочих и служащих Чечено-Ингушетии были заняты в социально-культурной сфере, в том числе и в сельской местности.

Больше всего работников было вовлечено в сферу просвещения. В 1940/41 учебном году в Чечено-Ин-

гушетии функционировало 369 общеобразовательных школ, число учащихся составляло 106,4 тыс. Кроме того, в республике имелось 14 средних специальных учебных заведений (2,9 тыс. учащихся) и три вуза (1,2 тыс. студентов, в том числе 200 – заочников) [18, с. 99–100, 103–104].

Необходимо отметить наличие в источниках противоречивых данных о числе учителей накануне Великой Отечественной войны. Так, по одним данным, еще в 1938 г. в ЧИАССР насчитывалось 3 422 учителя, в том числе с высшим образованием – 207 человек (5,7 %) [9, с. 413], по другим – в 1940/41 учебном году общее количество учителей в общеобразовательных школах составляло 1,3 тыс. человек [18, с. 104].

Длительная нехватка учителей в республике привела к тому, что в 1938 г. власти пошли на беспрецедентный шаг – добились открытия в Грозном одновременно педагогического и учительского институтов. Причем учительский институт, открытый на базе подготовительных курсов, должен был готовить педагогические кадры по ускоренной программе – срок обучения в нем составлял всего два года. Институт имел два факультета: физико-математический и языка и литературы. На последнем функционировало отделение чеченского и ингушского языков и литературы [9, с. 414–415].

Источники не дают и полного представления о том, сколько имелось в республике лиц с высшим образованием – то ли около 3 тыс. человек [18, с. 100] в 1939 г., то ли 2,2 тыс. человек в начале 1941 г. [16, с. 113].

Что касается коренного населения Чечено-Ингушетии, то в 1939 г. среди чеченцев на 1 тыс. человек среднее образование имели 7,6 %, высшее – 0,3 %. При этом темпы подготовки кадров отставали от потребностей социальной сферы [9, с. 415].

С началом Великой Отечественной войны в работе образовательных учреждений Чечено-

Ингушской АССР, особенно вузов, возникли значительные трудности. Мобилизация в Красную Армию коснулась какой-то части учителей и преподавателей, а в еще большей степени – студентов. Сам учебный год начался с опозданием, так как студенты и преподаватели были мобилизованы на сельскохозяйственные работы. Например, в Грозненском нефтяном институте (ГНИ) в 1941 г. учебные занятия были прекращены на три месяца по причине занятости студентов и преподавателей в сельскохозяйственных и оборонных работах – в конце ноября 1941 г. состав института мобилизован на строительство оборонительных сооружений возле поселка Горячеводск [12, с. 564].

И в последующие годы студенты систематически отвлекались на различные хозяйственные и оборонительные работы.

Кроме того, были пересмотрены не только учебные программы, но и содержание многих изучаемых дисциплин. Так, срок обучения в ГНИ был сокращен с 5 до 3,5 лет, а в педагогическом институте – до 3 лет. Причем сокращение срока обучения производилось за счет уплотнения учебных программ, а не их сокращения. Количество ежедневных академических часов было увеличено на один час, а летние и зимние каникулы сокращены наполовину [1, с. 89].

В учебные программы вводились военные и санитарные дисциплины. Например, студенты ГНИ два раза в неделю проходили медицинскую практику в госпитале, размещенном в здании средней школы № 2 [12, с. 564].

В 1944 г. учебные планы высших и средних специальных учебных заведений по военной подготовке были пересмотрены и дополнены занятиями в военных и физкультурных кружках. Студентов обучали также навыкам противопожарной и противохимической защиты [6, с. 158].

Была изменена и тематика научно-исследовательских работ на многих кафедрах Грозненского нефтяного института. До 15 августа 1941 г. научно-исследовательские работы велись по графику, утвержденному еще в начале года, но затем тематика научно-исследовательских работ пересмотрена в соответствии с планом, утвержденным начальником Главного управления учебных заведений Наркомата нефти [12, с. 563].

ГНИ прекратил работу в сентябре 1942 г. в связи с эвакуацией в г. Коканд (Узбекистан), но уже в мае 1943 г. институт возобновил работу в Грозном с защиты дипломных работ (всего 44 человека). С 1 июля при институте открывались подготовительные курсы [11, с. 3], а новый учебный год начался 1 октября 1943 г. – на первый курс было принято 700 человек. Еще 79 человек было восстановлено на старших курсах, в том числе 25 чеченцев и ингушей [10, с. 65].

В целом за годы Великой Отечественной войны Грозненский нефтяной институт выпустил всего 207 инженеров [8, с. 221].

Еще хуже обстояло дело с подготовкой кадров для социально-культурной сферы. Например, Грозненский педагогический институт с 1941 по 1943 г. выпустил по дневному отделению только 102 специалиста: учителей истории, физики, математики, языка и литературы для средних школ. Еще 26 человек было выпущено по заочному отделению и 14 человек по вечернему отделению. Таким образом, всего было подготовлено 142 дипломированных учителя [10, с. 67].

17 декабря 1942 г. Совнарком Чечено-Ингушской АССР констатировал острый недостаток педагогических работников, особенно коренной национальности, и обязал республиканский Наркомат просвещения восстановить работу чеченского и ингушского педучилищ с охватом в первом 100 человек, во втором – 50 человек. Работу училищ намечалось начать не позднее 1 февраля 1943 г. Одновременно Совнарком потребовал отозвать всех учителей, работающих не по специальности, и направить их на педагогическую работу. Кроме того, учитывая наличие значительной части малоподготовленного учительства, Наркомату просвещения было предложено разработать и внести в Совнарком ЧИАССР проект мероприятий по развертыванию на местах без отрыва от производства учебы для этой части преподавательского состава, подготовке новых кадров, а равно и повышению квалификации работников политпросветучреждений [10, с. 39–40].

В широком масштабе возобновился набор студентов в педагогическом институте. По состоянию на 1 октября 1943 г., в этом вузе насчитывалось 288 студентов, из них на первом курсе всех факультетов – 223 человека, на втором курсе – 38, на третьем курсе – 27 человек. Преподавательский состав включал 32 человека, из них: доцентов и кандидатов наук – 7, старших преподавателей – 19, ассистентов и преподавателей – 6 [10, с. 66].

Война негативно отразилась и на работе общеобразовательных школ, в том числе образовался дефицит учительских кадров. Уже в январе 1942 г. бюро Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) вынуждено предпринять экстренные меры для укомплектования горных школ учительскими кадрами и послать на работу в Саясановский район – 16 человек, Шароевский – 4, Чеберлоевский – 5, Галанчожский – 10, Ножай-Юртовский – 1 человек [10, с. 28].

Поскольку война непосредственно коснулась лишь незначительной части территории Чечено-Ингушетии, ущерб, нанесенный социально-культурной сфере военными действиями, в целом можно считать не столь значительным. Всего в той или иной степени пострадало 14 школ, 4 детских учреждения и 16 клубов [5, с. 800].

Трудности, наблюдавшиеся в социально-культурной сфере ЧИАССР, в большей степени были связаны с общей дезорганизацией в экономической и общественной жизни, вызванными войной. 27 февраля 1943 г. первый секретарь Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) В. Иванов в своем выступлении на республиканском совещании по вопросам пропаганды и агитации отметил, что школы, особенно на селе, работают с большими перебоями, в том числе и по причине необеспеченности топливом. На недопустимо низком уровне находится посещаемость школ учениками. Отметив острую нехватку учителей из числа коренной национальности, он потребовал усилить работу с учителями по повышению их идейно-политического уровня и принять энергичные меры к наращиванию кадров из коренной национальности [14, с. 3].

В июле 1943 г. руководство Чечено-Ингушетии обратилось в ЦК ВКП(б) и СНК СССР с рядом предложений по стимулированию подготовки в республике национальных кадров. В частности, предлагалось в виде исключения: отменить плату за обучение в старших классах и установить 50 государственных стипендий по 500 руб. для учащихся старших классов; установить стипендию для учащихся коренной национальности: в вузах независимо от успеваемости 50 стипендий по 700 руб., в техникумах 100 стипендий по 600 руб.; отпустить 800 комплектов постельного белья для организации общежитий, а также выделить продовольственные фонды для организации трехразового питания студентов коренной национальности. Почти все эти предложения были приняты, за исключением стипендий для учащихся – Совнарком СССР эту просьбу отклонил [3, л. 18–19, 21]. Обращение республиканских властей в Москву объяснялось тем, что с 14 июля 1943 г. в Чечено-Ингушетии вводилось всеобщее обязательное обучение для детей школьного возраста (от 8 до 14 лет) в сельской местности в объеме начальной школы (4 класса), в городах и рабочих поселках – в объеме неполной средней школы (7 классов). А 15 июля 1943 г. вышло постановление СНК СССР, потребовавшее повсеместно организовать в городах и рабочих поселках сеть общеобразовательных школ, чтобы дать возможность продолжить образование без отрыва от производства работающим подросткам [10, с. 53, 54].

Однако кардинально нарастить педагогические кадры коренных национальностей не удалось, так как уже 23 февраля 1944 г. чеченцы и ингуши были депортированы в Среднюю Азию.

Не меньшие трудности возникли в деятельности культурно-просветительских учреждений. Примечательно, что в статистических сборниках, изданных в советское время, фигурируют противоречивые данные об их количестве. Так, в сборнике, изданном в 1957 г., указано, что в 1940 г. в Чече-

но-Ингушской АССР насчитывалось 248 библиотек и 211 изб-читален, а клубных учреждений – 343 [13, с. 107].

Но в статистических сборниках, изданных в 1967 и 1986 гг., отмечено, что в 1940 г. в республике функционировало 198 массовых библиотек с совокупным книжным фондом в 432 тыс. экз., клубных учреждений – 285, киноустановок с платным показом – 83, театров – 4, филармония – 1, музеев – 3 [16, с. 154; 15, с. 83].

Разница в приведенных данных, по всей видимости, объясняется тем, что в первом случае указано количество как государственных, так и ведомственных библиотек и клубных учреждений.

Начало войны очень быстро привело к сокращению бюджетных ассигнований, в результате которого временно прекратили деятельность и были распущены: Государственный театр юного зрителя, Государственный театр кукол, Чечено-Ингушский ансамбль песни и пляски, ансамбль ашугов, Дом народного творчества, изостудия, госфилармония, музей изобразительных искусств, музыкальная школа и музыкальное училище, художественная мастерская [10, с. 34–35].

Музей изобразительных искусств насчитывал всего 300 экспонатов – русского, западноевропейского и чечено-ингушского искусства. Его выделение из краеведческого музея в отдельное учреждение было связано с перспективой пополнения фондов из Государственного русского музея и Государственного Эрмитажа. Однако с началом войны эта перспектива была утрачена, а при существующих фондах музей не мог вести полноценную культурно-просветительскую работу. В то же время содержание его как отдельного учреждения со своими штатами представлялось нецелесообразным [2, л. 1].

После эвакуации Грозненского нефтяного института в г. Коканд временно прекратил работу музей геологии, созданный при нем [5, с. 758].

Временно прекратил работу и Русский драматический театр им. М.Ю. Лермонтова, эвакуированный в Восточную Сибирь 27 августа 1942 г. [10, с. 35].

На необходимость скорейшего возобновления деятельности временно закрытых учреждений социально-культурной сферы было указано в специальном постановлении СНК ЧИАССР от 17 декабря 1942 г. В частности, республиканский Наркомат просвещения и председатели исполкомов районных Советов депутатов обязывались в срок до 15 января 1943 г. восстановить работу всех политпросветучреждений, обеспечив их литературой, кадрами, помещением, топливом и освещением. Республиканскому Наркомату просвещения совместно с районными организациями поручалось принять меры по укреплению состава заведующих районных и городских отделов народного образования подготовленными кадрами. До 1 января

1943 г. предстояло полностью укомплектовать аппарат и самого Наркомпроса ЧИАССР [10, с. 40].

В начале 1943 г. в республике работали краеведческий музей, республиканская библиотека, 12 домов культуры, 23 районные библиотеки, 211 изб-читален [4, с. 64].

В начале марта 1943 г. руководство республики было вынуждено констатировать, что во многих районах не были приняты меры по восстановлению работы политпросветучреждений. Например, в Веденском районе из 17 изб-читален работали только три. Выделенные средства использовались крайне неудовлетворительно, в избах-читальнях отсутствовала литература. Указывалось также на необходимость восстановления работы радио на селе [14, с. 3].

Свои трудности возникли и в восстановлении деятельности ранее закрытых театральными организациями, художественно-актерский персонал которых выехал из Грозного или был призван в ряды РККА. Например, с началом войны ушли на фронт: директор Грозненского русского драматического театра В. Шатов, актеры В. Чернышев, С. Алхазов, С. Горчханов, студенты Чечено-Ингушской студии Московского института театрального искусства Т. Исаев, С. Дакаев, Д. Баркинхоев, А. Цароев, Д. Шаипов и др. [19, с. 605].

С этой задачей удалось справиться за счет привлечения молодых специалистов из числа окончивших музыкальное училище, еще оставшихся в республике актеров, а также специалистов, прибывших в Грозный по эвакуации [10, с. 35].

Известен по крайней мере один случай, когда к участию в театральных спектаклях был привлечен боец Красной Армии Сергей Бондарчук, находившийся на лечении в одном из госпиталей Грозного и впоследствии ставший народным артистом СССР [20, с. 504].

К сожалению, количество эвакуировавшихся в Грозный актеров и артистов осталось неустановленным.

По данным 1945 г., 18,4 % всех рабочих и служащих было занято в социально-культурной сфере, в том числе: просвещение – 8,4 %, наука и научное обслуживание – 1,4 %, кредитные и страховые учреждения – 1,2 %, аппарат органов государственного и хозяйственного управления, кооперативных и общественных организаций – 7,7 % [16, с. 109].

Таким образом, по сравнению с довоенным уровнем доля работников социально-культурной сферы уменьшилась лишь незначительно. Отчасти это можно объяснить как уменьшением численности населения в Грозненской области, так и значительным сокращением числа работающих в промышленности и сельском хозяйстве [7, с. 49].

Кроме того, с депортацией чеченцев и ингушей отпала необходимость в национальных кадрах, прежде всего, для системы образования, а также

сферы культуры и искусства. В этой связи некоторые чеченские исследователи отмечали, что, например, высшая школа республики лишь в малой степени ощутила влияние депортации чеченцев и ингушей, так как представительство коренных народов среди профессорско-преподавательского состава и студенчества было незначительным. Однако подготовка национальных кадров была прервана на 13 лет [12, с. 568].

В заключение можно отметить, что мобилизационные и эвакуационные мероприятия начального периода Великой Отечественной войны обусловили образование острого дефицита квалифицированных специалистов в социально-культурной сфере Чечено-Ингушской АССР. Между тем деятельность учреждений указанной отрасли имела важное значение для обеспечения стабильности общественно-политической ситуации и необходимого властям идеологического влияния на население республики. Но только после того, как была окончательно ликвидирована угроза захвата территории Чечено-Ингушской АССР немецко-фашистскими войсками, республиканское руководство смогло приступить к осуществлению эффективных мер по подготовке и привлечению к работе в социально-культурных учреждениях новых специалистов. В какой-то мере успешному решению этой задачи способствовало и прибытие значительного числа новых переселенцев взамен депортированных чеченцев и ингушей.

Библиографический список

1. *Абазатов М.А.* Чечено-Ингушская АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. – Грозный, 1973.
2. Архивное управление Правительства Чеченской Республики (АУПЧР). – Ф. 1210. – Оп. 1 эл. – Ед. уч. 2. – Ед. хр. 42. – Л. 1.
3. Архивное управление Правительства Чеченской Республики (АУПЧР). – Ф. 1212. – Оп. 3 кс. – Ед. хр. 601. – Л. 18–19, 21.
4. *Ахмадов Ш.Б.* Из истории развития культуры народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вклад народов Чечено-Ингушетии в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (III Кадыровские чтения): сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (г. Грозный, 15 апреля 2015 г.). – Грозный: ИПК «Грозненский рабочий», 2016. – С. 59–66.
5. *Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х.* История Чечни в XIX–XX веках. – М., 2005.
6. *Гайрабеков А.Я.* Коллектив Грозненского статистического техникума в годы Великой Отечественной войны // Вклад народов Чечено-Ингушетии в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (III Кадыровские чтения): сб.

материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (г. Грозный, 15 апреля 2015 г.). – Грозный: ИПК «Грозненский рабочий», 2016. – С. 155–167.

7. *Зоев С.О.* Промышленность Чечено-Ингушской АССР за 50 лет. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1972.

8. *Ибрагимов М.М., Хатуев И.З.* Чеченская Республика в период Великой Отечественной войны. – Нальчик: Эль-Фа, 2007.

9. История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 2. История Чечни XX и начала XXI веков. – Грозный, 2008.

10. Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (июнь 1941 – 1980 гг.): сб. документов и материалов. – Грозный, 1985.

11. *Левин М.* Кадры для нефтяной промышленности // Грозненский рабочий. – 1943. – 23 мая. – № 108 (6423). – С. 3.

12. *Матагова Х.А.* Грозненский нефтяной институт в годы Великой Отечественной войны // Россия и Кавказ: история и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию зарождения российской государственности; г. Грозный, 19–20 июня 2012 г. – Грозный, 2013. – С. 561–569.

13. Народное хозяйство Чечено-Ингушской АССР: Статистический сборник. – Грозный, 1957.

14. О состоянии и задачах партийно-пропагандистской и агитационно-массовой работы: (Речь секретаря Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) тов. В. Иванова на республиканском совещании по вопросам пропаганды и агитации 27 февраля 1943 года) // Грозненский рабочий. – 1943. – 5 марта. – № 52 (6367). – С. 2–3.

15. Чечено-Ингушская АССР в годы одиннадцатой пятилетки: Статистический сборник. – Грозный, 1986.

16. Чечено-Ингушская АССР за 50 лет: Статистический сборник. – Грозный, 1967.

17. Чечено-Ингушская АССР за 60 лет Советской власти: Статистический сборник. – Грозный, 1977.

18. 60 лет Чечено-Ингушской АССР: Статистический сборник. – Грозный, 1982.

19. *Эльбуздукаева Т.У.* Культура чеченского народа в годы Великой Отечественной войны и депортации // Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в г. Грозный, 18–19 мая 2010 г. – Грозный: Изд-во АН ЧР, 2010. – С. 603–614.

20. *Эльбуздукаева Т.У., Басханова Х.И.* Театральное искусство Чечено-Ингушетии в годы Великой Отечественной войны // Вклад народов Чечено-Ингушетии в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: III Кадыровские чтения: сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию

Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (г. Грозный, 15 апреля 2015 г.). – Грозный, ИПК «Грозненский рабочий», 2016. – С. 501–507.

References

1. Abazatov M.A. Checheno-Ingushskaya ASSR v Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo Soyuza. – Groznyj, 1973.

2. Arhivnoe upravlenie Pravitel'stva Chechenskoj Respubliki (AUPCHR). – F. 1210. – Op. 1ehl. – Ed. uch. 2. – Ed. hr. 42. – L. 1.

3. Arhivnoe upravlenie Pravitel'stva Chechenskoj Respubliki (AUPCHR). – F. 1212. – Op. 3 ks. – Ed. hr. 601. – L. 18–19, 21.

4. Ahmadov SH.B. Iz istorii razvitiya kul'tury narodov Severnogo Kavkaza v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.) // Vklad narodov Checheno-Ingushetii v Pobedu v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. (III Kadyrovskie chteniya): sb. materialov Vseros. nauch. konf., posvyashch. 70-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. (g. Groznyj, 15 aprelya 2015 g.). – Groznyj: IPK «Groznskij rabochij», 2016. – S. 59–66.

5. Ahmadov YA.Z., Hasmagomadov EH.H. Istoriya Chechni v XIX–XX vekah. – M., 2005.

6. Gajrabekov A.YA. Kollektiv Groznenskogo statisticheskogo tekhnikuma v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Vklad narodov Checheno-Ingushetii v Pobedu v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. (III Kadyrovskie chteniya): sb. materialov Vseros. nauch. konf., posvyashch. 70-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. (g. Groznyj, 15 aprelya 2015 g.). – Groznyj: IPK «Groznskij rabochij», 2016. – S. 155–167.

7. Zoev S.O. Promyshlennost' Checheno-Ingushskoj ASSR za 50 let. – Groznyj: Chech.-Ing. kn. izd-vo, 1972.

8. Ibragimov M.M., Hatuev I.Z. Chechenskaya Respublika v period Velikoj Otechestvennoj vojny. – Nal'chik: EHI'-Fa, 2007.

9. Istoriya Chechni s drevnejshih времен do nashih dnei: v 2 t. T. 2. Istoriya Chechni XX i nachala XXI vekov. – Groznyj, 2008.

10. Kul'turnoe stroitel'stvo v Checheno-Ingushetii (iyun' 1941 – 1980 gg.): sb. dokumentov i materialov. – Groznyj, 1985.

11. Levin M. Kadry dlya neftyanoj promyshlennosti // Groznenskij rabochij. – 1943. – 23 maya. – № 108 (6423). – S. 3.

12. Matagova H.A. Groznenskij neftyanoj institut v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Rossiya i Kavkaz: istoriya i sovremennost': materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 1150-letiyu zarozhdeniya rossijskoj gosudarstvennosti; g. Groznyj, 19–20 iyunya 2012 g. – Groznyj, 2013. – S. 561–569.

13. Narodnoe hozyajstvo Checheno-Ingushskoj ASSR: Statisticheskij sbornik. – Groznyj, 1957.

14. О состоянии и задачах партийно-пропагандистской и агитационно-массовой работы: (Rech' sekretarya CHEcheno-Ingushskogo obkoma VKP(b) tov. V. Ivanova na respublikanskom soveshchaniі po voprosam propagandy i agitacii 27 fevralya 1943 goda) // Groznenskij rabochij. – 1943. – 5 marta. – № 52 (6367). – S. 2–3.
15. CHEcheno-Ingushskaya ASSR v gody odinnadcatoj pyatiletki: Statisticheskij sbornik. – Groznyj, 1986.
16. CHEcheno-Ingushskaya ASSR za 50 let: Statisticheskij sbornik. – Groznyj, 1967.
17. CHEcheno-Ingushskaya ASSR za 60 let Sovetskoj vlasti: Statisticheskij sbornik. – Groznyj, 1977.
18. 60 let CHEcheno-Ingushskoj ASSR: Statisticheskij sbornik. – Groznyj, 1982.
19. EHI'buzdukaeva T.U. Kul'tura chechenskogo naroda v gody Velikoj Otechestvennoj vojny i deportacii // Narody CHEchenskoj Respubliki v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 godov: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 65-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. v g. Groznyj, 18–19 maya 2010 g. – Groznyj: Izd-vo AN CHR, 2010. – S. 603–614.
20. EHI'buzdukaeva T.U., Baskhanova H.I. Teatral'noe iskusstvo CHEcheno-Ingushetii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Vklad narodov CHEcheno-Ingushetii v Pobedu v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.: III Kadyrovskie chteniya: sb. materialov Vseros. nauch. konf., posvyashch. 70-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. (g. Groznyj, 15 aprelya 2015 g.). – Groznyj, IPK «Groznenskij rabochij», 2016. – S. 501–507.

Околотин Владимир Сергеевич
доктор исторических наук
Ивановский государственный университет
okolotin.vladimir@yandex.ru

ОПЕРАТИВНО-ЧЕКИСТСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ОБОРОННЫХ ОБЪЕКТОВ В ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1942 ГОДУ

Статья посвящена проблеме исследования деятельности органов НКВД по оперативному обслуживанию оборонной промышленности в годы Великой Отечественной войны. В ней на примере работы сотрудников Управления НКВД по Ивановской области раскрываются особенности такой работы в регионе в 1942 году. Особое внимание в статье уделено раскрытию результативности указанной деятельности, а также выявлению причин, препятствовавших выполнению постановлений Государственного комитета обороны СССР. Кроме того, в статье раскрываются особенности оперативно-разыскной работы ивановских чекистов на оборонных объектах Ивановской области. В ней также отражена роль обкома ВКП(б) по устранению недостатков выявленных сотрудниками органов НКВД в производственной деятельности предприятий. Статья подготовлена на материалах Государственного архива Ивановской области и архива Управления ФСБ России по Ивановской области. В ней обобщены новые сведения по указанной теме, большинство документов впервые вводятся в научный оборот. Результаты данного исследования могут представлять интерес для специалистов в области региональной экономики, истории спецслужб и Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: постановления, Государственный комитет обороны СССР, обком ВКП(б), управление НКВД по Ивановской области, горотделы НКВД, оборонные предприятия, завод № 2, специальные задания, оборудование, производственная программа, действующая армия, вооружение, боеприпасы, решения, меры воздействия.

Оперативное обслуживание оборонных объектов было одним из важных направлений деятельности Управления НКВД по Ивановской области накануне и в годы Великой Отечественной войны. Это было связано с тем, что на ее территории, включавшей в себя до августа 1944 года части будущих Владимирской (19 районов) и Костромской (3 района) областей, находились и строились новые предприятия наркоматов вооружения, минометного вооружения, боеприпасов и других. Им отводилась значимая роль в укреплении обороноспособности страны, о чем свидетельствуют различные аналитические записки, подготовленные обкомом ВКП(б) на основании информации УНКВД и направленные в 1939–1940 гг. в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину и СНК СССР В.М. Молотову [20].

С началом Великой Отечественной войны внимание к ним усилилось, а после образования 30 июня 1941 года Государственного комитета обороны СССР именно он стал определять объемы и виды вооружения, в том числе и для оборонных предприятий Ивановской области. Контроль за выполнением постановлений ГКО СССР был возложен на органы НКВД, которые уже в 1941 году достигли в этом направлении положительных результатов. Применительно ко второму полугодю 1941 года эта тема была уже исследована автором в монографиях, опубликованных отдельными изданиями в 2016 и 2017 годах [21; 22]. Данная же статья является продолжением начатого исследования и охватывает деятельность УНКВД по Ивановской области по обслуживанию оборонных объектов в 1942 году.

О специфике такого обслуживания свидетельствуют документы из различных фондов Государственного архива Ивановской области и архива управления ФСБ России по Ивановской области.

К одному из них следует отнести совместную совершенно секретную информацию секретаря обкома ВКП(б) Г.Н. Пальцева и начальника Управления НКВД по Ивановской области М.И. Маркеева от 11 февраля 1942 года на имя заместителя председателя СНК СССР Л.П. Берии. В ней сообщалось о выполнении его указаний от 26 января 1942 года, о результатах проверки складских помещений и дворового хозяйства завода № 2 имени Киркиж в г. Коврове, а также его филиалов на предмет выявления оборудования, не используемого предприятием. В ходе проверки чекистами было установлено, что на заводе имелось 97 металлорежущих станков, 11 прессов от 4 до 50 тонн и 5 формовочных машин, которые не использовались в производстве. Однако в той же информации признавалось, что часть указанного оборудования являлась резервной и предполагалась к использованию «при организации новых производств пулеметов-пистолетов системы Шпагина и пушки системы Волкова – Ярцева» [2].

Согласно другому документу, 19 мая 1942 года на заседании бюро обкома ВКП(б) слушался вопрос «О состоянии охраны промышленных предприятий и учреждений г. Иванова». Рассмотрению данного вопроса было уделено повышенное внимание, поскольку на нем присутствовали замнаркома текстильной промышленности СССР А.М. Ушаков и представитель от ЦК ВКП(б) И.В. Капитонов. С докладом выступил М.И. Маркеев, который рассказал о результатах проверки, осуществленной сотрудниками НКВД. В прениях выступили приглашенные на заседание, в том числе директор «Текстильмаша» (Г.Д. Димов) и директор «Торфмаша» (Косовой) [3]. Итоги обсуждения подвел Г.Н. Пальцев. По его словам, проверка показала, что «указание тов. Сталина руководителями наших предприятий и начальниками охраны предприятий забыто. Многочисленные факты свидетельствуют

о том, что в охране существует полнейшая беспечность и распушенность, и точнее говоря, преступность... что значит для начальника охраны допустить положение, когда с завода беспрепятственно выносятся продукция. Это значит совершить государственное преступление» [4]. В этой связи он поручил областному прокурору Н.Н. Хламову и областному суду рассматривать дела о нарушениях в караульной службе фабрик и заводов по всей строгости военного времени [5].

Итоги обсуждения и содержание поручений нашли отражение в постановлении обкома ВКП(б) «О состоянии охраны промышленных предприятий и учреждений г. Иванова». Согласно его содержанию, начальникам охраны «Торфмаша» и «Текстильмаша» были объявлены выговоры, а руководители ИвТЭЦ (Сенников), меланжевого комбината (Косыко) и химзавода (Шишов) были предупреждены о недопустимости халатного отношения к охране предприятий [6].

О внимании Управления НКВД к другим оборонным предприятиям области свидетельствует указание М.И. Маркеева начальникам горрайаппаратов от 27 мая 1942 года. В нем говорилось о необходимости принятия срочных мер к безусловному выполнению заводами спецзаданий и оказанию им помощи в производстве вооружения и боеприпасов. Для этого «к каждому из заводов надлежало прикрепить оперативного работника и сообщить их фамилии в НКВД СССР. О ходе выполнения заводами заданий предложено ежедневно к 12 часам доносить в НКВД СССР». Им приказывалось «максимально использовать местные ресурсы и возможности» и немедленно информировать обо всех случаях, где требовалось оказание помощи директорам предприятий со стороны УНКВД и областных организаций. Одновременно горрайаппаратам предписывалось «вскрывать и устранять недостатки, влияющие на успешное выполнение заданий, факты саботажа, вредительства, диверсии, тщательно документируя их, проводя по ним расследование в самый короткий срок». Их начальники обязывались направлять материалы расследований М.И. Маркееву с личным заключением «не позднее 48 часов после обнаружения недостатков, вскрытия фактов саботажа, вредительства, диверсии и т. д.» [1].

Для проверки выполнения предприятиями военных заказов решением бюро обкома ВКП(б) от 20 июня 1942 года была создана комиссия в составе секретарей Г.М. Капранова, А.Г. Шейна и начальника УНКВД М.И. Маркеева. Ей было поручено приступить к работе немедленно и в первую очередь проверить работу самых отстающих хозяйственных организаций, детально разобрать их работу и в случае необходимости внести в обком ВКП(б) предложения о привлечении виновных к ответственности [7].

Вскоре появились результаты такой работы. Они касались деятельности заводов «Автоприбор»

(директор Я.И. Эпштейн) во Владимире и «Текстильмаш» (директор Г.Д. Димов) в Иванове, выпускавших оборонную продукцию. При этом следует отметить, что Я.И. Эпштейн и Г.Д. Димов по итогам работы возглавляемых ими предприятий в 1941 году были награждены орденами, а в 1942 году их фамилии неоднократно звучали в постановлениях Государственного комитета обороны СССР. Это было связано с тем, что обоим заводам ГКО СССР отводил важную роль в производстве боеприпасов, снарядов, мин, авиационных бомб и изделий М-30. И все-таки, как свидетельствуют архивные документы, у чекистов к ним возникли очень серьезные вопросы.

О содержании претензий УНКВД к «Автоприбору» можно судить из обращения Я.И. Эпштейна к секретарю обкома ВКП(б) Г.Н. Пальцеву и начальнику УНКВД по Ивановской области М.И. Маркееву с просьбой о защите и помощи. В нем он сообщал о том, что в течение «нескольких месяцев начальник Владимирского горротдела НКВД Калинин бесконечными следствиями и допросами большого количества работников завода и публично на заседании бюро горкома и разного рода совещаниях травит завод «Автоприбор» и его руководителей, используя для этого материалы своих осведомителей, сознательно или несознательно искажающих факты из работы завода». Более того, «14 июля он на горпартконференции, натаскав старые и новые клеветнические материалы, выступил с погромным обвинением меня в антигосударственной деятельности в форме, явно рассчитанной на сенсацию для обывательски настроенных людей. На другой день газета «Призыв» подала выступление Калининкова с призывом к бдительности и разоблачению врагов. Только так и можно понять начальника горотдела НКВД, говорившего с такой сенсацией в течение всей полуторачасовой своей речи о директоре «Автоприбора»» [8].

Данное обращение послужило основанием для тщательной проверки работы завода. По ее результатам секретарь обкома ВКП(б) по кадрам А.Г. Шейн и заведующий отделом машиностроения и химии А.Н. Зверев сделали следующие умозаключения. В частности, завод «Автоприбор» производственные задания 1941 и 1942 годов систематически перевыполняет. План за 1 полугодие 1942 года по валовой продукции выполнен на 152,7 %. Программу июля и августа завод также перевыполнил. Перевыполнение планов достигнуто прежде всего за счет отлаженного технологического процесса, оснащенного оборудованием и инженерно-техническими работниками, наличия резервов производственных мощностей и внедрения механизации и автоматизации в производство. Только с начала войны работниками завода внесено сотни рационализаторских предложений, которые облегчили труд многих рабочих. На заводе была установлена двухплановая система, а именно: план, утвержденный наркоматом, и оперативный план завода, который давался цехам.

Причем оперативный был выше утвержденного наркоматом среднего машиностроения на 15–60 %. Наличие двухплановой системы наркоматом расценивалось как вполне нормальное явление, являющееся необходимым для создания как внутрицехового, так и общезаводского заделов. Все это, отмечалось в итоговой справке, «дает заводу дополнительные производственные мощности, которые, несмотря на заниженный план, спущенный главком, не учтены в программе и являются потенциальными резервами цехов и всего завода».

В свою очередь у работников горотдела НКВД г. Владимира сформировалось мнение о том, что Я.И. Эпштейн «сознательно занижает план и не требует от наркомата его увеличения, скрывает производственные мощности». «Масла в огонь» подливало высокомерное поведение Я.И. Эпштейна «по отношению к горотделу НКВД, а также к старому составу бюро горкома ВКП(б), «что, мол, Калинин, его работники и горком не понимают производства, а чего-то все ищут». В итоге указанными лицами был сделан следующий вывод: «Все эти факты сильно отражаются на нормальной работе завода, так как т. Эпштейну предъявить политическое обвинение, которое ищут в течение 6–7 месяцев не могут, нет фактов, а бюро горкома ВКП(б) не решает этот вопрос – смотрит, чтобы его не обвинили, а “вдруг Эпштейн окажется врагом” и вопрос снова остается неразрешенным» [9].

8 сентября 1942 года на бюро обкома ВКП(б) слушался вопрос «О заводе “Автоприбор”». В его обсуждении кроме членов бюро обкома ВКП(б) участвовали Я.И. Эпштейн и начальник Владимирского горотдела НКВД Калинин. Разговор был достаточно жестким. Эмоции накалились настолько, что Калинин, согласно стенограмме, «сделалось дурно» и он был вынужден прервать свое выступление [2]. Несмотря на мощную критику деятельности Владимирского горотдела, М.И. Маркеев в своей речи все же счел должным утверждать (не бросил подчиненного. – В. О.), что «в работе завода “Автоприбор”, главным образом со стороны Эпштейна, допускается практика занижения производственных мощностей», и «у нас по сей день есть твердое убеждение, что факты занижения производственных мощностей были и есть», и что «всю деятельность Эпштейна надо рассматривать как антигосударственную практику» [10].

В итоге бюро обкома в тот же день приняло постановление «О работе Владимирского завода “Автоприбор”». В нем, говорилось, что коллектив завода «Автоприбор» в дни Великой Отечественной войны добился значительных производственных подъемов за выполнение государственного задания. И далее ни слова не сказано о сути «антигосударственной практики» Я.И. Эпштейна. Вместе с тем можно полагать, что позиция Управления НКВД все же была учтена, поскольку в постановлении говорится о решении просить наркома среднего машиностроения С.А. Аكوпова «месячное оперативное

задание заводу давать из учета производственных мощностей с обеспечением плана материальной базой». Одновременно Я.И. Эпштейну предложено осуществить ряд других производственно-технических мероприятий, направленных на включение резервных мощностей в производственный процесс [11]. Следует сказать, что взвешенная позиция обкома ВКП(б) в отношении завода «Автоприбор» и его руководителя оказалась вполне оправданной. В последующие месяцы трудовой коллектив завода продолжил занимать ведущие места во Всесоюзном социалистическом соревновании с получением причитающихся за это денежных премий [12].

О недостатках, выявленных в деятельности «Текстильмаша» (в ряде документов он значился под номером 743. – В. О.) также можно судить по архивным документам. 22 сентября 1942 года на бюро обкома ВКП(б) слушался вопрос «О работе завода № 743». В его работе приняли участие директор завода Г.Д. Димов (с докладом), заместитель уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Ивановской области Смирнов, военный представитель Якимов, начальник управления НКВД М.И. Маркеев и другие. После выступления Г.Д. Димова в прениях по нему прозвучали следующие оценки деятельности завода и его директора. В частности, Г.Н. Пальцев заявил: «В 1941 году завод работал неплохо, выполнял работу на 130 %. За это Димов был отмечен правительством, награжден орденом “Знак Почета”. Относительно наркомата, это не планирование, когда 30 июля дают программу на июль. Это самое настоящее озорство, вот, дескать, вам дали, выполняйте» [13].

По утверждению члена бюро обкома ВКП(б) В.Г. Татаринцева, завод имел возможность выполнить установленную программу, в частности по mine 120 мм и другим изделиям. Более того, говорил он, «Димова предупреждали, чтобы он готовился к выпуску этого заказа. Димов 7 мая получает приказ, чтобы выполнить это задание в мае месяце, но никакой продукции не выпускается. Почему это? Как мы можем подходить к оценке этого факта, когда член партии саботирует, по существу, приказ наркомата, когда не выполняется задание правительства, когда нашей Красной Армии нужно этим стрелять, а один отсиживается здесь в тылу и не хочет выполнять заказы правительства».

Аналогичное положение, по словам В.Г. Татаринцева, сложилось с 82 мм миной. Однако здесь наркомат сообщил заводу об июльском задании лишь 23 июля. Поскольку указания завод не получил, он и не был готов к его выполнению. Несмотря на отсутствие задания, продолжал Татаринцев, директор завода знал, что такое указание поступит, но не принял никаких усилий для сглаживания возникшей ситуации. Лишь после получения телеграммы за подписью Л.П. Берии о том, что завод срывает выпуск этой продукции, «начинается писанина, после этой записки наркомат спускает им программу действий». Но и в этой ситуации

«Димов не принял необходимых мер и задание не выполняется. Нельзя делать так, как т. Димов, они подняли один участок, другой зашили, неужели нужно сидеть там Маркееву, Шейну, Урядову, чтобы столкнуть это дело, чтобы он выполнял задания наркомата государственной обороны» [14].

Высказывания М.И. Маркеева в адрес Г.Д. Димова также были довольно критичными. В стенограмме его выступления говорилось: «Бесспорно, те трудности, которые переживает страна, отразились и на работе машиностроения, но мы эти трудности должны преодолевать и должны понять, что выполнение задания зависит исключительно от руководства завода и, в частности, от директора Димова. Мы включились в эту работу при проверке выполнения заказов по продукции М-30, мы заводу оказывали большую помощь в смысле наведения порядка и отгрузки материалов, которые шли на изготовление этой продукции, однако до первой половины июня на 3000 план был сорван и план на 3500 был под угрозой срыва. Причем был поставлен вопрос: или давай продукцию, или приходи к нам, ну люди здесь дали... 110, 210, 240 % доходил выпуск для Катюши».

И далее, по его словам: «Другой вопрос, связанный с изготовлением продукции М-30. Заводу дано было задание изготовить головки и штамповки 3 тыс., было такое задание, и завод был обязан сделать. Этот план был сорван, у вас был пресс, есть другие прессы, прессовое хозяйство позволяло полностью это задание выполнить, ни директор, ни главный инженер не удосужились серьезно заняться этим делом. Была договоренность с Ярославской железной дорогой, дали ветке рельсы, в конце концов договорились, чтобы им дали кран, несмотря на это пресс до сих пор не установлен. Почему? Только потому, что если пресс этот установить, им вдвое, втрое увеличат программу. Во всяком случае, напрашивается и я склонен сделать выводы, что здесь не столько то, что Димов не способен организовать дело, дело связано с прямым саботажем...» [15].

В итоге 22 сентября 1942 года члены бюро обкома ВКП(б) приняли постановление «О систематическом невыполнении заданий ГКО СССР и наркомата на заводе № 743 НКМВ». В его констатирующей части говорилось о том, что завод № 743 наркомата минометного вооружения в 1942 году систематически не выполняет заданий Государственного комитета обороны и приказы наркомата по выпуску боеприпасов. На 1 сентября (за 8 месяцев 1942 года) зажигательных бомб изготовлено 39,7 %, из этого количества не отгружено на это же число на снаряжательный завод половина авиабомб, из которых большая часть была изготовлена еще в апреле – мае 1942 года.

Задания ГКО СССР на май – август 1942 года по минам 82 мм на 1 сентября по 1-му изделию выполнено на 39,7 %, а по 2-му – всего лишь на 5,5 %. По производству дистанционной 76 мм гранаты программа выполнена на 73,8 %. Хотя завод и пере-

выполнил задание ГКО по изготовлению головок для снаряда М-30, но приказ наркомата по ним так и остался невыполненным. В итоге производственная программа за 8 месяцев 1942 года по валовой продукции заводом выполнена на 63,5 %, а по выпуску товарной продукции – только на 58,2 %.

Более того, говорилось в постановлении, «в результате ослабления политической и производственно-массовой работы ежедневные невыходы на работу по различным причинам составили 252 человека, или 12–13 % к общему числу работающих на заводе. Увеличились случаи нарушения трудовой дисциплины. В июне текущего года по этой причине было привлечено к судебной ответственности 40 человек, а в августе уже 61 человек.

Директор завода Г.Д. Димов, несмотря на предупреждение бюро обкома ВКП(б) от 3 июня 1942 года и серьезную критику на городском активе машиностроителей, не обеспечил выполнение заданий ГКО и приказов наркомата. Вместо налаживания работы завода встал на путь очковтирательства и незаконного зачисления в товарную продукцию изделий, не принятых военпредом».

В постановлении прозвучала критика и в адрес наркомата минометного вооружения, «который несвоевременно обеспечивал снабжение завода целым рядом материалов, что способствовало срыву производственной программы... план заводу сообщал по несколько раз в месяц, и в конце месяца наркоматом задерживалось сообщение заводу заданий Государственного комитета обороны, и в результате чего задание ГКО на июнь 1942 года по М-82 наркоматом не было дано и заводом не выполнено. Задание на июль по этому же изделию было сообщено только 23 июля 1942 года» [16].

На основании изложенного бюро обкома ВКП(б) постановило: «За систематическое невыполнение заданий и приказов наркомата, за обман партийных организаций (райкома, горкома и обкома ВКП(б), бесхозяйственное отношение к учету и хранению штамповки для 76 мм гранаты, в результате чего на заводе не достает большого количества штамповок, директора завода Димова Г.Д. с работы снять и объявить ему строгий выговор с занесением в личное дело. Поручить следственным органам провести расследование хозяйственной деятельности т. Димова на заводе».

Новое руководство завода бюро обкома решило обязать «безусловно добиться выполнения и перевыполнения заданий Государственного комитета обороны в сентябре и октябре месяцах, для чего провести необходимые мероприятия и немедленно приступить к подготовке и к изготовлению опытного образца по новому заданию ГКО – миномета МП-82. Первый образец дать к 1 октября 1942 года [17].

Кроме проведения первоочередных кадровых и общезаводских мероприятий, было решено довести до сведения ЦК ВКП(б), что наркомат минометного вооружения допускает «неправильную практику планирования, при которой производ-

ственная программа каждого месяца в денежном выражении сначала устанавливается, а потом изменяется по 2–3 раза». При этом задания не обеспечивались необходимыми металлом и материалами, из-за чего на заводе возникали большие простои. Также решено просить ЦК ВКП(б) предложить наркомату минометного вооружения исправить отмеченные недостатки, улучшить управление заводом № 743 и вывести из списка представленных к награде за успешное выполнение задания по изделию М-30 бывшего главного инженера предприятия Н.Д. Егорова и секретаря партбюро Д.З. Куковенко. Взамен должности последнего выражена просьба утвердить на заводе № 743 должность парторга ЦК ВКП(б) [18].

Архивные документы также свидетельствуют о том, что из-за недостатка оперативных работников горрайотделы НКВД не могли охватить оперативным обслуживанием другие важные оборонные объекты. Об этом свидетельствует докладная записка секретаря Ковровского горкома ВКП(б) Г.А. Ухмылова на имя Г.Н. Пальцева от 15 сентября 1942 года. В ней он отмечал, что Ковровский горотдел НКВД «не в состоянии реагировать на целый ряд сигналов, требующих своевременного и глубокого расследования. Причиной тому служит неуккомплектованность штата горотдела НКВД. Я по этому вопросу неоднократно обращался к начальнику областного управления НКВД т. Маркееву. Неоднократно т. Маркеев меня заверял, что штат горотдела НКВД будет укомплектован, но до сегодняшнего дня т. Яльцев не имеет у себя заместителя и ряда других оперативных работников, что не может сказаться на оперативной работе. Настойчиво прошу дать указание т. Маркееву о немедленном укомплектовании штата горотдела НКВД» [21].

Таким образом, управление НКВД, испытывая недостаток в сотрудниках, максимально стремилось обеспечивать оперативное сопровождение предприятий области, выполнявших оборонные заказы. В результате к решению многих проблем, не находившим разрешения на местном уровне, привлекалось внимание обкома ВКП(б), соответствующих наркоматов и в ряде случаев ЦК ВКП(б). Это способствовало укреплению производства по выпуску оборонной продукции и своевременному выполнению заданий ГКО СССР.

Библиографический список

1. Архив УФСБ РФ по Ивановской области. – Ф. 1, гр. 2. – Оп. 23, порядк. 5. – Л. 33–34 об.
2. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – ФП 327. – Оп. 7. – Д. 403. – Л. 150 об.
3. ГАИО. – ФП. 327. – Оп. 7. – Д. 480. – Л. 80.
4. ГАИО. – ФП. 327. – Оп. 7. – Д. 396. – Л. 2.
5. ГАИО. – ФП. 327. – Оп. 7. – Д. 396. – Л. 2.
6. ГАИО. – ФП. 327. – Оп. 7. – Д. 396. – Л. 9.

7. ГАИО. – ФП. 327. – Оп. 7. – Д. 396. – Л. 34.
8. ГАИО. – ФП. 327. – Оп. 7. – Д. 401. – Л. 29.
9. ГАИО. – ФП. 327. – Оп. 7. – Д. 404. – Л. 23.
10. ГАИО. – ФП. 327. – Оп. 7. – Д. 404. – Л. 3–5.
11. ГАИО. – ФП. 327. – Оп. 7. – Д. 403. – Л. 153–153 об.

12. ГАИО. – ФП. 327. – Оп. 7. – Д. 404. – Л. 1–2.
13. ГАИО. – ФП. 327. – Оп. 7. – Д. 410. – Л. 169.
14. ГАИО. – ФП. 327. – Оп. 7. – Д. 406. – Л. 9–10.
15. ГАИО. – ФП. 327. – Оп. 7. – Д. 406. – Л. 10 об.
16. ГАИО. – ФП. 327. – Оп. 7. – Д. 406. – Л. 11 об.
17. ГАИО. – ФП. 327. – Оп. 7. – Д. 406. – Л. 30.
18. ГАИО. – ФП. 327. – Оп. 7. – Д. 406. – Л. 31.
19. ГАИО. – ФП. 327. – Оп. 7. – Д. 406. – Л. 32.
20. ГАИО. – ФП. 327. – Оп. 7. – Д. 659. – Л. 8.
21. Из истории органов Государственной безопасности в Ивановской области (1918–1954 гг.) // А.В. Рыжиков, О.Ю. Олейник, В.С. Околотин и др. – Иваново, 2008. – С. 267–270.

22. Околотин В.С. Ивановская область в годы Великой Отечественной войны // В.С. Околотин. – Иваново: А-Гриф, 2016. – Кн. 1: 22 июня – 31 декабря 1941 года. – С. 37–54.

References

1. Arhiv UFSB RF po Ivanovskoj oblasti. – F. 1, gr. 2. – Op. 23, poryadk. 5. – L. 33–34 ob.
2. Gosudarstvennyj arhiv Ivanovskoj oblasti (GAIO). – FP 327. – Op. 7. – D. 403. – L. 150 ob.
3. GAIO. – FP. 327. – Op. 7. – D. 480. – L. 80.
4. GAIO. – FP. 327. – Op. 7. – D. 396. – L. 2.
5. GAIO. – FP. 327. – Op. 7. – D. 396. – L. 2.
6. GAIO. – FP. 327. – Op. 7. – D. 396. – L. 9.
7. GAIO. – FP. 327. – Op. 7. – D. 396. – L. 34.
8. GAIO. – FP. 327. – Op. 7. – D. 401. – L. 29.
9. GAIO. – FP. 327. – Op. 7. – D. 404. – L. 23.
10. GAIO. – FP. 327. – Op. 7. – D. 404. – L. 3–5.
11. GAIO. – FP. 327. – Op. 7. – D. 403. – L. 153–153 ob.
12. GAIO. – FP. 327. – Op. 7. – D. 404. – L. 1–2.
13. GAIO. – FP. 327. – Op. 7. – D. 410. – L. 169.
14. GAIO. – FP. 327. – Op. 7. – D. 406. – L. 9–10.
15. GAIO. – FP. 327. – Op. 7. – D. 406. – L. 10 ob.
16. GAIO. – FP. 327. – Op. 7. – D. 406. – L. 11 ob.
17. GAIO. – FP. 327. – Op. 7. – D. 406. – L. 30.
18. GAIO. – FP. 327. – Op. 7. – D. 406. – L. 31.
19. GAIO. – FP. 327. – Op. 7. – D. 406. – L. 32.
20. GAIO. – FP. 327. – Op. 7. – D. 659. – L. 8.
21. Iz istorii organov Gosudarstvennoj bezopasnosti v Ivanovskoj oblasti (1918–1954 gg.) // A.V. Ryzhikov, O.YU. Olejnik, V.S. Okolotin i dr. – Ivanovo, 2008. – S. 267–270.
22. Okolotin V.S. Ivanovskaya oblast' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // V.S. Okolotin. – Ivanovo: A-Grif, 2016. – Kn. 1: 22 iyunya – 31 dekabrya 1941 goda. – S. 37–54.

Абовян Елена Николаевнакандидат исторических наук
Брянский государственный технический университет
abovyan-elena@rambler.ru**Дзюбан Валерий Валерьевич**доктор исторических наук, кандидат педагогических наук
Институт мировых цивилизаций, г. Москва
bryanskstudzuban@mail.ru**СУЗЕМСКИЙ КРАЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(хроника партизанской борьбы, 1941–1943 гг.)**

В глубь веков уходит история Суземского края, которая неразрывно связана с историей русской земли. Одной из наиболее выдающихся вех этой истории является активное участие населения района в борьбе с оккупантами в годы Великой Отечественной войны. Это одна из ярких страниц в летописи партизанской борьбы на Брянщине и в целом партизанского движения. В годы Великой Отечественной войны район стал опорной базой и центром партизанской борьбы с оккупантами всей юго-западной части Брянских лесов. Здесь же в 1941–1943 гг. дислоцировались и сражались отряды украинских и курских партизан. Отсюда соединения С.А. Ковпака, А.Н. Сабурова, М.И. Наумова уходили в рейды на правобережную Украину. В статье рассматривается одно из выдающихся мест партизанской славы – Суземский район, который стал центром партизанского движения на Брянщине в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, партизан, партизанское движение, коллаборационизм, сопротивление, оккупация, победа.

Время не стоит на месте. Оно неумолимо оставляет в прошлом годы, столетия, внося свою поправку в нашу жизнь. Меняются границы и названия государств, меняются взгляды на прошлое и будущее. Неизменной остается только благодарная народная память.

Суземский район расположен на юго-востоке Брянской области. Его административным центром является посёлок Суземка. На юго-востоке он граничит с Севским районом, на востоке – с Комаричским районом, на северо-востоке – с Брасовским районом, на западе – с Трубчевским районом, на севере – с Навлинским районом, на юге – с Середино-Будским районом Сумской области Украины.

В годы Великой Отечественной войны Суземские леса служили базой для партизанского движения, а деревня Смелиж по праву считалась столицей партизанского края. Здесь базировался партизанский аэродром и впервые прозвучал гимн брянских партизан – песня «Шумел сурово Брянский лес».

О брянских партизанах написано немало книг. События времен Великой Отечественной войны, происходившие в том числе и в Суземском районе, описываются в воспоминаниях участников партизанского движения, военачальников и военнослужащих РККА, немецких военачальников, а также местных жителей, проживавших на временно занятой противником территории и граждан, насильственно вывезенных в Германию на работы, в том числе бывших малолетних узников [3]. Местные издания вводят в научный оборот часть малоизвестных фактов региональной истории [5; 8; 9; 11; 12]. В них рассматривается ряд вопросов: террор и положение местного населения, становление партизанского движения, деятельность подполья и т. д.

В первые дни войны в районном центре Суземка прошли митинги и собрания. Районный военный комиссариат развернул призывные пункты. Чётко и организованно началась мобилизация граждан. Внезапность нападения противника, драматическая обстановка первых дней войны не всегда позволяли сразу находить целесообразные и действенные средства борьбы с врагом. Главной формой всеобщей борьбы против немецких захватчиков на временно оккупированной ими территории СССР было массовое партизанское движение. Так, 25 сентября 1941 г. на последнем легальном заседании бюро Суземского райкома партии был сформирован партизанский отряд общей численностью 150 человек. Отряд намечалось создать из четырёх групп: суземской, кокоревской, краснотободской и горожанской. Командиром партизанского отряда был назначен И.Я. Алексютин, заместителем командира – З.К. Егорин, комиссаром отряда – Н.С. Паничев. Были организованы две партизанские базы: первая – в урочище Хитень, 4 км севернее п. Усех, вторая – в 7 км западнее с. Красная Слобода. На базах был создан небольшой запас продуктов, боеприпасов, одежды и обуви, медикаментов, шлицевого инструмента [5].

30 сентября 1941 г. 2-я танковая армия Г. Гудериана из района Глухова, Шостки, Новгород-Северского перешла в наступление в направлении: Севск, Кромы, Орел, Тула. В результате прорыва обороны левого крыла Брянского фронта 2-й танковой группой Гудериана 2 октября 1941 г. противник занял г. Севск, Середино-Буду и Суземку [1].

В первый день оккупации немцами района основной костяк партизанского отряда сосредоточился в лесу около хутора Побужье, в двух километрах севернее п. Суземка. В эту группу входили: И.Я. Алексютин, Н.С. Паничев, З.К. Егорин.

рин, Ф.И. Попов, Н.В. Калмыков, Д.Т. Стаканов, С.М. Макаров, П.Д. Бережнов, Т.А. Волков, И.П. Моисеенков, И.М. Белин. Общее собрание группы приняло решение дать партизанскому отряду наименование «За власть Советов». На этом подпольном собрании партизаны впервые приняли торжественную присягу.

В первых числах ноября 1941 г. отряд «За власть Советов» установил связь с Трубчевским партизанским отрядом. 9 октября 1941 г. была выпущена первая листовка – обращение к населению района с призывом «Не верить лживой гитлеровской пропаганде» [5].

Как правило, после разгрома вражеских гарнизонов в сёлах их бывшей дислокации проводились летучие митинги, населению рассказывалась правда о положении на фронтах, об основных задачах в тылу врага. Тут же создавались группы самообороны, местные жители вступали в партизанский отряд.

7 декабря 1941 г. пришло сообщение о разгроме немецких войск под Москвой. Был развеян миф о непобедимости немецкой армии, блицкриг – план молниеносного разгрома СССР – потерпел провал. Это заставило немецкое командование бросить на фронт тыловые резервы, поэтому в ряде населённых пунктов в это время кадровых войск оккупантов не осталось, а численность оставленных гарнизонов в других была невелика. Этим воспользовались партизаны. В конце декабря партизаны Суземского отряда вместе с отрядом А.Н. Сабурова уничтожили в районном центре начальника полиции Богачева, его заместителя, секретаря, 23 немецких солдата и 32 полицейских. Из тюрьмы были освобождены заключённые. В качестве трофеев были захвачены 2 пулемета (ручной и станковый), 2 автомата, 50 винтовок, 1200 патронов, 12 велосипедов, 80 пар белья, 100 тонн мяса и хлеба [2; 6; 10].

С целью повышения эффективности борьбы с противником была проведена централизация управления отрядами, созданы штабы партизанской войны. Уже 15 декабря 1941 г. на станции Нерусса (в Суземском районе) командиры и комиссары находившихся в южной части Брянских лесов партизанских отрядов, а также секретари нескольких подпольных райкомов партии приняли решение о координации своих действий и создали объединённый штаб (командир – А.Н. Сабуров) [4].

В середине февраля 1942 г., когда вся территория Суземского района, за исключением сел Зерново и Страчево, была освобождена от оккупантов, на ней была восстановлена советская власть. На освобожденной от врага территории были восстановлены и действовали органы советской власти.

К концу февраля в районе действовало 35 партизанских групп самообороны, в них насчитывалось 3 500 бойцов. На вооружении каждой группы

имелись винтовки, гранаты, по 7–10 ручных пулемётов, по 2–5 станковых пулемётов. В некоторых группах были орудия и миномёты.

Наибольшую активность проявляли партизанские отряды, которых к этому времени было три: «За власть Советов», отряд им. Калинина, созданный из Гаврилово-Гутской группы самообороны, и Кокоревский отряд «Большевик» [8].

Отряд «За власть Советов» считался головным, он был наиболее многочисленным и вооружённым. В нём насчитывалось более 200 бойцов, на вооружения отряда было 6 орудий, 15 станковых пулемётов, 10 миномётов, до 500 винтовок. Автоматами и противотанковыми ружьями отряд был вооружён недостаточно. Штаб отряда и подпольный райком ВКП(б) с 15 января 1942 г. располагались в урочище Усух [5].

Расширение масштабов партизанской борьбы требовало координации боевых действий отдельных отрядов и групп, планирование и проведение более мощных операций объединёнными силами.

В марте 1942 г. по решению Суземского подпольного райкома ВКП(б) был создан районный штаб партизанского движения. Командиром был утверждён Г.Х. Ткаченко, комиссаром – Н.С. Паничев, начальником штаба – И.М. Белин.

7 января 1942 г. партизанские отряды: Трубчевский им. Сталина, Суземский «За власть Советов», Брасовский «За Родину» и отряд Сабурова объединёнными силами разгромили немецкий гарнизон в посёлке Локоть Брасовского района [2]. В бою был уничтожен немецкий ставленник обер-бургомистр Локотского округа Воскобойников (псевдоним немецкой разведки «Земля»).

16 января группа отряда под командованием Н.С. Паничева внезапным ударом разгромила небольшой немецко-полицейский гарнизон в селе Старая Гута Середино-Будского района. Партизаны взорвали лесопильный завод, работающий на немцев, захватили большие трофеи.

В конце весны 1942 г. партизанами был проведён ряд операций по дезорганизации железнодорожных перевозок на железнодорожных линиях Брянск – Гомель и Брянск – Льгов. В ночь на 3 июня партизанские отряды Навлинского, Комаричского, Брасовского и Суземского районов произвели налет на участок Погребы – Борщево железной дороги Брянск – Льгов. Они подорвали железнодорожный мост, 3,5 км пути, станционное оборудование разъезда Погребы и уничтожили 150 солдат противника [7].

Такая боевая работа партизан была возможна только при активной поддержке «большой земли» и с учетом организации систематических авиационных перевозок. Так, в июне 1942 г. крупный аэродром был оборудован в районе деревни Смелиж Суземского района [1]. Кроме аэродрома возле Смелижа, в Брянских лесах в разное время дей-

ствовал еще ряд аэродромов: в районе Любохны и Фокино в Дятьковском районе, около Салтановки – Ворки и у с. Вздружное в Навлинском районе, неподалеку от с. Мамаевка Клетнянского района, у с. Гуры в Трубчевском и у с. Сушаны в Климовском районах.

Обстановка для партизан становилась тревожнее. Усилились бомбардировки освобожденных партизанами территорий, вокруг них стали накапливаться крупные силы карателей. Конец весны – начало лета 1942 г. стали для партизан Брянщины временем тяжелых испытаний. Крупные силы противника наносили удары по основным местам их сосредоточения, пытаясь блокировать и разгромить партизанские отряды поодиночке.

В конце апреля 1942 г. противник перешёл в наступление против партизанских отрядов и групп самообороны Суземского района по всему фронту. В результате десятидневных боёв противник силою до дивизии оттеснил отряды и группы самообороны из степной части Суземского района в северную лесную часть и продвинулся вперёд до 20 км, заняв 30 населенных пунктов. 15 мая 1942 г. до двух полков мадьяр при поддержке эскадрильи самолётов с воздуха повели наступление на Суземку, где оборонялась рота из отряда «За власть Советов» под командованием А.Н. Янкова и группа местной самообороны. В ходе длительных боев партизаны были вынуждены отойти в глубь леса. Таким образом, войскам карателей удалось вытеснить партизан из ряда селений Суземского, Севского, Брасовского районов [8]. В литературе часто встречается утверждение, что вплоть до 15 мая 1942 г. хозяевами Суземки оставались партизаны. Это утверждение верно лишь отчасти. Каратели и коллаборационисты периодически пытались уничтожить этот очаг сопротивления. Так, в январе 1942 г. отряд украинской полиции из Середина-Буды вошел в Суземку и устроил расправу над партизанами и местными жителями (главным образом евреями) [10].

В июне 1942 г. из групп самообороны были созданы партизанские отряды граждан Суземского района:

1. Партизанский отряд «За власть Советов», сформирован в октябре 1941 г. в урочище Хитень.
2. Партизанский отряд «Большевик», сформирован в с. Кокоревка в январе 1942 г.
3. Партизанский отряд им. Суворова, сформирован в д. Березовка (Чернь) в марте 1942 г.
4. Партизанский отряд им. Калинина, сформирован в д. Гаврилова Гута в январе 1942 г.
5. Партизанский отряд им. Дзержинского, сформирован в с. Негино в июне 1942 г.
6. Партизанский отряд им. Буденного, сформирован в п. Суземка в июне 1942 г.
7. Партизанский отряд им. Руднева, сформирован в с. Денисовка в июне 1942 г.

8. Алешковичский партизанский отряд, сформирован в с. Алешковичи в июне 1942 г.

9. Партизанский отряд им. Пугачева, сформирован в с. Кукушкино в июне 1942 г.

10. Партизанский отряд им. КИМ, сформирован в с. Денисовка в сентябре 1942 г.

11. В ноябре 1942 г. в районе п. Челюскин (урочище Рыбница) сформирован партизанский артиллерийский полк.

12. В ноябре 1942 г. сформирована партизанская бригада «За власть Советов». Штаб бригады находился в с. Смелиж [8].

В 1943 году создан отряд им. Пожарского.

Таким образом, к лету 1942 года партизанское движение в районе стало массовым. В отрядах насчитывалось около 3 500 бойцов, командиров и политработников.

В начале ноября 1942 г. была проведена реорганизация отрядов. Из них было создано 10 партизанских бригад. Бригады, как правило, создавались из отрядов одного района. Из отрядов Суземского и Комаричского районов была создана бригада «За власть Советов». В её состав входило 8 отрядов, штаб, хозчасть, взвод связи, взвод разведки, комендантский взвод, особый отдел. В бригаду вошли отряды: «За власть Советов», им. Дзержинского, им. Руднева, им. Буденного, им. Чкалова, им. Тимошенко. Позже в бригаду вошёл отряд им. КИМ под командованием М.Г. Белова. Командиром бригады был назначен М.В. Балясов, комиссаром Ф.А. Моначенков, начальником штаба И.М. Белин. Партизанские отряды им. Калинина, им. Кагановича, «Большевик» были переданы в Брасовскую партизанскую бригаду «За Родину». Бригадой командовал Г.Х. Ткаченко.

Реорганизация способствовала улучшению управления отрядами, усилила их боевые возможности при сосредоточении основных сил на решающих направлениях.

В 1943 г. из бригады «За власть Советов» были выделены отряды Комаричского района, из которых была сформирована новая бригада им. Молотова. Ее командиром назначен М.В. Балясов, комиссаром – Ф.А. Моначенков, начальником штаба – Дирдовский. Штаб бригады расположился на территории Суземского района в д. Чернь.

В партизанской бригаде «За власть Советов» насчитывалось шесть отрядов Суземского партизанского края. Это были отряды:

1. «За власть Советов», командир – Ф.И. Попов.
2. Им. Буденного, командир – А.Н. Янков.
3. Им. Руднева, командир – Д.А. Андросов.
4. Им. Дзержинского, командир – Н.В. Калмыков.
5. Им. Пугачева, командир – Т.Л. Гуренков.
6. Им. КИМ, командир – М.Г. Белов.

Командиром бригады был назначен капитан Я.К. Киселев, комиссаром бригады – Н.С. Паничев, начальником штаба – И.М. Белин, замести-

телем командира бригады по разведке – Д.М. Юрченко. Штаб бригады дислоцировался в с. Смелиж Суземского района. Штаб имел непрерывную связь с отрядами [5].

Весной и летом 1943 г. обе противоборствующие стороны готовились к большим сражениям. Немецкое командование стремилось организовать крупное наступление на Курском выступе, взять реванш за поражение под Сталинградом. Но пока не началось Курское сражение, немцы очень тщательно готовились к нему. Составной частью подготовки операции немцы считали укрепление тыла своих войск, очищение Брянских лесов от партизан.

Командование вражеской группировки «Центр» решило провести большую карательную экспедицию с целью полного уничтожения партизанского края. Для наступления на партизан противник бросил не менее 12 армейских дивизий. Севернее Навли были сосредоточены 102-я пехотная дивизия, части 10-й моторизованной и 18-й танковой дивизий, переброшенных сюда из района Рославля, охранный полк «Десна», три полка бригады Каминского.

Весь май велись ожесточенные бои партизан против оккупантов. Сдержат натиск многократно превосходящего в живой силе и технике противника партизанам не удалось. Были оставлены Суземка, Денисовка и другие населённые пункты. Партизаны были вынуждены отойти к Смелижу. Немцы также захватили лесной аэродром и лишили партизан возможности принимать самолёты с Большой земли.

Июнь 1943 г. был решающим месяцем подготовки СССР к сражению на Курской дуге. Не прекращали разведывательные и другие боевые операции партизанские отряды, выполняя приказ Центрального штаба партизанского движения о «рельсовой войне». В период Курской битвы партизаны нанесли одновременный удар по основным железным дорогам, проходящим по территории области. Только партизаны Южной оперативной группы, куда входили и суземские отряды, 29 июля 1943 г. взорвали 5 845 км рельсов на железных дорогах Орёл – Брянск, Брянск – Гомель, Брянск – Льгов, Брянск – Хутор Михайловский [8].

После разгрома немецкой армии в районе Курской дуги войска Брянского фронта под командованием генерала М.М. Попова начали освобождение Брянщины.

5 сентября 1943 г. войска 102-й стрелковой дивизии 48-й армии освободила п. Суземку от оккупантов. 5–6 сентября началось массовое соединение партизанских отрядов с войсками Красной армии, а затем по приказу Орловского штаба партизанского движения партизанские отряды были выведены из лесов и расформированы.

19 сентября 1943 г. в освобождённом г. Орле был проведён партизанский парад [2].

В партизанском рапорте Верховному главнокомандующему сообщалось, что за два года непрерывающихся боев партизанами было уничтожено 150 тыс. немецких солдат и офицеров, пущено под откос 993 воинских эшелона, взорвано свыше 300 железнодорожных и шоссейных мостов, уничтожено 120 самолётов, более 300 танков и много другой боевой техники врага.

Оккупанты казнили в районе 2 260 человек, 20 тысяч угнали в Германию. Из 47 тысяч населения (по данным переписи 1940 г.) в сентябре 1943 г. в районе насчитывалось всего 16 тысяч человек. Немцы сожгли в районе 6 468 домов из 7 418, 48 школ, 39 клубов, 4 больницы, 5 медпунктов, 81 магазин. Уничтожено 4 460 голов рогатого скота, 4 370 лошадей [5].

Значение Суземского партизанского края выходит далеко за рамки района и области. На территории Суземского района долгое время дислоцировались, организовывались и пополнялись более десяти украинских партизанских отрядов и соединений, отряды Боровика, Воронцова, Погорелова, Бородавки, впоследствии – Сабурова, Гудзенко, Покровского, Ковпака, Наумова. Здесь дислоцировались курские партизанские отряды и соединения других районов области. Центром партизанского края было село Смелиж, где действовал партизанский аэродром для связи с Большой землёй. На нем соединения Ковпака и Сабурова перед отправкой в далёкий рейд на Украину получали с Большой земли вооружение, боеприпасы, продовольствие, медикаменты. Суземский район дал хорошее людское пополнение украинским братьям. Сотни патриотов Суземщины, особенно молодёжи, влились в отряды Ковпака, Наумова, Сабурова. Мы должны сохранить навечно светлую память о тех, кто одержал историческую победу над врагом, в жестоких боях отстоял независимость нашей Родины.

Библиографический список

1. *Абовян Е.Н.* Активизация партизанского движения на территории Брянского региона в период с мая 1942 по февраль 1943 г. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – № 6. – С. 37–42.
2. *Абовян Е.Н.* Партизанская борьба с оккупантами на Брянщине в период с ноября 1941 по май 1942 года // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – № 4. – С. 79–82.
3. *Афонин В.* Эстафета детей войны детям мира. – Брянск, 2005. – 728 с.
4. *Богатырь З.А.* Борьба в тылу врага. – М., 1969. – С. 54–55.
5. *Гаврилкин Г.А.* Непокоренный Суземский край (Хроники партизанской битвы) // Поклонимся великим тем годам... М.; Суземка, 2005. – С. 24–25.

6. Гогун А. Сталинские командос. Украинские партизанские формирования. Малоизученные страницы истории, 1941–1944. – М., 2008. – С. 197.

7. Грибков И. Хозяин Брянских лесов. Бронислав Каминский, Русская освободительная народная армия и Локотское окружное самоуправление. – М.: Московский писатель, 2008. – Вып. 1. – 116 с.

8. Егорин А. Героика и печаль Брянского леса (1941–1943 гг.). – М.: Институт востоковедения РАН, 2010. – 460 с.

9. Ильиных И.А. Шестьсот дней в боях и походах. – Тула, 1969. – 316 с.

10. Книга памяти // Акт Суземской районной комиссии. – Брянск, 2003. – Т. 12. – С. 164.

11. Коренков И.С. Не ставшие на колени. – М., 1987. – 274 с.

12. Русанов Р., Соколов Я. На славной Брянской земле. – Тула, 1975. – 349 с.

References

1. Abovyan E.N. Aktivizaciya partizanskogo dvizheniya na territorii Bryanskogo regiona v period s maya 1942 po fevral' 1943 g. // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. – 2015. – № 6. – S. 37–42.

2. Abovyan E.N. Partizanskaya bor'ba s okkupantami na Bryanshchine v period s noyabrya 1941 po maj 1942 goda // Vestnik Kostromskogo

gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. – 2014. – № 4. – S. 79–82.

3. Afonin V. EHstafeta detej vojny detyam mira. – Bryansk, 2005. – 728 s.

4. Bogatyr' Z.A. Bor'ba v tylu vraga. – М., 1969. – S. 54–55.

5. Gavrilkin G.A. Nepokorennyj Suzemskij kraj (Hroniki partizanskoj bitvy) // Poklonimsya velikim tem godam... М.; Suzemka, 2005. – S. 24–25.

6. Gogun A. Stalinskie kommandos. Ukrainskie partizanskie formirovaniya. Maloizuchennye stranicy istorii, 1941–1944. – М., 2008. – С. 197.

7. Gribov I. Hozyain Bryanskih lesov. Bronislav Kaminskij, Russkaya osvoboditel'naya narodnaya armiya i Lokotskoe okruzhnoe samoupravlenie. – М.: Moskovskij pisatel', 2008. – Vyp. 1. – 116 s.

8. Egorin A. Geroika i pechal' Bryanskogo lesa (1941–1943 gg.). – М.: Institut vostokovedeniya RAN, 2010. – 460 s.

9. Il'inyh I.A. SHest'sot dnej v boyah i pohodah. – Tula, 1969. – 316 s.

10. Kniga pamyati // Akt Suzemskoj rajonnoj komissii. – Bryansk, 2003. – Т. 12. – С. 164.

11. Korenkov I.S. Ne stavshie na koleni. – М., 1987. – 274 s.

12. Rusanov R., Sokolov YA. Na slavnoj Bryanskoj zemle. – Tula, 1975. – 349 s.

УДК 94(470)1950/1970”

Кищенко Михаил Сергеевич

кандидат исторических наук
Ярославская государственная сельскохозяйственная академия
mkishhenkov@yandex.ru

Никифоров Юрий Сергеевич

кандидат исторических наук
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
nikifor2108@yandex.ru

Тумаков Денис Васильевич

кандидат исторических наук
Ярославский государственный медицинский университет
denistumakov@yandex.ru

«СИЛЬНОМУ МУЖИКУ ВСЕ КЛАНЯЮТСЯ»?: КОНСТАНТЫ ИЛИ НОВАЦИИ В СТРУКТУРЕ И ПРАКТИКАХ СОВЕТСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ 1950–1970-Х ГГ.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00068
«Советские региональные элиты и их взаимодействие с центром в 1950–1980-е гг.:
в архивных документах и исторической памяти»*

В статье анализируются, обобщаются и систематизируются представления о структуре, иерархии и практиках советской региональной элиты 1950–1970-х гг. – периода позднего социализма. На основании архивных документов, источников личного происхождения и историографического материала выделяются уровни региональной элиты, механизмы ее кооптации и контроля. С одной стороны, отмечаются постоянные факторы в поведении местных элит, связанные с наследием сталинизма. С другой стороны, выявляются новые тенденции в коммуникативных практиках местной элиты, обусловленные влиянием эпохи Хрущева и Брежнева.

Ключевые слова: региональные элиты, СССР, коммуникативные практики, архивные документы, историческая память, советская провинция, поздний социализм, лоббизм.

В настоящей статье предпринята попытка обобщить и систематизировать представления о структуре, иерархии и практиках советской региональной элиты 1950–1970-х гг. – периода позднего социализма. Термин позднесоветский (поздний социализм) интерпретируется вслед за американским исследователем А. Юрчаком как «период примерно 30 лет советской истории с конца сталинского периода до начала перестройки (начало 1950-х – середина 1980-х), когда советская система воспринималась большинством советских граждан и большинством зарубежных наблюдателей как система мощная и незыблемая» [21, с. 36]. Основное внимание как отечественных, так и западных исследователей советской истории сосредоточено главным образом на эпохах Ленина и Сталина, что обусловило гораздо меньшее внимание к последующим периодам советской истории. Это обстоятельство подчеркивают, например, британские ученые. Так, по словам исследователя из Шеффилдского университета Мириам Добсон, «ученые (как к востоку, так и к западу от того места, где когда-то висел «железный занавес»), в значительной степени сосредоточили свое внимание на самом драматическом и жестоком периоде советской истории – 1930-х гг.». Напротив, послевоенные и постсталинские годы, отмечает британская исследовательница, оказались «относительно девственной территорией, по крайней мере с точки зрения архивных исследований» [22, р. 905].

Характеризуя историографию вопроса, отметим фундаментальные работы как отечествен-

ных историков – Т.П. Коржижиной, В.П. Мохова, О.В. Хлевнюка, так и зарубежных исследователей – Эвана Модсли, Стивена Уайта, Йорама Горлицкого, посвященные советской элите в целом и региональной элите в частности [5; 8; 9; 17; 23]. Также весьма интересной представляется работа Веры Толз, в которой рассматривается такой нередкий оставляемый в стороне исследователями уровень советской элиты, как высшие слои творческой интеллигенции и ее патрон-клиентские связи [24].

Сразу после смерти И.В. Сталина новое руководство правящей Коммунистической партии и государства взяло курс на демократизацию. Не обошел он стороной и региональные элиты. В 1953–1956 гг. в ходе секретарской чистки КПСС были сменены 45 из 84 первых секретарей республиканских и областных партийных комитетов [14, с. 6]. Прежних сталинских назначенцев или ставленников других центральных политических фигур сменили сторонники нового лидера Н.С. Хрущёва. Э. Модсли и С. Уайт указывают на ряд важных социально-психологических характеристик этого так называемого второго поколения советской элиты: «защитники производственной дисциплины», «плохо информированные технократы», не способные осознать образ жизни своих граждан»; «признавали необходимость репрессий»; «непоколебимая убежденность» в собственной правоте и преимуществах советской системы. Э. Модсли и С. Уайт резюмируют, что представители этого поколения были «модернизаторами в 1940-е гг.», но стали «бесполезным балла-

стом в 1970-е гг.». Причины их успеха в политике, по словам Э. Модсли и С. Уайта, в том, что они практиковали «привычки избегания рисков и пренебрежения субъективными желаниями... в пользу групповых интересов» [9, с. 161–162, с. 168, с. 184, с. 198–199].

Затем 23 июня 1956 года Хрущёв вносит в Президиум ЦК КПСС записку о введении новой номенклатуры ЦК, 16 июля она была утверждена. Права ведомств и регионов по вопросу о кадровых назначениях были расширены: кадры созданной учётно-контрольной номенклатуры лишь проверялись в отделах ЦК партии, но не утверждались её президиумом или секретариатом [14, с. 6]. Другим пиком партийных перемещений стал 1961 год – период кампании по борьбе с «приписками» и «искажениями государственной отчётности», в ходе которой был нанесён удар по тем региональным лидерам, которые не поддержали хрущёвскую инициативу о соревновании с США по производству основных видов сельскохозяйственной продукции [7, с. 96]. В целом же с 1953 г. до середины 1960-х гг. региональная номенклатура ЦК сократилась примерно в 2–3 раза, а основная доля полномочий и прав по контролю над ней также сосредоточилась на местах [1, с. 8].

Таким образом, можно вести речь о складывании в этот период в Советском Союзе новой региональной элиты. Современные исследователи понимают под этим термином небольшую правящую группу, носившую партийно-государственный характер, члены которой обладали наибольшим индексом власти на уровне своего региона (район, область, край, республика) [17, с. 184]. К ней относились первые секретари местных партийных организаций (в период разделения по производственному принципу – промышленного и сельскохозяйственного обкомов), руководители их отраслевых отделов, ключевые сотрудники аппарата, заведовавшие вопросами документооборота и кадровой политики, председатели исполкома совета, руководители совнархозов, а также директора крупнейших промышленных и сельскохозяйственных предприятий [1, с. 8–9].

Вес того или иного местного руководителя в иерархии региональных элит в первую очередь определялся степенью экономической мощи подотчётного ему региона страны. При этом значение данной группы было очень важным: в том числе помощь региональных партийных секретарей обеспечила победу Н.С. Хрущёва в ходе июньского кризиса 1957 года [8, с. 95].

Ярославская область, о которой идет речь в статье, не была исключением, более того, она может рассматриваться как типичный объект для анализа структуры, иерархии и функционирования региональных элит в СССР 1950–1970-х гг. Исследователь В.Л. Каганский через веерную матрицу

четырёх основных типов ландшафта (характерных территорий бывшего СССР) определяет Ярославль в качестве примера типичной провинции [4].

Местный ярославский обком КПСС в те годы строился следующим образом. Во главе иерархической лестницы местной номенклатуры располагался верхний эшелон. Первый и второй секретари, а также три обычных секретаря областной партийной организации и председатель исполкома областного Совета депутатов трудящихся утверждались в должности и освобождались от неё решением ЦК КПСС в столице. Как вспоминал позднее Ф.И. Лощенков (1915–2009 гг.), бессменный 1-й секретарь Ярославского обкома КПСС в 1961–1986 гг., на это место он попал с должности инспектора ЦК, считавшейся в ту эпоху настоящим резервом первых секретарей для обкомов партии. Инспекторы регулярно приглашались на бюро ЦК КПСС по РСФСР [15], созданное в период хрущёвской Оттепели в роли своеобразной школы партийного руководства. Предложивший ему руководство Ярославским обкомом председатель названного бюро и одновременно член Президиума ЦК КПСС Г.И. Воронов при этом всё-таки формально спрашивал собственное желание Лощенкова [13, с. 61–62].

Учётно-контрольная ЦК КПСС принимала аналогичные решения по отношению ко второму эшелону ярославской номенклатуры – 13 заведующим отделами Ярославского обкома КПСС и председателю его партийной комиссии, первому секретарю Ярославского горкома партии, председателю областного комитета народного контроля и первому секретарю обкома ВЛКСМ. По отношению к советским органам власти комиссия утверждала и лишала должности первого заместителя и трёх обычных заместителей председателя исполкома областного Совета депутатов трудящихся. Чаще всего при этом назначения производились из среды хорошо знавших местную специфику старых кадров [16, с. 35].

На уровне бюро обкома принималось решение касательно 10 заместителей заведующих отделами, помощника секретаря обкома, 8 заведующих секторами, руководителя лекторской группы отдела пропаганды и агитации обкома и 6 лекторов этого отдела, заведующего Домом политпросвещения в должности заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации обкома КПСС и 5 консультантов Дома, 44 инструкторов обкома, заведующего учебно-консультационным пунктом заочной высшей партийной школы при ЦК КПСС, директора и заведующего учебной частью университета марксизма-ленинизма, двух членов партийной комиссии, заведующего областными постоянно действующими курсами по переподготовке партийных и советских работников. К компетенции бюро обкома в ту эпоху относилось утверждение

в должности и освобождение инженера-строителя и двух инструкторов-контролёров финансово-хозяйственного отдела, а также главного бухгалтера.

Отдел организационно-партийной работы Ярославского обкома КПСС занимался назначением и освобождением от должности всех 1-х, 2-х и обычных секретарей всех горкомов партии, а также всех партийных руководителей районного звена [19, л. 1, 2 об.]. Их избрание на партийных конференциях соответствующего уровня было безальтернативным, а потому формальным: делегаты заслушивали биографию кандидата и его ответы на вопросы. Голосование осуществлялось тайно [16, с. 32]. При назначении на должность первых секретарей райкомов КПСС или райисполкомов вышестоящие инстанции хрущёвского периода старались выдвигать на них наиболее способных первых секретарей райкомов ВЛКСМ или вторых секретарей райкомов КПСС. Чаще всего эти ответственные работники имели высшее инженерное или сельскохозяйственное образование. В своей книге воспоминаний председатель Ярославского облисполкома В.Ф. Торопов (1918–2007 гг.) привёл несколько подобных примеров [16, с. 79].

На областном уровне, через отдел пропаганды и агитации Ярославского обкома КПСС, решались также вопросы назначения на должность и освобождения от неё всех главных редакторов областных газет и журналов, кроме «Северного рабочего», а также директора Верхне-Волжского книжного издательства и главного режиссёра Ярославского академического театра имени Ф.Г. Волкова. Исключением был лишь главный редактор печатного органа обкома КПСС – газеты «Северный рабочий», чья кандидатура должна была пройти утверждение в Учётно-контрольной ЦК КПСС [19, л. 3].

За каждую отрасль экономики также отвечал соответствующий отдел обкома. В частности, отдел науки и учебных заведений утверждал в должности ректоров Ярославского политехнического института и Рыбинского авиационного технологического института. На заседаниях отдела утверждались также все заведующие кафедрами общественных наук, независимо от профиля высшего научного заведения, а также все 5 секретарей партийных организаций. Таким образом, можно констатировать определённое расширение полномочий местной бюрократии в эпоху хрущёвской оттепели. Однако Центр в лице Учётно-контрольной ЦК КПСС сохранял за собой право утверждения в должности директора института биологии внутренних вод АН СССР, а также считавшихся более престижными Ярославского педагогического института имени К.Д. Ушинского и Ярославского медицинского института. После основания в 1970 году Ярославского государственного университета его ректор также окончательно утверждался в столице [19, л. 3 об. – 4].

За Центром в лице ЦК КПСС оставалось последнее слово и при назначении руководителей ключевых промышленных предприятий региона – Ярославского шинного завода, Ярославского моторного завода, Ярославского радиозавода, Рыбинского производственно-конструкторского объединения моторостроения, а также начальников Всесоюзного промышленного объединения по производству асбестовых технических изделий, директоров объединений «Лакокраска» и «Ярославрезинотехника». В то же время главные инженеры и главные конструкторы гигантов областной индустрии, а также руководители других крупных предприятий утверждались в должности отделами машиностроения, а также оборонной химической и нефтеперерабатывающей промышленности обкома КПСС. Такие важные отрасли народного хозяйства, как строительство и транспорт, также сохранялись в руках центральных партийных органов, утверждавших в должности начальника «Главверхневолжкстроя», Северной железной дороги и его первого заместителя. Их подчинённые проходили процедуру утверждения в отделах строительства или транспорта и связи Ярославского обкома КПСС соответственно [19, л. 4–6].

Наибольшая степень самостоятельности была присуща отделу лёгкой, пищевой промышленности и торговли обкома КПСС, утверждавшего в должности и освобождавшего от неё всех руководителей, кроме генерального директора научно-производственного объединения маслодельной и сыродельной промышленности «Углич» [19, л. 6]. Данный факт наглядно демонстрирует экономические приоритеты советских руководителей. Они предпочитали твёрдо удерживать в своих руках тяжёлую индустрию и химическую промышленность, но допускали определённую самостоятельность регионов в прочих отраслях промышленности.

Немаловажную роль при выдвижении тех или иных кандидатов на руководящую должность имели личное общение с вышестоящим начальством и точка зрения их коллег. Все кандидатуры тщательно изучались. Вышеупомянутый Ф.И. Лощенков вспоминал, что в первые месяцы работы в Ярославле тщательно изучал качественный состав кадров в личных беседах и встречах, а также во время обмена мнениями на бюро обкома КПСС с секретарями и заведующими отделами. Такая позиция была особенно ценной, поскольку по городу ходили слухи о скорой тотальной замене руководящих работников [13, с. 63]. В мемуарах В.Ф. Торопова упомянут факт визита в Нагорьевский район области летом 1957 года инспектора ЦК КПСС П.В. Симонова. Он беседовал с занимавшим пост 1-го секретаря Нагорьевского райкома Тороповым по различным вопросам, а также опрашивал о нём многих местных работников, включая уборщиц

здания райкома. Очевидно, ответы устроили вышестоящего чиновника, так как вскоре Торопов был вызван инструктором отдела партийных органов, курирующим Ярославскую область, В.П. Петровым в столицу и получил предложение перейти на работу председателя Ярославского облисполкома [16, л. 39].

Взаимоотношения между руководящими партийными работниками Центра и регионов складывались по-разному. С одной стороны, среди советских региональных элит ещё были по-прежнему сильны стереотипы сталинской эпохи, выраженные во фразе начальника Ярославского облздравотдела М.А. Державца «Сильному мужику все кланяются», произнесённой на общем собрании парторганизации 27 апреля 1945 года [20, л. 28 об.].

С другой стороны, демократизация хрущёвской эпохи оказалась во многом поверхностной, а культ личности И.В. Сталина в 1960-е гг. стал сменяться пусть и меньшим, но также культом его преемников на высших государственных и партийных должностях. Н.С. Хрущёв в период расцвета своей власти также не отличался тактичностью в общении с нижестоящими партийными функционерами. Так, первый секретарь калининского обкома Н.Г. Корытков вспоминал про стиль общения Никиты Сергеевича: «...в общении был нетактичен, груб... [на совещании] ругал всех самым страшным образом» [11, с. 21].

Поэтому неудивительно, что вышестоящие партийные чиновники периода оттепели в общении со своими подчинёнными тоже стремились подчеркнуть разницу в иерархическом положении. В воспоминаниях В.Ф. Торопова упоминаются неоднократные факты такого грубого и нетактичного поведения со стороны 1-го секретаря Ярославского обкома КПСС в 1953–1957 гг. Б.А. Баринова [16, с. 40]. Брань и угрозы со стороны начальства мог вызвать и отказ подчинённых от назначений. Подобный стиль управления был свойственен и руководителям других областей Верхнего Поволжья. Первый секретарь владимирского обкома М.А. Пономарев контролировал рабочий день секретарей райкомов и был недоволен, если кто-то принимал самостоятельные решения, отправляясь в рабочую поездку в пределах области без санкции первого секретаря [12, с. 48]. В Костромской области, судя по воспоминаниям председателя костромского горисполкома Б.К. Коробова, первые секретари в полной мере пользовались своей властью, полностью контролируя систему управления, даже в мелочах [3, с. 383].

Был присущ представителям советской элиты и откровенный волюнтаризм при решении важнейших проблем экономики, в частности сельского хозяйства. Тот же Баринов требовал от руководства райкомов КПСС выкопать весь картофель и вновь перекопать его, но уже квадратно-гнездовым мето-

дом [16, с. 46–47]. Причиной такого необдуманного поступка была не столько агрономическая безграмотность 1-го секретаря Ярославского обкома КПСС, как утверждал в мемуарах Торопов, сколько директивное требование Центра применять подобный метод посева картофеля повсеместно. Аналогичными методами решались в тот период вопрос о посевах кукурузы в малопригодных для этого регионах центральной части РСФСР, а также проблемы животноводства. Член Президиума ЦК КПСС Г.И. Воронов не просто подвергал руководителей крупных обкомов партии жёсткой критике за малейшие возражения, но и резко перебивал их, не давая отвечать, морально подавлял [16, с. 56].

Безапелляционный тон в общении с подчинёнными отличал и Ф.И. Лощенкова, не желавшего слушать их разъяснения по тому или иному вопросу. Всё это зачастую подавляло инициативу с мест и лишало партийных чиновников районного и областного уровня своего мнения. Не случайно Торопов в книге мемуаров выделяет инструктора отдела пропаганды ЦК КПСС А.Д. Дробышева, избранного на пленуме сельского обкома в конце 1962 года секретарём по идеологии, как одного из немногих высокопоставленных коммунистов областного звена, кто не стеснялся высказывать и отстаивать собственные убеждения даже в тех случаях, когда они расходились с мнением 1-го секретаря обкома [16, с. 73].

С другой стороны, именно хорошие личные взаимоотношения и связи региональных элит с теми или иными высокопоставленными представителями Центра в те годы помогали решить важнейшие вопросы. Большую роль здесь играли личные симпатии высших партийных бонз. В частности, во время визита Н.С. Хрущёва в Ярославль [10, с. 56–72] в 1963 г. его тёплая беседа с директором Угличского часового завода Н.Ф. Платоновым позволила последнему получить денежные средства на строительство сборочного корпуса для предприятия [6, с. 42–43].

Похожим образом обстояла ситуация и с реконструкцией устаревшей сценической части здания старейшего в стране академического театра имени Ф.Г. Волкова в Ярославле. Успешно урегулировать ситуацию удалось лишь во время визита в Ярославль А.Н. Косыгина, поддержавшего соответствующую просьбу В.Ф. Торопова, так как Волковский театр имел республиканское значение [16, с. 78]. Данные примеры наглядно иллюстрируют скромные возможности региональных элит по самостоятельному разрешению подобных моментов и сохранявшуюся жёсткую иерархичность советской системы управления эпохи оттепели.

В эпоху Брежнева эта система претерпела изменения и трансформацию в направлении более мягких и гибких практик взаимодействия регионов и центра. Совокупность этих практик профессор

Манчестерского университета Йорам Горлицкий обозначил термином «доверие к кадрам» («trust in cadres») [23], обернувшееся в 1970–1980-е гг. феноменом «руководителей-долгожителей» в регионах и геронтократией в ЦК КПСС.

Иногда патернализм в поведении местных элит тех лет по отношению к нижестоящим мог сыграть и положительную роль. Например, 1-й секретарь Ярославского обкома КПСС П.Н. Алфёров при посещении периферийных районов мог оплатить совместный с подчинённым обед в столовой, мотивируя собственную щедрость более высоким заработком, а вышеупомянутый Баринов в отдельных случаях брал на себя вину секретарей райкомов КПСС за неудачи в сельском хозяйстве [16, с. 37, 47].

В период оттепели заметно возрос образовательный уровень партийных руководителей в советской провинции. Так, к примеру, на Тамбовщине лишь за 1957–1961 гг. удвоился удельный вес секретарей парторганизаций с высшим образованием [2, с. 446]. Это обстоятельство привело некоторых из ярославских партийных лидеров районного уровня к осознанию пагубности прошлых форм организации досуга, сочетавшихся с попытками выстроить новую систему неформальных коммуникаций между чиновниками разных рангов. В частности, во время пребывания на должности 1-го секретаря Нагорьевского райкома КПСС В.Ф. Торопов смог сократить количество проявлений открытого пьянства среди сотрудников после того, как в камере предварительного заключения за это прегрешение оказался заместитель председателя райплана Клемашин [16, с. 35–36].

Таким образом, ярославская региональная элита периода хрущёвской оттепели в целом развивалась в том же направлении, что и по всей стране. Можно согласиться с точкой зрения О.В. Хлевнюка о региональных секретарях областного уровня как орудии реализации на местах инициатив Центра и одновременно резерве для выдвижения высших советских руководителей [17, с. 33]. Сохранялась тенденция единогласного избрания партийного чиновника на ту или иную должность, при этом иногда с ним предварительно не беседовали. Вместе с тем стоит оговориться, что по мере снижения значимости возглавляемых ими партийных организаций возрастала и степень их автономии от центральных органов КПСС.

В заключение следует отметить некоторые особенности кооптации, формирования и ротации региональной элиты, выделенные в процессе исследования. Во-первых, отметим существование неформального кадрового резерва для высшего уровня региональной элиты, который составляли инспекторы ЦК КПСС. Во-вторых, подчеркнем наличие специфической институциональной структуры, координировавшей и контролировав-

шей советскую региональную элиту крупнейшей республики СССР – бюро ЦК КПСС по РСФСР. В-третьих, еще раз акцентируем внимание на кооптации элиты через безальтернативные выборы, формальном характере демократических процедур на местных партийных конференциях, которые утверждали местную элиту – секретарей райкомов и горкомов. В-четвертых, характеризуя коммуникативные практики местных элит 1950–1970-х гг., выделим, с одной стороны, новации их в поведении – осознание пагубности некоторых прошлых форм организации досуга, попытки выстроить новую систему неформальных коммуникаций между чиновниками разных рангов. С другой стороны, укажем на существование констант в поведении местных элит, связанное с наследием сталинизма – патернализм, безапелляционный тон в общении с подчинёнными, подчеркивание разницы в иерархическом положении.

Библиографический список

1. *Алексеев И.А.* Некоторые проблемы изучения советских региональных политических элит 1960–1980-х гг. (на примере Алтайского края) // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 4–2. – С. 7–11.
2. *Айрапетов В.А.* Динамика качественных характеристик административно-политической элиты СССР в «эпоху» Н.С. Хрущёва: историко-политический анализ // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2008. – Вып. 2 (58). – 441–448 с.
3. *Башикиров Г.В.* Истинный интеллигент в роли регионального лидера. Некоторые особенности деятельности В.И. Торопова на посту 1-го секретаря Костромского обкома КПСС // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XV Международной научной конференции. – Иваново, 2016. – 382–388 с.
4. *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – М., 2001. – 576 с.
5. *Коржихина Т.П.* Советское государство и его учреждения (ноябрь 1917 – декабрь 1991 гг.). – М., 1994. – 418 с.
6. *Лощенков Ф.И.* От Сталина до Горбачёва. – Ярославль, 2001. – 79 с.
7. *Метёлкина Л.Н.* Особенности ротации политической элиты в РСФСР (на примере первых секретарей региональных комитетов КПСС в период 1953–1964 гг.) // Известия Саратовского университета. Сер.: Социология. Политология. – Т. 12, вып. 3. – 2012. – С. 95–100.
8. *Модсли Э., Уайт С.* Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 гг. – М., 2011. – 431 с.
9. *Мохов В.П.* Эволюция региональной политической элиты России (1950–1990). – Пермь, 1998. – 240 с.

10. Никифоров Ю.С. Визит Н.С. Хрущёва в Ярославль в 1963 г.: образ власти в региональном измерении // Российская история. – 2016. – № 4. – С. 56–72.
11. Корытков Н.Г. Человек и руководитель. – Тверь, 2001. – 320 с.
12. Пономарев. Первый секретарь / сост. В. Ишутин. – Владимир, 2008. – С. 272.
13. Размолodin М.Л. Эпизоды из жизни и деятельности Ф.И. Лощенкова: интервью с бывшим Первым секретарём Ярославского обкома КПСС. – Ярославль, 1995. – 176 с.
14. Региональная политика Н.С. Хрущёва. ЦК КПСС и местные партийные комитеты, 1953–1964. – М., 2009. – 774 с.
15. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 556. Бюро ЦК КПСС по РСФСР. – Оп. 14. Отдел партийных органов по РСФСР, отдел организационно-партийной работы ЦК КПСС; оп. 21. Промышленно-транспортный отдел ЦК КПСС по РСФСР.
16. Торопов В.Ф. Незабываемое. Записки председателя облисполкома. – Ярославль, 2001. – 173 с.
17. Хлевнюк О.В. Региональная власть в СССР в переходный период. Устойчивость и конфликты. 1953 – конец 1950-х гг. // Отечественная история. – 2007. – № 3. – 31–49 с.
18. Хромов Е.А. Региональные элиты в СССР в конце 1950-х – середине 1960-х гг. К постановке вопроса // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 3. – С. 183–186 с.
19. Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИ Ярославской области). – Ф. 272. – Оп. 270. – Д. 625.
20. ЦДНИ Ярославской области. – Ф. 3813. – Оп. 1. – Д. 16.
21. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. – М., 2014. – 604 с.
22. Dobson M. The Post-Stalin Era. De-Stalinization, Daily Life, and Dissent // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2011. – No. 12 (4). – P. 905–924.
23. Gorlizki Y. Too much trust: Regional party leaders and local political networks under Brezhnev // Slavic Review. – 2010. – No. 69 (3). – P. 676–700.
24. Tolz V. Cultural bosses' as patrons and clients: The functioning of the Soviet creative Unions in the postwar period // Contemporary European History. – 2002. – No. 11. – P. 87–105.
- v «ehpohu» N.S. Hrushchyova: istoriko-politicheskiy analiz // Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2008. – Vyp. 2 (58). – 441–448 s.
3. Bashkirov G.V. Istinniy intelligent v roli regional'nogo lidera. Nekotorye osobennosti deyatelnosti V.I. Toropova na postu 1-go sekretarya Kostromskogo obkoma KPSS // Gosudarstvo, obshchestvo, cerkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov: materialy XV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – Ivanovo, 2016. – 382–388 s.
4. Kaganskij V.L. Kul'turnyj landschaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo. – М., 2001. – 576 s.
5. Korzhihina T.P. Sovetskoe gosudarstvo i ego uchrezhdeniya (noyabr' 1917 – dekabr' 1991 gg.). – М., 1994. – 418 s.
6. Loshchenkov F.I. Ot Stalina do Gorbachyova. – YAroslav', 2001. – 79 s.
7. Metyolkina L.N. Osobennosti rotacii politicheskoy ehliny v RSFSR (na primere pervyh sekretarej regional'nyh komitetov KPSS v period 1953–1964 gg.) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser.: Sociologiya. Politologiya. – T. 12, vyp. 3. – 2012. – S. 95–100.
8. Modslj E.H., Uajt S. Sovetskaya ehlyta ot Lenina do Gorbacheva. Central'nyj Komitet i ego chleny, 1917–1991 gg. – М., 2011. – 431 s.
9. Mohov V.P. EHvolyuciya regional'noj politicheskoy ehliny Rossii (1950–1990). – Perm', 1998. – 240 s.
10. Nikiforov YU.S. Vizit N.S. Hrushchyova v YAroslav' v 1963 g.: obraz vlasti v regional'nom izmerenii // Rossijskaya istoriya. – 2016. – № 4. – S. 56–72.
11. Korytkov N.G. CHelovek i rukovoditel'. – Tver', 2001. – 320 s.
12. Ponomarev. Pervyj sekretar' / sost. V. Ishutin. – Vladimir, 2008. – S. 272.
13. Razmolodin M.L. EHpizody iz zhizni i deyatelnosti F.I. Loshchenkova: interv'yu s byvshim Pervym sekretaryom YAroslavskogo obkoma KPSS. – YAroslav', 1995. – 176 s.
14. Regional'naya politika N.S. Hrushchyova. CK KPSS i mestnye partijnye komitety, 1953–1964. – М., 2009. – 774 с.
15. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii (RGASPI). – F. 556. Byuro CK KPSS po RSFSR. – Op. 14. Otdel partijnyh organov po RSFSR, otdel organizacionno-partijnoj raboty CK KPSS; op. 21. Promyshlenno-transportnyj otdel CK KPSS po RSFSR.
16. Toropov V.F. Nezabyvaemoe. Zapiski predsedatelya oblispolkoma. – YAroslav', 2001. – 173 s.
17. Hlevnyuk O.V. Regional'naya vlast' v SSSR v perekhodnyj period. Ustojchivost' i konflikty. 1953 – konec 1950-h gg. // Otechestvennaya istoriya. – 2007. – № 3. – 31–49 s.
18. Hromov E.A. Regional'nye ehlyty v SSSR v konce 1950-h – seredine 1960-h gg. K postanovke

References

1. Alekseenko I.A. Nekotorye problemy izucheniya sovetskih regional'nyh politicheskikh ehlyt 1960–1980-h gg. (na primere Altajskogo kraja) // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 4–2. – S. 7–11.
2. Ajrapetov V.A. Dinamika kachestvennyh harakteristik administrativno-politicheskoy ehliny SSSR

voprosa // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 3. – S. 183–186 s.

19. Centr dokumentacii novejshej istorii YAroslavskoj oblasti (CDNI YAroslavskoj oblasti). – F. 272. – Op. 270. – D. 625.

20. CDNI YAroslavskoj oblasti. – F. 3813. – Op. 1. – D. 16.

21. YUrchak A. Ehto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie. – M., 2014. – 604 s.

22. Dobson M. The Post-Stalin Era. De-Stalinization, Daily Life, and Dissent // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2011. – No. 12 (4). – R. 905–924.

23. Gorlizki Y. Too much trust: Regional party leaders and local political networks under Brezhnev // Slavic Review. – 2010. – No. 69 (3). – P. 676–700.

24. Tolz V. Cultural bosses' as patrons and clients: The functioning of the Soviet creative Unions in the postwar period // Contemporary European History. – 2002. – No. 11. – P. 87–105.

О СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье анализируются межнациональные отношения за последние пять лет в Костроме. Автор подробно рассматривает социально-экономическое положение, которое имеет непосредственное влияние на взаимоотношения между мигрантами и местными жителями, а также анализирует межнациональную ситуацию в регионе. Сопоставляются официальные данные и результаты нескольких массовых опросов, проводимых автором в течение 2014–2018 гг. в Костроме. Делается вывод о характере взаимоотношений между населением и мигрантами, а также причинах подобного отношения костромичей к представителям другой национальности.

Ключевые слова: социально-экономическое положение, межнациональная ситуация, мигранты, местное население, государственная национальная политика, администрация, Кострома, социологические опросы.

Межнациональные отношения играют в современном мире одну из ключевых ролей. В.В. Путин неоднократно подчеркивал их важность. Так, на последнем заседании совета по делам национальностей он подчеркнул, что это «магистральные направления деятельности для всех уровней власти. Но в регионах и муниципалитетах работа по ним более концентрирована, насыщена, наполнена конкретным содержанием. Это естественно: чем ближе к людям, тем все конкретнее. У каждой территории свои особенности межэтнических отношений, и, конечно, их нужно учитывать, обеспечивая при этом единые подходы к решению задач национальной политики государства в целом» [8]. Вместе с тем в этом обращении президент отметил, что каждый пятый житель считает деятельность региональных властей неэффективной.

То, что проблемы местного уровня во многом решаются центральной властью, отмечал академик РАН В.А. Тишков. В то же время он указывал, что львиная доля межнациональных проблем могла бы быть устранена на местном уровне, так как сами проблемы в основном затрагивают вопросы этнокультурного развития и внутрирегиональных отношений [15]. Академик не раз призывал не драматизировать ситуацию в сфере межнациональных отношений в России: «Наша многонациональность – наша данность! Чем спокойнее мы будем это воспринимать, тем будет лучше!». В связи с этим мы хотели бы рассмотреть ситуацию в сфере межнациональных отношений в Костромском регионе и сравнить результаты исследований, проведенных ИЭА РАН и администрацией Костромы.

Вначале мы хотели бы проанализировать социально-экономическую ситуацию в регионе, потому что большинство проблем на межнациональной почве имеют экономическую основу вследствие низкого уровня жизни, который чаще всего и провоцирует межнациональную рознь.

Костромская область входит в состав Центрального федерального округа и является, по оценкам экспертов, депрессивным регионом в плане эко-

номического развития. В январе 2018 года Федеральным казначейством РФ было принято решение о переводе области на казначейское сопровождение. Решение было одобрено президентом РФ в рамках программы поддержки регионов с большой долговой нагрузкой [5]. Фактически, это «первый практический случай признания неудовлетворительного качества управления региональными финансами. Вместе с тем, по мнению экспертов, данная мера в полной мере не сможет помочь этим регионам (помимо Костромской области, к депрессивным регионам была отнесена Республика Хакасия. – Н. Б.)» [5]. Так как определяющим фактором для этих регионов является проблема пополнения региональной казны, в известной мере принятые решения имели положительную динамику. Так, по данным статистического комитета Костромы, в бюджете области уже к апрелю 2018 г. сложился профицит в сумме 448,0 млн руб., в то время как на 1 апреля 2017 г. был дефицит – 379,9 млн руб. [12]. Все это в целом указывает на позитивные тенденции предпринятой меры.

По оценке агентства РИА, в рейтинге регионов 2018 г. «Богатые и бедные семьи» Костромская область занимала 77 место, потеряв 4 пункта против 2017 г. По данным исследования, остаток свободных средств у семей с двумя детьми здесь составлял в среднем около 8 936 руб. и 17 661 руб. – в семьях с одним ребенком, при учете, что оба родителя работают [1]. Однако необходимо отметить, что в регионе сложная ситуация с детскими дошкольными учреждениями. Устроить ребенка в детский сад ранее трех лет на бюджетной основе практически не представляется возможным. Групп для детей от 1,5 до 3 лет фактически нет, да и в целом ощущается острый дефицит как в самих учреждениях, так и в специалистах. Зарботная плата воспитателя в детском саду варьируется в пределах 12–15 тыс. руб., обслуживающий персонал получает около 10 тыс. руб. [16]. В результате большинство женщин вынуждено сидеть с детьми полный декретный отпуск до трех лет, из которых 1,5 года выплачивается ежемесячное пособие в размере 50 руб.

(сумма была установлена в 1994 году и не менялась с тех пор) и пособие для малоимущих семей – 150–500 руб. в зависимости от региона (не считая Москвы и Петербурга) [12]. Таким образом, семьи с двумя детьми, где работает только один родитель, не учитывались в этом исследовании, а между тем это немалая доля россиян, в том числе и жителей Костромской области. По данным ВЦИОМ, 35 % граждан России с несовершеннолетними детьми признают, что появление ребенка ухудшило их материальное положение. А большинство тех, у кого уже есть дети, не готовы к рождению еще одного ребенка – 79 % опрошенных [11].

Нами было опрошено более 500 респондентов в 2018 г., с которыми мы обсудили их жизненную ситуацию и уровень зарплат. В целом отметить высокий уровень жизни костромичи не могут. К тому же многие указали на падение уровня покупательной способности заработной платы, рост цен, особенно на коммунальные услуги, снижение качества обслуживания, а также отсутствие вакансий с хорошими зарплатами. Например, в разговоре с одним из экспертов в области межнациональных отношений прозвучала фраза, что мигранты-шведы зарабатывают около 17 тыс. руб., на поставленный вопрос «А какая зарплата в отделе у Вас?» мне ответили: «По-разному, но у меня тоже 17 тыс. рублей, и я считаю, что это много для мигранта» [16]. Понятно, что специалист с высшим образованием, получающий столько же, сколько и мигрант, вызывает недоумение у костромичей. Хотелось бы добавить со слов местного эксперта, что работодатели зачастую содержат своих работников-мигрантов, оплачивая им проживание и питание. И, таким образом, получается, что мигранты могут полностью откладывать свою зарплату, чего нельзя сказать о коренных жителях города. Им приходится тратить деньги не только на питание, транспортные расходы и пр., но и оплачивать внушительные счета за коммунальные услуги. (В среднем плата за квартиру в Костроме составляет от 6 тыс. летом и от 8 тыс. зимой, что при зарплате 17 тыс. руб. является третьей частью дохода.) В этом же разговоре было отмечено, что в большинстве случаев костромичи зарабатывают около 12 тыс. В сельской местности уровень зарплат и того меньше – 6–7 тыс. руб.

В подтверждение этих слов добавим, что реальная средняя (медианная) зарплата в регионе составляет 17,7 тыс. руб., а пятая часть населения области получает менее 10 тыс. руб. По сути, почти четверть населения области получает минимальную заработную плату. Согласно некоторым статистическим сведениям, если показатели медианной заработной платы на 23–29 % ниже среднего, то выплаты для 55 % россиян в конкретном регионе проживания будут ниже среднего показателя примерно на четверть, из чего и складывается указанная выше сум-

ма заработка [6]. По нашим расчетам, в Костромской области медианная зарплата получилась ниже средней на 32 %, из чего мы сделали вывод о не соответствующей необходимому показателю средней заработной плате для более чем половины жителей Костромской области, что подтверждает факт снижения уровня жизни костромичей.

Эти данные подтверждает и демографическая ситуация. Высокий уровень жизни и стабильный доход улучшают демографическую ситуацию путем рождаемости и снижают миграционный отток населения в другие, более благоприятные для проживания регионы РФ. Однако анализ демографии также указывает на существование множества проблем. Согласно текущим статистическим данным, численность населения Костромской области на 1 апреля 2018 г. составила 641 814 человек и с начала года уменьшилась на 1,5 тыс. чел. В целом по области в 2018 г. число умерших превысило число родившихся в 1,6 раза (в 2017 г. – в 1,5 раза). В 2018 г. миграционная убыль населения области увеличилась по сравнению с предыдущим периодом в 2017 г. в 1,6 раза за счет сокращения числа прибывших из стран СНГ и других зарубежных стран – на 11,6 %, из других регионов России – на 3,7 %, а также вследствие роста числа выбывших в другие регионы России – на 5,1 % [12]. Хотелось бы отметить, что Костромская область не исключение, в ЦФО и в целом по стране наблюдается естественная убыль населения. В то же время в соседнем регионе – Ярославской области – этот показатель компенсируется миграционным приростом населения [13, с. 122–123]. Выше мы описывали ситуацию в регионе, характеризующую уровень жизни семей с одним и двумя детьми. Повторимся, по этому критерию область занимает 77-е место, тогда как Ярославский регион стоит на 38-м месте. Именно поэтому те костромичи, которые могли бы работать в регионе и приносить пользу родному краю, стремятся уехать в более обеспеченные регионы, в том числе и Ярославскую область, чтобы хоть как-то повысить свой уровень жизни, а также расширить возможности поиска места в жизни своим детям.

Теперь хотелось бы остановиться на анализе межнациональных отношений заявленного региона. Для улучшения социально-экономического положения в регионе необходима миграция, в первую очередь внешняя, которая поможет восполнить необходимый трудовой резерв и занять те ниши, которые пустуют в экономике. Однако, по данным Костромастата, миграционный прирост в области несущественен, что является странным и недальновидным с точки зрения развития экономического потенциала области. По предварительным данным, региональное отделение труда постоянно сокращает количество квот для иностранных трудовых мигрантов. Причины этого явления неизвестны,

однако, по замечаниям специалистов и работников в сфере миграционного учета, постоянно происходят директивы сверху, для того чтобы количество патентов для мигрантов сокращалось [16].

Согласно статистическим данным, внешние мигранты также не стремятся в Костромскую область, а в срезе лет видно, что их количество постоянно сокращается. Так, за год миграционная убыль составила 45 чел., из них 39 чел. – из стран СНГ, положительное сальдо миграции наблюдалось со странами: Беларусью, Казахстаном, Таджикистаном и Туркменией [12, с. 95–96].

Теперь хотелось бы рассмотреть шаги региональной администрации в области межнациональных отношений. Согласно документам, в 2016 году 12 организаций получили финансовую поддержку на проведение мероприятий по гармонизации межнациональных, межконфессиональных отношений и этнокультурному развитию народов в Костромской области. В рамках этой программы было проведено 20 мероприятий по укреплению гражданского единства (с участием около 27 тыс. чел.), 7 мероприятий, направленных на сохранение и развитие языкового многообразия (10 тыс. чел.), 20 мероприятий по гармонизации межнациональных, межконфессиональных отношений (1 тыс. чел.), 300 мероприятий по профилактике и выявлению религиозного и национального экстремизма. Также был открыт Костромской дом национальностей [3, с. 6]. Согласно заявленным отчетам, расход на реализацию 20 мероприятий составил 3,8 млн руб. [3, с. 22], а рассмотренная программа показала себя эффективной и ее выполнение не требует корректировки [3, с. 28].

Другим не менее интересным отчетом является сборник «Межнациональный мир Костромской области», подготовленный администрацией субъекта и выпущенный в 2016 г. (К сожалению, это вся информация, которую мы смогли найти в открытом доступе. Более современных данных, касающихся ситуации в 2017–2018 гг., нами обнаружено не было, лишь общие отчеты, содержащие информацию об уровне миграции, количестве квот для иностранных мигрантов и прочее.) В своем вступительном слове заместитель губернатора области А.В. Соколов сообщает, что *«На территории Костромской области проживают представители 104 национальностей, каждая из которых обладает своей уникальной культурой, традициями и обычаями <...> Последние данные социологических исследований говорят о том, что почти 94 % жителей Костромской области с симпатией относятся к людям другой национальности»* [7, с. 5].

Одним из важных показателей проводимой работы являются данные социологических исследований, организуемых 1–2 раза в год на территории муниципальных образований региона. По данным на сентябрь 2016 г., 90 % жителей региона оце-

нивают обстановку как доброжелательную и бесконфликтную [7, с. 130]. Причем детальное рассмотрение результатов социологического опроса, проводимого по заказу информационно-аналитического управления Костромской области в рамках госпрограммы Костромской области «Гармонизация межнациональных, межэтнических отношений и этнокультурное развитие народов Костромской области» характеризуют обстановку как *спокойную и бесконфликтную (75 %)*. А вот на *«доброжелательные отношения, способствующие внутреннему согласию»* указали всего 15 %. Причем удельный вес респондентов, отметивших *напряженность и конфликтность ситуации*, почти такой же и составил 10 % [7].

Эти результаты совпадают с итогами наших исследований. В схожих по смыслу опросах 2015–2018 гг., проведенных в г. Костроме, около 60 % респондентов оценили отношения между местным населением и мигрантами как *спокойные*, но не доброжелательные, а именно спокойные и терпимые. Причем почти половина респондентов в повседневной жизни не встречает мигрантов и не общается с ними, что доказывает их незначительное количество в городе. Скорее всего, это связано не с политикой местных властей, а с тем, что после кризиса 2014–2015 гг. количество мигрантов резко сократилось, а повседневные заботы и другие трудности заставляют костромичей забывать о межнациональном факторе. Вместе с тем есть и положительные результаты, достижение которых, возможно, стало результатом участия местных властей. По последним данным, 50 % молодежи рассматривают интеграцию мигрантов в костромское сообщество положительно, а еще 40 % относятся к этому нейтрально. В тоже время 70 % высказалось за интеграцию мигрантов, а 80 % опрошенных отметили, что труд мигрантов необходим для региона [9]. Однако говорить о 100 %-ной доброжелательности не приходится. Можно отметить то, что настроения молодежи в целом имеют положительную динамику в сторону толерантного и терпимого отношения к мигрантам, и местной власти необходимо продолжать работу в этом направлении.

Хотелось бы вернуться к анализу сборника «Межнациональный мир Костромской области», подготовленного администрацией субъекта. В выводах отмечается, что около 70 % респондентов *не заметили никаких изменений в отношениях между нациями*, половина участников опроса указали, что терпимо относятся к представителям других национальностей, еще 40 % воспринимают их дружелюбно. Достаточно высокий уровень толерантности населения Костромской области к людям другой национальности подтверждает и тот факт, приводимый в сборнике, что *«70,9 % участников исследования сообщили о своем спокойном и терпимом отношении к родству с ними»* [7, с. 163].

Эти результаты являются очень любопытными, поскольку в 2015 г. нами был проведен аналогичный опрос, в ходе которого примерно 80 % девушек в возрасте до 35 лет сказали, что замуж за представителя другой национальности не вышли бы и конфессию бы не сменили. Молодые люди однозначно высказали отрицательное отношение к подобной мысли (99 %). Старшее поколение (а это треть опрошенных) к этому отнеслось еще более консервативно: *«Выдавать замуж дочь за представителя другой национальности не стала бы. Надо учитывать разные традиции и обычаи, они нас не уважают!»* (ж., 1953 г. р.). Особенно интересным является следующий комментарий респондентки: *«К мигрантам отношусь в основном нейтрально, но когда их сфера деятельности совпадает с нашей, например обучение детей происходит совместно, – я против, так как у них все другое – и воспитание, и культура, а замуж не вышла бы, так как я за чистоту расы!»* (ж., 1983 г. р.), то есть девушка в целом сделала акцент на том, что любые контакты в повседневной жизни с мигрантами для нее нежелательны, причем в анкете респондентка указала, что общается с трудовыми мигрантами практически ежедневно [9].

Любопытными представляются также результаты опроса, который был проведен администрацией Костромской области в 2014 году и получил освещение в местном новостном портале сети Интернет. По итогам исследования и оценке СМИ, *«толерантностью к другим нациям в Костроме многие горожане явно не отличаются. В частности, около 55 % проголосовавших считают “кошмарным” то, что их дети вступают в брак с иностранцами, а около 70 % считают, что возможно ухудшение межнациональных отношений. При этом у 82 % проголосовавших костромичей есть друзья-иностранцы, кроме того, более 70 % считают себя толерантными людьми, хотя слово “толерантность” почему-то приобрело в России какие-то отрицательные смыслы. При этом более 70 % участников опроса считают, что межнациональные конфликты должны предотвращать органы власти и полиция, а не сами граждане»* [4]. Получается, что за два года (напомним, отчет подготовлен и выпущен в 2016 г.) костромичи в корне изменили свое отношение к этому вопросу? Вот в это верится с большим трудом, о чем и сообщается далее в исследовании весьма аккуратно: скорее всего, эти ответы могут носить характер «социально желаемого ответа (ответа, который ожидается, декларируется и является “правильным”)». То есть респонденты не против межнациональных браков до тех пор, пока их возможность носит лишь теоретический характер. В то же время если с созданием такого брака они бы столкнулись в реальности применительно к своей семье, отношение некоторых сторонников данной позиции могло бы

в корне измениться» [7, с. 163–164]. То есть все же большинство костромичей не хотят вступать в супружеские отношения с представителем другой национальности или видеть последних в качестве членов своих семей.

В 2017 году нами был организован пилотный опрос в сети Интернет, в нем участвовало 60 человек, жителей Костромы, разного возраста и уровня образования, где мы задали вопрос: *«Связываете ли Вы мигрантов с угрозой террористических актов (или могут ли мигранты быть связаны с террористами, например ИГ)?»* Этот вопрос вызвал наибольшую дискуссию и размышления среди респондентов. Большая часть (58 %) согласилась с тем, что чувствует эту угрозу. Значительное число респондентов выразило наибольшее недоверие представителям Средней Азии и СНГ. Однако были и другие ответы: *«Я не связываю чью-либо национальность и терроризм априори. Самую крупную человеконенавистническую организацию создал Адольф Гитлер, а уж его никак нельзя было приписать ни к азиатам, ни к кавказцам, ни к евреям. Я не поддерживаю национализм в любом случае, неважно от представителей какой нации он исходит»* (костромич, 1986 г. р.); *«Нельзя дать однозначный ответ. Завербовать могут и россиянина. Но на мигрантов из стран СНГ должно быть обращено наибольшее внимание»* (костромичка, 1987 г. р.); *«По одному не сужу обо всех»* (костромич, 1975 г. р.) [9]. Вместе с тем это единичные случаи из общей массы респондентов. Вероятно, причина кроется именно в СМИ и их пропаганде, потому что еще в 2016 году подобных страхов не было. Наоборот, отмечалась положительная динамика в сторону доверия к мигрантам и в целом представителям других национальностей.

Напомним, что по результатам наших опросов, которые проводились в Костроме с 2014 года, на вопрос *«считаете ли Вы, что мигранты чаще совершают преступления, чем местные жители?»* утвердительно ответивших было 40 % респондентов в 2015 году, в то же время к 2016 году эта доля снизилась в два раза. Любопытно, что распространение радикальных идей не так настораживало костромичей, удельный вес респондентов, связывающих эту проблему с мигрантами, составлял всего 30 %. Еще год назад более серьезной проблемой, по мнению костромичей, являлась попытка мигрантов установить свои порядки (46 %) и незнание нашей культуры (45 %). То есть по итогам опроса четко прослеживалось, что костромичи не связывали экстремизм или терроризм с представителями другой национальности, при этом нарушение привычного образа жизни города для большинства жителей виделось более серьезной проблемой, чем терроризм.

Итоги последнего опроса (2017 г.) в корне изменили позитивную картину, так как на общем фоне политической нестабильности в мире ажио-

таж, поддерживаемый СМИ – как местными, так и федеральными, – привели к негативным последствиям, и дружественный настрой постепенно сменяется еще большим недоверием по отношению к представителям других национальностей. Именно поэтому проведение независимых исследований не по заказу местных администраций помогут разобраться в реальной ситуации и быстро реагировать на те или иные провокации или всплески межнационального характера. А вот называть регион стабильным в межнациональных отношениях, мы считаем, рано. Думается, эту проблему региональной власти нельзя выпускать из виду, и ситуация межнациональных отношений лишь внешне выглядит спокойной. Стоит только вспомнить ситуацию в Нерехте в 2012 году, когда произошла драка на дискотеке между нерехтчанином и «выходцем с Кавказа», завершившаяся гибелью русского парня. После этого трагического события город захлестнули межнациональные распри, несмотря на то, что правоохранители настаивали на бытовом характере конфликта. Узнав о кавказском происхождении преступников, сразу после похорон нерехтчанина около тысячи жителей собрались на стихийный сход в центре города, требуя от полиции и властей найти убийц. В город были стянуты усиленные наряды полиции, прибыли представители силовых ведомств и администрации региона, а местные СМИ сообщали об угрозе новой «Манежки» [2]. Эта ситуация является показательной: любая неосторожность, происшествие или еще какое-либо конфликтное событие может в миг изменить межнациональную стабильность Костромского региона.

Подводя итог нашему исследованию, хотелось бы отметить, что Костромская область является сложным регионом с точки зрения социально-экономического развития. В целом говорить о наличии в регионе латентного межнационального напряжения сложно, потому что различные другие проблемы отвлекают костромичей от проблем миграции. Это проблемы повседневного характера, например ремонт моста, состояние и качество дорог, рост цен и тарифов и др. Вместе с тем мы считаем, что должно происходить увеличение регулярного информативного воздействия с просветительской целью со стороны местных властей на рядовых жителей области по поводу мигрантов. В итоге эти мероприятия приведут к повышению уровня знаний о представителях других народов, их культуре, снижению страхов и опасений и в конечном счете – формированию позитивного представления как о мигрантах, так и других народностях, проживающих в Костромской области.

Библиографический список

1. Богатые и бедные семьи – рейтинг регионов 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://riarating.ru/infografika/20180607/630095992.html> (дата обращения: 15.07.2018).

2. Дело о поножовщине в Нерехте, едва не вызвавшее межнациональные волнения, передано в суд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newsru.com/russia/21may2013/nerekhta.html> (дата обращения: 23.09.2018).

3. Информация о реализации государственных программ по итогам 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dep-economy44.ru/uploads/files/Otchet_GP_2016.pdf (дата обращения: 10.07.2018).

4. Костромичи считают, что браки с иностранцами – это кошмар? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://k1news.ru/news/society/kostromichi-schitayut-cto-braki-s-inostrantsami-eto-koshmar> (дата обращения: 10.07.2018).

5. Костромскую область переведут на казначейское сопровождение [Электронный ресурс] // K1NEWS.RU: главный портал Костромы. – Режим доступа: <https://k1news.ru/> (дата обращения: 15.07.2018).

6. Кринуцкая А. Что такое медианная зарплата: расчет, статистические данные. Медианный доход [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fb.ru/article/322341/cto-takoe-mediannaaya-zarplata-raschet-statisticheskie-dannyye-mediannyiy-dohod> (дата обращения: 15.07.2018).

7. Межнациональный мир Костромской области. – Кострома: ООО «НПО Энерго Пром», 2016. – 184 с.

8. Заседание Совета по межнациональным отношениям [Электронный ресурс]: стенографический отчет. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55109> (дата обращения: 13.09.2018).

9. Белова Н.А. Результаты массовых опросов костромичей в рамках проекта «Этническое и религиозное многообразие в России», 2014–2018 гг. [Рукопись]: полевые материалы / руководитель акад. В.А. Тишков. – Кострома, 2015–2017 (личный архив автора).

10. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ: итоги 2017 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html> (дата обращения: 15.07.2018).

11. Скалей Е. Демографическая яма России: ребенок теперь роскошь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://365info.kz/2018/03/demograficheskaya-yama-rossii-rebenok-teper-roskosh/> (дата обращения: 15.07.2018).

12. Социально-экономическое положение Костромской области в январе – апреле 2018 года [Рукопись]: доклад. – Кострома: Тер. орган Федеральной службы гос. статистики по Костромской обл. (Костромастат), 2018.

13. Социально-экономическое положение Ярославской области: январь – май 2018 года. – Ярославль: Ярославльстат, 2018.

14. Тимошенко Т. Россия: Рождение ребенка выталкивает миллионы семей за черту бедности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/social/20180302/241613133.html> (дата обращения: 15.07.2018).

15. Тишков В.А. Межэтнические проблемы легче и быстрее решаются на региональном уровне [Электронный ресурс] // Национальный акцент: медиа-проект. – Режим доступа: <http://nazaccent.ru/content/15318-valerij-tishkov-problemy-mezhetnicheskikh-otnoshenij-legche.html> (дата обращения: 13.09.2018).

16. Белова Н.А. Экспертные интервью в Костроме. Респонденты о материальном достатке [Рукопись]: полевые материалы. – Кострома, 2018.

References

1. Bogatye i bednye sem'i – rejting regionov 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://riarating.ru/infografika/20180607/630095992.html> (дата обращения: 15.07.2018).

2. Delo o ponozhovshchine v Nerekhte, edva ne vyzvavshee mezhnacional'nye volneniya, peredano v sud [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newsru.com/russia/21may2013/nerekhta.html> (дата обращения: 23.09.2018).

3. Informaciya o realizacii gosudarstvennyh programm po itogam 2016 goda [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dep-economy44.ru/uploads/files/Otchet_GP_2016.pdf (дата обращения: 10.07.2018).

4. Kostromichi schitayut, chto braki s inostrancami – ehto koshmar? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://k1news.ru/news/society/kostromichi-schitayut-chto-braki-s-inostrantsami-eto-koshmar> (дата обращения: 10.07.2018).

5. Kostromskuyu oblast' perevedut na kaznachejskoe soprovozhdenie [Электронный ресурс] // K1NEWS.RU: glavnyj portal Kostromy. – Режим доступа: <https://k1news.ru/> (дата обращения: 15.07.2018).

6. Krinickaya A. Chto takoe mediannaya zarplata: raschet, statisticheskie dannye. Mediannyj dohod [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fb.ru/article/322341/chto-takoe-mediannaya-zarplata-raschet-statisticheskie-dannye-mediannyiy-dohod> (дата обращения: 15.07.2018).

7. Mezhnacional'nyj mir Kostromskoj oblasti. – Kostroma: OOO «NPO ENergo Prom», 2016. – 184 s.

8. Zasedanie Soveta po mezhnacional'nym otnosheniyam [Электронный ресурс]: stenograficheskij otchyot. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55109> (дата обращения: 13.09.2018).

9. Belova N.A. Rezul'taty massovyh oprosov kostromichej v ramkah proekta «Ehtnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie v Rossii», 2014–2018 gg. [Rukopis']: polevye materialy / rukovoditel' akad. V.A. Tishkov. – Kostroma, 2015–2017 (lichnyj arhiv avtora).

10. Rejting social'no-ehkonomicheskogo polozheniya sub"ektov RF: itogi 2017 goda [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html> (дата обращения: 15.07.2018).

11. Skalej E. Demograficheskaya yama Rossii: rebenok teper' roskosh' [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://365info.kz/2018/03/demograficheskaya-yama-rossii-rebenok-teper-roskosh/> (дата обращения: 15.07.2018).

12. Social'no-ehkonomicheskoe polozhenie Kostromskoj oblasti v yanvare – aprele 2018 goda [Rukopis']: doklad. – Kostroma: Ter. organ Federal'noj sluzhby gos. statistiki po Kostromskoj obl. (Kostromastat), 2018.

13. Social'no-ehkonomicheskoe polozhenie YAroslavskoj oblasti: yanvar' – maj 2018 goda. – YAroslavl': YAroslavl'stat, 2018.

14. Timoshenko T. Rossiya: Rozhdenie rebenka vytalkivaet milliony semej za chertu bednosti [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/social/20180302/241613133.html> (дата обращения: 15.07.2018).

15. Tishkov V.A. Mezhehtnicheskie problemy legche i bystree reshayutsya na regional'nom urovne [Электронный ресурс] // Nacional'nyj akcent: media-proekt. – Режим доступа: <http://nazaccent.ru/content/15318-valerij-tishkov-problemy-mezhetnicheskikh-otnoshenij-legche.html> (дата обращения: 13.09.2018).

16. Belova N.A. EHkspertnye interv'yu v Kostrome. Respondenty o material'nom dostatke [Rukopis']: polevye materialy. – Kostroma, 2018.

ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ СТРУКТУРЫ ЭКСПОРТНОГО КОНТРОЛЯ ШВЕЦИИ В СФЕРЕ ОБОРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В статье предпринята попытка рассмотреть и определить роль шведских предприятий в становлении и развитии государственной системы экспортного контроля. Автором рассмотрены крупнейшие предприятия Швеции, их развитие во второй половине XX века. Рассматривается также степень глобализации в этой сфере, уделяется внимание вопросу принадлежности шведских предприятий к крупным международным корпорациям. Несомненно, такие факторы, как высокий уровень зависимости государства от экспорта и активное участие в международных программах и организациях, имеют ключевое значение. Автор сосредотачивает внимание на истории развития и слияния крупнейших государственных организаций, приходя к выводу о явной тенденции к либерализации в сфере экспорта вооружений в Швеции, связанной, в частности, с сокращением внутренних потребностей государства и повышением спроса за рубежом.

Ключевые слова: система экспортного контроля, оборонная промышленность Швеции, глобализация, либерализация торговли, взаимозаменяемости продукции, производители военной техники, международная торговля.

Шведская военная промышленность начала развиваться в разгар Второй мировой войны, поскольку правительство этой скандинавской страны должно было быть уверено в подготовленности Швеции в случае возможного нападения. Защита государства при этом не должна была зависеть от других стран. Планировалось, что предприятия могли быть как государственным, так и частными, но шведскими, а целью государственной военной промышленности по плану была не прибыль, а лишь производство для нужд обороны страны. Однако в действительности шведское правительство предпочло использовать контракты с частными компаниями, ориентированными на получение доходов.

Сегодня в сфере производства военной продукции Швеции четко видны тенденции к глобализации. Так, трудно назвать полностью шведские предприятия в сфере оборонной промышленности. Все компании находятся в частной собственности и многие из них принадлежат крупным международным корпорациям или иностранным акционерам, а значительная доля шведских товаров производится и собирается в других странах. В то же время шведские компании активно инвестируют

за рубеж, налаживая там производство. В качестве примеров можно упомянуть офисы компании Saab в Австралии, США, Южной Африке, Германии, Норвегии, Дании и Финляндии, концерна Volvo в США и Норвегии и фирмы PartnerTech в Польше, Великобритании, Финляндии, Норвегии и США.

Трудно провести черту между производством военной продукции для внутреннего и внешнего рынков. Очевидно, что международная торговля в данной сфере важна для обеспечения экономической устойчивости, ведь внутренние потребности страны не настолько велики, однако экспорт достаточно востребован. Будучи небольшим европейским государством, Швеция в значительной степени зависит от экспорта, а экспорт в данной области на душу населения является одним из самых высоких в Европе (рис. 1).

И хотя оборонная промышленность играет важную роль в обеспечении военной техникой шведских вооруженных сил, не все может быть разработано и произведено в Швеции. Согласно решению Риксдага, Швеция должна стремиться участвовать в программах международного сотрудничества с тем, чтобы иметь возможность разделять издержки и обеспечить взаимозаменяемость [2, с. 9].

Vapenexport per capita

2011	2012	2013	2014
1. Sverige	1. Israel	1. Israel	1. Israel
2. Israel	2. Ryssland	2. Ryssland	2. Schweiz
3. Brunei	3. Sverige	3. Sverige	3. Ryssland
4. Ryssland	4. Nederländerna	4. Vitryssland	4. Sverige
5. Frankrike	5. Norge	5. Schweiz	5. Nederländerna
6. Schweiz	6. USA	6. Frankrike	6. USA
7. Nederländerna	7. Ukraina	7. Storbritannien	7. Frankrike
8. USA	8. Schweiz	8. USA	8. Storbritannien
9. Bosnien-Herzegovina	9. Frankrike	9. Nederländerna	9. Norge
10. Norge	10. Nya Zeeland	10. Finland	10. Spanien

Рис. 1. Позиции европейских государств, лидирующих в области экспорта вооружений (2011–2014 гг.) [6]

Нельзя не отметить, что хорошо сбалансированный импорт и экспорт военного оборудования как раз является гарантией взаимозаменяемости продукции.

Экспорт боевой техники способствует сохранению компетенции и потенциала шведских компаний и помогает поддержать дальнейшее развитие шведских вооруженных сил. Доля экспорта увеличилась в последние годы и по-прежнему превышает 50 % [1, с. 16]. Отметим, что шведская оборонная промышленность тесно связана с международной оборонной промышленностью как с точки зрения прав собственности и территории производства, так и в области обслуживания. Успешный экспорт, а также исследования и технологии, разработанные для потребностей шведских вооруженных сил, способствуют тому, что шведская оборонная промышленность привлекает интерес иностранных государств.

После Второй мировой войны стало возможным выделить ряд компаний, ставших доминирующими производителями на рынке шведской военной техники и автомобильной промышленности. В авиационной отрасли такими компаниями были Saab-Scania, Volvo и Ericsson, производившие более 80 % продукции. Что касается остального военного оборудования, то самыми важными компаниями были Vofors, FFV и ASEA. Конечно, Saab, Scania и Volvo наиболее широко известны в сфере производства как техники гражданского, так и военного назначения. Проблема заключалась в том, что все три компании в начале своего пути были не слишком крупными, а производство не было достаточно диверсифицированным для того, чтобы компании могли развиваться независимо. Это, вероятно, и стало причиной значительного количества слияний, объединений и совместных разработок, ведь сегодня самые крупные шведские компании в сфере автомобильной и оборонной промышленности более не являются исключительно шведскими. Можно выделить несколько важных событий. Так, Volvo был куплен Ford в 1999 году, а в 2010 году продан китайскому концерну Geely. Saab Automobile был продан в 2 этапа (1990 год и 2000 год) General Motors, а затем голландскому производителю спортивных авто Spyker в 2010 году, однако в 2011 году уже разорился (по причине неудачных переговоров General Motors и из-за отказа в продаже некоторых технологий). В 2006 году Volvo поглощает Nissan Diesel, одновременно купив и их технологии [7, с. 28].

Ошибочно, однако, полагать, что данная тенденция исключительно современная, поскольку уже в 50-е гг. XX века руководство Volvo приняло решение о том, что им необходимо выходить на американский рынок. Уже в 70-е гг. США стали самым крупным рынком для Volvo, переместив, таким образом, фокус со шведского рынка. С 1972 года этот концерн начинает занимать доминирующую позицию в DAF Trucks – отчасти для того, чтобы

расширить производство небольших автомобилей, отчасти из-за уникальной системы двигателей, разработанной DAF Trucks. А гидравлические технологии, используемые в авиационных двигателях, были впервые использованы Volvo в грузовых автомобилях и строительном оборудовании [5, с. 126].

Следует отметить, что с тех пор произошли некоторые изменения, и шведская оборонная промышленность изменила структуру. Когда в 2000 году Saab поглотил Celsius Group, государство полностью утратило контроль над производством в сфере оборонной промышленности. Эта сделка, по сути, означала, что все производство оружия в Швеции было приватизировано и открыто для иностранной собственности. На сегодняшний день, к примеру, около 150 компаний в Швеции имеют разрешение на производство военной техники [4]. Около 40 из них также активно работает на экспорт. Ежегодно Швеция продает оружие на сумму не менее 30 млрд шведских крон, однако по структуре многие компании являются дочерними и принадлежат крупным иностранным корпорациям.

Saab сегодня производит около 80 % военной техники и оборудования. С переходом верфей Kokmus в Карлскруне от немецкого концерна Thyssen-Krupp к SAAB (еще в 2014 году), производство боевых самолетов считается полностью шведским, по крайней мере с точки зрения собственности. SAAB (Svenska Aeroplan Aktiebolaget) была основана в 1937 году для производства военных самолетов для обороны Швеции. Первый завод в Тролльхеттане открылся в 1938 году. В 1965 году компания сменила название на Saab AB, а также начала разработку автомобилей. Saab automobile имеет не менее запутанную в плане слияний и поглощений историю. В 1949 году было запущено массовое производство. Интересно, что практически всю историю существования производство автомобилей Saab было убыточным, но в тоже время инновационным в плане технологий. В автопром Saab привнес ряд технологий безопасности, заимствованных из авиационной промышленности. К примеру, первая система защиты от бокового удара была представлена Saab в 1972 году. Однако производить доступные или же люксовые автомобили Saab не мог, и в 1900–2000 годах был продан General Motors, который на тот момент нуждался в качественном бренде и был готов сделать финансовые вложения, которых не хватало компании [5, с. 152].

Сегодня Saab является крупнейшим экспортером военной техники в Швеции и представляет более 60 % экспорта шведских вооружений [9], имеет долгую и довольно сложную историю. С декабря 2005 года компания участвовала в проекте Dassault nEUROn и приобрела Ericsson Microwave Systems в 2006 году, а также начала производство в сфере радиолокационных и сенсорных систем, в том числе представила свою радарную систему Erieye.

Saab Tech Electronics насчитывает более 200 сотрудников и является ведущим поставщиком оборудования для радиоэлектронной борьбы в целях обороны Швеции. Компания также установила оборудование на большое количество истребителей, таких как JAS, Tornado, F-14, Mirage и Eurofighter. Saab Bofors Dynamics производит продукцию для компании Bofors, в том числе ракеты Robot 70 и BAMSE BBC, гранатомет Carl-Gustaf и торпеды.

Компании BAE Systems Bofors, и BAE Systems Hägglunds, производящие боеприпасы, гранаты и боевые машины, являются частью британской группы BAE Systems, а точнее ее американского подразделения BAE Systems Land & Armament. Другие компании – Nammo Sweden, принадлежащие компании Nammo, со штаб-квартирой в Норвегии – производят боевые боеприпасы и военные компоненты.

В сентябре 2013 года в средствах массовой информации сообщалось, что Boeing и Saab начнут сотрудничество по производству истребителей Gripen, а три года спустя, в соответствии с требованиями ВВС США по подготовке к повышению квалификации пилотов, был разработан первый Boeing T-X [8].

Распад Советского Союза и роспуск Организации варшавского договора стали отправным сигналом для полной реорганизации вооруженных сил Швеции, что привело, в свою очередь, к масштабной реструктуризации оборонной промышленности. Поэтому период 90-х гг. XX века для шведской оборонной промышленности является важным в плане слияний и объединений компаний, а также объединения усилий для работы над различными общими проектами. Причем нередко шведские компании объединялись с иностранными.

Так, Celsius, одно из крупнейших военных предприятий в Швеции, в 1991 году приобрело Förenade Fabriksverken (FFV), а в 1992 объединилось с Bofors. В 1995 году Saab объединил усилия с британской оборонной и аэрокосмической компанией British Aerospace (BAE), крупнейшим в Европе и третьим в мире производителем военной техники, для совместной разработки истребителей JAS. В 1998 году BAE приобрела 35 % акций Saab. Сотрудничество в основном проходило в рамках совместной работы над шведскими истребителями JAS и британскими самолетами Hawk. Hägglunds Vehicle, крупнейший в Швеции производитель военной техники, был куплен британской компанией Alvis в 1997 году [9].

Ericsson и Saab объединили свои усилия в нескольких проектах. Интересно, что лишь около 1 % общего объема продаж Ericsson, – военная техника, однако компания по-прежнему занимает второе место среди шведских производителей оборонной промышленности. В 1998 году Ericsson продал военную технику на 2,092 млн. шведских

крон. Ericsson Microwave Systems производит военные радиолокационные системы для истребителей и противовоздушной обороны. В 1999 году Ericsson Microwave Systems подписала крупный контракт на поставку военных радиолокационных систем в Грецию на сумму около 4 млрд шведских крон. Ericsson являлся частью промышленной группы, занятой в производстве истребителей JAS, просуществовавшей с 1980 по 2008 год, включавшей в себя также Volvo Aero и Saab [3, с. 37].

В июле 1999 года Saab объявил, что приобретает все технологии Barracuda Technologies от Hägglunds Vehicle. Kockums, ведущий производитель подводных лодок в Швеции, был продан шведским Celsius немецкой компании HDW в октябре 1999 года. В то же время Celsius купил 25 % HDW. В ноябре 1999 года Saab продолжил свой путь к тому, чтобы стать крупнейшим в Швеции производителем военной техники и объявил о желании приобрести Celsius. В течение следующих месяцев был приобретен весь Celsius, в том числе акции немецкого HDW. Таким образом, Saab стал самым крупным экспортером военной техники в Швеции.

Согласно ежегодному перечню крупнейших мировых производителей военной техники, составленному журналом Defense News, «новый» Saab занимает 22-е место среди крупнейших в мире производителей военного оборудования в 1999 году [3, с. 22]. По данным SIPRI – Стокгольмского института исследования проблем мира, Saab и Celsius продали в 1998 году военную технику на 14,7 млрд шведских крон, что соответствует примерно 65 % от общего объема экспорта [10].

Летом 2000 года Saab продал Bofors Weapons Systems (Bofors Defense) США, однако основная деятельность предприятия все же сконцентрирована в Швеции. Компания Bofors была основана в 1646 году в городе Бергслагене как сельскохозяйственное предприятие, также занималась добычей железа и леса. В 1883 году Bofors получил свой первый заказ на производство оружия и стал производить военную технику. Bofors Gullspång был приобретен Альфредом Нобелем в 1894 году и был в его распоряжении до 1896 года. Во время Второй мировой войны Bofors заключил уникальное соглашение с сферой оборонной промышленности со шведским государством и расширил производство. В 2005 году британская компания по производству военной техники BAE Systems купила Bofors, и в связи с этим Bofors изменил свое название на BAE Systems Bofors AB [9].

Концерн Hägglunds, основанный в 1998 году, продает оборонную технику на сумму 1,548 млн шведских крон, 98 % производства предприятия – военная техника. Hägglunds принадлежит британскому Alvis и в основном производит различные виды боевых машин [1, с. 67]. Hägglunds & Söner

была основана в 1899 году как фабрика столярных изделий. В 1950-х годах Hägglunds получил первый заказ на танк от шведских вооруженных сил, и с тех пор развивается в данной сфере. В 1997 году Hägglunds была продана британской компании Alvis, которая, в свою очередь, была приобретена британской BAE Systems, купившей Hägglunds [9].

Изложенный выше материал позволяет сделать следующие выводы: Швеция, несмотря на проводимую мирную политику, является одним из крупнейших производителей военного оборудования на мировой арене. В связи с низким спросом внутри государства компании, занятые в сфере оборонной промышленности, сильно зависят от экспорта. Сегодня производство шведского военного оборудования находится полностью в частной собственности, что, безусловно, ограничивает влияние государства. Нельзя не сказать о высоком уровне иностранной собственности. Это имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, данная особенность еще больше способствует упрощению контроля государства в данной сфере, фактически сводя его к минимуму. С другой же стороны, либерализация международной торговли в такой важной для Швеции сфере, как оборонная промышленность, обусловлена не в последнюю очередь тенденцией к унификации и взаимозаменяемости продуктов и материалов. Это позволяет создавать стандарты, в том числе международные, а также способствует развитию глобализации.

Библиографический список

1. Davis I. The Regulation of Arms and Dual-Use Exports Germany, Sweden and the UK. – New York: Oxford University Press Inc., SIPR, 2002. – 360 p.
2. Försvarspolitiskt samarbete – effektivitet, solidaritet, suveränitet: Rapport från Utredningen om Sveriges internationella försvarspolitiska samarbete. – Regeringskansliet, 2013. – 141 p.
3. Lindahl R. Fokus på vapenhandeln. – Svenska Freds-och Skiljedomsföreningen, 2001. – 49 s.
4. Motion till riksdagen 2017/18:3826 av Stig Henriksson och Amineh Kakabaveh [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://data.riksdagen.se/dokument/H5023826#_Toc492466633 (дата обращения: 09.09.2018).
5. Pyka A., Burghof H.-P. Innovation and Finance. – New York: Routledge, 2014. – 190 p.
6. Svenska Freds- och Skiljedomsföreningen. Snabba fakten om vapenexporten [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.svenskafreds.se/snabba-fakta-om-vapenexporten> (дата обращения: 09.09.2018).

7. Swedish Arms Export in 1997 A Government Report. – Ministry for Foreign Affairs Strategic Export Control Division Stockholm, 1998 (May). – 34 p.

8. SOU 2005:009 KRUT Reformrat regelverk för handel med försvarsmateriel. – Norstedts Juridik AB, 2005. – 345 s.

9. Svenska Freds-och Skiljedomsföreningen. Vapenindustrin i Sverige [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.svenskafreds.se/vapenindustrin-i-sverige> (дата обращения: 09.09.2018).

10. Trends in international arms transfers, SIPRI Fact Sheet, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sipri.org/> (дата обращения: 09.09.2018).

References

1. Davis I. The Regulation of Arms and Dual-Use Exports Germany, Sweden and the UK. – New York: Oxford University Press Inc., SIPR, 2002. – 360 p.
2. Försvarspolitiskt samarbete – effektivitet, solidaritet, suveränitet: Rapport från Utredningen om Sveriges internationella försvarspolitiska samarbete. – Regeringskansliet, 2013. – 141 p.
3. Lindahl R. Fokus på vapenhandeln. – Svenska Freds-och Skiljedomsföreningen, 2001. – 49 s.
4. Motion till riksdagen 2017/18:3826 av Stig Henriksson och Amineh Kakabaveh [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://data.riksdagen.se/dokument/H5023826#_Toc492466633 (дата обращения: 09.09.2018).
5. Pyka A., Burghof H.-P. Innovation and Finance. – New York: Routledge, 2014. – 190 p.
6. Svenska Freds- och Skiljedomsföreningen. Snabba fakten om vapenexporten [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.svenskafreds.se/snabba-fakta-om-vapenexporten> (дата обращения: 09.09.2018).
7. Swedish Arms Export in 1997 A Government Report. – Ministry for Foreign Affairs Strategic Export Control Division Stockholm, 1998 (May). – 34 p.
8. SOU 2005:009 KRUT Reformrat regelverk för handel med försvarsmateriel. – Norstedts Juridik AB, 2005. – 345 s.
9. Svenska Freds-och Skiljedomsföreningen. Vapenindustrin i Sverige [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.svenskafreds.se/vapenindustrin-i-sverige> (дата обращения: 09.09.2018).
10. Trends in international arms transfers, SIPRI Fact Sheet, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sipri.org/> (дата обращения: 09.09.2018).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821(44).09"17"

Голубков Андрей Васильевич

доктор филологических наук

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва
andreygolubkov@mail.ru

СПОРЫ О «ТЕЛЕСНОЙ РИТОРИКЕ» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ XVII ВЕКА: СЛУЧАЙ «СМЕШНЫХ ПРЕЦИОЗНИЦ»

Бытовое поведение в современном дискурсе о культуре рассматривается как схожая с естественным языком особая семиотическая система, отмеченная своей грамматикой и морфологией. Французская аристократическая культура XVII в., воплощением которой является салонная литература этого периода, оказывается ярким образцом такого искусственного языка: жесты, позы и другие особенности поведения становятся знаками, требующими расшифровки. В центре исследования оказывается резко негативное отношение к прециозницам – блиставшим в салонах 1-й половины XVII в. французским светским женщинам (среди них наиболее известны г-жа де Рамбуйе и г-жа де Скюдери); в конце 1650-х – начале 1660-х гг. их поведение стало объектом суровой сатиры, нашедшей наиболее яркое воплощение в творчестве Ж.Б. Мольера (комедия «Смешные прециозницы», 1659) и Бодо де Сомеза («Большой словарь прециозниц», 1661), а также в других, менее известных литературных памятниках («Катехизисе прециозниц» и др.). Сатирики, воспринимавшие себя в качестве носителей аристократически-галантной культуры, последовательно высмеивали манерность и жеманность прециозниц, неестественность их поведения, противоречащего утверждавшейся с 1650-х гг. модели светского поведения, в основе которой – тотальный контроль над собственным поведением и конструирование «естественности» как в разговоре, так и при других контактах с аудиторией. Прециозницы оказались заложниками архаичной схемы «телесной риторики», которая предполагала очевидность знака и основывалась на очевидной игре; популярность новой схемы, в основе которой оказывалось сокрытие игры и риторической работы, была связана с нарастающим в 1650-е гг. среди аристократов увлечением физиогномикой. Использование устаревших моделей поведения и разговора оказывается главной причиной сатирического высмеивания прециозниц и их отторжения галантной культурой, частью которой они изначально являлись.

Ключевые слова: прециозницы, физиогномика, французская аристократическая культура, галантность, Мольер.

После знаковых работ Ю.М. Лотмана нет нужды доказывать, что бытовое поведение – особая семиотическая система, язык, который оказывается естественным или же хорошо изученным для его носителей, но нуждается в переводе для представителей иной цивилизации. Аристократическая культура французского XVII в. является ярким примером того, что «определённые формы обычной, каждодневной деятельности были сознательно ориентированы на нормы и законы художественных текстов и переживались непосредственно эстетически» [3, с. 248]. Позы и жесты оказываются в высшей степени значимыми: положение в обществе начинает выражаться через «телесный синтаксис». К середине XVII в. на волне утверждения социального типажа *honnête homme* («человек чести») – аристократа, обращённого не к военным победам, но к галантному времяпрепровождению, – мы наблюдаем значимые изменения в принципах конструирования внешнего вида. Мода становится проявлением уже не столько сословной принадлежности, сколько личных, а не кастовых черт. Об этом, кстати, писал уже сам ведущий теоретик светского поведения Н. Фаре в своем трактате «Человек чести, или Искусство нравиться при дворе» (1630): «Она [мода] вводилась наиболее опытными из числа грандов (*grands*) и *honnêtes gens* и служила как бы законом для всех остальных» [6, с. 179]. Важность описываемого нами периода в том, что в этот момент мода оказы-

вается средством различения уже не только социальной прослойки, но и внесословного «статусного слоя» – прообраза хабермасовского «гражданского общества». Внимание, уделяемое внешнему виду, свидетельствует о том, что он уже безусловно воспринимался как определённое сообщение.

В качестве примера процессов, которые происходили в аристократическом обществе Парижа XVII в., можно привести полемику по поводу прециозниц, развернувшуюся в конце 1650-х – начале 1660-х гг. на волне успеха остроумной и крайне едкой пьесы Мольера «Смешные жеманницы» (в оригинале – «Смешные прециозницы», поставлена 18 ноября 1659 г.). «Прециозницами» Мольер устами своего героя, аристократа Лагранжа, называет лишь двух девиц – Мадлон и Като (хотя и утверждает, что «духом прециозности» пропитан весь Париж).

Девицы из мольеровской пьесы изображают из себя тонких и изысканных светских дам, они манерно отвергают ухаживания аристократов, но сами оказываются жертвой забавного розыгрыша слуг ухажеров – Дюкруази и Лагранжа. Слуги-пройдохи во время беседы с девицами ведут себя так, как, согласно представлениям прециозниц, должны вести себя истинные светские кавалеры. Они демонстрируют показную утонченность: причёсываются у всех на виду, делятся размышлениями о качестве парика, чулок, перчаток, перьев и лент. Фальшивые кавалеры оказываются девицам по душе именно

в силу их внешнего соответствия моде – они ходят вразвалку, причёсываются в обществе дамы, парадоксальным образом демонстрируя таким образом «естественность» и нескванность в гостях.

Описывая прециозниц, Мольер ориентировался на литературные модели и уже сложившиеся карикатурные клише в описании галантной дамы. За три года до его пьесы появилась первая часть романа Мишеля де Пюра «Прециозница, или Тайна алькова», заключительная, четвертая, часть которого вышла в 1658 г. Уже на волне успеха пьесы Мольера в своём «Большом словаре прециозниц», вышедшем летом 1661 г., Бодо де Сомез составил своего рода «перечень» выражений и поведенческих практик, которые оказывались уместны в прециозном обществе. Литератор Шарль Сорель в своём позднем сочинении «О познании добрых книг», вышедшем в 1671 г., был весьма критичным в отношении прециозных «повадок»: «Когда слышишь, как рассказывают нечто замечательное о том, что кто-то сказал или совершил, дабы продемонстрировать свою привязанность или свою ненависть к некому лицу, или же когда сообщают нечто, вызывающее удивление, то Люди Света говорят обычно “Это столь сильно” и даже имеется манера, как это хорошо сказать – наклонив голову в сторону с самодовольством или суровостью и тоном, абсолютно прециозным» [13, с. 406]. Мемуарист Жан де Лабрюйер указывает: «При отсутствии высших манер наличествуют, по крайней мере, низшие и те, что подходят лишь юной прециознице» [8, с. 240].

Мольер и прочие сатирики – как ранние, так и поздние – упоминают особую *аффективность* в бытовом поведении тех, кого называли прециозницами: эта неестественная «рисовка» (выражающаяся в речи, одежде, манере держаться), очевидно, воспринималась большей частью аристократической культуры (вероятно, ориентирующейся на двор) неприемлемым отклонением от господствующей нормы. *Показная* манерность, выражающаяся в намеренной жестикюляции, неестественном акцентном произношении слов и изощренных перифразах не были сплошным фантастическим изобретением сатириков.

Среди распространённых жестов прециозниц наиболее часто упоминается латеральный взгляд, выражающийся в контакте с собеседником через плечо. В небольшом анонимном тексте «Катехизис прециозниц» (между 1653–1659 гг.) упоминается главный «признак» прециозниц:

– Каков отличительный знак прециозниц?

– Медленно отвести глаза, изящно наклонить голову, медленно её приподнять и рассматривать весь мир не иначе, как через плечо [5, с. 739].

Аббат де Пюр в уже упомянутом выше тексте романа «Прециозница, или Тайна алькова» описывает прециозницу следующим образом: «Ува-

жение и вежество воплощались в её теле как табличка на пьедестале, приводимая в движение пружиной» [11, с. 226]. Обратим внимание, что де Пюр критикует не столько жесты, сколько их искусственность и показной характер. Критические выпады против прециозниц обращены к самим основам их образа, базировавшегося на ставшей уже анахронистической схеме телесной риторики.

Прециозницы оказались в плену традиционной схемы телесной коммуникации, которая к моменту концептуализации социальной страты уже была описана в многочисленных наставлениях. Не будет лишним подчеркнуть, что пристальный интерес французских элит к языку жестов и мимики наблюдается во Франции с 1620-х гг., когда выходит учебник по риторике отца Крессоля, в нем указывается, что «наличествует в лице нечто вроде немого красноречия, которое, совершенно не действуя, в то же время действует» [7, с. 250]. Значительной популярностью пользовался «Трактат о деле Оратора, или о Произношении и Жесте» Ле Фошера и В. Конрара (1657), где в двух главах описывались жесты, которые «необходимы в речи настолько же, насколько правильное произношение» [10, с. 187]. Рене Бари в своем риторическом трактате не обошел вниманием данную проблематику, более того, каждой мысли оратора он предписывает *фиксированную* позу и знаки. Бари описывает в итоге 20 жестов, которые соответствуют 20 различным страстям, он указывает на структуру жеста нежности: «Нежность предполагает, чтобы палец находился на сердце, ибо сердце – это обиталище страстей» [4, с. 67]. Ш. Строзецки отмечает, что в аристократической культуре необыкновенный успех снискал «жест Астреи», героини романа Оноре д'Юрфе (в такой позе Астрея и изображена на виньette первого издания) [14, с. 79].

Антипрециозная сатира фактически диагностировала произошедшее в аристократической культуре изменение парадигм телесного синтаксиса. В основе складывающейся системы лежал новый принцип: жесты говорящего уже не рассматривались в качестве экспликатора эмоции, оратор переставал *говорить телом*. Такая парадигма утверждалась именно в середине 1650-х гг., одним из ярких свидетельств оказывается трактат «Подруга чести» Л. Куве (1654). В этом пособии объясняются преимущества *незаметных* или естественных жестов над теми, которые кодифицированы, предписаны и навязаны традицией: «Если тело движется изящно, то это красноречивое действие без слов. Взмах кисти, полуоборот плеча, походка суть столь же могучие средства речи, сколь и безмолвные... Протянутая рука, голова, поддерживаемая кистью руки, с опорой на локоть, выставленная вперёд другой стопа, грудь, слегка склонённая с изяществом направо или налево, дополняют скромное молчание» [12, с. 134].

По замечанию Ж.-К. Шмитта, с середины 1650-х гг. в риториках Франции начинает особенно цениться «невидимость» жеста, сдержанность аффекта. Можно говорить об актуализации античного идеала *motus*, когда именно эфемерность жеста оказывается наивысшей ценностью [12, с. 130–134]. Необходимо подчеркнуть, что полемика вокруг прециозниц как раз падает на период необыкновенной популярности физиогномики, который вполне вписывается в развитие традиции вежества: светскому человеку, стремящемуся преуспеть в обществе, жизненно необходимо контролировать свои и чужие эмоции [1, с. 108–131]. Апогеем увлечения телесной риторикой стал трактат «Искусство знать людей» Марена Кюро де Ла Шамбра, вышедший в 1659 г. незадолго до мольеровских «Смешных жеманниц». Книга посвящена обнажению скрытого от большинства телесного синтаксиса: «Природа не только наделила человека голосом и языком, дабы они служили истолкователем его мыслей, но, не доверяя его способности ими злоупотреблять, она также заставила говорить его лоб и глаза, дабы уличить во лжи, если первые не будут верно исполнять свои обязанности. Одним словом, она излила всю свою душу наружу, и не нужно окна, чтобы видеть её движения, склонности и привычки, ибо они проявляются на лице, в виде отчётливых и несомненных знаков»¹ [2, с. 229]. Ла Шамбр фактически наставляет читателей, как можно добаться до истинных намерений собеседника с целью самому выбрать подходящую моменту маску с прилагающимся арсеналом знаков.

Случившийся в аристократической светской культуре *сдвиг* от прямого ораторского воздействия с помощью всем понятного знака с жесткой связью означаемого и означающего к использованию знаков зыбких, подчас скрытых и неоднозначных, свидетельствует об утверждении в коммуникативных актах ролевой гибкости, протеизма и постоянной игре личинами. Прециозница в таком случае представляла вызывающим отвращение анахронизмом, поражающим своей косностью: вспомним, что у Мольера мужчины были возмущены тем, что девицы-прециозницы «перешёптываются», «зевают», то есть используют легко читаемые знаки. Мольер, де Сомез и другие сатирики возмущены именно искусственностью, фальшивостью представительниц прециозного этоса: описанные как застывшие механизмы, девицы казались старомодными в условиях, когда «передовые» светские кавалеры зачитывались Ла Шамбром и экспериментировали с его методиками. Светская культура коренным образом трансформирует жестовую ретиорику, фактически нарушая жесткую связь между знаком и его значением. Прециозница новому поколению светских завсегдадаев казалась неинтересна из-за примитивности поведенческих конфигура-

ций, в основе которых оказывается демонстрация игры, намеренный показ «застывшего» этикетного знака. Таким образом, сама светская культура иронизирует по поводу своего устаревшего извода, воплощением которого и оказываются прециозницы с застывшими амплуа. Новая светская норма уже предполагает не подавление исполнителя ролью, но динамику и непредсказуемость интерпретаций.

Библиографический список

1. Голубков А.В. Прециозность и галантная традиция во французской салонной литературе XVII века. – М.: ИМЛИ РАН, 2017. – 296 с.
2. Куртин Ж.Ж. Зеркало души // История тела. Т. 1: От Ренессанса до эпохи Просвещения. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 229–234.
3. Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю.М. Избранные статьи. – Таллин: Александра, 1992. – 480 с.
4. Bary R. Méthode pour bien prononcer un discours et le bien animer. Ouvrage tres-utile à tous ceux qui parlent en public, et particulièrement aux predicateurs, et aux advocats. – Paris: E. Couterot, 1679. – 131 p.
5. Catechisme des Précieuses // Pure M. de. La précieuse ou le mystère de la ruelle. – Paris: Champion, 2010. – P. 739–741.
6. Faret N. L'honneste homme ou l'art de plaire à la cour. – Paris: T. du Bray, 1630. – 268 p.
7. Fumaroli M. Le corps eloquent: une somme d'actio et pronuntiatio rhetorica au XVIIe siècle, les «Vacationes autumnales» du père Louis de Cressolles (1620) // XVIIe siècle. – 1981. – № 132. – P. 237–264.
8. La Bruyère J. de. Caractères. – Paris: Garnier, 1962. – 638 p.
9. La Salle J.-B. Les règles de la bienséance et de la civilité chrétienne. – Paris: Antoine Chrétien, 1703. – 270 p.
10. Le Faucheur et Conrart V. Traité de l'action de l'orateur, ou de la Prononciation et du geste. – Paris: A. Courbé, 1657. – 274 p.
11. Pure M. de. La précieuse ou le mystère de la ruelle. – Paris: Champion, 2010. – 820 p.
12. Schmitt J.-Cl. La raison des gestes dans l'Occident medieval. – Paris: Gallimard, 1990. – 432 p.
13. Sorel Ch. De la connaissance des bons livres. – Paris: André Pralard, 1671. – XXXII-429-84 p.

References

1. Golubkov A. V. Precioznost' i galantnaya tradiciya vo francuzskoj salonnoj literature XVII veka. – M.: IMLI RAN, 2017. – 296 s.
2. Kurtin ZH.ZH. Zerkalo dushi // Istoriya tela. T. 1: Ot Renessansa do ehpoi Prosveshcheniya. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. – S. 229–234.
3. Lotman YU.M. Poetika bytovogo povedeniya v russkoj kul'ture XVIII veka // Lotman YU.M. Izbrannye stat'i. – Tallin: Aleksandra, 1992. – 480 s.

¹ Цитируется в переводе М.С. Неклюдовой и А.В. Стоговой.

4. Bary R. Méthode pour bien prononcer un discours et le bien animer. Ouvrage tres-utile à tous ceux qui parlent en public, et particulièrement aux predicateurs, et aux advocats. – Paris: E. Couterot, 1679. – 131 p.

5. Satechisme des Précieuses // Pure M. de. La précieuse ou le mystère de la ruelle. – Paris: Champion, 2010. – P. 739–741.

6. Faret N. L'honneste homme ou l'art de plaire à la cour. – Paris: T. du Bray, 1630. – 268 p.

7. Fumaroli M. Le corps eloquent: une somme d'actio et pronuntiatio rhetorica au XVIIe siècle, les «Vacationes autumnales» du père Louis de Cressolles (1620) // XVIIe siècle. – 1981. – № 132. – P. 237–264.

8. La Bruyère J. de. Caractères. – Paris: Garnier, 1962. – 638 p.

9. La Salle J.-B. Les règles de la bienséance et de la civilité chrétienne. – Paris: Antoine Chrétien, 1703. – 270 p.

10. Le Faucheur et Conrart V. Traité de l'action de l'orateur, ou de la Prononciation et du geste. – Paris: A. Courbé, 1657. – 274 p.

11. Pure M. de. La précieuse ou le mystère de la ruelle. – Paris: Champion, 2010. – 820 p.

12. Schmitt J.-Cl. La raison des gestes dans l'Occident medieval. – Paris: Gallimard, 1990. – 432 p.

13. Sorel Ch. De la connaissance des bons livres. – Paris: André Pralard, 1671. – XXXII-429-84 p.

АВТОРЕФЛЕКСИВНОСТЬ И МЕТАТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В РОМАНАХ ПОЛЯ ФЕВАЛЯ

Статья посвящена творчеству знаменитого в XIX веке, чрезвычайно плодовитого, но редко издаваемого в наше время (за исключением романа «Горбун») французского писателя Поля Феваль (1816–1887). В остросюжетных, разнообразных в жанровом отношении романах Феваль отчетливо выражено не только стремление к опоре на чужие тексты, но и установка на пародию и пастиш, а также активное вторжение автора в текст, акцентирование повествовательной инстанции. В статье рассмотрены масштабный романский цикл «Люди в черном» (преимущественно первый том, события которого оказываются трансформированы в пьесу, сочиняемую самими же героями), а также романы «Город вампиров» (где главным героем становится Анна Радклиф) и «Фабрика преступлений» (пародия на криминальный роман, созданная еще до окончательного оформления жанра детектива).

Ключевые слова: массовая литература, роман плаща и шапки, криминальный роман, мелодрама, готика, вампир, метатекст, пародия, пастиш.

При жизни Поль Феваль (1816–1887) воспринимался как один из лидеров французской массовой литературы, однако уже к концу столетия его порядком подзабыли. Да, собственно, уже в 1864 году, то есть в период расцвета его творчества, иные журналисты характеризовали Феваль как представителя «старой гвардии» романистов и подшучивали над ним за чрезмерную плодовитость: Поль Феваль-де выпускает по роману в месяц, как курица ежедневно несет яйца [10]. Ныне роль Феваль в истории популярного чтения явно недооценена, и даже недавний двухсотлетний юбилей не стал поводом к масштабной публикации новых исследований его творчества. Во Франции большая часть его сочинений не переиздается; та же картина имеет место и в современной России, где к тому же издатели видят в Февале исключительно автора авантюрно-исторических романов, что явно обедняет его творческую палитру. Между тем известный современный специалист по массовой литературе Витторио Фрижеро не без оснований выстраивает следующую триаду крупнейших мастеров популярного романа середины XIX века: Дюма-отец, Сю и Феваль [19, с. 258]. Думается, Фрижеро куда ближе к истине, чем Виссарион Белинский, в свое время – в рецензии на «Терезу Дюнойе», которую он соединил с рецензией на «Сына тайны» Феваль, – в пух и прах разругавший «бездарного писаку» Феваль и противопоставлявший его не только талантливому Дюма, но и посредственному Сю [1].

Уроженец города Ренн, Феваль воспитывался матерью (отец, по профессии судья, умер, когда Полку было 11 лет); в юные годы будущий писатель зачитывался романами Дюкре-Дюминиля и Пиго-Лебрена [24, с. 116], которые являлись излюбленным массовым чтением поколения рубежа XVIII–XIX веков. Он получил юридическое образование, но карьера адвоката не задалась с самого начала; в 1837 году Феваль отправился «завоевывать Париж» и поначалу жил в нужде. Как пишет В. Матюшенко, «проработав немного на Центральном рынке у торговли

свиной, Феваль поселился в мансарде одного из бедных домов и занялся литературой. Много читая и тратя последние крохи на постижение профессии, начинающий литератор долгое время балансировал на краю отчаяния и голодной смерти» [2, с. 5]. Некоторое время он трудился в качестве корректора, а в 1840 году начал печатать прозаические сочинения в парижской прессе – в том числе неприязательную повесть «Клуб тюленей», которую опубликовал на своих страницах журнал «Revue de Paris». Повесть привлекла к себе внимание читателей, и Феваль выпустил гораздо более масштабное произведение – исторический роман «Рыцари небосвода, или Королевские фанфароны» (1843).

В дальнейшем Феваль чрезвычайно интенсивно работает (составленные Ж.-П. Гальваном и В. Матюшенко библиографии его сочинений см.: [7; 20]), причем наряду с романами сочиняет и драмы. Известный театрал и журналист Огюст Лирё в своей рецензии на осуществленную в декабре 1854 года постановку пьесы Феваль «Мещанка» (Театр Амбигю) хвалит писателя за его наблюдательность и чувство юмора и одновременно выражает сомнение в том, «что этот остроумный автор принимает всерьез свои пространственные романы, с их жуткими перипетиями» [21]. По мнению автора рецензии, и в «Мещанке» Феваль сознательно утрирует жанр мелодрамы, подсмеивается над зрителем – а тот отличается исключительной доверчивостью.

Как представляется, рецензент точно уловил чрезвычайно характерную особенность творчества писателя: его склонность к ироническому дистанцированию сюжета, к «возгонке» популярных жанровых структур, пастишу и пародии; к погружению текста в интертекстуальный контекст – вплоть до прямого использования чужого текста. Страницы его книг пестрят отсылками к предшествующей литературной традиции, причем весьма разнородной – от сказок 1001 ночи до «Баллады о повешенных» Вийона, от «Приключений Телемака» Фенелона до басен Лафонтена и «Дамы с камелиями» Дюма-сына.

Метатекстуальная установка просматривается уже в раннем сочинении писателя, которое и принесло ему славу – «Лондонские тайны».

Феваль с молодых лет терпеть не мог Эжена Сю как «нечаянно пригретого славой» напыщенного аристократа, сделавшего демократические идеи предметом беллетристических спекуляций. Между тем судьбе было угодно, чтобы своей известностью Феваль оказался обязан именно книге, выполненной по лекалу Сю. Издатель Антенор Жоли, с которым он познакомился в 1843 году, стремился извлечь максимальную выгоду из феноменального успеха романа «Парижские тайны», а равно и из характерной для Франции начала 1840-х годов англomanии. Он поручил молодому Февалю создать сходный с «Парижскими тайнами» текст, перенеся действие в столицу Англии (при том, что Феваль никогда прежде в Британии не бывал и английским языком не владел); позднее над этим феноменом подсмеивались журналисты, предлагавшие читателю представить себе никогда не бывавшего во французской столице Диккенса пишущим о «Парижских тайнах». Однако благодаря прирожденному таланту Феваля ему удалось – на основе предложенного Жоли незавершенного текста анонимного английского автора под названием «Приключения одного эмигранта» – создать увлекательную книгу «Лондонские тайны» (название, очевидно, принадлежало Антенору Жоли). Пятнадцать глав были написаны Февалем «наугад», после чего он все-таки отправился в Альбион [13, с. 57] и весьма оперативно закончил роман («Лондонские тайны» печатались – под псевдонимом Фрэнсис Троллоп – с 20 декабря 1843 по 12 сентября 1844 года на страницах газеты «*Courrier Français*», которой тогда руководил Жоли).

Перечислим наиболее существенные структурные элементы, которые были усвоены Февалем из заданной Сю повествовательной модели и затем были использованы в других романах писателя.

1. Авантюрно-социальный сюжет, то есть соединение более или менее достоверного воссоздания жизни лондонского «дна» и лондонского же «света» – с одной стороны, и лихо закрученной приключенческой (с уклоном в детектив) интриги – с другой. Подобно Сю, Феваль стремился «пощекотать любопытство» читателя, предложив его вниманию сцены ужасающей нищеты и мира криминала [19, с. 260]. К лондонской теме писатель возвращается в цикле «Люди в черном» и некоторых других сочинениях.

2. Протагонист наделён приметами сверхчеловека («не по плечу обыкновенным людям бороться с ним» [4, с. 55]). Его происхождение до поры остаётся под покровом тайны (коллизия, позаимствованная Февалем из романтической культуры, но восходящая к барочному роману). Герой «Лондонских тайн», загадочный маркиз де Рио-Санто,

на поверку оказывается беглым каторжником Ферджюсом О'Брайеном, ирландцем (ср. Жан Вальжан в «Отверженных»). Он возглавляет тайную организацию, поставившую своей целью освобождение Ирландии, а также всех английских колоний. Рио-Санто, как и его предшественник Родольф в романе Сю, соединяет в себе «чудовище и ангела» [11, с. 252]; ему удаётся обольстить высший лондонский свет благодаря магнетизму своей личности, аристократизму манер и фантастическому богатству.

3. Весьма существенные для художественного универсума Сю готические элементы (см.: [8]) у Феваля получают – не эксплицированную (!) – дополнительную мотивацию: в самом деле, Британия – родина готизма (этот мотив не раз возникает в романах Феваля; как мы увидим далее, он особенно важен для его произведений о вампирах). Связь с соответствующей традицией просматривается уже на уровне заглавий отдельных глав: «Дочь висельника», «Тайный подкоп», «Привидения» (на поверку оказывающиеся ложными), а также и в самом способе презентации главного героя. У Рио-Санто – чёрные волосы и «ряд белых ровных зубов»; сходными же внешними особенностями наделены и inferнальные персонажи Сю (не только герои «Парижских тайн»!). Готическое происхождение имеет и поэтика хоррора. Так, один из персонажей «Лондонских тайн», с виду respectable торговец пивом, оказывается кровавым убийцей, владельцем своего рода морга на дому, где он содержит трупы своих жертв и перепродаёт медикам для экспериментов (ср., например, с жестокими сценами ослепления Грамотея или же убийства им Сычихи в «Парижских тайнах»). В последующих произведениях Феваля элементы хоррора нередко используются в нарочито гротескном ключе (предвосхищение эстетики «гран-гиньоля»).

4. Феваль склонен к активизации как недавней, так и дальней литературной традиции. В «Лондонских тайнах» имеется довольно просторная вставная новелла о судьбе прекрасной еврейской девушки Сюзанны (ср. с рассказом Поножовщика и историей Давида и Сесили в «Парижских тайнах»). Как представляется, речь и в данном случае идёт о поддержке структурного топоса, идущего от романа барокко. В дальнейшем Феваль прибегает и к другим элементам «высокой» романной традиции (просторный сентиментальный дневник Авроры в «Горбуне», патетический эпистолярный Андре Мэйнотта в цикле «Люди в черном»).

5. Рудиментарный психологизм, отсутствие глубокого зондирования внутреннего мира персонажей, но в то же время точность, репрезентативность социальных типажей.

Вдохновленный успехом, Жоли в 1846 году заказал Февалю роман-фельетон в духе «Вечно-го Жиды», однако Феваль, к тому времени уже

поправивший свое материальное положение, наотрез отказался. Это не помешало ему в романе «Сын дьявола» (1846; в русском переводе «Сын тайны») удачно закрепить канон Сю, соединив его с явно позаимствованным из «Графа Монте-Кристо» Дюма мотивом «отсроченной мести», а в 1864 году в романе «Дочь Вечного Жида» развернуть матричный сюжет в сторону пародийной феерии о переселении душ (подробнее см.: [23]). Постепенно Феваль стал во Франции чрезвычайно модным автором и почти затмил гремевшего в середине столетия Понсона дю Террайля [24, с. 118].

Знаменитый, можно сказать, архетипический, «роман плаща и шпаги» «Горбун» (первая публикация – газета «Le Siècle», 7 мая – 15 августа 1857 г.), действие которого разворачивается в эпоху регентства Филиппа Орлеанского, отмечен увлекательным историческим сюжетом и насыщен столь любимыми читателями сценами поединков, но и сама история написания книги носит весьма остросюжетный характер. По слухам, идея изначально принадлежала начинающему тогда драматургу Викторьену Сарду, который принес уже вполне известному писателю текст шестиактной пьесы с тем же названием и предложил подработать текст, поставив под ним два имени. Феваль якобы отказался [22, с. 263]. Несколько позднее Феваль якобы заявил Сарду: «Вашу пьесу я прочитал; в сценическом отношении она неудачна, но из нее можно сделать неплохой роман», на что Сарду ответил: «Делайте с ней что хотите». Тот написал прозаическую версию, а уже затем появилась пьеса – подписанная именами Феваль и Анисе-Буржуа. По этому поводу между Февалем и Сарду в 1866 году произошел скандал, о котором подробно писала газета «Фигаро». Да и на рубеже двух столетий, когда прозу Феваль уже стали забывать, воспоминания об этой расправе все еще были живы. Таким образом, есть основания полагать, что самое знаменитое сочинение писателя в основе своей носит метатекстуальный характер. К тому же «Горбун» заключает в себе ряд локальных метатекстуальных игр – например, глава «Дамы в домино» в сюжетном отношении представляет собой парафраз одной из сцен упоминаемого здесь же мольеровского «Тартюфа».

С 12 марта по 19 июля 1863 года на страницах газеты «Le Constitutionnel» печатался первый (и лучший по своим литературным достоинствам) том романного цикла «Les Habits Noirs», одного из самых известных сочинений писателя. Перевод названия (а цикл воспроизводит название первого тома) представляет определенную проблему. Из текста ясно, что Феваль имел в виду прежде всего те изысканные наряды, в которые были облачены полностью интегрированные в современное им светское общество представители криминала (буквальный перевод словосочетания «habit noir» –

«фрак»). В Матющенко переводит название цикла как «Черные одежды». Нам представляется предпочтительным вариант перевода, предложенный И. Шафаренко: «Люди в черном» [5], хотя он и вызывает ненужную ассоциацию с известным американским фильмом; более распространенная у нас версия «Черные мантии» неверна.

Известный испанский специалист по массовой литературе А. Санта именует этот цикл «социальной эпопеей» и размещает его между «Графом Монте-Кристо» и «Отверженными» [25, с. 71]. Лиз Дюмази сомневается в правомерности использования понятия «цикл» в отношении «Людей в черном», ведь изложенные в рамках каждого из томов события не выстраиваются в четкую хронологическую последовательность – напротив, читатель оказывается в довольно хитроумном нарративном лабиринте, иногда сильно отдаляясь от центральной сюжетной интриги; точнее в данном случае говорить о «серии» романов [14, с. 141]. Сам автор во введении к четвертому тому указывал, что каждая из частей может читаться самостоятельно.

Всего серия включает в себя восемь книг: «Люди в черном», «Стальное сердце» (1865, в русском переводе «Карнавальная ночь»), «Иерусалимская улица» («Башня преступления», 1867–1868), «Невидимое оружие» («Гайна обители спасения», 1869), «Мамаша Лео» (1870), «Шпагоглотатель» («Королева-малютка», 1867), «Спутники сокровища» («Роковое наследство», 1872) и «Банда Каде» («Королевские бастарды», 1875). Таким образом, третий том вышел в свет позднее шестого.

В центре сюжета – драматическая судьба оружейника из города Кан Андре Мэйнотта, который становится жертвой судебной ошибки. Во французской литературе XIX – начала XX века «роман о судебной ошибке» можно считать особым и весьма распространенным поджанром, который присутствует у Дюма («Граф Монте-Кристо»), Гюго («Отверженные»), Ксавье де Монтпена («Человек с восковыми фигурками»), Жюль Мари («Роже-ла-Онт»), Гастона Леру (цикл о Шери-Биби) и у многих других авторов. Феваль придает преступлению масштабное социальное звучание: ограбление банкира Банселя, за которое безвинно осужден Мэйнотт, на самом деле совершено не действующим в одиночку индивидом, а представителями криминальной организации под названием «Люди в черном».

Автор романа настаивает, что история «Людей в черном» (в Англии их именовали «Black Coats», в Италии – «Veste Nere») не полностью вымышленна и что в эпоху июльской монархии в Париже и Лондоне действовала банда с таким названием. Между тем еще более существенным становится итальянский генезис преступного сообщества: руководивший бандой почтенного вида старец – полковник Боццо – объявлен не то потомком знаменитого бандита Фра Дьявола, не то его новым воплощением

(исторический Фра Дьяволо, он же Микеле Пецца, был повешен в Салерно в 1806 году, но полковнику Боццо приписано умение неизменно воскресать, подобно Фениксу; в последнем томе серии перед читателем предстает его ожившая мумия). Важно отметить, что Феваль обращается с интересующим нас мотивом как с уже вполне сформированной мифологемой: «Фра Дьяволо – имя, прогремевшее на весь мир. Кличка эта стала, как у египетских фараонов, чем-то вроде почетного титула, отмечавшего самых прославленных верховодов – всего можно насчитать с десятков сменявших друг друга Фра Дьяволо» [6, с. 271]. Кроме того, вполне естественно, что по ходу дела Феваль проводит параллель между своим героем и легендарными французскими разбойниками (Картуш и Мандрен).

В романах цикла неоднократно встречаются реверансы в адрес предшественников Феваля. Разумеется, неизбежна отсылка к Эжену Сю, который впервые обстоятельно представил читателю подземный Париж. Интересно, что у Феваля в связи с этим локусом возникает еще одна ассоциация, и притом злободневного свойства. В 1864 году французы впервые прочитали «Путешествие к центру земли» Жюль Верна (три года спустя вышел расширенный вариант), и эта литературная новинка не остается без внимания автора «Людей в черном»: «уже другие направились по моим следам в этот удивительный мир – но не тот, где побывал Эжен Сю; эти пещеры более подлинны, но не так ярки, как центр Земли, описанный моим другом Жюлем Верном» [6, с. 255].

Один из ключевых персонажей цикла – приемник старца зловещий Лекок, который открывает в Париже частную сыскную контору (на поверку это лишь прикрытое для сомнительных махинаций) и чей образ, несомненно, навеян небезызвестным Видоком. Балагур и «денди в белых перчатках» [27], Лекок на самом деле является одним из главарей Людей в черном и претендует на роль «крестного отца» после смерти полковника Боццо. Если учесть, что Бальзак являлся для Феваля – как и для других беллетристов его времени – непререкаемым авторитетом, а литературным секретарем Феваля с 1860 года стал Эмиль Габорио, то есть основания выстроить цепочку: Видок – Вотрен («Человеческая комедия») – Лекок («Люди в черном») – Лекок («Дело вдовы Леруж») и последующие романы Габорио – Медок (персонаж воссозданной в тексте «Людей в черном» пьесы, о которой речь впереди).

Феваль воссоздает картину деятельности могущественного криминального сообщества, по своему укладу тяготеющего к «понятиям» сицилийской мафии. В этом отчасти видится развитие традиций «Вечного Жида» (секта душителей), однако в целом указанный мотив приобретает у Феваля гораздо более масштабный характер и предвосхищает тематику Гастона Леру («Королева Шабаша») и Гюстава

Леружа («Таинственный доктор Корнелиус»). Паролем для «Людей в черном» становится нехитрая фраза «*Взойдет ли завтра солнце?*», которая в дальнейшем стала важным импульсом для Гастона Леру с его таинственными «посланиями курсивом».

Третья часть первого тома озаглавлена «Парижский лес», и это чрезвычайно существенно для замысла Феваля. Первая глава – на бальзаковский манер – именуется «Трактат о происхождении Парижа и Дорога Влюбленных». Париж объявлен здесь «высшим достижением нашей цивилизации» – и в то же время «маленьким и тесным городом» [6, с. 370]; «в воздухе Парижа растворен веселящий газ», но есть в нем и «густые заросли, глубокие овраги и потайные пещеры, где обитают множество созданий, имеющих достаточно оснований не любить яркий свет» [6, с. 371]. Восприятие столицы Франции как своеобразного – географического и социокультурного – аналога куперовских прерий неоднократно артикулируется в романе и, вне всякого сомнения, навеяно «Парижскими могиканами» Дюма (1854–1855).

В середине первого тома «Людей в черном» два эпизодических персонажа: начинающие драматурги Морис Шварц (сын комиссара полиции из Кана) и Этьен Ролан (сын советника парижского королевского суда, который вел процесс Андре Мэйнотта) – начинают писать мелодраму, посвященную этой криминальной истории. Перед нами чрезвычайно интересный образец «mise en abyme», подробным образом артикулированная метатекстуальная игра.

При этом отправной точкой для молодых сочинителей становится присланная кем-то заваливающая книжечка под названием «Знаменитый процесс Андре Мэйнотта. Боевая рукавица уличает преступника. Ограбление кассы Банселля – Кан, июнь 1825 года». По приводимому Февалем описанию ясно, что малоформатная книжечка эта относится к копеечной продукции, выпускавшейся в рамках «Голубой библиотеки». Тем самым Феваль еще раз подчеркивает не только собственно сенсационный характер избранного им сюжета, но и его генетическую близость устоявшейся паралитературной традиции (подобные же книжечки о похождениях Картуша и Мандрена принадлежали к наиболее востребованным изданиям «Голубой библиотеки»).

Морис и Этьен подробно обсуждают будущую пьесу – возраст и взаимоотношения персонажей, общий пафос разворачивающихся событий, динамику интриги, подбор актеров. По ходу обсуждения несколько видоизменяется структура системы образов (она не вполне соответствует системе образов романа, ведь Морис и Этьен сочиняют мелодраму, которая подчиняется своим жанровым законам), но неизменно сохраняется уже упомянутый выше Медок. Особенно интересно, что по ходу дела к работе над пьесой подключается «странный нормандец» господин Брюно – скорее

всего, именно он прислал авторам пресловутую книжечку. Как впоследствии выясняется, под маской Брюно скрывается сам Андре Мэйнотт.

Между тем, по воле Февала, собственно премьеры пьесы отодвинута в самый конец «Людей в черном». Ей посвящен чрезвычайно остроумный эпилог, едко воссоздающий театральные нравы. Права на авторство постановки переданы (разумеется, за соответствующее вознаграждение) двум корифеям театрального мира; их имена – Альфред д'Артур и Савиньен Ларсен (имя последнего говорящее: «l'arcin» – «мелкая кража»).

Среди присутствующих на премьеры – многие из персонажей романа, включая и второстепенных. Таков мелкий служащий полицейского участка Элиасен Шварц, способствовавший задержанию Андре Мэйнотта. В ожидании начала спектакля он и его супруга испытывают некоторую тревогу (этот эпизод отсутствует в окончательной версии романа, и мы цитируем его по газетной публикации):

«Элиасен был несколько обеспокоен. Первое действие разворачивалось в доме на площади Акаций. Если бы перед Элиасеном, ныне супругом и отцом, предстали сокровенные страницы его легкомысленной молодости, он бы весьма огорчился.

Жена успела шепнуть ему на ухо:

– Только бы не показали, как хозяйка тебя поколачивала!

– Цензура на нашей стороне, – отвечивал белобрысый Шварц, которому судьба неизменно благоволила» [16].

Что же касается приведенного в эпилоге детального «сценария» пьесы, то он сочетает слезливую патетику с жестокостью и бесшабашной феерической буффонадой, едва ли не предвосхищающей эстетику «Грудей Тиресия» Аполлинера; в числе статистов – «шесть еще незнакомых публике клоунов, три дикаря с берегов Рио Колорадо, питавшиеся мясом своих поверженных врагов, некая дама, виртуозно глотающая шпаги» [6, с. 481]. Всё говорит о том, что Феваль знал толк в жанровом трансфере – по тому же принципу «эстетики избыточности» [26, с. 244] строилась и созданная им в соавторстве с Огюстом Анисе-Буржуа сценическая версия «Горбуна» (премьеры состоялась в сентябре 1862 года в театре Заставы Сен-Мартен в Париже).

Однако наиболее отчетливо метатекстуальная составляющая заявляет о себе в двух других романах Поля Февала: «Фабрика преступлений» (1866) и «Город вампиров» (1874). Увы, ни то ни другое произведение никогда не переводились на русский язык. Между тем они позволяют совершенно по-новому взглянуть на творчество писателя и по праву оценить его мастерство пародиста.

Вампирическая тема присутствует в нескольких произведениях Февала: «Вампирша» (1856), «Рыцарь Сумерек» (1860) и «Город вампиров». Все они в той или иной степени содержат в себе

пародийное начало, все они вполне осознанно опираются на уже сложившуюся к тому времени литературную традицию. И действительно, хотя Феваль приступил к разработке темы за сорок лет до Брэма Стокера, к моменту работы над «Вампиршей» французскому читателю уже были хорошо известны не только переводные образцы вампиряны (книга Байрона – Полидори, выпущенная на языке оригинала в 1819 году, почти сразу была переведена во Франции), но и национальные: мелодрама «Вампир» (1820) и фантастическая новелла «Смарра» (1821) Шарля Нодье; «Влюбленная покойница» Теофиля Готье (1836), пьеса Эжена Делины «Вампир» (1844), драма Дюма и Огюста Маке «Вампир» (1851), роман Понсона Дю Террайля «Преставившаяся баронесса» (1852). Чуть позднее вышел роман Леона Гозлана «Вампир из госпиталя Валь-де-Грас» (1861). Примечательно, что одним из вариантов названия пьесы, которую сочиняют Морис и Этьен в «Людах в черном», становится «Вампир из Парижа».

В романе «Вампирша», как бы развивая проблематику «Лондонских тайн», писатель делает именно столицу Англии наиболее подходящей площадкой для «сменяющихся друг друга ужасов». И потому именно здесь вампиры, развивая свою мысль Феваль, стали явлением вполне будничным, постоянным сюжетом газетной хроники.

Английский фон присутствует и в романе «Город вампиров» (единственное из произведений писателя, подвергшееся запрету по цензурным соображениям), который представляет собой своего рода макабрическую феерию, весьма масштабный пастиш на интересующую нас тему. Происходящее чем-то напоминает цирковое представление (следует учесть, что тема цирка возникает и в «Людах в черном» – мы имеем в виду описанный в самом начале «Шпагоглотателя» балаган под громким названием «Французский гидравлический театр»).

Формально «Город вампиров» как бы надстроен над творчеством Анн Радклиф; от дальней родственницы английской писательницы читатель узнает ее апокрифическую биографию. Перед читателем разворачивается таинственная история молодых влюбленных Эдуарда Бартона и Корнелии, ставших жертвами вурдалаков; будущий автор «Удольфских тайн» пытается разобраться в их неожиданном исчезновении. Вампир – доктор Отто Гётци, при одном упоминании имени которого лошадь взбрыкивает; «когда он куда-либо заходил, все светильники начинали светиться зеленым». Гётци способен к различным перевоплощениям; он также умеет раздваиваться. «В целом то был образованный, любезный и великолепно знающий свет господин. Он, кроме того, превосходно играл в вист, триктрак и шахматы» [18]. Его сопровождает странная компания, чем-то напоминающая свиту булгаковского Воланда: гостинник Хаас

с бородой, но без лица; мальчик с серсо; говорящий попугай по кличке Моисей-Гарпагон; лысая толстуха-кабатчица Фиола; чудовищный розовый пес Фукс с человеческим лицом (как потом выясняется, это оживший труп престарелой графини Грете), а также кукушка с часов. Анне приходит в голову, что все они не более чем фигурки с часов на Страсбургском соборе: их движения подчиняются бою курантов.

Не менее колоритны и другие персонажи, например ученица и помощница Гётци, прекрасная собой гувернантка Летиция Палланти, которая умела декламировать «Освобожденный Иерусалим» Тассо от конца к началу.

Во второй части романа вампиру отрезают голову, и тотчас же головы падают с плеч у всех его аватаров («vampiricules») – те начинают гоняться за собственными головами. Апофеозом происходящих событий становится пребывание Анны в городе вампиров Селене, чье описание способно напомнить эстетику «Песен Мальдорора» Лотреамона. Интересно, что город размещен не в Трансильвании (которая в романе также упомянута), а в Сербии, неподалеку от Белграда. По существу, это некрополь, большое кладбище (где покоятся вампиры) и одновременно причудливый архитектурный ансамбль, с центральной круглой площадью, где высится ротонда с античными портиками (они на варварский манер перемешаны между собой). Точно так же и обитающие здесь вампиры образуют «вавилонское столпотворение», представляя разнообразие этносы, культуры и возрасты. От центральной площади к периферии Селена тянутся радиальные артерии, и это не столько пародия на «идеальный город» Возрождения, сколько образ смертоносной паутины (Гётци в одном из эпизодов книги превращается в зеленого паука устрашающих размеров).

Другой жанр, который подвергся в творчестве Феваля сходному пародированию – криминальный роман. Важно подчеркнуть, что его небольшой роман «Фабрика преступлений» («Le Grand Journal», со 2 по 16 декабря 1866) создавался в тот период, когда собственно детективный жанр во Франции еще не сложился (первый, не вполне структурированный образец жанра – упоминавшееся выше «Дело вдовы Леруж» Габорио – печатался в газете «Le Pays» начиная с 14 сентября 1865 г.), поэтому нет оснований считать «Фабрику преступлений» именно пастишем детективного нарратива.

Большой интерес представляет предисловие Феваля к «Фабрике преступлений». Здесь с редкостной для своего времени определенностью отражены установки творцов и заказчиков «массового чтения»: «На протяжении многих лет издатели неизменно заказывают нам истории преступлений, с тем чтобы порадовать почтенную и просвещенную публику. В театре царит безудержное веселье,

а мелодрама окончательно перебежала в роман. Акции преступлений растут в цене, криминальные сюжеты продаются и приносят прибыль; если верить торговцам, во Франции сегодня насчитывается не то один, не то два миллиона потребителей, которым подавай лишь одно блюдо – преступление, и притом в сыром виде» [15].

Вслед за этим автор гордо заявляет о том, что в своем новом произведении сумел перещеголять всех конкурентов по части кровавых сюжетов: «В среднем каждая глава включает в себя по 73 убийства, исполненных с особым тщанием. Некоторые убийства совсем свежие, а некоторые имеют солидную выдержку, благодаря пребыванию жертв в подвале или рассоле. Приобретенной таким образом крепости еще больше возрадуются целые семьи читателей. Премудрые граждане, которые изыскивают малоизвестные приемы уничтожения себе подобных или, на худой конец, нанесения им увечий, отыщут здесь сей товар в изобилии. Автор собрал тут новейшие способы изуверства и не прибегает ни к чьей подсказке – будь то потрошение маленьких детей, удушение беззащитных молодых девиц, изготовление чучел из старых дам или извлечение костей из господ военных».

Поль Феваль сдерживает свое обещание, нагромождает сцены хоррора, щедро сдобренные чрезвычайно черным юмором, и лишь эпилог позволяет понять суть описанных событий. Все они являются плодом воображения (и инсценировки) обитателей сумасшедшего дома, чей разум повредился в результате чтения того, что мы теперь именуем «желтой прессой». Развенчание театральной иллюзии сопровождается критическими замечаниями в адрес этой прессы, которая представляет собой не только глупое, но и опасное чтение.

В заключение следует отметить, что в 1876 году Феваль пережил самое настоящее религиозное обращение и умер в парижском монастыре Ордена милосердных братьев (правда, В. Фрижеро подвергает сомнению полноту этого обращения [19, с. 258]). В последние годы жизни он подверг серьезной трансформации многие из написанных ранее сочинений, которые предстали как единый, подлежащий суровой клерикальной автоцензуре гипотекст.

Библиографический список

1. *Белинский В.Г.* Тереза Дюнойе. Роман Евгения Сю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_1847_tereza_denoju.shtml.
2. *Матюценко В.* Об авторе // Феваль П. Горбун. – М.: Вече, 2012. – С. 5–6.
3. *Феваль П.* Королева-Малютка / пер. Е.В. Морозовой, Е.Д. Мурашкинцевой, А. Васильковой. – М.: ЭКСМО-Барбара, 1995. – 448 с.
4. *Феваль П.* Лондонские тайны / лит. обработка текста М.А. Фырнина. – М.: Оранта, 1991. – 478 с.

5. *Феваль П.* Люди в черном / пер. И. Шафаренко. – М.: Остожье, 1997. – 511 с.
6. *Феваль П.* Черные мантии / пер. Е.В. Морозовой, Н.И. Свистунова, Н.Ф. Смирновой. – М.: ЭКСМО, 1995. – 496 с.
7. Поль Феваль (отец). Bibliographie complète / сост. В. Матющенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rraymond.narod.ru/rf-feval-pere-bib2-fru.htm>.
8. *Чекалов К.А.* Готическая традиция в раннем творчестве Э. Сю // Вопросы филологии. – 2001. – № 2 (8). – С. 107–116.
9. *Чекалов К.А.* Образ демонического итальянца во французской прозе XIX века: от романтизма к массовой литературе // Проблемы италянистики. Вып. 6: Итальянская идентичность: единство в многообразии. – М.: РГГУ, 2015. – С. 143–158.
10. *Biré, Edmond.* Causerie littéraire. En Bretagne // L'Univers. – 05.11.1895. – P. 1.
11. *Bory, Jean-Louis.* Eugène Sue, dandy mais socialiste. – P.: Hachette, 1973. – 448 p.
12. *Claveau A.* Chronique littéraire // Revue contemporaine: philosophie – histoire – sciences – littérature. – 1865 (janvier). – Vol. XLIII. – P. 189–190.
13. *Court, Antoine.* Delenda B rittania (Paul Féval) // Regards populaires sur l'Anglo-saxon: drôles de types. Saint-Etienne: Université de Saint-Etienne, 2003. – P. 57–72.
14. *Dumasy-Quéffelec, Lise.* «Les Habits Noirs» ou l'art de la décomposition // Le Rocambole. – 2016. – № 75–76. – P. 137–152.
15. *Féval, Paul.* La Fabrique des Crimes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://beq.ebooksgratuits.com/vents/Feval-fabrique.pdf>.
16. *Féval, Paul.* Les Habits noirs. Épilogue // Le Constitutionnel. – 19.07.1863. – P. 1.
17. *Féval, Paul.* Les Habits noirs. Vol. I. – P.: Laffont, 1987. – 1198 p.
18. *Féval, Paul.* La Ville Vampire (ou bien le malheur d'écrire les romans noirs) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.bouquineux.com/pdf/Feval-La_Ville-Vampire.pdf.
19. *Frigerio, Vittorio.* Les fils de Monte-Cristo: idéologie du héros de roman populaire. – Limoges: PULIM, 2002. – 358 p.
20. *Galvan, Jean-Pierre.* Bibliographie des oeuvres de Paul Féval // Le Rocambole. – 2016. – № 75–76. – P. 271–288.
21. *Lireux, Auguste.* Théâtres // Le Constitutionnel. – 11.12.1854. – P. 1.
22. *Mouly, Georges.* La Vérité sur «Le Bossu» // Nouvelle Revue. – 1934. – № 5. – P. 262–272.
23. *Nathan, Michel.* «La Fille du Juif-Errant» // Splendeurs et misères du roman populaire. – Lyon: Presses universitaires de Lyon, 1991. – P. 179–190.
24. *Olivier-Martin, Yves.* Histoire du roman populaire en France de 1840 à 1980. – P.: Albin Michel, 1980. – 301 p.
25. *Santa, Angels.* La douleur de la vengeance: «Les Habits Noirs de Paul Féval» // L'Ull crític. – 2003. – № 8. – P. 71–80.
26. *Santa, Angels.* Le Bossu de Paul Feval, passage du roman au mélodrame // Mélodrames et romans noirs: 1750–1890. – Toulouse: Le Mirail, 2000. – P. 235–245.
27. *Trimm, Timotée.* «Les Habits Noirs» de Paul Féval // Le Petit Journal. – 5.12.1863. – P. 1.

References

1. Belinskij V.G. Tereza Dyunoje. Roman Evgeniya Syu [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_1847_tereza_denoju.shtml.
2. Matyushchenko V. Ob avtore // Feval' P. Gorbun. – М.: Veche, 2012. – S. 5–6.
3. Feval' P. Koroleva-Malyutka / per. E.V. Morozovoj, E.D. Murashkincevoj, A. Vasil'kovoj. – М.: EHKSMO-Barbara, 1995. – 448 s.
4. Feval' P. Londonskie tajny / lit. obrabotka teksta M.A. Fyrnina. – М.: Oranta, 1991. – 478 s.
5. Feval' P. Lyudi v chernom / per. I. SHafarenko. – М.: Ostozh'e, 1997. – 511 s.
6. Feval' P. CHernye mantii / per. E.V. Morozovoj, N.I. Svistunova, N.F. Smirnoj. – М.: EHKSMO, 1995. – 496 s.
7. Pol' Feval' (otec). Bibliographie complète / sost. V. Matyushchenko [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rraymond.narod.ru/rf-feval-pere-bib2-fru.htm>.
8. CHekalov K.A. Goticheskaya tradiciya v rannem tvorcestve EH. Syu // Voprosy filologii. – 2001. – № 2 (8). – S. 107–116.
9. CHekalov K.A. Obraz demonicheskogo ital'yanca vo francuzskoj proze XIX veka: ot romantizma k massovoj literature // Problemy ital'yanistiki. Vyp. 6: Ital'yanskaya identichnost': edinstvo v mnogoobrazii. – М.: RGGU, 2015. – S. 143–158.
10. *Biré, Edmond.* Causerie littéraire. En Bretagne // L'Univers. – 05.11.1895. – P. 1.
11. *Bory, Jean-Louis.* Eugène Sue, dandy mais socialiste. – P.: Hachette, 1973. – 448 p.
12. *Claveau A.* Chronique littéraire // Revue contemporaine: philosophie – histoire – sciences – littérature. – 1865 (janvier). – Vol. XLIII. – P. 189–190.
13. *Court, Antoine.* Delenda B rittania (Paul Féval) // Regards populaires sur l'Anglo-saxon: drôles de types. Saint-Etienne: Université de Saint-Etienne, 2003. – P. 57–72.
14. *Dumasy-Quéffelec, Lise.* «Les Habits Noirs» ou l'art de la décomposition // Le Rocambole. – 2016. – № 75–76. – P. 137–152.
15. *Féval, Paul.* La Fabrique des Crimes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://beq.ebooksgratuits.com/vents/Feval-fabrique.pdf>.
16. *Féval, Paul.* Les Habits noirs. Épilogue // Le Constitutionnel. – 19.07.1863. – P. 1.

17. Féval, Paul. Les Habits noirs. Vol. I. – P.: Laffont, 1987. – 1198 p.
18. Féval, Paul. La Ville Vampire (ou bien le malheur d'écrire les romans noirs) [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: www.bouquineux.com/pdf/Feval-La_Ville-Vampire.pdf.
19. Frigerio, Vittorio. Les fils de Monte-Cristo: idéologie du héros de roman populaire. – Limoges: PULIM, 2002. – 358 p.
20. Galvan, Jean-Pierre. Bibliographie des oeuvres de Paul Féval // Le Rocamboles. – 2016. – № 75–76. – R. 271–288.
21. Lireux, Auguste. Théâtres // Le Constitutionnel. – 11.12.1854. – P. 1.
22. Mouly, Georges. La Vérité sur «Le Bossu» // Nouvelle Revue. – 1934. – № 5. – P. 262–272.
23. Nathan, Michel. «La Fille du Juif-Errant» // Splendeurs et misères du roman populaire. – Lyon: Presses universitaires de Lyon, 1991. – P. 179–190.
24. Olivier-Martin, Yves. Histoire du roman populaire en France de 1840 à 1980. – P.: Albin Michel, 1980. – 301 p.
25. Santa, Angels. La douleur de la vengeance: «Les Habits Noirs de Paul Féval» // L'Ull crític. – 2003. – № 8. – R. 71–80.
26. Santa, Angels. Le Bossu de Paul Féval, passage du roman au mélodrame // Mélodrames et romans noirs: 1750–1890. – Toulouse: Le Mirail, 2000. – P. 235–245.
27. Trimm, Timotée. «Les Habits Noirs» de Paul Féval // Le Petit Journal. – 5.12.1863. – P. 1.

И.Ф. АННЕНСКИЙ И А. РЕМБО: ПЕРЕВОД КАК ПОВТОРНОЕ ТВОРЧЕСТВО (на примере стихотворения «Sensation» А. Рембо)

Переводы И.Ф. Анненского были не просто творческими оригинальными интерпретациями, на что обращают внимание все исследователи, но особым способом воссоздания, интерпретации и адаптации художественного мира переводимого автора. Подробный анализ перевода стихотворения А. Рембо «Sensation», с близким чтением оригинала и реконструкцией контекстов эстетических и мировоззренческих поисков русского символизма, позволяет уточнить этот тезис. В статье доказывается, что И.Ф. Анненский создал продуктивную модель перевода как повторного творчества, основанную не на подражании и воспроизведении образов и ассоциаций переводимого текста, а на воссоздании из локального материала произведения, с внутренним пониманием его живой конструкции, что далее оказалось важно для становления русского авангарда и футуризма с его вниманием к конструкции.

Ключевые слова: интерпретация, рецепция, переводчик, автор, читатель, перевод, И.Ф. Анненский, А. Рембо.

Проблемы интерпретации, произведения и воспроизведения, вторичности или не-вторичности по отношению к первоисточнику, роли автора и роли читателя являются достаточно актуальными для современного литературоведения, которое работает в том числе с экспериментальными текстами, находящимися на стыке поэзии и перформанса. Предметом нашего интереса является перевод, который может служить своего рода полем для эксперимента как с оригинальным текстом, так и с творческой манерой самого переводчика. Особенно это относится к эпохе модернизма, когда возрастание межкультурной коммуникации и поиск внутренних оснований современной культуры способствовали как росту переводческой деятельности, которая становится почти что обязательной для ведущих поэтов, так и к исследованию средствами перевода выразительных возможностей своей и чужой литературной культуры, со стремлением дойти до самых оснований этой культуры. Одним из таких выдающихся переводчиков эпохи модернизма был Иннокентий Анненский, ряд биографических и творческих особенностей которого, таких как классическое образование, позднее и потому очень продуманное вхождение в литературу, склонность к стилизациям и модернизациям в переводе, развитая теория литературного стиля и другие позволяют обращаться к нему как к такому примеру переводчика, передающего не только особенности выразительности оригинала, но и обращающегося к самим принципам модернистской поэтики, вычленивающего их как специфические и полностью воспроизводящего их в переводе.

Пропуская текст через призму своего поэтического восприятия, Анненский не только насыщает его своими метафорами или приемами. Рабочая гипотеза нашего исследования состоит в том, что переводчик наделяет первоначальный текст новым содержанием, таким образом помещая переводной текст в контекст собственного творчества.

Исследователи (такие как Ф.Ф. Зелинский, М.Л. Гаспаров, Л.Я. Гинзбург и ряд других [5; 3; 4]),

рассматривающие многообразную деятельность Анненского, отмечают, что он находился на границе символизма, не только следуя в своем творчестве его эстетическим принципам, но и умея взглянуть на символизм со стороны, будучи исследователем и переводчиком. Преобладание поэтического интереса Анненского над исследовательским превратило эту способность – словно со стороны взглянуть на эстетику символа – в эксперимент и послужило тому, что даже его литературоведческие работы оказывались отчасти подчинены лирической поэтике. Его переводческая техника, в свою очередь, вела к эксперименту с текстом и не стремилась к дословному отражению первоисточника.

Круг источников, подтверждающих лирическую установку и интенцию Анненского-переводчика и превращение перевода из поисков лирической выразительности в средство познания устройства лирики, достаточно широк: это как работы самого Анненского, так и отзывы, свидетельства, исследования об Анненском его современников, литературоведов и писателей. Совокупность этих источников позволяет уточнить степень оригинального лиризма переводов.

Перевод Анненским стихотворения А. Рембо «Sensation» – «Ощущение» показывает, как Анненский превращает эксцентричную риторику Рембо в пристальный анализ устройства субъективного лирического высказывания как такового.

Оригинальный текст и его перевод могут рассматриваться и сопоставляться с разных сторон. В нашем исследовании отмечаем различную реализацию субъектного начала в оригинальном стихотворении и переводном тексте, трансформацию роли пейзажа, синтаксические и интонационные различия текстов, смещение смысловых акцентов, наличие в тексте оригинала и перевода штампов и риторических фигур.

Филолога-Анненского и Анненского-поэта можно противопоставить по критерию доминирующих эстетических предпочтений, как это сделал Гаспаров, который, рассуждая о двух национальных школах, главенствовавших в филологии

XIX века (французской и немецкой), писал, что Анненскому-поэту была ближе французская школа, Анненскому-филологу – немецкая [3, с. 598]. Но Гаспаров отметил и другое: «Анненский, извлеченный из его Еврипида – из переводов и сопровождающих статей, – был бы более концентрированным Анненским, чем тот, которого мы видим на полутора страницах его оригинальных стихов» [3, с. 591]. Иначе говоря, оригинальность перевода не может быть сведена к задачам влиятельных национальных школ. Анненский-переводчик и Анненский-критик, таким образом, не могут существовать без Анненского-поэта. Переводы Анненского становятся в какой-то степени его собственными стихотворениями.

В своих рассуждениях Гаспаров опирается на выводы друга и современника Анненского – Ф.Ф. Зелинского. Зелинский в своей статье «Иннокентий Федорович Анненский как филолог-классик» писал, что для поэта-модерниста важно внимание к тонкостям языка. Зелинский не считал парадоксальным сочетанием классическую филологию и модернистскую поэтику [5, с. 202], напротив, одно в его представлении следует из другого, из классического литературоведческого внимания к нюансам и незаметным мелочам вполне может следовать поэтический импрессионизм и модернизм с его изысканной детализацией.

Итак, поэтический перевод и филологическая проза для Анненского – разные способы высказать недосказанное. Отвечая на вопрос, что же такое поэзия, Анненский пишет, что «ни одно великое произведение поэзии не остается досказанным при жизни поэта, но зато в его символах надолго остаются как бы вопросы, влекущие к себе человеческую мысль. Не только поэт, критик или артист, но даже зритель и читатель вечно творят Гамлета» [2]. Это открывало путь к пониманию перевода как повторного творчества: если Гамлета вечно творят даже зрители, то тем более переводчик, активно переводящий автора, активно его творит и претворяет.

Необходимость «досказывания» связана со спецификой ассоциативного мышления Анненского. Вяч. Иванов, подбирая определение для того русла, в котором творит Анненский, называет его символистом и отмечает, что символизм Анненского ассоциативен: чувство или переживание, изображаемое поэтом, не называется конкретно, а подается путем ряда ассоциаций [6, с. 574]. Из этого следует, что и перевод должен стать многогранным творчески, так как и он включает в себя впечатлени от произведения.

По мысли Иванова, Анненский стремится к «импрессионистическому эффекту разоблачения». Предмет, о котором идет речь, не называется, но ассоциации, которые порождает текст в сознании читателя, помогают ему раскрыть суть, разгадать этот ребус. Важным элементом стихотворения становится

его прочтение, читательская рецепция, «творение Гамлета». Тут рецепция – это активная разгадка, перевод оказывается герменевтической задачей, объяснением загадок, которые при этом сохраняют эстетическую ценность. Загадка должна быть разгадана, но должна быть эстетически пережита – в этом продуктивный парадокс позиции Анненского. Из этих эстетических установок прямо следует, что перевод – это творческое соперничество с автором, и при этом символизация той же изображаемой реальности теми же загадочными символами.

О различии в восприятии мира символистами и Анненским Иванов писал так: «Для нас явление – символ, поскольку оно выход и дверь в тайну; для тех поэтов символ – тюремное оконце, через которое глядит узник, чтобы, утомившись приглядевшимся и ограниченным пейзажем, снова обратить взор в черную безвыходность своего каземата» [6, с. 576]. Л.Я. Гинзбург конкретизирует: «по своему поэтическому мировосприятию Анненский – символист. Но символы для него – не средство познания «непознаваемого», а скорее соответствия между психическими состояниями человека и природной и вещной средой его существования» [4, с. 299]. Таким образом, творчество для Анненского – средство расширить это окно в мир, а не переживание общей тайны, а перевод – соединение психических реакций на оригинал, позволяющее воссоздать целый мир чужих переживаний.

Если символ – психологическое побуждение, то чтение иноязычной символистской поэзии и побуждает ее переводить, чтобы достичь того самого «соответствия». Оно достигается посредством интуитивного «вчувствования» в оригинал, то есть идет не от рассудочного подхода (грамматических соответствий, стремления передать текст как можно ближе к источнику), а от внутренних ощущений переводчика.

Знаменательно называет свою статью об Анненском Д.А. Крючков – «Критик-интуит». Вопрос об Анненском-критике важен для нас в связи с ролью, которая отводится реципиенту – читателю. О «Книгах отражений» Анненского Крючков пишет: «Невелики они по объему, но велико их значение для нарождающейся в наши дни интуитивной критики и для грядущего читателя-творца» [7, с. 486]. Критика Анненского, порожденная интуитивным личным опытом, обращается к общечеловеческому. Отмечая важность рецептивного восприятия читателя, Анненский говорит: «Поэзия приятна нам тем, что заставляет нас тоже быть немножко поэтами и тем разнообразить наше существование» [2].

Итак, уже рассмотрение эстетических предпосылок переводческой работы Анненского позволяет утверждать, что переводы Анненского настолько оригинальны как стихи, что могут составлять композиционное единство с его собственными сти-

хами. Эстетический генезис объединяет стихотворения Анненского и его переводы.

Для примера было выбрано переведенное Анненским стихотворение А. Рембо «Sensation» – «Ощущение». Анализ позволит показать, как поэтическое восприятие Анненского трансформирует стихотворение Рембо в процессе перевода, как постигая предпосылки его поэтики, так и встраивая его в другую поэтику, сохраняя при этом его выразительные стратегии.

Sensation
 Par les soirs bleus d'été, j'irai dans les sentiers,
 Picoté par les blés, fouler l'herbe menue:
 Rêveur, j'en sentirai la fraîcheur à mes pieds.
 Je laisserai le vent baigner ma tête nue.
 Je ne parlerai pas, je ne penserai rien:
 Mais l'amour infini me montera dans l'âme,
 Et j'irai loin, bien loin, comme un bohémien,
 Par la Nature, – heureux comme avec une femme

Перевод И. Анненского:
 Один из голубых и мягких вечеров...
 Стебли колочие и нежный шелк тропинки,
 И свежесть ранняя на бархате ковров,
 И ночи первые на волосах росинки.
 Ни мысли в голове, ни слова с губ немых,
 Но сердце любит всех, всех в мире без изъятья,
 И сладко в сумерках бродить мне голубых,
 И ночь меня зовет, как женщина в объятья...

Подстрочник Л. К. Нефедовой (из «Онтология поэтического слова Артюра Рембо»):

Вечерами синими летними я пушусь по тропинкам,
 Испещрённым зёрнами, мять траву мелкую:
 Мечтатель, я почувствую свежесть моими подошвами.
 Я позволю ветру омыwać мою голову обнажённую.
 Я не скажу ничего, я не подумаю ничего:
 Но любовь бесконечная у меня вознесётся в душе,
 И я пойду далеко, очень далеко, словно бродяга,
 Сквозь Природу, – счастливый, словно с женщиной.

Говоря о реализации субъектного начала в оригинале и переводе Анненского, мы вполне можем применить к переводам Анненского из Рембо выводы, которые сделала А. Виноградова Форкно де Ля Фортель при анализе переводов Анненского из Бодлера [1]. Перевод Анненского оказывается полностью лишен «я», и это позволяет говорить о различной реализации субъекта в оригинале и в переводе. У Рембо мы видим местоимение «я» шесть раз. Анненский отказывается от этого, что смещает акценты: в центре – не история самосознания субъекта, а история ощущений субъекта, внушаемых ему извне. Первая строка задает сам вечер как центральный образ – один из голубых и мягких вечеров. Далее у Анненского сделан паузный акцент – многоточие, «отсоединяющее» вечер от текста. У Рембо синтаксис иной, и «ставка» сделана на динамическое наращивание образа, не на поэтическую задумчивость, которая появляется в интерпретации переводчика.

В противовес субъективному «я» выступает пейзаж как некое объективное спокойствие. У Анненского роли пейзажа возрастает: из обстоятельства места он становится образом, символически отражающим внутреннее течение жизни.

Л.К. Нефедова в статье «Онтология поэтического слова Артюра Рембо» пишет о том, как работает у Рембо пейзаж. Нефедова, сопоставляя пейзажную живопись импрессионистов и поэзию Верлена, доказывает, что пейзаж Рембо не сводится только к импрессионистической технике, но в его стихотворении мы воспринимаем природу «как понятие, которую он (Рембо) не созерцает в нюансах её эстетических проявлений, а в которой он действует как в пространственно-временной сфере человеческой практики» [8, с. 53].

Et j'irai loin... par la Nature
 (И я пойду далеко... Сквозь Природу).

Нефедова отмечает местоимение *par* – пойду сквозь природу, через нее. Это местоимение у Рембо выражает сквозное чувство природы, прохождение через природную жизнь как чувственный, физический акт, как конкретное пространственное перемещение, имеющее начало и конец, даже если оно в данный момент только воображается.

Как и у Рембо, стихотворение Анненского не сводится к репрезентативному изображению пейзажа. Но если у Рембо пейзаж оказывается экспериментом с чувственностью, то Анненский понимает его как символ внутренней жизни. О принципиальном слиянии пейзажных впечатлений и перипетий внутренней жизни в лирике Анненского пишет Л.Я. Гинзбург. Природа Анненского, по Гинзбург, «так тесно слилась с человеком, что не воспринималась уже в качестве инородного опосредствования его внутреннего мира» [4, с. 302].

Поэтому в интерпретации Анненского пейзаж пронизан «я» поэта, которое не названо напрямую. В статье из «Книги отражений», посвященной К. Бальмонту, Анненский пишет о том, как поэзия того времени стремится «символически стать самой природою» [2]. По Анненскому, поэт не стремится преподнести через изображение природы лирическое «я», но, напротив, «растворяет это я во всех впечатлениях бытия» [2].

Возможно, слияние внешнего – природы, и внутреннего – чувств человека, которое получается у Анненского, не было задумано самим Рембо, и отсутствие субъектного «я» в переводном тексте приближает перевод к собственной поэтической концепции природы Анненского как некоей начальной феноменологии впечатлений, говорящей как о смертности человека, так и о его возможном тревожащем бессмертии. Эту концепцию Анненского мы можем назвать одновременно неоромантической и импрессионистской, тогда как концепция Рембо – это концепция психологическая и драматическая, внутреннего конфликта на уровне чувственности, а не растворения в природе.

«Синие, летние вечера» Рембо у Анненского становятся одним вечером – «одним из голубых и мягких». Далее в тексте Анненского мы найдем «голубые сумерки», которые продолжают цветовую ассоциацию первой строки стихотворения. Если исходить из того, что перевод стремится максимально приблизиться к оригиналу, то можно было бы предложить «один из голубых и летних вечеров», чтобы не менять смысловое наполнение оригинальной строки, однако Анненский предпочитает иной эпитет, направленный не на указание времени-сезона, а на ощущение. Зато абстрактное множественное число у Анненского становится переживанием одного вечера, в котором эротика Рембо «сглаживается» до тихой мечтательности, что только усиливается отсутствием глагола действия в первых четырех строках по сравнению с оригиналом. Отметим, что и далее эта тенденция лирической имперсональности сохраняется.

*Je ne parlerai pas – ни мысли в голове;
je ne penserai rien – ни слова с губ немых;
Et j'irai loin, bien loin – сладко (мне) бродить.*

Вместе с «сердце любит (всех)» и «ночь зовет (меня)» получаем отсутствие действия для «я» у Анненского.

Наличие в переводах Анненского общепозитических формул-штампов отмечали Е.С. Островская и М.Л. Гаспаров. В данном случае под штампом мы подразумеваем не недостаток, а маркер некоего стиля. М.Л. Гаспаров пишет о них в контексте анализа античных переводов Анненского. Е.С. Островская доказывает, что штампы представляли собой движение поэта к модернистскому идеалу безличной лирики, а вовсе не возвращение к романтизму. Островская подтверждает это историей текста, в котором работа над переводом шла одновременно в сторону романтических штампов и модернистских темнот [9].

Техника перевода у Анненского, согласно Островской, – опора на ключевые образы первоначального текста. Можно заметить, что именно ключевые образы у Анненского заменяются штампами. У Рембо мы видим фиксацию непосредственно физического ощущения – ветер омывает голову, мелкая трава под ногами. У Анненского добавляются эпитеты («шелк тропинки», «бархат ковров» как обозначение травы), которых не было в оригинале, и это также отмечала Нефедова. «Вчувствование» в природу Рембо, выписанное штрихами непосредственных впечатлений, у Анненского становится условным перечислением, указывающим на безличность переживаний.

Риторические фигуры, вроде *Et j'irai loin, bien loin*, у Анненского опускаются. У Рембо это игра со значением «далеко» в смысле «идти далеко» и «быть далеко от всего мирского». Анненский оставляет от этого значения слово «бродить». Можно предположить, что ради передачи смысла (так как у Рембо «бродяга» появляется в этой же

строке, и Анненский как бы переносит семантику существительного в глагол). Таким образом, риторика Рембо, восходящая к проповеднической, заменяется скорее романским сюжетом, и Анненский раскрывает тем самым жизнь лирического героя: ему важнее не непосредственное ассоциативное переживание, а устройство лирического опыта как такового, та авторефлексивность, которая становится важнейшим принципом искусства высокого модернизма.

Далее, «росинки» у Анненского происходят, вероятно, из «омывающего» голову ветра; перед нами метод перевода с опорой на ключевой образ, взятый из оригинального текста, но образ при этом подменяется. Создается атмосфера эротически насыщенной ночи, но не эротической сцены, так как ни слова не говорится об «обнажении». Идея сладострастия переводится Анненским в иную плоскость, в плоскость переживания природы как общечеловеческого, а не индивидуального опыта.

Последняя строка. «Словно с женщиной», с одной стороны, конкретизируется (до объятий), с другой – так «снимается» эротизм сцены Рембо. У Анненского эротизм сглажен, из нетерпеливо-чувственного он становится интеллектуальным. Так оказывается, что общепозитические формулы способствуют адаптации стихотворения к распространенным привычкам восприятия лирики как общечеловеческого эмоционального опыта, как опыта не эксцентрики и экстаза, но постоянного истолкования поэтического сообщения.

Данный пример репрезентативен для переводческого метода Анненского «с чувства на чувство», отмеченного Гаспаровым в статье «Еврипид Иннокентия Анненского» [3, с. 594]. Анализ интерпретации Анненским текста Рембо позволяет выявить некоторые особенности творческого метода Анненского, а также рассмотреть особенности рецепции текста Рембо Анненским-поэтом и Анненским-переводчиком. Таким образом, особенности эстетического восприятия Анненским окружающей действительности определяют его переводческий метод. Благодаря стремлению Анненского интерпретировать посредством собственной эстетической картины мира символистский текст, этот метод становится творческим, превращая драматизм и жесты Рембо в импрессионизм и интроспекцию. Выявленные особенности рецепции могут учитываться при дальнейшей разработке проблем рецепции и интерпретации иноязычного текста в русской поэзии.

Библиографический список

1. *Алехина Н.М.* И.Ф. Анненский – переводчик Ш. Бодлера в современном французском литературоведении (по материалам исследования Анастасии Виноградовой де ля Фортель «Приключения поэтического субъекта. Русский символизм по от-

ношению к французской поэзии: соучастие или сопротивление?») // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 384. – С. 5–10.

2. *Анненский И.Ф.* Что такое поэзия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/a/annenskij_i_f/text_0350.shtml (дата обращения: 21.09.2018).

3. *Гаспаров М.Л.* Еврипид Иннокентия Анненского // Еврипид: Трагедии: в 2 т. – М., 1998. – Т. 1. – С. 591–600.

4. *Гинзбург Л.Я.* О лирике. – М.: Интрада, 1997. – С. 288–325.

5. *Зелинский Ф.Ф.* Иннокентий Федорович Анненский как филолог-классик // Иннокентий Анненский глазами современников: К 300-летию Царского Села: сборник / сост., подг. текста Л.Г. Кихней, Г.Н. Шелогуровой, М.А. Выграненко. – СПб.: Изд-во «Росток», 2011. – С. 196–207.

6. О поэзии Иннокентия Анненского // Вяч. Иванов. Собрание сочинений: в 4 т. – Брюссель, 1974. – Т. 2. – С. 573–587.

7. *Крючков Д. А.* Критик-интуит // Иннокентий Анненский глазами современников: К 300-летию Царского Села: сборник / сост., подг. текста Л.Г. Кихней, Г.Н. Шелогуровой, М.А. Выграненко. – СПб.: Изд-во «Росток», 2011. – С. 482–487.

8. *Нефедова Л.К.* Онтология поэтического слова А. Рембо: монография. – М.: ФЛИНТА, 2011. – 130 с.

9. *Островская Е.С.* Французские поэты в рецепции И. Анненского. Ш. Леконт де Лиль // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. – 2005. – № 5. – С. 22–36.

References

1. Alekhina N.M. I.F. Annenskij – perevodchik SH. Bodlera v sovremennom francuzskom literaturo-

vedenii (po materialam issledovaniya Anastasii Vinogradovoj de Lya Fortel' «Priklyucheniya poehticheskogo sub"ekta. Russkij simbolizm po otnosheniyu k francuzskoj poehzii: souchastie ili soprotivlenie?») // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 384. – С. 5–10.

2. Annenskij I.F. CHto takoe poehziya [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/a/annenskij_i_f/text_0350.shtml (data obrashcheniya: 21.09.2018).

3. Gasparov M.L. Evripid Innokentiya Annenskogo // Evripid: Tragedii: v 2 t. – М., 1998. – Т. 1. – С. 591–600.

4. Ginzburg L.YA. O lirike. – М.: Intrada, 1997. – С. 288–325.

5. Zelinskij F.F. Innokentij Fedorovich Annenskij kak filolog-klassik // Innokentij Annenskij glazami sovremennikov: K 300-letiyu Carskogo Sela: sbornik / sost., podg. teksta L.G. Kihnej, G.N. SHelogurovoj, M.A. Vygranenko. – SPb.: Izd-vo «Rostok», 2011. – С. 196–207.

6. O poehzii Innokentiya Annenskogo // Vyach. Ivanov. Sbranie sochinenij: v 4 t. – Bryussel', 1974. – Т. 2. – С. 573–587.

7. Kryuchkov D. A. Kritik-intuit // Innokentij Annenskij glazami sovremennikov: K 300-letiyu Carskogo Sela: sbornik / sost., podg. teksta L.G. Kihnej, G.N. SHelogurovoj, M.A. Vygranenko. – SPb.: Izd-vo «Rostok», 2011. – С. 482–487.

8. Nefedova L.K. Ontologiya poehticheskogo slova A. Rembo: monografiya. – М.: FLINTA, 2011. – 130 s.

9. Ostrovskaya E.S. Francuzskie poehy v recepcii I. Annenskogo. SH. Lekont de Lil' // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9, Filologiya. – 2005. – № 5. – С. 22–36.

Денисова Тамара Михайловна
кандидат филологических наук, доцент
Костромской государственной университет
tamaradenisova@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО КОРОТКОГО РАССКАЗА «ПОСТКЛАССИЧЕСКОГО» ПЕРИОДА (Юдит Германн)

Во второй половине XX века короткий рассказ послевоенного периода, тесно связанный с событиями этого времени, постепенно теряет свою актуальность. Молодое поколение немецких писателей делает попытки найти новые темы и формы. В рассказах данного периода проявляется интерес к актуальным проблемам – ситуация с беженцами, стариками в Западной Германии, обращение к временам национал-социализма с точки зрения сегодняшнего дня. В современном коротком рассказе человек стоит в центре постоянно изменяющейся действительности, он констатирует с обществом, техническими достижениями, которые ставят под угрозу его существование. Отсюда возникает характерный для жанра короткого рассказа «режим экономии», который подразумевает такие приёмы, как типизация героев, символизм, отказ от рамочных конструкций, сжатый сюжет. К литературе поколения молодых писателей второй половины XX века принадлежат короткие рассказы Юдит Германн, очень быстронискавшие культовый статус, критикам послышался голос нового поколения, читатели узнавали в героях рассказов себя и свои проблемы.

Ключевые слова: современный немецкий короткий рассказ, актуальные темы, жанровые особенности, немецкая писательница, Юдит Германн.

Начиная со второй половины двадцатого века молодое поколение немецких писателей делало попытки найти новые темы и формы, поскольку короткий рассказ послевоенного периода, тесно связанный с событиями этого времени, постепенно начал терять свою актуальность.

В целом жанр короткого рассказа продолжал подчиняться общим тенденциям современной литературы – прибегая к особым техникам повествования, провоцировать и активизировать читателя, удивлять и побуждать его занять определённую позицию. В современном коротком рассказе человек становится центром постоянно изменяющейся действительности, он вступает в конфликт с обществом, ищет свое место в жизни, и зачастую этот процесс проходит достаточно болезненно.

У. Мэйер отмечает, что с 70-х годов XX века наряду с определенной стабильностью немецкий короткий рассказ демонстрирует постоянное видоизменение содержательных и формальных характеристик. В рассказах данного периода проявляется интерес к таким проблемам, как ситуация с беженцами, стариками в Западной Германии, обращение к временам национал-социализма с точки зрения сегодняшнего дня. По ее мнению, рассказы удаются в том случае, «если авторы понимают психическое состояние отдельного человека и передают его многомерно с точки зрения повествовательной техники, например используя технику намека и сокращения» [3, с. 57].

Л. Маркс считает, что историческим предназначением немецкого короткого рассказа стало отображение событий в данное конкретное время. В коротких рассказах она отмечает дальнейшее литературное экспериментирование с сокращением объема до кратчайшей истории. Наряду с ними

сохраняется «суггестивно построенный короткий рассказ различных типов, тематически убедительный, прежде всего там, где авторам удается с помощью повествовательной техники проникнуть через поверхность явлений и сделать их прозрачными для глубинных измерений человеческой проблематики» [2, с. 78].

К литературе поколения молодых писателей второй половины XX века принадлежат короткие рассказы Юдит Германн, успешно дебютировавшей в 1998 году со своим сборником «Sommerhaus, später» («Загородный дом, позже»). За него писательница получила премию Хуго Балля, Бременскую премию, премию Кляйста. Очень быстро сборник снискал культовый статус, критикам послышался голос нового поколения, читатели узнавали в героях рассказов себя и свои проблемы. Юдит Германн стали называть немецкой Вирджинией Вулф, на которую Германн похожа и внешне. Фотографии Юдит Германн вскоре стали также очень популярны. В 2003 вышла вторая книга ее рассказов «Одни привидения».

«Стиль Юдит Германн не имеет ничего общего ни с ироничным цитированием постмодернистов, ни с языковыми экспериментами авангардистов, ни с околотературной эссеистикой молодых поплитераторов. Юдит Германн относится к так называемому стилю «Neue deutsche Lesbarkeit», то есть тенденции рассказывать истории понятным, высокохудожественным языком» [5].

Ю. Германн родилась в Берлине в 1970 году. Получила диплом в университете Фрайбурга по специальностям «Германистика» и «Философия». Занималась журналистикой. В 1997-м получила от Берлинской художественной академии стипендию Альфреда Дёблина [4]. Основной темой произведений Ю. Германн является одиночество и угроза

современного урбанизированного общества человеку. Она описывает страх и бессилие современного человека перед безмянным технократическим миром, сомнения в смысле жизни. Все герои её произведений пытаются построить свою жизнь согласно их собственным представлениям о ней, все они страдают от одиночества и бессилия перед лицом внешних обстоятельств.

Заглавие первой истории сборника «Летний дом, позже», «Конец чего-то», подразумевает под собой конец этапа жизни девушки Софи и ее семьи, о котором она сама же и повествует в рассказе. В рассказе нет определенных обозначений места действия истории, но можно предположить, что происходит оно в Германии, так как упоминается *Helmholzplatz* (площадь Гельмгольца). Автор описывает кафе, в котором и рассказывает о моментах своей жизни главная героиня Софи. Это – девушка лет тридцати, находящаяся на определенном поворотном этапе жизни. Автор не дает подробного описания ее внешности: «*Sie ist so dünn, ihre Beine in dicken Wollstrümpfen wie kleine Stöckchen*» («Она очень худая. Её ноги в толстых шерстяных колготках похожи на палочки»; здесь и далее перевод мой. – Т. Д.) [1, с. 28]. Но и этого достаточно, чтобы обратить внимание на неблагоприятное состояние девушки. Она очень переживает по поводу смерти своей бабушки.

Весь рассказ представляет собой историю о последнем годе жизни бабушки, которая жила с родителями Софи и, как многие пожилые люди в ее возрасте, доставляла семье немало забот. Рассказ небольшой по своему объёму. В нём можно выделить несколько частей, в которых чётко прослеживается всё возрастающее напряжение повествования, наблюдаются изменения внутреннего состояния рассказчицы.

Повествование начинается с «рассказа в рассказе» от лица главной героини, она вводит читателя в действие, рассказывая о жизни своей бабушки. Каждую часть рассказа автор завершает описанием внутреннего состояния героини и описанием обстановки и атмосферы кафе, в котором происходит основное действие. Такой прием автора – чередование монолога героини и описание ее состояния, позволяет читателю глубже проникнуть в суть истории, но при этом не отрываться от основного действия рассказа.

Первые истории, рассказанные Софи о бабушке, – это истории о ее послевоенной молодости. Сначала бабушка потеряла своего первого маленького сына, который пропал на одной из станций во время железнодорожного путешествия, затем второй ее сын во время детской игры в камешки почти лишился зрения. Эти два события потрясли бабушку и оставили свой след в ее дальнейшей жизни.

Далее рассказ Софи прерывается словами автора: «*Sophie sieht in den Himmel über dem Helmholzplatz, als wolle sie vergleichen*» («Софи смотрит на небо

над площадью, как будто хочет его с чем-то сравнить») [1, с. 29]. Эта вставка дает читателю возможность попытаться предугадать дальнейшее развитие событий, но в то же время состояние героини, ее внутреннее и внешне выраженное беспокойство не предвещают положительных событий в истории. Концепт «небо» выступает в качестве природного эквивалента душевного состояния главной героини Софи, которая то «хмурится», то «смущенно улыбается», то «тяжело вздыхает».

После рассказа Софи о пристрастиях ее бабушки к алкоголю, вызванных одиночеством, автор «пытается» сделать паузу в потоке негативных моментов из жизни героини, разредить их: «*Sophie lacht jetzt. Ein bisschen. Sie lacht und schaut in ihre Kaffeetasse*» («Софи смеется. Немного. Она смеется и смотрит в свою кофейную чашку») [1, с. 29]. Странно, но данный отрывок все более погружает читателя в атмосферу тоски и безысходности.

Описания погодной атмосферы, ее изменения соответствуют последовательности событий по их накалу, и после строчек «*Es wird dunkel, draussen beginnt zu regnen. Nieselregen, vielleicht schon Schnee*» («Темнеет, на улице начинается дождь. Моросящий, а может, уже и снег») [1, с. 30] читатель интуитивно и логически начинает ощущать приближение кульминационного момента.

Софи продолжает рассказ о пожилых годах бабушки, о ее развивающейся болезни, о чрезмерной, болезненной подозрительности своей бабушки, о ее странных заявлениях, о том, что ее обворовывает ее собственная семья, об ожидании ею смерти как единственного средства спасения.

Однажды бабушку приглашают на праздник в честь совершеннолетия внучки, та принимает приглашение с условием, что преподнесёт свой подарок. Бабушку приводят на праздник, и там она вручает в качестве подарка крышку от кастрюли и заявляет, что это тот самый предмет, который у нее украли родственники, как и все остальное ее имущество. Гости в недоумении, они начинают думать, что бабушка сошла с ума.

Родственники стараются изолировать бабушку от контактов с внуками. С момента этого события остается совсем немного времени до ее смерти. Чувствуя себя одинокой и никому не нужной, она решает покончить с собой страшным образом – поджигает себя в своей квартире. Ей пытается прийти на помощь ее сын, случайно позвонивший во время трагедии, но не успевает спасти мать.

Софи заканчивает свою историю рассказом о том, как покончила с собой ее бабушка, а ее заключительные слова выражают и ужас от случившегося, и какое-то скрытое восхищение от такой сцены, и даже возможную зависть, ведь бабушка обрела свободу и стала независимой от страшного чувства одиночества, которое тяготило ее саму: «*Sie brannte lichterloh und schrie nicht mehr, der Himmel über*

den Dächern, den Antennen, grau und rauchig, sie habe, sagte mein Vater später, er wusste nicht, aber sie habe, so brennend, tatsächlich getanzte) («Она вся польхала и не кричала больше, небо над крышами, над антеннами было серое и дымное, она – так сказал отец позже, он и сам не знал, как такое могло быть, но она, польхая, действительно, танцевала») [1, с. 35].

Автор показывает, как предрассудки и необоснованный страх, одиночество и неуверенность в себе, недоверие к людям могут привести к внутренним проблемам и даже психическим расстройствам, и как следствие – к ещё большему одиночеству и безысходности.

Читатель не может объективно судить о происходящих событиях в силу того, что они изображаются сквозь «призму» восприятия действительности рассказчиком. Но собеседник Софии никак не проявляет себя, таким образом, читатель сам выступает в качестве невидимого собеседника. Такая стилистическая организация текста помогает читателю стать соучастником действия рассказа.

Следующая история Юдит Германн называется «Музыка Хантера Томпсона». Она, как и другие рассказы сборника, посвящена теме одиночества человека, поиска себя и своего смысла жизни, безысходности и разочарованиям. Заглавие этой истории сборника содержит в себе имя главного героя Хантера Томпсона, молодого человека лет тридцати, снимающего комнату в дешевом отеле Нью-Йорка «Вашингтон-Джефферсон» и увлекающегося прослушиванием классической музыки. Время событий автором не указано, но можно предположить, что это конец XX века.

Действие рассказа происходит в последнюю пятницу перед Пасхой. После тяжелого трудового дня Хантер Томпсон возвращается в отель «Вашингтон-Джефферсон», где он снимает комнату. Он поднимается к себе в номер, чтобы отдохнуть, расслабиться и заняться любимым делом – послушать классическую музыку на своем старом магнитофоне. Неожиданно в его дверь стучится девушка. Хантер необщителен, поэтому для него неприятен этот визит. Девушка представляется соседкой по отелю, проявляет большой интерес к Хантеру и музыке, которую он слушает.

Далее выясняется, что она тоже жить не может без музыки и ее магнитофона, который у нее недавно украли. Она пытается флиртовать с Хантером, но видя его растерянность, предлагает ему пообедать вместе на следующий день. Хантер принимает приглашение, он чувствует, что эта девушка и ее любовь к той же самой музыке все же каким-то образом притягивают его. Решив сделать девушке приятное, он достает магнитофон для нее.

На следующий день девушка не приходит к назначенному времени, не объясняя причины, она появляется лишь поздно вечером. Хантер уже не хочет проводить с ней время, но все же дарит ей

магнитофон и коллекцию своих кассет с классической музыкой.

Девушка благодарна Хантеру за подарок, она хочет знать, что такой человек, как он, здесь делает, почему он не сменит место жительства. Ответ на этот вопрос не может дать Хантер и сам. Он понимает, что имеет материальные средства, чтобы уйти из этого отеля, поселиться в другом месте и начать новую жизнь, но не видит в этом смысла, так как он одинок и его самого устраивает такая жизнь. Это подтверждают следующие слова: «Weil ich fort gehen kann. Jeden Tag, jeden Morgen meinen Koffer packen, die Tür hinter mir zuziehen, gehen» («Потому что я в любой день могу уйти. Утром собрать свой чемодан, закрыть за собой дверь и уйти») [1, с. 46]. Он не меняет жизнь, потому что не считает, что переезд сделает его счастливее. Он одинок, замкнут внутри себя, и он не может освободиться от этих чувств.

Музыка выступает в данном рассказе символом надежды на новую жизнь, уход от жестокой реальности. Девушка, которая стучится в комнату к Хантеру, тоже представляется для главного героя шансом изменить себя, почувствовать что-то новое, задуматься над смыслом жизни. Но в конце концов герой осознает, что не может и не хочет перестраивать свою жизнь, чувствуя, что это бессмысленно. Как символ надежды и мечты он дарит любимую музыку девушке, возможно, понимая, что ей она еще способна дать новые силы.

История, послужившая заголовком сборнику «Летний дом, позже», рассказывает об отношениях внутри компании молодых людей, ведущих беззаботный образ жизни. Они часто устраивают вечеринки, на которых выпивают, принимают наркотики, обмениваются своими сексуальными партнерами. Их не интересует будущее, они живут здесь и сейчас.

Повествует обо всем молодая женщина, имени которой автор не называет, хотя другие персонажи упоминаются по имени – Анна, Хенриеттэ, Кристианэ, Тодди, Хайнцэ, Фальк. Однажды она познакомилась с таксистом Штайном, с которым провела примерно три недели. Он жил в ее квартире и принимал участие в совместных вечеринках и поездках: «Stein hatte nie eine eigene Wohnung besessen, er zog mit diesen Tüten durch die Stadt und schlief mal hier, mal da, und wenn er nichts fand, schlief er in seinem Taxi. Er war nicht das, was man sich unter einem Obdachlosen vorstellt. Er war sauber, gut angezogen, nie verwahrlost, er hatte Geld, weil er arbeitete, er hatte eben keine eigene Wohnung, vielleicht wollte er keine» («У Штайна никогда не было своего жилья в городе, прихватив свои пакеты, он останавливался то у одних, то у других знакомых, а когда не находил ничего подходящего, ночевал в такси. Он не был бездомным в прямом смысле этого слова. Он был чист, хорошо и аккуратно одет, у него были деньги, так как он работал,

у него просто не было собственного жилья, возможно, он и не хотел его иметь») [1, с. 57].

Через некоторое время женщина выставила Штайна за дверь, так как он ей надоел. Поблагодарив ее, он переехал к Анне этажом ниже, затем к Кристианэ, к Хайнцу и другим знакомым из этой группы. Женщине было все равно, хотя именно ей он доверил свою тайную мечту – купить дом за городом.

Когда он внезапно пропал, героиня забыла о нем, ведь у нее были ее друзья, с которыми можно было весело, а иногда и экстремально проводить время. Но однажды вечером Штайн позвонил и сказал, что он нашел дом своей мечты и хочет показать его ей. Из любопытства, а может и от скуки девушка согласилась поехать с ним посмотреть дом в местечке Канитц.

Он радовался как ребенок, рассказывая о своих планах по ремонту и обустройству дома, а ей опять было все равно, она слушала лишь из вежливости и была очень разочарована, так как дом оказался настоящей развалиной: «Das Haus war ein Schiff. Es lag am Rand dieser canitzschen Dorfstraße wie ein in lange vergangener Zeit gestrandetes, stolzes Schiff. Es war ein großes, zweistöckiges Gutshaus aus rotem Ziegelstein, es hatte ein skelettirtes Giebeldach mit zwei hölzernen Pferdeköpfen zu beiden Seiten, in den meisten Fenstern waren keine Scheiben mehr. Die windschiefe Veranda nur noch vom dichten Efeu zusammengehalten, und durchs Mauerwerk liefen daumendicke Risse. Das Haus war schön. Es war das Haus. Und es war eine Ruine» («Дом был похож на корабль. Расположенный на окраине деревни Канитц, он напоминал когда-то давно причаливший гордый корабль. Это был большой двухэтажный дом из красного кирпича с двускатной крышей, украшенной с обеих сторон деревянными фигурами лошадиных голов, стекла в большинстве окон отсутствовали. Покосившаяся терраса держалась только благодаря плотно разросшемуся плющу, а по стенам разбежались трещины толщиной в палец. Дом был красив. Это был дом. И это были руины») [1, с. 63].

Для Штайна дом – это возможность убежать из большого города и жить там с любимой женщиной. Но героиня не может его понять, так как она представляет себе жизнь по-другому. У нее нет определенной цели, и она не думает о будущем. У нее есть ее друзья, и сама она ничего не решает.

Мотив «дома» красной нитью проходит через весь рассказ. То, что оба героя знают о нем, сблизжает их, так как остальные герои не знают о мечте Штайна. Он регулярно посылает ей открытки, в которых сообщает о ремонте дома и всегда пишет «когда ты приедешь». Героине становится интересно, но она решает дождаться отчетливого приглашения «приезжай». Через некоторое время она получает не открытку, а письмо, в котором лежит вырезка из газеты с сообщением о том, что дом

сгорел до тла. Предпринимать что-либо слишком поздно, таким образом заканчивается эта история несостоявшейся любви.

Проблема Штайна состояла в том, что хотел быть с теми людьми, к кругу которых он не принадлежал, с теми, кто смотрел на мир другими глазами, поколением беспечных обеспеченных. В результате он сам сделал все, чтобы остаться ни с чем.

Другие истории этого сборника также рассказывают о любви и душевных переживаниях, несбывшихся надеждах и упущенных возможностях. Герои хотят изменить свою жизнь, но боятся сделать это или сомневаются, переживают при этом сильные чувства.

Стиль письма Юдит Германн имеет свои особенности. Она пишет бессюзными сложными предложениями или простыми и короткими, порой безличными. Повествование с элементами описания позволяет читателю глубже проникнуть в суть истории, но при этом не отрываться от основного действия рассказа, наличие концептов и символов, состояние природы помогает читателю оценить всю гамму настроений героев. Искусное изображение писательницей пограничных ситуаций в жизни человека, его ощущений привлекает читателя, заставляет его сопереживать героям ее рассказов.

Выбор тематики коротких рассказов «постклассического» периода обусловлен современной действительностью, основным признаком которой является проблема реального общения, тот факт, что людям, даже самым близким, нечего друг другу сказать. Герои современной немецкой литературы конструируют с обществом, техническими достижениями, которые зачастую ставят под угрозу их существование. Отсюда возникает характерный для жанра короткого рассказа «режим экономии», который подразумевает такие приемы, как типизация героев, символизм, отказ от рамочных конструкций, сжатый сюжет.

Композиция немецкого короткого рассказа отличается внезапным началом, отсутствием вступления, побочного действия и комментариев автора, линейностью и, как правило, открытой концовкой. Перспектива рассказчика выполняет жанрообразующую функцию, которая проявляется в том, что повествование ведется от первого или третьего лица одного из героев рассказа, непосредственно участвующего в повествовании. Язык характеризуется точностью, лаконичностью, наличием подтекста, косвенных указаний или намеков.

Библиографический список

1. *Bekes P., Reichling H.* Liebe, Tod und Spiel. Ausgewählte Erzählungen von Nadja Einmann, Judith Hermann und Maike Wetzel. – Hannover: Schroedel Verlag, 2003. – 57 s.
2. *Marx L.* Die deutsche Kurzgeschichte // Theorie der Kurzgeschichte. – Stuttgart, 2004. – 160 s.

3. Meyer U. Kleine literarische Formen in Einzeldarstellungen. – Stuttgart, 2002. – 278 s.

4. Judith Hermann [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://de.wikipedia.org/wiki/Judith_Hermann (access date: 31.06.2018).

5. Юдит Герман – немецкая Вирджиния Вульф [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dw.com/ru> (access date: 12.03.2018).

References

1. Bekes P., Reichling H. Liebe, Tod und Spiel. Ausgewählte Erzählungen von Nadja Einzmann,

Judith Hermann und Maïke Wetzel. – Hannover: Schroedel Verlag, 2003. – 57 s.

2. Marx L. Die deutsche Kurzgeschichte // Theorie der Kurzgeschichte. – Stuttgart, 2004. – 160 s.

3. Meyer U. Kleine literarische Formen in Einzeldarstellungen. – Stuttgart, 2002. – 278 s.

4. Judith Hermann [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://de.wikipedia.org/wiki/Judith_Hermann (access date: 31.06.2018).

5. YUdit German – nemeckaya Virdzhiniya Vul'f [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dw.com/ru> (access date: 12.03.2018).

Тихомиров Владимир Васильевич
 доктор филологических наук, профессор
 Костромской государственной университет
 vtihom@mail.ru

ПЬЕСА А.Н. ОСТРОВСКОГО «ВАСИЛИСА МЕЛЕНТЬЕВА» КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ
 исследовательского проекта № 16-04-00323-ОГН

В статье с учётом имеющегося в отечественном литературоведении опыта исследования драмы А.Н. Островского «Василиса Мелентьева» выясняются жанровые особенности и специфика историзма пьесы, единственной в его творчестве исторической драмы, в которой мастерски сочетаются исторические истоки сюжета и художественный вымысел драматурга. В жанровом отношении пьеса приближается к традициям европейской, прежде всего шекспировской, драмы, поскольку в ней ведущую роль играют межличностные нравственные и психологические конфликты, обращённые в историческое прошлое. Это в меньшей степени было характерно для русской исторической драматургии в силу специфики национальных и религиозных, преимущественно эпических представлений о движущих силах истории. Сложность характеров персонажей в драме «Василиса Мелентьева» и острота конфликтов сближает пьесу с трагедийным жанром.

Ключевые слова: историзм драмы, факт и художественный вымысел, эпическое и личностное в истории, конфликт характеров.

Драма «Василиса Мелентьева» (написана осенью 1867 г., опубликована в № 2 «Вестника Европы» за 1868 г. за подписью «А.Н. Островский и Г***») обоснованно может считаться сочинением самого Островского, поскольку С.А. Гедеонову, предложившему ему сотрудничество в написании пьесы, принадлежит лишь обращение к историческому эпизоду, на котором строится драматический сюжет, и небольшая часть текста, сохранённого Островским в окончательном варианте драмы. В жанровом отношении она значительно отличается от других пьес, написанных на основе исторического материала: это единственная в его творчестве именно историческая драма, а не хроника и не комедия. В этом отношении и по наличию острого межличностного конфликта в пьесе «Василиса Мелентьева» сближается с традицией европейской драмы, для которой характерно специфическое видение истории сквозь призму бытия действующих лиц. На это обратил внимание П.В. Анненков в статье «О “Минине” Островского и его критиках» (Русский вестник. 1862. № 9). В хронике «Козьма Минин», по мнению критика, преобладает эпическое начало, поскольку в русской истории, известной преимущественно по преданиям, отдельной личности традиционно не уделялось большое внимание: «История является... только в своём отражении на нравах, понятиях и верованиях эпохи» [1, с. 408]. В драме «Василиса Мелентьева» дух эпохи, её особенности воспроизведены не в меньшей степени, чем в более ранних пьесах Островского на историческую тему, но здесь появляется то, чего ранее не было: более глубокие личностные характеры, особенно главной героини, нравственный и психологический конфликт, определяющий сюжетную специфику пьесы.

Интерес А.Н. Островского к особенностям художественного и, в частности, драматургического

осмысления русской истории не был случайным или исключительным. 1860-е годы – время активного развития исторической темы во всех жанрах и родах русской литературы, что объясняется, очевидно, не только эпохальными изменениями, которые переживала Россия в связи с реформами Александра II, но и важным для понимания её истории событием – празднованием 1000-летия российской государственности в 1862 году. Русская историческая драматургия по-разному откликалась на потребности времени пьесами не только А.Н. Островского, но и других драматургов, и всех их волновал вопрос о соотношении исторического факта и художественного вымысла, один из основных в реализации исторической темы. Автор нескольких статей о русской исторической драматургии, чуткий к художественной форме литературного произведения П.В. Анненков подчёркивал, что «необходимую правдоподобность» сообщает исторической драме не верность документам, а художественный вымысел: «Не подлежит сомнению, что только примесью свободного изобретения и поэтического элемента он (Островский. – В. Т.) сообщил своей драме незыблемость, поставил её вне спора и сомнений. Поэзия и изобретение укрепили здесь археологические данные, спасли и защитили факты и сведения, добытые формальным изучением» [2]. Критик высказал эту мысль, имея в виду пьесу «Воевода, или Сон на Волге», но она, несомненно, может быть отнесена и к другим пьесам Островского на историческую тему.

В то же время сам исторический материал, положенный в основу сюжета драмы «Василиса Мелентьева», определил жанровое своеобразие пьесы и её характеров, личностный конфликт, существенно отличающий её от других пьес исторической тематики. Постановка женских образов в центре драматической интриги – не новость в русской

исторической драматургии. Стоит напомнить драму М.П. Погодина «Марфа Посадница» (1831 г.), исторические драмы Л.А. Мея «Царская невеста» (1849 г.) и «Псковитянка» (1859 г.). Однако женские характеры в этих пьесах не обладают сложными индивидуальными характеристиками: они или декларативны (Марфа Борецкая у Погодина), или слабые, хотя по-человечески привлекательные жертвы обстоятельств (героини драм Л. Мея). В «Василисе Мелентьевой» впервые в русской исторической драме появляется сильный противоречивый женский характер, во многом определяющий сюжетную линию и природу конфликта пьесы, причём эта особенность обнаружена именно Островским, который дал название драмы «Василиса Мелентьева» и сделал эту героиню её центральным персонажем [11, с. 567]. Драма в наибольшей степени соответствовала пушкинскому определению сущности подобного жанра: «Истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах...» [12, с. 168].

Пушкинское понимание специфики драматического жанра гораздо глубже того определения художественного изображения истории, которое предлагал Л. Мей: показывать то, что «могло быть». И это «могло быть» драматург находит в русском фольклоре, дающем материал для художественного осмысления женских характеров: «Мёртвая, едва заметная в летописи, русская женщина является в песне живою, повсеместною двигательницею страсти» [7, с. 104, 102].

Незадолго до «Василисы Мелентьевой» появились в печати две исторические пьесы, вызвавшие определённый интерес в русском обществе: «Дмитрий Самозванец» Н.А. Чаева (Эпоха. 1865. № 1) и «Смерть Иоанна Грозного» А.К. Толстого (Отечественные записки. 1866. № 1) Их опыт, несомненно, учитывался Островским. В статье, посвящённой этим пьесам, П.В. Анненков обратил внимание на особенности изображения в них исторического материала. У Чаева он находит почти исключительную «иллюстрацию летописи», зависимость от фактов, впрочем, несколько искупаемые живописностью бытовых картин и «сочным языком» [3, с. 71, 74]. Напротив, трагедия А.К. Толстого, по мнению критика, – сплошной вымысел, «обработка... исторического материала свободным художником» [3, с. 75]. Анненков считает, что «труднейшая задача для художника состоит... в том, чтоб отыскать правильные отношения между фантазией и... исторической темой» [3, с. 75], и Толстой эту задачу не выполнил, в его пьесе виден пример «ловкого, мастерского и... бойкого приложения обычных форм западной европейской драмы к русскому миру». Она сценична, как европейская драма, но утратила «часть своего народного облика» [3, с. 81].

Природа историзма «Василисы Мелентьевой» отличается своеобразием. Об этом можно судить

при сравнении сюжетной линии драмы с её исторической основой. Передавший Островскому материалы задуманной пьесы директор Императорских театров С.А. Гедеонов обнаружил сюжетную основу будущей драмы в хрониках времён Ивана Грозного, прокомментированных в «Истории» Н.М. Карамзина. В первоначальном замысле пьесы Гедеонов в основном следовал за историческими фактами. В девятом томе «Истории государства Российского» Карамзин пишет о пятой жене царя Анне Васильчиковой, которая стала одной из героинь драмы «Василиса Мелентьева»: «...не знаем, дал ли он ей имя царицы, торжественно ли венчался с нею... не видим также никого из её родственников при дворе... <...> Она схоронена в Суздальской девичьей обители...» И о самой Василисе: «Шестую Иоанновою супругою – или, как пишут, *женищем* (сожигательницей. – В. Т.) – была прекрасная вдова, Василиса Мелентьевна: он без всяких иных священных обрядов *взял только молитву* для сожигания с нею». Это событие историк относит к 1575 году [5, с. 157]. С.М. Соловьёв утверждает: «Не имеем права двух наложниц царя, Анну Васильчикову и Василису Мелентьеву, называть царицами, ибо он не венчался с ними, и в современных памятниках они царицами не называются» [15, с. 703]. В Примечаниях к т. 6 «Истории» Соловьёва о Василисе Мелентьевой говорится: «...муж её был заколот опричником, и царь постриг её в Новгороде 1 мая 1577 г. за то, что заметил “ю зрящу яро на оружничего Ивана Девтелева князя, коего и казни”» [15, с. 739].

Поскольку достоверных сведений о личности и судьбе Василисы Мелентьевой сохранилось мало, для драматурга существовали определённые трудности в художественной обрисовке характеров, равно как и самой исторической обстановки, но в то же время этот факт предоставил простор творческой фантазии автора, разумеется, в рамках вероятной верности духу и нравам и основным фактам времени, пусть подчас с некоторыми хронологическими отступлениями. Островский сам признавал и подчёркивал различие между исторической и художественной правдой. По воспоминаниям драматурга П.М. Невежина, автор «Василисы Мелентьевой» рассказывал ему, имея в виду С.А. Гедеонова: «Он не понял, что учебники, дающие материал, – только скелет для художественного произведения. Что история – оболочка для художника, а суть – в развитии характеров и психологии» [9, с. 11].

По сравнению с современными ей историческими пьесами драма «Василиса Мелентьева» выглядит достаточно оригинальной. М.М. Уманская высказала мысль, что, в отличие от более ранних исторических хроник Островского, «теперь история для драматурга не цель, а средство, не столько объект, сколько способ художественного исследования

действительности» [16, с. 480]. По мнению исследовательницы, «в основе композиции новых жанровых форм лежит не рядоположенность фактов в последовательности, предусмотренной исторической хронологией, с точным обозначением дат той или иной сцены, а художественная логика развития действия и характеров, подчинение всего исторического материала... авторской концепции» [16, с. 481]. По сравнению с хрониками в «Василисе Мелентьевой» больше сценичности, «живости», действительности, а показ «гражданской, политической жизни народа уступил место наполовину вымышленным интимно-личным коллизиям, трагедии любви и ревности» [16, с. 482]. В то же время у Островского «вымысел нигде не вступает в противоречие с исторически вероятным и правдоподобным» [16, с. 484], а история показана «через индивидуальные человеческие судьбы и судьбы личности – через историю, тогда как в жанре хроники и истории в лицах историческое событие – главный герой хроники – заслоняло и поглощало собой человеческую индивидуальность» [16, с. 485].

Действительно, автор «Василисы Мелентьевой» достаточно свободно обращается с некоторыми историческими фактами, группирует их так, чтобы они в наибольшей степени отвечали авторскому замыслу – представить историю в лицах, обладающих индивидуальными характерными особенностями и в то же время несущими в себе черты своего времени. В пьесе можно заметить факты, хронологически несовместимые друг с другом и невозможные в данной ситуации. Это касается прежде всего действующих лиц драмы. Если принять во внимание, что события, связанные с отношениями Ивана IV и Василисы, могли быть в период с 1575 г. (именно эту дату указывает Карамзин как наиболее вероятную для их сближения) до 1577, когда Василиса была якобы пострижена в монастырь в Новгороде), то можно обнаружить в пьесе явные хронологические несообразности. Среди персонажей драмы – главный опричник, печально известный Малюта Скуратов, умерший в 1572 году. Тогда же, кстати, была ликвидирована и сама опричнина [11, с. 576–577]. Другой персонаж пьесы – князь Михаил Воротынский, известный военачальник, герой завоевания Казани – был казнён по приказу царя ещё в 1573 г. В то же время общий исторический контекст в пьесе сохранён, о чём свидетельствует, например, высказывание Ивана Грозного о его желании стать королём Польши и Литвы. Переговоры об этом велись долго, но в конце концов на польско-литовский престол был избран в 1576 г. семиградский (трансильванский) воевода Стефан Баторий (в пьесе – Обатура), венгр по национальности, который стал самым опасным врагом царя Ивана и Московской Руси.

Характер Ивана Грозного, изображённый в драме «Василиса Мелентьева», существенно отлича-

ется от того, каким он являлся в пьесах других драматургов. На это обратил внимание один из первых рецензентов спектакля в петербургском Мариинском театре, где драма была впервые поставлена в январе 1868 года (труппой Александринского театра), В.И. Родиславский. Кстати, рецензия Родиславского на спектакль опубликована в том же номере журнала «Вестник Европы», что и сама пьеса «Василиса Мелентьева». Рецензент отметил, что царь Иван у Островского предстаёт в другом качестве, в отличие от трагедии А.К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного»: там он прежде всего правитель, а здесь как будто показан в частной жизни: это «Иоанн, которому надоело быть Иоанном... который, пожалуй, и казнит, но только потому, что ему чужая жизнь – ничто, казнит человека, как убьёт муху, и не потому казнит, что он – маньяк казни» [13, с. 809]. Об исполнении роли Ивана Грозного артистом В.В. Самойловым Родиславский пишет, что в нём зрители видят «просто усталого, скучающего брюзгу, который и на жестокости-то решается только потому, что для него всё равно, что бы ни случилось» [13, с. 810]. Сам Островский, принимавший участие в подготовке спектакля, был доволен игрой актёра, признаваясь в письме жене от 1–2 января 1868 года, что Самойлов «великолепен» [10, с. 161].

Н.П. Кашин, много сделавший для выяснения вклада Островского в создание окончательного текста драмы «Василиса Мелентьева», в переработку её первоначального варианта, предложенного Геденовым, утверждает: «А.Н. Островский значительно углубил содержание драмы, и с исторической, и с психологической точки зрения. <...> В его драме перед нами живые люди с чувствами и воззрениями того времени, а не... навязанными им автором, как это отчасти имело место у Геденова» [6, с. 24]. Кашин находит в изображаемом Островским характере Ивана Грозного «чувство одиночества, жажду любви, жажду ласки, сознание своей озверелости и надежду на то, что под воздействием любви “опять откликнется бывшее, забытое и изжитое счастье”». Кашин считает, что автор пьесы наделил царя человеческими чертами, способностью душевно страдать [6, с. 31]. Последний монолог царя, обращённый к спящей Василисе, демонстрирует его противоречивый характер: способность любоваться красотой, надежду на добрую природу красоты – и сомнение, обусловленное жизненным опытом: «Какая кротость! Какой спокойный, безмятежный сон! Ужель меня лицо твоё обманет? Ужель под этой тишиной таится Змеиное лукавство?» [11, с. 292]. Подозрения Ивана не обманули: Василиса во сне называет имя любимого и обманутого ею Андрея Колычёва и кается перед ним.

Действительно, такого сложного характера царя Ивана Грозного не было в русской литературе.

Интересно, что Н.К. Михайловский писал в 1894 г. о характере царя Ивана в драме «Василиса Мелентьева»: «Это значительнейшее, оригинальнейшее из всего, что даёт наша художественная литература о Грозном» [8, с. 179]. Свообразие характеристики Ивана IV Островским признал позднее В.А. Бочкарев: «Островский дал... оригинальное толкование личности Грозного, удержавшись и от разоблачения царя Ивана, и от идеализации его» [4, с. 104].

Остальные герои пьесы по большей части достаточно схематичны: это или верные слуги царя без каких-либо нравственных принципов вроде Малюты Скуратова или Бориса Годунова, или представлявшие боярскую оппозицию, осмелившиеся возражать царю и защищать свою честь – князь Воротынский, боярин Морозов. Исключением оказываются три персонажа, в наибольшей степени сочинённые драматургом: царица Анна Васильчикова, сама Василиса Мелентьева и Андрей Колычёв. Если Анна и Василиса имели исторические прототипы, то Колычёв – вымышленный персонаж, присутствовавший, кстати, и в первом варианте драмы, написанном Гедеоновым, однако характер его был совершенно переработан Островским [11, с. 568]. Он оказался необходимым для сюжетной интриги драмы. По мнению Родиславского, Колычёв – «человек не злой, но слабый, попавший в руки к женщине с неутолимой честолюбием, страдающий от возлагаемых на него преступлений и пробующий бороться сам с собою, но увлекаемый непобедимой страстью» [13, с. 811]. Во «внутренней борьбе Колычёва, в которой зло, под влиянием любви, всё-таки берёт верх, несколько не менее трагизма, чем потом в страшных видениях Василисы или в бешенстве Иоанна» [13, с. 812].

При том, что Андрей Колычёв – персонаж сочинённый, в его характере имеется некоторая историческая и национальная укоренённость. М.М. Уманская полагает, что он создан под влиянием «народно-поэтического песенного творчества», «в котором часто возникает мотив роковой губительной страсти добра молодца к красной девице, становящейся причиной его трагической гибели». У Колычёва «решимость овладеть ценою преступления любимой женщиной сменяется вспышками раскаяния, сострадания и жалости к обречённой царице» [16, с. 490]. Обида на обманувшую его Василису, ревность, гнев, проснувшееся оскорблённое самолюбие – всё это толкает его на убийство той, кого любил до самозабвения, и тем самым он обрекает и себя на гибель. В характере и судьбе Колычёва присутствует налёт мелодраматического героя.

Анна Васильчикова и Василиса Мелентьева – исторические персонажи, в наибольшей степени подвергшиеся в драме творческой трансформации. Прежде всего, Анна не могла называться царицей, как она представлена в пьесе, потому что, судя по историческим источникам, не была венча-

на с царём Иваном. Анна – страдающая героиня, она утратила привязанность царя, чувствует себя всеми покинутой, к тому же теряет близкого человека – князя Воротынского, который в своё время заменил ей отца. Она даже решается на неслыханный по тем временам поступок – является на заседание Думы, чтобы заступиться за ложно обвинённого в измене князя, и тем вызывает ещё больший гнев царя. Отчаявшись в своём будущем, Анна сознательно принимает из рук Андрея Колычёва, посланного Василисой, кубок с отравленным вином, несмотря на то, что Андрей предупреждает её об отраве. По существу, она кончает жизнь самоубийством от отчаяния и безысходности.

Анна и Василиса – антиподы, женские характеры, представляющие, с одной стороны, пассивный, жертвенный тип, а с другой, напротив, активный и даже агрессивный, и обе героини в драме Островского, каждая по-своему, с трагической судьбой, и каждая по-своему представляет исторические судьбы русской женщины в допетровской Руси.

Василиса Мелентьева – центральный персонаж драмы, не случайно именно её именем названа пьеса. Её характер, поведение и сама судьба целиком являются плодом творческого вымысла драматурга. Известно, что по первоначальному замыслу пьесы у С.А. Гедеонова главной героиней была Анна, которую пытается спасти влюблённый в неё Колычёв [11, с. 567]. В окончательном варианте пьесы у Островского Колычёв, напротив, при всей симпатии к Анне, с которой он был хорошо знаком с детства (оба воспитывались в доме князя М. Воротынского), оказывается её убийцей (впрочем, как и Василисы).

В некоторых исторических источниках, как и у Карамзина, Василиса названа по отчеству – Мелентьевной [11, с. 565], что свидетельствует о её простом, не аристократическом происхождении. В XVI веке (вплоть до XIX) фамилии на Руси получали только представители привилегированных сословий, прочие же именовались по отчеству, часто в усечённой форме, откуда впоследствии возникло большинство русских фамилий. У Островского Василиса имеет другое отчество – Игнатьевна, тем самым Мелентьева получила фамилию, что сразу повысило её статус, и в перечне действующих лиц она фигурирует как «вдова из терема царицы», то есть приближённая, в более позднем понимании придворная, а не просто прислужница.

Василиса – самый сложный в психологическом отношении персонаж драмы. Казалось бы, она достигла всего, о чём мечтала, – стала невенчанной женой царя, однако она не может быть спокойной, не забывает, на какое преступление ей пришлось пойти, чтобы добиться цели: она погубила не только Анну, но и беззаветно любящего её Колычёва. Из-за этого её преследуют видения и кошмары как отзвуки больной совести. Родиславский утверж-

дал, что «Василиса – характер, списанный с повествований современников о московских женщинах. Необразованная, чувственная, более тщеславная, чем властолюбивая... настоящая представительница своего пола в Москве того времени. Она – раба в душе, но раба, желающая иметь господином царя». Она «умнее» «московских боярынь», но «она злее их» [13, с. 812], она «коварная, жестокая, ловкая» [13, с. 813].

Необычный, небывалый в русской исторической драматургии характер Василисы напомнил современникам шекспировских героинь, особенно леди Макбет. Н.П. Кашин заметил несколько сценических и сюжетных переключек драмы Островского с Шекспировскими пьесами [6, с. 1–8], подчеркнув, что сам образ Василисы «создан Островским под воздействием» Шекспира [6, с. 7–8], очевидно, потому, что русские исторические источники не давали драматургу достаточного материала для создания подобного характера. По мнению исследователя, «трагедия Шекспира могла сыграть роль возбудителя» для русского драматурга [6, с. 9]. И это не противоречит мнению Родиславского о возможных исторических корнях образа Василисы – одно не мешает другому. М.М. Уманская заметила, что «можно говорить об открытой шекспировской манере письма Островского, о сходных приёмах психологического анализа», но характер героини обусловлен «исторической эпохой» [16, с. 497].

Сложность внутреннего мира и поведения основных персонажей придает драме «Василиса Мелентьева» трагедийный характер: «Всепоглощающее честолюбие Мелентьевой, порыв отчаяния Анны и её предсмертная тоска, страсть, владевшая всем существом Андрея Колычёва, его отчаяние, вызванное коварством Василисы, стремительный переход Грозного от любовного умиления к гневу и язвительному сарказму – все эти сильные движения человеческого духа отвечали представлению о “сильном драматизме”, основанном... не на внешних сценических эффектах, а на столкновении и развитии характеров» [16, с. 425]. На историко-бытовом материале Островский представил картину трагического масштаба, дающую глубокое представление о человеческих судьбах и особенно-стях быта Московской Руси XVI века.

Исследователи драмы «Василиса Мелентьева» нашли в ней нравственный урок, достойный глубоких человеческих принципов. Н.П. Кашин увидел смысл пьесы прежде всего в том, что «Василиса, достигающая положения царицы путём преступления, в конце концов терпит заслуженное наказание, выражающееся прежде всего в тяжёлых нравственных страданиях, а потом уже в смерти от руки обманутого ею Колычёва». В драме Островского та же идея, что у Пушкина в «Борисе Годунове»: «путём преступления невозможно достичь прочного счастья» [6, с. 32].

В заключение стоит упомянуть ещё одну, возможно, мифическую историю, проливающую некий, пусть воображаемый свет на судьбу Василисы Мелентьевой. Историк Р.Г. Скрынников обратил внимание, что в Вяземской писцово-книге XVI века имеются сведения о том, что в 1577 году Иван IV обручился с вдовой Василисой Мелентьевой, «юже муже ее опричник закла; зело урядна и красна, таковыя не бысть в девах, коих возяше на зрение царю» [14, с. 57]. Там же имеется запись о том, что в 1578/79 году некие Фёдор и Мария Мелентьевы получили земли в вотчину – не дети ли это Василисы Мелентьевой, награждённые царём в компенсацию за убитого отца? Сказано также, что впоследствии Мария Мелентьева вышла замуж за Гаврилу Григорьевича Пушкина – не за того ли предка поэта, который упоминается в «Борисе Годунове»? Так причудливо переплетаются человеческие судьбы, пусть даже на уровне легенды...

Библиографический список

1. *Анненков П.В.* О. «Минине» Островского и его критиках // *Русский Вестник*. – 1862. – Т. 41, № 9. – С. 397–412.
2. *Анненков П. В.* «Воевода» Островского // *Санкт-Петербургские ведомости*. – 1865. – № 107.
3. *Анненков П.В.* Новейшая историческая сцена. «Дмитрий Самозванец», драматическое представление Н.А. Чаева. «Смерть Иоанна Грозного», трагедия в пяти действиях в стихах, гр. А.К. Толстого // *Вестник Европы*. – 1866. – Т. 1, № 3. – Разд. V: *Историческая хроника*. – С. 66–83.
4. *Бочкарёв В.А.* А.Н. Островский и русская историческая драма // *Учёные записки Куйбышевского госпединститута им. В.В. Куйбышева*. – Куйбышев, 1955. – Вып. 13. – С. 97–105.
5. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. – СПб.: Кристалл, 2000. – Кн. 3, т. 9. – 252 с.
6. *Кашин Н.П.* Василиса Мелентьева. Её источники и оценка современной критикой // *Журнал Министерства народного просвещения*. – СПб., 1913. – № 11, отд. 3. – С. 1–60.
7. *Мей Л.А., Майков А.Н.* Драммы. – М.: Искусство, 1961. – 535 с.
8. *Михайловский Н.К.* Иван Грозный в русской литературе // *Михайловский Н.К. Сочинения*. – СПб., 1897. – Т. 6 – 1046 с.
9. *Невежин П. М.* Воспоминание об А.Н. Островском // *Ежегодник Императорских театров*. – СПб., 1910. – Вып. 6. – С. 1–23.
10. *Островский А.Н.* Письмо М.В. Васильевой-Островской // *Островский А.Н. Полн. собр. соч.:* в 16 т. – М.: ГИХЛ, 1953. – Т. 14. – 383 с.
11. *Островский А.Н.* Василиса Мелентьева // *Островский А.Н. Полн. собр. соч.:* в 12 т. – М.: Искусство, 1977. – Т. 7. – 605 с.
12. *Пушкин А.С.* О народной драме и драме «Марфа Посадница» // *Пушкин А.С. Мысли о литературе*. – М.: Современник, 1988. – С. 167–172.

13. Р. <Родиславский В.И.> Новая русская драма и старая сцена // Вестник Европы. – 1868. – № 2: Театральное обозрение. – С. 808–825.

14. Скрынников Р. Василиса Прекрасная – историческое лицо или легенда? // Наука и жизнь. – 1972. – № 9. – С. 57.

15. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. – М.: Соцэкгиз, 1960. – Кн. 3, т. 6. – 815 с.

16. Уманская М.М. «Василиса Мелентьева» и проблема историзма в драматургии Островского // Литературное наследство. – М.: Наука, 1974. – Т. 88, кн. 1: А.Н. Островский. Новые материалы и исследования. – С. 478–498.

References

1. Annenkov P.V. O. «Minine» Ostrovskogo i ego kritikah // Russkij Vestnik. – 1862. – Т. 41, № 9. – С. 397–412.

2. Annenkov P. V. «Voevoda» Ostrovskogo // Sankt-Peterburgskie vedomosti. – 1865. – № 107.

3. Annenkov P.V. Novejshaya istoricheskaya scena. «Dmitrij Samozvanec», dramatičeskoe predstavlenie N.A. Čhaeva. «Smert' Ioanna Groznogo», tragediya v pyati dejstviiyah v stihah, gr. A.K. Tolstogo // Vestnik Evropy. – 1866. – Т. 1, № 3. – Razd. V: Istoricheskaya hronika. – С. 66–83.

4. Bochkaryov V.A. A.N. Ostrovskij i russkaya istoricheskaya drama // Uchyonye zapiski Kujbyshevskogo gospedinstituta im. V.V. Kujbysheva. – Kujbyshev, 1955. – Вып. 13. – С. 97–105.

5. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo. – SPb.: Kristall, 2000. – Кн. 3, т. 9. – 252 с.

6. Kashin N.P. Vasilisa Melent'eva. Eyo istochniki

i ocenka sovremennoj kritikoj // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. – SPb., 1913. – № 11, otd. 3. – С. 1–60.

7. Mej L.A., Majkov A.N. Dramy. – М.: Iskusstvo, 1961. – 535 s.

8. Mihajlovskij N.K. Ivan Groznyj v russkoj literature // Mihajlovskij N.K. Sochineniya. – SPb., 1897. – Т. 6 – 1046 s.

9. Nevezhin P. M. Vospominanie ob A.N. Ostrovskom // Ezhegodnik Imperatorskikh teatrov. – SPb., 1910. – Вып. 6. – С. 1–23.

10. Ostrovskij A.N. Pis'mo M.V. Vasil'evoj-Ostrovskoj // Ostrovskij A.N. Poln. sobr. soch.: v 16 t. – М.: GIHL, 1953. – Т. 14. – 383 s.

11. Ostrovskij A.N. Vasilisa Melent'eva // Ostrovskij A.N. Poln. sobr. soch.: v 12 t. – М.: Iskusstvo, 1977. – Т. 7. – 605 s.

12. Pushkin A.S. O narodnoj drame i dreme «Marfa Posadnica» // Pushkin A.S. Mysli o literature. – М.: Sovremennik, 1988. – С. 167–172.

13. Р. <Родиславский В.И.> Novaya russkaya drama i staraya scena // Vestnik Evropy. – 1868. – № 2: Teatral'noe obozrenie. – С. 808–825.

14. Skrynnikov R. Vasilisa Prekrasnaya – istoricheskoe lico ili legenda? // Nauka i zhizn'. – 1972. – № 9. – С. 57.

15. Solov'yov S.M. Istoriya Rossii s drevnejshih vremyon. – М.: Socehkgiz, 1960. – Кн. 3, т. 6. – 815 s.

16. Umanskaya M.M. «Vasilisa Melent'eva» i problema istorizma v dramaturgii Ostrovskogo // Literaturnoe nasledstvo. – М.: Nauka, 1974. – Т. 88, кн. 1: А.Н. Островский. Novye materialy i issledovaniya. – С. 478–498.

Овчинина Ирина Алексеевна
доктор филологических наук, профессор
Ивановский государственный университет
ovchn@yandex.ru

Виноградов Андрей Александрович
кандидат филологических наук
Костромской государственный университет
avinon@kmtu.ru

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ А.Н. ОСТРОВСКОГО НАД ИСТОРИЧЕСКОЙ ХРОНИКОЙ О МИНИНЕ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ
исследовательского проекта № 16-04-00323

В статье подробно рассматривается история создания исторической пьесы А.Н. Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук», характер работы над произведением с обращением к черновому автографу, а также к письмам и воспоминаниям современников драматурга. Многочисленные наброски, исправления, пометы, сделанные Островским в рукописных источниках, наглядно показывают, что он тщательно продумывал композицию, неоднократно переписывал различные фрагменты, менял их расположение. Это сказывалось и на трактовке событий, и на характерах персонажей, претерпевающих в процессе создания драмы значительные изменения. Выявляются переключки с историческими материалами, из которых Островский почерпнул необходимые сведения. Раскрывается тяжёлая для Островского цензурная история. Несмотря на высокую оценку цензора, отметившего искренность патриотического чувства, которым проникнута пьеса, она была запрещена к постановке на сцене.

Ключевые слова: автограф, источники, персонажи, исправления, исторические факты, трактовка, цензура, публикация.

Историческая хроника А.Н. Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук», вызвавшая споры в критике, – явление особое в отечественной драматургии. В ней отразилось своеобразие жанрового мышления автора, его взгляд на русскую историю, на человека в историческом потоке, на национальный характер. Изучение самого процесса создания пьесы даёт возможность глубже понять личность драматурга. Справедливо наблюдение современного исследователя: «Посредством выстраивания структуры произведения осуществляется авторский замысел. В драматических произведениях авторское сознание проявляется сложнее и более опосредованно, чем в эпических и лирических» [14, с. 149].

В ходе подготовительной работы над хроникой Островский активно пользовался историческими документами о Смутном времени. В Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в архиве А.Н. Островского хранится рукопись, на которой рукой Островского сделана надпись: «Козьма Минин. Чин выборного всей землёю русской». Рукопись представляет собой выписки сведений из следующих источников: «Иное сказание о самозванцах», «Летопись о многих мятежах», «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией» (Т. II. СПб., 1841), «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук» (Т. II. СПб., 1836), а также «Новый летописец и при нём дополнения, и предисловие» М.А. Оболенского, «Важный хронограф особого состава (Из собрания кн. М.А. Оболенского)» И.Е. Забелина. Большую часть материалов занимают выписки из «Актов

исторических», относящиеся к 1608–1609 годам, что в значительной степени отразилось в воспоминаниях героев драмы о боевом прошлом.

Из событий, изложенных в документах периода 1611–1612 годов, драматург выбрал несколько ярких эпизодов (например, сбор пожертвований, выход ополчения из Нижнего Новгорода в Ярославль), а также имена действующих лиц: Григорий Лапша и Иван Кувшинников, Василий Семёнов, Васька Лыткин, Семейка Губанин.

Сама надпись на рукописи красноречиво говорит о том, что драматург придавал большое значение чину выборного. Позднее И.Е. Забелин, отдавая должное заслугам нижегородского старосты, напишет: «Быть выборным человеком в своём посаде, да ещё на должность начальника судебных дел – вещь немалая для любой личности; но стать выборным человеком от всей Земли на подвиг освобождения Отечества – это... весьма сложная связь жизненных земских отношений, для которых всё это дело... требовало последних жертв, последних сил, и потому призывало... к себе людей чистых во всех отношениях и смыслах, крепких, прямых душой и в высокой степени честных, не говоря о разных деловых способностях, какие были надобны уже непреложно» [4, с. 45]. Именно так и воспринимал Островский своего героя.

Из многослойного черного автографа (ЧА) видно, что наибольшую сложность вызвали первые три действия. Вначале I действие состояло из пяти явлений, но вскоре Островский существенно перерабатывает весь текст: разделяет 1-е явление на 1-е и 3-е, полностью переписывает 4-е явление, дописывает 2-е, 7-е, 9-е и 10-е явления. По ходу этой переработки менялись характеры отдельных

персонажей. Так, Лыткин из храброго нижегородца превращался в скупого и мелочного торговца (в дальнейшем все его патриотичные высказывания перешли к Пospelову), а речь Минина постепенно очищалась от излишних жалоб на жизнь. Несколько реплик главного героя были перенесены в последующие сцены: например, слова Минина о том, что нужно «знаменья просить у Бога» (4 явл., I д.), перешли в 3-е явление 2-й сцены II действия; а его уверение в том, что другие города поддержат восстание нижегородцев (4 явл., I д.), – в 7-е явление 1-й сцены III действия. Работа над усилением патриотических качеств у Минина продолжилась во II действии, изобилующем политическими монологами: «Не замолчу. На то мне дан язык...»; «Знать, им не жаль ни крови христианской...»; «И вправду. Нам теперь одна надежда...». Первоначально Пospelов в своих высказываниях избегал православной риторики; его реплика: «Мы не покидали...» (3 явл., 2 сц., II д.) – в ЧА делится между Кувшинниковым и Лапшой [10, л. 17]. Не вошли в окончательный текст слова Аксёнова: «Осиротела Русь! Ни [далее зачеркнуто: «патриарха»]) воеводы, / Печальника о нас, сиротах бедных, / Ни патриарха, ни царя. Как стадо / Без пастыря, мы бродим, злому волку – / Губителю добыча. / Бить волков!» Драматург ограничился ёмкой репликой: «Бедам конца не видно. Знать, Господь / Нам прегрешений наших не отпустит / И до конца нас хочет погубить» [10, л. 3].

Добиваясь предельной выразительности, ритмической и лексической точности, Островский тщательно подбирал каждое слово. Так, во II действии Минин расстроен тем обстоятельством, что воеводы ничего не предпринимают для оказания помощи Москве: «В бедах и в горе / Сердца окаменели. О себе / Печётся каждый, ближних забывая». На вопрос Марфы Борисовны: «Так что же делать нам, Кузьма Захарыч?» – Минин предлагает «самих себя сначала приготовить» [7, т. 6, с. 44]. Его страстный монолог, перебиваемый репликой Пospelова, в процессе работы претерпел значительные изменения. Он вместо зачёркнутого: «Призвать на помощь Бога» – пишет: «Молитвой и постом очистим души / И призовём на помощь Бога им». Зачеркнув: «И с Божьей помощью пойдём к народу / И всех святых Его», – продолжает: «Он даст нам разум, даст нам силу слова», – после чего пишет: «[зачеркнуто: «Он ниспошлет очам»] Сухим очам он даст источник слёз» [10, л. 18]. Смысл изменений очевиден: Минин, глубоко религиозный человек, надеющийся в таком великом деле, как освобождение страны, на помощь Бога, в то же время призывает сограждан, которым дан разум и сила слова, к активным действиям, что видно из монолога [10, л. 18, 18 об.]:

Тогда пойдём будить уснувших братьев
И Божьим словом зажигать сердца

[далее зачеркнуто: «Окаменелые в бедах и в горе»].
Себя забудь и дел своих не делай!
На улицу, [далее зачеркнуто: «торг и в храм»] на площадь, на базары,
Где есть народ, туда и ты иди!
<...>
Мы кликнем клич по дальним городам;
А по окольным разойдемся сами,
И будем ждать.

В окончательном тексте драматург развивает эту тему, подчёркивая в герое ораторские качества Минина-гражданина, Минина-патриота [7, т. 6, с. 44]:

Молись да жди, пока Господь сподобит
Тебя такую веру ощутить
В душе твоей, что ты не усумнишься
С горами речь вести и приказать
Горам сползти с широких оснований
И двинуться к тебе, и будешь верить,
Что двинутся; тогда покинь свой дом,
Себя забудь и дел своих не делай!
На улицу, на площадь, на базары,
Где есть народ, туда и ты иди!
Тогда пошлём по дальним городам;
А по окольным разойдёмся сами,
И наших уст смиренные глаголы
Польются в души...

Не случайно И.Е. Забелин, отвергая всякие домыслы, какие-либо попытки очернить имя Минина, пишет: «Авторитет Минина, как человека высокой честности, высоких патриотических добродетелей, утвердился не фантазиями наших современников, а правдивыми свидетельствами его современников, которые были в великом множестве распространены в хронографах... и не подвергались сомнениям» [4, с. 43]. По стремлению служить правде Минин напоминает историку вождя иудеев Зоровавеля, сумевшего привести в Иерусалим иудеев, возвращающихся из плена, и по умению собрать сограждан на борьбу за освобождение Руси от иноземцев – другого библейского персонажа, Гедеона.

Первоначально III действие не имело деления на сцены и начиналось с диалога между Биркиным и Павликом. Затем на отдельном листе был написан текст 1-го явления, то есть сцена между Павликом и Лыткиным, что обусловило изменение нумерации последующих явлений. 8-е явление, где Нефёд сообщает отцу о гонцах от «Троицы Живоначальной», в ЧА входило в состав 7-го явления и было выделено как отдельное явление только в белой рукописи. Не сразу сложились диалоги Марфы Борисовны с Пospelовым и с Татьяной Юрьевной (ЧА: 4 и 5 явл., III д.), а также Минина с Аксёновым (ЧА: 7 явл., III д.).

Как видно из подготовительных материалов к пьесе, Островский внимательно изучил статью Е.И. Забелина «Важный хронограф особого состава», из которой узнал о «Хронографе князя М.А. Оболенского», где говорится о решении отдать «третью деньгу» после обращения Минина

к нижегородцам: «И он рек: “За помощью Божию ополчимся мы войско Нижегородское противу сопостат; хотя мы и все неискусны тому делу, станем на торгах кликать вольных служилых людей. <...> ...Аз убогий с товарищами своими, а числом нас 100, 5 сот, а в зборе у нас денег 1700, а брали третью деньгу, у ково руб. взяли 10 алтын, а у ково 3 руб. и у того взяли рубль, а у кого 30 руб., у того 10 рублей; а у меня убогого было 300 рублей, и аз 100 рублей в зборные деньги принес: потому ж и вы сотворите”. И все вопиша: буди по глаголу твоему» [9, л. 6, 6 об.].

В пьесе о «третьей деньге» говорят сами горожане: «...так и быть: третью деньгу»; «Третью деньгу. – Что ж, мы не прочь! – Так тому и быть! – Что сказано, то свято!»; «Постой ты, погоди! От трёх денег – деньгу; от рубля – десять алтын, от трёх рублей – рубль»; «Ладно! Ладно! <...> С десяти рублёв выходит – три рубля да десять алтын. <...> С пятидесяти рублёв, – пятнадцать рублёв. – Не пятнадцать, а шестнадцать рублёв двадцать два алтына. – Ишь ты, счётчик! – Да уж ладно, ладно!» [7, т. 6, с. 59].

Островский создаёт коллективный образ народа, его характер, настроение, передаёт в драматургической форме развитие чувства патриотизма и национальной свободы.

IV действие в ЧА начиналось с подробного описания сцены народных волнений на нижегородской площади, впоследствии перенесённой во 2-ю сцену III действия. После реплики из народа: «Нет, пушай всё говорит!» – в рукописи значится: «Явление» 2-е». Разделение 1-го явления на 1-е и 2-е обусловило изменение нумерации последующих явлений: 3-е явление, где Роман Пахомов рассказывает о положении в Москве, стало 2-м, а 4-е, включающее разговор народа с воеводой, 3-м явлением. Текст этого действия также имеет множество правок, а весь диалог между Мининым и Биркиным (3 явл., II сц., III д.) вписан на полях.

На общий рисунок четвертого действия повлияла статья П.И. Мельникова «Нижний Новгород и нижегородцы в смутное время». Можно заметить в хронике лексические и смысловые совпадения со статьёй. Так, народ, собравшийся на площади в Кремле, взволнован известиями, поступающими из Москвы, из Троице-Сергиевой лавры: «Савва стал читать грамоту Дионисия и часто был прерываем рыданиями бывших в соборе и восклицаниями: “увы нам! гибнет Москва! гибнет государство!”» <...> В одной из толп возвысился голос Минина: “...гибнет государство московское, гибнет и вера православная”» [5, с. 23–24]. В «Минине»: «Экой плач! Эко рыдание во всём соборе!»; «Гибнет, говорит, всё наше государство! Гибнет вера православная!» [7, т. 6, с. 77].

Не сразу удалось обращение Минина к нижегородцам: «Друзья и братья! Русь святая гибнет! /

Друзья и братья! Православной вере, / В которой мы родились и крестились, / Конечная погибель предстоит. Святители, молитвенники наши...» [7, т. 6, с. 80]. Драматург ищет наиболее точные выражения, соответствующие ритмическому строю пьесы [10, л. 34 об.]:

[зачеркнуто: «Поможем»] Друзья и братья! Православной вере,
В которой мы родились и крестились,
[далее зачеркнуто: «Не предадим врагу на поруганье»]
Конечная погибель предстоит.
Святители, [далее зачеркнуто: «и богомольцы»] молитвенники наши...

Примечательно, что П.И. Мельников-Печерский в статье «Наши журналы» (Северная пчела. 1864. № 67. 10 марта. С. 265–267) пишет о недостатках пьесы, которые он видит в вялости действия, в преувеличении религиозного элемента, в искажении характера Минина и некоторых исторических деталей. Эти неточности Н.П. Кашин объясняет тем, что статья Мельникова «Несколько новых сведений о смутном времени, о Козьме Минине, князе Пожарском и патриархе Ермогене», в которой устранены неточности, содержащиеся в статье «Нижний Новгород и нижегородцы в смутное время», «осталась драматургу неизвестной» [5, с. 194–195].

Первоначально V действие в ЧА заканчивалось православным молебном и восклицанием Гриши: «Река бежит извивами... Москва!..» [10, л. 39 об.]. По мере того как автор определялся с финалом драмы, появилось новое (пятое) действие, то есть сцена выборов, что изменило порядок и нумерацию предыдущих действий: пятое действие стало четвертым, а четвертое вошло в состав третьего, разделённого, вероятно, по этой причине на две сцены. В тексте IV и V действий особых разночтений нет, но некоторые реплики сложились не сразу. Например, воспоминание Минина: «И ног не слышишь; и заря-то ярче» (4 явл., IV д.), его рассуждение: «Пльвёшь так весело...» (2 явл., V д.); рассказ Поспелова: «Выходишь от обедни, помоясь...» (4 явл., IV д.), его реплика: «Вот, перво-наперво...» (3 явл., V д.). Не исключено, что первоначально драма заканчивалась сценой выборов, то есть V действием. После ремарки: «Ты выборный от всей земли великой!» – в ЧА проведена горизонтальная черта и сделана запись: «Конец» [10, л. 45 об.]. Эпилог написан на отдельных листах; здесь под последней ремаркой также вписано: «Конец». В тексте эпилога наибольшей правке подверглись высказывания Аксёнова из первого явления: «Ну да, на Ярославль прямой дорогой...»; «Ну, нельзя же!..». Справа от реплики Пожарского: «Нижнегородцы! Мы за вас идём...» – имеется ссылка на исторический документ: «стр. 269. № 210. ААА. Т. II» [10, л. 48]. Н.П. Кашин отмечает: «...речь Пожарского в драматической хронике представляет

по существу простое, но, конечно, сокращённое переложение его речи, как она написана в актах. Прибавлено только обращение к нижегородцам с заявлением, что войска идут за них биться, жизни не жалея, да самая речь приняла форму обращения...» [6, с. 154–155]. Однако автографы свидетельствуют о творческом отношении драматурга к историческим документам, о том, что Островский не допускал их «простого» переложения.

Осенью 1861 г. Островский переписывает пьесу набело. На первом листе белого автографа (БА) имеется дата: «15 октября 1861 г.» [11, л. 1]. Вероятно, к этому времени относится воспоминание П.Д. Боборыкина: «Он работал тогда над своим “Мининым”, отделявал его начисто; но первая половина пьесы была уже совсем готова. Он сейчас же начал говорить мне о своём герое, как он его понимает, что он хотел в нём воспроизвести. <...> Минин – по его толкованию – простой человек, без всякого героического налёта, без всякой рисовки, тогдашний городской обыватель, с душой и практической сметкой. В его хронике нижегородский “говядарь” сбивается с этой бытовой почвы, и автор заставляет его произносить монологи в духе народнического либерализма» [2, с. 186]. 26 октября 1861 г. Островский пишет начальнику репертуарной части петербургских императорских театров П.С. Фёдорову: «...на днях я оканчиваю “Минина”, который мне стоит многолетних трудов и которого я мечтал видеть нынешней зимой на сцене» [7, т. 11, с. 137–138]. Работа над пьесой была закончена 9 декабря 1861 г., о чём свидетельствует дата на последнем листе рукописи. В процессе работы Островский окончательно определился с ходом драматического повествования (обозначены границы явлений во втором и третьем действиях) и характерами действующих лиц, что отразилось на перераспределении реплик между Мининым, Аксёновым и Пospelовым, между Тёмкиным и Губаниным. Отдельные явления подверглись сокращению, другие, напротив, были дополнены. Например, в конце II действия появилась песня девушек: «Юность, моя юность...», а в финале драмы символичное напутствие народа: «Прощайте, Божьи воины! – Помогите вам Господь! – Вы за нас страдальцы; а мы за вас богомольцы!» [7, т. 6, с. 111].

В первой половине декабря 1861 г. Островский читает драму в Москве в кругу близких людей, 24 декабря выступает с «Мининым» на творческом вечере у Н.А. Некрасова, а 16 января 1862 г. – на Литературном вечере в пользу литературного фонда в зале Бенардаки. В декабре 1861 г. драматург представляет пьесу в театральную цензуру, на Уваровский конкурс и в журнал «Современник». На титульном листе театральной писарской копии (ТПК) имеется запись: «13 июля 1863 г. № 472. По журналу Театрально-литературного комитета 13 июля 1863, одобрено к представлению. За пред-

седателя комитета, А. Краевский» [8, л. 1]. 7 октября 1863 г. пьеса вновь была на рассмотрении в комитете и снова получила высокую оценку цензора. В частности, И.А. Нордстрем утверждал: «Восстанием нижегородцев для очищения Русской земли от внешнего врага исключительно руководят религиозные чувства. <...> Пьеса исполнена искренних и высоких патриотических чувств» [12, л. 162]. Однако управляющим III Отделением генерал-майором А.Л. Потаповым пьеса к постановке на сцене была запрещена. Несмотря на позднюю дату в резолюциях, текст ТПК наиболее близок к БА, имеет поправки, которые отсутствуют и в централизованной писарской копии (ЦПК), и в экземпляре, переданном в «Современник». В начале XX века на титульном листе ТПК появилась ещё одна запись: «Сочинение А. Островского пересмотрено 31 августа 1904 г. чл^{ом} с^{овета} И.М. Литвиновым и разрешена с искл^{ючениями}». При этом в тексте ТПК красными чернилами зачёркнута лишь часть диалога между Лыткиным и Аксёновым (3 явл., I д.): «Теперь такое время, Пётр Аксёныч ~ И до конца нас хочет погубить» [8, л. 8].

Пьеса была представлена на Уваровский конкурс, о чём свидетельствуют записи на титульном листе ЦПК: «№ 1214. Декабря 30, 1861 года»; «Печать позволяется с тем, чтобы по отпечатаньи было представлено в Цензурный комитет узаконенное число экземпляров. Санкт-Петербург. Декабря 30 дня, 1861 года. Цензор В. Бекетов»; «Получено 30 декабря. VI Уваровский конкурс. № 6» [13, л. 1]. В 1862 г. премия литераторам не присуждалась, поскольку, как отмечалось в «Отчёте о пятом присуждении наград графа Уварова», ни в одной из пьес не было «того сочетания всех необходимых качеств драматических произведений, которое давало бы право признать её достойною Уваровской награды» [3, с. 2]. В рецензии П.В. Анненкова, посвящённой победителю шестого Уваровского конкурса, есть оговорка о том, что в «Минине» «драматический элемент был так слаб, что помешал многим отдать справедливость этому произведению, как поэтическому осуществлению народных понятий об истории» [1, с. 39].

Летом 1866 г. Островский вновь обращается к теме освобождения Москвы от польской оккупации, к событию, истоки которого были отражены в хронике «Козьма Захарьич Минин, Сухорук». Размышляя над ходом истории, драматург решает переработать прежний текст и добавить к нему несколько боевых сцен под Москвой. «В новом виде хроника обнимает всю деятельность Минина, – общал драматург в письме к актёру В.В. Самойлову, – и публика может видеть на деле, как совершилось спасение Руси. <...> Мы поставим настоящий памятник Минину, гораздо лучше того, который торчит верстой среди крапивы, вопреки здравому смыслу» [7, т. 11, с. 231]. И этот здравый смысл

очень точно определён И.Е. Забелиным в работе «Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время»: «В общих чертах “Смута” представляет явление весьма своеобразное. Это не революция, не перестановка старых порядков по-новому. Это только глубокое потрясение, великое шатание именно государства... в это время всесторонним банкротом оказался не народ, а само правительство, сама правящая и владеющая власть... между тем как народ-то именно обнаружил такое богатство нравственных сил и такую прочность своих исторических и гражданских (именно гражданских) устоев, какую в нём и предполагать было невозможно» [4, с. 1].

Библиографический список

1. Анненков П.В. «Грех да беда на кого не живёт», драма в четырёх действиях, соч. А. Островского // Отчёт о шестом присуждении наград графа Уварова. – СПб., 1863. – С. 32–39.
2. Боборыкин П.Д. «Островский на любительской сцене» // А.Н. Островский в воспоминаниях современников. – М., 1966. – С. 183–189.
3. Веселовский К.С. Отчёт о пятом присуждении наград графа Уварова, читанный в публичном заседании Императорской Академии Наук // Отчёт о пятом присуждении наград графа Уварова. – СПб., 1862. – С. 1–15.
4. Забелин И.Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. – М., 1896. – 313 с.
5. Мельников П. Нижний Новгород и нижегородцы в смутное время // Отечественные записки. – 1843. – Т. 29. – Отд. II: Науки и художества. – С. 1–31.
6. Кашин Н.П. Драматическая хроника «Кузьма Захарьич Минин, Сухорук» и её источники // Кашин Н.П. Этюды об А.Н. Островском. – М., 1912. – С. 153–203.
7. Островский А.Н. Полное собр. соч.: в 12 т. – М.: Искусство, 1973–1980.
8. ОР ГТБ. – Шифр: I. 6. 2. 47. – 44 л.
9. ОР ИРЛИ. – Ф. 218. – Оп. 1. – Ед. хр. 14. – 23 л.
10. ОР РГБ. – Ф. 216. – М. 3095. – Ед. хр. 1. – Л. 1–48.
11. ОР РГБ. – Ф. 216. – М. 3244. – Ед. хр. 1. – 10 л.
12. ОР РГИА. – Ф. 780. – Оп. 1. – № 40.
13. ОР СПбФ АРАН – Ф. 2. – Оп. 5 б. – Д. 16. – 64 л.
14. Тихомиров В.В. Структура драматического произведения (опыт прочтения драмы А.Н. Островского «Гроза») // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – № 2. – С. 149–153.

References

1. Annenkov P.V. «Grekh da beda na kogo ne zhiviyot», drama v chetyryoh dejstviyah, soch. A. Ostrovskogo // Otchyot o shestom prisuzhdenii nagrad grafa Uvarova. – SPb., 1863. – S. 32–39.
2. Boborykin P.D. «Ostrovskij na lyubitel'skoj scene» // A.N. Ostrovskij v vospominaniyah sovremennikov. – M., 1966. – S. 183–189.
3. Veselovskij K.S. Otchyot o pyatom prisuzhdenii nagrad grafa Uvarova, chitannyj v publichnom zasedanii Imperatorskoj Akademii Nauk // Otchyot o pyatom prisuzhdenii nagrad grafa Uvarova. – SPb., 1862. – S. 1–15.
4. Zabelin I.E. Minin i Pozharskij. Pryamyje i krivyje v Smutnoje vremya. – M., 1896. – 313 s.
5. Mel'nikov P. Nizhnij Novgorod i nizhegorodcy v smutnoje vremya // Otechestvennye zapiski. – 1843. – T. 29. – Otd. II: Nauki i hudozhestva. – S. 1–31.
6. Kashin N.P. Dramaticheskaya hronika «Kuz'ma Zahar'ich Minin, Suhoruk» i eyo istochniki // Kashin N.P. Ehtyudy ob A.N. Ostrovskom. – M., 1912. – S. 153–203.
7. Ostrovskij A.N. Polnoe sobr. soch.: v 12 t. – M.: Iskusstvo, 1973–1980.
8. OR GTB. – SHifr: I. 6. 2. 47. – 44 l.
9. OR IRLI. – F. 218. – Op. 1. – Ed. hr. 14. – 23 l.
10. OR RGB. – F. 216. – M. 3095. – Ed. hr. 1. – L. 1–48.
11. OR RGB. – F. 216. – M. 3244. – Ed. hr. 1. – 10 l.
12. OR RGIA. – F. 780. – Op. 1. – № 40.
13. OR SPbF ARAN – F. 2. – Op. 5 b. – D. 16. – 64 l.
14. Tihomirov V.V. Struktura dramaticheskogo proizvedeniya (opyt prochteniya dramy A.N. Ostrovskogo «Groza») // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. – 2014. – № 2. – S. 149–153.

ХАРАКТЕР ПРОЯВЛЕНИЯ И РОЛЬ АРХЕТИПА ТРИКСТЕРА В ИСПОВЕДАЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ПОДПОЛЬНОГО ГЕРОЯ ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ»

В настоящей статье выявляется роль мифологического архетипа трикстера в исповедальном слове героя повести «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского. Архетипический слой личности парадоксалиста создает вариативность в его исповедальном высказывании, раскалывая исповедь на два полюса. Первый полюс – провокация, игра на понижение, что подразумевает сознательную самоизоляцию героя. Второй – личностное восхождение, духовная «авантюра», предполагающая коренное преображение – через исповедание себя миру. В ходе исследования делается вывод: трикстерное в повести Достоевского раскрывается в стремлении подпольного героя пробиться к своему внутреннему человеку. Эта устремленность парадоксалиста разворачивается прежде всего в его исповедальных высказываниях, за внешней провокативностью которых таится, как исходный слой, стихийная, естественная жизнь души героя, выражающая коренную интуицию автора, сориентированную на «реализм в высшем смысле».

Ключевые слова: архетип, трикстер, Достоевский, подпольный человек, исповедь, подполье.

Проблема человеческой личности является центральной в творчестве Достоевского. Человек, каким он изображен в творчестве романиста, соткан из внутренних противоречий, мир человеческой души в произведениях писателя являет собой диалектическое противопоставление антиномий [2, с. 6]. Как отметил М.М. Бахтин, в творчестве Достоевского «...процесс формирования личности героя представлен в борении противоположенных сил в разрезе одного момента» [1, с. 36–44]. В этом «борении противоположенных сил», в переживании мира на грани космоса и хаоса находит своё выражение – по справедливому определению С.Г. Бочарова – «порождающая диалектическая модель» героя Достоевского.

Проявление такой модели в творчестве писателя впервые отметил А.П. Скафтымов: «За экраном сознания, за явственной стороной переживаний он (Достоевский. – Д. В.) заметил темную периферическую бахрому души. За внешней гармонией рационального и понятного он созерцал волны хаотических, бесформенных стихий и именно здесь открыл корни и семена реальной действительности. Его герой как бы не сам ведет свое поведение, а что-то в нем его влечет, борет и движет» [11, с. 186].

Объяснение подобным состояниям человека находим в высказываниях самого Достоевского. Так, на страницах «Дневника писателя» за 1873 год романист делает важное замечание: «О, повторяю, есть много охотников жить без всяких идей и без всякого высшего смысла жизни, жить просто животной жизнью; но есть, может быть, и чрезвычайно грубые и порочные натуры, а между тем природа их, может быть им самим неведомо, давно уже тоскует по высшим целям и значению жизни. Эти уж не успокоятся на любви к еде, на любви к кулебякам, к красивым рысакам, к разврату. Этакий застрелится именно с виду не из чего, а между тем непременно от тоски, хотя и бессознательной, по высшему смыслу жизни, не найденному им ни-

где» [6, т. 20, с. 35]. В контексте нашего рассмотрения места архетипа трикстера в творчестве Достоевского необходимо отметить, что в процитированном отрывке автор, предвосхищая исследования и открытия З. Фрейда и К.Г. Юнга, указывает на характер проявления и роль сферы бессознательного в поведении человека.

Вместе с тем перед писателем, заинтересовавшимся сферой бессознательного в психической деятельности человека, встает важная проблема – безусловная сложность познания и изображения «глубинных бессознательных чувств человека»¹.

По нашему убеждению, возникшую проблему Достоевский решает, обращаясь к мифологической традиции. В.Н. Топоров пишет, что романист в своем творчестве опирался на «...универсальные мифопоэтические схемы космологического содержания, описывающие решение некоей основной задачи (сверхзадачи). Необходимость решения этой задачи возникает в кризисной ситуации, когда организованному предсказуемому (“видимому”) космическому началу угрожает превращение в деструктивное (“невидимое”), хаотическое состояние» [15, с. 392]. С нашей точки зрения, важнейшую роль в реализации этих схем в произведениях Достоевского играют два фундаментальных архетипа – героя и антигероя.

Для нас важна мысль Е.М. Мелетинского, отметившего, что в мифе организованную систему Космоса олицетворяет культурный герой. Антагонист культурного героя – трикстер, типичными чертами которого являются «...любовь к коварным розыгрышам и злым выходкам, способность изменять облик» [9]. Исследователь, опираясь на труды К.Г. Юнга, также указывает, что культурный герой символизирует сознательную часть личности, а трикстер – бессознательную [8, с. 5].

Фигура трикстера, как известно, представляет собой первообраз, архетип, «общий знаменатель» всех плутовских созданий мировой литературы. Исследование разных аспектов архетипа трикстера представ-

лено, напомним, в работах К.Г. Юнга, К. Кереньи, К. Леви-Стросса, Е.М. Мелетинского и др.

К рассмотрению функциональных трансформаций архетипа трикстера в повести «Записки из подполья» ранее обращался Е.М. Мелетинский. Как он отметил, в этом произведении Достоевского «...древний образ трикстера обогащен, психологизирован, углублен и доведен до "подпольного человека"» [8, с. 86].

В аспекте мифологической проблематики и с учетом положений аналитической психологии подчеркнем, что противостояние сознательного и бессознательного подводят нас к ключевой формуле мифа: борьбе космоса и хаоса, перенесенной автором «Записок из подполья» вглубь человеческой души. Это во-первых.

Во-вторых, осмысление сфер сознательного и бессознательного у Достоевского неразрывно связано с представлением о целостности человеческой личности. Так, в Записной тетради за 1864 год романист пишет: «Мы воспринимаем природу целым, но бессознательно или малосознательно. (Вопрос: что мы знаем цельно?) Строго говоря: чем менее сознает человек, тем он полнее живет и чувствует жизнь» [6, т. 20, с. 196]. Эти размышления писателя помогают понять внутреннюю диалектику психики его подпольного героя: сквозь поверхность его сознания просвечивает архетипически первозданная, естественная, говоря словами С.Г. Бочарова, «неофициальная живая жизнь».

Цель нашей работы заключается в выявлении роли мифологического архетипа трикстера при воссоздании Достоевским бессознательных состояний героя повести «Записки из подполья».

Стихийное бессознательное образование души, «глубинное ядро личности» как «незавершимая, несовпадающая с собой личность» (М.М. Бахтин) раскрывается через исповедальное слово. В отличие от бытового высказывания, исповедь подразумевает духовное «заголение», открытие в себе сосуществование противоречивых импульсов, которые и являются «правдой о человеке» (С.Г. Бочаров). Исповедь подпольного человека – это бунт против «здорового» смысла, поскольку его исповедальное слово подразумевает, как отмечает А.Б. Криницын, «...написание того, что не пишут, произнесение того, что не говорят» [7, с. 125]. Этот бунт героя позволяет предполагать наличие «трикстерного» слоя в его исповедальных записках².

Исповедь человека из подполья в отличие от христианского таинства покаяния обращена не к Богу, а человеку – слушателю, читателю³. При этом к другому типу сознания герой относится враждебно и предполагаемого им же осуждения в свой адрес не принимает: «Уж не кажется ли вам, господа, что я теперь в чем-то перед вами раскаиваюсь, что я в чем-то у вас прощения прошу» [6, т. 5, с. 100]. Таким образом, в структуре повести представлена

формально-содержательная модель исповеди героя, ее мы назовем антиисповедью или, говоря словами М.М. Бахтина, «исповедью наизнанку».

В истории европейской культуры исповедь, имеющая такую модель, напоминает исповедь плута-трикстера в испанской пикареске, в которой профанируются традиционные жанры исповеди, жития святого, ораторская речь, церковная проповедь [10]. На основу сходства героя Достоевского и героя испанской пикарески впервые указал М.М. Бахтин. По мысли исследователя, обращение романиста в своем творчестве к характерным особенностям героя авантюрного действия связано с антропологическими открытиями: писатель «...ставит человека в исключительные положения <...> в целях испытания идеи и человека идеи, то есть "человека в человеке"». А это позволяет сочетать с авантюрой такие, казалось бы, чуждые ей жанры, как исповедь...» [1, с. 118].

Вместе с тем отметим: псевдоисповедальные признания плутов-трикстеров в испанской пикареске являются их сознательной провокацией, нацеленной на самовосхваление и самооправдание. В «Записках из подполья» этот провокативный вектор исповедальных записок героя представлен гораздо сложнее. Во-первых, антиисповедь подпольного героя с ее агрессивной позицией по отношению к другому человеку является сознательной формой самозащиты, парадоксалист умышленно избегает самораскрытия: я, признается он, «...до болезни боялся быть смешным» [6, т. 5, с. 126]. Во-вторых, сквозь «вызывающую откровенность» (М.М. Бахтин) героя просвечивают его стремление преодолеть свою отчужденность и отчаянная попытка сломать стену между собой и другими, «...обнявшись с людьми и со всем человечеством» [6, т. 5, с. 134]. Как справедливо пишет С.Ю. Ясенский, «Одиночество, душевное подполье героя выталкивает его навстречу "другому я", и Достоевский в локальной ситуации своего парадоксалиста явно потенцирует общий закон человеческого бытия: человеку нужен человек; внутренне диалогизированное сознание, интуитивно понимая, что ему грозит распад личности, стремится выйти из замкнутого круга» [18, с. 168–169]. Эта интуитивная попытка героя «выйти из замкнутого круга» требует более подробного рассмотрения.

Источник интуитивного знания, как отмечает современный психолог Н.А. Чащегорова, опираясь на труды К.Г. Юнга, «...находится в работе бессознательного, в наличии архетипов» [16]. Бессознательное – это потенциальность и незавершенность. Архетип трикстера как часть бессознательного эту незавершенность и представляет, создавая уже в качестве героя-трикстера, как заключает Д.А. Гаврилов вариативность поведения: «Трикстер работает на переходе от жесткой системы

к многовариантной, разрывая порочный круг мира, где все предопределено» [4, с. 17].

В «Записках из подполья» архетипический слой личности героя создает вариативность в исповедальном слове героя, раскалывая исповедь на два полюса. Первый полюс – провокация и презрение к установленному строю человеческих отношений, что подразумевает сознательную самоизоляцию героя («Я-то один, а они-то все»), поскольку в обществе, ориентированном на неизменность, стабильность и «здоровый смысл», личностное начало, как полагает парадоксалист, низводится к общеродовому по принципу зоологической классификации. Недаром герой вспоминает о своих бывших сослуживцах: «Они же все были тупы и один на другого похожи, как бараны в стаде» [6, т. 5, с. 125]. Второй полюс – личностное восхождение, духовная «авантюра», предполагающая «иное направление сознания»⁴ – через исповедание себя миру. Но поскольку герой боится быть осмеянным в духовной наготе своей искренности, то его интуитивное стремление к исповедальному самораскрытию ограничивается «юродским вывертом» (М.М. Бахтин). Исповедь, таким образом, движется по кругу, отрезая подпольного человека от духовного преображения. За этой несостоявшейся попыткой исповедального самоопределения парадоксалиста встает проблема онтологического и социального первоисточка трагизма подполья.

Причина этого трагизма объясняется следующими причинами. Во-первых, бессознательное устремление героя к исповедальному самораскрытию наталкивается на ограничивающий предел его сознания. Не случайно он сообщает о просящихся изнутри наружу «противоположных элементах», лежащих в основе его личности: «Я знал, что они всю жизнь во мне кишели и из меня вон наружу просились, но я их не пускал, не пускал, нарочно не пускал наружу» [6, т. 5, с. 100]. Становится очевидным, что глубинная стихийная сила, обусловленная трикстерным началом личности героя, стремящаяся проявиться в его слове, сплетается с бесконечной рефлексией парадоксалиста – невидимой преградой, не позволяющей герою пробиться к истинным потребностям собственной души. Отсюда чувство отчужденности подпольного человека от собственного «я», чем обусловлена невозможность исповедального самоопределения: «Я не только злым, но даже и ничем не сумел сделаться...» [6, т. 5, с. 100].

Во-вторых, причиной подполья, как писал сам Достоевский, является «уничтожении веры в общие правила. “Нет ничего святого”» [6, т. 16, с. 329–330]. Это пояснение романиста требует комментария. По мысли исследователей, под «уничтожением веры в общие правила» подразумевается религиозно-нравственный нигилизм героя, отсутствие у него высоких этических идеалов [5,

т. 5, с. 502]. Однако, как представляется, ситуация сложнее. Не ставя под сомнение саму мысль исследователей о нигилизме человека из подполья, предложим, тем не менее, свою точку зрения на само высказывание Достоевского, поскольку прочитываем его иначе.

В первую очередь, необходимо отчетливо обозначить, что следует понимать под «общими правилами». Мы полагаем, что они могут восприниматься как копилка ценного нравственного опыта общества. Но эти «правила» историчны, следовательно, во время крупного культурного сдвига, когда происходит переоценка ценностей, повсеместно принятые правила сворачиваются до застывших догм, теряя сущностное. Герой из подполья эти «общие правила», принявшие на момент его исторического существования форму повседневной рутины, воспринимает как тиранию заурядной псевдореальности: «...и принимай, нечего делать-то, потому дважды два – математика. Попробуйте возразить» [6, т. 5, с. 105].

Выход из круговорота ординарной действительности подпольный человек находит в крайностях парадокса и маргинальности, что предполагает выбор иной, узкой дороги. Как известно, персонаж трикстерной природы «...ищет свой единственный шанс на необщих путях, которые расцениваются коллективным сознанием как неправильные, неэффективные, заведомо плохие» [12, с. 59]. Этот узкий путь, безусловно, сопряжен с риском, поскольку требует принципиально новых, нестандартных решений, идущих зачастую вразрез с общепринятой, свернутой до стереотипов, логикой поведения.

В своем исповедальном самоанализе парадоксалист пытается выбиться на «необщий» путь, «...на другую дорогу, на риск, на авось» [6, т. 5, с. 110], стремясь самоосуществиться, «найти в человеке человека»: «Теперь же, когда я не только припоминаю, но даже решил записывать, теперь я именно хочу испытать: можно ли хоть с самим собой совершенно быть откровенным и не побояться всей правды?» [6, т. 5, с. 122]. И этот путь подпольного человека идет вопреки стандартным схемам и догмам. Не случайно в конце своих записок герой вспоминает: «...ведь я только доводил до крайности то, что вы не осмеливались доводить и до половины, да еще трусость свою принимали за благоразумие, и тем утешались, обманывая сами себя. Так что я, пожалуй, еще живее вас выхожу». [6, т. 5, с. 178]. Но сама причина выбора узкой дороги кроется, на наш взгляд, не в «отсутствии высоких этических идеалов». Герой отрицает формализованные «общие правила», не придает им никакой ценности только потому, что «знает» о существовании чего-то иного, находящегося по ту сторону привычной, эмпирически обусловленной действительности: «...что-то другое, совсем другое, которое я жажду, но которого никак не най-

ду» [6, т. 5, с. 121]. Эта жажда «совсем другого» является знанием не рассудочным, а проявлением *всей* «натуры человеческой», которая, как считает герой, «...действует вся целиком, всем, что в ней есть, сознательно и бессознательно» [6, т. 5, с. 115].

Теневая сторона личности героя разрушает ту форму, в которой он в своей внешней жизни застыл («обожал рутину во всем»), провоцируя его к принятию необычных, идущих изнутри поведенческих стратегий: «Порывы были истерические, со слезами и конвульсиями» [6, т. 5, с. 127]. Но поскольку у подпольного «...не было ничего, чтобы он мог тогда уважать в окружающем и к чему бы потянуло...», другими словами – не было духовной, национально-исторической опоры, то и путь его устремлен не вверх, а вниз: «...я вдруг погружался в темный, подземный, гадкий – не разврат, а развратишко» [6, т. 5, с. 127]. Необходимо отметить, что теневая, «неофициальная живая жизнь» героя выступает как инициатор духовного поиска, требуя от героя принятия решений. Поэтому оформление «порывов» в разврат есть результат личностно ответственного выбора парадоксалиста. Этот выбор связан с отрывом героя от «народной почвы и веры», что обуславливает незнание им высшей цели. Таким образом, подчеркнем: выбранная героем узкая, необычная дорога, идущая вопреки общепринятым нормам, является в то же время путем «петляний и заблуждений» (В.Е. Ветловская). Трагизм этого необщего пути заключается в том, что его «кривизна» закольцовывается, становится кругом.

Таким образом, трикстерное в повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» раскрывается в стремлении подпольного человека вернуться к самому себе. Эта устремленность героя разворачивается прежде всего в его исповедальных высказываниях, за внешней провокативностью которых таится, как исходный слой, стихийная, первозданная жизнь его души, выражающая коренную интуицию автора, сориентированную на «реализм в высшем смысле».

Примечания

¹ М.М. Бахтин пишет: «Особая трудность изучения глубинных бессознательных чувств человека: они боятся мысли и слова» [1, с. 374].

² Как пишет М.М. Бахтин, «Самоотчет-исповедь есть именно акт принципиального и актуального несоответствия с самим собою, чистого ценностного прехождения себя, изнутри себя самого чуждого оправданного конца». [1, с. 209]. Трикстерный тип поведения – это выход за пределы собственной завершенности, стремление стать «другим по отношению к себе самому» (М.М. Бахтин). В.Н. Топоров пишет: «Трикстер – персонаж с некой нарочитой установкой на то, что он может оказаться и иным». [14, с. 25].

³ О «литературности» исповеди подпольного человека пишут, например, Н.Ю. Честнова [17, 26 с.]; А.В. Скрипник [12, с. 27–33].

⁴ По мысли Л.С. Выготского, «иное направление сознания» – интуиция или неосознанное [3]

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Наука, 1979. – 424 с.
2. Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского. – М.: Эксмо, 2006. – 256 с.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://profilib.com/chtenie/102194/lev-vygotskiy-myshlenie-i-rech-59.php> (дата обращения: 02.06.2018).
4. Гаврилов Д.А. Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре. – М.: Социально-политическая мысль, 2006. – 253 с.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 35 т. Т. 5. – СПб.: Наука, 2016. – С. 393–609.
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.
7. Криницын А.Б. Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф.М. Достоевского. – М.: Макс Пресс, 2001. – 370 с.
8. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. – М.: РГГУ, 1994. – 142 с.
9. Мелетинский Е.М. Культурный герой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/myth/heilbringer.htm> (дата обращения: 02.06.2018).
10. Пискунова С. Исповеди и проповеди испанских плутов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://profilib.com/chtenie/131018/fransisko-de-kevedo-istoriya-zhizni-proydokhi-po-imeni-don-pablos-34.php> (дата обращения: 02.06.2018).
11. Скафтымов А.П. Поэтика художественного произведения. – М.: Высшая школа, 2007. – 535 с.
12. Скрипник А.В. «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского: жанровая характеристика и особенности сознания героя // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 368. – С. 27–33.
13. Топоров В.Н. Мировое древо: Универсальные знаковые комплексы. Т. 2. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – 450 с.
14. Топоров В.Н. Образ трикстера в енисейской традиции // Традиционные верования и быт народов Сибири XIX – начала XX вв.: сб. статей. – Новосибирск, 1987. – С. 23–30.
15. Топоров В.Н. Петербургский текст. – СПб.: Искусство – СПб, 2009. – 820 с.
16. Чацегорова Н.А. Интуиция как феномен бессознательного в творческом процессе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/intuitsiya-kak-fenomen-bessoznatelnogo-v-tvorcheskom-protsesse> (дата обращения: 02.06.2018).

17. Честнова Н.Ю. Исповедальность как принцип становления поэтики художественной прозы Ф.М. Достоевского (на материале повести «Записки из подполья» и романа «Подросток»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Н. Новгород, 2012. – 26 с.

18. Ясенкий С.Ю. Искусство психологического анализа в творчестве Ф.М. Достоевского и Л.Н. Андреева // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 11. – Л.: Наука, 1994. – С. 156–188.

References

1. Bahtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo. – М.: Nauka, 1979. – 424 s.

2. Berdyaev N.A. Mirosozercanie Dostoevskogo. – М.: ЕНksmo, 2006. – 256 s.

3. Vygotskij L.S. Myshlenie i rech' [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://profilib.com/chtenie/102194/lev-vygotskiy-myshlenie-i-rech-59.php> (data obrashcheniya: 02.06.2018).

4. Gavrilov D.A. Trikster. Licedej v evroaziatskom fol'klore. – М.: Social'no-politicheskaya mysl', 2006. – 253 s.

5. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij: v 35 t. T. 5. – SPb.: Nauka, 2016. – S. 393–609.

6. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. – L.: Nauka, 1972–1990.

7. Krinicyn A.B. Ispoved' podpol'nogo cheloveka. K antropologii F.M. Dostoevskogo. – М.: Maks Press, 2001. – 370 s.

8. Meletinskij E.M. O literaturnyh arhetipah. – М.: RGGU, 1994. – 142 s.

9. Meletinskij E.M. Kul'turnyj geroy [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://philologos.narod.ru/myth/heilbringer.htm> (data obrashcheniya: 02.06.2018).

10. Piskunova S. Ispovedi i propovedi ispanskih plutov [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://profilib.com/chtenie/131018/fransisko-de-kevedo-istoriya-zhizni-proydokhi-po-imeni-don-pablos-34.php> (data obrashcheniya: 02.06.2018).

11. Skaftymov A.P. Poetika hudozhestvennogo proizvedeniya. – М.: Vysshaya shkola, 2007. – 535 s.

12. Skripnik A.V. «Zapiski iz podpol'ya» F.M. Dostoevskogo: zhanrovaya harakteristika i osobennosti soznaniya geroya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 368. – S. 27–33.

13. Toporov V.N. Mirovoe drevo: Universal'nye znakovye komplekсы. T. 2. – М.: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2010. – 450 s.

14. Toporov V.N. Obraz trikстера v enisejskoj tradicii // Tradicionnye verovaniya i byt narodov Sibiri XIX – nachala XX vv.: sb. statej. – Novosibirsk, 1987. – S. 23–30.

15. Toporov V.N. Peterburgskij tekst. – SPb.: Iskusstvo – SPB, 2009. – 820 s.

16. CHashchegorova N.A. Intuiciya kak fenomen bessoznatel'nogo v tvorcheskom processe [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/intuitsiya-kak-fenomen-bessoznatelnogo-v-tvorcheskom-protsesse> (data obrashcheniya: 02.06.2018).

17. CHestnova N.YU. Ispovedal'nost' kak princip stanovleniya poetiki hudozhestvennoj prozy F.M. Dostoevskogo (na materiale povesti «Zapiski iz podpol'ya» i romana «Podrostok»): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – N. Novgorod, 2012. – 26 s.

18. YAsenkij S.YU. Iskusstvo psihologicheskogo analiza v tvorchestve F.M. Dostoevskogo i L.N. Andreeva // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 11. – Л.: Наука, 1994. – С. 156–188.

ОБРАЗЫ И МОТИВЫ КОМЕДИИ ДЕЛЬ АРТЕ В ПОЭТИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ А. БЛОКА (1900-е годы)

В статье рассматриваются особенности интерпретации образов и мотивов дель арте в лирике Блока 1900-х годов. Характеризуются пути освоения лидером русского символизма элементов поэтики итальянской комедии. Прослеживается сложность и многозначность его диалога с традицией дель арте, представляющей разноплановый феномен. Доказывается, что Блок активно переосмысливал образы и мотивы итальянской народной комедии.

В статье делается вывод о том, что блоковские произведения, в которых используются образы и мотивы дель арте, оказали большое влияние на развитие русской живописи (К. Сомов, А. Бенуа), литературы (А. Белый, М. Кузмин, А. Ахматова) и театра (обновление эстетики В.Э. Мейерхольда). Подчеркивается, что Мейерхольд переводил образы и мотивы дель арте из плоскости содержания в плоскость формы. Поэтому Блок отрицательно относился к общему направлению его исканий, тяготеющих к зрелищно-игровому типу театра.

Ключевые слова: А. Блок, поэзия, осмысление, образы, мотивы, комедия дель арте, русский символизм, ирония.

Как известно, реакция русских символистов на двойственность, трагический разлад окружающей действительности породила такую общую черту их художественного мышления, как ирония. Не случайно А. Блок назвал иронию «болезнью века», от которой не в силах избавиться и он сам (статья «Ирония»): «И все мы, современные поэты, – у очага страшной заразы. Все мы пронизаны провокаторской иронией Гейне, тою безмерной влюблённостью, которая для нас самих искажает лики наших икон, чернит сияющие ризы наших святых» [5, т. 8, с. 89]. В его творчестве ироническое мирозерцание вызвало к жизни, в частности, сквозную тему «маски» [10]. Эта тема в определённом смысле конкретизируется, когда в художественном мире Блока начинают действовать персонажи итальянской комедии дель арте (Коломбина, Арлекин, Пьеро, Паяц).

Исследователи признают, что именно автор драмы «Балаганчик» одним из первых в России актуализировал в 1900-е годы традицию итальянской народной комедии [2, с. 32–55; 10]. Причём Блок не просто механически наследовал образы и мотивы дель арте, но активно их переосмысливал. Сложность и многозначность диалога поэта-символиста с традицией итальянской народной комедии, которая, в свою очередь, представляет весьма разноплановый и изменчивый феномен, ещё не вполне раскрыта исследователями. В данной статье мы рассмотрим особенности интерпретации образов и мотивов дель арте в блоковской лирике 1900-х годов, охарактеризуем пути освоения лидером русского символизма элементов поэтики итальянской комедии.

Думается, нельзя принять версию В. Альфонсова о том, что корни блоковского интереса к образам и мотивам дель арте связаны с влиянием на поэта живописи К. Сомова и А. Бенуа [1, с. 18]. Ведь тема итальянской народной комедии в творчестве Сомова впервые возникает в 1907 году (гуашь «Арлекин и смерть») и начинает активно разрабатываться

в 1910-е годы («Пьеро и дама» (1910), «Арлекин и дама» (1912), «Смерть в костюме Арлекина» (фронтиспис для сборника, посвящённого памяти Сапунова (1912)), «Итальянская комедия» (1914), «Язычок Коломбины» (1913–1915) [1, с. 18], в то время как у Блока она вызревает намного раньше. Первым симптомом, обнаруживающим истоки интереса поэта к традиции дель арте, можно считать его запись в дневнике 1901 года: «Были среди нас Пьеро, а есть и матросы и китайские мыслишки, а руки у нас набиты женскими безделушками» [6, т. 7, с. 20].

Также нет оснований полагать, что, обращаясь в поэзии к образам и мотивам дель арте, Блок оглядывался на А. Бенуа. Дело в том, что картины Бенуа «Итальянская комедия. Любовная записка» (1905) и «Итальянская комедия. Нескромный Полишинель» (1906) были созданы во Франции и экспонировались впервые на выставке Интернационального общества акварелистов, организованной в 1906 году в Париже, так что говорить о влиянии их на Блока, в поэзии которого элементы поэтики дель арте появляются уже в 1902 году, просто не приходится. К тому же творческая задача, решаемая Бенуа, была однозначна: воссоздать «самый дух итальянской комедии» [22, с. 70], безо всяких метафорических намёков и философских проекций на современность. Разумеется, этого нельзя сказать о Блоке.

Как справедливо подчёркивают авторы комментариев к полному собранию сочинений Блока, персонажи и сюжеты дель арте «были знакомы поэту с раннего детства, так как в 1880–1890 годах они занимали большое место в репертуаре петербургских театров-балаганов» [9, с. 543]. Вероятно, к образам и мотивам итальянской народной комедии Блока в определённом смысле подтолкнул П. Верлен, в лирике которого присутствуют мотивы «балаганного представления» [17, с. 224]. Немалую роль сыграл здесь и «прекрасно двоящийся» в восприятии Блока В. Соловьёв [6, т. 8, с. 127],

который своим загадочным «хохотом» превращал «святыню муз» в «шумящий балаган» [16]. А философское углубление темы произошло, видимо, благодаря вмешательству Шекспира [21, с. 7]. Соединение этих перекрещивающихся влияний с непосредственным ощущением противоречивости происходящего и приводит к тому, что в 1902 году очередной «приступ иронии», отразившийся в поэзии, выливается у Блока в использование в лирике образов и мотивов дель арте.

В письме к А.В. Гиппиусу от 28 августа 1902 года поэт пишет: «Должен сказать Вам, что с некоторых пор у меня нравственно открыт рот от удивления на многие события, касающиеся лично меня. Всё это столь “тонко”, что даже во многих местах “рвётся”. Заплатки мало помогают, во всяком случае получается арлекинада, шутовской балахон» [6, т. 8, с. 44]. К письму поэт прилагает «стихотворные иллюстрации» [6, т. 8, с. 44]. Это же стихотворение 14 сентября 1902 года Блок посылает З.Н. Гиппиус. В письме к ней поэт указывает, что в данном произведении нашла отражение «жестокая арлекинада», с помощью которой он «разрежает» сгущённую молниеносную атмосферу» [6, т. 8, с. 46]: «Свет в окошке шатался // В полумраке – один – // У подъезда шептался // С темной арлекин» [5, т. 1, с. 117].

Двусмысленность мира, открывающаяся «расколотой душе», передаётся в этом блоковском стихотворении символикой двусоставного цветового колорита: «Был окутанный мглой // Бело-красный наряд» [5, т. 1, с. 117]. Белый цвет как воплощение высокой мистической тайны («полноты бытия») [8, с. 201] дисгармонически сочетается здесь с красным цветом, символизирующим демоническое начало («пламенно-красное зарево адского огня») [8, с. 201]. Возможность подобного соединения контрастных цветообразов заложена в специфической многоплановости, «многострунности», символизма как метода, о которой А. Белый размышлял в письме к Блоку от 10 июня 1903 года [7, с. 53] и которую последний вполне осознавал. Истоки образа блоковского «арлекина», очевидно, восходят к ранней версии дель арте XVI века. Об этом говорит костюм героя стихотворения, отсылающий к сочетанию белого и красного, в отличие от наряда, состоящего из цветных ромбиков, имеющего более позднее происхождение [17, с. 51–54]. Демонический код красного цвета, присутствующего в наряде «арлекина» Блока, вполне соответствует элементам inferнальной семантики, генетически заложенным в образе этого персонажа дель арте и подчеркнутым такой деталью его одежды, как «красный берет с бубенцами» (он специфичен для периода именно XVI века) [17, с. 51–54].

В этом стихотворении уже содержится завязка конфликта будущей драмы Блока «Балаганчик». В частности, для пьесы непосредственно пред-

сказана пара инфантильных влюблённых, погружённых в фальшивые мистические переживания, знаком которых оказывается «деревянный меч», постоянный гротескно-комический атрибут персонажей дель арте: «Он – мечом деревянным // Начертал письмена. // Восхищённая странным, // Потуплялась Она» [5, т. 1, с. 117]. Авторы комментариев к полному собранию сочинений Блока относят эту строчку к характеристике «арлекина» и подчёркивают, что в данном контексте он наделён чертами Пьеро [9, с. 543]. Такая трактовка представляется нам сомнительной. Полагаем, что в блоковском стихотворении хохочущий «арлекин», не верящий «восхищенью» и разоблачающий «разноцветную ложь», как раз и выступает антиподом этой восторженной пары [5, т. 1, с. 117].

Нагнетание трагизма в развитии образов и мотивов дель арте мы можем наблюдать в блоковском стихотворении «Явился он на стройном бале...» (1902), где действительность осмыслена как чудовищное «театральное» действо. Творческий шаг к драме «Балаганчик» здесь виден в отчётливом определении сущностных черт её будущих персонажей, заимствованных из итальянской народной комедии и в главном сохраняющих свои сценические характеристики. Это – «звонящий Арлекин», преследующий «бледную Коломбину»; по-детски чистый и наивный, дрожащий, «обманутый», одинокий в пёстрой толпе Пьеро [5, т. 1, с. 126].

В стихотворении «Я был весь в пёстрых лоскутках...» (1903) уже происходит лирическое вживание Блока в образ актёра, играющего арлекина и исповедально обнажающего двойственную суть своей «театральной» роли. Герой-лицедей заставляет одних «бессмысленно» смеяться, а других – испытывать боль [5, т. 1, с. 153]. Здесь поэт подчёркивает амбивалентность сценического облика арлекина. С одной стороны, этот облик внешне сохраняет традиционную устойчивость, отсылающую к дель арте XVI века: арлекин «хохочет и кривляется», наряд его непременно «белый, красный». Но с другой стороны, в блоковском произведении стихия весёлого смеха, свободной импровизации, характерная для ранней итальянской комедии, уступает место трагическому надрыву («в безобразной маске»), почти детской беззащитности и трогательности лирического субъекта, поражающего искренностью и подлинностью высокого страдания: «Развёртывал длинные сказанья // Бессвязно, и долго, и звонко – // О стариках, и о странах без названья, // И о девушке с глазами ребёнка» [5, т. 1, с. 153]. Поэт усиливает и доводит до апогея лирико-патетическое начало, образующее ещё один смысловой пласт дель арте, в большей степени проявившийся уже после XVI века.

«Балаганное» восприятие мира у Блока не только снижает и иронически перелицовывает

все события высокой мистической любви в настоящем, но и бросает тень на воспоминания о былых «романтических» отношениях (с К.М. Садовской) (стихотворение «Сердито волновались нивы...») (1903): «Она смутила сон мой странный – // Пусть приютит её другой: // Надутый, глупый и румяный // Паяц в одежде голубой» [5, т. 4, с. 41]. Как известно, «голубой» – ключевой цветовой символ немецких романтиков, означающий вечное стремление к прекрасному и недостижимому идеалу («голубой цветок» Новалиса). У Блока он иронически переосмысливается в «балаганном» контексте – сквозь призму одного из самых смешных и сниженных образов дель арте: «голубое» – только «одежда» паяца, воплощающего собой самодовольство и недалёкость.

К 1903 году «балаганное» мироощущение Блока накапливает достаточное количество энергии художественных антиномий для того, чтобы участвовать в формировании системы двойничества в творчестве поэта. Абсолютно прав Д.Е. Максимов, утверждающий, что в некоторых «балаганных» стихах Блока уже проявил себя «один из вариантов двойничества» [12, с. 215]. Так, раздвоение лирического героя, раздираемого внутренними противоречиями, интерпретировано «балаганно», с привлечением образов дель арте в стихотворении «Двойник» (1903). Там через развитие иносказательного сюжета в ироническом ключе создаётся парный образ «юного» и «старого» «Арлекинов», исполняющих свои роли, предписанные законами представления дель арте: «Двое – мы тащимся вдоль по базару // Оба в звенящем наряде шутов. // Эй, полюбуйте на глупую пару, // Слушайте звон удалых бубенцов!» [5, т. 1, с. 158]. Блоковские герои поневоле неразлучны, неразделимы и в то же время антагонистичны друг другу: «В смертном весельи – мы два Арлекина – // Юный и старый – сплелись обнялись!» [5, т. 1, с. 158]. «Старый Арлекин» воплощает нигилизм и скепсис, всепроникающую иронию, «испепеляющую» высокие идеалы: «...он тупо глумится над вами...» [5, т. 1, с. 158]. «Юный Арлекин» олицетворяет романтическое поклонение Вечной женственности («голубому окну Коломбины»), он нежен и доверчив, открыт миру. По сути, в этом стихотворении Блок инвертирует смыслы, устойчиво связанные с разграничением мужских персонажей дель арте, и превращает «юного Арлекина» в Пьеро. Примечательно, что в финале произведения звучит трогательное и пронзительное обращение к людям «юного Арлекина», а на самом деле потаённого Пьеро, чистого душой, искренне и восторженно поклоняющегося своей Коломбине, верящего в мистическую природу любви: «Та, что в окне – розовой навечерий, // Та, что вверху, – ослепительней дня! // Там Коломбина! О, люди! О, Звери! // Будьте, как дети. Поймите меня» [5, т. 1, с. 158].

Важно, что связь образов и мотивов дель арте с феноменом двойничества осознаётся самим Блоком. Это видно, например, из письма Блока к Е.П. Иванову от 28 июня 1904 года. В нём он пишет: «Мы – в бунте, мы много пачкались в крови. Я испачкан кровью. Раздвоение, особенно» [6, т. 8, с. 108]. А «для характеристики пережитого» приложено стихотворение, образы и мотивы которого оказываются лирическими отголосками мира комедии дель арте: «В час, когда пьянеют нарциссы, // И театр в закатном огне, // В полутьме последней кулисы // Кто-то ходит вздыхать обо мне // Арлекин, забывший о роли? // Ты, моя тихоокая лань?» [5, т. 1, с. 177]. В нём двойники лирического героя также имеют «театрально-балаганное» обличье: «паяц», кривляющийся и звенящий «у блестящей рампы», – и жалеющий его «нежный друг с голубым туманом», вздыхающий «в тени последней кулисы» [5, т. 1, с. 177]. По справедливому мнению З.Г. Минц, двойничество у Блока, как и у символистов в целом, будучи результатом «поликультурных влияний», своим появлением обязано прежде всего воздействию эстетической системы Достоевского [15]. Несомненно, именно с художественным миром Достоевского генетически связан образ «бездны-паука», сопровождающей появление паяца: «Это – бездна смотрит сквозь лампы – // Ненасытно-жадный паук» [5, т. 1, с. 177].

Новую веху в освоении Блоком образов и мотивов дель арте ставит стихотворение «Ты оденешь меня в серебро...» (1904): «Ты оденешь меня в серебро, // И когда я умру, // Выйдет месяц – небесный Пьеро, // Встанет красный паяц на юру» [5, т. 2, с. 39]. В нём обнаруживается, что законы всё разрушающего и обесценивающего балаганного шутовства действуют не только в человеческих отношениях, но и масштабах всей вселенной, где и месяцу-то отведена роль «небесного Пьеро». В цветовой символике произведения сохраняется антитеза, устойчивая в блоковской интерпретации элементов поэтики итальянской комедии: белое (одежда «месяца-Пьеро») – красное («красный паяц»). Здесь линия дель арте полемически переосмыслена поэтом и вплетена в картину некоей зловещей потусторонности, «страшного мира», рождённого жесточайшей самоиронией. Интонация этого произведения окрашена надрывом и отчаянием. По сути, развёртывание в стихотворении символического сюжета-сновидения приводит к созданию метафоры духовной смерти лирического субъекта, вызванной глумлением над собственным мистическим идеалом: «В этот яростный сон наяву // Опрокинул я мёртвым лицом // И паяц испугает сову, // Загремев под горой бубенцом...» [5, т. 2, с. 39]. Тут же предвосхищается сценическая интонация монологов растерявшегося, обиженного Пьеро, идущая от традиции дель арте и сохранённая в блоковской пьесе «Балаганчик»: «Только

спросит подругу – зачем // Я когда-то её полюбил» [5, т. 2, с. 39].

Обращение Блока к мотивам дель арте происходит и в стихотворении «Балаганчик» (1905), ставшем последним поэтическим «трамплином» для создания одноимённой драмы. В нём поэт находит тот удивительный сплав трагического и комического, который и определит смысловую тональность будущей пьесы. Кстати, из стихотворения в драму целиком переходит эпизод, где паяц «истекает клюквенным соком». Гротесковое звучание происходящего действия подчёркнуто условностью театрального реквизита, специфичного для дель арте: «На голове моей – картонный шлем! // А в руке – деревянный меч!» [5, т. 2, с. 58].

Действие персонажей дель арте в поэзии, а затем в пьесе формирует в творчестве Блока так называемую «балаганную коллизию», идейно-художественный смысл которой определяется её глубоко ироническим, автопародийным назначением [14]. И тут следует сказать, что преломление пародии в образах и мотивах дель арте весьма закономерно. Оно не только подчёркивает фальшивость, наигранность, которые обнаружились, с точки зрения поэта, в его собственных «высоких» мистических переживаниях, связанных с мифом о «Прекрасной Даме», но и метит в жизнетворческие установки его коллег-символистов, взявших в качестве эталона модель тех же самых «переживаний», высмеивает их «театрализацию» реальности. Иронический подход Блока к «театрализации» жизни, которая, по его мнению, характерна для «венца антитезы» символизма, вполне отчётливо выражен в его программной статье «О современном состоянии русского символизма» (1910). В ней жизнетворчество модернистов названо поэтом «балаганом» и «анатомическим театром» [5, т. 8, с. 127].

Знаменательно, что Блок имел очень определённое представление о роли в его творчестве образов и мотивов дель арте, раскрывающих тему «балагана». Его слова, высказанные в письме к В.Э. Мейерхольду от 22 декабря 1906 года (перед постановкой «Балаганчика»), вполне справедливы как по отношению к пьесе, так и по отношению к стихам, в совокупности составляющим единый художественный комплекс, цикл: «Всякий балаган, в том числе и мой, стремится стать тараном, пробить брешь в мертвечине...» [т. 8, с. 169–170]. Аналогичная мысль – о «балагане» как «пробуждающем от спячки... ударе бича» [6, т. 8, с. 267] – выражена в стихотворении «Балаган» (1906): «Ташитесь, траурные клячи! // Актёры, правьте ремесло, // Чтобы от истины ходячей // Всем стало больно и светло» [5, т. 2, с. 88]. В конечном счёте и «полинялый балаган» оказывается экстраполяцией рефлексии лирического «я», что подчёркнуто местоимением «мой». Причём он населён именно персонажами дель арте. Однако в данном поэти-

ческом контексте они лишены комических черт, но предстают трепетными носителями высокой трагедии. Их облик Блоком одинаково просветлён: «Лицо дневное Арлекина // Ещё бледней, чем лик Пьеро, // И в угол прячет Коломбина // Лохмотья, сшитые пёстро...» [5, т. 2, с. 88].

Влияние, которое оказали на развитие всего русского искусства блоковские произведения, освоившие образы и мотивы дель арте, трудно переоценить. Эстафету переосмысления традиции итальянской народной комедии приняли от Блока многие его современники (в поэзии – А. Белый, М. Кузмин, А. Ахматова; в живописи – К. Сомов, А. Бенуа). Слово получив второе рождение в поэзии и драме Блока, персонажи комедии дель арте буквально врываются на русскую сцену. В.Э. Мейерхольд ставит пантомимы «Шарф Коломбины», «Арлекин – ходатай свадеб», А.Я. Таиров – «Покрывало Пьеретты». Интерес к дель арте у этих режиссёров ведёт к обновлению их эстетики. В частности, Мейерхольд приходит к выводу, что воскрешение традиций дель арте поможет воссоздать «балаганы русского народа» [12, с. 182], которые и определяют пути развития театрального искусства. Усилия Мейерхольда и его сподвижников не пропадают бесследно: увлечение комедией дель арте в театральной среде распространяется очень широко. «Commedia dell'arte стала для актёров тем, чем Иерусалим для евреев», – говорит об этом увлечении один из его очевидцев [20, с. 60].

Как известно, Блок, будучи невольным виновником «взрыва», происходящего в эстетике Мейерхольда, не одобрял ни его уклона в сторону комедии дель арте, ни проистекающего отсюда общего направления его исканий, тяготеющих к зрелищно-игровому типу театра («балагана»). Это объясняется рядом причин. Во-первых, обращение к образам и мотивам комедии дель арте в произведениях 1900-х годов было у Блока диалектическим моментом развития, лишь отрезком «пути». Причём к тому времени, когда Мейерхольд объявил дель арте своей целью, Блоком этот отрезок «пути» был уже пройден. Оттого творческие устремления Мейерхольда не могли вызвать сочувствия у Блока. Он отмечал в своих записных книжках: «Балаган, перенесённый на Мариинскую сцену, есть одичание, варварство (не творчество)» [4, с. 214]. Во-вторых, осваивая элементы поэтики дель арте, в «балаганном» цикле Блок ставил для себя задачу, аналогичную той, которую решал К.С. Станиславский, «на театре поборовший театр, театральность самого реального быта и реальных отношений» [3, с. 497]. Мейерхольд же, идя от Блока, ставил всё с ног на голову: он переводил образы и мотивы дель арте из плоскости философских обобщений, из плоскости содержания – преимущественно в плоскость формы. Отчасти поэтому Блок так яростно отталкивался от «правды Мейерхольда»

и так упорно тянулся к «правде Станиславского» [6, т. 7, с. 187].

Нужно сказать, что всеобщее увлечение дель арте в искусстве неизбежно дало и особое ответвление – моду, которая держалась вплоть до 1930-х годов. Блок вкладывал в свои произведения «балаганного цикла» всю боль души и в результате заново открывал для современников образы комедии дель арте: Пьеро, Арлекина, Коломбину, Паяца – в неожиданном амплуа участников мистической трагикомедии. Конечно же, он не мог предвидеть, что они со временем превратятся в «навязчивых персонажей», затевающих беззаботную игру на обложках легкомысленных журналов и в литературно-артистическом кабаре «Бродячая собака» [19, с. 238].

Библиографический список

1. *Альфонсов В.* Слова и краски: очерки из истории творческих связей поэтов и художников. – М.; Л.: Советский писатель, 1966. – 243 с.
2. *Ахмади А.* Традиции комедии дель арте в русской литературе 1900–1930 годов: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2013. – 217 с.
3. *Берковский Н.Я.* Романтизм в Германии. – Л.: Художественная литература, 1973. – 567 с.
4. *Блок А.* Записные книжки. – М.: Художественная литература, 1965. – 663 с.
5. *Блок А.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 1–8. – М.: Наука, 1997–2010.
6. *Блок А.* Собр. соч.: в 8 т. – М.; Л.: ГИХЛ, 1960–1963.
7. *Белый А. и Блок А.* Переписка. 1903–1919. – М.: Прогресс-Плеяда, 2001. – 608 с.
8. *Белый А.* Священные цвета // Белый А. Символизм как миропонимание / сост., вступ. ст. и прим. Л.А. Сугай. – М.: Республика, 1994. – С. 201–209.
9. Комментарии / Быстров В.Н., Гречишкин С.С., Грякалова Н.Ю. и др. // Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. – М.: Наука, 1997. – Т. 1: Стихотворения. Кн. 1. – С. 385–641.
10. *Коптелова Н.Г.* Тема «маски» в поэзии А. Блока // Творчество писателя и литературный процесс: жанрово-стилевые проблемы: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. П.В. Куприяновский. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1987. – С. 124–135.
11. *Лебедева О.Б.* Традиции commedia dell' arte в лирике и драме Александра Блока («Стихи о Прекрасной Даме» – «Балаганчик» – «Снежная маска») // Имагология и компаративистика. – 2014. – № 1. – С. 145–164.
12. *Максимов Д.Е.* А. Блок. «Двойник» // Поэтический строй русской лирики. – Л.: Наука, 1973. – С. 211–235.
13. *Мейерхольд В.Э.* Статья, письма, речи, беседы: в 2 ч. – М.: Искусство, 1968. – Ч. 1: 1891–1917. – 350 с.

14. *Миц З.Г.* «Антитеза» Прекрасной Даме // Декоративное искусство. – 1978. – № 2. – С. 38–39.

15. *Миц З.Г.* Блок и Достоевский // Миц З.Г. Александр Блок и русские писатели. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – С. 86–112.

16. *Миц З.Г.* К генезису комического у Блока (В. Соловьёв и А. Блок) // Миц З.Г. Александр Блок и русские писатели. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – С. 389–443.

17. *Молодцова М.М.* Комедия дель арте: История и современная судьба. – Л.: ЛГИТМИК, 1990. – 218 с.

18. *Обломиевский Д.* Французский символизм. – М.: Наука, 1973. – 303 с.

19. *Парнис А.Е., Тименчик Р.Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия. – Л.: Наука, 1985. – С. 161–257.

20. *Редько А.Е.* Театр и эволюция театральных форм. – М.: М. и С. Сабашниковы, 1926. – 132 с.

21. *Сапогов В.А.* «Снежная маска» А. Блока // Учен. зап. МГПИ. – М.: МГПИ, 1966. – Вып. 255. – С. 5–23.

22. *Эткинд М.* Александр Николаевич Бенуа. – Л.; М.: Искусство, 1965. – 215 с.

References

1. Al'fonsov V. Slova i kraski: ocherki iz istorii tvorcheskih svyazej poehtov i hudozhnikov. – М.; Л.: Sovetskij pisatel', 1966. – 243 s.
2. Ahmadi A. Tradicii komedii del' arte v russkoj literature 1900–1930 godov: dis. ... kand. filol. nauk. – Tomsk, 2013. – 217 s.
3. Berkovskij N.YA. Romantizm v Germanii. – L.: Hudozhestvennaya literatura, 1973. – 567 s.
4. Blok A. Zapisnye knizhki. – М.: Hudozhestvennaya literatura, 1965. – 663 s.
5. Blok A.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. T. 1–8. – М.: Nauka, 1997–2010.
6. Blok A. Sobr. soch.: v 8 t. – М.; Л.: GIHL, 1960–1963.
7. Belyj A. i Blok A. Perepiska. 1903–1919. – М.: Progress-Pleyada, 2001. – 608 s.
8. Belyj A. Svyashchennye cveta // Belyj A. Simvolizm kak miroponimanie / sost., vstup. st. i prim. L.A. Sugaj. – М.: Respublika, 1994. – S. 201–209.
9. Kommentarii / Bystrov V.N., Grechishkin S.S., Gryakalova N.YU. i dr. // Blok A.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. – М.: Nauka, 1997. – T. 1: Stihotvoreniya. Kn. 1. – S. 385–641.
10. Koptelova N.G. Tema «maski» v poehzii A. Bloka // Tvorchestvo pisatelya i literaturnyj process: zhanrovo-stilevye problemy: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov / отв. red. P.V. Kupriyanovskij. – Ivanovo: Ivanovskij gos. un-t, 1987. – S. 124–135.
11. Lebedeva O.B. Tradicii commedia dell' arte v lirike i drame Aleksandra Bloka («Stihi o Prekrasnoj Dame» – «Balaganchik» – «Snezhnaya maska») // Imagologiya i komparativistika. – 2014. – № 1. – S. 145–164.

12. Maksimov D.E. A. Blok. «Dvojniki» // Poeticheskiy stroj russkoj liriki. – L.: Nauka, 1973. – S. 211–235.
13. Mejerhol'd V.E.H. Stat'ya, pis'ma, rechi, besedy: v 2 ch. – M.: Iskusstvo, 1968. – CH. 1: 1891–1917. – 350 s.
14. Minc Z.G. «Antiteza» Prekrasnoj Dame // Dekorativnoe iskusstvo. – 1978. – № 2. – S. 38–39.
15. Minc Z.G. Blok i Dostoevskij // Minc Z.G. Aleksandr Blok i russkie pisateli. – SPb.: Iskusstvo-SPB, 2000. – S. 86–112.
16. Minc Z.G. K genezisu komicheskogo u Bloka (V. Solov'yov i A. Blok) // Minc Z.G. Aleksandr Blok i russkie pisateli. – SPb.: Iskusstvo-SPB, 2000. – S. 389–443.
17. Molodcova M.M. Komediya del' arte: Istoriya i sovremennaya sud'ba. – L.: LGITMIK, 1990. – 218 s.
18. Oblomievskij D. Francuzskij simbolizm. – M.: Nauka, 1973. – 303 s.
19. Parnis A.E., Timenchik R.D. Programmy «Brodyachej sobaki» // Pamyatniki kul'tury: Novye otkrytiya. – L.: Nauka, 1985. – S. 161–257.
20. Red'ko A.E. Teatr i ehvoljuciya teatral'nyh form. – M.: M. i S. Sabashnikovy, 1926. – 132 s.
21. Sapogov V.A. «Snezhnaya maska» A. Bloka // Uchyon. zap. MGPI. – M.: MGPI, 1966. – Vyp. 255. – S. 5–23.
22. EHtkind M. Aleksandr Nikolaevich Benua. – L.; M.: Iskusstvo, 1965. – 215 s.

СЕМАНТИКА ОБРАЗА ЗВЕЗДЫ В СБОРНИКЕ Г.В. ИВАНОВА «РОЗЫ»
И ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

В статье рассматриваются варианты семантики образа звезды, воплощённые в сборнике Иванова «Розы», в соотношении с поэтической традицией. Доказывается, что с образом звезды для лирического субъекта Иванова ассоциируется понятие счастья, которое воспринимается как слияние с некими высшими началами. Такое толкование образа звезды восходит к поэтическому опыту Лермонтова. Отмечается, что трансформация образа звезды в сборнике «Розы» маркирована мотивом «падения». В этом случае очевидна апелляция Иванова к традиции Фета. В статье показывается, что символ звезды связан и с философскими размышлениями поэта о прошлом и настоящем. Такой подход к истолкованию образа звезды близок поэтической системе Байрона и Тютчева. Для обогащения семантики архетипа звезды Иванов ориентируется на традицию использования оценочных и цветковых эпитетов, сформировавшихся в лирике Блока, Мандельштама, Набокова. Именно этот механизм творческой преемственности обеспечивает эволюцию образа звезды в сборнике «Розы».

Ключевые слова: Г.В. Иванов, «Розы», семантика, образ звезды, лирический герой, цветовая символика, поэтическая традиция, Лермонтов, Фет, Тютчев, Блок, Мандельштам, Набоков, Байрон.

Сборник «Розы» – первый поэтический сборник, изданный Г.В. Ивановым в эмиграции в 1931 году. По мнению Ю. Терапиано, эта книга стала «безусловно лучшей не только в эмигрантской, но и в русской поэзии тридцатых годов» [18, с. 161]. Образно-мотивная система ивановского сборника «Розы» ещё не исследована детально, хотя некоторые её особенности были охарактеризованы в работах (М.Ю. Гапенковой, Е.Р. Варакиной, Т.С. Соколовой, Т.Ю. Хмельницкой). Литературоведы отмечают, что одним из стержневых символов в названном сборнике является образ звезды [18, с. 160]. Однако до сих пор исследователями ещё не раскрыто вполне смысловое наполнение этого образа в контексте «Роз», как не прослежен и его художественный генезис. В нашей статье мы попытаемся выявить варианты семантики образа звезды, воплощённые в первом эмигрантском сборнике Иванова, в соотношении с поэтической традицией.

Топос звезды в сборнике Иванова «Розы» является одним из частотных. Из 41 стихотворения книги образ звезды встречается в 14 произведениях; всего лексема «звезда» используется поэтом 22 раза; эпитет «звёздный» (луч, свет) – 2 раза. Символ звезды в русской литературе XIX–XX вв. восходит к библейским сюжетам (Вифлеемская звезда). Он продолжает развиваться и переосмысливаться в творчестве Е.А. Баратынского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова [4], Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, В.В. Маяковского, С.А. Есенина, И.Ф. Анненского, И.В. Северянина, К.Д. Бальмонта [8], О.Э. Мандельштама [15]. Иванов также дополняет ряд перечисленных авторов.

Уже в первом стихотворении сборника Иванова «Розы» «Над закатами и розами...» мир воспринимается лирическим героем в двух измерениях: внутреннем и внешнем. Причём через призму своего внутреннего мира герой видит и красоту реального, внешнего мира. Потрясение от красоты пере-

даётся в стихотворении романтическими по своей природе образами [19, с. 23]: «закаты», «розы», «торжественные звёзды». Эти символы указывают на то, что само понятие счастья связано для лирического субъекта с неким мистическим слиянием с высшими, космическими началами: «Над закатами и розами – // Остальное всё равно – // Над торжественными звёздами // Наше счастье зажжено» [7, с. 255].

Однако счастье для лирического героя Иванова сопряжено с драматическими чувствами и переживаниями, что подчёркивается в тексте за счёт глаголов: «мучить или мучиться», «ревновать и забывать». Здесь слышна явная переключка с традицией Лермонтова. В стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» [9, с. 222–223] поэт-романтик противопоставляет божественную красоту мира дисгармонии, захватившей душу героя, страдающего от утраты смысла бытия; своё одиночество в мире людей – единству мира природы. Образ звёзд, имеющих возможность вести беседу друг с другом, передаёт тоску Лермонтова по духовному единению с близким человеком. Точно отмечает М.Н. Эпштейн: «Всё слитно в мироздании: звезда говорит со звездой, даже пустыня “внемлет Богу” – лишь один человек не находит ответа на мучительные вопросы о смысле своего существования: “Жду ль чего? жалею ли о чём?”» [19, с. 119].

Г.Е. Горланов верно подчёркивает, что образ звезды в лирике Лермонтова участвует в создании своеобразного «космического пейзажа, в центре которого земное существо с человеческим мироощущением» [4, с. 56–57]. Герой стихотворения Иванова так же, как и герой Лермонтова, постигает феномен двоимирия. Он тоже открывает для себя как мир земной («розы»), так и мир небесный («закаты», «звёзды»). Он уверен, что счастье неотделимо от страдания. В этом заключён Божий промысел. Главный философский вывод стихотворения Иванова выражается в тексте жёстко и кате-

горично: через отрицательную конструкцию с глаголом «не бывать»: «Счастье нам от Бога данное, // Счастье наше долгожданное, // И другому не бывать» [7, с. 255].

Уже первые строки ивановского стихотворения «Перед тем, как умереть...» передают настроение предельного отчаяния, овладевшее героем: «Перед тем, как умереть, // Надо же глаза закрыть. // Перед тем, как замолчать, // Надо же поговорить» [7, с. 261]. Здесь меняется и многопланово усложняется семантика образа звёзд: звёзды превращаются в «падающие». С одной стороны, они преображают мир, меняя ритм времени, торопя приход пронзающей душу весны: «Звёзды разбивают лёд. // Призраки встанут со дна – // Слишком быстро настанет // Слишком нежная весна» [7, с. 261]. С другой стороны, падающие звёзды у Иванова способны разбудить души мёртвых, потревожить их покой («Призраки встанут со дна»). Они становятся предвестниками духовной смерти лирического героя, который лишается дара словесного самовыражения: «И касаясь торжества, // Превращаясь в торжество, // Рассыпаются слова // И не значат ничего» [7, с. 261]. В данном поэтическом контексте слово «торжество» становится многозначным, приобретая дополнительную, негативную смысловую окраску: лексема намекает на торжество «мирового уродства», столь болезненно ощущаемое Ивановым.

Обращаясь к образу падающей звезды, Иванов по-своему переключается со стихотворением А.А. Фета «Звёзды»: «Искра к искре бороздою // Пронесётся иногда, // Но уж знай, ей жить недолго: // То – падучая звезда» [17]. «Падучая звезда» и у Фета, и у Иванова «проживает» яркую, но короткую жизнь – она обречена на смерть. При этом у Фета звезда, тем не менее, становится символом смелости, любви к жизни. У Иванова падающие звёзды тоже обладают преображающей мир энергией, «разбивают лёд», ускоряют приход весны, но при этом они предвещают духовную смерть творца, поэта, лишая найденные им слова смысла: «Рассыпаются слова // И не значат ничего» [7, с. 261].

В стихотворении Иванова «Как в Грецию Байрон, о, без сожаленья...» также появляется образ звезды:

Как в Грецию Байрон, о, без сожаленья,
Сквозь звёзды и розы, и тьму,
На голос бессмысленно-сладкого пенья...
– И ты не поможешь ему.

Сквозь звёзды, которые сняты влюблённым,
И небо, где нет ничего,
В холодную полночь – платком надушенным.
– И ты не удержишь его.

На голос бессмысленно-сладкого пенья,
Как Байрон за бледным огнём,
Сквозь полночь и розы, о, без сожаленья...
– И ты позабудешь о нём [7, с. 266].

Топос звезды в данном стихотворении становится в образный ряд, характеризующий романтическую картину мира, которую лирический герой постигает вслед за Д. Байроном. Подобно Лермонтову, субъект процитированного произведения Иванова соотносит свою судьбу с духовно-творческими устремлениями выдающегося английского романтика. Образно-мотивная система этого стихотворения реминисцирует со стихотворением Байрона «Неспящих солнце! Грустная звезда!...» (в переводе А.К. Толстого) [12, с. 493].

В восприятии лирического героя Иванова сливаются воедино розы, тьма, поющий голос, небо, полночь. Но оксюморон «бессмысленно-сладкое пенье», использованный поэтом-эмигрантом, становится ключом к пониманию нового смыслового наполнения образа звезды. Теперь звезда перестаёт быть «путеводной». Проводником героя становится голос, зовущий его за собой и завораживающий рационально непостижимой тайной. Эпитет «холодный» становится устойчивым и переходит из стихотворения в стихотворение, формируя один из ключевых лейтмотивов сборника «Розы». Параллелизм синтаксических конструкций – «И ты не поможешь ему», «И ты не удержишь его», «И ты позабудешь о нём» – ещё больше усиливает трагическое настроение стихотворения, создаёт впечатление безысходности. На первый взгляд, есть и небо, есть и звёзды на нём, но через отрицательное словосочетание «нет ничего» создаётся ощущение непреодолимого холода и пустоты окружающего мира. Симптоматично, что в стихотворении Байрона, с которым Иванов ведёт диалог, звезда тоже «холодна» [12, с. 493].

Образы звёзд фигурируют и в стихотворении Иванова «Это только синий ладан...»: «Это только синий ладан, // Это только сон во сне, // Звёзды над пустынным садом, // Розы на твоём окне» [7, с. 267]. Символ звёзд становится частью описания ночного весеннего сада, который наталкивает героя на глубокие размышления о трагической судьбе человека. В сборнике «Отплытие на остров Цитеру» образ звёзд продолжает развиваться. В стихотворении «Только звёзды. Только синий воздух...» Иванов уже создаёт зимний пейзаж («за полярным кругом»), на фоне которого изображена смерть двух «верных», «неразлучных» друзей. По логике лирического сюжета этого ивановского стихотворения души умерших перевоплощаются в звёзды, являющиеся знаками вечности (строка вновь повторяется): «Тише, тише. Не дыши. // Это только звёзды над пустынным садом, // Только синий свет твоей души» [7, с. 305]. У Ф.И. Тютчева в стихотворении «Осенней поздней порой...», центром которого становится описание осеннего царкосельского сада, топоним звезды ассоциируется с мимолётным воспоминанием о прошлом: «И сад темнеет, как дуброва, // И при звёздах из тьмы ноч-

ной, // Как отблеск славного былого, // Выходит купол золотой...» [16, с. 211]. Так, у Иванова и у Тютчева образ звезды помогает дополнить образ сада, который, в свою очередь, наталкивает лирического героя на размышления о своей судьбе, о счастье-вом или трагическом прошлом.

В следующем стихотворении сборника «Розы» «В сумраке счастья неверного...» возникает уже образ «лёгкой звезды»: «Лёгкие тучи растаяли, // Лёгкая встала звезда. // Лёгкие лодки отчалили // В синюю даль навсегда» [7, с. 268]. Т.С. Соколова так трактует данную строфу стиха: «...такие художественные знаки, как “лодки”, “звезда”, “тучи” (“облака”) входят в семантический ряд смерти, формируют топос небытия в лирике Иванова» [14, с. 238]. Действительно, анафористический эпитет «лёгкий» – воздушный, невесомый, эфирный – объединяет эти три образа, намекающих на переход лирического героя в иной мир. Словосочетание «лёгкая звезда» у Иванова связывается с семантикой смерти.

В стихотворении «В комнате твоей...» образ звезды у Иванова маркируется цветовым эпитетом «белая»: «В комнате твоей // Слышен шум ветвей, // И глядит туда // Белая звезда. // Плачет соловей // За твоим окном, // И светло, как днём, // В комнате твоей» [7, с. 269]. Белый цвет имеет разные традиции толкования. Так Е.М. Гуделева отмечает, что «в церковной символике белый цвет – символ Божественного, нетварного света. В нём переливаются все цвета радуги. В Откровении св. Иоанна Богослова ангелы и святые облачены в белые ризы Божественного света; Церковь – “жена агнца” – в таких же светлых одеждах. В иконописи белый цвет обозначает сияние вечной жизни и чистоты в противоположность чёрному цвету ада, духовной тьмы (чёрный одновременно символизирует траур, отречение от мирской суеты и богатства (монашество))» [5, с. 46]. В творчестве русских символистов семантика белого цвета близка православной трактовке: это – «символ воплощённой полноты бытия», знак высокой мистической тайны, слияние всех цветов в единый божественный цвет [1].

В стихотворении Иванова «В комнате твоей...» «белая звезда» становится и частью ночного весеннего пейзажа, и вестницей из иных миров, заставляющей лирического героя задуматься над тайной мироздания, тайной жизни и смерти, которую не дано разгадать человеку: «Только тишина. // Только синий лёд. // И навеки дна // Не достанет лот. // Самый зоркий глаз не увидит дна, // Самый чуткий слух // Не услышит час – // Где летит судьба, // Тишина, весна // Одного из двух, // Одного из нас [7, с. 269]. Такая интерпретация белого цвета у Иванова в определённой мере согласуется с православной и символистской колористической традицией (напоминание об инобытии «белой звезды»).

Интересно, что у В.Я. Брюсова в стихотворении «Восход луны» также присутствует образ «белых

звёзд»: «Белых звёзд прозрачное дыханье; // Синебархатного неба тишь; // Ожиданье и обереганье // Лунного очарованья, лишь // Первое струящего мерцанье // Там, где блещет серебром камыш» [3, с. 281]. Причём звёзды в брюсовском стихотворении уподобляются живым существам, что в тексте передаётся олицетворяющей метафорой «дышат непрерывно». Белым цветом у Брюсова окрашены не только звёзды, но и облако («облак – дивно-бел»), аллея («в белизне»). Концентрация белого помогает передать восхищение лирического героя красотой и гармоничностью ночного пейзажа, выражает светлые чувства, переполняющие его душу. У Брюсова белый цвет используется в чисто живописной функции, участвует в создании картины ночи, выполненной в импрессионистическом ключе. В стихотворении же Иванова «В комнате твоей...» созерцание белой звезды, носительницы сакрального знания, оказывается импульсом, подталкивающим лирического героя к философской рефлексии, к осознанию непостижимости сроков собственного земного бытия.

В стихотворении Иванова «Начало небо меняться...» в структуру образа звезды включается эпитет «розоватый»:

Начало небо меняться,
Медленно месяц проплыл,
Словно быстрее подняться
У него не было сил.

И розоватые звёзды,
На розовой дали,
Сквозь холодеющий воздух
Ярче блеснуть не могли.

И погасить их не смела,
И не могла им помочь,
Только тревожно шумела
Чёрными ветками ночь [7, с. 272].

Цветосимвол «розовый» является в сборнике «Розы» сквозным. В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой зафиксировано несколько значений слова «розовый»: «1. Соотносящийся по знач. с сущ.: роза, связанный с ним. 2. перен. Такой, который заключает в себе только радостное, приятное; ничем не омрачённый. 3. Приготовленный из лепестков роз. 4. Имеющий цвет бледно-красной розы; светло-алый» [6]. Смысловое наполнение образа «розоватые звёзды» в этом стихотворении соотносится с заголовком ивановского сборника, восходящего к поэтике русского романтизма. Звёзды имеют не определённый, розовый, цвет, а производный от него, близкий к нему – розоватый. «Розоватые звёзды» у Иванова ассоциируются с «недовоплощённой» красотой и гармонией природы, с некой незавершённой космической картиной мира. Не только звёзды, но и дали имеют этот цвет (лексема «розоватый» употребляется Ивановым в стихотворении дважды). Тем самым создаётся ощущение безмерности границ «розоватого» гори-

зонта. Но опять через проекцию авторского видения звёзды предстают перед читателем блёклыми, они не светят в полную силу (лексема «сквозь» указывает на невидимое препятствие, находящееся на пути света звёзд). И даже ночь, символизирующая в ивановском стихотворении стихийное, активное начало, «не смеет» вмешаться в судьбу «розоватых звёзд»: «И погасить их не смела, // И не могла им помочь» [7, с. 272].

В 1920 году Владимир Набоков написал стихотворение «Каштаны», в котором, опережая Иванова, использовал топоним «розовые звёзды»: «...и тени изумрудные слоистой // листвы и грозди розовые звёзд // в воде отражены» [13, с. 121]. Красота весеннего вечера характеризуется поэтом через образы «цветущих каштанов», «реки», «ветерка», «розовых звёзд». Она сравнивается с храмом, а сам лирический герой становится «юродивым», ждущим чуда. Семантика внешне близких образов: «розовых звёзд» у Набокова и «розоватых звезд» у Иванова – всё-таки различна. У Набокова «грозди розовые звёзд» вызывают у лирического героя восторг и воспринимаются как апофеоз гармонии, разлитой в природе. У Иванова же «розоватые звёзды» сигнализируют о некоей непреодолимой статике мира, об истощении энергии вселенной.

В стихотворении Иванова «Когда-нибудь и где-нибудь...» образ звезды вновь меняет своё цветовое наполнение: от белого, розоватого к зелёному: «Летит зелёная звезда // Сквозь тишину. // Летит зелёная звезда, // Как ласточка к окну – // В счастливый дом» [7, с. 273]. Е.М. Гуделева указывает, что «в древности жёлтый и зелёный цвета различались нечётко, смешивались. Когда-то был один корень: *зел-ёный, жёл-тый*. Он обозначал жёлто-зелёный или золотисто-жёлтый цвета и был связан с растениями, весенним возрождением природы, но также указывал на связь с нижним миром мёртвых. Зелёный цвет был еще и цветом колдовства (отсюда родственные корни *зел-ёный – зелье*)» [5, с. 45]. В православном мировосприятии «сочетание голубого и жёлтого цветов, знаменующих Духа Святого и Бога Сына, порождают зелёный цвет. Поэтому земная, природная зелень воспринимается религиозным чувством как символ жизни и весны, в ней скрыто живоносное начало» [5, с. 47]. «Зелёная звезда» у Иванова, как и в традиции христианской колористики, является спасительной для лирического героя. Образ звезды трансформируется в образ ласточки, предвестницы весны и новой жизни. «Зелёная звезда» в этом стихотворении Иванова несёт в себе жизнеутверждающее начало.

Символ зелёной звезды встречается также в стихотворениях А.А. Блока и О.Э. Мандельштама. У Блока этот образ беспредельно многозначен. Это – и символ человеческой умиротворённой жизни («Свирель запела на мосту...»), и образ возлюбленной, таинственной незнакомки («Мой милый,

будь смелым...»). В целом семантика образа зелёной звезды у Иванова восходит к поэтическому опыту Блока: она создаёт атмосферу божественного мироздания, символизирует жизнь.

Интерпретация образа зелёной звезды у Мандельштама («На страшной высоте блуждающий огонь...»), наоборот, контрастна толкованию образа зелёной звезды в ивановском стихотворении «Когда-нибудь и где-нибудь...». «Летящая» зелёная звезда в произведении Мандельштама становится приметой гибели, несёт только разрушения («Твой брат, Петрополь, умирает»; «воск бессмертья тает»). Лирический герой сомневается в её спасительной силе: «На страшной высоте блуждающий огонь, // Но разве так звезда мерцает?» [10, с. 121]. У Иванова же – звезда превращается в живую «ласточку», одаривающую счастьем дом лирического субъекта. И.З. Сурат точно расшифровывает семантику образа зелёной звезды у Мандельштама: «...воздушный корабль и одновременно “зелёная звезда” – много в себя вобравший образ. Помимо источников литературных, поэтических (“Корабль призраков” Цедлица, “Воздушный корабль” Лермонтова) есть у него и библейский подтекст: “Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде полынь; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки” (Откровение св. Иоанна Богослова (8:10–11)). Эсхатологические ощущения ищут подтверждения, поэт как будто гадает, та эта смертоносная звезда или нет: “О, если ты звезда...”» [15, с. 200]. Так в сборнике «Розы» Иванов вступает в полемический диалог с Мандельштамом, связывая семантику топонима зелёной звезды с идеей спасения и возрождения.

Таким образом, варианты семантики образа звезды, воплощённые в эмигрантском сборнике Иванова «Розы», можно рассматривать в соотношении с поэтической традицией. С образом звезды для лирического субъекта Иванова ассоциируется понятие счастья, которое воспринимается как слияние с некими высшими, мистическими, космическими началами. Такое толкование образа звезды восходит к поэтическому опыту Лермонтова. Трансформация образа звезды в ивановском сборнике «Розы» маркирована мотивом падения, предсказывающим смерть лирического героя. В этом случае очевидна апелляция Иванова к традиции Фета. Символ звезды связан и с его философскими размышлениями о прошлом и настоящем. Такой подход к истолкованию образа звезды близок уже поэтической системе Байрона и Тютчева. Для обновления и обогащения семантики архетипа звезды Иванов ориентируется на традицию использования оценочных и цветовых эпитетов, сформировавшуюся в лирике Блока, Мандельштама, Набокова. Именно этот механизм творческой

премущественности обеспечивает эволюцию образа звезды в сборнике «Розы». «Лёгкая звезда» в ивановских стихах передаёт семантику смерти, которая собственно соотносится с экзистенциальными воззрениями самого поэта. Интерпретация Ивановым образа «белой звезды», наоборот, опирается на опыт православной и символистской (блоковской) колористических традиций: она носительница сакрального знания. Именно «белая звезда» заставляет задуматься героя о непостижимости сроков собственного земного бытия. «Розоватая» звезда в смысловом пространстве, очерченном в сборнике «Розы», характеризует душевные муки героя, вызванные внутренней дисгармонией. «Зелёная» звезда, наоборот, выступает символом спасения.

Библиографический список

1. Безрукова В.С. Основы духовной культуры [Электронный ресурс]. – М.: Аспект-Пресс, 2003. – Режим доступа: https://spiritual_culture.academic.ru/281/Белый_цвет (дата обращения 25.02.2018).
2. Белый А. Священные цвета // Белый А. Символизм как миропонимание / сост., вступ. ст. и прим. Л.А. Сугай. – М.: Республика, 1994. – С. 20–209.
3. Брюсов В.Я. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1973. – 496 с.
4. Горланов Г.Е. Символика звезды в творчестве М.Ю. Лермонтова // Известия высших учебных заведений: Поволжский регион. Сер.: Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 52–59.
5. Гуделева Е.М. Символика цвета в творчестве Е.И. Замятина: дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2008. – 204 с.
6. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/efremova-tolk/353358.html> (дата обращения: 01.02.2018).
7. Иванов Г.В. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. – М.: Сogласие, 1993. – 656 с.
8. Крохина Н.П. «Религия звёзд и цветов» в поэзии К.Д. Бальмонта // Известия высших учебных заведений: Поволжский регион. Сер.: Гуманитарные науки. – 2012. – № 4 (24). – С. 68–76.
9. Лермонтов М.Ю. Сочинение: в 2 т. Т. 1. / сост. и комм. И.С. Чистовой. – М.: Правда, 1988. – 720 с.
10. Мандельштам О.Э. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. – М.: Художественная литература, 1990. – 623 с.
11. Манн Ю.В. Динамика русского романтизма. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 384 с.
12. Мастера стихотворного перевода / вступ. ст., подг. текста и примеч. Е.Г. Эткинда. – Л.: Советский писатель, 1968. – Т. 1. – 526 с.
13. Набоков В.В. Стихотворения и поэмы / сост., вступит. статья, подготовка текстов и примеч. В.С. Фёдорова. – М.: Современник, 1991. – 574 с.
14. Соколова Т.С. Категории бесконечности, пустоты, вечности в эмигрантской лирике Геор-

гия Иванова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2017. – С. 237–242.

15. Сураг И.З. Поэт и город. Петербургский сюжет Мандельштама // Звезда. – 2008. – № 5. – С. 178–203.

16. Тютчев Ф.И. Стихотворения / сост., вступит. статья и примечания В.В. Кожина. – М.: Советская Россия, 1976. – 336 с.

17. Фет А.А. Полное собрание стихотворений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://profilib.net/chtenie/128784/afanasiy-fet-polnoe-sobranie-stikhotvoreniy-37.php> (дата обращения: 17.02.2018).

18. Чехунова О.А. Экзистенциальная семантика как «циклообразующая скрепа» в поэтическом сборнике Георгия Иванова «Розы» // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2011. – № 1. – С. 159–161.

19. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. – М.: Высш. шк., 1990. – 303 с.

References

1. Bezrukova V.S. Osnovy duhovnoj kul'tury [EHlektronnyj resurs]. – M.: Aspekt-Press, 2003. – Rezhim dostupa: https://spiritual_culture.academic.ru/281/Belyj_cvjet (data obrashcheniya 25.02.2018).
2. Belyj A. Svyashchennye cveta // Belyj A. Simvolizm kak miroponimanie / sost., vstup. st. i prim. L.A. Sugaj. – M.: Respublika, 1994. – S. 20–209.
3. Bryusov V.YA. Sobranie sochinenij: v 7 t. T. 2. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1973. – 496 s.
4. Gorlanov G.E. Simvolika zvezdy v tvorchestve M.YU. Lermontova // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij: Povolzhskij region. Ser.: Gumanitarnye nauki. – 2009. – № 2 (10). – S. 52–59.
5. Gudeleva E.M. Simvolika cveta v tvorchestve E.I. Zamyatina: dis. ... kand. filol. nauk. – Ivanovo, 2008. – 204 s.
6. Efremova T.F. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://slovar.cc/rus/efremova-tolk/353358.html> (data obrashcheniya: 01.02.2018).
7. Ivanov G.V. Sobranie sochinenij: v 3 t. T. 1. – M.: Soglasie, 1993. – 656 s.
8. Krohina N.P. «Religiya zvyozd i cvetov» v poezii K.D. Bal'monta // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij: Povolzhskij region. Ser.: Gumanitarnye nauki. – 2012. – № 4 (24). – S. 68–76.
9. Lermontov M.YU. Sochinenie: v 2 t. T. 1. / sost. i komm. I.S. Chistovoj. – M.: Pravda, 1988. – 720 s.
10. Mandel'shtam O.EH. Sobranie sochinenij: v 2 t. T. 1. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1990. – 623 s.
11. Mann YU.V. Dinamika russkogo romantizma. – M.: Aspekt Press, 1995. – 384 s.
12. Mastera stihotvornogo perevoda / vstup. st., podg. teksta i primech. E.G. EHtkinda. – L.: Sovetskij pisatel', 1968. – T. 1. – 526 s.

13. Nabokov V.V. Stihotvoreniya i poehmy / sost., vstupit. stat'ya, podgotovka tekstov i primech. V.S. Fyodorova. – M.: Sovremennik, 1991. – 574 s.

14. Sokolova T.S. Kategorii beskonechnosti, pustoty, vechnosti v ehigrantskoj lirike Georgiya Ivanova // Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena. – 2017. – S. 237–242.

15. Surat I.Z. Poeht i gorod. Peterburgskij syuzhet Mandel'shtama // Zvezda. – 2008. – № 5. – С. 178–203.

16. Tyutchev F.I. Stihotvoreniya / sost., vstupit. stat'ya i primechaniya V.V. Kozhinova. – M.: Sovetskaya Rossiya, 1976. – 336 s.

17. Fet A.A. Polnoe sobranie stihotvorenij [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://profilib.net/chtenie/128784/afanasiy-fet-polnoe-sobranie-stihotvoreny-37.php> (data obrashcheniya: 17.02.2018).

18. CHEkhunova O.A. EHkzistencial'naya semantika kak «cikloobrazuyushchaya skrepa» v poeticheskom sbornike Georgiya Ivanova «Rozy» // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. – 2011. – № 1. – S. 159–161.

19. EHpshtejn M.N. «Priroda, mir, tajnik vselennoj...»: Sistema pejzaznyh obrazov v russkoj poehzii. – M.: Vyssh. shk., 1990. – 303 s.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ЭКРАНИЗАЦИЯ ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «ЕПИФАНСКИЕ ШЛЮЗЫ»

В статье обобщается новый материал по теме «Андрей Платонов и кино». В научный оборот вводятся факты, касающиеся истории работы А. Платонова над либретто по его повести «Епифанские шлюзы». Разыскания автора в архивных фондах и периодике позволили установить факт заказа либретто на ленинградской фабрике «Совкино» в 1928 г. Это дает более точную, по сравнению с предыдущими публикациями по данной теме, датировку произведения. Также в статье описан кинематографический контекст времени создания либретто. На основе приведенных фактов делаются выводы о причинах отклонения либретто Платонова на кинофабрике: кампания против включения в планы экранизаций и фильмов на исторические темы, неблагоприятное положение в сценарной отрасли, критика самого Платонова из-за его произведений второй половины 1929 г.

Ключевые слова: Андрей Платонов, кинодраматургия, «Епифанские шлюзы», экранизация, либретто, сценарий, «Совкино».

Только в последние годы стали проявляться некоторые детали сотрудничества А. Платонова с киностудиями в 1927–1930 гг. На сегодняшний день удовлетворительно задокументирована лишь творческая и постановочная история либретто и сценария «Песчаная учительница» [2; 3]. Фактов об остальных текстах писателя для немого кино – «Надлежащие мероприятия», «Епифанские шлюзы», «Машинист» и «Турбинщики» – выявлено значительно меньше.

Об истории работы над либретто по повести Платонова «Епифанские шлюзы» до сих пор мало что известно. До передачи в Институт мировой литературы архива писателя имелся только неполный автограф (текст обрывался на середине предложения). Было известно также о представлении киносценария «Епифанские шлюзы» в 1929 г. в сценарный отдел «Совкино». Полный текст киноинсценировки «Епифанских шлюзов» был опубликован в 2011 г. в 7-м выпуске издания ИМЛИ РАН ««Страна философов» Андрея Платонова» [12] и позже вошел во 2-й том научного собрания сочинений писателя [13].

В архивных фондах кинофабрик и кинопериодике к настоящему моменту удалось найти лишь несколько скупых упоминаний о планах постановки «Епифанских шлюзов».

Обращение к Петровской эпохе, конечно, не было новым для советского кино. Еще в 1918 г. вышел фильм «Царевич Алексей» режиссера и сценариста Юрия Желябужского. Основу сценария составил роман Дмитрия Мережковского «Петр и Алексей». В справочниках фильм числится как утраченный. В 1925–1926 гг. планировался к постановке фильм «Город на костях». О фильме известно из документов того времени: «Сценарий картины по повести Н.Н. Шаповаленко... изображает постройку Петербурга, на которую были положены тысячи жизней крепостных рабов-рабочих. В качестве параллели к сценам гибели рабочих от голода, эпидемий и наводнений в сценарии чередуются сцены придворной жизни двора Петра

Первого, развратного, пьяного деспота-царя» [5, с. 22]. До экрана дело, очевидно, не дошло.

Еще один из планировавшихся фильмов о Петровской эпохе – «Петр I и леди Гамильтон». В первой половине 1928 г. эта картина нередко упоминалась в критических отзывах на планы «Совкино», в том числе как яркий пример постановки, пренебрегающей идеологией и рассчитанной главным образом на продажи зарубежным прокатчикам. В официальных документах подобные фильмы нередко напрямую назывались «экспортными».

Основой картины послужила полулегендарная история одной из любовниц Петра – Марии Даниловны Гамильтон. После того как царь охладел к ней, Мария заводит тайного любовника, похищает для него драгоценности императрицы, убивает рождающихся детей, чтобы держать отношения в секрете. После раскрытия преступлений Гамильтон казнят, а Петр, по преданию, целует ее отрубленную голову, которую приказывает заспиртовать.

Этот фильм входил в сценарно-тематический план «Совкино» на 1927–1928 гг. Запоздавший с составлением на 4 месяца план обсуждали на президиуме коллегии Наркомпроса 9 марта 1928 г. В обсуждении приняли участие представители правления «Совкино», художественного отдела «Совкино», Главрепертком, Главполитпросвета, Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей, Федерации советских писателей, ЦК РАБИС. Кроме прочего, в постановлении президиума говорилось и об исторических картинах: «Констатировать, что подбор тем по одному из важнейших разделов плана, а именно по историко-революционному и историческому, носит случайный характер, зачастую имея в основе или полуанекдотический факт вроде “Петра I и лэди Гамильтон”, или слишком поверхностно затрагивая различные моменты истории без учета дальнейших перспектив экранизации. Соответствующая продукция прошлого года дана без выявления социально-экономической подосновы событий, без марксистского подхода к сюжету.

Учитывая вышеуказанные соображения, коллегия Наркомпроса предлагает «Совкино» в дальнейшем разработку и постановку историко-революционных и исторических сюжетов производить с особой тщательностью, привлекая крупнейших специалистов и марксистов-историков в качестве консультантов» [14, Ед. хр. 386, л. 1–2].

Картину «Петр I и леди Гамильтон» постановление потребовало изъять из плана, что и было незамедлительно сделано. Это, впрочем, не помешало включить в планирование следующего года фильм «Кондрат Булавин» также на петровскую тему, но уже с идеологически приемлемым сюжетом. В тематической установке картины значилось: «Восстание казаков под предводительством Булавина против войск Петра I, в связи с экономическими реформами Петра» [7, с. 7].

В конце весны – начале лета 1928 г. был составлен предварительный план «Совкино» на несколько лет вперед. В него вошли и «Епифанские шлюзы». В номенклатуре тем для плана на 28/29 и 29/30 гг., сохранившемся в фонде Главискусства в РГАЛИ, среди «Исторических тем до XIX в.» указано: «29. Крестьяне на постройке шлюзов в XVIII веке (Епифанские шлюзы)» [14, Ед. хр. 357, л. 67].

3 июля московская газета «Кино» сообщила о вынесении плана на 1928–1930 гг. на широкое общественное обсуждение: «Весьма интересный и полезный опыт проделало правление “Совкино”, разославшее свой сценарно-производственный тематический план на 1928–30 годы на отзыв целого ряда общественных организаций». К тому моменту уже поступило несколько ценных предложений, и редакция высказала пожелание, чтобы они не остались только на бумаге [6].

7 июля 1928 г. перспективный план, представленный в докладе руководителя художественного отдела «Совкино» М. Рафеса «Производственный план “Совкино” на 1928–1930 гг.», обсуждался в активе низовых ячеек ОДСК. Как отметила газета «Кино», особый акцент докладчик сделал на значении исторических постановок: «В заключение тов. Рафес отмечает, что нашего рабочего зрителя интересуют больше всего исторические картины. “К картинам, отображающим производственный или рабочий быт, наши рабочие относятся равнодушно, «с холодком», ибо это им достаточно хорошо уже знакомо. Рабочие хотят видеть то, что им еще неизвестно, чего они еще не видели» [10]. Однако не все слушатели согласились с этим мнением: «Купцов (Член Центр. Сов.). <...> ...Это кошмарный список. Исторических фильм черт знает сколько, а бытовых фильм, показывающих жизнь рабочих и крестьян, мало. <...> Поменьше исторических фильм. От этого советский зритель не пострадает» [17, л. 3 об.]. Один из выступавших отметил еще одно «слабое» место плана: «Иванов (ЦК Сахарников) <...> ...Общий уклон в тематике –

это переход на литературизации экрана. <...> У нас много романов, будут инсценировки, так что общий литературный уклон большой» [17, л. 11 об.]. Последнее мнение не было уникальным для данного обсуждения – в 1928 г. активно критиковалась «излишняя» опора кино на литературные произведения. Высказывания порой доходили до крайности – утверждалось, что у литературы с кино нет ничего общего, даже фабулы нельзя брать из литературы. В качестве одного из доказательств приводились многочисленные факты неудачных экранизаций, а сотрудничество кино с литературой объявлялось едва ли не главной причиной кризиса в советском кино вообще и в сценарном деле в частности.

В «Ленинградской газете Кино» за 1928 г. (позже газета стала называться «Кино-фронт») обнаружили дополнительные сведения о включении в план фильма по «Епифанским шлюзам». Картину по платоновской повести предполагалось поставить на ленинградской фабрике «Совкино», план которой на 1928–1929 г. был опубликован 15 июля 1928 г.:

«Раздел I

Исторические и историко-революционные темы.

A. ПРОШЛОЕ НИЗОВЫХ КЛАССОВ.

<...>

3. “Епифанские шлюзы”

По роману <sic!> Платонова. Картина начала рабочего класса в России. Петр I строил шлюзы, понуждая к работе на них крестьянство» [8].

Кроме экранизации Платонова в этом подразделе плана числилось еще две постановки: «Степан Разин» по роману А.П. Чапыгина – «Историческая эпопея, рисующая массовое движение казачества и крестьянства, возглавляемое Разиным»; «Дубинщина» – «крестьянское восстание против церкви и монастырей на Урале во времена Петра III и Екатерины II» [8]. Очевидно, во всех трех картинах предполагалось сделать акцент прежде всего на тяжелой доле крестьянства в разные дореволюционные эпохи.

Почти все фильмы, даже имевшие литературную первооснову, приводились в плане с указанием сценариста. Кто должен был написать сценарий по повести «Епифанские шлюзы», в плане не указано, но в письме к жене от июня 1928 г. Платонов пишет «Теперь у Тотки (сын писателя. – Р. К.), после двух картин, будет маленький “капитал” на его воспитание» [1, с. 256]. Первая картина, очевидно, – «Песчаная учительница», непростая история постановки которой началась еще в 1927 г. (см. об этом: [2; 3]); вторая, судя по всему, – «Епифанские шлюзы». Однако текст Платонова рецензировался в сценарном отделе «Совкино» только в первой половине ноября 1929 г.: «Ведомость на выплату вознаграждения за проработанный материал ре-

цензентам сценарного отдела с 1/XI по 15/XI – 29 г. Петренко <...> Епифанские шлюзы 35 стр.» [15]. (Данный документ был выявлен Н.В. Корниенко; см. также комментарий Е. Роженцевой к либретто в научном собрании сочинений А. Платонова: [16]). Это был единственный до настоящего времени известный документ о прохождении либретто на киностудии. Не исключено, что летом 1928 г. могла предполагаться только продажа прав на экранизацию – в указанном письме упоминается встреча с В. Шкловским, которой Платонов остался недоволен: «Виделся со Шкловским – все-таки чужой он мне человек» [1, с. 255]. Можно предположить, что, как и в случае с «Песчаной учительницей», с продвижением экранизации «Епифанских шлюзов» пытался помочь именно Шкловский, но летом 1928 г. речь шла лишь о продаже прав, и только в 1929 г. Платонов пишет уже свое либретто. Впрочем, более вероятно, что известный сегодня текст либретто не был единственным. Его «предварительный» характер особенно заметен по тому, как примерно в середине внезапно меняются особенности изложения – продуманный, содержащий новые эпизоды, богатый идеями для визуального воплощения текст вдруг становится сжатым пересказом сюжета. Очевидно, текст дописывался в спешке. В конце 1929 г. в сценарном отделе, возможно, рецензировался неизвестный нам, переработанный вариант либретто. На это может указывать и факт, отмеченный Е. Роженцевой: в записи о рецензировании «Епифанских шлюзов» в 1929 г. отмечено большее количество страниц (35), чем в имеющейся в архиве ИМЛИ машинописи (31).

Немаловажным представляется факт, что как раз в июле 1928 г. (время публикации плана с «Епифанскими шлюзами») и большую часть августа Платонов находился в Ленинграде [1, с. 261–263]. Тогда же он мог подписать договор или даже представить на фабрику первый вариант либретто.

Обсуждение плана ленинградской кинофабрики на страницах «Ленинградской газеты Кино» началась в августе 1928 г. Первые же отзывы на план призывали к сокращению исторических картин: «...план, очевидно, придется еще пересмотреть и изменить за счет сокращения исторических и случайных тем в пользу тех вопросов, которые составляют сердцевину нашего строительства» («Тов. Виноградский. АПО Обкома ВКП(б)») [11].

В контексте критики исторических фильмов и экранизаций литературных произведений упоминались и «Епифанские шлюзы». Так, кинокритик Б. Мазинг высказал несколько сомнений по поводу плана: «Первое – невероятное количество инсценировок, через два названия в третьем повторяется: “по-роману”, “по-пьесе”. Очевидно, еще не усвоена довольно простая истина, что киноискусству не нужны перепевы литературных и театральных мотивов, да еще в легкой аранжировке.

Второе – исторические темы. Из трех – две “по-роману”. Большое заблуждение думать, что исторический роман на экране будет занимательнее исторического документа. В “Крыльях холопа” сумели, на основании исторических документов, на миг показать подлинное лицо Грозного, и это сразу затмило всю интригу, всю выдумку в фильме. В “Булаг-Батыре” роман офицера и татарки поставили на первое место, и самое ценное в сценарии и фильме – пугачевщина – оказалось где-то на задворках.

Теперь “Степан Разин” и “Епифанские шлюзы” могут повторить обычные ошибки исторических картин. Не исторические романы, а документы надо воплощать в экранные образы, и неподкрашенная история окажется во много раз красочнее и занимательнее, чем разбавленная выдумкою историческая фильма» [9].

Кинокритик и сценарист Б. Бродянский также высказался против обилия экранизаций, в целом более убедительно, чем другие, объяснив свою точку зрения: «...наибольшее беспокойство возбуждает... огромное количество литературных инсценировок. <...> Тематический план культивирует чрезвычайно странный и, по нашему мнению, мало желательный тип сценаристов. В тематическом плане сценарист выступает неким коммивояжером от литературы при кинопроизводстве.

В самом деле, или сценарист работает на своем материале, или писатель непосредственно договаривается с режиссером, исполняя роль либреттиста по своему собственному произведению. Лишние звенья мешают. Цепь должна быть короче и прочнее» [4].

Московская газета «Кино» также в июле 1928 г. опубликовала обобщенный тематический план студий «Совкино», утвержденный, согласно подзаголовку, 11 июля пленумом художественного совета и 13 июля – заседанием правления «Совкино» [7]. Хотя дата плана из ленинградской газеты (15 июля) не противоречит этим данным, сравнение списков запланированных фильмов указывает на явную несогласованность действий планировщиков центральной и ленинградской студий. В «общем» плане фильмы-темы распределялись по разделам иначе; не было пометок, на какой из фабрик «Совкино» планируется ставить ту или иную картину. Некоторые фильмы, заявленные в ленинградском плане, не упоминались. Самое важное для нас различие – отсутствие «Епифанских шлюзов». Они могли случайно выпасть при подготовке плана к печати в московской газете, но возможно и самовольное включение их в план руководством ленинградской кинофабрики, ведь даже съемка и выпуск в прокат «незапланированных» фильмов была в те годы частым явлением.

Планы фабрик «Совкино» продолжали критиковаться и перекраиваться. Новую версию общего плана московской и ленинградской фабрик

московская газета «Кино» опубликовала 8 января 1929 г. «Епифанские шлюзы» в нем снова отсутствовали. Отдельный план ленинградской фабрики в ленинградской газете «Кино» не появился, но не исключено, что экранизация платоновской повести там еще присутствовала, так как либретто (скорее всего, неизвестный нам вариант) рецензировалось уже в конце 1929 г., о чем говорилось выше.

«Епифанские шлюзы» так и не дошли до экрана. Хотя критика костюмно-исторических фильмов не послужила к полному исключению их из планов и производства, сюжеты и сценарии стали отбираться особенно тщательно и касались теперь в основном истории «борьбы классов». Но вряд ли повышенное внимание к историческим лентам было единственной причиной, помешавшей экранизации повести Платонова. Стоит вспомнить и общее положение в сценарном деле: либретто и сценарии нередко оценивались малокомпетентными людьми и либо сразу отклонялись по самым нелепым поводам, либо менялись из-за противоречивых требований до неузнаваемости. После череды переделок по навязываемым автору идеологическим и сюжетным шаблонам авторские либретто и сценарии почти неизбежно отклонялись, а постановки исключались из планов. Так случилось со всеми текстами Платонова для кино. Постановка фильма «Айна» (1930) не в счет – пересечения с «Песчаной учительницей» Платонова в нем ничтожны.

К причинам внутрикинематографическим, думается, нужно прибавить причины политические. Критика петровских преобразований могла рождать нежелательные ассоциации с советской современностью. Неслучайно как раз в сентябре 1929 г. появилась статья В. Стрельниковой, главной претензией которой к повести «Епифанские шлюзы» было то, что Платонов якобы сравнивает «дутые прожекты Петра и дутые прожекты Октябрьской революции» [18, с. 247]. На конец 1929 г. пришла и кампания нападок на писателя, связанная с очерком «Че-Че-О», рассказом «Усомнившийся Макар» и дружбой Платонова с опальным Б. Пильняком.

Библиографический список

1. Андрей Платонов «...я прожил жизнь»: Письма, 1920–1950 гг. / под ред. Н.В. Корниенко, Е.Д. Шубиной. – М.: Астрель, 2013. – 685 с.
2. Богомолова М.В. Преамбула к разделу «Сценарии; комментарии к либретто и сценарию “Песчаная учительница”» // Платонов А.П. Сочинения / ред. Н.В. Корниенко, Е.А. Роженцева. – М.: ИМЛИ РАН, 2016. – Т. 2. – С. 738–759.
3. Богомолова М.В. Первый кинодраматургический опыт Андрея Платонова: История экранизации рассказа «Песчаная учительница» // Киноведческие записки. – 2015. – № 110. – С. 89–98.
4. Бродянский Б. Всего два слова // Ленинградская газета Кино. – 1928. – 26 августа. – С. 2.

5. *Голдобин А. В.* Как писать сценарии для кинокартин: практическое руководство. – М.: Московское театральное изд-во, 1925. – 110 с.

6. Кино. – 1928. – 3 июля. – С. 1.
7. Кино. – 1928. – 24 июля. – С. 6–7.
8. Ленинградская газета Кино. – 1928. – 15 июля. – С. 6.
9. *Мазинг Б.* В размышлениях о плане // Ленинградская газета Кино. – 1928. – 12 августа. – С. 2.
10. Над чем будет работать Совкино: 163 новых картины на отзыв общественности // Кино. – 1928. – 17 июля. – С. 2.
11. Общественность о плане ленинградской фабрики Совкино // Ленинградская газета Кино. – 1928. – 5 августа. – С. 2.

12. *Платонов А.* Епифанские шлюзы: либретто / вступ. ст. и публ. Е. Роженцевой // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества / отв. ред. Н.В. Корниенко; сост. Е.А. Роженцева, Н.В. Умрюхина. – М.: ИМЛИ РАН, 2011. – Вып. 7. – С. 469–488.

13. *Платонов А.П.* Епифанские шлюзы: (Либретто) // Платонов А.П. Сочинения / ред. Н.В. Корниенко, Е.А. Роженцева. – М.: ИМЛИ РАН, 2016. – Т. 2. – С. 336–358.

14. РГАЛИ. – Ф. 645. – Оп. 1.
15. РГАЛИ. – Ф. 2498. – Оп. 1. – Ед. хр. 26. – Л. 41.

16. *Роженцева Е.А.* Комментарии к либретто «Епифанские шлюзы» // Платонов А.П. Сочинения / ред. Н.В. Корниенко, Е.А. Роженцева. – М.: ИМЛИ РАН, 2016. – Т. 2. – С. 759–766.

17. Стенограмма обсуждения доклада М. Рафеса «Производственный план “Совкино” на 1928–1930 гг.» // РГАЛИ. – Ф. 2496. – Оп. 1. – Ед. хр. 31.

18. *Стрельникова В.* «Разоблачители» социализма: О подпольячниках // Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии / сост., подг. текстов и примеч. Н.В. Корниенко, Е.Д. Шубиной. – М.: Современный писатель, 1994. – С. 246–250.

References

1. Andrej Platonov «...ya prozhil zhizn'»: Pis'ma, 1920–1950 gg. / pod red. N.V. Kornienko, E.D. Shubinoj. – M.: Astrel', 2013. – 685 s.
2. Bogomolova M.V. Preambula k razdelu «Scenarii; kommentarii k libretto i scenariyu “Peschanaya uchitel'nica”» // Platonov A.P. Sochineniya / red. N.V. Kornienko, E.A. Rozhenceva. – M.: IMLI RAN, 2016. – T. 2. – S. 738–759.
3. Bogomolova M.V. Pervyj kinodramaturgicheskij opyt Andreyaya Platonova: Istoriya ehkranizacii rasskaza «Peschanaya uchitel'nica» // Kinovedcheskie zapiski. – 2015. – № 110. – S. 89–98.
4. Brodyanskij B. Vsego dva slova // Leningradskaya gazeta Kino. – 1928. – 26 avgusta. – S. 2.

5. Goldobin A. V. Kak pisat' scenarii dlya kinokartin: prakticheskoe rukovodstvo. – M.: Moskovskoe teatral'noe izd-vo, 1925. – 110 s.
6. Kino. – 1928. – 3 iyulya. – S. 1.
7. Kino. – 1928. – 24 iyulya. – S. 6–7.
8. Leningradskaya gazeta Kino. – 1928. – 15 iyulya. – С. 6.
9. Mazing B. V razmyshleniyah o plane // Leningradskaya gazeta Kino. – 1928. – 12 avgusta. – S. 2.
10. Nad chem budet rabotat' Sovkino: 163 novyh kartiny na otzyv obshchestvennosti // Kino. – 1928. – 17 iyulya. – S. 2.
11. Obshchestvennost' o plane leningradskoj fabriki Sovkino // Leningradskaya gazeta Kino. – 1928. – 5 avgusta. – S. 2.
12. Platonov A. Epifanskie shlyuzy: libretto / vstup. st. i publ. E. Rozhencevoj // «Strana filosofov» Andrey Platonova: Problemy tvorchestva / otv. red. N.V. Kornienko; sost. E.A. Rozhenceva, N.V. Umryuhina. – M.: IMLI RAN, 2011. – Vyp. 7. – S. 469–488.
13. Platonov A.P. Epifanskie shlyuzy: (Libretto) // Platonov A.P. Sochineniya / red. N.V. Kornienko, E.A. Rozhenceva. – M.: IMLI RAN, 2016. – T. 2. – S. 336–358.
14. RGALI. – F. 645. – Op. 1.
15. RGALI. – F. 2498. – Op. 1. – Ed. hr. 26. – L. 41.
16. Rozhenceva E.A. Kommentarii k libretto «Epifanskie shlyuzy» // Platonov A.P. Sochineniya / red. N.V. Kornienko, E.A. Rozhenceva. – M.: IMLI RAN, 2016. – T. 2. – S. 759–766.
17. Stenogramma obsuzhdeniya doklada M. Rafesa «Proizvodstvennyj plan “Sovkino” na 1928–1930 gg.» // RGALI. – F. 2496. – Op. 1. – Ed. hr. 31.
18. Strel'nikova V. «Razoblachiteli» socializma: O podpil'nyachnikah // Andrey Platonov: Vospominaniya sovremennikov: Materialy k biografii / sost., podg. tekstov i primech. N.V. Kornienko, E.D. Shubinoj. – M.: Sovremennyy pisatel', 1994. – S. 246–250.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ М. ПРИШВИНА: ДРАМАТУРГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье исследуется драматургический аспект художественного мышления М. Пришвина. Анализируются пришивинские рецензии на спектакли по пьесам Ф. Сологуба и Д. Мережковского, дневниковые записи о драмах М. Салтыкова-Щедрина и В. Гиппиуса. Рассмотрены свидетельства М. Пришвина о состоянии театрального дела в провинции после революции и его лекторская деятельность в Елецком народном университете. Основное внимание в статье уделено собственно драматургической деятельности писателя: творческим поискам новых жанров и способов изображения народа, нереализованным замыслам драматургических произведений и пьесе «Базар». Уточнены отдельные вопросы творческой истории пьесы (время создания, изменение названия, способы переосмысления жизненного материала, обращение к жанру пьесы для чтения вслух и др.). М. Пришвин разработал приемы, способствующие адекватному пониманию пьесы слушателями: изменил структуру пьесы и усилил роль авторского текста. Идеиное содержание пьесы адекватно пришивинскому художественному мышлению диалогического типа.

Ключевые слова: художественное мышление, драматургия, жанр, пьеса для чтения вслух, авторский текст.

Одна из интереснейших страниц художественного мышления Пришвина – связанная с его обращением к драматургии, – не освещена в научной литературе, хотя, несомненно, заслуживает внимания. В биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917» лишь несколько слов сказано о Пришвине-драматурге: «Тревожным видением революционных лет “Мирской чаше” близки рассказ “Сыр” <...>, единственная у Пришвина небольшая пьеса “Базар” и рассказ “Халамеева ночь”...» [16, с. 147]. В комментарии В.А. Фатеева к тексту пьесы в книге «Цвет и крест» немного сведений: годы создания, изменение названия, несколько цитат из дневника писателя о восприятии пьесы в начале 1920-х гг. [15]. Лишь Я.З. и В.Ю. Гришины в комментарии к книге дневников 1920–1922 гг. [2, с. 304–305] рассмотрели идейное содержание и образную систему пьесы. Пьеса «Базар» была напечатана в собраниях сочинений Пришвина конца 1920-х и конца 1930-х гг. В собрание сочинений в шести томах, подготовленное писателем, но вышедшее после его смерти, в 1956–1957 гг., пьеса не включена, как и в восьмитомное собрание сочинений 1982–1986 гг. Напечатана в книге «Цвет и крест. Неизвестные произведения 1906–1924 годов» (2004).

Внимание довольно известного в дореволюционные годы писателя и журналиста Пришвина привлекали факты и явления, раскрывавшие жизнь и культуру страны. Он проявлял значительный интерес к театру и драматургии, в дневнике в разных контекстах упоминались имена драматургов XIX века и современников, чаще модернистов, художественные искания которых его привлекали. Однако по разным причинам сохранилось лишь несколько отзывов о пьесах и театральных постановках, которые он видел.

Мало кто знает, что Пришвину принадлежит рецензия на постановку В. Мейерхольдом

драмы Ф. Сологуба «Заложники жизни» (1912) в Александринском театре. Рецензия была напечатана под псевдонимом Хрущевский в журнале «Заветы», она не переиздана. Спектакль вызвал полемику в прессе: Д. Мережковский, З. Гиппиус, А. Блок, А. Волынский, А. Бенуа, В. Львов-Рогачевский и другие деятели литературы и искусства спорили о мастерстве Сологуба-драматурга, художественных достоинствах его символистской драмы, игре актеров. Пришвина занимал иной вопрос: причины неприятия творчества Сологуба обыкновенными людьми. Чтобы объяснить, почему пьеса не понравилась публике, заполнившей зрительный зал после премьеры, где присутствовали представители культурной элиты общества, он прояснил разницу в восприятии драмы эстетом и рядовым зрителем, который «есть прежде всего человек жизни». Обывателю чужд «сладостный» театральный обман, связанный с образом героини: не бывает в жизни, утверждал рецензент, чтобы «благороднейшая» девушка ради карьеры возлюбленного и благополучия родителей вышла замуж по расчету, а через восемь лет бросила «пошлую жизнь», семью. Поэтому «сочувствие зрителей остается на стороне пошлой жизни». Недоверие зрителей нарастает, а тут у девушки появляются «кисейные крылышки» за спиной, и что этим хотел сказать драматург, к чему он зовет: к небытию или иному бытию? Драматург свои символы ввел без «традиционного обмана», зритель не нашел «привычных крыльев для полета в иное бытие» [17, с. 165], рядовой зритель не в состоянии понять модернистскую драму потому, что средства раскрытия авторской мысли ему не знакомы.

Посещая спектакли в петербургских театрах, Пришвин записывал свои суждения о них. Очень скучным показался ему спектакль по драме М.Е. Салтыкова-Щедрина «Тени», через полвека после ее создания напечатанной в журнале «Заветы» (1914. № 4). Пришвин пытался понять, по-

чему не понравился спектакль; наконец, решил: «...должно быть, оттого, что время перешло. Несмотря на то, что артисты Александринского театра исполняли превосходно, все казалось, будто на сцене марионетки, – записал он 15 апреля 1914 года. – Только на другой уже день, когда я решился выехать из Петербурга в коренную Россию, типы вдруг ожили и стали сопровождать меня, и Петербург стал казаться фантастическим городом... Что такое типы и что такое реальность?» [6, с. 410]. Он интуитивно почувствовал недостаточную сценичность пьесы и другие ее изъяны, из-за которых сам автор отказался от ее публикации. Задумался об эстетических проблемах Пришвин не случайно: у него возникали мысли о создании собственных пьес – об этом свидетельствуют записи в дневнике.

Известен пришвинский отклик на спектакль по пьесе Д. Мережковского «Павел I», шедший в Театре Незлобина в феврале 1918 года. В газете «Воля земли» (1918. № 1. 21 (8) февраля) Пришвин писал: «"Павел I" – несомненно, самый крупный спектакль нашего времени», ценность его в том, что он «мыслей порождает... много в зрителях», а «трагедия на сцене слишком близка трагедии на улице». «Исполнение роли Павла Орленевым почти гениально... Орленев играет мученика, человека, распятого на троне Зверя» [13, с. 174, 175]. Писатель верно понял концепцию образа Павла I, совпадающую с современной: «Вопреки традиционным трактовкам, Мережковский видит в Павле трагическую личность, стремящуюся придать государственной деятельности религиозный смысл» [3, с. 23, 3 стлб.]. Назвать заметку Пришвина рецензией, конечно, нельзя: это выплеск эмоций, в том числе и политического характера.

Восторженный отзыв Пришвин оставил о пьесе В. Гиппиуса, на читке которой присутствовал в 1922 году (к сожалению, комментария к этой записи в книге дневников нет): «Читали изумительную пьесу В. Гиппиуса. Мысль ее: путь человеческого рода, начиная от семени Авраамова, движется жертвою: человек жертвует и тем продолжается. Самое близкое человеку, его любовь, приносится в жертву Богу, и за то род продолжается по пути создания существа, которое в состоянии всем пожертвовать и соединить в духе с Богом весь род человека и тем кончить путь. От времени Авраама автор пересматривает материалы жизни в двух образах: св. Девы и жены. Так он подходит к Иосифу Прекрасному, который поддается соблазну, обрывает жертвенное излияние семени, насыщает народ хлебом и становится не рабом Божиим, а вождем материальных вожделений народа. Это произведение – первая (единственная) попытка стать на вершину пирамиды современности... В этой вещи все: изумительная сила чувства, интеллект, талант, мастерство, и только нет чуда такого, чтобы мы, мертвые, пробуждались. Рев этих мертвых был так

силен, что и меня заразил, и негодование кипело у меня в душе – на кого, на что? Я не знаю» (запись от 26 декабря 1922 года) [8, с. 291–292].

Такая сильная эмоциональная реакция Пришвина на подлинно талантливое произведение не удивляет, особенно в свете его записей о театральных деятелях провинции. Вот, пожалуй, самые яркие из них. «1919. 14 марта. Мой доклад на театральном съезде о самобытном русском театре. Я запрятал в него анархизм, славянофильство, и успех у коммунистов громадный, потому что все эти "революционеры" наши в существе своем мещане и факт анархизма достаточно гарантирует бытие их мещанской самости. "Самобытность" по-ихнему значит жить самому хорошо...» [7, с. 265]. На следующий день с сарказмом рассказано об этом съезде и его участниках. Председатель, коммунист, сын дьякона, назван Балдой; об артисте Диосее сказано лишь то, что год он проработал деревенским инструктором театра, а теперь рвется в городской театр «карьеру сделать». Дама из центра в своем докладе употребила «выражение "выжатый лимон" – про интеллигенцию», Диосей задал вопрос: «Вы хотите нас, артистов, выжать и выбросить за окошко?», и Балда вместо нее ответил: «Совершенно верно, это одна из основных диктатур пролетариата: выжать всю интеллигенцию и выбросить вон» [7, с. 266]. Пришвин передал смысл докладов, косноязычие людей, назначенных властями руководить культурой, реакцию на бессмыслицу людей образованных, споры, выкрики с мест, заострив внимание на словах, подчеркивающих абсурдность в понимании театрального искусства теми, кто им руководит. Он назвал отдел народного образования «вертепом просвещения», а свою запись закончил словами о пьесе «Васька-Пролетариат»: «Идея пьесы: воспитать культурную молодежь для образования человечества, чтобы создать всем понятное и всем приятное» [7, с. 267], что воспринимается как ирония над потугами необразованных людей создать пролетарскую культуру.

Возможно, размышления, вызванные услышанным на театральном съезде, явились дополнительным стимулом к интенсивной работе художника над пьесой о недавнем прошлом, хотя желание «писать новые, небывалые пьесы для театра» было высказано годом ранее [7, с. 152]. Из дневниковых записей известно, что ранее были у Пришвина мысли о создании пьес на литературную тему и семейную: после встречи с Горьким краткий конспект его рассказов Пришвин закончил словами «Пьеса: Ремизов и Горький» (15 марта 1915 г.) [6, с. 145], в январе 1920 года возникали «мысли о пьесе на смерть матери» [8, с. 18].

В дневнике не указано время работы над пьесой «Чертова Ступа». Я.З. и В.Ю. Гришины [2, с. 304], В.А. Фатеев [15, с. 593] в комментариях называют 1916–1920 годы, А.Н. Варламов в моно-

графии о жизни и творчестве Пришвина – 1919-й (после нашествия Мамонтова и отказа Пришвина уйти с белыми) [1, с. 527]. В пользу второй точки зрения можно привести несколько аргументов. В записи Пришвина от 23 ноября 1919 года сказано, что чтение «Чертовой Ступы» в Народном университете Ельца «прошло очень хорошо, только интеллигенция воспользовалась случаем напомнить о своем неверии» [7, с. 332]. Создание пьесы художник назвал одним из самых значимых событий своей жизни в 1919 году [см.: 8, с. 10–11]. После чтения пьесы в салоне Е.И. Лосевой в июле 1920 года Пришвин процитировал слова Вяч. Иванова «по поводу поэта-актера»: «Лирический поэт: между музыкой и драмой», дал характеристику пьесы («без действия, без интриги и даже без события») [8, с. 78]. Следовательно, «Черная Ступа» написана в 1919 году, однако в нее вошли материалы, собранные в 1914–1919 гг.: в текст включено множество переосмысленных и художественно переработанных записей разговоров, ставших основой сцен.

Сначала пьеса называлась по прозвищу главной героини, старухи-мещанки: Чертовой Ступой ее называли за злобность характера. В дневнике Пришвина немало записей о женщинах жадных, проявляющих жестокость без причины [см.: 7, с. 290, 315, 284], все они Чертовы Ступы. Ранее это прозвище у Пришвина носил мещанин, герой одноименного рассказа, стремившийся к личному обогащению в годы войны (Речь. 1916. 30 октября; в собраниях сочинений рассказ печатался под названием «Косыч»). В одной из дневниковых записей писатель выходит за рамки обыденной жизни: «...чувствуешь в себе талант, способность что-то сделать и не делаешь, потому что нет сцепления и что этому мешает Чертова Ступа» [7, с. 290]. Таким образом, уже в дневнике прозвище символизируется. В пьесе Чертова Ступа не только персонаж, грозивший Страшным судом обывателям, забывшим заповеди Бога, но и символ человеконенавистничества. В авторской характеристике действующих лиц сказано, что в слободах, окруживших Кремль города, где живут богатые купцы, «рождается дух зависти и злобы, столь сильной, что носитель ее, мещанка, прозванная Чертова Ступа, может существовать не как рядовая мещанка, ворчащая на недостатки сего дня, а как одержимая, как дух, пророчествующий хотя бы только на завтрашний день» [5, с. 340]. При появлениях на сцене она грозит пришедшим на базар: «До всех, до всех вас черед дойдет. Вот погодите, дойдет, – все будете в огне гореть, проклятые; думаете, так пройдет, нет не пройдет, – все попадетесь, всех вас истолчет Чертова Ступа, всех господ, всех купцов, всех попов, всех дьяконов, вот погодите, дай срок, близится время, ой, близится время, всех обдерет вас мелким обдиром» [5, с. 344]. Социальная ненависть к классовым врагам связана и со старооб-

рядческими представлениями: «Сказано в Писании, что сцепится черный орел с красным, и будет война. Красный и не заклевал бы черного, да тут выйдет на помощь Клеопарда» [5, с. 351]. И все с ужасом слышат, что Клеопарда убьет хоботом царя. «Как демонический персонаж революционной эпохи Чертова Ступа выражала дух полуголодных озлобленных мещанских слобод», олицетворяя те бунтарские настроения народа, которые «унесли в бездну застойный мещанский быт и вековой уклад черноземной русской провинции» [4].

В «раздроблении, размельчании материи в чертовой ступе» [8, с. 38] художник видит следствие социальной болезни: люди в хорошее перестали верить. Не случайно в годы Гражданской войны ему вспоминается персонаж из его собственной пьесы: «Странник из “Чертовой Ступы” пусть придет в этот город во второй раз и покажет им хорошее» [8, с. 9]. Кто этот Странник? В комментарии Я.З. и В.Я. Гришиных к пьесе дана обоснованная характеристика персонажа: «Чужест Странника этому миру подчеркивается не только его именем, выявляется его принадлежность к иному миру», природному, злу он противопоставляет «идею самоценности личности и органической жизни» [2, с. 304]. Он говорит о ругани, сквернословии в Ельце, предлагает «разуть глаза», чтобы увидеть «зерно»: ослепление ненавистью мешает видеть правду. Эта мысль очень важна для писателя, не случайно в пьесе ее выражают и другие персонажи: купец Герасим Евтеич (единственный, кто назван по имени и отчеству), торговец чижамы, мастеровой. Наиболее адекватно выражено мироощущение Пришвина, писателя диалогического типа мышления, в словах купца. Купец сравнил себя с зернышком, пробивающим себе дорогу, как ему назначено, а жизнь – с полем «из разных полосок, и на полосе разный колос, и каждый живет вблизи для себя, а со стороны одно поле, и такое чудесное поле, посмотри: там стрепеток, там касаточка, и колосья, миллиёны, миллиёны! Эх, братья, жизнь есть ценность и радость» [5, с. 353].

Вероятно, название пьесы изменилось в 1922 году [см.: 14, с. 22]: она стала называться «Базар». Вероятно, потому, что между Февральской и Октябрьской революциями главной приметой времени для Пришвина были зависть и злоба неимущих по отношению к богатым, хотя он видел и пробуждение народного самосознания: «Не то чтобы стал этот простой темный человек гражданином – это невозможно! а только почувствовал себя гражданином и предъявил свое мнение и поставил себя высоко!» [6, с. 354–355]. Но скоро именно эта тема стала доминирующей. О движении пришевской мысли говорит дневниковая запись: «Задонское и Липецкое “самоуправление”, скоро так и у нас будет: власть отомрет, и мужицкий базар определит жизнь» [8, с. 295].

Пришвин подчеркивал документальную основу пьесы о жизни обывателей Ельца весной 1917 года: «Люди, которых я описал в “Чертовой Ступе”, существуют в действительности, и русские люди, близкие к русскому быту, узнают их, а далекие от них считают за мои изобретения, “химеры” (Вяч. Иванов за талантливые, Гершензон за бездарные). Вопрос: есть ли ценность в том, что эти люди существуют» [8, с. 101]. Он не ставил под сомнение эстетическую ценность пьесы и, когда на Смоленщине пьесу не приняли, записал в дневнике: «Читал “Чертову Ступу” каким-то идиотам, причем выяснил для себя, что “Ч.С.” хороша» [8, с. 208]. Пьеса трудна для понимания неподготовленными читателями, особенно теми, чьи жизненные реалии существенно отличались, смолянам непонятны были и местные елецкие слова и выражения. Возможно, после этой читки Пришвин дополнил пьесу лингвистическим комментарием.

Не надеясь на постановку политически острой пьесы, он решил создать пьесу для чтения вслух. Он сохранил лишь внешние признаки жанровой структуры пьесы (она начинается описанием времени, места действия, действующих лиц и сцены, в ней много ремарок). Однако структура изменена: пьеса в одном действии, нет деления на явления (что в большинстве случаев невозможно из-за большого числа персонажей, находящихся на сцене). Чтобы пьеса адекватно воспринималась слушателями, Пришвин возложил большую нагрузку на авторскую речь: описания времени, места действия и сцены не только подробнее, чем в классических пьесах, но и художественнее. Несколько явлений объединяются в единое целое и составляют сцены, или эпизоды, им даны заголовки – по именам и прозвищам («Чертова Ступа», «Моряк и Химик», «Шибай и Кибай», «Негодяи»), символическим событиям и действиям («Неугасимая погасла», «Большой хлеб», «Суд»), жизненными реалиями, о которых говорят персонажи («Стеганные штаны», «Народ стал есть») и проч. Заголовки эпизодов связаны с заглавием пьесы: действие происходит в одном месте – на базаре, и все действующие лица присутствуют попеременно либо вместе на сцене. Фактически они все участвуют в обсуждениях важнейших философских проблем. «Базар» – пьеса-диспут.

Персонажам автор дал глубокие характеристики, ремарки заметно увеличены по размеру, содержание их существенно изменено: не только сказано, к кому обращена речь героя, что он чувствует и какие выражает эмоции (как в классических пьесах, предназначенных для постановки на сцене), но включены портреты и психологические характеристики. Портрет Черной Ступы, например: «У нее маленькое, в кулачок, лицо с одним далеко выдающимся зубом, голос сиплый, простуженный; отхаркивается; в правой руке – всегда “цигарка”;

во время речи, с приподнятой рукой, двумя пальцами и сигаркой, заключенной, как в двуперстии, она смутно (как обезьяна) напоминает боярыню Морозову в картине Сурикова» [5, с. 340]. Это не пародия на боярыню Морозову [см. об этом: 2, с. 304]. Пришвин к старообрядцам относился с глубоким уважением; скорее отдаленное внешнее сходство злобной мешчанки с Морозовой служит подсказкой, что цель жизни обмельчала: предсказания конца света у старообрядцев связаны с борьбой за веру, а у Чертовой Ступы с ненавистью к людям.

В характеристике купца и ростовщика больше внимания уделено не внешности, а внутреннему миру: «Рыбный торговец, седой, с большой бородой и совершенно красным лицом; очень крепкий, коренастый старик. <...> ...Очень странно гармоническое сочетание в нем, в одном лице, духа неизбежно плутующего, мелкого рыбного торговца с духом глубокой человечности. В русской общестственности такой тип обыкновенно разлагается на плута и фанатика общественной морали» [5, с. 340]. Ростовщик – «такой же двойной по вере и по делам своим, как Герасим, но... мы видим зверя рядом с Христом. Его лицо, когда спокойно, миловидно: тонкое, с розовыми пятнами на тонкой коже, глаза влажные; в гневе, налетающем мгновенно, это лицо преобразуется, глаза становятся сучьими, зубы оскалены...» [5, с. 340]. В отличие от купца в ростовщике сильнее звериное начало. А мастеровой представлен как «духовный сын Герасима Евтеича, борец за общественность, самоучка, домогатель, прототип партийного работника из меньшевиков». Кроме этих персонажей выделены родственница Герасима, «своей бесконечной заботливостью и попечением о людях ставшая... угодной Христу»; пьяницы Моряк и Химик, вносящие в разговоры дух сомнения. Про остальных персонажей сказано, что они «не требуют пояснения» [5, с. 340]. В обрисовке действующих лиц в авторской речи используются гротеск, сатира, ирония, юмор.

Мастерство писателя проявилось не только в создании ярких образов персонажей с характерной для каждого речью, но и в передаче многоголосия, с помощью которого создан собирательный образ народа. Пожалуй, Пришвин – автор первой в русской литературе пьесы, где герой – масса. Пытаясь понять причины неудач «всех попыток изобразить массу», Пришвин обратился к опыту мировой литературы, вспомнив изображения масс Ф. Шиллером в драме «Лагерь Валленштайна» и Г. Гауптманом в драме «Ткачи». Причину неудач он увидел в неверном пути создания собирательного образа: «художник чувствует индивидуум (тип), потом складывает это с чувством другого типа, третьего, и тип у него получается только соединенный арифметически плюсами. А нужно чувствовать вперед не отдельные существа масс, а всю ее, как лицо, и это лицо чтобы стало героем, и из это-

го лица после выделились сами собой отдельные лица» [8, с. 268]. Именно так он и создавал своего героя – массу. А. Ремизов, назвав «Базар» «хоровой пьесой» [14, с. 22], подчеркнул наличие именно данной особенности изображения массы.

Мысли о создании пьес не покидали Пришвина В конце 1921 года он вставил в дневник план-конспект произведения с оригинальным названием: «Рассказ со сцены. Поставьте декорации: усадьба 18-го века»; детально проработал образную систему, в первую очередь образ «Я», декорации [8, с. 223–225]. Замысел не был реализован, план стал наброском повести «Мирская чаша» – одного из лучших произведений русской литературы периода революции и Гражданской войны. В 1931 году Пришвин решился на создание пьесы на елецком материале [см.: 11, с. 576], видимо, вспомнив пожелание сына на 1928 год: «Оживить Елецкие дела белых и красных, преобразив их в пьесу» [10, кн. 6, с. 347]. Вероятно даже, что идея увлекла его на время, но пьесу он не написал, по его признанию, развернуть «дремлющие силы» помешала осторожность [см.: 12, с. 259–260]. Но это не главная причина: Пришвин – писатель диалогического типа мышления. Еще в начале XX века он осознал, что его призвание – путь Слова во имя утверждения жизни. В произведениях второй половины 1920-х – начала 1950-х гг. писатель воспевал радость, коренящуюся в основах бытия, высказывая свои сокровенные мысли о взаимоотношениях человека и мира.

Библиографический список

1. Варламов А.Н. Пришвин. – М.: Мол. гвардия, 2003. – 560 с.
2. Гришина Я.З., Гришин В.Ю. [Комментарий] // Пришвин М.М. Дневники, 1920–1922. – М.: Моск. рабочий, 1995. – Кн. 3. – С. 293–316.
3. Лавров А.В. Мережковский // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. – М.: Бол. рос. энцикл., 1999. – Т. 4. – С. 17–27.
4. Подоксенов А.М. Михаил Пришвин: художник и время (социокультурные контексты повести «Мирская чаша») [Электронный ресурс] // Kredo New: международный теоретический журнал. – 2014. – № 1. – Доступ из электрон. б-ки «Журнальный клуб “Интелрос”». – Режим доступа: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/k1-2014/23765-mihail-prishvin-hudozhnik-i-vremya-sociokulturnye-konteksty-povesti-mirskaya-chasha.html (дата обращения: 11.03.2018).
5. Пришвин М.М. Базар // Пришвин М.М. Цвет и крест. Неизвестные произведения 1906–1924 годов / сост., вступ. ст., подготовка текста и коммент. В.А. Фатеева. – СПб.: Росток, 2004. – С. 339–357.
6. Пришвин М.М. Дневники, 1914–1917. – М.: Моск. рабочий, 1991. – Кн. 1. – 432 с.
7. Пришвин М.М. Дневники, 1918–1919. – М.: Моск. рабочий, 1994. – Кн. 2. – 384 с.

8. Пришвин М.М. Дневники, 1920–1922. – М.: Моск. рабочий, 1995. – Кн. 3. – 336 с.
9. Пришвин М.М. Дневники. 1923–1925. – М.: Русская книга, 1999. – Кн. 4. – 416 с.
10. Пришвин М.М. Дневники. 1928–1929. – СПб.: Русская книга, 2004. – Кн. 6. – 544 с.
11. Пришвин М.М. Дневники. 1930–1931. – СПб.: Росток, 2006. – Кн. 7. – 704 с.
12. Пришвин М.М. Дневники. 1932–1935. – СПб.: Росток, 2009. – Кн. 8. – 1008 с.
13. Пришвин М.М. Павел // Цвет и крест – СПб.: Росток, 2004. – С. 174–175.
14. Ремизов А.М. Ахру. Повесть петербургская // Ремизов А.М. Собр. соч.: в 10 т. – М.: Русская книга, 2002. – Т. 7: Ахру. – С. 5–32.
15. Фатеев В.А. [Коммент. к пьесе М. Пришвина «Базар»] // Пришвин М.М. Цвет и крест. – СПб.: Росток, 2004. – С. 593.
16. Фатеев В.А. Пришвин // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. – М.: Бол. рос. энцикл., 2007. – Т. 5. – С. 142–151.
17. Хрущевский [Пришвин М.]. На заложниках жизни // Заветы. – 1912. – № 8. – С. 163–165.

References

1. Varlamov A.N. Prishvin. – M.: Mol. gvardiya, 2003. – 560 s.
2. Grishina YA.Z., Grishin V.YU. [Kommentarij] // Prishvin M.M. Dnevniky, 1920–1922. – M.: Mosk. rabochij, 1995. – Kn. 3. – S. 293–316.
3. Lavrov A.V. Merezhkovskij // Russkie pisateli. 1800–1917: Bio-graficheskij slovar'. – M.: Bol. ros. ehncikl., 1999. – T. 4. – S. 17–27.
4. Podoksenov A.M. Mihail Prishvin: hudozhnik i vremya (sociokulturnye konteksty povesti «Mirskaya chasha») [EHlektronnyj resurs] // Kredo New: mezhdunarodnyj teoreticheskij zhurnal. – 2014. – № 1. – Dostup iz ehlektron. b-ki «ZHurnal'nyj klub “Intelros”». – Rezhim dostupa: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/k1-2014/23765-mihail-prishvin-hudozhnik-i-vremya-sociokulturnye-konteksty-povesti-mirskaya-chasha.html (data obrashcheniya: 11.03.2018).
5. Prishvin M.M. Bazar // Prishvin M.M. Cvet i krest. Neizvestnye proizvedeniya 1906–1924 godov / sost., vstup. st., podgotovka teksta i komment. V.A. Fateeva. – SPb.: Rostok, 2004. – S. 339–357.
6. Prishvin M.M. Dnevniky, 1914–1917. – M.: Mosk. rabochij, 1991. – Kn. 1. – 432 s.
7. Prishvin M.M. Dnevniky, 1918–1919. – M.: Mosk. rabochij, 1994. – Kn. 2. – 384 s.
8. Prishvin M.M. Dnevniky, 1920–1922. – M.: Mosk. rabochij, 1995. – Kn. 3. – 336 s.
9. Prishvin M.M. Dnevniky. 1923–1925. – M.: Russkaya kniga, 1999. – Kn. 4. – 416 s.
10. Prishvin M.M. Dnevniky. 1928–1929. – SPb.: Russkaya kniga, 2004. – Kn. 6. – 544 s.
11. Prishvin M.M. Dnevniky. 1930–1931. – SPb.: Rostok, 2006. – Kn. 7. – 704 s.

12. Prishvin M.M. Dnevnik. 1932–1935.– SPb.: Rostok, 2009. – Kn. 8. – 1008 s.
13. Prishvin M.M. Pavel // Cvet i krest – SPb.: Rostok, 2004. – S. 174–175.
14. Remizov A.M. Ahru. Povest' peterburgskaya // Remizov A.M. Sobr. soch.: v 10 t. – M.: Russkaya kniga, 2002. – T. 7: Ahru. – S. 5–32.
15. Fateev V.A. [Komment. k p'ese M. Prishvina «Bazar»] // Pri-shvin M.M. Cvet i krest. – SPb.: Rostok, 2004. – S. 593.
16. Fateev V.A. Prishvin // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskij slovar'. – M.: Bol. ros. ehncikl., 2007. – T. 5. – S. 142–151.
17. Hrushchevskij [Prishvin M.]. Na zalozhnikah zhizni // Zavety. – 1912. – № 8. – S. 163–165.

Кучина Татьяна Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

tgkuchina@mail.ru

МУЗА БЕЗМОЛВИЯ: МОТИВЫ МОЛЧАНИЯ И НЕМОТЫ В МЕТАПОЭТИКЕ С. ГАНДЛЕВСКОГО И Л. ЛОСЕВА

Статья обращена к рассмотрению метапоэтической проблематики и интертекстуальных связей в стихотворениях «Все громко тикает. Под спичечные марши...» С. Гандлевского и «Слова для романа "Слова" № 2» Л. Лосева. В поэзии рубежа XX–XXI вв. заметно изменились принципы коммуникации поэта и Музы в сравнении с лирикой XIX и начала XX века: Муза больше не «диктор», а поэт – не «скриптор». Важнейшим сквозным мотивом стихотворений С. Гандлевского становится неартикулируемость поэзии, ее ускользание от слова. Удел поэта – беззвучный мир, в котором у него нет больше настоящих, собственных слов, а Муза молчаливо его покидает, оставляя в немой тоске. Стихотворение С. Гандлевского, по сути, могло бы быть названо «Смерть поэта» – причем смерть происходит в металитературном плане: поэт утрачивает способность творить поэзию. В стихотворении Л. Лосева фигура поэта остается за кадром: «шум словаря на перекрестке» не нуждается в его участии, сведенные грамматикой вместе слова легко обходятся без него. Лишь «случайно» вспыхивая стихотворением, слова на мгновение позволяют поэту совпасть с самим собой – с тем чтобы потом навсегда «слиться со тьмою».

Ключевые слова: Гандлевский, Лосев, молчание, немота, метапоэтика, смерть поэта.

В русской лирике рубежа XX–XXI вв. металитературная рефлексия нередко носит иронический характер, а традиционные атрибуты творчества – лиры / арфы, свитки, перья, да и сам образ Музы – вводятся в стихотворения как ready-mades, готовые поэтические знаки; как следствие, являются они из текстов-предшественников уже «в кавычках». Едва ли не самое лаконичное описание подобной метапоэтической стратегии можно найти в стихотворении Тимура Кибирова «Постмодернистское»:

Все сказано. Что уж тревожиться

И пыжиться все говорить?

Цитаты плодятся и множатся.

Все сказано – сколько ни ври [7, с. 395].

Муза в стихотворениях современных поэтов – далеко не частый гость; однако, как справедливо указывает Е.А. Погорелая, «каждое ее появление если не знаково, то уж во всяком случае – симптоматично. Говоря упрощенно, как автор относится к музе, так он относится и к поэзии, к ее существованию и бытованию *здесь и сейчас*» [10]. В статье Е.А. Погорелой дан достаточно подробный обзор взаимоотношений поэта и Музы в лирике М. Амелина, Б. Рыжого, О. Дозморова, В. Павловой, О. Николаевой, О. Чухонцева (и есть небольшой фрагмент, посвященный стихотворению С. Гандлевского «Неудачник. Поляк и истерик...»). Мы же более подробно остановимся на других произведениях С. Гандлевского («Все громко тикает. Под спичечные марши...», «Стоит одиноко на севере диком...») и двух стихотворениях Л. Лосева (образно и тематически связанных) и сосредоточимся в их анализе на одном из сквозных мотивов – немоты поэта и неартикулируемости поэзии.

Несколько предварительных замечаний. Лингвистические аспекты семантического комплекса «молчание / немота / тишина» подробно рассматриваются в статье Н.Г. Бабенко [3]. В ней при-

ведены содержательные характеристики каждого концепта, выявлены «невербальные знаки, так или иначе обозначающие территорию молчания в поэтических текстах» [3, с. 71], выделены средства выражения «молчания / немоты / тишины»: «пробелы в вербальном тексте, обозначенные строками отточий; обрыв слова; дейктически-паузный текст; визуальные манипуляции с вербальным текстом; попытки репрезентации чистой страницы как нулевого текста» [3, с. 72]. Исследование языковых экспериментов в поэзии второй половины XX века приводит Н.Г. Бабенко к выводу о том, что они «расчесывают язык против шерсти, обеспечивают <...> удаленность (= освобожденность) от слов, которая необходима для возврата к *Слову*» [3, с. 87]. Традиционно источником такого Слова в поэзии была Муза; рассмотрение же лирических нарративов о дружбе / вражде Поэта и Музы выводит нас от лингвистических аспектов изучения концептов «немоты» и «молчания» к метапоэтическим.

Метапоэтическая проблематика современной лирики достаточно активно исследуется в литературоведении (см., в частности, работы А.Э. Скворцова [12], А.С. Бокарева [4]). Кроме того, в антологии «Три века русской метапоэтики: легитимация дискурса» [14] и словаре «Русская метапоэтика» [15] представлены наиболее репрезентативные художественные произведения и дан обзор важнейших тенденций «самоописания» литературы – от «Слова о полку Игореве» до романов В. Набокова; однако в число включенных в завершающий том антологии текстов С. Гандлевского не вошло стихотворение «Все громко тикает. Под спичечные марши...», а произведений Л. Лосева нет вообще. Основная задача нашей работы – выявить приемы построения метапоэтического сюжета и функции интертекстуальных отсылок (в том числе автоаллюзий) в произведениях С. Гандлевского и Л. Лосева.

Стихотворение С. Гандлевского «Все громко тикает. Под спичечные марши...» (1994) породило целую серию интерпретаций – от трактовки его как кинематографического этюда [1] до смертельной декларации [13]. Принимая во внимание эти весьма значимые смысловые грани произведения, мы проследим также и за тем, как меняется акустический фон и, кроме того, как представлен в тексте субъект лирического высказывания.

жене

Все громко тикает. Под спичечные марши
В одежде лечь поверх постельного белья.
Ну-ну, без глупостей. Но чувство страха старше
И долговечнее тебя, душа моя.
На стуле в пепельнице теплится окурок,
И в зимнем сумраке мерцают два ключа.
Вот это смерть и есть, допрыгался, придурок?
Жердь, круговерть и твердь – мученье рифмача...
Нагая женщина тогда встает с постели
И через голову просторный балахон
Наденет медленно, и обойдет без цели
Жилище праздное, где память о плохом
Или совсем плохом. Перед большой разлукой
Обычай требует ненадолго присесть,
Присядет и она, не проронив ни звука.
Отцы, учителя, вот это – ад и есть!
В прозрачной темноте пройдет до самой двери,
С порога бросит взгляд на жалкую кровать,
И пальцем странный сон на пыльном секретере
Запишет, уходя, но слов не разобрать [6, с. 112].

«Заставка» лирического сюжета дана через звуковые образы – громкого тиканья и «спичечных маршей». Воспринимаются они в четко обозначенной субъективной перспективе: словарная семантика «тиканья» предполагает чуть слышимый звук – а у С. Гандлевского он отчетлив и назойлив; «громкое тиканье» – это, скорее, указание на болезненную обостренность восприятия, нежели на объективное качество звука. Более того, упоминания в самом начале о нарочитой активности часов в русской поэзии уже имеют свою историю: с однозвучного «хода часов» начинаются пушкинские «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», с «часов однообразного боя» – тютчевская «Бессонница», с «докучного боя» часов – «Бессонница» П. Вяземского (одновременно последнее стихотворение отсылает еще и к державинской «увертюре» из оды «На смерть князя Мещерского»: «Часы, “глагол времен, металла звон” надгробный, / Чего вы от меня с настойчивостью злобной / Хотите?» [5, с. 392]). Обратим внимание и на то, что коннотации тревоги и беспокойства, связанные с бессонницей в стихах А. Пушкина («спящей ночи трепетанье, / жизни мышья беготня» [11, т. 2, с. 191]), у Ф. Тютчева и П. Вяземского уже звучат почти на forte («глухие времена стенанья, / пророчески-прощальный глас» [11, т. 2, с. 605]; «как молотом кузнец стучит» [5, с. 392]). С. Гандлевским «унаследована» эта неясная, сумеречная тревога – и сфокусирована на страхе смерти: появившееся в третьем стихе

«чувство страха» еще через три строчки получает объяснение – «вот это смерть и есть».

В пользу версии о свидании со смертью говорит множество деталей стихотворения. Первая такая деталь – ключи: они знак «пороговости», пересечения пространственных границ; к тому же, по точному наблюдению Марины Яневой, учителя московского лицея № 1533, эти ключи отзываются эхом ахматовских «ключиков» из «Тайн ремесла» (стихотворение «Я над ними склонюсь, как над чайшей...»), посвященное Осипу Мандельштаму):

Это ключики от квартиры,
О которой теперь ни гугу...
Это голос таинственной лиры,
На загробном гостящей лугу [2, с. 239].

Показательно и то, что у самого О. Мандельштама «полночный ключик от чужой квартиры» [9, с. 208] появляется в стихотворении «Еще далеко мне до патриарха...» – а С. Гандлевский одно из своих стихотворений начинает именно этой мандельштамовской цитатой и размышляет в нем о течении времени, о приближении с годами к «суровой переправе» (вновь звучит тема пересечения рубежей, а с ней в текст входит прозрачная тень неназванного Харона) и о том, что «живая речь уходит в хрипотцу» [6, с. 79], – словом, налицо весь комплекс взаимосвязанных мотивов творчества – немоты – пограничности – смерти.

Другое слово с «пограничным» значением – «теплится»: в языковой практике оно чаще всего используется в таких контекстах, как «жизнь едва теплится» или «теплится надежда», – и указывает тоже на пересечение черты, на «неполноту» жизни, ее то ли неразгоревшийся, то ли угасающий свет. «Окурок» легко встраивается в этот ряд маркированных подробностей, указывающих на исчерпанность жизненного ресурса, бесполезность «пустого» остатка. О функциональных особенностях подобных предметных подробностей в литературе писал М. Эпштейн: «...происходит... внутренний контакт зрителя с молчащей вещью, которая больше всех слов, о ней сказанных. <...> В ее молчании и неподвижности прорезывается какое-то особое, непроизносимое слово, возникает внутреннее движение, словно бы колеблющее ближние слои пространства» [16, с. 328]; «обычно слова говорят, вещи молчат. Но когда слова доходят до границ молчания, само молчание вещей начинает говорить» [16, с. 330]. И говорит оно у С. Гандлевского о главном: о том, что жизнь вот-вот иссякнет до небытия, подобно тому как реальный «зимний сумрак» обратился в потустороннюю «прозрачную темноту». Прямое же упоминание о «плохом или совсем плохом» и затем «большой разлуке» и вовсе не оставляет читателю никаких иллюзий.

Акустическое сопровождение происходящего строится в той же логике замиранья звука: «спичечные марши» – внешний звук – сменяются мысленным проговариванием как будто застопо-

рившихся в сознании рифм; «жердь, круговерть и твердь» ничем не продолжают и, судя по всему, возвращаются по кругу, а потому воспринимаются как «мученье рифмача» (не раз встречающийся мотив в лирике С. Гандлевского: «...променять простосердечье, женскую любовь на эти пять похабных рифм: свекровь, кровь, бровь, морковь и вновь!» [6, с. 57]). Однообразное эхо от отражающихся друг в друге слов наводят тоску – и в следующих строфах она перерастает в холодное отчаяние, становящееся эмоциональной кульминацией стихотворения: «Присядет и она, не проронив ни звука. / Отцы, учителя, вот это – ад и есть!»

Подчеркнем две значимые подробности: субъект лирического высказывания предстает теперь перед нами в роли поэта (пусть и «рифмача»), а образ молчаливой женщины в балахоне приобретает новые коннотации – она явно оказывается в этом лирическом сюжете на месте Музы. Однако весь трагизм стихотворения в том, что Муза, вместо того чтобы одарить поэта «класкательным... стихом» (см. «Музе» А. Фета), или вдохновением (как у В. Жуковского в стихотворении «Я Музу юную, бывало...»: «И Вдохновение летало / С небес, незваное, ко мне» [11, т. 1, с. 524]), или «волшебством тайного рассказа» (как у А. Пушкина), олицетворяет немоту. С ее появлением из стихотворения С. Гандлевского исчезают абсолютно все звуки, остается лишь призрачный визуальный ряд («прозрачная темнота»), создающая ощущение «странного сна» и заставляющая все время вспоминать о мандельштамовском «Петрополе прозрачном», царстве Прозерпины, где «мы умрем» [9, с. 134]), который не может разрешиться словом – ни устным, ни письменным: «...запишет, уходя, но слов не разобрать». Удел поэта – беззвучный мир, в котором у него нет больше настоящих, собственных слов, и Муза молчаливо его покидает, оставляя в ужасе и тоске. Строго говоря, стихотворение вполне могло бы называться «Смерть поэта» – причем смерть происходит в металитературном плане: поэт утрачивает способность творить поэзию.

Именно этим, на наш взгляд, объясняется и то, как представлен сам поэт в стихотворении С. Гандлевского. В нем ни разу не появляется «я», единственный раз звучит клишированное обращение с личной формой местоимения («душа моя») и еще один раз появляется обращение, судя по всему, к самому себе («допрыгался, придурок»). Поэту – герою стихотворения – отведена роль исключительно пассивная (и в грамматическом, и в сюжетном плане): о его действиях сообщается в инфинитивных («в одежде лечь поверх постельного белья») или вовсе безглагольных конструкциях («Жердь, круговерть и твердь – мученье рифмача», «Отцы, учителя, вот это – ад и есть»). Зато весь предметный мир дан через личные формы глаголов («всё» – тикает, окурок – теплится, ключи – мер-

цают), а по-настоящему активным действующим лицом оказывается женщина в балахоне: «встаёт», «наденет», «обойдёт», «присядет», «пройдёт», «бросит взгляд», «запишет». Однако всё это – деструктивная активность: надевая балахон, она готовится покинуть поэта, дом обходит – на прощание, присядет – перед разлукой, запишет – так, что слов не разобрать. «Странный сон» – это прижизненный опыт смерти, и самое страшное в нем для поэта – переживание немоты.

Сходным образом «мучения рифмача» представлены и в других стихотворениях С. Гандлевского. Например, в «Стоит одиноко на севере диком...» писатель оказывается лишен каких бы то ни было слов, ему доступно только «вытьё» – да и то на уровне намерения («собирается выть» [6, с. 84]). Все слова – чужие («кавычки закрыть»), а своих не находится – и ироническое замещение лермонтовской сосны на «писателя с обросшею шеей и тиком» [6, с. 84] в финале стихотворения получает трагические оттенки. А в «Самосуде неожиданной зрелости...» неподвластность «невыразимого» поэтическому выражению передана характерной мизансценой: «...Расплескался по капле мотив. / Всухомятку мычу и мяукаю, / Пятёрными башку обхватив» [6, с. 80–81]. Взаимоотношения с музой и музыкой резюмируются в этом стихотворении С. Гандлевского формулой стоической готовности поэта принять поражение: «И пощадь не жду от тебя» [6, с. 81].

Образ женщины, управляющей словами вместо поэта, становится определяющим и в стихотворении Льва Лосева «Слова для романса “Слова” № 2» (2000).

Чего их жалеть – это только слова!
Их просто грамматика вместе свела,
в случайную кучу свалила.
Какая-то женщина к ним подошла,
нечаянной спичкой слова подожгла,
случайно спалила.
И этим мгновенным, но сильным огнем
душа озарилась. Не то что как днем –
как ночью, но стало судьбою,
что выросла тень моя и, шевелясь,
легла на деревьев ветвистую вязь,
на тучи, на звезды, пока не слилась
со тьмою [8, с. 380].

Образный ряд стихотворений Л. Лосева и С. Гандлевского («Все громко тикает. Под спичечные марши...») имеет комплекс пересекающихся деталей: ночь, тьма, спички / спичечные марши, душа, слова, женщина. И в сопоставлении обоих текстов очевидно, что и у Л. Лосева словно бы вскользь упоминающаяся «какая-то женщина» – тоже муза: именно благодаря ей бессмысленный, молчаливый штабель из слов разгорается – и дарует художнику поэтическое озарение (в буквальном смысле: «мгновенным, но сильным огнем / душа озарилась»). Если принять во внимание лосевские аналогии к понятию «поэзия» – «шум словаря на

перекрестке» [8, с. 274], или «грамматика есть бог ума. / Решает всё за нас сама» [8, с. 91], или «на перегное душ и книг / сам по себе живёт язык... В нем нашего – всего лишь вздох, / какой-то ах, какой-то ох, / два-три случайных междометья» [8, с. 91], то станет ясно, что огонь, разожженный музой, и есть тот самый «катализатор» поэзии, который превращает просто слова в «романсы».

Пока этого не случилось – слова остаются «дровами», инертным материалом – по крайней мере, это следует из первого стихотворения лосевского «диптиха», «Слова для романа “Слова”». Завершается оно так:

Я складывал слова, как бы дрова:
Пить, заготовить, купить, камин, собака.
Вот так слова и поперек слова.
Но почему ж так холодно, однако? [8, с. 213]

Явственно просвечивающее сквозь финальную строфу стихотворения Л. Лосева бунинское «Одиночество» пребывает замороженным поэтическим полуфабрикатом; слова-дрова заготовлены – а о спичках никто не позаботился. Подлинная же поэзия – ярка, обжигающая и недолговечна; более того, она никогда не вписывается ни в какие расчеты: в «Словах для романа “Слова” № 2» трижды повторяются лексемы с семантикой непреднамеренного действия («случайно», «случайный» и «нечаянный») – и нам остается лишь удивляться моментальному чуду сотворения стихов.

Но каково же место поэта в этом мире слов? Формальное – грамматическое – представительство субъекта лирического высказывания осуществляется косвенно – за счет единственного притяжательного местоимения («выросла тень моя»). Фигура, характер, биография поэта – ничего этого в стихотворении Л. Лосева нет, всё за кадром. Обнаружить поэта-невидимку можно только по тени – а тень появляется лишь тогда, когда есть источник света. Иначе говоря, поэт существует как поэт лишь в момент, когда муза запалила слова, – тогда ему принадлежит весь мир (в стихотворении стремительно расширяющийся от ветвей деревьев к тучам, звездам и космосу). Когда же стихотворение закончится и огонь его погаснет, поэт тоже исчезнет – тень его станет невидима во тьме. Примечательно, что стихотворение Л. Лосева рассказывает о поэте и музе исключительно в визуальных категориях, в нем нет ни одного акустического образа (хотя контекст намекает на звук чиркающей спички, или потрескивание огня, или шум колышущихся веток). Однако в отличие от замкнутого и постепенно развоплощающегося в прозрачную и призрачную потусторонность пространства С. Гандлевского мир Л. Лосева оказывается открыт, разомкнут, бесконечен – и уходит поэт не в онемевшее небытие, а к звездам. Пусть и тенью, которая вскоре сольется со тьмою.

При всей разнице принципов коммуникации поэта и музы в стихотворениях С. Гандлевского

и Л. Лосева важной общей смысловой сферой их произведений становится представление об отчужденности поэта от речи. У С. Гандлевского поэту достаются нечитаемые следы или опустошенные оболочки слов (еще более обесмысливающиеся от бесконечных рифменных отражений – «жердь, круговерть и твердь» или «свекровь, кровь, бровь, морковь и вновь»), у Л. Лосева же слова и вовсе легко обходятся без поэта и, лишь «случайно» вспыхивая стихотворением, позволяют ему осуществиться – на короткое время совпасть с самим собой.

Библиографический список

1. Анализ одного стихотворения: «Все громко тикает. Под спичечные марши...» С. Гандлевского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docplayer.ru/30644990-Analiz-odnogo-stihotvoreniya-vsyo-gromko-tikaet-pod-spichechnye-marshi-s-gandlevskogo.html> (дата обращения: 14.03.2018).
2. *Ахматова А.А.* Избранное. – СПб.: Диамант, 2001. – 448 с.
3. *Бабенко Н.Г.* Семантический комплекс «молчание / немота / тишина» в языке русской поэзии второй половины XX века // Балтийский филологический курьер. – 2003. – № 2. – С. 69–89.
4. *Бокарев А.С.* С. Гандлевский и А. Тарковский: автометаописательные мотивы лирики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – № 4 (79). – С. 115–119.
5. *Вяземский П.А.* Стихотворения / вступит. ст., подг. текста и примеч. Л.Я. Гинзбург. – Л.: Советский писатель, 1958. – 507 с.
6. *Гандлевский С.М.* Порядок слов: стихи, повесть, пьеса, эссе. – Екатеринбург: У-Фактория, 2000. – 432 с.
7. *Кибиров Т.Ю.* «Кто куда – а я в Россию...» / сост. Т. Кибиров. – М.: Время, 2001. – 512 с.
8. *Лосев Л.В.* Собранное: Стихи. Проза. – Екатеринбург: У-Фактория, 2000. – 624 с.
9. *Мандельштам О.Э.* Полное собрание стихотворений. – СПб.: Академический проект, 1995. – 720 с.
10. *Погорелая Е.* Метаморфозы музы // Арион. – 2014. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/arion/2014/1/16p.html> (дата обращения: 14.03.2018).
11. Русские поэты: Антология русской поэзии: в 6 т. – М.: Детская литература, 1989–1991.
12. *Скворцов А.Э.* Рецепция и трансформация поэтической традиции в творчестве О. Чухонцева, А. Цветкова и С. Гандлевского: дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2011. – 542 с.
13. *Степанов А.Г.* Поэт и смерть: стихотворение С. Гандлевского «Все громко тикает. Под спичечные марши...» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://librolife.ru/g4305368> (дата обращения: 14.03.2018).

14. Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса: Антология: в 4 т. Т. 4. XX век: Реализм. Соцреализм. Постмодернизм. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского ун-та, 2006. – 985 с.

15. Штайн К.Э., Петренко Д.И. Русская метапоэтика: учеб. словарь. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2006. – 601 с.

16. Этштейн М.Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. – М.: Советский писатель, 1988. – 416 с.

References

1. Analiz odnogo stihotvoreniya: «Vse gromko tikaet. Pod spichechnye marshi...» S. Gandlevskogo [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://docplayer.ru/30644990-Analiz-odnogo-stihotvoreniya-v-syo-gromko-tikaet-pod-spichechnye-marshi-s-gandlevskogo.html> (data obrashcheniya: 14.03.2018).

2. Ahmatova A.A. Izbrannoe. – SPb.: Diamant, 2001. – 448 s.

3. Babenko N.G. Semanticheskij kompleks «molchanie/nemota/tishina» v yazyke russkoj poezii vtoroj poloviny HKH veka // Baltijskij filologicheskij kur'er. – 2003. – № 2. – S. 69–89.

4. Bokarev A.S. S. Gandlevskij i A. Tarkovskij: avtometaopisatel'nye motivy liriki // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2013. – № 4 (79). – S. 115–119.

5. Vyazemskij P.A. Stihotvoreniya / vstupit. st., podg. teksta i primech. L.YA. Ginzburg. – L.: Sovetskij pisatel', 1958. – 507 s.

6. Gandlevskij S.M. Poryadok slov: stihi, povest', p'esa, ehssse. – Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2000. – 432 s.

7. Kibirov T.YU. «Kto kuda – a ya v Rossiiu...» / sost. T. Kibirov. – M.: Vremya, 2001. – 512 s.

8. Losev L.V. Sobrannoe: Stihi. Proza. – Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2000. – 624 s.

9. Mandel'shtam O.EH. Polnoe sobranie stihotvorenij. – SPb.: Akademicheskij proekt, 1995. – 720 s.

10. Pogorelaya E. Metamorfozy muzy // Arion. – 2014. – № 1 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/arion/2014/1/16p.html> (data obrashcheniya: 14.03.2018).

11. Russkie poehty: Antologiya russkoj poezii: v 6 t. – M.: Detskaya literatura, 1989–1991.

12. Skvorcov A.EH. Recepciya i transformaciya poehticheskoy tradicii v tvorcestve O. CHuhonceva, A. Cvetkova i S. Gandlevskogo: dis. ... d-ra filol. nauk. – Kazan', 2011. – 542 s.

13. Stepanov A.G. Poeht i smert': stihotvorenie S. Gandlevskogo «Vse gromko tikaet. Pod spichechnye marshi...» [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://librolife.ru/g4305368> (data obrashcheniya: 14.03.2018).

14. Tri veka russkoj metapoehtiki: Legitimaciya diskursa: Antologiya: v 4 t. Т. 4. XX век: Realizm. Socrealizm. Postmodernizm. – Stavropol': Izd-vo Stavropol'skogo un-ta, 2006. – 985 s.

15. SHtajn K.EH., Petrenko D.I. Russkaya metapoehtika: ucheb. slovar'. – Stavropol': Izd-vo Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2006. – 601 s.

16. EHpshtejn M.N. Paradoksy novizny: O literaturnom razvitii XIX–XX vekov. – M.: Sovetskij pisatel', 1988. – 416 s.

«НОВАЯ ИСКРЕННОСТЬ» В ПОЭЗИИ ДМИТРИЯ ВОДЕННИКОВА: О ПОВЕДЕНЧЕСКИХ СТРАТЕГИЯХ ЛИРИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА

Исследуется субъектная сфера лирики Дмитрия Воденникова, а именно определяющий ее принцип полифонии, при котором личность говорящего распадается на две диалогически связанных ипостаси. Устанавливается, что в сферу внутреннего диалога вовлекаются как отчужденные от «я» состояния и эмоции, так и жизненные «спутники» героя, определяющие его самосознание. Подробный анализ стихотворений «Ах, жадный, жаркий грех, как лев, меня терзает», «Сам себе я ад и рай, и волк, и заяц черный», «Репейник», цикла «Мои тебе чужие письма» позволяет рассматривать полифонию как универсальный в творчестве Воденникова «язык переживания». В то же время его усложненность интерпретируется как симптом нетождественности субъекта подлинному «я» поэта, а декларируемая автором «новая искренность» – как явление сугубо эстетическое.

Ключевые слова: Воденников, «новая искренность», «я» и «другой», субъектная структура, полифония, диалогические отношения в лирике.

Представление о Дмитрии Воденникове как о певце «новой искренности», читать которого «стыдно и сладко» [12], прочно закрепилось в литературной критике: «экзистенциальный стриптиз», «душевная “обнаженка”» [10, с. 176], «чувство... беззащитности в мире текущих, соблазнительных и опасных стихий» [15, с. 119], «голая, чистая правда» [13] – вот характерный синонимический ряд, фиксирующий особенности его самопозиционирования. Впрочем, откровенность высказывания не исключает опосредованности переживания: мир Д. Воденникова – это «театр одного актера», окруженного многоуровневой «системой двойников и зеркал» [14, с. 22]: «я» субъекта тотально фрагментировано, а диалогические отношения между его ипостасями являются главным «двигателем» лирического сюжета [6]. По мнению М. Айзенберга, своеобразием стихи поэта «отчасти и обязаны такому двухголосью» [1, с. 88] – своего рода полифонии (в том смысле, в каком ее понимал М.М. Бахтин [4]). Выявление в творчестве Воденникова конкретных форм и художественных функций подобной «оптики» как раз и будет задачей настоящей статьи.

В ранних текстах (прежде всего в книге «Репейник» [5, с. 5–34]¹) авторская ориентация на диалог уживается с отрефлексированной замкнутостью на себе: основным приемом, организующим субъектную сферу стихотворений, становится отделение от «я» его состояний/субститутов. Их персонафикация – беспрецедентная в современной лирике – осмысливается как безусловное «ноу-хау» поэта: личностные качества и эмоции героя принимают животный (реже – человеческий) облик, вступаая с ним в подобие коммуникации (не всегда вербальной, но, как правило, интенсивной). Так, стихотворение «Ах, жадный, жаркий грех, как лев, меня терзает» [5, с. 9–10] строится на развертывании исходного, заданного уже первой строкой, сравнения: вождление, впервые овладевающее ребенком (отсюда мотивы сладости и томления) оказывает

ся настолько могущественным, что уподобляется льву – традиционной аллегории власти и силы. В дальнейшем реальный план текста полностью вытесняется компаративным: «манипуляции» «царя зверей», совершаемые в отношении субъекта, описываются в подробностях («О! матушка! как моль, мою он скушал шубку <...> он мой живот лепной, как пирожок с изюмом, / безумьем медленным и сладким набивает...» [5, с. 9]), равно как и ответные действия героя, пытающегося преодолеть соблазн («А ночью слышу я, зовут меня: “Данила, / ни меда, ни изюма мне не жалко, / зачем ты льва прогнал и моль убил, Данила?”» [5, с. 10]). Таким образом, пространство внутренней борьбы у Воденникова «овнешняется», а разнонаправленные интенции «я» превращаются в персонажей-антагонистов.

Способствует этому и интертекстуальная «аранжировка» стихотворения: если имя героя заставляет вспомнить Данилу-мастера из бажовской «Малахитовой шкатулки»² [2], то лев ассоциируется с зооморфными инкарнациями Хозяйки и ее сюжетных «заместителей» (например, Голубой Змейки). Специальное исследование, посвященное циклу, выявило принципиальную для поэтики Бажова связь Эроса и Танатоса [11, с. 220]: неслучайно каменный цветок, принадлежащий Малахитнице, выступает и символом ее сексуальности (если учесть фрейдистские коннотации образа), и указанием на неизбежность смерти (губительная сила камня писателем неоднократно акцентирована³). Неявные параллели с Бажовым приводят к тому, что «мир диковинных зверей из детсадовской книжки» [3, с. 103] воспринимается читателем как по-настоящему опасный, а искушение, переживаемое протагонистом, – как непреодолимое. Поэтому финал текста едва ли благополучен: лев перестает осознаваться как угроза, но потерянный во сне палец интерпретируется как символическая смерть ребенка (или – с позиций психоанализа – в духе фрейдистских сюжетов кастрации) и воскрешение-пробуждение в нем мужчины: «“Скорей проснись,

очнись скорей, Данила». / И я с откусанным мизинцем просыпаюсь» [5, с. 10].

Сходным образом строится и стихотворение «Сам себе я ад и рай, и волк, и заяц черный» [5, с. 14–16] – с той разницей, что число персонифицированных качеств субъекта заметно увеличивается. Отправной точкой в развертывании сюжета становится потеря героем идентичности, при этом изменения, происходящие в его сознании, тщательно фиксируются: «...под Пасху / поселиться во мне пришли лисица, / петух и кот, кот и петух, кот и лисица. / Уж и гнули они меня, и лапами били сухими, / но зато теперь никто меня не покинет» [5, с. 14]. Разумеется, речь не идет о шизофреническом расстройстве личности: один из ключевых мотивов «Репейника» – взросление, которое и сопровождается в анализируемом стихотворении диссоциацией. Характеристики, данные упомянутым животным, в целом соответствуют их «репутации» и прозрачно намекают на скрытые за ними понятия. Так, лиса («блядская морда») олицетворяет похоть, кот («дюже умный, гордый») – независимость и свободолюбие, петух («веселая тушка») – излишнюю самонадеянность [5, с. 14] и т. д. Повторяющийся сюжетный ход – «изъятие» персонажей из текста, причем судьба каждого мотивируется его поведенческими склонностями: лису ловят и убивают «бабы», петух, прежде чем умереть, лишается своего главного атрибута – гребня, а кот и вовсе пропадает бесследно. Если обретение виртуального «бестиария» прочитывается как признак взросления (отмеченного множеством противоречивых, нередко взаимоисключающих потребностей и желаний), то исчезновение «многоумных тварей» [5, с. 16] – как исsekновение жизни, ее девальвация. Единственное, что остается герою, – это «волчья и заячья мука» [5, с. 16], страх и одиночество, сопровождающие человека до последней минуты.

В следующих книгах («Как надо жить – чтоб быть любимым» [5, с. 79–98], «Черновике» [5, с. 165–250] и др.) полифоническая природа текста осознается Воденниковым как доминанта поэтики и подкрепляется композиционными средствами – сегментацией высказывания (с помощью шрифтовых выделений) и использованием автоэпиграфов (нередко специально сочиненных для этой цели)⁴. Если курсивом отмечается дополнительный речевой поток, принадлежащий «внутреннему оппоненту» [3, с. 105], то эпиграф призван острить или поставить под сомнение сказанное⁵. Когда стихотворение начинается словами «Так неужели / я никогда не посмею...» [5, с. 84], а продолжается самополемикой («...а кто, собственно, / может мне здесь запретить, / уж не вы ли, мои драгоценные, / уж не вы ли...») (курсив в цитатах здесь и далее принадлежит автору. – А. Б.) [5, с. 84], смысл приема становится очевиден: рождение мысли прямо на глазах у читателя создает впечатление непосредственности речи, а диалог становится принципом ее структурирования. Кроме того, в диа-

логе реализуется стремление героя определить свои личностные границы, поэтому мотив отчуждения приобретает у Воденникова значение ключевого⁶ («Так жить, чтоб быть / ненужным и свободным, / ничейным, лишним, рыхлым, как земля, – / а кто так сможет жить? / Да кто угодно, / и как угодно – но не я, не я» [5, с. 92]). Эпиграфы же, представляющие собой «инобытие основного текста» [8, с. 20], часто не столько выражают его главную мысль, сколько спорят с ней. Например, утверждение «Так вот во что – створожилась любовь...» [5, с. 107], предположенное одному из произведений, оборачивается в нем своей противоположностью: герой не намерен впадать в отчаяние и надеется на возобновление чувства («И мы – проснемся, на чужих руках, / и быть желанными друг другу поклянемся...») [5, с. 107]). В целом стихотворения Воденникова с автоэпиграфами отдаленно напоминают мандельштамовские «двойчатки», реализующие разные пути развития одной поэтической мысли.

Совершенно иная, по сравнению с рассмотренной, тенденция (возникающая уже в «Репейнике» и не теряющая значимости в зрелых текстах) – принципиальная открытость героя миру, при которой все «существующее вокруг источника речи» включается в структуру лирического субъекта [14, с. 23]. Формула «“я” – это “другие”» как нельзя лучше характеризует авторское мироотношение: своеобразии персонального опыта определяется в первую очередь внешними контактами, а значит, люди, с которыми приходится иметь дело, неотделимы от самосознания личности. Заглавие одного из стихотворений – «Мистические любовники» [5, с. 32–34] – указывает на тесную связь между «я» и его окружением: многочисленные «другие» (их имена перечислены в первой строфе – «Вова, Галя, Соня, Дима» [5, с. 32]) забираются «под кожу», «бродят в голове» героя, грозя устроить «содом» [5, с. 33], – и это, согласно Воденникову, естественный способ существования. Отношения между «любовниками» и сознанием протагониста крайне напряженные: удовлетворение его желаний – главный стимул их жизни («...я их всегда имею по порядку...» [5, с. 32]), но за удовольствие герой вынужден платить знанием, что когда-нибудь они его «задушат» [5, с. 33]. Вместе с тем избавление от названных «сущностей» чревато потерей индивидуальности – без них «я» фактически перестает существовать, ведь именно они делают его неповторимым: «Но если, Поля, все они меня оставят, / какой я буду легкий и прозрачный, / и можно всех во мне раслить или убить. / Так как же быть с любовницей иначе, / чем их судьбой себе живот набить?» [5, с. 33].

Мотив «поглощения»⁷, возникающий в процитированном стихотворении, – универсальная в творчестве автора модель взаимоотношений между «я» и миром. Позволяя «другому» стать частью своей личности («поглощая» его), протагонист сам становится объектом «поглощения» (травмати-

ческий характер такого процесса у Воденникова нередко тематизируется). Символическим выражением чужого сознания служат, как правило, образы «крыжовника» [5, с. 19–21] / «репейника» [5, с. 22–24], / «шиповника» [5, с. 153–154], не сводимые к конкретной субъективности и приобретающие вселенские масштабы⁸. Если «репейник» в одноименном стихотворении [5, с. 22–24] объявляется «богом», то герой, лежащий «под ним в очках и горячих джинсах» [5, с. 22], – его творением, обреченным на смерть (именно так трактуется мучительное «слияние» с миром: «Он, нарядный, мохнатый, / наелся мной и напился...» [5, с. 22]) и дальнейшее «второе рождение» (неслучайно текст посвящен Исааку и его родителям – Аврааму и Сарре⁹ [5, с. 22]). Упоминанием библейских персонажей поддерживается и мотив жертвоприношения: для того, чтобы «возрождение» / «обновление» стало возможным, необходимо отказаться от прошлого, пожертвовать самым дорогим, что есть у человека, – частью своего «я»: «Жил да был у меня когда-то барашек, / не было барашка в мире краше, / он играл со мной, звенел кудельками, / только стал я лучше, стал я старше / (говорит, а сам глядит на жирный камень). / Знаешь: ты отдай за меня барашка, / что-то стало мне с барашком этим страшно» [5, с. 23–24]. Иными словами, «я» у Воденникова – это часто интересубъектная структура, формирующаяся в тесном взаимодействии с «другим» и невозможная вне этого контакта.

Примечательно, что автокоммуникация, понимаемая как инвариант субъектных отношений, может «захватывать» в творчестве поэта смежные «территории», «вызревая» внутри диалога с «другими». Таков лирический цикл «Мои тебе чужие письма» [5, с. 174–180]: уже заглавие свидетельствует о зыбкости субъектных границ (письма «мои», но все-таки «чужие»), а коммуникативная ситуация, к которой оно отсылает, воспринимается как аномальная. Часть произведений – цикл состоит из десяти относительно самостоятельных текстов – вообще не имеет выраженного адресата: размышления об электронных дневниках, творчестве, мужской красоте соседствуют в них с интимными подробностями и претендующими на универсальность сентенциями. Впрочем, процесс письма становится объектом рефлексии уже во втором стихотворении, а в пятом, шестом и седьмом текстах приводится сама «переписка»: «Ты – мне пишешь: “...и вот, в куче старых штрафов за неуставную парковку нашел твое раритетное письмо. <...> Зачем я его некогда распечатал – не знаю. Наверное, хотел порыдать над ним в лопухах, но по живости природы отвлекся и забыл”» [5, с. 178]. Приведенный фрагмент интересен тем, что слова, явно атрибутируемые протагонисту, парадоксальным образом приписываются его собеседнице. Подобный ход – прямая реализация заглавной формулы: оппозиция «свое – чужое» снимается, а адресант и адресат совпадают в одном

лице. По мысли Воденникова, единственный «привиденциальный собеседник» поэта («мой... письменный ты, / мой бессмысленный стихотворщик» [5, с. 179]) – это он сам, поэтому «разговор с... собой» – отнюдь не «ловушка», в которую попадает очередное стихотворение [3, с. 107], а неотъемлемая черта авторской поэтики¹⁰.

Итак, лирика Д. Воденникова предусматривает для субъекта две противопоставленных друг другу стратегии поведения: эгоцентрическую замкнутость на себе и болезненную открытость миру. При этом «языком переживания» в обоих случаях оказывается полифония – внутренний диалог, в который вовлекаются как «отчужденные» от «я» состояния и эмоции, так и жизненные «попутчики» героя, определяющие его самосознание. Изощренность этого языка – результат осознанных авторских усилий, поэтому протагонист, двоящийся в интертекстуальных «зеркала» или меняющий «роли» в процессе очередного «сеанса откровенный», автоматически растождествляется с подлинным «я» поэта. Можно предположить, что последнее Воденникову едва ли интересно, а декларируемая им «новая искренность» – явление сугубо эстетическое [8, с. 17; см. также: 9, с. 286]. Как бы то ни было, традиционные субъектные отношения подвергаются у него тщательной ревизии – и это только один из симптомов обновления поэтического языка в неклассическую эпоху.

Примечания

¹ Книги и циклы Воденникова и далее цитируются по сборнику стихотворений «Обещание» [5].

² Персонаж по имени Данила появляется в трех сказах Бажова – «Каменном цветке» [2, с. 60–73], «Горном мастере» [2, с. 117–125] и «Хрупкой веточке» [2, с. 200–206]. По мнению Д.П. Бака, условно-литературное имя воденниковского героя сигнализирует о том, что говорящий как бы отделяется от своей «достоверной биографии» [3, с. 104].

³ См., например, такие тексты, как «Каменный цветок» [2, с. 60–73], «Тяжелая витушка» [2, с. 144–152], «Синюшкин колодец» [2, с. 168–176] и др.

⁴ Данная особенность поэтики Воденникова уже становилась объектом исследовательского внимания: см., например, работы Д.П. Бака [3] и А.А. Житенева [8].

⁵ Показательно, что некоторые эпитафии появились лишь при повторной публикации стихотворений [3, с. 107].

⁶ Подробный анализ данного мотива см. в работах А.А. Житенева [8, с. 19; 9, с. 286].

⁷ Подробный анализ данного мотива см. в статье Л.Г. Вязмитиновой [7, с. 275].

⁸ К сходным выводам приходит Л.Г. Вязмитинова, анализируя стихотворение «Было горло красненьким, голодным, прогорклым...» [5, с. 17–18]: «...“чудовище” трансформируется в “плачущую жемчужно” “жабу”, “всех” “заманившую в свое горькое,

горькое горло». Слово “горло”, являющееся <...> трансформацией “репейника”, оказывается как всем миром, так и его составным элементом...» [7, с. 275].

⁹ Как известно, Авраам был готов принести сына в жертву, поэтому отмена ритуала может быть осмыслена как «второе рождение» Исаака.

¹⁰ Эпиграф, предпосланный циклу, подсказывает иную – патографическую – интерпретацию, однако это как раз тот случай, когда основной текст не поддерживает, а опровергает ее: «Один человек, страстный садовод, пытался натянуть нити вдоль грядок, на которых он посеял салат-латук, для того, чтобы защитить его от птиц.

Его жена вернулась из магазина и обнаружила паутину из нитей, завязанных сложным и бессмысленным образом, вне зависимости от направления грядок.

Это был первый признак того, что в последующем оказалось слабоумием» (*Из книги по психиатрии*) [5, с. 174].

Библиографический список

1. Айзенберг М. Оправданное присутствие. – М.: Новое издательство, 2005. – 212 с.
2. Бажов П.П. Малахитовая шкатулка. – Свердловск: Свердловское обл. гос. изд-во, 1952. – 444 с.
3. Бак Д.П. Дмитрий Воденников // Д.П. Бак. Сто поэтов начала столетия: пособие по современной русской поэзии. – М.: Время, 2015. – С. 102–108.
4. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Русские словари: Языки славянской культуры: Языки славянских культур, 1997–2012. – Т. 6. – С. 6–300.
5. Воденников Д.Б. Обещание. – М.: Эксмо, 2011. – 288 с.
6. Вязмитинова Л.Г. «Мне стыдно оттого, что я родился кричащий, красный, с ужасом – в крови...» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/VODENNIKOV/about/about-3.html> (дата обращения: 27.07.2018).
7. Вязмитинова Л.Г. В поисках утраченного «Я» // Новое литературное обозрение. – 1999. – № 39. – С. 271–280.
8. Житенев А.А. Нарциссизм как прием: формы легитимации авторской позиции в поэзии Д. Воденникова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. – 2006. – № 1. – С. 17–20.
9. Житенев А.А. Поэзия неомодернизма: монография. – СПб.: ООО «Инапресс», 2012. – 480 с.
10. Иванова О. «Неоспоримой кровью...» // Новый Мир. – 2003. – № 11. – С. 174–180.
11. Липовецкий М.Н. Зловещее в сказах Бажова // Quaestio Rossica. – 2014. – № 2. – С. 212–230.
12. Рождественская К. Ксения Рождественская о диске Дмитрия Воденникова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vodennikov911.narod.ru/raznoe.html> (дата обращения: 27.07.2018).

13. Сальникова М. Поэт-дурак, поэт-отец, поэт-цветок. Дмитрий Воденников в театре «Практика» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vodennikov.ru/press/drugaya_rec_na_praktiku.htm (дата обращения: 27.07.2018).

14. Штраус А.В. Лирический герой в поэзии Д. Воденникова // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 303. – С. 21–24.

15. Шубинский В. Дмитрий Воденников. Черновик // Критическая масса. – 2006. – № 4. – С. 119–121.

References

1. Ajzenberg M. Opravdannoe prisutstvie. – M.: Novoe izdatel'stvo, 2005. – 212 s.
2. Bazhov P.P. Malahitovaya shkatulka. – Sverdlovsk: Sverdlovskoe obl. gos. izd-vo, 1952. – 444 s.
3. Bak D.P. Dmitrij Vodennikov // D.P. Bak. Sto poehtov nachala stoletiya: posobie po sovremennoj russkoj poehzii. – M.: Vremya, 2015. – S. 102–108.
4. Bahtin M.M. Problemy poehtiki Dostoevskogo // Sbranie sochinenij: v 7 t. – M.: Russkie slovori: YAzyki slavyanskoy kul'tury: YAzyki slavyanskikh kul'tur, 1997–2012. – T. 6. – S. 6–300.
5. Vodennikov D.B. Obeshchanie. – M.: EHksmo, 2011. – 288 s.
6. Vyazmitinova L.G. «Mne stydno ottogo, chto ya rodilsya krichashchij, krasnyj, s uzhasom – v krov'i...» [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/VODENNIKOV/about/about-3.html> (data obrashcheniya: 27.07.2018).
7. Vyazmitinova L.G. V poiskah utrachennogo «YA» // Novoe literaturnoe obozrenie. – 1999. – № 39. – S. 271–280.
8. ZHitenev A.A. Narcissizm kak priem: formy legitimacii avtorskoj pozicii v poehzii D. Vodennikova // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. ZHurnalistika. – 2006. – № 1. – S. 17–20.
9. ZHitenev A.A. Poehziya neomodernizma: monografiya. – SPb.: ООО «Inapress», 2012. – 480 s.
10. Ivanova O. «Neosporimoy krov'yu...» // Novyj Mir. – 2003. – № 11. – S. 174–180.
11. Lipoveckij M.N. Zloveshchee v skazah Bazhova // Quaestio Rossica. – 2014. – № 2. – S. 212–230.
12. Rozhdestvenskaya K. Kseniya Rozhdestvenskaya o diske Dmitriya Vodennikova [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://vodennikov911.narod.ru/raznoe.html> (data obrashcheniya: 27.07.2018).
13. Sal'nikova M. Poeht-durak, poeht-otec, poeht-cvetok. Dmitrij Vodennikov v teatre «Praktika» [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://vodennikov.ru/press/drugaya_rec_na_praktiku.htm (data obrashcheniya: 27.07.2018).
14. SHtraus A.V. Liricheskij geroj v poehzii D. Vodennikova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2007. – № 303. – S. 21–24.
15. SHubinskij V. Dmitrij Vodennikov. Chernovik // Kriticheskaya massa. – 2006. – № 4. – S. 119–121.

СТРАТЕГИЯ ШАХЕРЕЗАДЫ И ПОИСК ВТОРОГО
В «ПРЕПОДАВАТЕЛЕ СИММЕТРИИ» А. БИТОВА

В статье предлагается попытка прочтения романа Андрея Битова «Преподаватель симметрии» через описание авторской стратегии, условно определенной как стратегия Шахерезады и ориентированной на нон-финальность и метанарративность. Исходя из характерной для писателя склонности к дописыванию и переписыванию своих текстов, созданию версий, дублей и двойников, высказывается предположение, что именно эффект Второго (его наличие, отсутствие, поиск) становится необходимым условием для возникновения и развития битовской нарративной конструкции. Вводится описание нарративного принципа Шахерезады: балансирование на грани недостатка-излишка, актуализация «второго» компонента и рассказ о его поиске/творении. Демонстрируются приемы и механизмы создания «второго» элемента в тексте и особенности его функционирования. Обосновывается понятие двоичности нового типа, используемой Битовым, не сводимой к бинарности и исходящей не из антитетичности, а из интегративности. В этом ракурсе интерпретируется название романа и понятие симметрии, актуализируемое автором.

Ключевые слова: Андрей Битов, «Преподаватель симметрии», нарративная стратегия, нон-финальность, дубль, принцип Шахерезады.

Роман А. Битова «Преподаватель симметрии», построенный как мистификация со множеством фиктивных и недостоверных нарраторов, мнимость которых тут же демонстративно обнаруживается, сконцентрирован вокруг процедуры метанаррации. Это текст о создании текста, рассказ о рассказывании, о чем недвусмысленно и неоднократно говорит сам Битов как в самом романе (в предисловии, послесловии, примечаниях переводчика) [3], так и в интервью [1], размышляя о необходимости «справиться с сюжетом», рассматривать романские линии как отражения и даже обижаясь на неготовность читателя считывать предельно обнаженные коды. Причем часто фразы из художественного текста и интервью дословно совпадают. Собственно манифестацией метанарративной темы становится и центральный концепт романа: жизнь, превращенная/превращающаяся в текст (во всех возможных вариантах: от экзистенциально-метафоричного в случае Урбино Ваноски до мелодраматически-бытового – вытеснения из повествования Дики и ее смерти).

В этой связи закономерно, что источники и катализаторы наррации становятся первостепенными как для автора, озабоченного нон-финальностью текста, так и для исследователя, предполагающего обнаружить здесь основной нерв произведения. Учитывая известную в битоведении склонность писателя к дописыванию и переписыванию своих текстов, созданию версий, дублей и двойников [2; 4; 6] и принимая во внимание его настоятельную рекомендацию прочитывать «Преподавателя симметрии» как роман-эхо и роман отражений, выскажем предположение, что именно эффект Второго (его наличие, отсутствие, поиск) становится необходимым условием для возникновения и развития битовской нарративной конструкции.

Уже в предисловии к роману один из фиктивных нарраторов – переводчик – вводит сравнение своей ситуации с Шахерезадой. Подобно ей, рассказчик вынужден каждый день придумывать новую историю, пересказывая рабочим геологической экспедиции книгу на иностранном языке. Помимо того, что рассказчик-Битов придумывает себе двойника – переводчика-Битова, а тот в свою очередь – двойника-типаж (переводчика вообще), важен сам образ Шахерезады, двоющей каждую историю, намеренно разбивая ее, чтобы закончить на следующий день. При этом именно продолжение ее сказки выступает тем искомым, ожидаемым и более ценным «вторым», которое обещает нечто максимально ценное: смысл истории и свободу героини.

Заметим, что сама сказочная Шахерезада тоже нуждается во Втором – спутнике и помощнике. Эту роль выполняет ее младшая сестра Дунизада, которую предприимчивая сказительница берет с собой в гарем. Именно Дунизада в определенный момент должна попросить рассказать ей сказку на ночь, чтобы запустить эту серию историй 1001 ночи и, соответственно, наррацию.

В качестве одного из эпиграфов к «Преподавателю симметрии» использована фраза из «Рукописи, найденной в Сарагосе» Яна Потоцкого – текста, построенного по тем же принципам, что и роман Битова (незаконченность, несколько рамочных конструкций, включение чужих текстов и их пересказов, элементы мистификации). «Рукопись» Потоцкого писалась и переписывалась автором всю жизнь, но, по свидетельству П.А. Вяземского, начиналась как развлечение для больной жены, которой уже были прочитаны сказки «Тысяча и одной ночи» и требовалось продолжение: «он каждый день писал по главе романа своего, которую вечером и читал ей вслух» [5, с. 11]. Впрочем, не ис-

ключено, что и эта мотивировка – только мистификация и намеренная нарративная стратегия.

Так уже на паратекстуальном уровне вводится нарративный принцип Шахерезады: балансирование на грани недостатка-излишка, актуализация «второго» компонента и рассказ о его поиске/творении. Поэтому с самого начала повествования умножаются голоса нарраторов в романе, порождая грандиозную систему фиктивных повествователей. К заявленным в предисловии писателю Тайрд-Бэффину и его переводчику-Битову добавляется Урбино Ваноски – автор основного корпуса текстов, собранных Тайрд-Бэффином и «переведенных» Битовым; Ваноски в одной из новелл («В конце предложения») создает героя-рассказчика – Антона, у которого, в свою очередь, есть как будто не двойник, а «ближайший друг Тишкин, великий ученый» [3, с. 73], слова, идеи и тексты которого Антон воспроизводит; сам Ваноски после жизненных трагедий меняет имя и стиль, становясь поэтом Рисом Воконати; наконец, в новелле «Посмертные записки Тристрам-клуба» появляется целая группа молодых авторов, мечтающих о литературном поприще и демонстрирующих свои тексты, а точнее – их отсутствие, и рассказывает о них писатель-неудачник по имени Эрнест и т. д. По принципу Шахерезады, каждое новое деление этой матрешки и возникновение нового автора порождает новый виток наррации и ожидание завершения предыдущей разорванной истории. Однако, как и следует ожидать в случае с Битовым, если завершение и происходит, то отнюдь не окончательное; это завершение сюжета, но не завершение книги или повествования.

Ситуация порождения повествователей и умножения авторских голосов усложняется их внутренним движением и сменой ролей. Так, «переводчик», минуя промежуточных нарраторов – Тайрд-Бэффина и/или Ваноски, может вторгаться в рассказ нарратора второго или третьего порядка и комментировать его текст. Абсолютного неразличения ситуация достигает в новелле «В конце предложения», где происходит утраивание переводчиков: а) Ваноски переводит письмо плохо пишущего по-английски Антона; б) Тайрд-Бэффин включает этот перевод в качестве рассказа, написанного Ваноски, в свой роман; в) весь этот текст в целом «переводит» Битов как герой-переводчик «Преподавателя симметрии». Достигнутая одновременность наррации с постоянными отсылками и переключками двойников обеспечивает бесконечную генерацию повествовательных конструкций, ходов, микросюжетов и т. д. Поэтому порождение нарраторов потенциально бесконечно и становится одной из устойчивых процедур тек-

ста. Не случайно Битов заводит разговор о месторождении как некоем фонтанирующем источнике творческой энергии¹.

Можно обнаружить и механизм, по которому происходит возникновение нового нарратора: каждый из фиктивных рассказчиков находится в поиске следующего как некоего идеального автора, того «второго», который сможет его дополнить, воплотить, легитимировать. Поэтому переводчик, утратив подлинный текст Тайрд-Бэффина, пытается воспроизвести его по памяти; Тайрд-Бэффин разыскивает Ваноски, чтобы взять у него интервью; Антон видит в Тишкине свою лучшую часть и своего учителя; Рис Воконати представляет перерожденного, желающего начать все с белого листа Ваноски и т. д. Возникший в повествовании «второй» одновременно реализует сразу два противоположных аспекта. С одной стороны, это недостающий, искомый идеальный образец, которым стоит себя дополнить ради достижения целостности. А с другой, это вытесненные нарративные «излишки» основного рассказчика, что особенно демонстративно обнажено в «Посмертных записках Тристрам-клуба», где на читателя обрушена целая библиотека нереализованных набросков и сюжетов, каждый из которых может быть осуществлен и может выйти из маргинального «вторичного» существования.

Однако своего «второго» в романе имеют не только нарраторы. Практически у каждого героя есть близнец: реальный (Варфоломей и его брат), вымышленный (Лили-Марлен), названный брат (Тишка и Тошка) или своеобразный дублер, замещающий-продолжающий судьбу первого (Елена и Эвридика, Дика и Лили-Марлен, Бруна и Бьянка; сумасшедшие изобретатели; авторы ненаписанных текстов участников Тристрам-клуба и Мурито, укравший/написавший их). Но это отнюдь не традиционно понимаемые романтические двойники (Doppelgänger), поддерживающие идею бинарности введением тайной (темной) стороны личности. Функция двойников здесь совершенно иная: их задача – стимулировать наррацию.

Так, внезапно возникающая в новелле «Битва при Альфабете» фигура брата-близнеца Варфоломея вводит целый фрагмент, обосновывающий место/статус героя в его империи и одновременно семейную тему, которая в многочисленных версиях воспроизводится в романе. Однако уже способ существования этого близнеца – все время на границе жизни и смерти (известия о нем не регулярны) – создает эффект балансирования на границе излишка-недостатка: новая порция сведений или, за их отсутствием, воспоминаний о брате становится источником новых ассоциаций и нового вит-

¹ Подробно об этом см.: Тюленева Е.М. Семантический комплекс 1937 года в «Преподавателе симметрии» А. Битова: опыт деконструкции текста // Профессия: литератор. Год рождения: 1937: коллективная монография. – Елец, 2017. – С. 33–40.

ка повествования. При этом внешне педалируемая оппозиционность братьев («Варфоломей с пеленок попользовался безответственными правами младшего, а брат, с приготовительных форм, нес на своих нешироких плечах обязательства наследника. Это именно Варфоломей стал чуть позднее двоенником, а брат уже был отличником. Это брат обладал феноменальной памятью, множил в уме трехзначные числа...» [3, с. 174]) сразу нейтрализуется. Характерно по-битовски выдается целая серия подмен и переворачиваний: выясняется, что Варфоломей – младший брат, то есть это именно он – второй («Потому что у Варфоломея был брат. Правильнее сказать, Варфоломей был братом...») [3, с. 174]; оказывается, что братья в какой-то момент поменялись жизненными предпочтениями и, соответственно, судьбами («В какой момент Судьба перепутала их? Так, что судьба Варфоломея досталась брату, судьба брата Варфоломею? Это брату было – царствовать, а Варфоломею – странствовать, а вышло наоборот» [3, с. 174]). Причем история подмены так и остается за пределами текста, перед нами только результат, при котором Варфоломей оказывается «первым», наследником и, по сути, единственным. Но и эта черда неразличений не окончательна, она усиливается новым дублем: у Варфоломея есть сыновья, и их введение в текст происходит по той же нарративной схеме – через приращение и его оборачивание. Как будто случайно в повествование, как в поле зрения, попадает открытая дверь в комнату Варфоломея-младшего, и тут же сообщается, что точнее называть его Варфоломеем-Средним, «потому что был еще и другой Варфоломей-младше-младшего, или Варфоломей-младшенький...» [3, с. 172].

И так эта серия может прирастать бесконечно, пока не обнаруживается центральный элемент любой новеллы «Преподавателя симметрии» – книга. Собственно, именно ее это дублирование и порождает, поскольку и книга в данном случае показательна – это дополнительный том энциклопедии: «... что это за радость – дополнительный том! что за смех... В него – все недочеты и упущения, весь стотомный опыт – в него. Вся провинциальность наших представлений о мире. Все неудачники, все жертвы энциклопедической несправедливости, все последние выскочки – от А до Я, между Эй и Зет!.. Какая пестрая, нелепая толпа! Оттененные было АБАЖУРОМ, ни в чем не повинные АЛАНДСКИЕ ОСТРОВА... Кто пропустил их в первом томе?.. Зато теперь, в компенсацию за моральный ущерб, Варфоломей даже карту им придал, честь, которой не достаивались и могучие архипелаги» [3, с. 184]. Дополнительный том для Варфоломея – составителя энциклопедии – и есть тот эквивалент «второго», лишней, дополнительный, факультативный, но одновременно желанный, то чудо, которое должно завершить сюжет

и вдруг обозначившуюся в тексте рождественскую историю. И здесь от обратного собираются воедино все рассыпанные по новелле знаки: зимний вечер, семья, утраты, предчувствие трагедии, рождество... – новелла обретает собственный жанр. Все рождественские элементы, существовавшие на периферии текста, выступавшие в роли излишнего «второго», актуализированы и востребованы. Не осуществленное или невозможное в реальности чудо (интеллектуальные королевства и империи Варфоломея бессильны перед экзистенциальными и бытовыми проблемами его семьи) оборачивается праздником «второго»: герой снова находит свое спасение в творчестве, и для этого у него есть дополнительный том энциклопедии. Так, подобно брату-близнецу, теперь уже нарративному, осуществившийся жанр замещает основное новеллистическое повествование.

На том же принципе – замещения/вытеснения – строится текст жизни условно главного героя и самого продуктивного повествователя в романе – Урбино Ваноски. Внешне это стандартная нарративная ситуация выбора: сделав выбор, герой вытесняет кого-то или что-то из своей жизни, направляя повествование в другую сторону. Но заранее можем предположить, что бинарность не будет работать и здесь, а значит, просто выбором дело не ограничится. Возьмем только первую из подобных ситуаций (новелла «Вид неба Трои»), поскольку все они развиваются по одному сценарию. Она связана с Эвридикой – возлюбленной и затем женой Урбино Ваноски. Заметим, что имя Эвридика в своем неизбежном отсыле к мифологическому контексту уже содержит семантический элемент дополнительности: Орфей рассматривает жену как спутницу, вторую, и потому в мифе акцентируются мотивы поиска, пути, обретения и утраты. Этой же потребностью в поиске «своего Другого» руководствуется и Ваноски в выборе женщин. Особенно это становится очевидным, когда Эвридике предпочитается Елена – персонаж мифологический уже не только ономастически, но и сюжетно: героиня – плод мечтаний Урбино.

Тогда обнаруживается, что и Эвридика с самого начала была «вторым», искомым для героя. Это было ее полное имя, к которому бессознательно стремился Урбино. Но в жизни называл ее Дикой. И эта ее двоичность определила суть проблемы: Дика – первая, наличествующая, бытовая; Эвридика – вторая, отсутствующая, мифическая. И только смерть высвобождает искомую Эвридику, мечту о ней, вину перед ней и т. д. И уже в этом статусе Эвридика может вытеснить Елену.

Елена не менее фантомный персонаж – она возникает как образ на фотографии, показанный герою неким лысым толстяком в Гарден-парке, и долгое время существует лишь как объект поиска. Осознание возникающего фаустианского сюжета

нисколько не смущает Урбино, напротив – становится дополнительным материалом для собственного текста. Постоянная подмена первой и второй: Эвридики – Дикой, Дики – Еленой, Елены – Эвридикой – трансформируется в смену или оборачивание самого содержания «первого» и «второго». С одной стороны, все вполне закономерно: как только достигается желаемое, и недостижимое, мистическое, выстраданное «второе» становится «первым», оно тут же теряет свой сакральный статус. Но с другой стороны, самоценным становится это мерцание «второго», его потенциальное присутствие. Поскольку именно здесь, на границе, автору мерещится новый сюжет. Соответственно, подмена «первого» и «второго», заданная личной историей Урбино и Эвридики, будет множиться и присутствовать в других рассказах Ваноски о себе и его произведениях внутри текста (Эвридика и его новая возлюбленная Лили, имеющая своего вымышленного двойника – Марлен; Эвридика и Бруна – возлюбленная сына Ваноски, двойник Бруны – Бьянка и т. д.)

Эти перманентные серии замещений кардинальным образом трансформируют повествование. Они не только делят роман, создавая даже потенциальное его продолжение, уже не входящее в сам текст, о котором читатель может только догадываться по рассыпанным намекам, но, что гораздо важнее для Битова, замещают жизнь (внешне «первую») сюжетом (как бы «вторым»). Если реальная Дика легко замещалась мифом о Елене, то и не-встреча с Еленой оказалась более ценной для потенциального сюжета, чем встреча – начался процесс мифологизации отсутствия. В создающийся новый миф вплетаются вполне бытовые элементы, стоит только наделить их нужными коннотациями. Так, Эвридика, согласно мифу, должна умереть от укуса змеи – поэтому оголенный провод, ставший подлинной причиной ее гибели, метонимизируется и превращается в стальную змейку.

Рассказ о жизни Ваноски содержит все необходимые атрибуты драмы, с разрешением в виде экзистенциального катарсиса, но они не задевают самого героя – он пишет роман: «Понимаете, жизнь есть текст. Не дочитанный живущим. Но и текст есть жизнь! В каждой строчке должна таиться тайна будущей строки» [3, с. 14]. И судя по этой резюмирующей фразе, а Ваноски произносит ее в финале жизни, он преодолевает и трагедию Фауста: достигает неразличения «первого» и «второго», жертвы и обретения, жизни и текста. Недаром его последний роман, и он же главный роман, пишущийся всю жизнь, называется «Исчезновение предметов» – исчезая из жизни, он осуществляет этот роман.

С другой стороны, этот обнаруженный или созданный Ваноски (Битовым) механизм постоянного поиска «второго» с последующим непрерывным

тасованием «первого» и «второго» обеспечивает неиссякаемость наррации даже после смерти повествователя. Так, для интервьюера – тогда еще молодого журналиста Тайрд-Борффина (мнимого автора «Преподавателя симметрии») – история об Эвридике становится дублем истории о Елене: он влюбляется в несуществующую Эвридику так же, как в свое время Ваноски грезил о Елене, и не может простить старому писателю этот неверный выбор. И Эвридика уже в тексте Тайрд-Борффина (то есть вне текста Ваноски) снова проходит путь от тайного, желанного, искомого «второго» к «первому», отодвигая в пространство ожидания Елену. Подобный эффект обнаруживается и в истории Биво – сына Ваноски, который постоянно вынужден примеривать судьбу отца на себя и отмечать параллели, а гораздо более осведомленный читатель – еще и обратные подмены.

У каждой истории в «Преподавателе симметрии» есть дубль/дубли: либо продолжение, окончание; либо отзвук, уточнение в другой истории; либо версия, рассказанная другим повествователем. Истолкование текстов Другого – вот основной процесс, происходящий в «Преподавателе симметрии», будь то текст художественный, научный или текст жизни. Сюда же попадают и ненаписанные тексты (в свою очередь тоже имеющие дубли – нерожденных детей), несостоявшиеся и непишущиеся романы, где двойное, лишнее словно возмещает ущерб от травмы нетворчества. И наоборот – двойные названия новелл (русское и английское, не совпадающие в переводе), создающие возможность двойного прочтения и умножающие количество интерпретаций и, соответственно, текстов.

Как видим, диалогические отношения «первого» и «второго» распространяются и на текстовые структуры. Каждое приращение к уже законченной предыдущей истории вызывает тот же двойной эффект излишка-недостатка, который наблюдался в случаях с нарраторами и персонажами, ищущими спутника. С одной стороны – радость узнавания и потенциального продолжения; с другой – ожидание новизны, эталона, все объясняющей информации, окончательной/подлинной развязки и т. п., что, естественно, вновь нарушается с каждым последующим обнаружением очередного «второго» – нового сюжетного эха. Этот принцип даже вполне по-постмодернистски формулируется Битовым и вкладывается в уста доктора Давина: «Как в поэзии, для рождения образа необходимо название и снятие названия одновременно (чтобы течение было зафиксировано и не остановлено)... <...> В каждом слове искрит раздвоенность на знак (остановку) и текущий смысл обозначенного (жизнь)» [3, с. 60].

Примечательно, что одним из приемов, запускающих «вторую» версию истории, становится использование дубликатов даже на элементном

текстовом уровне – мотивно-образном. Так, из истории в историю, из новеллы в новеллу повторяются внешне не очевидные и порой самостоятельно ничего не значащие объекты/предметы/символы: ухо, Луна, Таунус, Менделеев, бритва, галстук, Гауди, Дж. К. Дж., точка = конец предложения и т. д. Как Дунизада провоцирует начало рассказывания сказки Шахерезады, так мерцающие образы запускают следующий этап, фрагмент, вариант истории. К такого рода маркерам «второго» относятся и стилистически или концептуально родственные рассказчику (но более всего, конечно, Битову) авторы – Стерн, Одоевский, Набоков, вводящие в текст интертекстуальный пласт двоичности, дублей, повторов.

Таким образом, поиск «второго» оказывается действенной нарративной стратегией, обеспечивающей нон-финальность текста, обращение его внутрь себя к собственной телесности и акцентирование его самооценности. И в этом ракурсе вскрывается та «вторая» сторона симметрии, которая отнюдь не «преподается», а как желанная вероятность воссоздается в «Преподавателе симметрии». Симметрия как вечное мерцание Второго: обнаружение, узнавание, осознание, диалог, интерпретация, работа с ним и вместе с тем – столь же постоянное отражение, оборачивание, замещение. В связи с этим стоит говорить о двоичности нового типа, не сводимой к бинарности, исходящей не из антитетичности, а из интегративности.

Библиографический список

1. Андрей Битов: «Я такой один...» [Электронный ресурс]: интервью / Ю. Зартайская // Фонтанка.ру: петербургская интернет-газета. – 2008. – 29 окт. – Режим доступа: <http://www.fontanka.ru/2008/10/29/087/> (дата обращения: 15.09.2018).
2. Андрианова М.Д. Нарративные особенности «дублей» в прозе Андрея Битова [Электронный ресурс] // Narratorium. – 2013. – № 1–2 (5–6). – Режим доступа: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2631076> (дата обращения: 15.09.2018).
3. Битов А.Г. Преподаватель симметрии: роман-эхо. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. – 429 с.
4. Гурьянова М.А. Феномен «дописывания» в прозе Андрея Битова [Электронный ресурс] // Известия Уральского государственного универ-

ситета. – 2007. – № 53. – С. 60–68. – Режим доступа: <http://docplayer.ru/45763500-Fenomen-dopisyvaniya-v-proze-andreya-bitova.html> (дата обращения: 15.09.2018).

5. Ланда С.С. Ян Потоцкий и его роман «Рукопись, найденная в Сарагосе» // Потоцкий Я. Рукопись, найденная в Сарагосе. – М.: Художественная литература, 1971. – С. 5–34. – Режим доступа: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2631076> (дата обращения: 15.09.2018).

6. Тюленева Е.М. Семантический комплекс 1937 года в «Преподавателе симметрии» А. Битова: опыт деконструкции текста // Профессия: литератор. Год рождения: 1937: коллективная монография. – Елец, 2017. – С. 33–40.

References

1. Andrej Bitov: «YA takoj odin...» [Elektronnyj resurs]: interv'yu / YU. Zartajskaya // Fontanka.ru: peterburgskaya internet-gazeta. – 2008. – 29 okt. – Rezhim dostupa: <http://www.fontanka.ru/2008/10/29/087/> (data obrashcheniya: 15.09.2018).
2. Andrianova M.D. Narrativnye osobennosti «dublej» v proze Andreya Bitova [Elektronnyj resurs] // Narratorium. – 2013. – № 1–2 (5–6). – Rezhim dostupa: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2631076> (data obrashcheniya: 15.09.2018).
3. Bitov A.G. Prepodavatel' simmetrii: roman-ehho. – M.: AST: Redakciya Eleny SHubinoj, 2014. – 429 s.
4. Gur'yanova M.A. Fenomen «dopisyvaniya» v proze Andreya Bitova [Elektronnyj resurs] // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 2007. – № 53. – S. 60–68. – Rezhim dostupa: <http://docplayer.ru/45763500-Fenomen-dopisyvaniya-v-proze-andreya-bitova.html> (data obrashcheniya: 15.09.2018).
5. Landa S.S. YAn Potockij i ego roman «Rukopis', najdennaya v Saragose» // Potockij YA. Rukopis', najdennaya v Saragose. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1971. – S. 5–34. – Rezhim dostupa: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2631076> (data obrashcheniya: 15.09.2018).
6. Tyuleneva E.M. Semanticheskij kompleks 1937 goda v «Prepodavatele simmetrii» A. Bitova: opyt dekonstrukcii teksta // Professiya: literator. God rozhdeniya: 1937: kollektivnaya monografiya. – Elec, 2017. – S. 33–40.

Лакербай Дмитрий Леонидович
 кандидат филологических наук
 Ивановский государственный университет
 lakomotion@yandex.ru

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ КАК «ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРТА»

Цель исследования – охарактеризовать специфику персонального стиля в аспекте его уникальной информативности. Основные задачи статьи – введение в научный оборот новых представлений о возможностях анализа историко-литературных ситуаций.

Результаты исследования показывают, что, несмотря на затрудненность точного описания, персональный стиль является уникальным информантом, поскольку он представляет собой своеобразную «литературную карту». Во-первых, эта «карта» информирует о включенных в стиль литературных и культурных кодах, локусах, традициях и т. п. Во-вторых, эта «карта» дает новую информацию о сложных историко-литературных ситуациях. «Карта» стиля помогает понять, как возможна передача в культуре «текста субъекта» в его общезначимости и уникальности одновременно. Бродский не заимствует ахматовскую модель «Поэта в Истории», но оказывается единственным, кто способен полноценно усвоить ее, «наполнив» собственной судьбой. Сопоставление «карт» стилей должно помочь также в разрешении вопроса об авторстве сказки «Конек-горбунок».

Ключевые слова: персональный стиль, «литературная карта» стиля, историко-литературная ситуация, когнитивно-прагматическая программа синтетической языковой личности, прецедентный текст, «текст субъекта», литературная мистификация.

Проблема индивидуального стиля писателя (который уместнее называть персональным, исходя из значения латинского слова *persona*) – составная часть проблем размытой и противоречивой категории стиля в целом. Чем значительней теоретический пласт исследований стиля, тем ощутимей эффект хаотизации. Конечно, данного эффекта можно избежать, лишив категорию стиля ведущего значения (в духе постструктурализма / постмодернизма) или «формализовав» (в нашей терминологии, «технологизировав») понимание стиля, сведя последний к той или иной количественно исчисляемой «организованности формы».

«Антистилевой» (по причине недоверия к «автору») пафос постструктурализма в масштабе культуры, однако, не противоречит существованию персональных стилей – последние являются вершинным воплощением определенных текстуальных стратегий (внутри тотальности Письма), когда источником эстетического моделирования является сам творящий субъект, сумевший подчинить культурные коды эпохи своему «роману» с языком. Но персональные стили умирают вместе со своими субъектами-инициаторами (иногда и раньше), и на первый план выходят имперсональные текстуальные стратегии – «большие стили» культуры в качестве источника эстетического моделирования имеют уже преобразованные творцами-субъектами культурные коды (нередко это «обломки» персонального стиля). Наконец, засилье «больших стилей» приводит к рождению особых имперсональных стратегий «критики языка». Таким образом, в динамичном космосе персональных стилей, «больших стилей» (отвердевающих до канонов) и критических попыток восхождения от их совокупной «репрессивности» к читательскому волюнтаризму и «глуху означающих», реализуется настоящая тотальность Письма.

Во втором случае («технологизации» стиля) слишком значительны искажения и потери, даже в наиболее обстоятельных моделях (дифференцирующих, к примеру, «носители» и «факторы» стиля [см.: 20, с. 68, 87]). Функциональная организованность элементов художественной формы не требует с необходимостью постановки вопроса о том, что именно делает данную систему уникально-живым художественным организмом, в силу чего при «формализованном» подходе художественный стиль гения, стилевая манера умелого журналиста или «второстепенного» автора находятся в равной методологической достижимости (с далеко идущими последствиями, вплоть до бюрократических по сути представлений о более-менее гарантированной успешности «литературной учебы»).

В свою очередь, «органическое» понимание персонального стиля – как авторского «инобытия», как «окончательного выявления индивидуально-поэтического постижения мира», выявленности того, «что, по словам Гёте, какво внутри, таково и снаружи, и наоборот» [17, с. 273] – наталкивается на многочисленные проблемы, которые по отдельности можно считать «процедурными», но которые в целом обозначают пределы научной дискурсивности в системе *исследуемый феномен – исследовательская модель*. Это отражается в осторожности авторитетных формулировок: стиль есть «...эстетическая модель отображения... внутренне одухотворенная... невербализуемыми принципами, идеалами, идеями, творческими импульсами... Если нет этой одухотворенности, стиль исчезает. Остаются только его внешние следы: *манера, система приёмов*» [3, с. 284].

Сложившийся, вошедший в историю культуры стиль (как персональный, так и «большой») оказывается по множеству причин «неравен» себе: как правило, в нем нет абсолютной «чистоты», но внешне чужеродные элементы других стилей па-

радоксально усиливают его художественную выразительность [3, с. 284]; будучи осуществлением «сложнейшей партитуры» (и содержа в себе все отсылки к ней), он органичен, как сама природа, – и в этом смысле совершенный персональный стиль воспринимается как не требующий никакой фигуры автора [15, с. 208–209], что дает возможность парадоксальной констелляции традиционных и постструктуралистских концепций [см.: 13]; он полон «странной диалектики», необходимо связующей новизну и неожиданность «творческих глубин художника» с историческими эпохами, – и без моделирования этой «странности» никакая «правильная» теория стиля невозможна [15, с. 210]; так как художественный текст *в принципе* «неравен» себе (на уровне не материальной формы, а эстетического объекта), то любая постижимая лингвистическая системность есть только языковой след стиля, и между «идиолектом» и «идиостилем» на самом деле лежит пропасть [см.: 8] – и т. д.

Коль скоро мы согласны, что «собственно словесный стиль... есть только отражение на данной природе материала его художественного стиля (отношения к жизни и миру жизни и обусловленного этим отношением способа обработки человека и его мира)...» [1, с. 251], то зона действия персонального стиля – в масштабе как авторского художественного мира, так и (что более значимо) гетерогенного континуума «Литература» в целом – оказывается заранее не определенной, не ограниченной ни рамками произведения, ни рамками вербальности: возможны любые манифестации и комбинации между «везде» и «нигде», любые «вторжения» в зону, казалось бы, социологии литературы. Вышеупомянутая зона действия, или, вернее, возможное *деятельное присутствие* стиля (как персонального, так и «большого») делает эвристичным *контекстуальное стилевое моделирование* (моделирование разнообразных историко-литературных ситуаций с точки зрения стиля, который может оказаться ведущим конституирующим и объяснительным принципом). Для «больших» стилей это, пожалуй, уже аксиома, но вспомним недоумение П.В. Палиевского по поводу монографии Д.С. Лихачева «Человек в литературе Древней Руси»: Лихачев «забирает в “стили” и характеры изображенных в древнерусской литературе князей, царей, дружинников, святых, и мироощущение авторов этих летописей, повестей, житий...» [18, с. 9]. Словечко «забирает» – отражение строго регламентированного представления о стиле, а между тем мышление в ракурсе стиля продуктивно в разных аспектах: выражая и оформляя «всё», стиль контекстуально протеичен и может быть прочитан как своеобразная *литературная карта*, даже если не задействован напрямую.

Данную «карту» можно помыслить по крайней мере в двух аспектах: 1) это информант о вклю-

ченных в стиль и трансформированных в нем литературных и культурных кодах, локусах, традициях и т. п. (*внутренняя карта стиля*); 2) это информант о релевантных стилю прочтениях определенных историко-литературных и историко-культурных ситуаций (*внешняя карта стиля*). Глубинный смысл такой работы со стилем – преодоление гетерогенности литературных фактов, толкуемых в различных дисциплинарных матрицах («орфически», исторически, психологически, лингвистически, социологически и пр.). Приведем две совершенно различных историко-литературных ситуации на этой «карте».

Одна связана с «потаенным» характером поэтического «наследования» Иосифом Бродским традиций Анны Ахматовой. Казалось бы, при чем тут стиль, если оба поэта подчеркивали свои стилевые различия? Однако детальное изучение «ситуации наследования» заставляет признать, что привычная литературоведческая дискурсивность, с отдельным категориальным описанием, здесь не работает. Бродский отмечает относительно всех четверых друзей, приходивших к Ахматовой в течение нескольких лет: «На всех нас, как некий душевный загар, что ли, лежит отсвет этого сердца, этого ума, этой нравственной силы и необычайной щедрости, от нее исходивших» [4, с. 256]. Тем не менее некий неясный механизм «наследования» явно ощутим только относительно самого Бродского, конгениального классика Серебряного века настолько, что Ахматова с благодарностью принимает максимуму юноши Бродского (главное – это «величие замысла») как символическое обозначение их совокупных представлений о назначении поэта и его месте в исторической действительности. Добавим, что у Ахматовой нет ярко выраженного стихотворения в жанре «памятника», но у Бродского есть широкоизвестное «На столетие Анны Ахматовой» – поэтический памятник-манифест программно-обобщающего характера: в тексте концептуализированы судьба поэта, природа его голоса, плата за обретение дара речи «в глухонемой вселенной». Таким образом, перед нами ситуация одновременно ясная – и ускользающая, как с сожалением отмечал Лев Лосев: «Кажется также, что литературоведу здесь делать нечего. Литературоведение, по крайней мере то, в канонах которого мы воспитывались... <...> ...не знает понятий “душа”, “душевное”, “духовное”» [16]. При этом он делает выводы о продолжении и завершении Бродским великой *традиции* Поэта (и ахматовском *узнавании* этой традиции в Бродском).

Каким же образом в ситуации глобального разрыва культурной преемственности Ахматова, транслируя для *всех* участников дружеского общения свой отрефлексированный культурно-исторический и нравственный опыт, главные, глубинные его структуры передает только *одному*? Необходи-

мо основание для сведения наших гетерогенных данных в достаточно строгую модель. Таким основанием и является, на наш взгляд, стиль в режиме объемной *литературной карты* (внешней и внутренней), поскольку персональные стили Ахматовой и Бродского, принципиально различные в своей вербальной воплощенности, имеют фундаментальную общую область, обуславливающую тип поэтического становления и развития.

Автор данных строк неоднократно обращался к этой проблеме [7; 14], и первый ее разворот был оценен тем же Львом Лосевым весьма сдержанно: «Модель образа поэта, общую в творчестве и жизненном поведении Ахматовой и Бродского, выстраивает Д. Лакербай...» [16]. Разумеется, мы имели в виду не «образ поэта» – это часть *изображенного мира*, могущая иметь к творцу текста *любое* отношение – но по прошествии времени признаем: в условиях отсутствия метаязыка для *единого* прочтения литературных фактов таким языком *автоматически* становится традиционный язык литературоведения (отметим – здесь непригодный). Поэтому вторая попытка [7] была выполнена – в соавторстве – с привлечением лингвокультурологического понятия «прецедентный текст» и метадисциплинарной теории Д.И. Иванова [6], ключевыми понятиями в которой являются *синтетическая языковая личность* (СЯЛ) и *когнитивно-прагматическая программа* (КПП). СЯЛ (понятие является дискурсивной проекцией категории «языковая личность» на семиотически понимаемый «текст») в интересующем нас смысле представляет собой *текст субъекта в культуре*, оформленный как перевоплощенный (в вербальном, аудиальном, жизнеповеденческом – *любом* пространстве) когнитивно-прагматический след его уникального творческого / *жизнетворческого «я»*. Созданная первоначально для изучения рок-культуры, СЯЛ оказалась применима для адекватного прочтения нестандартных дискурсивных ситуаций в литературе («политический», «квартирный», «стадионный» формат, феномен «потаенного» писателя, авангардная традиция, *жизнетворческий* путь художника-мифотворца). Смысл и структура СЯЛ определяются КПП – целостной динамичной системой когнитивно-прагматических установок, в рамках которой происходят усвоение, трансформация и развитие «чужих» программ.

Именно КПП СЯЛ Ахматовой в ее «эпилогическом», модельно-обобщенном варианте (то, что для аудитории предстает как «автобиографический миф», но что является для *субъекта-источника* системой *реализованных* программных установок, а для конгениального *субъекта-интерпретатора* – модельным *образцом*) стала таким «прецедентным текстом», к усвоению-интерпретации которого был способен *исключительно* Бродский. Дело не только в мощи таланта: уже в юности

Бродским (в качестве исходной КПП) была полуинтуитивно, но абсолютно бескомпромиссно избрана универсальная программа Поэта-избранника / изгоя, почти автоматически актуализирующая романтико-модернистский неомиф Судьбы Поэта. Путь Бродского – результат непрерывного осмысления собственной Судьбы Поэта в постапокалиптическом мире, и именно поэтому не вербально воплощенный стиль (то есть языковая поверхность, языковой след стиля), но находящийся буквально перед глазами программно выстроенный (через КПП) образ Ахматовой (он же образ ее поэзии), воплощающий *жизнетворческую* стратегию модернизма (уже прошедшую через исторические испытания), участвует в оформлении краеугольных положений философии и эстетики Бродского («На столетие Анны Ахматовой», эссе «Муза плача», темы времени, памяти, культуры, внимание к классическим поэтическим формам и пр.). В эссе об Ахматовой формулируется важнейшее: «В определенные периоды истории поэзия – и только она – оказывается способной иметь дело с действительностью, придавая ей форму, позволяющую ее осознать и удержать в сознании» [2, с. 41–42]. Модель такого масштаба нельзя скопировать – можно лишь «обновить» ее собственной судьбой, подтвердив *жизнетворчество* как онтологически-тотальную стратегию властного сотворения себя, стихов и биографии одновременно, как ответ на вызов обесчеловеченного мироздания.

КПП языковой личности в интересующем нас аспекте – это когнитивно-прагматическое «ядро» ее уникальной творческой субъектности, задающей все основные параметры персонального стиля (воплощенные как письменно, так устно и поведенчески). Нетрудно заметить, что в данном случае субъектные культурные коды *внутренней карты* стилей Ахматовой и Бродского определяют трансформации *внешней карты* (историко-литературной ситуации «наследования»). Нет никакой необходимости искать «границы» стиля-карты – они-то как раз и явлены во внешнем несовпадении («речевых стилей») поэзии (уже в эссе картина иная), но и это является информативным, как любая рефлексия по поводу центра, периферии и границ объекта (объектов).

Другая ситуация поистине может считаться отечественным «шекспировским вопросом». Ее буквальное описание вызывает ощущение банального «разноязычия» строгой науки и «сенсационной» журналистики – но ведь именно язык описания и создает облик ситуации. Речь о том, что знаменитая сказка Ершова «Конек-горбунок», а вернее, ее авторство – не что иное, как самая изощренная и масштабная пушкинская мистификация [см.: 10]. В способности Пушкина на это, равно как и в его равнодушии к литературным мистификациям, сомневаться не приходится. Реакция академического пушкиноведения варьируется от презри-

тельного игнорирования до жёсткого разоблачения «ревизионистов». Но так ли всё просто?

Сразу оговоримся: автор данных строк *как исследователь* признает весомость аргументов пушкинистики – но *как читатель с детства ни на минуту* не сомневался в авторстве Пушкина. Как такое может быть? Очевидно, существует – для многих! – некое расхождение между данными истории литературы и авторством сказки как *эстетического объекта*. Но путь к разрешению проблемы лежит через признание ее существования.

Отечественная пушкинистика – гордость наше-го литературоведения, хранитель его научных традиций, выросших на кропотливом и тонком воссоздании самой «ткани» пушкинской эпохи; «штудии» «формалистов» и структуралистов лишь укрепляли этот могучий фундамент объективного знания. Версия об авторстве Ершова подкреплена историческими свидетельствами и авторитетом самого Пушкина, поэтому для ее опровержения совершенно недостаточно аргументации «ревизионистов» (видимое несоответствие текста сказки и таланта 18-летнего (!) Ершова; осязаемая многосторонняя «стилистическая» близость сказки Ершова пушкинскому циклу сказок; отсутствие (намеренное уничтожение?) черновых рукописей – и т. п.). На поле историко-литературных деталей (идет ли речь об истории создания, изданиях, цензуре, гонорах и пр. [см., напр.: 19]) у пушкинистики не выиграть (особенно если «постарался» сам Пушкин и действительно вовлек это предприятие влиятельных друзей и знакомых). Вот что отмечает сотрудник Культурного центра П.П. Ершова Г. Крамор: «...конструкция “исторических” доказательств неавторства Ершова напоминает карточный домик. “Стилистические” же доводы – сплошная вкусовщина. Петра Павловича обвиняют в том, что он “испортил” классически-стройный “пушкинский” текст сказки <...> Между тем беспристрастные филологи ясно отличают пушкинскую и ершовскую стилистические манеры...» [12]. Нельзя не согласиться с разгневанным краеведом и в том, что «антиершовцы» «восстанавливают» пушкинский текст по вкусовому принципу (оценивая, ухудшают или улучшают исправления текст первого издания): «А ведь настоящая наука не знает лицемерия» [12].

Cui bono? Краевед, что называется, «в своем праве»: «...ершововедам, живущим на родине Петра Павловича, трудно смолчать. Ведь не только сказку отбирают у ее автора, – у Тюменского края отбирают имя, которым он законно и по праву гордится. Отбирают накануне 200-летнего юбилея поэта!» [12]. Без опоры на академическую пушкинистику это звучало бы саморазоблачительно, но опора есть. Пушкинистика в свою очередь указывает на псевдонаучность аргументации «ревизионистов», отстаивая «честь знамени». А что отстаивают сами «антиершовцы»?

В классической уже книге А. де Компаньона «Демон теории» есть прекрасный пассаж: «Да, конечно, автор умер, литература не имеет ничего общего с внешним миром <...> однако же мы продолжаем читать писательские биографии, сопереживать романным героям, мы с любопытством ищем на улицах Санкт-Петербурга следы Раскольникова <...> а Барт на сон грядущий услаждал себя чтением “Графа Монте-Кристо”. Потому-то теория никак и не может одержать победу. Она не в силах уничтожить во мне читателя» [11, с. 299]. Точно так же «академическая» история литературы не в состоянии уничтожить во многих из нас читателей – и он, этот читатель, нутром чует подвох. С точки зрения почтенного пушкиниста нормален следующий пассаж: «“Конька-Горбунка” мог написать только человек, сохранивший непосредственное детское мировосприятие, но уже овладевший приемами классического стихосложения. А потом Ершов просто повзрослел...» [цит. по: 12]. А вот с точки зрения читателя это звучит совершенно фантастически: Пушкин (автор захватывающих воображение сказок! мастер эпиграмм и остроумный шутник!) уже слишком «взрослый» для «Конька-горбунка»? «Повзрослевший» Ершов – все-таки «хороший» (сопоставимый с Пушкиным по дарованию) писатель? Чтобы написать «Конька-горбунка», достаточно «детскости» и навыков версификации (причем стихи Ершова этого периода представляют собой скорее риторические упражнения)?

Опыт читателя подсказывает: условные «ершовы» (имя им легион), при всех своих прочих замечательных качествах, не способны создать шедевр – тем более ровно того типа и склада, который в данную эпоху был под силу лишь одному поэту. Но пока игра идет по правилам пушкиноведения, на общепринятом языке, то на стороне «ершовской» версии как минимум традиционно понимаемая научная объективность.

Другой вопрос – исчерпывает ли эта научная традиция объективное знание? Как мы уже видели на примере со Львом Лосевым (который честно не стал зачеркивать «методом» свой читательский и культурный опыт) – нет. Однозначные лингвистические выводы Л.Л. и Р.Ф. Касаткиных («почти все диалектизмы, встречающиеся в 1-м издании, отмечены и в псковских говорах и / или у Пушкина. Таковую сказку с таким количеством псковских диалектизмов тогда не мог написать никто, кроме Пушкина» [9, с. 285]), безусловно, являются важным, но *косвенным* доказательством авторства Пушкина – таким же *косвенным*, как и приводимый пушкинистами массив историко-литературных фактов. *Прямым* доказательством может являться *только* персональный стиль – но не на уровне речевой поверхности, где всегда возможны вариации, а во всей своей глубине, которая «покоится

на глубочайших твердых познания» [5, с. 28] и является воплощением не техники, но видения. Никакой Ершов, на наш взгляд, не обладает этой *мощью познания и видения*, но для продвижения в рассматриваемом вопросе необходимо: 1) перестать (пушкинистам) делать вид, что *всё* объективное знание о гении принадлежит им – это иллюзия; 2) создать (или обобщить в нужном ракурсе) развернутую *внутреннюю карту* пушкинского «сказочного» стиля (без «Конька-горбунка») – и такую же карту относительно Ершова (без «Конька-горбунка») – сомнительно, что вообще обнаружится какой-либо персональный стиль, разве что «манера»); 3) сопоставить эти стилевые «карты», а не впечатления или разрозненные языковые данные – с целью установить степень пушкинского участия в тексте (тут возможны самые разные ответы). До тех пор, пока это не сделано, «по сумме судебных решений» автором «Конька-горбунка» с полным на то основанием остается П.П. Ершов.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. – Т. 1. – 957 с.
2. Бродский И. Сочинения: в 7 т. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001. – Т. 5. – 376 с.
3. Бычков В.В. Эстетика: учебник. – М.: Гардарики, 2004. – 556 с.
4. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. – М.: Изд-во «Независимая газета», 1998. – 327 с.
5. Гете И.-В. Простое подражание природе, манера, стиль // Гете И.В. Собрание сочинений: в 10 т. – М.: Художественная литература, 1980. – Т. 10. – С. 26–30.
6. Иванов Д.И. Теория синтетической языковой личности: в 2 т. / Гуандунский ун-т междунар. исследований (Китай). – Т. 1. – Иваново: ПресСто, 2016. – 360 с.; Т. 2. – Иваново: ПресСто, 2017. – 296 с.
7. Иванов Д.И., Лакербай Д.Л. Когнитивно-прагматическая программа синтетической языковой личности как «прецедентный текст» (на примере «наследования» И. Бродским «текста» А. Ахматовой) // Филологические науки: Вопросы теории и практики. – 2018. – № 5 (83): в 2 ч. – Ч. 2. – С. 264–267.
8. Иванов Д.И., Лакербай Д.Л. Текст, стиль, идиостиль в лингвистике и литературоведении: замечания к привычному // Филологические науки: Вопросы теории и практики. – 2017. – № 4 (70): в 2 ч. – Ч. 2. – С. 18–22.
9. Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Псковские диалектизмы в сказке «Конек-горбунок» как свидетельство авторства А.С. Пушкина // Словесность. – 2013. – № 8. – С. 273–287.
10. Козаровецкий В. А был ли Пушкин... Мифы и мистификации. – М.: Алгоритм, 2013. – 430 с.
11. Компаньон А. де. Демон теории. Литература и здравый смысл. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. – 336 с.
12. Крамор Г. «Медвежье услуги» Пушкину не нужны. «Сенсационные литературоведы» пытаются отнять сказку у Ершова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rospisatel.ru/ershov2.htm> (дата обращения: 25.09.18).
13. Лакербай Д.Л. Автор, читатель, произведение (к теории индивидуального стиля) // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 156. – Кн. 2. – С. 98–105.
14. Лакербай Д.Л. Ахматова – Бродский: проблема преемственности // Иосиф Бродский и мир: Метафизика, античность, современность. – СПб.: Изд. журнала «Звезда», 2000. – С. 172–184.
15. Лосев А.Ф. Проблема художественного стиля. – Киев: Collegium: Киевская академия евробизнеса, 1994. – 288 с.
16. Лосев Л. Ахматова и Бродский: Доклад на открытии коллоквиума «Иосиф Бродский и циркуляция поэзии», Стэнфордский университет, Калифорния, 23 февраля 2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.all-art.org/literature/brodskij/brodskij%20and_axmatova.htm (дата обращения: 23.09.2018).
17. Михайлов А.В. Проблема стиля и этапы развития литературы Нового времени // Михайлов А.В. Языки культуры: учебное пособие по культурологии. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 472–506.
18. Палиевский П.В. Постановка проблемы стиля // Теория литературы: основные проблемы в историческом освещении: в 3 т. – М.: Наука, 1965. – Т. 3: Стиль. Произведение. Литературное развитие. – С. 7–33.
19. Савченкова Т.П. «Конек-Горбунок» в зеркале «сенсационного литературоведения» // Литературная учеба. – 2010. – Кн. 1. – С. 127–156.
20. Соколов А.Н. Теория стиля. – М.: Искусство, 1968. – 223 с.

References

1. Bahtin M.M. Sbranie sochinenij: v 7 t. – M.: Russkie slovari; YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2003. – T. 1. – 957 s.
2. Brodskij I. Sochineniya: v 7 t. – SPb.: Pushkinskij fond, 2001. – T. 5. – 376 s.
3. Bychkov V.V. EHstetika: uchebnik. – M.: Gardariki, 2004. – 556 s.
4. Volkov S. Dialogi s Iosifom Brodskim. – M.: Izd-vo «Nezavisimaya gazeta», 1998. – 327 s.
5. Gete I.-V. Prostoe podrazhanie prirode, manera, stil' // Gete I.V. Sbranie sochinenij: v 10 t.– M.: Hudozhestvennaya literatura, 1980. – T. 10. – S. 26–30.
6. Ivanov D.I. Teoriya sinteticheskoy yazykovoj lichnosti: v 2 t. / Guandunskij un-t mezhdunar.

- issledovanij (Kitaj). – T. 1. – Ivanovo: PresSto, 2016. – 360 s.; T. 2. – Ivanovo: PresSto, 2017. – 296 s.
7. Ivanov D.I., Lakerbaj D.L. Kognitivno-pragmaticheskaya programma sinteticheskoy yazykovoj lichnosti kak «precedentnyj tekst» (na primere «nasledovaniya» I. Brodskim «teksta» A. Ahmatovoj) // *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*. – 2018. – № 5 (83): v 2 ch. – CH. 2. – C. 264–267.
8. Ivanov D.I., Lakerbaj D.L. Tekst, stil', idiostil' v lingvistike i literaturovedenii: zamechaniya k privychnomu // *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*. – 2017. – № 4 (70): v 2 ch. – CH. 2. – C. 18–22.
9. Kasatkin L.L., Kasatkina R.F. Pskovskie dialektizmy v skazke «Konek-gorbunok» kak svidetel'stvo avtorstva A.S. Pushkina // *Slovesnost'*. – 2013. – № 8. – S. 273–287.
10. Kozaroveckij V. A byl li Pushkin... Mify i mistifikacii. – M.: Algoritm, 2013. – 430 s.
11. Kompan'on A. de. Demon teorii. Literatura i zdavyj smysl. – M.: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 2001. – 336 s.
12. Kramor G. «Medvezh'i uslugi» Pushkinu ne nuzhny. «Sensacionnye literaturovedy» pytayutsya otnyat' skazku u Ershova [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://rospisatel.ru/ershov2.htm> (data obrashcheniya: 25.09.18).
13. Lakerbaj D.L. Avtor, chitatel', proizvedenie (k teorii individual'nogo stilya) // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*. – 2014. – T. 156. – Kn. 2. – S. 98–105.
14. Lakerbaj D.L. Ahmatova – Brodskij: problema preemstvennosti // *Iosif Brodskij i mir: Metafizika, antichnost', sovremennost'*. – SPb.: Izd. zhurnala «Zvezda», 2000. – S. 172–184.
15. Losev A.F. Problema hudozhestvennogo stilya. – Kiev: Collegium: Kievskaya akademiya evrobiznesa, 1994. – 288 s.
16. Losev L. Ahmatova i Brodskij: Doklad na otkrytii kollokviuma «Iosif Brodskij i cirkulyaciya poehzii», Stehnfordskij universitet, Kaliforniya, 23 fevralya 2001 g. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.all-art.org/literature/brodskij/brodskij%20and_axmatova.htm (data obrashcheniya: 23.09.2018).
17. Mihajlov A.V. Problema stilya i ehtapy razvitiya literatury Novogo vremeni // *Mihajlov A.V. YAzyki kul'tury: uchebnoe posobie po kul'turologii*. – M.: YAzyki russkoj kul'tury, 1997. – S. 472–506.
18. Palievskij P.V. Postanovka problemy stilya // *Teoriya literatury: osnovnye problemy v istoricheskom osveshchenii: v 3 t.* – M.: Nauka, 1965. – T. 3: Stil'. *Proizvedenie. Literaturnoe razvitie*. – S. 7–33.
19. Savchenkova T.P. «Konek-Gorbunok» v zerkale «sensacionnogo literaturovedeniya» // *Literaturnaya ucheba*. – 2010. – Kn. 1. – S. 127–156.
20. Sokolov A.N. *Teoriya stilya*. – M.: Iskusstvo, 1968. – 223 s.

Марков Александр Викторович

доктор филологических наук, профессор
Российский государственный гуманитарный университет
markovius@gmail.com

АССОЦИАТИВНАЯ ТЕОРИЯ ЯЗЫКА Г.Г. ШПЕТА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ВИЗУАЛЬНЫХ МЕДИА

Теоретические работы Г.Г. Шпета создавались в контексте интенсивного влияния новых медиа, включая звукозапись и кинематограф, на привычки восприятия действительности. Модель языка Шпета, в которой язык не может быть сведен ни к репрезентации предметного мира, ни к реализации психологических функций, во многом воспроизводит механику новых тогда медиа, обеспечивающих сравнительно безупречную коммуникацию без возможности проверить качество данной коммуникации. Критика концепции «внутренней формы» Шпетом также может быть объяснена: он видит в ней не режим познания окружающей действительности, но только режим упорядочивания впечатлений, напоминающий восприятие зрителем экранных впечатлений. Доказывается, что такое понимание экранного восприятия внушено фантастическими произведениями Камилла Фламариона, в которых познание как таковое не может предотвратить катастрофу, но необходима правильная расшифровка экранных впечатлений. Реконструкция Шпетом происхождения языковой коммуникации больше всего напоминает изображение Фламарионом технической коммуникации с помощью визуальной аппаратуры. Аргументация Шпета строится на той критике омонимии и синонимии, которая вполне реализована художественно в одном из эпизодов книги Фламариона. Влияние Фламариона на Шпета было опосредовано поэзией русского символизма, которую он хорошо знал и ценил, и которая и определила ряд подробностей его теории языка. Таким образом, рассмотрение интермедийных контекстов мысли Шпета позволяет объяснить особенности аргументации, которые он специально не оговаривал, разделяя с читателями единый дух своей эпохи.

Ключевые слова: интермедийность, визуальные медиа, теория языка, философия коммуникации, впечатление, ассоциация, омонимия и синонимия, дух эпохи, Фламарион, Шпет, Брюсов, Анненский.

Теория языка Г.Г. Шпета, как теория психологическая и при этом имеющая методологическое значение для гуманитарного и герменевтического знания вообще, ни разу не рассматривалась в контексте того медиа, которое захватило воображение современников Шпета – кинематографа. Кинематограф показал большую ассоциативную свободу при соблюдении линейного нарративного правила, и даже развитие приемов монтажа только выявляло эту свободу. Мы ставим целью выяснить, насколько теория Г.Г. Шпета связана с этим духом эпохи кинематографа накануне утверждения монтажного принципа, и как исследование коллективного воображения эпохи раннего кинематографа, в том числе фантастических представлений, может прояснить основной ход эстетической мысли Шпета, не сводя ее к психологизму или эстетизму, с которыми сам мыслитель боролся.

Шпет в своей теории языка был критиком феноменологического подхода к структурам сознания, «платоновских черт философии Гуссерля» [1, р. 208], стремясь создать более гибкую модель отношений сознания и действительности. При этом в современной науке пока не прояснен до конца ни вопрос о причинах истолкования Шпетом нозмы как «сложной структуры» [2, р. 152], эйдоса и всего вокруг него, что требует обратиться не только к собственно философским усилиям Шпета, но и к тем способам, которыми он объяснял эти усилия, особенно неподготовленной аудитории. Такие объяснения, обычно не принимаемые во внимание историками мысли, важны, потому что лучше всего показывают, как строится мысль, а не только какие эффекты она производит.

Молодой Шпет преподавал в гимназии Анне Ахматовой, и она, отвечая на вопрос о том, как одно представление вызывает другое, прочла стихотворение Брюсова «Фонарики». Пример понравился Шпету, и он не мог не поразить не столько сравнением века и светоча, сколько буквальным календарным пониманием века. Стихотворение Брюсова легко объяснимо из книг Камилля Фламариона. Так, ключевое определение XIX века как «беспламенный пожар» может, конечно, считаться обозначением всеобщего распространения газового освещения, которое освещает города, как пожар, не приводя к пожарам, но скорее это намек на «Конец мира» Фламариона (1895) [3], где мир в XXV в. грозит сгореть от появления кометы: у Фламариона изображение будущего – антиутопическая проекция современного ему мира, значит, можно и XIX веку приписать возможность такого пожара. Также и основное содержание стихотворения (сравнение культурных эпох с яркими фонариками разного цвета и формы на единой цепи Истории) воспроизводит первую беседу «Истории неба» (1875) [4], когда астроном призывает неопытную публику представить себе наглядно движение земли: земля будет выглядеть при взгляде со стороны как небесное светило, при приближении мы увидим не только форму, но и цвет континентов, «охристую Африку», а при отдалении она опять будет выглядеть как звезда. Из «Истории неба» Брюсов взял распознаваемость цивилизаций или континентов по цвету, при допущении изначального свечения, а из «Конца мира» – любовь к условной календарной хронологии как единственной рамке катастроф.

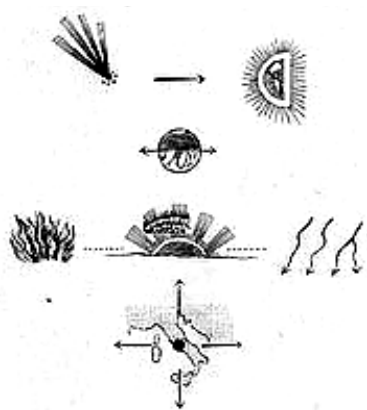

Рис. 1. Послание марсиан. Источник: [2, с. 82]

Но важно, что в «Конце мира» есть мотив, связывающий эту книгу с началом «Истории неба»: земля оказывается увидена извне глазами марсиан, которые разглядели не только ее форму, но и ее фазы, как мы изображаем фазы луны. Они передают в зал заседаний, в котором земные ученые обсуждают возможные последствия столкновения с кометой, «фотофоническую депешу», которую можно прочесть благодаря прибору, соединяющему волшебный фонарь и фонограф. Марсиане показывают землю иконически, как они ее видят, а с помощью «иероглифов», в которых стрелки накладываются на отдельные явления, а потом отдельные континенты, обозначают, каковы должны быть последствия разрушения. Стрелки указывают и на действие физических сил, и на направление эвакуации.

Затем мы видим шар Марса с той стороны, где на нем Песочное море, эта самая характеристическая фигура в географии четвертой планеты; линия, проведенная чрез нее, показывает, что комета несется почти вдвое скорее, чем Марс по своему пути около Солнца. Огненные языки указывают на преобразование движения в теплоту. Северное сияние и сопровождающие его молнии означают дальнейшее преобразование в электричество и магнитную силу [2, с. 82].

В этом объяснении интересно не только два значения стрелок, их омонимия, направление движения и направление эвакуации, но и два обозначения для электрических эффектов: данное иконически северное сияние и схематически изображенные молнии. Фламарион, хотя вроде бы говорит о ряде последовательных преобразований, не может соблюсти до конца эту последовательность и говорит не по отдельности, что означает рисунок северного сияния, а что – рисунок молний, а представляет преобразование температурного взрыва в электричество и магнетизм как живую картину. Здесь можно говорить уже о синонимии в изображении последствий взрыва, пусть даже эти синонимы имеют свои оттенки. Итак, где схематичность – там невольная омонимия, где иконичность – невольная синонимия из-за невозможности

развернуть иконический образ просто в последовательность кластеров, равноправных значимых элементов.

Но именно такое двойное различие мы находим в рассуждениях Шпетта не о марсианском языке, как у Фламариона, а о человеческом языке. В «Эстетических фрагментах» [5] он спорит с натуралистическими теориями происхождения языка из криков животных. Он говорит, что натурализм нельзя опровергнуть указанием на изъяны в рассуждениях, потому что с причинно-следственными связями там всё в порядке. Но натурализм не считается как раз сначала с омонимией произнесения звуков или поведения, пока мыслит схематично, а потом, когда он неизбежно начинает мыслить образно, – с синонимией «переживания» и «состояния».

Шпет рассуждает о том, что животное поведение и языковое поведение – это не просто два качественно разных способа действовать, но просто разные миры: то, что мы назвали выше омонимией. Как пишет Шпет, невозможно объяснение «смысла разумного слова из бессмысленного вопля» по той же причине, по которой невозможно объяснение «понимания и разума из перепуганного дрожания и ослабленной судороги протоантропоса». Разговор, как мы видим, не идет о том, что протоантропос вовсе не обладал разумом и пониманием, но о том, что хотим ли мы рассуждать о произнесении звуков или поведении, случай протоантропоса и наш случай будут совершенно разные реальности. Далее, Шпет отмечает, что как крик, так и дрожание подженок – это «моменты самого переживания или состояния», следовательно, нельзя говорить о том порядке языкового выражения, из которого мог бы сложиться язык, поскольку любое переживание оказывается состоянием. Таким образом, Шпет, указывая на омонимию «протоантропоса» и «современного человека» на уровне схематического понимания поведения и на синонимию «переживания» и «состояния» при рассуждении об образе как о форме переживания, своеобразно воспроизводит «марсианское» письмо Фламариона.

Как у Фламариона стрелки означали сначала направление движения неразумной природы, а потом эвакуацию разумной природы, так и у Шпетта никогда не совпадут «судорога» неразумной природы и «понимание» разумной. И как у Фламариона взрыв дает северное сияние и молнию, при всей разноприродности магнитного и электрического импульса, потому что при разложении ситуации на мельчайшие «моменты» визуальное одно накладывается на другое, а не следует из другого, при всем различии технических режимов, так и у Шпетта всегда образ не следует из пережитого, а накладывается на него.

Далее Шпет выводит само бытие языка опять же 1) из омонимии слова «предметность», которое объединило такие разные состояния, как наимено-

вание и значение, и номинация предметна, и семантика предметна, но это несопоставимые «предметности», и 2) синонимии «значения» и «смысла», которая и позволяет нам общаться на языке и гарантирует успешность нашего общения. Именно умение правильно соблюсти эту омонимию и синонимию и позволяет понять, как форма выражения становится смысловой формой, не превращаясь просто в манифестацию предмета, которой мы поневоле начнем приписывать любые смыслы (здесь Шпет спорит, конечно, с классической феноменологией, не веря, что феноменологическая редукция сохранит единство смысла вещи). В отличие от Потемки, который настаивал на том, что в языке и в поэзии внутренняя форма будет полностью раскрыта в ее смысловом потенциале, Шпет говорил, что до конца внутренняя форма не раскрывается, точнее, мы не знаем, когда именно она раскрылась. Возможная причина такого «незнания» Шпета – тоже в произведении Фламариона.

Описание Фламарионом работы фонофонического аппарата очень интересно. Главная проблема этого аппарата – что хотя он передает отдельные картинки, мы никогда не можем узнать, передано ли все сообщение или его часть, так как система передачи не допускает ни контроля целостности сообщения, ни возможности обратной связи (в отличие от любых современных информационно-коммуникационных систем, с пакетной передачей и автоматизированным обратным запросом). Поэтому мы никогда не знаем, всё ли на экране, что передали марсиане, или не всё.

Но так же пишет и Шпет: «Таким образом, слово как средство, орудие, в его номинативной функции есть просто чувственно-воспринимаемая вещь, вступающая в чувственно-воспринимаемую связь с другою чувственно-воспринимаемой вещью», – иначе говоря, звук слова связан с вещью как таковой благодаря очевидной механике связи, очевидному устройству этого аппарата. Но чувственная механика может быть сколь угодно безупречной, как безупречно выглядит и безупречно работает отлаженная техника, но мы никогда не знаем, передано ли сообщение. Мы знаем только, что при орудийности слова срабатывает некоторая чувственная автоматика.

Такая же точно автоматика есть у Фламариона: при запуске фонофонической машины свет в зале автоматически гас. Но она так же не обеспечивала безупречности передачи, как у Шпета все известные употребления слова не спасают его от «субъективного обрастания» случайными психологическими ассоциациями. Шпет считает, что коммуникативные возможности языка сохраняются благодаря постоянному возвращению к простому именованию, так как тогда понятно, что именно обрастает ассоциациями, иначе говоря, благодаря тому, что мы разрешаем только семантике, а не

предметности, обрастать ассоциациями, не зная, раскроют ли они до конца искомое значение или окажутся принадлежностью только «фонариков» своей эпохи.

Но что тогда позволяет Шпету утверждать, что возможна внутренняя форма в искусстве и что там она продуктивна? Модель Фламариона, в которой законы мироздания оказываются первой и последней реальностью, здесь не подходит. Но гораздо важнее другая модель, а именно искусствоведение Рёскина, не менее влиятельное в ту эпоху.

В одной из своих работ Рёскин говорит о том, что имитация легких складок ткани во мраморной скульптуре имеет преимущество перед запечатлением одежды на фотографии. Ведь живопись или скульптура дают понять неподражаемость движения, и значит, любые изображенные складки одежды нужно делать условными, тогда как на фотографическом изображении движение выглядит взятым в рамки искусственности, и поэтому уже непригодным для рассмотрения. Поэтому действие «несколькими смелыми ударами мастерского резца» или «несколькими пятнами тени» убедительнее фотографической передачи изменений ткани в движении, «как волны».

Итак, Рёскин тоже настаивает на грубости медиа, простоте передачи сообщения, но только это творческое медиа (резец), и результатом становится волнующее впечатление. Это очень напоминает то, как Шпет мыслит внутреннюю форму в искусстве, – как возможность передавать неуловимое движение так, что рамка искусства будет лишней в сравнении с теми эстетическими впечатлениями, которые мы испытаем. Тем самым, по Шпету, искусство позволяет лучше осмыслить функции языка, увидев в нем не соединение в одном мире инструмента (именования) и произведения (семантики), а продуктивность отказа от субъективных интерпретаций. В этом отказе и состоит своеобразие феноменологической редукции в понимании Шпета.

Описание неприятных эффектов фотографической фиксации движения напоминает замечания Шпета о неприятном произволе субъективных ассоциаций. «Обрастание» плохо не тем, что ассоциации накладываются друг на друга, а тем, что они фиксируются в готовом виде, как движения на фотографии фиксируются в готовом виде, и потому лишаются грациозности, становятся случайными. Но что тогда соответствует в искусстве возвращению к инструментальности в языке, неужели просто совершенствование фотоаппарата?

Увы, совершенствование фотоаппарата, сокращение времени выдержки ведет в другом направлении, не к красоте, а к уродству. Это отмечает переводчик Рёскина О.М. Соловьева, очень важный для истории русского мистического символизма деятель. Она отмечает, что Рёскин имел в виду фотографию с выдержкой, где хотя бы сохраняются

эти волны ассоциаций, а не моментальную, в какой никаких волн нет. Соловьева пишет: «С помощью последней можно снимать тело в движении, но при этом каждый раз получают безобразные и неестественные изображения; моментальная фотография воспроизводит неуловимые для нашего глаза, непривычные ему и в то же время некрасивые положения тела» [6, с. 82]. Хотя это вроде бы возвращение к эстетике «Лаокоона» Лессинга с ее запретом на фиксацию моментальных неустойчивых состояний как подрывающих величие медиума скульптуры, на самом деле важно, что статичность отождествляется с декоративностью, причем безобразной декоративностью, на основании синонимии неуловимости и безобразия: в чем не схватывается движение, в том не схватывается и образ – совершенно как синонимия «значения» и «смысла» в теории языка Шпета. Значение движет, а смысл образуется.

Но кроме такой синонимии безобразия как нежелательного для восприятия, нежелательного и недопустимого во всех смыслах, начиная с физиологических ограничений, должна быть тогда и омонимия разных качеств статичности. А что бывает статичным, кроме статичной фиксации жизни? Конечно, то, что установили как статичное, третьего варианта нет. Это декорация.

И именно этим объясняется тот странный факт, что у символистов слово «декорация» часто означает совсем не то, что мы понимаем под этим словом. Например, Иннокентий Анненский в статье «Леконт де Лиль и его Эринии»: «Поэмы Леконта де Лиль, где перед нами должны проходить “веры” индусов, персов, эллинов, израильтян, арабов или папуасов, не шли, собственно, далее великолепных иллюстраций к научному тезису. <...> Вот “Видения Браммы”. Чем не декорация, в сущности?» [7, с. 412]. Слово «декорация» означает здесь просто статическую иллюстрацию, и в этом же смысле слово употребляется в критике Анненского не менее 10 раз, даже пьеса «Три сестры» называется в третьей фразе статьи о ней «малеванной декорацией» [7, с. 82].

Такую же декорацию Анненский, в частности, приписал Еврипиду в целом ряде ремарок своего перевода, вроде «Ночь. Ни ветерка. Ярко горят звезды» (начало «Ифигении в Авлиде»). Ясно, что яркость звезд не может передать театральная механика, так как непонятно, какие звезды яркие, но и не может и общая ситуация тишины, которую мы примем за штиль и поэтому вообразим, что в такую погоду небо особенно ясно, а звезды особенно яркие. Так что становится понятно, с учетом всего

сказанного о подходе Шпета к языку, как из «декорации» рождается глубочайшее переживание.

Итак, теория формы Шпета в языке и искусстве возникла не как автономное развитие философских идей или как переработка старой эстетики, но как часть интермедиальности его эпохи. Поэтому Шпет следовал нормам восприятия визуальных медиа того времени, не поясняя это для своего читателя, так как это входило в общий дух эпохи и общий круг переживаний. Но в настоящее время это следование нуждается в пояснении, и если мы не хотим просто вписать мысль Шпета в контекст тогдашней экспериментальной психологии, но исходим из того, что он обращался к более широкой аудитории, нам нужно самим обратиться к самым большим странностям символизма.

Библиографический список

1. Radunović Dušan. Semiotics in Voloshinov and Shpet // Gustav Shpet's Contribution to Philosophy and Cultural Theory / ed. Tihanov, Galin. – S.L.: Purdue University Press, 2009. – P. 207–218.
2. Seifrid, Thomas. The Word Made Self: Russian Writings on Language, 1860–1930. – N. Y.: Cornell University Press, 2005.
3. Фламарион Камиль. Конец мира. – СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлихъ; изд. Ф. Павленкова, 1895. – 216 с.
4. Фламарион Камиль. История неба. – СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1875. – 526 с.
5. Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты. – М.: Колос, 1922–1923.
6. Рескин Дж. Искусство и действительность. – М. Тип.-лит. Т-ва И.И. Кушнерев и Ко, 1900. – 319 с.
7. Анненский И. Книги отражений. – М.: Наука, 1979. – 680 с.

References

1. Radunović Dušan. Semiotics in Voloshinov and Shpet // Gustav Shpet's Contribution to Philosophy and Cultural Theory / ed. Tihanov, Galin. – S.L.: Purdue University Press, 2009. – P. 207–218.
2. Seifrid, Thomas. The Word Made Self: Russian Writings on Language, 1860–1930. – N. Y.: Cornell University Press, 2005.
3. Flammarion Kamil'. Konec mira. – SPb.: Tip. YU.N. EHrl'ih"; izd. F. Pavlenkova, 1895. – 216 s.
4. Flammarion Kamil'. Istoriya neba. – SPb.: Tip. i hromolit. A. Transhelya, 1875. – 526 s.
5. SHpet G.G. EHsteticheskie fragmenty. – M.: Kolos, 1922–1923.
6. Reskin Dzh. Iskusstvo i dejstvitel'nost'. – M. Tip.-lit. T-va I.I. Kushnerev i Ko, 1900. – 319 s.
7. Annenskij I. Knigi otrazhenij. – M.: Nauka, 1979. – 680 s.

Чернов Александр Валентинович
 доктор филологических наук, профессор
 Череповецкий государственный университет
 avchernov@bk.ru

ЖУРНАЛИСТСКАЯ «ОПТИКА» В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ. «ИСТОРИЧЕСКОЕ ПИСЬМО» М. ЗЫГАРЯ И Л. ПАРФЕНОВА. Часть 2

В статье рассматривается специфика журналистского понимания и воспроизведения прошлого М. Зыгарем. Проводится сопоставление журналистских историософий М. Зыгаря и Л. Парфенова. Предпринимается попытка классифицировать эти два способа «исторического письма» с использованием классификационной модели Х. Уайта, матрицы, предложенной в его работе «Метаистория». В качестве эмпирического материала используются тексты предисловий М. Зыгаря к двум печатным изданиям его исторических работ, выступлений на форумах и профессиональных конференциях, интервью. Подчеркивается последовательная идентификация автором себя в историческом поиске именно как журналиста, утверждение, что прошлое является актуальным полем журналистского поиска и творчества. Рассматривается особенность восприятия М. Зыгарем исторических источников, их критический анализ. Проводится сопоставление журналистских историософий и способов воплощения прошлого в проектах Л. Парфенова и М. Зыгаря. Предлагается отнесение методов доказательств, используемых Л. Парфеновым и М. Зыгарем к выделяемым Х. Уайтом формам «исторического письма».

Ключевые слова: история, журналистика, Леонид Парфенов, Михаил Зыгарь, историософия, «историческое письмо».

Во второй статье цикла рассмотрим, во-первых, как обращение журналиста к историческому предмету и материалу трактует автор вызвавших большой резонанс медиапроектов М. Зыгарь. На основании анализа текстов попытаемся выделить характерные черты его авторской самоидентификации, ключевые концепты его историософии. Во-вторых, попытаемся провести сравнение подходов к трансформации прошлого в актуальный медиатекст Л. Парфенова и М. Зыгаря. В качестве модели для сравнения используем заявленную ранее матрицу Х. Уайта, опираясь на которую попробуем классифицировать объяснительные подходы и систему аргументов в отношении способов исторического письма обоих авторов.

М. Зыгарь после ухода с поста главного редактора «Дождя», создания компании «История будущего» осуществил несколько исторических проектов, вызвавших большой резонанс как среди медиаспециалистов и политологов, так и среди историков. Книги «Вся кремлевская рать. Краткая история современной России» (2015) и «Империя должна умереть: История русских революций в лицах. 1900–1917» (2018), проект «1917. Свободная история» сопровождалась дискуссией как в профессиональной среде, так и среди широких читательских аудиторий. При этом одним из существенных вопросов обсуждения в профессиональном журналистском сообществе становится особенность трактовки прошлого и, особенно в проекте «1917», использования технологического анахронизма как ключевого формально-содержательного приема организации разговора о прошлом.

М. Зыгарь настойчиво позиционирует себя в этих новаторских проектах как журналист, а историю, прошлое определяет как оптимальное пространство журналистского творчества и се-

резного разговора о современности и будущем. Последовательная журналистская самоидентификация автора подталкивает к сравнению создаваемого им варианта прошлого с историческими проектами Л. Парфенова. Главным основанием, делающим необходимым сравнение двух медиаакторов, является последовательно и настойчиво заявляемая ими журналистская идентичность. Оба автора трактуют расставание с телевизионной журналистикой, новостной журналистикой не как уход из профессии или переход на безопасные ее отрасли и области. Напротив, оба убеждены, что они по-прежнему и, может быть, даже в большей степени занимаются настоящей, предельно актуальной журналистикой.

В выступлении на медиафоруме «Планерка 2018» в Екатеринбурге М. Зыгарь свою претензию к новостной журналистике сформулировал так: «Она не имеет никакого отношения к жизни или, по крайней мере, не всегда имеет отношение к жизни». А ему, как профессиональному журналисту, хочется заниматься настоящим сторителлингом, «говорить о важном, говорить про ценности». По Зыгарю, единственный способ задумываться о будущем – «прикинуться, что мы говорим про историю», потому что история – это «репетиция настоящего и будущего». Вероятно, отсюда и название созданной им креативной студии «История будущего» [1].

Говорение о прошлом как говорение о будущем вольно или невольно требует обоснования способа этого «говорения», способа исторического письма, а значит и определенной историософии. И М. Зыгарь последовательно представляет тезисы своей историософии не только в выступлениях на форумах, презентациях проектов, но и в предисловиях к печатным изданиям.

История М. Зыгаря – это история живых людей, таких же, как люди сегодняшнего дня. Своеобразные редукционизм и прецедентность можно назвать константами историософии автора. Исторический прецедент – прямой (иногда, кажется, слишком прямой) аналог современной ситуации. Ситуация имеет свойство повторяться, а люди имеют обыкновение заблуждаться и вновь ошибаться в выборах сегодня, как это уже сделали сто лет назад.

Но поскольку ошибочные выборы – это все же выборы свободные, проявление волнений и стремлений отдельных людей, а не тотальная предопределенность сверхчеловеческих закономерностей, они всегда вариативны, следовательно, могут и должны быть теми самыми искомыми поводами к сегодняшнему разговору о важном, разговору о ценностях.

Основное качество, подчеркиваемое и доказываемое автором в истории и прошлом как таковом – отсутствие предопределенности и детерминизма.

Логика исторического процесса, стройная композиция событий и причинно-следственные узы – все это игры человеческой памяти. А сюжетность мемуаров – лишь авторитетное закрепление и постфактум произведенное оформление событийного хаоса случившегося с той или иной целью. Герои исторических сцен задним числом вносят рациональность в свои действия или действия других. Идеологи и политики последовательно и небескорыстно продвигают тезис исторической необходимости, скрытых механизмов, стратегических решений, планов и заговоров, оправдывая этим свою близорукость.

Поэтому, как астаивает М. Зыгарь, если критично и непредвзято подойти к историческим свидетельствам очевидцев и участников даже в отношении недавнего прошлого, окажется, «что участники событий никогда не помнят, что случилось на самом деле. Каждый конструирует воспоминания так, чтобы выглядеть в них пристойно, героически и, главное, чтобы быть всегда правым» [2]. Десятки интервьюируемых при подготовке книги «*Вся кремлевская рать...*» сообщали свою и только свою версию прошлого: «Почти каждый из них рассказывал свою историю, которая иногда не пересекалась с историями других персонажей. Герои часто забывали факты, путали время и даже не могли вспомнить свои собственные поступки и слова. Как правило, они просили на них не ссылаться» [2].

История в таком понимании не имеет плана, не имеет иных закономерностей, кроме разнообразных и разрозненных человеческих выборов: «Пристальное разглядывание поступков и мотивов российских политиков в последние 15 лет доказывает, что теория заговора неверна. Если есть малейшее сомнение в том, что именно послужило причиной того или иного события – злой умысел или ошибка, то всегда нужно выбирать второе...» [2].

Выстроенный постфактум исторический детерминизм далеко не нейтрален в отношении современности, поскольку во многом определяет, мотивирует и оправдывает происходящее сегодня: «Поэтому моя книга – это история воображаемой войны. Войны, которую нельзя закончить, иначе придется признать, что ее никогда не было...» [2].

В предисловии к следующей книге «*Империя должна умереть...*» эта позиция выражена еще резче: «...Большинство моих героев рассказали свои истории – они оставили подробные дневники, письма и воспоминания, а также показания на допросах <...>. К сожалению, многие из них ввали (особенно в мемуарах), но большинство ввали искренне, не сомневаясь в том, что говорят правду...» [3, с. 7]

В предисловие к этой книге сформулирован своеобразный манифест профессионального журналиста, обращающегося к истории. Концепцию того самого «журналистского поиска», можно описать, используя формулировку Л. Парфенова: «Я не историк, а журналист. И эту книгу я писал по всем правилам журналистики: как если бы все герои были живы, и я мог взять у них интервью. Примерно так же, как предыдущую мою книгу “*Вся кремлевская рать*”» [3, с. 7].

Декларируемое отсутствие исследовательской гипотезы, теоретической концепции конкретного события прошлого, стремление актуализировать прошлое посредством взгляда на него глазами людей начала XX века задает журналистские форматы и медийные жанровые особенности текстовым фрагментам. Репортажность становится стилообразующей доминантой книги: «Увидеть Россию начала XX века глазами людей того времени – такова моя главная цель. Когда я начал писать книгу, у меня не было готового ответа на вопрос, почему погибла Российская империя. У меня не было теории, которую я хотел бы доказать читателю и ради которой подбирал бы факты» [3, с. 9].

Автором двигало профессиональное желание увидеть в прошлом истинное, добраться до фактуры события: «...Мне потребовалось много труда, чтобы очистить картинку от предубеждений, наслоений, стереотипов, которые оставили за собой десятки профессиональных историков, уверенных в том, что революции в России были единым и необратимым процессом» [3, с. 9]. Как и в предыдущих работах, здесь тот же подход к прошлому как совокупности человеческих ошибок и заблуждений, та же принципиальная позиция и изображение истории. В текущем бытии нет сюжета, нет сверхзадачи и цели, есть только совокупность множества частных целей и желаний, заблуждений и чаяний. Все объяснения, вся логика исторического процесса, все закономерности и оценивания роли личности в истории – продукт будущего времени: «Мои герои ничего про это не знают. Каждый из

них живет своей жизнью, даже не подозревая, что спустя много лет его сочтут песчинкой или, наоборот, движущим механизмом в историческом процессе» [3, с. 9].

Попытка написать «биографию российского общества» связана с исследованием вопроса: «Почему в результате империя должна была умереть?» Но поставленный вопрос не имеет никакого другого ответа, кроме такого: «Потому что так получилось»: «Постфактум история всегда выглядит очень логично. Задним числом прослеживается замысел, разоблачается заговор, видна злая или добрая воля. Но если пытаться проживать историю шаг за шагом, день за днем, вместе с ее участниками, стройные концепции рассыпаются. Ничто не выглядит предрежденным» [3, с. 9].

Сущностное отсутствие каузальности в повседневности достигает в формулировках автора предельной категоричности: «Все герои все время ошибаются. Никто не может предугадать будущее даже на пару дней вперед. Никто не может спланировать даже собственную жизнь – потому что обстоятельства все время меняются, а от тебя как будто ничего не зависит» [3, с. 9].

Но для автора-журналиста как раз эта тотальная близорукость очевидцев и участников, их последующее мифотворчество делают прошлое максимально интересным пространством как для журналистского «фактчекинга», так и журналистского расследования. Кроме того, освобождая событие от исторической предопределенности и «рокового» пафоса, автор включает читателя в особые, интерактивные отношения с текстом. Он как бы предлагает каждому своему современнику встать на позицию героя и с вершин знания будущего принять свое решение, поиграть в альтернативную историю. Но сверхзадача не в геймификации прошлого в образовательных целях, а в актуализации ситуации ценностного выбора дня сегодняшнего, в тестировании ценностных ориентиров человека современности распутьями прошлого.

Наиболее полно эта задача реализуется в грандиозном проекте «1917. Свободная история», смоделировавшем в 2017 году социальную сеть 3 000 ушедших из жизни людей – активно действовавших, думавших, творивших и принимавших решения ровно столетие назад. Избранный формат социальной сети позволял современным пользователям не только ознакомиться с календарной повесткой событий. Он давал возможность каждому сегодняшнему человеку оказаться в ситуации другого, давно ушедшего персонажа, с его вполне сегодняшними страхами, ценностями, опасениями и мечтами, своего «исторического близнеца» в 1917. Оказаться в условиях привычных для него, максимально органичных коммуникаций «оффлайновых» социальных сетей. И принять то или иное решение, примерить сделанный выбор на себя, отреагировать на выбор

другого. Сама медиатеchnология общения через современную социальную сеть снимала временные барьеры, различия, предельно актуализировала весь процесс, превращала игровое пространство в пространство нравственных выборов.

Это же восприятие прошлого и эти же идеи легли в основу реализуемых проектов «Документальная игра «Карта истории» и «1968».

«Намедни», «История в деталях», «1917», «Карта истории», и многие другие проекты М. Зыгаря и Л. Парфенова как журналистский, медийный продукт сближает важнейшее основание – тщательно продуманный, высокотехнологичный и инновационный план выражения.

Выбор медиаплатформ, технология съемки и монтажа, способ верстки, аудио и видеоэффекты, компьютерная графика и постановочная съемка, стратегия работы с аудиториями – в этой области исторические проекты Парфенова и Зыгаря всегда носят инновационный характер.

Часто творческий метод Л. Парфенова, например, называют инфотейментом и полагают вопрос специфики закрытым. Но воспринимаемый как совокупность приемов привлечения и удержания внимания аудиторий к относительно сложному материалу инфотеймент не объясняет всей сложности в представлении прошлого на современных носителях.

Каждый из используемых технологических приемов заслуживает отдельного разговора, поскольку в этих проектах всегда принципиально единство формы и содержания, напряженная диалогичность их. В рамках нашей задачи представляется важным подчеркнуть, что технологичность медийного продукта становится обязательным условием адекватного воплощения авторского замысла: «Мне кажется, что никогда еще на воссоздание дореволюционной России не тратилось такое количество компьютерной графики. Мы старались сделать технологичный продукт», – подчеркивает Л. Парфенов, представляя фильм «Цвет нации» [4].

М. Зыгарь и его креативная компания также принципиально инновационны. По его мнению, СМИ тем и отличаются от гражданского журналиста и блогера, что они должны иметь достаточные ресурсы и должны не бояться рисковать в поисках новых способов и средств выражения. При этом М. Зыгарь говорит о необходимости поиска простых, но смелых и именно креативных идей.

Успех грандиозного и уникального на момент появления не только в России, но и мире проекта «1917» строился на кошунственном для академического сознания допущении, что действующие лица столетней давности общались в социальной сети... И 3000 героев псевдосоциальной сети 1917, которым «в личку» активно писали пользователи 2017, доказали, что это допущение оказалось вполне адекватным способом актуализации прошлого

для множества молодежи 2017. «Сделать соцсеть жанром медиа – это отчасти изобретение» [1].

Новый проект «1968», по словам автора, строится на допущении, что у действующих лиц эпохи имеются смартфоны. И планируемые 50 серий на трех языках в трех странах позволят любопытствующим заглянуть в мобильные телефоны выдающихся людей эпохи, которые в этом году переживают какие-то важные части своей жизни.

Казалось бы, между подходом М. Зыгаря и подходом Л. Парфенова к прошлому есть очень много общего. Это действительно так. И в значительной части эта общность обусловлена как раз общим журналистским фокусом восприятия истории.

Нужно оговориться, что в целом, прошлое, воспринимаемое как пространство журналистского поиска, может быть воплощено в любом из медиажанров (субжанров, метажанров и т.д.) как классических, так и вновь формирующихся. Могут быть использованы новость, репортаж, очерк, журналистское расследование, авторская колонка, интервью, комментарий, эссе, лонгрид, мультимедийная история, сторителлинг.

Исторический материал дает простор для инфографики и журналистики больших данных. Цифровое пространство предоставляет огромные возможности для экспериментов с формой и технологиями. Поэтому журналисты достаточно охотно и очень часто в той или иной степени, по тому или иному поводу обращаются к историческим материалам. Стоит посмотреть на список победителей конкурса «Золотое перо» 2017, как становится очевидной работа М. Зыгаря: сегодня историей занимаются все журналисты [5].

Но Парфенов и Зыгарь отчетливо выделяют из общего контекста тех, кто увлекся историей журналистики. Они представляют технологически и идеологически иной подход к прошлому. При этом интересны не только сближающие авторов черты, но и отличия между ними. Последние, возможно, даже более информативны.

Л. Парфенов, как это следует из его прямых высказываний, видит задачу в нахождении, сохранении, в какой-то мере классификации деталей прошлого, которые за счет своей органики, подлинности и технологичности воспроизведения хотя бы отчасти укрепят связи прошлого и настоящего. Разрозненные детали не воссоздадут историческую преемственность, но укажут возможные зоны для ее самостоятельного поиска современным человеком самого себя в этой диахронии, тем самым, может быть, помогут в обретении идентичности.

Для М. Зыгаря история – это всегда истории повторения прошлого в будущем, «история будущего». Неподчиненная каузальности процессов, не обусловленная надличностными историческими закономерностями частная судьба и частный выбор позволяют ставить вопрос о ценностях современных, об ответственности и повседневных выборах сегодняшних, а тем самым говорить о будущем.

Очевидно, что при общей идеологической и профессиональной близости подходов к прошлому, различия в его восприятии и изображении выходят за рамки различий используемых медиаплатформ или технических приемов и определяются более глубинными, историософскими позициями авторов.

Классифицировать эти различия непросто. Такого рода работа в отечественной науке о медиа в интересующем нас аспекте не проводилась. Поэтому представляется оправданным использовать опыт историков и обратиться к работам, посвященным специфике «исторического письма». Поскольку журналистский исторический текст в значительной степени явление пограничное между собственно историей и литературой, логично предположить, что интересную модель можно найти в работах автора, одним из первых попытавшегося объявить об отсутствии различий между историей и литературой в принципе.

Таковой может стать концепция тропологии, сформулированная в работе под названием «Метаистория» (1973) одного из основоположников лингвистического поворота в исторической науке, недавно ушедшего из жизни Х. Уайта (1928–2018). Она до сих пор вызывает обстоятельную и не очень критику с различных позиций [6]. Но именно эта работа, провоцируя неутраченные споры, послужила толчком для целого постмодернистского направления в исторической науке, философии истории [7].

Не вдаваясь в теоретическую часть концепции историка, напомним, что отец тропологии предлагал классифицировать исторические труды по нескольким категориям: типу построения сюжета, типу доказательств, типу идеологического подтекста. Убежденный, что «мы должны трансформировать исторические исследования таким образом, чтобы позволить историку позитивно участвовать в освобождении настоящего от бремени истории» [8], Уайт предложил матрицу, в которой исторические труды и авторы распределялись по типу сюжета, по типу доказательств и по типу идеологического подтекста [9, с. 50] (табл. 1).

Таблица 1

Тип построения сюжета	Тип доказательства	Тип идеологического подтекста
романтический	формистский	анархический
трагический	механистичный	радикальный
комический	органицистский	консервативный
сатирический	контекстуалистский	либеральный

Каждый тип сюжета связан с определенным типом доказательств и идеологией. Четыре «парадигмы формы, которую может принимать историческое объяснение, рассматриваемое как дискурсивное доказательство» [9, с. 33]. Так, например, романтический тип сюжета предполагает «формистский» тип доказательств, который реализует анархический идеологический подтекст. Нас интересуют три типа доказательств, используемых авторами исторических трудов, согласно Уайту: «формизм», «органицизм», «контекстуализм».

«Формизм» как тип исторического письма «нацелен на идентификацию характеристик объектов, обитающих в историческом поле». Классификация эта и есть самоцель такого историка: «Формизм считает объяснение законченным, когда должным образом классифицирован данный набор объектов, определены его класс, общие и специфические атрибуты и ему придано наименование, удостоверяющее его специфичность» [9, с. 33].

Масштаб и характер объектов не имеет значения, как не имеет значения их абстрактный или конкретный характер. Как только историк устанавливает «уникальность определенных объектов поля или разнообразие типов или феноменов, которые это поле привлекает», он тем самым дает формистское объяснение поля как такового [9, с. 34].

Уайт видит таковыми Гердера, Карлайля, Момзена, Мишле и множество других романтических историков. Для них «изображение разнообразия, красочности и живости исторического поля считается главной задачей историка» [9, с. 34]. Деталь здесь всегда доминирует над концепцией, живость реконструкций над эмпирически высчитанной и выявленной, ранее скрытой, исторической закономерностью.

«Органицизм» пытается изобразить детали исторического поля как компоненты синтетического процесса. Историки строят свое повествование так, чтобы изобразить кристаллизацию из совокупности представляющихся совершенно разными событий. Они обращаются к некоей консолидированной сущности, которая в итоге становится более важной, чем все индивидуальные сущности, которые описывались в процессе повествования.

«Органицисты» тяготеют к указанию «конца», «цели» исторического явления, но это временные цели, а не какая-то конечная цель истории. Для органицистской стратегии объяснения свойственно, – утверждает Уайт, – воздерживаться от поиска законов в историческом процессе, ее интересуют принципы, идеи, определяющие индивидуальные процессы в поле. Но эти принципы и идеи действуют не как ограничения способности человека достичь в истории специфической человеческой цели, но как «гаранты фундаментальной человеческой свободы» [9, с. 36].

«Контекстуализм» же берет в качестве предмета изучения какой-то элемент исторического

поля, например, день жизни какого-то персонажа, затем «подбирает нити, связывающие объясняемое событие с различными областями контекста. Фактически, контекстуальный тип объяснения склоняется к «синхронической репрезентации сегментов или срезов процесса, как если бы срезы делались поперек структуры времени» [9, с. 39].

Если попытаться с использованием этой классификации посмотреть на исследуемые нами явления журналистских взглядов на прошлое, то представляется, что методу Л. Парфенова максимально полно подходит описание уайтовского формизма, а М. Зыгарю – совмещение важных признаков органицизма и контекстуализма.

Уайт не настаивал на обязательности и четкости делений, говорил о возможных переходных позициях и смешениях в каждой из выделенных категорий. Для нас также важна не жесткость классификации, а возможность посредством предлагаемых дефиниций указать на существенные различия историософских позиций авторов. Интересно и, думается, возможно распространение названных дефиниций на типы построения сюжета. Следуя уайтовской схеме, Л. Парфенов демонстрирует романтический тип построения сюжета, М. Зыгарь – сатирический. В «Метаистории» под романтическим типом построения сюжета понимается «романный» тип, связанный с «драмой самоидентификации». Под сатирическим – сюжет, связанный с ощущением обреченности, признанием того, что человек – скорее пленник этого мира, чем его господин [9, с. 28–29].

Отсюда и классификация типов идеологических подтекстов, которые мы не рассматриваем в данном случае. Как не станем углубляться в уайтовское понимание тропологии и его трактовку метафоры, метонимии, синждохи и иронии.

Если предельно редуцировать сложность уайтовской классификации и применить ее к предмету нашего рассмотрения, она может выступить неким увеличительным стеклом, показывающим принципиальную «разность» между историческими типами повествования двух журналистов. И как раз в этом качестве пусть и несовершенного, но все же информативного аналитического инструмента представляется интересным использование данного подхода к рассматриваемой области.

Можно допустить распространение этих выводов и этой схемы на другие проявления «журналистских историософий». Но это выходит за рамки поставленных в этой статье задач.

Проведенный анализ позволяет, с нашей точки зрения, положительно ответить на оба исследовательских вопроса:

1. Журналистский подход к истории существует и является специальным предметом авторефлексии. Он принципиально отличается от подхода к прошлому исследователя, занимающего позицию

ученого-историка. Основное отличие заключается в том, что к историческому материалу применяются журналистские приемы поиска, обработки, компоновки и подачи материала. Прошлое для журналиста становится источником актуальных новостей о настоящем. Рассмотренные нами авторы специально и обосновывают свою журналистскую идентичность в работе с историческим материалом.

2. Журналистское отношение к истории не есть какая-то заданная и монолитная, профессионально обусловленная пресуппозиция, оно вариативно и разнообразно. Для указания на эту разность и наглядную демонстрацию ее мы использовали один из возможных подходов к историческому повествованию, позволивший показать перспективность дальнейшего (и, возможно, на других методологических принципах выстроенного) сравнительно-сопоставительного анализа различных «журналистских» интерпретаций прошлого, различных типов журналистских «оптик» в создаваемом ими историческом дискурсе.

Библиографический список

1. *Зыгарь М.* Выступление на медиафоруме «Планерка 2018» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/planerka_org?z=video29064821_456239127%2F065d521755e0a03f69%2Fpl_wall_-29064821 (дата обращения 31.03.18).
2. *Зыгарь М.* Вся кремлевская рать. Краткая история современной России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/mihail-zygar/vsya-kremlevskaya-rat-kratkaya-istoriya-sovremennoy-rossii/chitat-onlayn/> (дата обращения 31.03.18).
3. *Зыгарь М.* Империя должна умереть: История русских революций в лицах. 1900–1917. – М.: Альпина Паблшер, 2017. – 912 с.
4. *Парфенов Л.* Леонид Парфенов о «позапрошлой» Родине. К премьере фильма «Цвет нации» на Первом канале (06.06.2014) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.1tv.ru/doc/za-kadrom/leonid-parfenov-o-pozaproshtoy-rodine-k-premьere-filma-cvet-nacii-na-pervom-kanale> (дата обращения: 19.03.2018).
5. «Золотое перо» 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spbsj.ru/golgen-pen-news/laurieaty-konkursa-zolotoi> (дата обращения 03.04.2018).
6. *Уилсон Адриан.* Рефлексивная проверка «Метаистории» Хейдена Уайта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/12131> (дата обращения 03.04.2018).

7. *Доманска Э.* Философия истории после постмодернизма. – М: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2010. – 400 с.

8. Hayden White (1928–2018) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://roth.blogs.wesleyan.edu/2018/03/06/hayden-white-1928-2018/> (дата обращения: 18.04.2018).

9. *Уайт Х.* Метаистория. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. – 528 с.

References

1. Zygar' M. Vystuplenie na mediaforume «Planerka 2018» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/planerka_org?z=video29064821_456239127%2F065d521755e0a03f69%2Fpl_wall_-29064821 (data obrashcheniya 31.03.18).
2. Zygar' M. Vsya kremlevskaya rat'. Kratkaya istoriya sovremennoj Rossii [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/mihail-zygar/vsya-kremlevskaya-rat-kratkaya-istoriya-sovremennoj-rossii/chitat-onlayn/> (data obrashcheniya 31.03.18).
3. Zygar' M. Imperiya dolzhna umeret': Istoriya russkih revolyucij v licah. 1900–1917. – М.: Al'pina Publisher, 2017. – 912 s.
4. Parfenov L. Leonid Parfenov o «pozaproshtoy» Rodine. K prem'ere fil'ma «Cvet nacii» na Pervom kanale (06.06.2014) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.1tv.ru/doc/za-kadrom/leonid-parfenov-o-pozaproshtoy-rodine-k-premьere-filma-cvet-nacii-na-pervom-kanale> (data obrashcheniya: 19.03.2018).
5. «Zolotoe pero» 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spbsj.ru/golgen-pen-news/laurieaty-konkursa-zolotoi> (data obrashcheniya 03.04.2018).
6. Uilson Adrian. Refleksivnaya proverka «Metaistorii» Hejdена Uajta [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/12131> (data obrashcheniya 03.04.2018).
7. Domanska EH. Filosofiya istorii posle postmodernizma. – М: Канон+; РООИ «Reabilitaciya», 2010. – 400 s.
8. Hayden White (1928–2018) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://roth.blogs.wesleyan.edu/2018/03/06/hayden-white-1928-2018/> (data obrashcheniya: 18.04.2018).
9. Uajt H. Metaistoriya. Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2002. – 528 s.

МЕТАФОРА В ЖУРНАЛИСТСКОМ ТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

В данной статье рассматривается проблема использования метафор в современных текстах, написанных на экономическую тему и опубликованных в общественно-политической газете «Московский комсомолец» и в деловой газете «РБК». В работе раскрываются механизмы построения эпитимор и диафор, она посвящена комплексному исследованию метафоры как средства выразительности и случаев, в которых метафорическое выражение теряет экспрессивный компонент. В исследовании также приводятся наиболее распространенные метафорические модели, к которым прибегает экономическая журналистика для иллюстрирования описываемых явлений. Автор стремится проследить закономерности использования тех или иных метафор в различных контекстах в соответствии с позицией, которую занимает журналист по освещаемому им вопросу.

Предложенный подход будет интересен специалистам, занимающимся написанием текстов на экономическую тему, а также студентам и преподавателям профильных вузов.

Ключевые слова: метафора, эпитимора, диафора, концепт, языковая выразительность, экономический дискурс, журналистика.

Метафора в экономической журналистике обладает большим выразительным потенциалом и может быть построена с использованием различных моделей. В статье анализируются метафоры, взятые из текстов двух ежедневных изданий: деловой газеты «РБК» и массовой газеты «Московский комсомолец». Публикации в данных печатных СМИ с точки зрения использования языковых средств являются типичными для экономической журналистики. По способу воздействия на читателя выделяют два вида метафор: эпитиморы и диафоры. Согласно Ф. Уилрайту, эпитимора очень близка сравнению, но она не есть исключительно констатация некоего сходства, она выражает отношения между хорошо известным и непосредственно известным [6, с. 82–84]. Диафора же – это сочетание языковых средств, которые формируют конкретное восприятие описываемого [6, с. 89]. Эпитимора и диафора представляют собой взаимосвязанные явления, которые редко выделяются независимо друг от друга. Это обусловлено тем, что метафора важна как средство выразительности, наделенное экспрессией.

Однако экономические метафоры далеко не всегда экспрессивны. Современный экономический текст – это явление, сочетающее в себе разнородный языковой материал: близкие разговорной речи стертые метафоры, научные метафоры-термины, а также экспрессивные тропы, близкие художественной речи. Они преследуют две основные цели: во-первых, иллюстрирование сложных экономических процессов, во-вторых, отображение авторской оценки. Экономическая публицистика – пример особого использования метафорической конструкции, в которой эпитимора и диафора часто лишены экспрессии. Стертые эпитиморы распространены в газетных текстах экономической тематики: *квадраты* (недвижимость), *деревянный* (рубль), *американец* (доллар) [2, с. 5–10] и др. Такого рода метафоры зачастую используются как синонимы к общеупотребительным словам. Их можно счи-

тать словами-профессионализмами – лексемами, нашедшими широкое применение в экономическом дискурсе, которые не сопровождаются пояснениями ни в материалах деловой газеты, ни в текстах массового издания.

В числе метафор, лишенных экспрессивного компонента, можно назвать и собственно терминологические выражения. Появление научной метафоры объективно – она выполняет сугубо номинативную функцию, вследствие чего ее выразительные качества нивелируются. Применительно к экономической сфере мы можем привести следующие терминологические примеры: *замораживание активов* (блокирование счетов), *аккордные налоги* (налоги, устанавливаемые государством на уровне, не зависящем от размеров доходов), *быки и медведи* (биржевые игроки, играющие соответственно на повышение и на понижение курса акций, валют и т. п.), *двойное дно* (ситуация, в которой цена за короткое время дважды опустилась до низкого уровня, а затем поднялась) и др. Они превращены в конвенциональное средство общения конкретного профессионального сообщества, лишены экспрессии, а первоначальное значение не актуально для специального словоупотребления. На сегодняшний день данные выражения относятся к терминам.

Использование в тексте разнообразных средств выразительности, включая диафоры, определено профессиональным или непрофессиональным дискурсом. Е.Ю. Махницкая указывает на то, что в непрофессиональном экономическом дискурсе присутствует «профессиональная метафора», которая по своей природе близка к терминам: *демографический взрыв*, *деловая игра*, *денежный голод* (недостаток наличных денег у государства) [4, с. 5–6]. Профессиональная метафора может иметь и более сложную семантическую природу и сводить более далекие понятия: *детская облигация* – облигация, эмитированная с номиналом меньше стандартного, общепринятого \$1000; *достояние отца семейства* – вид акций, выпускаемых крупными

предприятиями с прочно утвердившейся положительной репутацией [1].

Наряду с названными языковыми средствами выделяют и оригинальные экспрессивные авторские эпитеты: *молчун* (неплательщик), *крепкий* (крепкое спиртное). Обычно экспрессивная метафора используется в аналитических текстах, что обусловлено их спецификой. Выбор того или иного способа построения метафоры определяется авторским замыслом. Прямая метафора используется там, где имеет место скрытое сравнение описываемых экономических реалий с предметными существительными или с конкретными прилагательными, например: *обвал курса, нефть нашла дно, валютные бури* и т. п.

Традиционными для экономической публицистики можно считать эпитеты, построенные на основе глаголов, которые в метафорическом значении используются для отображения оценки действий. Чаще всего речь идет о негативной оценке: *инфляция пробьет верхнюю точку, «деревянный» нацупал дно, ЦБ закрыл очередную «прачечную» (об отмывании денег)*. Глагол «ударить» в газетных публикациях на экономическую тему важен как семантически, так и экспрессивно, например: *цены на нефть ударили по пятизвездочным отелям, ударить по карману, сокращение расходов бьет по экономике, быть ли рублю битым*. В концепте «ударить» присутствует значение неожиданности, стремительного, резкого движения.

Метафоры, построенные на основе концепта «движение», очень важны для экономической журналистики, так как экономика – динамичная сфера человеческой деятельности. Основные «направления движения»: вертикаль – горизонталь, верх – низ.

В числе наиболее распространенных лексем, формирующих метафоры движения по вертикали, отметим следующие: *рост, падение, снижение, взлет, колебание* и некоторые другие. В экономических публикациях данные языковые средства могут иметь различные значения:

1. Значение увеличения или уменьшения чего-либо (стоимости, ликвидности, количества, платежеспособности) на фоне постепенного развития событий. Одна из самых распространенных лексических оппозиций – это *рост и снижение (падение)*, например, *падение цен на нефть, снижение инфляции* и т. п. Метафоры этой категории весьма многочисленны: *инфляция пробила верхнюю точку, куда пойдет рубль, отскок в плюс*.

2. Значение внезапного или очень резкого увеличения или уменьшения. Для данной категории актуальна оппозиция *взлететь – рухнуть (обвалиться)*, например: *цены взлетели, доллар рухнул, курс рубля обвалился*. Эта категория метафор более экспрессивна, в ней меньше терминов. Метафоры названной группы часто апеллируют к таким явлениям, как:

а) внештатные ситуации в авиации (*крутое пикирование нефтяных цен*);

б) бедствия и катастрофы (*взрывное движение, глубина падения*);

в) спорт и другая физическая активность (*евро скакнул, аутсайдер валютного рынка, ценовой скачок, доллар берет новую высоту*).

3. Значение прерывистого или нестабильного движения, которое чаще всего выражено словом *колебание* или многообразием его синонимов *экономическая турбулентность, лихорадка курса валют* и т. п.

4. Значение упорядоченного поступательного движения чаще всего выражается в концептах, связанных с понятием «механизм»: *механизм урегулирования кризиса, механизм стабилизации экономики*. Такого рода метафоры нейтральны, чаще встречаются в деловых изданиях. Дискурс контекстов, включающих метафоры-механизмы, подразумевает стабильность, обоснованность описываемых процессов, правильность, иногда неизбежность.

5. Значение покоя, которое подразумевает отсутствие движения, а прежде всего, роста или снижения. Такие метафоры часто строятся на основе лексемы «затишье» – *затишье в банковском секторе*. Данное выражение близко к нейтральному, но все же имеет положительную коннотацию, его антонимом можно считать лексему «застой».

Перемещение по горизонтали понимается как движение внутрь или наружу: *Бюджет ушел в Питер* (МК от 14.01.2013) – однонаправленное движение; *Валютные потоки должны идти не только по трубам* (МК от 19.11.2014) – двунаправленное движение: нефтяной поток (вовне) и валютный поток (внутри).

Концепт «торможение», а именно снижение темпов работы, может быть соотнесен с понятием «приостановление»: *торможение рынка кредитования, приостановка выдачи кредитов* и др., то есть в экономической публицистике имеют место концепты всех видов движения, на их основе создаются востребованные метафорические модели.

Помимо концептов движения наиболее распространенными в экономическом дискурсе являются концепты действия и состояния. Если речь идет о действии, то экономика здесь выступает с роли объекта действия со стороны правительства, участников рынка и других субъектов: *ЦБ и американские санкции режут рост российской экономики* (МК от 28.08.2017); *В какие «игры» с импортозамещением играет «Петон»* (МК от 18.10.2017); *Чиновники готовы снова обрушить рубль* (МК от 18.10.2016) – в представленных примерах заметен экспрессивный компонент.

Своеобразными выразительными средствами являются эпитеты, основанные на концепте «преступление»: *грабление рядового покупателя*. Та-

кие конструкции экспрессивны и субъективны, нередко гиперболлизированы.

Таким образом, прямая метафора предметна, она соотносит понятия экономического характера с реалиями повседневной жизни, что облегчает восприятие текста широкой аудиторией. Но в то же время такая метафора легко утрачивает экспрессию, превращается в стертую и может приобрести терминологический характер (в том случае, если она лаконична, легка для восприятия и понимания и полностью вбирает в себя семантику контекста), либо может стать речевым штампом.

Тексты СМИ нередко включают в себя художественные метафоры, наделенные экспрессивно-выразительными свойствами и исключительно субъективным характером отображения действительности – диафоры. Они призваны сформировать у читателя некую ассоциацию, напрямую связанную с замыслом автора публикации: *утвердительный диалог, борьба маятника, надрывная схематичность, родная целесообразность* и т. п. Конструкции такого рода не предполагают непосредственного визуализируемого сравнения, они рассчитаны на интуитивное восприятие. *Россия достигла дна светлого будущего* (МК от 13.09.2017) – в представленном контексте мы видим соединение семантически несочетаемых элементов, что препятствует однозначному пониманию. Однако данная конструкция без учета контекста воспринимается как негативная оценка описываемых событий – лучшие надежды не оправдались, в происходящем автор видит крах.

Абстрактная метафора соединяет в себе понятия экономической сферы и различные отвлеченные понятия. Ее использование позволяет объяснить читателю, что экономика страны – единый организм и строгая дифференциация проблем и подходов к их решению невозможна. Одним из способов построения абстрактной экспрессивной метафоры является соотнесение экономических понятий с историческими событиями и фактами: *раскулачивание малого бизнеса*. Использование таких конструкций позволяет не только передать оценку, но и провести историческую параллель. Большинство из них обладает выраженными экспрессивными качествами и представляет собой сочетание диафоры и эпифоры. К абстрактным метафорам также относятся выражения, содержащие сравнение с климатическими и погодными явлениями: *нелетные условия рынка* (то есть невозможность движения на рынке), *оттаивание курса рубля*. Согласно толковому словарю Т.Ф. Ефремовой, «оттаивать» – под воздействием тепла выходить из замороженного состояния, в переносном значении – утрачивать угрюмость, холодность, сдержанность, смягчаться [3]. Таким образом, слово «оттаивание» в представленном контексте приобрело метафорическое значение «возобновление движения».

Своеобразны метафорические выражения с лексемами «охлаждение» и «замораживание»: *охлаждение рынка, интереса, отношений; замораживание активов, поставок, выплат, цен*. Традиционное значение такого рода контекстов – «остановка», «прекращение», а также «сохранение» или «ухудшение отношений». Отметим, что антонимичными им выражениями обычно являются «оживление» (рынка, интереса), «повышение» (интереса), «улучшение» (отношений), «возобновление» (поставок, выплат) и т. п. [1], но представленные антонимичные сочетания не являются метафорами. Лексема «замораживание» получила в русском языке терминологическое значение, семантически оно соотносимо с негативными явлениями в экономике – остановкой, регрессом.

Роль абстрактной метафоры в публикациях на экономическую тему значительна. Иногда их экспрессия «стирается». Так, например, *психологическая отметка (психологически значимая отметка)* – выражение, не перешедшее в разряд терминов, но лишившееся экспрессии.

Абстрактная метафора используется журналистами экономических текстов для оценки ситуации, причем оценка может быть как объективной (*декабрьская паника*), так и субъективной (*социальная бесчувственность*). Ее назначение – характеристика ситуаций и обозначение перспектив.

Особой группой метафор, нашедших применение в журналистских экономических текстах, являются выражения, построенные на основе лексем, обозначающих физическое и психическое состояние человека, физиологические процессы, медицинские манипуляции и т. п. Данную категорию назовем «метафорами здоровья» и выделим ее основные подвиды:

1. Выражения, соотносимые с физиологическим состоянием организма (*исхудавший резервный фонд*).

2. Выражения, соотносимые с ощущениями и состояниями (*болезненное падение котировок*).

3. Выражения, соотносимые с оздоровительными и лечебными манипуляциями (*реанимировать пенсионную систему*).

Большая часть метафор данной группы построена на основе концептов «боль» и «стресс». Рассмотрим некоторые примеры из газеты «РБК»: *Б. Обама запустил «болезненный» секвестр* (02.03.2013) – областью цели этой метафоры является негативный характер некоторых экономических изменений, а областью источника – боль, присущая исключительно живому организму; таким образом, представленный контекст малоинформативен, абстрактен, но в нем имеет место выраженная экспрессия. *Фактически мы наблюдаем, как малое предпринимательство загибается* (02.07.2015) – выражение «загибаться» со значением «умирать, погибать», согласно словарю Т.Ф. Ефремовой, является просторечным [3], оно не

присуще деловой прессе, высказывание представляет собой реплику собеседника в тексте интервью, но здесь мы видим выраженную смысловую составляющую, а именно «гибель», «потерю функциональности»; область источника данной метафоры в целом совпадает с областью источника метафоры из предыдущего примера; *Новый стресс для экономики* (21.05.2016) – лексема «стресс» по большей части утратила образное значение из-за широкого использования, следовательно, при анализе данного субстантива речь в первую очередь идет о его когнитивных качествах, но вместе с тем в представленном контексте, несомненно, имеет место авторская оценка описываемых процессов, исходя из этого можно сказать, что данное выражение все же является средством языковой выразительности.

Некоторые из «метафор здоровья» являются экономическими терминами, например: *финансовое оздоровление* (в РФ одна из процедур банкротства, применяемая к должнику для восстановления его платежеспособности и погашения задолженности), *санация банка* (система мер, направленная на предотвращение банкротства) [1], но наряду с ними газета «РБК» использует определенный набор медицинских метафор (сверка проводилась по словарю медицинских терминов онлайн [5]): *Он [Путин] – консерватор, верит в консервативный метод лечения страны* (23.01.18); *Не обладая прививками от пропаганды, молодые люди развивают в себе критическое мышление* (20.12.2017); *Плохой симптом: чем опасна затяжная бедность россиян* (04.12.2017), однако отличительной особенностью таких метафор является то, что они строятся на основе отвлеченных и обобщенных концептов «боль», «лечение», «здоровье»; выражения, созданные на основе более конкретных лексем, появляются обычно в цитатах, в авторских текстах они редки. Рассмотренные метафорические выражения совмещают в себе признаки эпитифоры (сравнение, выразительность и экспрессию, апеллирующую к воображению) и диафоры (не всегда очевидные метафорические параллели, апелляция к интуиции читателя, оценочность, заложенная не в отдельном сочетании слов, а в целостном контексте).

Развернутая метафора может представлять собой красочную эпитифору, являющуюся центральным выразительным средством в тексте: *Экономический кризис – это болезнь, ведущая к постепенному, но неотвратимому истощению организма, подобно этой самой анорексии. Мы как будто глядим и восхищаемся собой, упорно игнорируя тот факт, что вес 30 кг для взрослого человека не является нормой и ведет к тяжелейшим последствиям. Так Минфин уже два года пытается убедить всех (и себя в том числе), что кризис позади* (МК от 13.09.2017). Можно отметить и более короткие, но не менее выразительные метафорические выражения: *Схватки ключевой ставки:*

что решит ЦБ 30 января (МК от 21.01.2015); *Минздрав доведет до белой горячки повышением цены на водку* (МК от 28.08.2017); *Как реанимировать пенсионную систему России* (МК от 18.08.2017). Метафоры такого рода используются, как правило, в заголовках или подзаголовках. Однако среди метафор здоровья немало и стертых, например, в цитате *«эксперты зафиксировали первые симптомы оздоровления первичного рынка жилой недвижимости Москвы»* (МК от 28.08.2017) представлено выражение, созданное на основе концепта «здоровье», оно имеет нейтральную стилистическую окраску.

Таким образом, метафоры в журналистских текстах экономической тематики строятся по разным моделям. Они нередко лишены экспрессии, это обусловлено тем, что экономический текст ставит перед собой цель – максимально точное и доступное изложение материала, рассчитанного на конкретную целевую аудиторию.

Здесь распространены метафоры движения, действия и состояния, они могут иметь экспрессивный компонент или быть нейтральными, так как в тексте чаще всего выполняют иллюстративную функцию. Иллюстрирование может осуществляться также при помощи тропов, воссоздающих некую ситуацию в спорте, на транспорте или связанную с состоянием здоровья человека. Такие метафоры помогают проводить аналогии и добиваться наиболее полного усвоения материала аудиторией. Наряду с прямой метафорой, основанной на конкретном сравнении, в экономической публицистике используются языковые средства, необходимые для отображения в тексте авторской оценки.

Широкий «ассортимент» метафор экономической публицистики выполняет различные функции, основными из которых являются иллюстративная и оценочная.

Библиографический список

1. Большой экономический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.big_economic_dictionary.academic.ru (дата обращения: 02.07.2018).
2. Бородулина Н.Ю., Макеева М.Н. Словарь метафор экономического лексикона русского языка. – Тамбов: Грамота, 2010. – 118 с.
3. Ефремова Т.Ф. Толково-словообразовательный словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 02.07.2018).
4. Махницкая Е.Ю. Метафора в современном экономическом дискурсе и принципы ее лексикографического описания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 2003. – 26 с.
5. Словарь медицинских терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.deus1.com> (дата обращения: 02.07.2018).

6. Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинского. – М., 1990. – С. 82–110.

References

1. Bol'shoj ehkonomicheskij slovar' [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.big_economic_dictionary.academic.ru (data obrashcheniya: 02.07.2018).

2. Borodulina N.YU., Makeeva M.N. Slovar' metafor ehkonomicheskogo leksikona russkogo yazyka. – Tambov: Gramota, 2010. – 118 s.

3. Efremova T.F. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj

slovar' russkogo yazyka [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.efremova.info> (data obrashcheniya: 02.07.2018).

4. Mahnickaya E.YU. Metafora v sovremennom ehkonomicheskom diskurse i principy ee leksikograficheskogo opisaniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Rostov n/D, 2003. – 26 s.

5. Slovar' medicinskih terminov [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.deus1.com> (data obrashcheniya: 02.07.2018).

6. Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинского. – М., 1990. – С. 82–110.

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ: ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ

В статье освещается вопрос об обусловленности окказиональных преобразований фразеологических единиц авторскими интенциями. Одной из целей трансформаций фразеологизмов является интенсификация фразеологического значения, при которой происходит изменение меры, степени выраженности каких-либо признаков, процессов, качеств, характеризуемых фразеологической единицей. Интенсификация значения фразеологизмов осуществляется различными способами: посредством включения в компонентный состав окказиональных интенсификаторов, посредством контаминации фразеологизмов. В статье рассматриваются средства интенсификации фразеологического значения: виды окказиональных интенсификаторов, эксплицитно и имплицитно характеризующих длительность, интенсивность процессов, качеств и признаков. Наиболее частотными окказиональными интенсификаторами являются вводимые в состав фразеологизмов числительные, вносящие в значение языковых единиц дополнительные семы количества. Также средствами интенсификации становятся другие части речи с количественным значением (прилагательные, наречия, существительные, местоимения). К таким средствам относятся окказиональные компоненты-интенсификаторы со значением неопределённого количества, с абсолютной степенью выражения признака, с синкретизмом интенсивности и оценочности, с синкретизмом интенсивности и буквализации. Интенсификаторами являются окказиональные компоненты, не содержащие элементов семантики с количественным значением, однако передающие увеличение степени признака либо интенсификацию действия имплицитно. Включение окказиональных компонентов в состав языкового фразеологизма приводит к интенсификации значения процессов, признаков, то есть к увеличению экспрессивности всей фразеологической единицы.

Ключевые слова: окказиональный фразеологизм, окказиональные трансформации фразеологизмов, интенсификация.

Индивидуально-авторские трансформации фразеологизмов – явление для языковой системы естественное и частотное, так как именно изменение формы и содержания языкового знака в синхронии и диахронии обеспечивает динамизм языковой системы, является необходимым условием существования языка. Многие фразеологические единицы (далее ФЕ), функционирующие в различных стилях и жанрах, в обиходной речи, по меткому выражению профессора В.М. Мокиенко, «заражены вирусом модификации», часто не помещаются «в прокрустово ложе узуальности», стремятся выйти за пределы привычного употребления, естественно, под «руководством» авторов текстов [3]. Намерения авторов использовать фразеологизмы в трансформированном виде связаны с выполнением творческих задач, с достижением глобальных целей создания произведений, с различными стратегиями и тактиками коммуникантов при осуществлении речи. В круг же локальных интенций авторов при выборе ФЕ могут входить экспликация, конкретизация значения единиц, интенсификация значения и эмоционально-экспрессивного плана, изменение оценочности либо стилистической окрашенности ФЕ, частичное или полное изменение фразеологического образа; кроме того, авторы могут трансформировать фразеологизмы с целью лаконизации речи, языковой игры, «поэтизации» текста [4, с. 44–48].

В ряду вышеназванных интенций привлекает внимание интенсификация значения ФЕ, способы

и средства осуществления этой авторской интенции.

Интенсификация семантики фразеологизмов в процессах окказионального преобразования ФЕ – явление частотное, обусловленное такой особенностью фразеологизма, как экспрессивность. Экспрессивность, по мнению В.М. Мокиенко, является – наряду с относительной устойчивостью, воспроизводимостью и целостным значением – категориальным признаком фразеологизмов. Учёный утверждает, что «добавочность», усложнённая фразеологической семантики, обусловленная постоянным колебанием между исходным и вторичным значениями, и делает фразеологию системой единиц экспрессивного плана [2, с. 173].

Экспрессивность и интенсивность суть взаимосвязанные понятия. Исследуя эти понятия на уровне текста, И.И. Туранский трактует интенсивность как меру количества экспрессивности: «Экспрессивность есть признак текста, его качественная характеристика. Экспрессивность всегда соотносится с нейтральной формой изложения, вне этого соотношения экспрессия немыслима. Усиленная выразительность, с другой стороны, предполагает акт, процесс усиления, или интенсификации. Интенсификация как показатель степени усиления есть количественная характеристика качественной (экспрессивной) стороны речи, есть количественное отражение того, насколько экспрессивное высказывание над предметно-логическим содержанием высказывания» [5, с. 15].

Думается, что рассуждения учёного о связи экспрессивности и интенсивности следует учитывать, шире, и применительно к фразеологизмам.

Соотношение экспрессивности и интенсивности, как видим, определяется через понятие «усиление», так как выполняется эффект усиленного воздействия на адресата речи.

В свою очередь, усиление (интенсификация) связано с количеством. Ш. Балли понимал под термином «интенсивность» «все различия, сводящиеся к категориям количества, величины, ценности, силы и т. п.» и далее обобщал: «...количественная разница, или разница в интенсивности, является одной из тех общих категорий, в которые мы вводим любые объекты нашего восприятия или нашей мысли» [1, с. 202–203].

В данной работе под интенсификацией языкового значения фразеологизма понимается изменение меры, степени выраженности каких-либо признаков, процессов, качеств, характеризующих ФЕ.

Усиление отражает часть объективно существующей количественной градации, причём градация может осуществляться как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения, ослабления характеризующих признаков. (В статье рассматривается восходящая градуальность, интенсификация в сторону увеличения степени признаков, интенсивности действий.)

Интенсификация значения ФЕ – как неузальный процесс – осуществляется различными средствами и способами. Чаще всего авторы текстов (речи) используют приёмы окказионального преобразования ФЕ – расширение компонентного состава и замену компонентов фразеологизма.

Окказиональные компоненты дают возможность средствами языка количественно охарактеризовать признаки и действия: интенсивность качеств и признаков, длительность, локальность процессов, параметрические признаки предметов и явлений.

Интенсификация осуществляется посредством изменения компонентного состава, компонентной структуры ФЕ: в состав фразеологизма включается окказиональный компонент, вводящий в значение ФЕ дополнительные семы, меняющий детали фразеологического образа. Анализ контекстов с функционирующими окказиональными вариантами фразеологических единиц позволил выявить следующие особенности процессов трансформации ФЕ, обусловленные, в свою очередь, спецификой окказиональных компонентов-интенсификаторов.

1. Окказиональный компонент-интенсификатор – числительное с эксплицитным выражением количества.

Окказиональным преобразованиям подвергаются ФЕ, имеющие в своём составе числительные, нумерализованные существительные, словосочетания с числовым значением, обозначающие

конкретное число, количество, меру чего-либо. Узальные компоненты-числительные выражают точные количественные, числовые (нумеральные) значения, соотносятся с элементами ряда целых чисел. Компоненты-интенсификаторы проявляют в общем значении фразеологизмов различные семы: оценочные, экспрессивные, количественные. При замене компонентов-числительных окказиональными заместителями-числительными, называющими большое количество кого- или чего-либо, и происходит – через обобщение – интенсификация действий, увеличение степени выраженности характеризующих признаков: много – очень много, хорошо – очень хорошо, большой – очень большой.

За семь вёрст киселя хлебать ('далеко идти, ехать без особой надобности, попусту') – *за восемь – десятки – сто – триста – тысячу вёрст киселя хлебать* ('очень далеко идти, ехать без особой надобности'): «– А чего вам в церкви делать? ... Молиться что ли? Девушка власть высмеялась, а потом объяснила, что, во-первых, она неверующая, во-вторых, в городе своих церковью хватает, кто ж поедет *за сто вёрст киселя хлебать?*» (Ю. Нагибин. И вся последующая жизнь); «Я уже не очень верил, что сохранилось что-нибудь из старинных свадебных обрядов, а потому не особенно рвался *за тысячу вёрст киселя хлебать*, когда получал время от времени приглашения на свадьбы» (А. Яшин. Вологодская свадьба).

Пуд соли съест ('хорошо узнать кого-либо, близко общаясь долгое время') – *три пуда – не один пуд – десять пудов – двенадцать – сто пудов соли съест* ('очень хорошо узнать кого-либо, близко общаясь долгое время'): «Чтобы узнать, какой он умный, добрый и интересный, нужно с ним *три пуда соли съест*» (А. Чехов. Три года); «Виделись они теперь реже. <...> Но дружба осталась. Прокоченная у костров, промороженная во льдах Таймыра, просоленная *двенадцатью пудами вместе съеденной соли*» (Н. Самохин. Королевский терьер).

Данный вид трансформаций самый простой, а потому наиболее частотный из всех видов преобразований, производимых с целью интенсификации значения фразеологизмов.

Трансформация ФЕ может быть произведена посредством расширения компонентного состава. Вводимый в состав ФЕ окказиональный компонент (числительное, наречие с количественным значением) вносит в общее значение фразеологизма семы 'очень', 'много', подчёркивающие неоднократность либо множественность процессов, признаков, субъектов, объектов и др.

Ахиллесова пята ('наиболее незащищённое, уязвимое место') – *тысячи ахиллесовых пят* ('много наиболее незащищённых, уязвимых мест'): «Речь Ахматовой была своеобразна, точна, афористична. <...> «Хвастовство ослабляет человека. От-

кряваются *тысячи ахиллесовых пят*» (Н. Ильина. Анна Ахматова, какой я её видела).

Сесть в лужу ('оказаться в неловком, глупом, смешном положении') – *трижды сесть в лужу* ('три раза оказаться в неловком, глупом, смешном положении'): «Правительство *трижды село в лужу*, теперь и революционное движение не удалось. Бедная Россия!» (О. Книппер-Чехова. Переписка).

2. Оказиональный компонент-интенсификатор со значением количества.

2.1. Оказиональные компоненты-интенсификаторы, имеющие значение неопределённого количества, эксплицирующие в значении ФЕ семьи 'много', 'очень', 'большой' и под.: *очень, множество, много* и др.

Камень преткновения ('помеха, препятствие, на которое наталкивается, с которым встречается кто-либо при выполнении, осуществлении чего-либо') – *много – очень много – множество – большое количество камней преткновения* ('много помех, препятствий, на которые наталкивается, с которыми встречается кто-либо при выполнении, осуществлении чего-либо'): «Как видите, *слишком много камней преткновения* на нашем и так нелёгком пути, слишком многие из моих коллег, устав набивать себе шишки, уходят на другую работу, не связанную с практическим проектированием» (Лит. газета, 25.09.1975).

Корень зла ('основная, главная причина чего-либо дурного, плохого') – *корень многих зол* ('основная, главная причина многих дурных, плохих поступков, решений'): «Главному обстрелу надо подвергать неправильное, сковывающее инициативу колхозов планирование. В этом *корень многих зол*» (А. Калинин. Лунные ночи).

Шито белыми нитками ('сделана неловкая, неудачная попытка скрыть что-либо') – *шито слишком белыми нитками* ('сделана очень неловкая, неудачная попытка скрыть что-либо'): «Случайность... *Слишком белыми нитками*, конечно, *шита* вся эта история с комиссионным магазином» (М. Черенок. Кухтеринские миллионы).

2.2. Оказиональные компоненты-интенсификаторы с абсолютной степенью выражения признака: *чудовищный (чудовищно), вопиющий (вопиюще), катастрофический (катастрофически)* и под. Интенсификаторы этого вида, подчёркивая очень высокую степень выраженности признаков, актуализируют оценочный план ФЕ.

Нести околесицу ('говорить, выдумывать, писать вздор, бессмыслицу') – *плести чудовищную околесицу* ('говорить, выдумывать, писать полный, абсолютный вздор, бессмыслицу'), *несусветная околесица* ('полный, абсолютный вздор, бессмыслица'): «После этой встречи у меня осталось ощущение какой-то нечистоплотности. Я имел самые чистые намерения, и в то же время я лгал, хитрил, притворялся, с дурацким видом *плёл чудовищную*

околесицу» (В. Тендряков. За бегущим огнём); «Об этом газеты своевременно трубили: покончил, дескать, с собой... Фёдор Перепенчук, причина – разочарование в жизни... Этакую, правда, нелепость могут репортёры написать. Фёдор Перепенчук – и разочарование в жизни... Ах, какие это пустяки. Какая *несусветная околесица!*» (М. Зощенко. Аполлон и Тамара).

2.3. Оказиональный компонент-интенсификатор с синкретизмом интенсивности и оценочности. Оказиональные компоненты неопределённого количества осложняются экспрессивной оценкой; такая интенсификация признака осуществляется в рамках специфических предложений с ярким экспрессивным планом.

Ломать копыя ('горячо отстаивать свои взгляды, убеждения в ожесточённых спорах, острых дискуссиях') – *Сколько копий изломано!* ('очень много раз и очень горячо пришлось отстаивать свои взгляды, убеждения в ожесточённых спорах, острых дискуссиях'): «*Сколько копий изломано* о традицию и новаторство! Сколько виноватых в том, что не следуют традиции или слишком следуют ей! Десятилетиями спорим...» (Лит. газета, 29.12.1982). *Какие копыя ломались!* ('очень горячо пришлось отстаивать свои взгляды, убеждения в ожесточённых спорах, острых дискуссиях'): «А ведь *какие копыя ломались!* Да и до сих пор одни критики не могут простить Катаеву-прошлому Катаева-нынешнего, так же как другие, очарованные новым Катаевым, не могут смириться с Катаевым-прошлым. А Катаев-то один» (Лит. газета, 9.05.1984).

2.3. Оказиональные компоненты-интенсификаторы с синкретизмом интенсивности и буквализации, содержащие в значении семы, выражающие интенсификацию признака, действия: 'большой', 'значительный', 'крупный', 'очень' и под. Оказиональные компоненты не только вносят добавочный смысловой оттенок в значение идиомы, но и влияют на фрагменты образной основы фразеологизма.

Ловить рыбу в мутной воде ('извлекать выгоду, корыстно пользуясь чьими-то затруднениями, сложной, неясной обстановкой') – *ловить крупную рыбу в мутной воде* ('извлекать очень большую выгоду, корыстно пользуясь чьими-то затруднениями, сложной, неясной обстановкой'): «Вот две политики США, которые стремятся *выудить рыбу, и покрупнее, из мутной воды*» (Лит. газета, 1.01.1981). Так, в этом речевом употреблении фразеологизма изменяется (в данном случае некардинально) наглядное представление элементов общей картины (*рыба – рыба покрупнее*).

3. Оказиональные компоненты-интенсификаторы с имплицитным выражением интенсификации действия, признака.

3.1. Оказиональные глагольные компоненты-интенсификаторы, входящие в одну лексико-семантическую группу с узуальными компонентами

фразеологизмов, сходные в значении, однако имеющие в своём семном составе элементы, характеризующие интенсивность процесса: *бросить – швырнуть* ('бросить с силой'), *нести – тащить* ('нести, передвигать волоком, с силой'). См., например, ФЕ *бросить перчатку* ('вызвать на борьбу, дискусию, спор') – и окказиональный вариант *швырнуть перчатку* ('с напором, с азартом сделать вызов в литературном творчестве') в контексте: «Ломоносов швырнул ему [Тредиаковскому] перчатку из далёкого Фрейберга» (Ю. Нагибин. Остров любви). См. ФЕ *нести крест* ('терпеливо, покорно переносить выпавшие на долю испытания, страдания') – *тащить крест* ('с невероятной покорностью, испытывая большие мучения, переносить выпавшие на долю испытания, страдания'): «Он знал, что до последнего дня жизни будет тащить этот крест предательства» (В. Миронов. Самаритяне).

3.2. Окказиональные субстантивные компоненты-заместители, совмещающие интенсификацию признака с буквализацией образной основы, актуализирующие элемент образного плана. *Собаку съел – слона съел*: «“Знаешь, что я хочу тебе предложить? Пойдём после уроков к моему знакомому. Он на этом деле слона съел, может, чего-нибудь посоветует”, – предложил Дима» (Белогоров А. Проклятие древнего талисмана). *Медведь на ухо наступил – мамонт на ухо наступил*: «У матери был плохой слух, музыка её мало трогала... Потом мать, видимо, окончательно решила разделаться с музыкой, продала рояль. Разошлась с отцом и вышла замуж за писателя Рыкачёва, которому не то что медведь – мамонт на ухо наступил» (Ю. Нагибин. Певучая душа России).

4. Компоненты-интенсификаторы – контаминанты.

Интенсификация значения возникает при объединении двух и более фразеологизмов сходной семантики. Контаминантами могут выступать сегменты фразеологизмов и целые ФЕ. Интенсификация обеспечивается объединением близких значений каждой составляющей ФЕ в общее значение трансформы.

Так, на основе объединения двух ФЕ: *молоть языком* ('заниматься пустой болтовнёй') и *нести чушь (околесицу)* ('говорить глупости') по принципу семантического повтора образован окказиональный фразеологизм *молоть чушь* ('заниматься пустой болтовнёй, при этом говорить глупости'). В контексте стихотворения Ю. Мориц фразеологический трансформ с интенсификацией признака, в свою очередь, входит в синонимический ряд и создаёт с другими текстовыми элементами конфигурацию, выражающую мысль о полной, абсолютной бессмысленности действий: «Заговор знаю – он мелет бузу, чушь, околесицу, ересь» (Ю. Мориц. «Мята в твоём зеленеет глазу...»).

См. также в контексте стихотворения В. Высоцкого «Пародия на плохой детектив»: «Где-то в де-

брях ресторана / гражданина Епифана / сбил с пути и панталыку / несоветский человек» окказиональный трансформ *сбить с пути и панталыку*, образованный посредством контаминации-наложения фразеологизмов *сбить с пути* ('привести в замешательство, заставить совершить неблагоприятный поступок') и *сбить с панталыку* ('привести в замешательство, путать мысли, представления'). Окказиональный фразеологизм получает значение – 'привести в сильное замешательство, спутать мысли, заставить совершать плохие поступки'.

Стремление авторов увеличить экспрессивность высказывания посредством фразеологизмов, интенсифицируя значение ФЕ, вполне обоснованно и часто находит воплощение в речи. Интенсификация значения ФЕ осуществляется различными способами и средствами; арсенал таких средств достаточно большой, сами способы интенсификации ФЕ различны. Относительная «лёгкость» изменения семантического и лексико-грамматического планов фразеологизмов свидетельствует о том, что преобразования устойчивых сочетаний слов и предложений происходят в рамках языковых процессов вариативности знаков, даже если эти знаки выходят за пределы «прокрустова ложа узуальности».

Библиографический список

1. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Иностранная литература, 1961. – 209 с.
2. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.: Высшая школа, 1989. – 287 с.
3. Мокиенко В.М. Приветственное слово на открытии междунар. науч.-практ. конф. «Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры», г. Кострома, 17 марта 2008 года [Рукопись] // Личный архив автора статьи.
4. Третьякова И.Ю. Окказиональная фразеология: монография. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – 290 с.
5. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. – М.: Высшая школа, 1990. – 173 с.

References

1. Balli SH. Francuzskaya stilistika. – M.: Inostrannaya literatura, 1961. – 209 s.
2. Mokienko V.M. Slavyanskaya frazeologiya. – M.: Vysshaya shkola, 1989. – 287 s.
3. Mokienko V.M. Privetstvennoe slovo na otkrytii mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Problemy semantiki yazykovykh edinic v kontekste kul'tury», g. Kostroma, 17 marta 2008 goda [Rukopis'] // Lichnyy arhiv avtora stat'i.
4. Tret'yakova I.YU. Okkazyional'naya frazeologiya: monografiya. – Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2011. – 290 s.
5. Turanskij I.I. Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v anglijskom yazyke. – M.: Vysshaya shkola, 1990. – 173 s.

ЭМОТИВНЫЙ АСПЕКТ ДИКТЕМНОГО ИМЕНИ ТЕКСТА

В статье приводятся результаты исследования эмотивного аспекта заглавий и заголовков, рассматриваемых с позиции теории диктемной структуры текста. Являясь диктемным именем текста, заглавие и заголовок выполняют различные функции, среди которых весьма ярко выражена аттрактивно-прагматическая функция, поскольку сила прагматического воздействия диктемного имени текста на читателя, как правило, велика. Эмотивный аспект диктемного имени публицистического текста рассматривается в статье на примере использования агрессивной лексики. Отображаются основные приёмы скрытого речевого воздействия на читателя, а также перечисляются виды и разновидности речевой агрессии. Проводится анализ материалов газеты «The New York Times», который позволяет выделить главные лексико-семантические группы агрессивной лексики. Благодаря разнообразию лексико-семантического состава агрессивной лексики в современной англоязычной публицистике воздействие на читателя оказывается очень сильным, так как каждая её единица обладает высокой степенью эмотивности.

Ключевые слова: заглавие, заголовок, диктемное имя текста, эмотивный аспект, агрессивная лексика, речевое воздействие, вербальная агрессия.

С позиции теории диктемной организации текста, сформулированной и разработанной профессором М.Я. Блохом [2, с. 56], заглавие художественного произведения и заголовок публицистического текста могут рассматриваться как диктемное имя текста, представленного диктемой особого рода, для которой характерны все важнейшие функционально-знаковые аспекты речи: номинация, предикация, тематизация и стилизация (имеется в виду естественная, витальная стилизация) [1, с. 18].

Именуемая, концептуально-содержательная и аттрактивно-прагматическая функции определяют то место и ту роль, которую играет заглавие в структуре всего текста. Однако аттрактивно-прагматическая функция является преобладающей, поскольку сила прагматического воздействия диктемного имени текста на читателя достаточно велика. Используя различные методы анализа и различные средства воздействия, писатель и публицист обладают разным подходом к действительности. Художник-писатель показывает общее через конкретное, индивидуальное. Публицист же непосредственно анализирует и исследует общие проблемы, соответственно конкретное и индивидуальное имеют для него второстепенное значение.

По-разному выражается и оценка в заглавии художественной литературы и в публицистическом заголовке. Художественная речь весьма условна, а творимый художником-писателем мир, как правило, вымышлен и воображаем. Автор не даёт прямых, непосредственных оценок ни героям, ни их поступкам и фразам. Это принципиально различает художественную литературу и публицистику, где автор агитирует, убеждает и пропагандирует прямо и открыто. На примере использования агрессивной лексики в газетных заголовках рассмотрим более подробно эмотивный аспект её воздействия на читателя.

У современного журналиста появилась возможность обладать преимущественным правом

самостоятельного выбора темы для своего материала, а соответственно и средств выражения, которые позволят ему максимально эффективно и убедительно воздействовать на читательскую аудиторию. В погоне за эмоциональностью и экспрессивностью, а также в стремлении оказать наибольшее влияние на сознание и подсознание своего читателя многие журналисты способствовали деградации языка вместо того, чтобы развивать и обогащать его. Вербальная агрессия уже признана актуальной проблемой эскалации насилия в СМИ, и в настоящее время характер и способ подачи материала в публицистике активно исследуется лингвистами (Ю.В. Щербинина, Е.В. Власова, Л.В. Енина и другие).

Существуют различные средства формирования отношения читателя к затрагиваемым событиям и проблемам. Весьма ярким из них является речевое манипулирование, которое представляет собой вид речевого воздействия, направленного на формирование у массовой аудитории определенных вкусов, потребностей, убеждений, предубеждений, стереотипов сознания, выгодных для манипулятора [8, с. 31]. Манипулятор вводит аудиторию в заблуждение, используя набор общих фраз, которые он оформляет в виде морально-этических или политических лозунгов, а также прибегает к использованию популярных клише, тем самым скрывая истинные мотивы своего поведения и достигая поставленной цели. Имея в своем арсенале различные психологические и психолингвистические механизмы, манипулятор вынуждает читателя воспринимать речевое сообщение некритично. В результате этого в сознании читателя возникают определенные иллюзии, которые провоцируют его на совершение выгодных для манипулятора поступков. Истинная цель воздействия на читателя публицистом скрывается, что и является принципиальной и отличительной чертой речевого манипулирования.

Выделяют несколько основных приёмов скрытого речевого воздействия, придающих высказыванию манипулятивный характер [8, с. 33]:

– упрощение подаваемой информации через искажение образа;

– категоричные и безапелляционные заявления, вынуждающие читателя принять навязываемую точку зрения;

– оформление побуждения к определенному действию в виде советов и предостережений;

– лексическая интерпретация событий, придающая высказыванию дополнительную смысловую нагрузку;

– использование языковой (речевой) агрессии.

Все эти приёмы способны воздействовать на эмоциональное состояние читателя, влияя на его взгляды и убеждения. Вышеуказанные приёмы, кроме последнего, относятся к области риторики. Речевая агрессия же представляет особый интерес со стилистической точки зрения. В настоящее время средства речевой агрессии очень активно развиваются, несмотря на то, что они являются нарушением норм общечеловеческой этики. Под «речевой агрессией» понимается сфера речевого поведения, которая мотивирована агрессивным состоянием информатора [8, с. 35]. Можно перечислить следующие виды речевой агрессии:

1) активная прямая речевая агрессия (словесное поношение, оскорбление или унижение кого-либо; высказывание угроз, призывы к агрессивным действиям, насилию);

2) активная непрямая речевая агрессия (распространение клеветы и сплетен, оговор, злословие);

3) пассивная прямая речевая агрессия (отказ от общения с другим человеком);

4) пассивная непрямая речевая агрессия (отказ от словесных объяснений, молчаливое согласие с агрессором, одобрение его поведения).

Для создания и закрепления в сознании читательской аудитории дискредитирующего образа в текстах СМИ могут использоваться такие разновидности речевой агрессии, как:

1. Наклеивание ярлыков.

– примеры о президенте России Владимире Путине: «The New Tsar» («The New York Times», 23.07.2018), «Trump and His Very Special Guest» («The New York Times», 21.07.2018), «Is Putin a C.I.A. Agent?» («The New York Times», 03.04.2018), «Vladimir Putin, the Most Influential Man in the World» («The New York Times», 03.04.2018);

– примеры о президенте США Дональде Трампе: «Blame the 400-Pound Guy» («The New York Times», 20.07.2018), «Trump, Treasonous Traitor» («The New York Times», 15.07.2018), «For Russia, Trump Was a Vehicle, Not a Target» («The New York Times», 03.04.2018).

2. Обыгрывание имени или названия объекта речевой агрессии, например: «Don't Be Putin's

Puppet» («The New York Times», 14.07.2018), «For Putin's 4th Term, More a Coronation Than an Inauguration» («The New York Times», 07.05.2018), «A Guide to Getting Along in Putin's Russia» («The New York Times», 16.04.2018), «Trump Needs to Be More Trumpian In Syria» («The New York Times», 10.04.2018).

3. Нагнетание отгаликивающих сравнений и ассоциаций, например: «Putin's Threats: More Bark Than Bite» («The New York Times», 14.07.2018), «Trump and Putin: Love Story» («The New York Times», 14.07.2018), «Is Russia Sponsoring Terrorism?» («The New York Times», 19.04.2018), «Either a Conspirator or a Sucker» (о президенте США Д. Трампе; «The New York Times», 27.03.2018).

Активная прямая речевая агрессия может быть открытой (эксплицитной) и скрытой (имплицитной). Диктемное имя текста, содержащее открытую речевую агрессию, имеет явную агрессивную направленность. В таких заголовках могут содержаться угрозы, оскорбления и прямые выпады. Цели скрытой речевой агрессии в диктемном имени автором маскируются благодаря специально подобранным языковым средствам, тем не менее негативные эмоции и чувства у читателя успешно вызваны и зафиксированы.

На страницах современной американской прессы находят широкое применение все эти виды и факторы речевой агрессии, выполняя функцию воздействия на читателей. Анализ материалов газеты «The New York Times» позволяет выделить семь лексико-семантических групп агрессивной лексики:

1. Обозначения людей, совершающих агрессивные действия – *enemy, terrorist, aggressor, perpetrator, murderer, fanatic, extremist, dissident, madman, culprit, accomplice, associate, etc.*: «Limo Company Owner In Crash Revealed as F.B.I. Informant, Recruiter of Terrorists, Fraudster» («The New York Times», 20.03.2018), «Fighting, While Funding, Extremists» («The New York Times», 19.06.2017).

2. Обозначения агрессивных действий:

а) убийств, издевательств и прочее – *murder, kill, assassinate, torture, massacre, etc.*: «The Chief Exporter of Murderous Ideology» («The New York Times», 13.09.2018);

б) захватов и атак – *threat, attack, assault, siege, crush, dive, hit, level, pierce, ram, slam, smash, strike, invade, etc.*: «Fewer Attacks, but a More Complex Terrorist Threat in 2017, U.S. Says» («The New York Times», 19.09.2018);

в) разрушений, уничтожений – *erase, eradicate, destroy, collapse, fall, crumple, sway, cave (in), swallow, debris, remnants, rubble, ruins, wreckage, damage, devastate, burst, explode, demolition, etc.*: «The Illusion of Appeasement Has Been Destroyed» («The New York Times», 19.09.2017).

3. Термины из области медицины, физиологии – *metastasize, virus, infect, disease, scar, wound, nightmare, trauma, injury, ache, pain, blood, flesh, etc.*: «Anti-Semitism Has Metastasized Like a Cancer» («The New York Times», 15.08.2017).

4. Слова, связанные со смертью, посмертными ритуалами, обычаями – *death, cemetery, grave, mourn, agony, bury, perish, die, vanish, tragedy, etc.*: «We Live Death: A Chronicler of Afghan Loss Is Killed on Live TV» («The New York Times», 06.09.2018).

5. Военные термины – *battlefield, enemy, fight, bomb, weapon, mine, bullet, target, watch list, manhunt, camp, etc.*: «After the Battle: A Warning From Mosul» («The New York Times», 17.09.2018), «Fight to Retake Last ISIS Territory Begins» («The New York Times», 11.09.2018), «U.K. Has Weapons to Use Against Russia, All With Drawbacks» («The New York Times», 13.03.2018), «Putin's 'Invisible' Missile Is Aimed at U.S. Vulnerabilities» («The New York Times», 01.03.2018).

6. Термины из области права и юриспруденции – *crime, violation victim, suicide, etc.*: «Suicide Bombing Kills at Least 6 in Somalia» («The New York Times», 10.09.2018).

7. Названия бедствий, природных катаклизмов и прочее – *disaster, flood, fire, flame, earthquake, famine, hunger, starvation, cataclysm, catastrophe, accident, etc.*: «Bombings as a Political Disaster» («The New York Times», 11.11.2017).

Очевидно, что разнообразие лексико-семантического состава агрессивной лексики в современной англоязычной публицистике воздействует на читателя, как правило, сильно, так как каждая её единица обладает высокой степенью эмотивности. Созданное у читателя высокое эмоциональное напряжение весьма эффективно формирует его собственное мнение, которое созвучно мнению автора статьи. Будучи шокированным неожиданными стилистическими комбинациями, читатель лишается способности критично воспринимать полученную информацию.

Таким образом, аттрактивно-прагматическая функция диктемого имени текста газетной статьи выражена весьма ярко, что достигается автором благодаря использованию различных экспрессивных приемов, в том числе и употреблением агрессивной лексики с целью эмоционального воздействия на читателя. Степень импрессивности подачи эмотивной информации в виде агрессивной лексики как воздействующей силы на читателя достаточно велика, и в подобных заголовках уже, как правило, содержатся элементы оценки автора, отображающие его чувственное «я».

Библиографический список

1. Богданова О.Ю. Заглавие как семантико-композиционный элемент художественного текста (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 149 с.

2. Богданова О.Ю. Заглавие с позиции теории диктемой структуры текста (на материале английского языка) // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 2 (59). – С. 172–175.

3. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 56–67.

4. Блох М.Я., Кашурникова Л.Д. Эмоциональность, экспрессивность и восклицательность как структурно-семантические параметры предложения // Структурно-семантические аспекты романогерманских языков на морфологическом и синтаксическом уровнях. – Киров: Киров. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина, 1985. – С. 10–14.

5. Власова Е.В. Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко- и русскоязычных газет 30-х и 90-х гг. XX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2002. – 22 с.

6. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М., 1997. – 304 с.

7. Енина Л.В. Речевая агрессия и речевая толерантность в средствах массовой информации // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. – М.: Независимый Институт Коммуникативистики, 2002. – С. 104–110.

8. Сентенберг И.В., Карасик В.И. Псевдоаргументация: некоторые виды речевых манипуляций // Речевое общение и аргументация. – СПб.: Экополис и культура, 1993. – Вып. 1. – С. 30–38.

9. Щербинина Ю.В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления. – М.: Флинта, 2004. – 38 с.

10. The New York Times [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/> (дата обращения: 10.06.2018, 15.10.2018, 23.10.2008).

References

1. Bogdanova O.YU. Zaglavie kak semantiko-kompozicionnyj ehlement hudozhestvennogo teksta (na materiale anglijskogoazyka): dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2009. – 149 s.

2. Bogdanova O.YU. Zaglavie s pozicii teorii diktemnoj struktury teksta (na materiale anglijskogoazyka) // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2009. – № 2 (59). – S. 172–175.

3. Bloh M.YA. Diktema v urovnevoj struktureazyka // Voprosy yazykoznanija. – 2000. – № 4. – S. 56–67.

4. Bloh M.YA., Kashurnikova L.D. EHmocial'nost', ehkspressivnost' i vosklicatel'nost' kak strukturno-semanticheskie parametry predlozheniya // Strukturno-semanticheskie aspekty romano-germanskih yazykov na morfologicheskome i sintaksicheskome urovnyah. – Kirov: Kirov. gos. ped. in-t im. V.I. Lenina, 1985. – S. 10–14.

5. Vlasova E.V. Rehevaya agressiya v pechatnyh SMI (na materiale nemecko- i russkoyazychnyh gazet

30-х и 90-х гг. ХХ вeka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Saratov, 2002. – 22 s.

6. Gorelov I.N., Sedov K.F. Osnovy psiholingvistiki. – M., 1997. – 304 s.

7. Enina L.V. Rehevaya agresiya i rehevaya tolerantnost' v sredstvakh massovoj informacii // Rossijskaya pressa v polikul'turnom obshchestve: tolerantnost' i mul'tikul'turalizm kak orientiry professional'nogo povedeniya. – M.: Nezavisimyj Institut Kommunikativistiki, 2002. – S. 104–110.

8. Sentenberg I.V., Karasik V.I. Psevdoargumentaciya: nekotorye vidy rechevyh manipulyaci // Rechevoe obshchenie i argumentaciya. – SPb.: EHkopolis i kul'tura, 1993. – Vyp. 1. – S. 30–38.

9. SHCHerbinina YU.V. Russkij yazyk. Rehevaya agresiya i puti ee preodoleniya. – M.: Flinta, 2004. – 38 s.

10. The New York Times [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.nytimes.com/> (data obrashcheniya: 10.06.2018, 15.10.2018, 23.10.2008).

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ КОСТРОМСКОЙ НИЗИНЫ В НАРОДНОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ: ВОЛГО-КОСТРОМСКАЯ ПОЙМА

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-012-00809 А
«Диалектное исследование лексики и ономастики костромского края»

В статье в аспекте Программы Лексического атласа русских народных говоров рассматривается номенклатура записанных в селе Шунга в 2018 г. народных географических терминов, отражающих природные особенности Волго-Костромской поймы – уникального района Костромской низины. Особое внимание обращается на группу гидрографических реалий – названий небольших замкнутых естественных водоёмов: *бадана, бакалда, бочаг, залив*. Как следует из определений представленных терминов, все они являются названиями небольших озёрков. Вместе с тем в лексическом значении каждого из этих слов имеются дополнительные дифференциальные признаки, отражающие содержание реалии – по происхождению, по форме, размерам водоёмов и т. п. Бытующие в речи жителей местные географические термины точно информируют об особенностях похожих, но имеющих тонкие отличия географических объектов.

Ключевые слова: Костромская низина, Волго-Костромская пойма, село Шунга, шунгенский говор, народные географические термины, гидрографическая лексика, бадана, бакалда, бочаг, залив.

Костромская низина занимает лево- и правобережье реки Костромы от города Буй до Волги. На всём её 80-километровом протяжении с севера на юг встречаются речки и озёра, заливные луга, болота и болотца. Тем не менее, несмотря на присущие типические характеристики, отдельные участки имеют свои особенности. Наиболее ярко выраженными отличиями выделяется Волго-Костромская пойма – юго-восточная часть Костромской низины. «Угол района между правой стороной р. Костромы и Волгой... представляет собой... луговое поёмное пространство, усеянное мелкими озёрами...» – читаем в описании Костромской губернии 1877 г. [1, с. V]. «В нижнем течении реки Костромы, впадающей в Волгу... расстилается оригинальная местность, выделяющаяся своим своеобразием не только в районе костромского края, но и всего верхнего Поволжья; это – огромная луговая пойма, – отмечали члены КНОиМК А. Красюк и В. Юницкий. – Взор не упирается ни в моренные холмы, ни в стену лесных массивов, и на десятки вёрст можно озирать луговые пространства, среди которых на невысоких гривах вырисовываются столь редкие здесь селения. <...> Костромская пойма пестрит многочисленными озёрами, болотами, старицами, мочезинами и заболоченными ложбинами» [2, с. 11]. Пойма, «имея в пределах Костромской губернии около 35 вёрст в длину и 25 в ширину, заливается весной водами Волги и Костромы почти сплошь...» [1, с. V]. И на этой, казалось бы, единообразной территории выделяются более возвышенная и дренированная местность в районе Шунгенской и отчасти Мисковской волостей и «низменная Куниковская волость, со Спас-Вёжинскими лугами, воспетыми Некрасовым», представляющая собой «значительно заболоченную равнину, где

сосредоточиваются озёра и болота» [2, с. 11]. Природным своеобразием края и связанными с этим особенностями хозяйствования местного населения обусловлена номенклатура географических терминов, бытующих в говорах жителей расположенных здесь селений (отчасти этот вопрос освещён в публикациях [4; 5; 6] и др.). Уточним, что к географической лексике по сложившейся традиции относятся не только термины, называющие природно-географические реалии, но и названия объектов, возникших в ходе освоения территории населенниками.

В данной статье рассматривается народная географическая лексика, записанная в 2018 г. в говоре села Шунга, расположенного в Волго-Костромской пойме. Всего было зафиксировано около 60 терминов. Большая часть их относится к теме «Природа» Программы ЛАРНГ [7] – к группам лексики «Растительный мир» (напр.: *бор* ‘возвышенное, сухое место в лесу, поросшее соснами’ – *Идѣшь, идѣшь по лесу – и бор. Поднимешься – ровное место, песчаное, сосны растут; бурелом* ‘труднопроходимый участок из-за сплошного кустарника, растущего и поваленного’ – *Когда дамбу делали, песок намывали. Откуда песок брали – карьеры образовались; кустарником заросли, много и уроненного – бурелом. Чтобы идти, надо руками проход разгребать; гарь* ‘выгоревший участок в лесу’ – *Малина растёт на гарях и на вырубках. Особенно хорошо на гарях*) и «Ландшафт (рельеф, почвы, водоёмы)» (напр.: *боровина* ‘возвышенное место в лесу’ – *В лесу есть низина и боровина. Боровина – возвышенность, травы меньше, потому что солнышко там; грива* ‘луг на возвышенном месте’ – *На гриве удобно косить: ровная, как стол, трава хорошая, ни змей, ни ужей не было. Грива всякая бывает, и маленькая, и большая. Покос по-*

больше километра был на гриве от Костромки до Долгого озера; **затёр** 'нагромождение льда на реке во время ледохода' – *Ледоход начинается, лёд идёт по реке, льдина на льдину налетает, лёд и встаёт – вот и затор; **приплеск** 'узкая полоса берега вдоль уреза воды, захлёстываемая волнами при ветре' – Приплеск – это куда волна плещет, когда ветер. Пошёл ветер – наплещет волной, всё выплещивает на приплеск: и рыбу, и траву, и мусор всякий).*

Народные географические термины представлены в группах лексики, относящихся к теме «Трудовая деятельность», – «Полеводство» (**хмельник** 'участок, на котором выращивают хмель' – Место, где рос хмель, так хмельниками и называли), «Животноводство» (**загон** 'огороженное место для скота на пастбище' – Загон делали, загоняли на обед или на ночь, чтобы не разбежались; **стоянка** 'большой сенокосный участок' – Участок сделали – на другую стоянку, зараз её не скопишь), «Рыболовство» (**духовик** 'прорубь во льду, которую вырубали в период замора рыбы' – Духовики вырубали особым образом. Сначала вырубали кольцо метра три в диаметре, но до воды не прорубают, прорубают в выступе, полметра. В свежей воде рыба отдушивалась и уходила, а которая не уходила, черпали саком) и «Охота» (**западня** 'яма, которую использовали для охоты на диких зверей' – Яму делали на кабана, на медведя, глубокою, чтобы не смог выбраться. В западню кусок мяса бросали, а сверху доской прикрывали. Доска как весы, на один конец встанешь – и провалишься), а также в составе лексики по теме «Пути сообщения» (**большиак** 'дорога в сельской местности, проходящая через наиболее крупные населённые пункты' – На большак выходили дороги из деревень. Из Коробейникова как до Костромы добраться? Надо выйти на большак, по нему автобус Кострома – Петрилово ходит; **отворотка** и **повёртка** 'ответвление от основной дороги' – Из Костромы как едешь – справа отворотка на Яковлевское; Тепра недалеко, от отставки по повёртке идите).

Почти треть от общего количества выявленных местных географических терминов составляют названия реалий, связанных с водоёмами, которых на обширной пойменной низменности множество. В числе местных географических терминов, характерных для южной части Костромской низины, зафиксированы названия небольших замкнутых водоёмов естественного происхождения: *баданá, бакáлда, бочáг, залив*.

Залив – семантический диалектизм. Общепринятое слово с иным, чем в литературном языке, значением (залив – «вдавшаяся в сушу часть океана, моря или озера» [9, т. 1, с. 537]) известно в русских говорах. В СРНГ представлены толкования: «половодье, разлив» (Моск.), «низкое, заливаемое водой место в лугах или на пашне» (Калуж., Тул.,

Арх.), «о лесе, луге, поле после сильного дождя» (Смол.) [8, вып. 10, с. 205]. По данным картотеки Костромского областного словаря, лексема *залив* с первыми двумя значениями бытует и в костромских говорах; в 2016 г. в Павинском районе нами зафиксировано также значение «заливной луг в пойме реки». В шунгенском говоре этот термин является названием небольшого постоянного водоёма, вытянутого в длину: *Заливы к реке не относятся, они всегда отдельно. Вода в них постоянно, рыбы много. Под Шунгой были два залива. Один побольше, шириной метров двадцать и длиной тридцать, другой поменьше, его песком замыло. А который побольше, силосом не так давно завалили – депутат яму силосную в нём сделал.*

Баданá. Впервые слово было зафиксировано в 1904 г. Н.Н. Виноградовым, членом МДК и КНОиМК, в описании особенностей народного говора Шунгенской волости Костромского уезда: *Болото было баданá, а теперь одна грезь осталась.* В СРНГ как костромское представлен термин *баданы, мн.* – «большие озёрки на сенокосных угодьях», 1927 г. [8, вып. 2, с. 38]. В картотеке Костромского областного словаря отмечается значение термина (также во мн. ч. и без иллюстрации) 'небольшие озёрки на сенокосных угодьях'. Во время записи диалектной речи в с. Шунга установлено, что слово *бадана* бытует и в настоящее время как название небольшого озёрка, образовавшегося в пойме при таянии снега. Информант: *Бадана – низинка на лугу, углубление, где держится талая вода. Круглая, как наш огород, или длинная, с километр. Если лето дождливое, вода и до осени может простоять. Обычно летом баданý высыхают, только в глубоких вода может держаться всё лето. Ничего в них не водится, только лягушки квакают по весне. Баданý потом травой зарастают: осока, кочки. Косили, хоть трава и плохая.* Слово известно не только в Шунге, но и в расположенных вблизи населённых пунктах: Аганине, Тепре, Яковлевском.

Бакáлда – небольшое озёрко у реки: *Бакáлды – озёрки вдоль реки. Вот Волга, вот дамба, а вдоль бакáлды одна за другой, как озёра. Постоянные, а не только весной.* В говорах Костромской области данная лексема зафиксирована в Парфеньевском районе со значением 'яма, небольшое временное озёрко на пойме во время весеннего половодья'. Семантический признак 'во время весеннего половодья' представлен и в определении термина в словарной статье СРНГ: «небольшой залив, озеро, яма, которые наполняются водой только во время весеннего половодья» [8, вып. 2, с. 58]; и в «Словаре народных географических терминов» Э.М. Мурзаева: «озёрко среди болот, яма, временное озёрко на пойме во время весеннего разлива, небольшой залив» [3, с. 66]. В ярославских говорах, согласно изданию «Ярославская губерния. Список населён-

ных мест по сведениям 1859 года», слово *бакалда*, как и в шунгенском говоре, является названием постоянного, а не временного водоёма: «В Ярославской губернии весьма значительное число малых речек образуется из цепи небольших озёр, или так называемых “бочагов” и “бакалдин”» [12, с. XI]; этот термин, представленный в ЯОС со значением «небольшое озерцо» [12, вып. 1, с. 29], в «Ярославский областной словарь. Дополнения» (Ярославль, 2015) не вошёл, на основании чего можно заключить, что его семантика не изменилась, а значит, лексическое значение слова не соотносится с замкнутым водоёмом.

Бочаг – многозначный географический термин. В костромских говорах он бытует со всеми представленными в СРНГ значениями, связанными с низменным рельефом и водоёмами [8, вып. 3, с. 140]. «Хорошо известны... и такие характерные для говоров Русского Севера значения, как глубокая лужа, яма в овраге, окно в болоте, омут, заводь, залив, топкое место, сырое место в лесу, низкое сырое место... – отмечает Е.В. Цветкова. – Имеются и другие значения: водоворот, овраг, болото, пруд, сделанное талой водой углубление в земле, неглубокая яма, чередование мелких и глубоких мест в реке, яма на сырой, заболоченной дороге, место ловли рыбы и др.» [11, с. 77]. А.В. Костров приводит значение «небольшой омут в ручье», с которым лексема употребляется в «агафонском» говоре (Парфеньевский район) [10, с. 40]. И только в юго-западной оконечности Костромской области встречается лексема бочаг со значением ‘небольшое озерко’: *Бочаг никак с речкой не соединялся. Ровное место – и вдруг провал с водой, глубокий, метра два. Бочаг больше баданы, озерко с чистой водой. Чистая-чистая вода, шапкой зачерпнёшь – и пьёшь.* Изолекса идёт далее на запад, в ярославский край, в четырёх районах которого, кроме того, зафиксировано значение «небольшой искусственный водоём» [13, вып. 2, с. 19].

Как следует из определений представленных терминов, все они являются названиями небольших озерков на территории Волго-Костромской поймы. Вместе с тем в лексическом значении каждого слова имеются дополнительные дифференциальные признаки, отражающие содержание реалии – по происхождению, по форме, размерам озерков и т. п. Таким образом, бытующие в речи жителей местные географические термины точно информируют об особенностях похожих, но имеющих тонкие отличия географических объектов.

Библиографический список

1. Костромская губерния. Список населённых мест по сведениям 1870–72 годов. – СПб.: Центр. стат. комитет Мин. внутр. дел, 1877. – 465 с.
2. Красюк А., Юницкий В. К характеристике почв аллювиальных лугов Костромского края //

Труды КНОиМК. Вып. XXXVI. – Кострома, 1925. – С. 1–17.

3. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.

4. Неганова Г.Д. Ландшафтная лексика в исследовании Н.Н. Виноградова «О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда» // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сб. ст. по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 1000-летию г. Ярославля. В 2 ч. Ч. 2. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. – С. 260–263.

5. Неганова Г.Д. Межевые книги как источники географической лексики: костромской край // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения издания томов серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества»): материалы V Междунар. конф. по исторической географии (Санкт-Петербург, 18–21 мая 2015 г.). – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – Ч. 1. – С. 211–214.

6. Неганова Г.Д. Названия сельскохозяйственных угодий в пространстве культурного ландшафта Костромской низины // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. – 2016. – № 1 (154). – С. 49–52.

7. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Ч. 1–2 / отв. ред. И.А. Попов. – СПб.: ИЛИ РАН, 1994. – 336 с.

8. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–/ гл. ред. Ф.П. Сороколетов; отв. ред. С.А. Мызников. – Л.; СПб.: Наука, 1965–.

9. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1981–1984.

10. Толковый словарь «агафонского» говора бывшей Матвеевской волости Кологривского уезда Костромской губернии / сост. А.В. Костров. – Кострома: Ф-ка сувениров, 2015. – 308 с.

11. Цветкова Е.В. Географический термин *бочаг* в костромской топонимии // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2012. – № 3. – С. 76–79.

12. Ярославская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859 года. – СПб.: Центр. стат. комитет Мин-ва внутр. дел, 1865. – 382 с.

13. Ярославский областной словарь: в 10 вып. / под ред. Г.Г. Мельниченко. – Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1981–1991.

References

1. Kostromskaya guberniya. Spisok naselyonnyh mest po svedeniyam 1870–72 godov. – SPb.: Centr. stat. komitet Min. vnutr. del, 1877. – 465 s.
2. Krasnyuk A., YUnickij V. K karakteristike pochv allyuvial'nyh lugov Kostromskogo kraja // Trudy KNOiMK. Vyp. XXXVI. – Kostroma, 1925. – S. 1–17.

3. Murzaev E.H.M. Slovar' narodnyh geograficheskikh terminov. – M.: Mysl', 1984. – 653 s.
4. Neganova G.D. Landshaftnaya leksika v issledovanii N.N. Vinogradova «O narodnom govore SHungenskoj volosti Kostromskogo uezda» // Semantika i funkcionirovanie yazykovykh edinic v raznyh tipah rechi: sb. st. po materialam mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 1000-letiyu g. YAroslavlya. V 2 ch. CH. 2. – YAroslavl': Izd-vo YAGPU, 2011. – S. 260–263.
5. Neganova G.D. Mezhevye knigi kak istochniki geograficheskoy leksiki: kostromskoy kraj // Istoricheskaya geografiya Rossii: retrospektiva i sovremennost' kompleksnyh regional'nyh issledovanij (100-letie zaversheniya izdaniya tomov serii «Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva»): materialy V Mezhdunar. konf. po istoricheskoy geografii (Sankt-Peterburg, 18–21 maya 2015 g.). – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2015. – CH. 1. – S. 211–214.
6. Neganova G.D. Nazvaniya sel'skohozyajstvennyh ugodij v prostranstve kul'turnogo landshafta Kostromskoy niziny // Uchyonye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki. – 2016. – № 1 (154). – S. 49–52.
7. Programma sobiraniya svedenij dlya Leksicheskogo atlasa russkikh narodnyh govorov. CH. 1–2 / otv. red. I.A. Popov. – SPb.: ILI RAN, 1994. – 336 s.
8. Slovar' russkikh narodnyh govorov. Vyp. 1– / gl. red. F.P. Sorokoletov; otv. red. S.A. Myznikov. – L.; SPb.: Nauka, 1965– .
9. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / pod red. A.P. Evgen'evoj. – M.: Rus. yaz., 1981–1984.
10. Tolkovyj slovar' «agafonskogo» govora byvshej Matveevskoy volosti Kologrivskogo uezda Kostromskoy gubernii / sost. A.V. Kostrov. – Kostroma: F-ka suvenirov, 2015. – 308 s.
11. Cvetkova E.V. Geograficheskij termin bochag v kostromskoy toponimii // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. – 2012. – № 3. – S. 76–79.
12. YAroslavskaya guberniya. Spisok naselyonnyh mest po svedeniyam 1859 goda. – Spb.: Centr. stat. komitet Min-va vnutr. del, 1865. – 382 s.
13. YAroslavskij oblastnoj slovar': v 10 vyp. / pod red. G.G. Mel'nichenko. – YAroslavl': YAGPI im. K.D. Ushinskogo, 1981–1991.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ НАИМЕНОВАНИЙ ОБРЯДОВОЙ ХЛЕБНОЙ ВЫПЕЧКИ КОСТРОМСКОГО КРАЯ

Статья подготовлена при финансовой поддержке
 Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-012-00809 А
 «Диалектное исследование лексики и ономастики костромского края»

*В качестве обрядовых хлебных изделий на Руси выступала как специальная, так и обыденная выпечка, но лучшего качества. Особую значимость приобретала семантическая оппозиция кислый (из заквашенного теста: **коровай, калач, курник** и др.) – пресный (**жаворонки, кресты, лестницы** и др.). В современных костромских говорах данный пласт лексики подвергся значительным потерям. Обрядовое значение части реалем утратилось, однако в некоторых местностях костромского края сохраняются общерусские названия обрядовых изделий (**каравай, курник** и др.), а также специфические местные наименования (**шишуля, тужильник** и др.). Данные костромских диалектов помогают выявить лексико-семантические особенности данной группы лексики как в языковой ретроспективе, так и в настоящее время, а также обозначить её место в составе тематической группы «Наименования печёных изделий из муки».*

Ключевые слова: хлеб, обрядовая выпечка, диалектная лексикология, этнография, костромские говоры.

Пища является одним из необходимых компонентов жизни человека, Лексика питания, в том числе названия печёных изделий из муки (хлеба, пирогов и т. п.), принадлежит к древнейшим пластам общенационального лексического фонда и служит ценным источником информации об особенностях духовной культуры, повседневной жизни и деятельности человека в ту или иную эпоху. Остановимся подробнее на особенностях номинации и семантики некоторых наименованиях печёных изделий из муки, показательных в плане выявления связи языка и народной духовной культуры жителей костромского края.

Известно, что *хлеб* является одним из жизненно важных для человека объектов действительности, обладающих одновременно атрибутами материальной и духовной культуры, символом достатка, благополучия. Это высшая жизненная ценность, «дар Божий, батюшка, кормилец». Наиболее ярко значение хлеба как священного объекта проявляется в его неизменном участии в наиболее архаических явлениях народного быта – свадьбах, рождественских святках, заговорах, а также иногда при встрече гостя, на крестинах, похоронах: «Во всех событиях народной жизни, сложных и простых, важных и неважных, крупных и мелких, обнаруживается присутствие обрядового хлеба. В одних случаях хлеб входит в бытовое явление в виде незаметной прибавки, как нечто случайное; в других случаях он получает значение господствующего элемента, повелевает целым бытовым явлением, придаёт своеобразный характер определённой стороне народной жизни. Можно смело утверждать, что народная жизнь во всей полноте её исторического развития, со всем её прошлым и настоящим наполнена обрядовым употреблением хлеба» [6, с. 42]. Особенности участия хлебных изделий в православных и языческих обрядах, переплетение этих традиций

рождает своеобразие духовной культуры русского человека. Лексика говора, в том числе хлебная, является отражением духовной культуры костромского крестьянина, характеризует её.

Для теста и хлеба особую значимость имеет семантическая оппозиция «кислый – пресный», то есть приготовленный с помощью естественного процесса брожения продуктов (на закваске или дрожжах) – или без неё (пресное тесто). Кислый хлеб, кроме бытовой (так как он являлся одним из основных продуктов повседневного питания), имел особую ритуальную и магическую функцию. В этом случае его нередко пекли с украшениями из теста, изображавшими желаемое благополучие. Считалось, что он способствовал хорошему урожаю, повышению плодородия, увеличению богатства и т. д. Его готовили в день покровителя рода, на храмовые и общесельские праздники жертвенного характера, на свадьбу [2, т. 2, с. 497–478]. В отличие от квасного хлеба пресные изделия, обычно имеющие небольшой размер, пекли для связи между «тем» и «этим» миром. Употребление пресного хлеба маркировало ситуацию перехода: его пекли, когда человек умирал или рождался, перед свадьбой, в праздники, связанные со сменой времён года, днями первой пахоты, первого сева, строительства нового дома, в заговорной практике, магии и гаданиях [2, т. 2, с. 497–500].

Это оппозиция осмысливается и особым образом реализуется в культурных традициях русского крестьянина, в том числе костромского.

Действительно, именно пшеничный хлеб из заквашенного теста (*каравай, калач, папушник* и др.) в прошлом играл важную роль во многих славянских обрядах, хотя в настоящее время обрядовая составляющая квасного хлеба постепенно перестала осознаваться и в значительной мере утратилась. Особенно это характерно, видимо, для восточных

славян: «Различные наименования свадебного хлеба в Северной и Восточной России, различия в форме и употреблении – всё это... указывает, что основные, древние мотивы его употребления забыты и заменены новыми, чисто житейскими северорусского склада» [6, с. 51]. Этот процесс можно наблюдать и в говорах костромского края. Квасной хлеб, имевший в прошлом обрядовый характер (*каравай*, *калач*, *курник* и др.), стал обозначать обыденный или праздничный хлеб лучшего качества (из ситной муки, с добавлением сдобы и с лучшей начинкой), являясь символом достатка, богатства.

Лексема *каравай* известна русскому языку, а также другим славянским языкам и диалектам, за исключением западнославянских, что, возможно, «коренится в различии соответствующих обычаев, потому что *korgvajъ обозначает не просто печёное изделие из теста круглой формы, как *kolaсъ, но в большинстве случаев ритуальный хлеб, пирог, приготовляемый в праздники и в первую очередь? в свадебных обрядах» [7, вып. 11, с. 113].

В ряде говоров Костромской области (как юго-западных, тяготеющих к говорам центра, так и восточных) лексема *каравай* 'круглый хлеб из ржаной, реже пшеничной муки или их смеси, который пекут на поду или в круглых формах' (Костр.; Буйск., Красн., Сусан., Нерехт., Судисл., Чухл., Шарьин., Макал. р-ны) и её производные могут быть и общим названием ржаного хлеба, и наименованием праздничного хлеба из муки хорошего качества: *По окончании жатвы праздник был, каравай пекли из свежей муки* (Нерехт. р-н),

По праздникам каравайки пекли (Межев. р-н). В настоящее время значимость каравая как свадебного хлеба в значительной мере утрачена. Ещё в начале XX века член КНОИМК Л.С. Кितिцына писала: «Нам не удалось видеть свадебных короваев, но имеются сведения, что они кой где ещё бытовали в недавнее время» [3, с. 102].

В некоторых современных костромских говорах лексема *каравай* для обозначения как обыденного, так и праздничного хлеба не используется (информанты сообщают, что каравай «здесь не пекли»). Это подтверждает наблюдение Н.Ф. Сумцова, что «в Северной и Северо-Восточной России вместо коровай встречается хлеб с другим названием и в особой форме обрядового употребления» [6, с. 50]. Такими названиями, являющимися местной заменой *каравая*, в говорах костромского края были *курник* 'высокий пирог, иногда с куриной или мясной начинкой': *Курник спекла. На свадьбу к им пойду* (Судисл. р-н), *коврига* 'большой круглый подовый хлеб': *Родители молодым ковригу подносили* (Нерехт. р-н) и другие местные названия большого круглого хлеба. В подобных случаях обрядовый хлеб не имеет специального названия, главными его свойствами, определяющими особенности семантики, являются величина, окру-

лая форма, качество компонентов, символические украшения.

Среди «кислых» выпечных изделий обрядовое значение имел не только хлеб, но и более мелкая выпечка (*пирог*, *пряженцы* и др.): «*Наклали крупчатых пирогов да пряженников*» (Е. Честняков. Свадьба). Вероятно, первоначально обрядовая функция была характерна для *пирогов с амином*. У Н.Н. Виноградова в фольклорно-этнографическом исследовании «Народная свадьба в Костромском уезде» (издано в 1917 г.), при описании свадебного обряда, который происходит по всем традиционным канонам, в том числе и по церковно-обрядовым, читаем: «Затем кладут на стол два длинных “с амином” пирога крест-на-крест: знак, что ничего не будет» [1, с. 105]. Здесь в названии пирога проявился синкретизм обрядового и функционального назначения данного выпечного изделия (подавался в конце обеда). Функциональный признак проявился также в «отрицании» такого важного свойства пирога, как наличие начинки. Впоследствии обрядовое назначение данного выпечного изделия утратилось, в народной речи *пирогом с амином* стали называть любые пироги, в которых нет начинки: *Не хошь ли пирога с амином?* (Нейск.; Костр. р-н). Подобное противопоставление, вероятно, неслучайно и изначально основано на давнем объединении религиозного обряда и «хлебного», на представлении о хлебе как символе духовной пищи.

Н.Ф. Сумцов приводит также название *благословенный*, или *крутильный хлеб*, который приготавливался в Костромской губернии [6, с. 51]. Л.С. Кितिцына упоминает постный белый коровай *туженник*, *тужильник* [3, с. 101]. С.В. Максимов называет большое количество обрядовых «хлебных» изделий, среди которых в костромском крае пекли *ржаной каравай* («печётся на свадьбу»), *обетные пироги* («пекутся по обещанию на угощение странников и нищих»), *именинные пироги*; *пряженые лепёшки*, *сдобное тесто полосками, лентами*, *пряженое на масле печенье*; *блины*; *кресты*, *жаворонки*, *лесенки*; *пасху*, *кулич* (С.В. Максимов. Куль хлеба и его происхождения).

О значимости хлеба в жизни костромского крестьянина говорит использование его в гаданиях. В.И. Смирнов в статье «Народные гадания Костромского края» указывает, что обычными предметами при гаданьях являются «коровай или кусок хлеба; сочень, зёрна овса, пшеницы, крупа, кутья, каша, соль, а равно инвентарь кухонного обихода». Употребление при гаданиях данных предметов говорит о том, что «многие гаданья созданы отчасти в земледельческом быту древности». Они имеют значение символа, обозначая довольство, благополучие. Во многих гаданиях хлеб играет роль предсказателя или символа достатка, богатства, зажиточности: «Приносят в комнату петуха,

перед тем ставят на пол: зеркало, воду, хлеб и кольцо. Если хлеб клонет – хозяином будет», «Раскладывают на полу кольцо, как знак замужества, хлеб, как знак зажиточности, уголь, как знак бедности», «петуха сажают под решето, решето закруживают, если петух потом клонет кольцо – за щёголя выйдет, если хлеб – за богатого» [5, с. 21, 24].

В отличие от наименований квасного хлеба, названия *пресных изделий* характеризуются большей связью с обрядом: «Существует целый ряд печений, большинство из них имеет вид фигур животных и птиц, которые являются предметами обрядовыми и печение которых приурочивается к определённым дням... Часто смысл его забыт, установленные дни смешиваются. Кресты, жаворонки, грачи и пр. выродились в забаву для детей» [3, с. 97].

Многие из этих изделий по названию и употреблению связаны с религиозными праздниками и имеют специальную обрядовую функцию. Они имеют сходство с той или иной реалией, что нередко отражается в названии соответствующих изделий, и совмещают конкретную внешнюю форму (крест, лестница, фигурка животного или птицы) – и образно-символический смысл. Например, из пресного теста пекли такие виды «печенья», как *жаворонки, грачи, лесенки, бараны, барашки, орехи* и другие изделия в виде различных фигурок из теста: *На Герасима-грачевника пекли грачей* (Сусан. р-н); *Кресты пекли в крестовую неделю. Намисим тесто мешиное и сделаем крестик* (Сусан. р-н); *В середине поста мама кресты пекла, а в какой-то монетку и положит. Вот уж счастлив был тот, кому достанется! Как только вытащит противень-то из печки, так и говорит: «Тащите». Обжигайся, знамо дело, да каждому хочется с монеткой-то достать, до раздёрну* (Кадыйск. р-н); *Вознёся по лесенке Христос на небеса, Потащит рожь за волоса* (Парф. р-н); *И жаворонки пекли. Мама разомнёт одну часть и разрежет ножиком – это хвостик получался, а вторую часть загнёт и носиком таким сделает, и крылышки так же разомнёт, понадрезет и получалась птичка* (Костр. р-н); *В вербное воскресенье орехи пекли: вода, мука, соль – всё это перемешать, скатать шариками и выпекать* (Кадыйск. р-н); *Вербное воскресенье – последнее перед пасхой. В этот день пекли орехи, давали их людям и скотине на здоровье* (Кадыйск. р-н). Данные наименования характерны для центральных говоров европейской части России.

В костромском крае встречаются также пресные выпечные изделия, имеющие в основном местный характер. Например, в юго-западных районах Костромской области свадебным «хлебным» являлась *шишуля* (Нерехт., Костр., Сусан., Судисл. р-ны) – пресный пирог, обычно в форме круглого калача с сомкнутыми или несомкнутыми концами,

который нередко начинали пшённой кашей, творогом: *Подали нам шишулю-то, мы его и стали есть* (Сусан. р-н); *Варили большой чанок белёной похлёбки, пекли каравай и шишулю* (Нерехт. р-н). В словаре В.И. Даля указывается что *шишугой, шишулей* в Костромской губернии называют ‘круглый пирог, на другой день свадьбы, на котором красуются выпеченные молодые’ [2, т. 4, с. 637].

Среди наименований, бытующих в костромском крае, следует также назвать: *блины «Христу на онучки»* [6, с. 56], *бараны, барашки, безделюшки, лапоточки, малинушка, охвостышии, вожжи, заячьи ушки, финтиклюшки, скворцы, уточки, коровки, свинки, колосья, ножницы, козули, кокуры, долгие, советники* и др. [3, с. 101].

На территории Костромской области можно выявить специфику в семантике наименований обрядовых выпечных изделий, связанную с природно-климатическими, историко-культурными и этнолингвистическими особенностями костромского края. Ряд изделий, в прошлом выполнявшие обрядовые функции (*каравай, козуля, кокура* и др.), утратили эти качества. Однако сам факт приготовления выпечки, характерной для данной местности (из хорошего теста, хорошей муки, сдобного теста, с начинкой), имел символическое значение, олицетворяя богатство и достаток: *А гуляли-то на Троицу ох, и хорошо: квашню поставишь, колобов да шанег напекёшь, больно любо было* (Поназ. р-н); *Кокуру на праздник пекли. Так-то её мало пекли. Но уж делали очень сдобную* (Остров. р-н); *Из пшонинной муки мяконьки пекли. Постановишь в печку сковороды, дух-то какой пойдёт. Ранше по праздникам мяконьки-то пекли. Ноне это не смотришь – праздник ли, обыдень ли* (Вохом. р-н); *Придут гости, сядем все в сутках. На столе и хлеба, и колобы, дежень, тива корчага* (Пышуг. р-н). Наблюдаются значительные потери среди специальных местных названий обрядовых хлебных изделий костромского края, что связано с утратой религиозно-мифического значения номинируемых ими реалем.

Библиографический список

1. *Виноградов Н.Н.* Народная свадьба в Костромском уезде // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. – Кострома, 1917. – Вып. 8. – С. 71–152.
2. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. – М.: Терра, 1995. – 688 с.
3. *Китицына Л.С.* Хлеб: Из материалов по народному питанию Костромского края // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. – Вып. 41. – Кострома, 1927. – С. 92–102.
4. *Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общей ред. Н.И. Толстого.* – М.: Международные отношения, 1999. – Т. 2: Д – К. – 704 с.

5. *Смирнов В.* Народные гаданья Костромского края: (Очерк и тексты) // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. – Кострома, 1927. – Вып. 41. – С. 17–91.

6. *Сумцов Н.Ф.* Хлеб в обрядах и песнях. – М.: Ладога-100, 2007. – 112 с.

7. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. – М.: Наука, 1984. – Вып. 11. – 220 с.

References

1. Vinogradov N.N. Narodnaya svad'ba v Kostromskom uezde // Trudy Kostromskogo nauchnogo obshchestva po izucheniyu mestnogo kraja. – Kostroma, 1917. – Vyp. 8. – S. 71–152.

2. Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. T. 4. – М.: Terra, 1995. – 688 с.

3. Kiticyna L.S. Hleb: Iz materialov po narodnomu pitaniyu Kostromskogo kraja // Trudy Kostromskogo nauchnogo obshchestva po izucheniyu mestnogo kraja. – Vyp. 41. – Kostroma, 1927. – S. 92–102.

4. Slavyanskije drevnosti: Ehtnolingvisticheskiy slovar' / pod obshchej red. N.I. Tolstogo. – М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999. – Т. 2: D – K. – 704 с.

5. Smirnov V. Narodnye gadan'ya Kostromskogo kraja: (Ocherk i teksty) // Trudy Kostromskogo nauchnogo obshchestva po izucheniyu mestnogo kraja. – Kostroma, 1927. – Vyp. 41. – S. 17–91.

6. Sumcov N.F. Hleb v obryadah i pesnyah. – М.: Ladoga-100, 2007. – 112 с.

7. EHSSYA – Ehtimologicheskiy slovar' slavyanskih yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond. – М.: Nauka, 1984. – Vyp. 11. – 220 с.

АРХАИЧЕСКИЕ ТОПОНИМЫ ГОРОДА НЕРЕХТЫ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ИНДИКАТОР (на примере названий варнишных мест)

Статья подготовлена при финансовой поддержке
 Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-012-00809 А
 «Диалектное исследование лексики и ономастики костромского края»

В статье на примере названий варнишных мест исследуются особенности архаической топонимии деантропонимного (отантропонимного) образования города Нерехты Костромской области на раннем хронологическом срезе (XIII–XV вв.). Представленный подробный анализ названия одной из нерехтских соляных варниц **Бетюк** намечает пути этимологизации подобных названий, что не только может быть важно для дальнейших исследований топонимии данной территории, но и способно пролить свет на те языковые и исторические процессы, что происходили в момент заселения земель Верхнего Поволожья. Изучение древнейших названий позволяет проследить пути миграции населения и формирования национального языка.

Ключевые слова: Нерехта, архаический топоним, соляные варницы, деантропонимные (отантропонимные) образования, Бетюк.

Топонимическая система Нерехты, древнего города центральной части России (ныне это один из районных центров на западе Костромской области), возникшего как торговый и ремесленный посад примерно в одно время, что Москва и Кострома (первые упоминания о городе в летописи относятся к 1214 г.), заслуживает целостного исследования, основанного на системном анализе топонимического материала. Для комплексного исследования топонимии Нерехты, представленной названиями разных временных пластов, необходимо обратиться к рассмотрению архаических элементов, отмеченных на данной территории.

Приступая к рассмотрению данного вопроса, прежде всего определимся с пониманием архаического топонима. Согласно устоявшейся традиции периодизации истории языка, как правило, выделяют: «1) древнерусский язык (единый, как источник всех трех современных восточнославянских языков) – с древнейших времен по XIV в. включительно; 2) старорусский язык – с XV по XVII в. включительно... 3) новый, или современный, русский язык – с XVIII в. до наших дней» [1, с. 33]. В.Л. Васильев, исследовавший топонимию Новгородской земли, считает, что архаические топонимы – это «такие названия, которые маркированы наличием каких-либо древнеславянских (древнерусских) черт структуры, явно пережиточных и непродуктивных с точки зрения изменившихся реалий современного языка» [2, с. 22]. Для понимания архаического топонима определяющими являются время возникновения (или хронологические рамки – с древнейших времен и по XIV в.) и наличие в структуре названия черт, непродуктивных в современном языке. Как известно, Нерехта возникла на территориях, ранее населенных финно-угорскими (мерянскими) племенами, и мерянская субстратная топонимия является частью системы географических названий

данной территории, поэтому такие названия, если они были восприняты в период древнерусского языка, следует рассматривать как древнерусские [12, с. 267]. В.Л. Васильев в монографии «Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования)», определяя топонимический архаизм, пишет: «Топонимический архаизм – это географическое название, охарактеризованное пережиточными, непродуктивными чертами своей структуры (мотивационными, деривационными, фонетическими), исчерпавшее к концу древнерусского периода потенциал возникновения в континууме окружающих диалектов. Топонимические архаизмы генетически связаны не с настоящим, а с предшествовавшим языком-источником (или предшествовавшими языками-источниками) и, будучи реликтами позднепраславянского и древнерусского времени сравнительно немногочисленны на фоне остальной современной топонимии региона» [2, с. 24].

Топонию Нерехты можно рассматриваем на синхронных срезах четырех периодов:

I – древнейший период, связанный с заселением постмерянских земель славянскими колонизаторами (приблизительно XIII в. и до присвоения городу статуса уездного в 1778 г.). Топонимы, определившие особенности формирования будущего пространства города, – это названия рек: *Нерехта*, *Солоница*; соляных варниц: *Бетюк*, *Медведь*, *Казарин*, *Векша*, *Дягиль* и др.; храмовых сооружений: *церковь Бориса и Глеба* (позднее – *Борисоглебский собор*), *Афанасьевская церковь*, *Троице-Сыпанов монастырь*; первые городские хоронимы: *Афанасьевская сторона*, *Борисоглебская сторона*, *Заречье*; названия улиц: *Суздальская*, *Нижегородская*, *Кашиникова*, *Корсакова*, *Бритвина*, *Никольская*, *Вятская*, *Шартомская*, *Шадрина* и др.

II – дореволюционный период (2-я половина XVIII в. – 1920-е гг.). В данное время остаются ак-

туальными названия I-го периода, однако большой пожар, опустошивший Нерехту в 1785 г., а также учреждение генерального плана городской застройки после присвоения городу статуса уездного способствовали появлению на карте города новых урбанонимов, например, *улица Новинская* (сохранила свое название без изменений до сегодняшнего дня), *ул. Костромская, Усольская, Кладбищенская, ул. Глазово, Фабричный поселок*. Названия значимых сооружений: *Брюхановская фабрика и Брюхановская больница, Преображенский храм* (построен на месте сгоревшей *Ильинской церкви*, имел придел Пророка Илии, в настоящее время обыватели по-прежнему используют название *Ильинский храм или Ильинская церковь*), *Магистрат, Мужская гимназия* и т.п.

III и IV периоды – это названия советского времени, отмеченного волной повальных искусственных переименований, обоснованных не естественными причинами, а идеологической конъюнктурой, в результате чего по всей стране появились «названия-близнецы», не способные выразить отличительные исторические, языковые и культурные особенности города, но прекрасно отражающие политические настроения той эпохи: *улица Красной Армии, Карла Маркса, Бебеля, Розы Люксембург, Володарского, Тургенева, Горького, Советская* и т.п. А также названия постсоветского времени: они не меняют имеющуюся к моменту их появления систему городских названий, но, являясь своеобразным «культурным штампом», сообщают информацию о модных тенденциях современной топонимии, большею частью это касаются эргонимов, магазины «*Десяточка*», «*Высшая лига*», салон красоты «*Beauty*», мебельная компания «*Славянка*» и т.п.

В соответствии с изложенным выше пониманием архаических топонимов, а также опираясь на мнение А.К. Магвеева, предметом рассмотрения будут названия географических объектов данной территории, зафиксированные на первом (древнейшем) хронологическом срезе, в его ранний период до XV в., «функционирующие и в настоящее время, или исчезнувшие, но засвидетельствованные в древне- и старорусских памятниках...» [12, с. 268].

Материалы для исследования получены главным образом из памятников письменности, причем более поздних, чем интересующий нас хронологический период, но фиксирующих уже существовавшие и функционировавшие к моменту их создания географические названия. Основным источником, дающим представление о средневековой Нерехте со времени ее основания и до первой четверти XIX столетия, является труд «История г. Нерехты» [7; 11] местного краеведа, историка, этнографа протоиерея М.Я. Диева (1794–1866), созданный им в середине XIX столетия с обширным привлечением исторических документальных источников.

К топонимическим архаизмам Нерехты древнейшего периода можно отнести группу названий соляных варниц (или варнишных мест). Солеварение в XIII–XVI вв. было основным промыслом нерехтчан, ему Нерехта и обязана своим возникновением. Город формировался постепенно из крестьянских слобод, жители которых, помимо пашенного земледелия, занимались варнишным делом. Так как в Средние века солеварение было достаточно прибыльным занятием, то постепенно оно стало составлять основной вид деятельности местных жителей, а налаженная добыча соли обуславливала развитие торговли и других ремесел. Постепенно из сети разрозненных варнишных слобод Нерехта превращается в торгово-промышленный посад.

Как кажется, будет справедливо предположить, что названия варнишных мест возникли гораздо ранее, нежели дошедшие до нас упоминания о них. М.Я. Диев, ссылаясь на Писцовые книги от 1627 г., пишет: «...в Нерехте на посаде... была варница *Бетюк*, место варнишное *Дуброва*... варница *Сопыль*, место варнишное *Лошан*, место варнишное *Пирог*... место варнишное *Кобель*, а *Соболь* тож, место варнишное *Медведь*, место варнишное *Кропива*...» [7, с. 12] – всего перечисляется 25 варниц. Большая часть топонимии варнишных мест представлена названиями, образованными от некрестильных имен или прозвищ (*Бетюк, Кобель, Кропива, Лошан, Медведь, Орех, Пирог, Соболь, Сопыль* и др.). Как известно, топонимы, образованные от личных имен, достаточно широко представлены в славянской топонимии. И если образования от крестильных личных имен, по мнению Б.О. Унбегауна, исследовавшего русские фамилии, не несут серьезных этимологических проблем, то фамилии, образованные от прозвищ, представляют определенную трудность в их этимологизации, в силу того что «доля прозвищ с неопределенными или совершенно необъяснимыми этимологиями поразительно высока» [16, с. 117], так как, в отличие от крестильных численно ограниченных имен, некрестильные имена «основывались лишь на традиции и число их практически могло быть безграничным» [16, с. 13]. Следовательно, и окончательная этимологизация отантропонимных названий с непрозрачной семантикой будет представлять определённые затруднения.

Топообразования типа *Кобель, Кропива, Медведь, Орех, Соболь* в современных условиях утратили свою продуктивность на территории Нерехты и прилегающих земель и, если здесь и встречаются, то только их дериваты. Однако топоосновы этих названий указывают на единство с общеславянской топонимией. V. Šmilauer названия с топоосновами *kobyła, kropiva, medvěď, orěchъ, sobolъ* [18, с. 90, 101, 119, 133, 165] отмечает повсеместно на территории Славии. Отголоски подобных названий, утраченных топонимической системой современ-

ной Нерехты уже к середине XVII в., сохранились в той или иной степени лишь в формах позднейших деривационных преобразований (ср.: *пос. Пирогово*) либо в местной антропонимии (зафиксированы фамилии: *Пирогов, Крапивин, Лошаков, Орехов, Медведев, Соболев, Кобелев*).

Название варницы *Бетюк*, по-видимому, также относится к древним деантропонимным образованиям, происходит, как можно предположить от **bitъsъ*, по ЭССЯ – ‘боец, борец’ [17, с. 102], в русских диалектах битец, т. е. ‘драчун, забияка’. В.И. Даль фиксирует *битюк* в значении ‘крепкий, плотный, здоровый, сильный’, если речь идет о человеке, а в псковских говорах это слово отмечено им в значении ‘бирюк, сердитый, угрюмый, молчаливый’ [6, т. 1, с. 90]. В СРНГ к значению, зафиксированному Далем в псковских говорах, добавлено значение ‘ленивый, неповоротливый человек’, слово в данном значении зафиксировано на территории Свердловской области и Пермского края [14, с. 303], т. е. это относительно современное семантическое образование. В имеющихся в распоряжении материалах по костромским говорам в их современном состоянии [3; 4; 9] апеллатив *битюк* (*бетюк*) не выявлен.

Можно также предположить, что имя (прозвище) связано с родом занятий (как уже отмечалось выше, жители, промышленявшие добычей соли, как правило, еще крестьянствовали или занимались иными ремеслами). Так, в Словаре русского языка XI–XVII вв. зафиксировано слово *битухъ*: «Шерстяной битухъ – *шерстобит*. Во дв<орѣ> Фома Панкрат<ъ>ев шерстяной битух, у него сынъ Ил<ъ>я 3 лѣт, бою коп<ъ>е. Яросл. п. кн., 296. 1668 г.» [15, с. 189].

Обращает на себя внимание форма топонима Бетюк через *-e-* – так в рукописном труде М.Я. Диева «История г. Нерехты» [11]; в упомянутых же выше источниках [см.: 5; 14; 17] апеллатив битюк пишется через *-и-*. Однако в русской топонимии *Бетюк* существовал как вариант более старого названия реки *Битюг* в Воронежской обл.: «**Битюг**, река, лп Дона; Воронежская обл. Упоминается в 1389 г. как *Бетюк*, в 1450 г. *Бетюк*, позже употребляется вариант *Битюк*, а с начала XVIII в. входит в употребление форма *Битюг*; в настоящее время общепринято *Битюг*. Первичная форма *Битюк*, по-видимому, один из фонетических вариантов тюрк. прилагательного со значением ‘высокий’. Это название, вероятно, первоначально относилось только к пр., высокому и крутому, берегу реки, а затем было распространено и на саму реку. Особенно близка к форме *Битюк* архаичная форма ‘высокий, великий’. Создателями названия могли быть обитавшие на Дону в IV–X вв. племена, говорившие на древних диалектах болгар. группы языков» [13, с. 69], то есть приблизительно до XVI в. – *Бетюк*, в Нерехте топоним *Бетюк* отмечается вплоть до се-

редины XVII в. Названия, производные от *бетюк*, встречаются, как правило, в документах до XVII в. Например, в описании Троице-Сергиевой Лавры профессора Е.Е. Голубинского название *Бетюково* отмечено в XVI в.: «Упоминается при преподобном Никоне (не видно как принадлежавшее Троицкому монастырю). По Писцовой книге 1504 года – деревня села Зубачева. В настоящее время неизвестно» [5]. В работе «Топонимика Муром и его окрестностей» А.А. Епанчиным выявлен вариант Бетюково, хронологически относящийся к XVII в.: «**Бетюково (Батюшково тож)** – Деревня Бетюково Муромского уезда Владимирской губернии с приходом в с. Борисове получила название от народа “бетюки”, жившего в ней в старину. Упоминается в 1676–1677 г. Записано в Муроме 19 декабря 1997 г. от рабочего ПАТП Георгия 50 лет, бетюковского крестьянина» [8]. Ср.: *Битюково* (село) в настоящее время указано среди населенных пунктов Муромского района Владимирской области [10].

Фиксация названий с топонимической основой *бетюк* в документах приблизительно до XVIII в., отсутствие данной формы в более поздний период, а также преобладание на сегодняшний день топонимов с формантом *битюк* (по-видимому, под влиянием говоров) позволяют допустить предположение, что более древняя, первоначальная семантика связана с тюркизмом в значении ‘высокий’, тем более что *варница Бетюк* предположительно располагалась на обрывистом (высоком) берегу реки Нерехты. Однако, чтобы сделать окончательные выводы, необходимо дальнейшее исследование с привлечением данных истории, топонимии, лингвистики, изучение языковых фактов, которые могли бы подтвердить или опровергнуть подобное утверждение.

Обращение к топонимической архаике позволяет рассмотреть следы различных языковых влияний, топонимы – это некий языковой артефакт, который необходимо не только разыскать и сохранить, но и разгадать, чтобы приблизиться к пониманию процессов глотто- и этногенеза какой-либо территории.

Библиографический список

1. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. – Изд. 3-е, стереотип. – М.: КомКнига, 2006. – 512 с.
2. Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). – Великий Новгород, 2005. – 468 с. – (Сер. «Монографии»; вып. 4).
3. Ганцовская Н.С. Костромские говоры. В 2 т. Т. 2. – Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. – 196 с.
4. Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрсова; М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. – XXXI, 512 с.

5. Голубинский Е.Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра [Электронный ресурс] // Азбука веры. Православная библиотека. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Evgenij_Golubinskij/prepodobnyj-sergij-radonezhskij-i-sozdannaja-im-troitskaja-lavra/2_47 (дата обращения: 03.11.2018).

6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Спб.; М.: Изд. М.О. Вольфа, 1880–1882.

7. Диев М.Я. История города Нерехты / предисл. и подг. к печ. Т.Б. Кастальевой. – Кострома: Линия-График, 2013. – 146 с.

8. Епанчин А.А. Топонимика Муром и его окрестностей. Ч. 4 [Электронный ресурс] // МУРОМ.RU: Муромский информационно-познавательный портал. – Режим доступа: <http://www.murom.ru/node/5906> (дата обращения: 04.11.2018).

9. Живое костромское слово: Краткий Костромской областной словарь / отв. ред. Н.С. Ганцовская. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – 347 с.

10. Индексы населённых пунктов Муромского района [Электронный ресурс] // PROMUROM.RU. – Режим доступа: <http://promurom.ru/infom/raionindex.php> (дата обращения: 05.11.2018).

11. История г. Нерехты // Костромской музей-заповедник (КМЗ). – КОК-24761. – Л. 10.

12. Матвеев А.К. Архаическая русская топонимия на северо-востоке Европейской части России // Матвеев А.К. Ономастология. – М.: Наука, 2006. – 292 с.

13. Пospelov Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь. Свыше 5000 единиц / отв. ред. Р.А. Агеева. – М.: Русские словари, 1998. – 372 с.

14. Словарь русских народных говоров. Вып. 2 (Ба – Блазниться) / гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Ф.П. Сороколетов. – Л.: Наука, 1966. – 316 с.

15. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 (А – Б) / гл. ред. С.Г. Бархударов. – М.: Наука, 1975. – 372 с.

16. Унбегаун Б.О. Русские фамилии / пер. с англ.; общ. ред. Б.А. Успенского. – М.: Прогресс, 1989. – 443 с.

17. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 2 (*bez – *bratъ) / под ред. О.Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1975. – 238 с.

18. Šmilauer V. Handbuch der Slawischen Toponomastik. – Praha: Academia, 1970. – 216 с.

References

1. Borkovskij V.I., Kuznecov P.S. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. – Izd. 3-e, stereotip. – М.: KomKniga, 2006. – 512 с.

2. Vasil'ev V.L. Arhaicheskaya toponimiya Novgorodskoj zemli (Drevneslavyanskije

deantroponimnye obrazovaniya). – Velikij Novgorod, 2005. – 468 s. – (Ser. «Monografii»; vyp. 4).

3. Gancovskaya N.S. Kostromskie govory. V 2 t. T. 2. – Kostroma: Izd-vo Kostrom. gos. un-ta, 2018. – 196 s.

4. Gancovskaya N.S. Slovar' govorov Kostromskogo Zavolzh'ya: mezhdurech'e Kostromy i Unzhi. – Kostroma: KGU im. N.A. Nekrsova; M.: Knizhnyj Klub Knigovek, 2015. – XXXI, 512 s.

5. Golubinskij E.E. Prepodobnyj Sergij Radonezhskij i sozdannaya im Troickaya Lavra [EHlektronnyj resurs] // Azbuka verы. Pravoslavnaya biblioteka. – Rezhim dostupa: https://azbyka.ru/otechnik/Evgenij_Golubinskij/prepodobnyj-sergij-radonezhskij-i-sozdannaja-im-troitskaja-lavra/2_47 (data obrashcheniya: 03.11.2018).

6. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. – Spb.; M.: Izd. M.O. Vol'fa, 1880–1882.

7. Diev M.YA. Istoriya goroda Nerekhty / predisl. i podg. k печ. Т.В. Kastal'evoj. – Kostroma: LiniyaGrafik, 2013. – 146 с.

8. Epanchin A.A. Toponimika Muroma i ego okrestnostej. CH. 4 [EHlektronnyj resurs] // MUROM.RU: Muromskij informacionno-poznavatel'nyj portal. – Rezhim dostupa: <http://www.murom.ru/node/5906> (data obrashcheniya: 04.11.2018).

9. ZHivoe kostromskoe slovo: Kratkij Kostromskoj oblastnoj slovar' / отв. ред. N.S. Gancovskaya. – Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2006. – 347 с.

10. Indeksy naselyonnyh punktov Muromskogo rajona [EHlektronnyj resurs] // PROMUROM.RU. – Rezhim dostupa: <http://promurom.ru/infom/raionindex.php> (data obrashcheniya: 05.11.2018).

11. Istoriya g. Nerekhty // Kostromskoj muzej-zapovednik (KMZ). – КОК-24761. – Л. 10.

12. Matveev A.K. Arhaicheskaya russkaya toponimiya na severo-vostoke Evropejskoj chasti Rossii // Matveev A.K. Onomatologiya. – М.: Nauka, 2006. – 292 с.

13. Pospelov E.M. Geograficheskie nazvaniya mira: Toponimicheskij slovar'. Svshe 5000 edinic / отв. ред. R.A. Ageeva. – М.: Russkie slovori, 1998. – 372 с.

14. Slovar' russkih narodnyh govorov. Vyp. 2 (Ba – Blaznit'sya) / gl. red. F.P. Filin; red. F.P. Sorokoletov. – L.: Nauka, 1966. – 316 с.

15. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 1 (A – B) / gl. red. S.G. Barhudarov. – М.: Nauka, 1975. – 372 с.

16. Unbegaun B.O. Russkie familii / per. s angl.; obshch. red. B.A. Uspenskogo. – М.: Progress, 1989. – 443 с.

17. EHtimologicheskij slovar' slavyanskih yazykov. Praslavyanskij leksicheskij fond. Vyp. 2 (*bez – *bratr") / pod red. O.N. Trubachyova. – М.: Nauka, 1975. – 238 с.

18. Šmilauer V. Handbuch der Slawischen Toponomastik. – Praha: Academia, 1970. – 216 с.

Дмитрук Людмила Александровна
кандидат филологических наук
Костромской государственной университет
lyudmila-dmitruk@mail.ru

О СТАТУСЕ НЕКОТОРЫХ ЕДИНИЦ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА РУССКОГО ЯЗЫКА (исторический аспект)

Статья подготовлена при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-012-00809 А
«Диалектное исследование лексики и ономастики костромского края»

В статье на материале произведений писателей демократического направления русской литературы XVIII века анализируются единицы лексико-фразеологического фонда русского языка. Слова и устойчивые выражения, занимавшие в разговорном речевом узусе XVIII столетия промежуточное положение между территориально и социально ограниченной лексикой и нейтральными общеупотребительными единицами литературного языка, с течением подверглись процессу семантико-стилистической перегруппировки. Одна часть данной лексики впоследствии составила народно-разговорную основу литературного языка, другая часть отошла на периферию национального языка и до сих пор продолжает функционировать в народных говорах, просторечии, социолектах. В статье приводится синхронно-диахронный анализ одного из сегментов словаря XVIII века – фразеологизма *стать в пень*, который из сферы нейтрально-разговорного словоупотребления переместился в сферу диалектно ограниченной лексики.

Ключевые слова: история русского литературного языка, диалект, просторечие, фразеологизм, *стать в пень*, А.О. Аблесимов, «Мельник-колдун, обманщик и сват».

В русском языке, во всём объёме сфер его применения, существует немало тождественных в структурно-семантическом отношении слов и устойчивых выражений, вопрос о функционально-стилистическом статусе которых остаётся до сих пор нерешённым. Это во многом объясняется сложностью и противоречивостью лексической системы русского языка, имеющей богатую и длительную историческую традицию. Как отмечает Ф.П. Сороколетов, «в понятие системы входит не только активный, но и пассивный лексический запас, лексические элементы, характерные и для всего коллектива, и лишь для тех или иных групп населения, выделяемых по социальному, территориальному и профессиональному признаку, различающихся по возрасту и образовательному цензу» [8, с. 203].

В конце XVIII века достаточно большой пласт слов занимал промежуточное положение между литературной нормой и диалектно ограниченной лексикой. В произведениях авторов той поры встречаем широкий диапазон лексем и фразеологизмов, которые колеблются между нейтрально-литературным и диалектно-просторечным словоупотреблением: *авось (вось)*, *амуриться*, *ан*, *ахти*, *барин*, *барыш*, *батюшка (батюшко)*, *бездѣлушка*, *бросать деньги* ‘попусту тратить’, *брюхан (брюхач)*, *бухнуться*, *вворотить*, *вдругорь*, *взбрести на ум* ‘прийти в голову’ и др. Ю.С. Сорокин применительно к ситуации второй половины XVIII века обращает внимание на такую разновидность языка, как «простой слог», куда был открыт доступ «различным элементам живого просторечия, а также областным, диалектным» [7, с. 21], то есть некодифицированный, ненормированный язык. В СРЯ XVIII подобная лексика име-

ет помету *Прост.<ое>* и квалифицируется как «простые слова», противопоставленные книжным синонимам, но в то же время лишённые «резкой экспрессии сниженного, грубого и фамильярного характера» [11, с. 36]. В результате сложных семантических, стилистических, структурных трансформаций с течением времени одна часть данных слов вошла в литературный актив, другая отошла на периферию национального языка и по сей день продолжает жить в народных говорах, социолектах. Поэтому актуальной проблемой отечественной лингвистики (на это в своём труде «История слов» указывал ещё В.В. Виноградов) остаётся вопрос об определении статуса таких лексем относительно эпохи «до» создания литературного языка, а также в современной лексической системе.

А.О. Аблесимов, известный драматург XVIII века, уроженец Галичского уезда Костромской губернии, в комической опере «Мельник-колдун, обманщик и сват», повествующей о жизни крестьян, гармонично сочетает стихию живой народно-разговорной речи с нейтрально-книжной лексикой и фразеологией. В пьесе мы находим множество устойчивых оборотов, характерных для разговорного речевого узуса второй половины XVIII века, времени начала сложения русского литературного языка нового типа, построенного на народной основе. Это традиционные фольклорные формулы приветствия, благопожелания (*куда путь держишь; по добру-ль живёшь по-здорову; путь-дорога доброму молодцу; челом бью, старинушка* [3] и др.), каламбуры, эмоционально окрашенные устойчивые обороты (*веселым пирком да за свадебку; мороз по коже подирает; орать что есть мочи; пойдет дым коромыслом; стать в пень; что ни будет, то будет* [3] и др.).

В настоящей статье обратимся к историческому анализу одного из любопытных сегментов словаря XVIII века – устойчивому выражению *стать в пень*, частотному в идиолекте Аблесимова, писателя демократического направления того времени, хорошо знавшего и костромские говоры его родины, где он прожил до 16 лет, и центральные говоры Москвы, где провёл большую часть жизни, ставшие основой складывающегося русского литературного языка.

Устойчивое выражение *стать в пень* встречаем в комической опере «Мельник-колдун, обманщик и сват» (произведении, небольшом по объёму) дважды: в значении ‘растеряться, прийти в крайнее затруднение’ – «Ну! Ужъ былъ вѣтеръ! то-то, слышь ты дуль сильно, што чуть бола и мѣльницу та мою совсѣмъ не спрорушилъ, въ пень бы я сталъ» [3, с. 4], а также в значении ‘устать до такой степени, что больше ни работать, ни двигаться быть не в состоянии’ – «Старикъ [погоняет лошадь; а она стала]. Ну, ну! сивушка... экъ она... стала... што дѣлать? [помогаетъ ей] ну! ну! дотяни ещо не много... нѣтъ, провальная, не везють... инь добро быть такъ, отдохни, сивка, и я съ тобою въ пень сталъ» [3, с. 36]. У рассматриваемого фразеологизма в XVIII веке отмечалось ещё и значение ‘остановиться в своём развитии, замереть’, которое в СРЯ XVIII подтверждается цитатой из «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева: «И к нещастию случилось, Что его дѣснаца страшна Онѣмела, заболѣла, Параличь ее ударил; А то б он, единымъ взглядом, Повалил всѣх, опрокинул, Разогнал, развѣял прахом. Что прибыли? Игы всѣ Стали б во все в пень. – Нѣтъ лучше, Что болѣзнь ему случившись Всѣх оставила в порядкѣ. Рдцв ППС I 47» [10, вып. 19, с. 12], тогда как значения, описанные выше, иллюстрируются цитатами из «Мельника...» Аблесимова. В СРЯ XVIII все значения фразеологизма *стать в пень* (три дефиниции) фиксируются без каких-либо ограничительных помет [10, вып. 19, с. 12]. К тому же данное устойчивое выражение встречаем не только в речи героев (крестьян, мещан, обедневших дворян), но и в авторских репликах, что говорит о нейтральности и общеупотребительности фразеологизма в языке XVIII века. Это выражение находим в сочинениях многих авторов той поры. Оно свободно функционирует в других произведениях А.О. Аблесимова – «А когда же по неволе Господин погонит в поле, И в осенний малый день, работая станешь в пень, Сон придёт и придёт лень! Аблесимов. Счастье по жребью» [6, с. 324], текстах Г.Р. Державина – «Поелику же они <учащиеся гимназии>... учились геометрии без правил и доказательств, и притом никогда на практикѣ не бывали, то приѣхав в город, когда должно было снимать оный на план, и стали в пень. Држ. VI 409» [10, вып. 19, с. 12], И.И. Дмит-

риева – «Конь... Не так проворен, как олень: Гоняся за ним напрасно, стал он в пень. Дмитр. III 21» [10, вып. 19, с. 12], Я.Б. Княжнина – «(Ростер:) Иной ж бы невежа стал в пень и попался бы под ваш гнев, но я употребил политику и мораль, чтобы обеим угодить. Княжнин. Неудачный примиритель» [6, с. 324] и др.

В середине – конце XIX века фразеологизм *стать в пень* всё ещё составляет актив разговорного речевого узуса. Находим данное выражение и в словаре В.И. Даля со значением ‘прийти в тупик, в недоумение, не зная, что делать’ [2, т. 3, с. 27], и в словаре М.И. Михельсона как вариант устойчивого выражения со значением сравнения *как пень стоять* и иллюстрацией из рассказа Ф.М. Достоевского «Чужая жена и муж под кроватью» («Ведь вы будете, как пень стоять перед ними, ведь вы не найдетесь...») [4]. Однако, в XIX столетии наблюдается значительное сужение системы значений фразеологизма *стать в пень*: количество дефиниций сокращается с трёх до одной – ‘прийти в недоумение, замешательство’.

На современном синхронном срезе фразеологизм не отмечается словарями литературного языка (его нет ни в МАС, ни в БАС), хотя в одном из указанных значений – ‘стать неподвижно, остановиться’ – функционирует, по данным СРНГ, в тверских среднерусских говорах: «В пень дела наши стали» [9, вып. 25, с. 346]. Данная иллюстрация в СРНГ приводится в записи начала XX века и датирована 1910 годом, другие фиксации отсутствуют. Однако в «Большом словаре русских поговорок» (М., 2007) к рассматриваемому значению слова даются географические пометы *Морд.<овское>*, *Твер.<ское>* со ссылкой на приведённую выше цитату в СРНГ и «Словарь русских говоров Республики Мордовия» (Саранск, 2002), а также указывается значение ‘сильно устать, утомиться’ с географической пометой *Волг.<оградское>* и ссылкой на «Словарь русской просторечно-диалектной фразеологии (собранный в говорах Иловлинского р-на Волгоградской области)» В.М. Глухова [5, с. 489]. Как видно из примеров, данный устойчивый оборот в настоящее время, по-видимому, сохранился в переходных среднерусских говорах, а также говорах позднего заселения (по классификации Л.И. Баранниковой) [1, с. 22–31], хотя его структурно-семантические модификации до сих пор характеризуют живой разговорный узус начала XXI века: *стоять, как пень (пнём)*; *как пень*; *глуп, как пень (брезно)*; *пень пнём* и подобные.

Таким образом, в наблюдаемой исторической перспективе от века XVIII к веку XXI фразеологизм *стать в пень* переместился на периферию национального языка, сейчас в большей степени принадлежит народным говорам, разговорно-просторечному дискурсу, но не кодифицированному литературному языку.

Библиографический список

1. Баранникова Л.И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания. – 1975. – № 2. – С. 22–31.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
3. Комическая опера Мельник, колдун, обманщик и сват: в трёх действиях / соч. А. Аблесимовым. – СПб.: Тип. Императорского Московского университета, 1792. – 56 с.
4. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. – М.: ТЕРРА, 1997.
5. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М: Олма Медиа Групп, 2007. – 784 с.
6. Палевская М.Ф. Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века. – Кишинев: Штиинца, 1980. – 366 с.
7. Сорокин Ю.С. О задачах изучения лексики русского языка XVIII в.: (Вместо введения) // Процессы формирования лексики русского литературного языка: (От Кантемира до Карамзина). – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 7–34.
8. Сороколетов Ф.П. Лексико-семантическая система и словарь национального языка // Избранные труды / сост. О.Д. Кузнецова, Е.Ф. Сороколетова; отв. редактор С.А. Мызников; Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: Наука, 2011. – С. 201–222.
9. СРНГ – Словарь современных русских народных говоров. Вып. 1–46 / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2013 (издание продолжается).
10. СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–21. – СПб.: Наука, 1984–2015 (издание продолжается).
11. Словарь русского языка XVIII века: Правила пользования словарём: Указатель источников / под ред. Ю.С. Сорокина. – Л.: Наука, 1984. – 141 с.

References

1. Barannikova L.I. Govory territorij pozdnego zaseleniya i problema ih klassifikacii // Voprosy yazykoznanija. – 1975. – № 2. – S. 22–31.
2. Dal' V.I. Tolkovij slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. – M.: OLMA-PRESS, 2003.
3. Komicheskaya opera Mel'nik, koldun, obmanshchik i svat: v tryoh dejstviiyah / soch. A. Ablesimovym. – SPb.: Tip. Imperatorskogo Moskovskogo universiteta, 1792. – 56 s.
4. Mihel'son M.I. Russkaya mysl' i rech': Svoe i chuzhoe: Opyt russkoj frazeologii: Sbornik obraznyh slov i inoskazaniy: v 2 t. – M.: TERRA, 1997.
5. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Bol'shoj slovar' russkih pogovorok. – M: Olma Media Grupp, 2007. – 784 s.
6. Palevskaya M.F. Materialy dlya frazeologicheskogo slovarya russkogo yazyka XVIII veka. – Kishinev: SHTiinca, 1980. – 366 s.
7. Sorokin YU.S. O zadachah izucheniya leksiki russkogo yazyka XVIII v.: (Vместo vvedeniya) // Processy formirovaniya leksiki russkogo literaturnogo yazyka: (Ot Kantemira do Karamzina). – M.; L.: Nauka, 1966. – S. 7–34.
8. Sorokoletov F.P. Leksiko-semanticheskaya sistema i slovar' nacional'nogo yazyka // Izbrannye trudy / sost. O.D. Kuznecova, E.F. Sorokoletova; otv. redaktor S.A. Myznikov; In-t lingv. issled. RAN. – SPb.: Nauka, 2011. – S. 201–222.
9. SRNG – Slovar' sovremennyh russkih narodnyh govorov. Vyp. 1–46 / sost. F.P. Filin, F.P. Sorokoletov. – M.; L.; SPb.: Nauka, 1965–2013 (izdanie prodolzhaetsya).
10. SRYA XVIII – Slovar' russkogo yazyka XVIII veka. Vyp. 1–21. – SPb.: Nauka, 1984–2015 (izdanie prodolzhaetsya).
11. Slovar' russkogo yazyka XVIII veka: Pravila pol'zovaniya slovaryom: Ukazatel' istochnikov / pod red. YU.S. Sorokina. – L.: Nauka, 1984. – 141 s.

КНИГА «МЕТКОЕ КОСТРОМСКОЕ СЛОВО» Н.С. ГАНЦОВСКОЙ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О КОСТРОМСКОЙ ТОПОНИМИИ

Статья посвящена книге «Меткое костромское слово» Н.С. Ганцовской как источнику сведений о костромской топонимии. Топонимы, выявленные в текстах, которые составляют данную научно-популярную хрестоматию (так определила жанр книги Е.Л. Березович в своей рецензии на неё), являющаяся настоящей энциклопедией народной жизни, рассматриваются с учётом их типологии в соответствии с обозначаемыми ими объектами, а также связанной с ними различной информацией. Обращается внимание на топонимы как наименования, представляющие ближнее (своё) и дальнее пространство, содержащие сведения о ландшафте костромского края, его истории и культуре, особенностях языка его жителей. Дается характеристика микротопонимам, образованным на основе географических, в том числе и местных, терминов, отличающихся широким распространением и разнообразием значений в говорах Костромской области. Определяется связь особой микротопонимической семантики с семантикой апеллятивов, послуживших основой для микротопонимизации. Выявляются основные типы номинации в топонимии, представленной в мини-рассказах диалектоносителей. Обращается внимание на то, что топонимы как часть лексико-семантической системы говоров, которые являются настоящей «живой стариной», хранящей в себе древние, коренные черты русского национального языка, как бы консервируют в себе разнообразную информацию. На основе иллюстраций из живой народной речи, как содержащихся в текстах хрестоматии, так и в используемых для сравнения материалах топонимических экспедиций, дается представление об особенностях функционирования топонимов в костромских говорах.

Ключевые слова: топонимы, микротопонимы, костромская топонимия, книга «Меткое костромское слово», диалектный текст.

Книга Н.С. Ганцовской «Меткое костромское слово», состоящая из текстов, которые представляют собой меткие народные изречения, небольшие рассказы на разные темы, предания, небылицы и т. д., является своеобразной энциклопедией народной жизни. Читая её, можно узнать многое о костромском крае, его истории и культуре, языке его жителей. В книге представлена лишь небольшая часть ценных, во многом уникальных материалов, которые были собраны во время полевых диалектологических экспедиций и являются результатом совместного труда студентов и преподавателей Костромского государственного университета (ранее педагогического института) имени Н.А. Некрасова.

Знакомство с этой научно-популярной хрестоматией, как определила жанр книги Е.Л. Березович [2, с. 168], позволяет составить представление о костромских говорах, познакомиться с особенностями речи (на разных уровнях: фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом) жителей всех 24 районов Костромской области. В общем содержание книги удачно вписываются выдержки из работ исследовавших костромские говоры Н.Н. Виноградова, члена Московской диалектологической комиссии и Костромского научного общества, этнографа, фольклориста и бытописателя, и А.В. Громова, учителя, краеведа-диалектолога, лексикографа; произведений самобытного художника, поэта, прозаика, драматурга-режиссёра, знатока фольклора, педагога Е.В. Честнякова; очерков кологривского краеведа и этнографа А.В. Хробостова; песен Солигаличского уезда, собранных земским доктором Д.Н. Жбанковым, практиковав-

шим в с. Корцово Солигаличского уезда; стихотворения костромской поэтессы О. Коловой.

Имеющая как научное, так и образовательное и воспитательное значение, эта книга представляет интерес для самого широкого круга читателей, являясь источником разнообразных сведений. В данной статье мы обращаем внимание на содержащиеся в этих, как пишет Н.С. Ганцовская, «мини-произведениях», «образцах малых фольклорных жанров с подлинной (не стилизованной и искусственно не воспроизведённой) народной речью» [2, с. 6] сведения о костромской топонимии. В основном это являющиеся собственно топонимами наименования населённых пунктов, в том числе и исчезнувших, костромского края. Это и поселения, в которых были сделаны записи народной речи: Плоская, Петрецово, Вохма (Вохомск.; здесь и далее в сокращении даются названия районов Костромской области); Морозово, Никола, Дубовиха (Межевск.); Низкусь, Льгово, Котлово (Кадыйск.); Макаровская, Шестиглазово, Забегаево (Октябрьск.); Якуниха, Полоски, Юрятино (Островск.); Половинница, Фурово, Желтенки (Павинск.); Бебнёво, Хмелёвка (Поназыревск.); Боровской, Притыкино, Морошково (Пыщугск.); Хохлово, Ошурки, Калинки (Судиславск.) и мн. др. Это и поселения, о которых рассказывают жители. Чаще это ближнее (своё) и несколько отдалённое (близкое к своему) пространство. Данные названия представляют места, в которых когда-то жили и (или) живут в настоящее время диалектоносители и их родные и знакомые: Радилса на хутаре Гарбатки. Умер атец, у матери нас пятара асталась. В школе в Ельгине учился. Кончил-та два класса,

да и то ни да канца – в пастухах жыл (Коньшево-Ликурга Буйск.) [2, с. 11]. А ишшо млатша дочка есь у миня здесь. На Низкуси живёт, скотницей роботает (Низкусь Кадыйск.) [2, с. 136]. Муш-от мой с Ониква быў урождён (Дьяконово Нейск.) [2, с. 140]. Мать Евлампия Александровна из деревни Дербино, отец – Пётр Леонтьевич. Жили в Захарове (Захарово, Песочня Костромск.) [2, с. 21]. Что в деревне Кикирихе прилило в повалихе, то зовут не чёлн с рулём, а летучим кораблём (из произведения Е.В. Честнякова) [2, с. 102].

Ойконимам (названиям поселений), и особенно в связи с их основной (локальной) функцией, отводится немаловажное место в воспоминаниях старожилов. Сообщают они о местоположении поселений, о произошедших с ними изменениях: Три деремни в семисятых нарушили: Долматово, Москвино (большая деревня, 2 порядка, домов 25, училась я там в Москвине), Красавино. Никово нету. Кто в Корякове, кто в Зарубине. Кто нам дом дас? Сами строили. Александромна умерла, в Любонникове отпевали. Скородумки есь, дальше за Тереньковом, километра 4, здесь, прямо за горбом пройдёте. Захарово за Василёвом, деревенька маленька. Ешшо монастыр там был (Песочня Костромск.) [2, с. 22–23]. На этом месте, где таперича наша деревня, была деревня Чернобыльниково (из произведения Е.В. Честнякова) [2, с. 104].

Связаны ойконимы с трудовой деятельностью рассказчиков, их обыденной жизнью с хлопотами по хозяйству, домашними заботами, жизненными трудностями и проблемами: До Краснова дошла. Поступила там баржы грузить. А черес гот стала увелиром. Золотила и серебрила кольца. Стала в увелирной мастерской камешки делать (Замятино Сусанинск.) [2, с. 17]. У нас увелирный промысел: Красноё, Подольско (Подольское Красносельск.) [2, с. 44]. В Даниловском, Остафеве, к Красному ближе, всё больше паяли (Подольское Красносельск.) [2, с. 44]. Зиму на дорогах: добывали гравий, пёсок. Ето было в начале сорок первоо. Вёсной вербовка: от Краснова до Пантусова копали (Ивановское Красносельск.) [2, с. 46]. Я работала на сплаве. Гоняли туды, в Малую Ужугу (Хапово Кологривск.) [2, с. 115]. В деревне Папино и его окресностях, так же, как в ряде макарёвских и мантуровских деревень, существовал шерстобитный отхожий промысел. Местные мужики из шерсти заказчиков «валяли» валенки, а прежде и шляпы, т. е. «жгонили» [2, с. 141]. Толькё одна работа. Торф сушили на Космынине, в бараках пять дён жили. А домой босиком, стужа – не стужа (Песочня Костромск.) [2, с. 23]. Да вайны хадили мы в Галич пашком, дарок хороших не была. Вот мы и хадили прасёлачным дарогам чирис диремни, леса, паля. <...> На базари-та в Галиче таргавали калхозники, прадавали рассаду, малако, картошку (Муравьише Галичск.) [2, с. 78–79]. В Чухламу,

бывала, раньше пещы и фсяка хадили (Ножкино Чухломск.) [2, с. 92]. В Кузмишшах летось гот не бывала. И в магазин не ходила. Туды всево привозят. Знамо, дорого (Прудичи Костр.) [2, с. 26]. И вот как-то идёт уполномоченной ис Костромы, посылали ево. Я еду на возу, ношкам помахваю, лапти на ногах-то (Хмелёвка Поназыревск.) [2, с. 70].

Вспоминают люди о названиях поселений во время рассказов о важных в их жизни событиях, о значимых для них объектах: Винчались в старообрядческой церкви в Сусанине. Венчаные-то ишшо эки клопы были. Он сирота, и я сирота (Макарино Сусанинск.) [2, с. 17–18]. Они издили на помоўку в Хапово из Денюгина (Хапово Кологривск.) [2, с. 97]. Настоятельницами в монастыре, в Захарове, были Олимпиада и Рахиль. Монахини для населения выполняли заказы по вышивке, стегали одеяла. Лес был монастырский, но ходить туда по грибы и ягоды не запрещали. В Песосне были три церкви, одна часовня и монастырь. Престольные праздники: в Захарове – Николин день, в Песосне – Смоленская, Явленная икона. В Смоленскую был крестный ход из Костромы (Захарово, Песочня Костромск.) [2, с. 21–22]. Вот, помню, перет войной-то, перет проклятой, у нас церкоф закрыли в селе нашем Никицьком, в Кужбале закрыли. Поцитаай, поблизости никакой и церквушки-то (Погорелки Нейск.) [2, с. 141]. В Галиче чуть, если там, в Галиче, бываиш. Вот наша цэркаф Пакрофская была, тут и винчали, тут и атпивали (Ножкино Чухломск.) [2, с. 92]. Один раз идёт старичок, дрожит весь, слабый такой старик, зашел в Шунгу. А я вокурат калитку запираю. А он: «Ой, слушай-ка, хоть бы чево-нибудь похлевать» <...> Вот он молилса – молилса, потом говорит: «Вот спасибо! Вот я шол от самой Костромы, и никто куска не подал, а ты меня ешшо и с супом накормила». «Ах, так, – говорю, если пойдёш ешшо, так я увижу, ну, деток буду укладывать, а окна-то большие». «Нет, уж я пойду на своё место, у меня родина в Пятилетке, туда» (Шунга Костромск.) [2, с. 41–42]. Из стихотворения О. Коловой, представляющей говор д. Матвеево Парфеньевского района:

Всё бабы. Бабы да быки!
И в Галич на быках ежали.
Лошадка, как и мужики –
На фронте. Ох, хватило лиха
И им, и нам. Вялик наш Бох! [2, с. 84].

Читая содержащиеся в книге «Меткое костромское слово» мини-рассказы, образцы народной мудрости, мы знакомимся с народными традициями, узнаём об отношении жителей соседних поселений друг к другу, их умении давать характеристику себе и окружающему миру людей и природы, что в определённой степени представляет связанную с этим топонимом: Вот однажды два парнека пошли по беседкам. Одново Максимкой, другова Мишкой звали. Пошли они в Тысечино. Идут. А тамоди дефцёнок много было (Знаменка Мантуровск.) [2,

с. 130]. Ни один человек, не только в Шаблове, но и в Хапове, Овсянникове... – от старика до самой незаметной бабёнки не обходился без уличного прозвища (Шаблово, материалы А.В. Хробостова) [2, с. 119]. В Чухламу за капустой издили. Ну, уш в Чухламе сафсем другое наречье. Там был культурный нарот. <...> Каюры пели и танцевали, как у нас. Никола-Ширь – шихвосты. Вроде как и мы гаварили (Ильинское Парфеньевск.) [2, с. 86]. Смоленская в Песошне праздник был. И Заговенье. Уж народу-то было. <...> Летом подокошки придут парни с гармошкам, тогда не было пьяниц. Вечора – отдельно, вечора просто гуляли. Из чужих деревень приходили, из Теренькова (Песочня Костромск.) [2, с. 22]. Из свадебного обряда, записанного Н.Н. Виноградовым в Шунге:

Подъезжали вы ко селению,
Ко деревне, ко Семилову,
Ко высокому терему,
К Алексею ко Тихоньчу... [2, с. 37].

Какой бы ни была трудной жизнь народная в разные времена (а именно об этом основная часть рассказанного диалектоносителями), в ней было место для радости. В рассказах ощущается любовь к родной земле, лучше которой ничего на свете нет: Хош корочки глотать, да по Самети гулеть. У нас в Саметі приволье большоё (из исследования Н.Н. Виноградова) [2, с. 29].

Находим сведения об ойконимии в названиях людей по месту их жительства: Бывало, сламноськи больно хорошо делали, топеря и мы научилиса (Хохлово Судиславск.) [2, с. 13]. Откуда эти инструменты взялись, оттуда и пошло это название. Но только красносёлы и называли по-красносельски, а люди в научных учреждениях их называли своими именами (Красное Красносельск.) [2, с. 45]. Ильинские были согласны на краснава папа, а матвеевские ни сагласились (Ильинское Парфеньевск.) [2, с. 86]. Садись к нам кашу исть, сварилась дородна... матвиевская яшная крупа, отголь принесли (из произведений Е.В. Честнякова) [2, с. 99]. Присловия, записанные в Пыщугском районе, в которых даётся меткая характеристика и жителей, и окружающего их географического пространства:

Непромытые рубахи – заболотские.
За свиньями да с колами – то притыкинские.
Огороды не горожены – то гарцовские,
Негде полоскать да колотить – то кружковские,
Что богаты да бородачи – то семцовские и середневские.
Что подраяться, потягаться – то сергеевские.
Без колодцев, без воды – то горковские.
Не полосканы штаны – то песчанские.
Сами, сами комиссары – погорелковские [2, с. 67].

Часто в рассказах звучат названия населённых пунктов, напоминающие о прежнем административном делении. С ними до сих пор тесно связаны жители ряда поселений костромского края. Они продолжают оставаться элементами одной

топонимической системы, создаваемой годами, едиными народными традициями: В Левашово в церкоф ездили, вёрс двенацать. В Малые Соли, Некрасовское тоже ездили молицца: хороша церкоф и служба хороша. В Ярослав с картошкой ездили. В Костроме плохо брали картошку – Кострома была бедная (Песочня Костромск.) [2, с. 23]. Рожденьё моё из Левашова, я отголь, от Левашова. Там у нас ярмонка была. В Куликове монастырь-от был. Мы монахам шышули дадим, а они нам што хош (Татьянино Нерехтск.) [2, с. 51]. Вот мы поехали с Санёй-то быка колхознова продавать, в Кимешню, тюрма-то там <...> И от реки-то бежамшы упарилас, да ешшо вот по этой-то руке, как ис Кимешни-то едёш (Юрятино Нерехтск.) [2, с. 53–54].

Дальнее пространство представлено небольшим количеством топонимов. Это в основном названия крупных городов, в которых жили (и/или живут) родственники: Братовья мои ис Питеру присылали песельник (Татьянино Нерехтск.) [2, с. 50]. А у меня маменька жыла в Ленинграде, а я с коканькой жыла (Ножкино Чухломск.) [2, с. 95]. Из стихотворения О. Коловой:

Пей, ду-у-ронька. Я стала
Совсем стара, – не вижу ничево.
Намеднись Галька в Питер написала
Сынку мому подробное письмо [2, с. 83].

Многие оказывались в Москве или чаще Петербурге во время отходничества: Мушшыны-то ходили на заработки. Кто серпы зубил, кто шапки шыл, кто по дереву. Деушки ездили в Москву, там работали. И ребята тожо (Константиново Сусанинск.) [2, с. 16]. В астальном были атходники, это те, каторые в горат уижжали на пабочныйи заработки. Раньшэ их звали питершшыки (Мелитино Солигаличск.) [2, с. 90–91]. Города привлекали более благоустроенной жизнью: Потом она жила в Москве. Готовила вышшему начальсву. После войны пришла домой и вышла замуж за хорошова целовека. Ефим ей сцясьцё дав (из воспоминаний о Е.В. Честнякове) [2, с. 113]. Раньше-то каково было: фсё лето рук не покладаеш. Роботаеш. И не жаловалися. А сичас-то што? Фсе по Москвам разбежалися, роботать неохота (Евдокимово Парфеньевск.) [2, с. 85]. Особой гордостью переполнены воспоминания о поездках в столицу в качестве награды за доблестный труд на благо Родины: Я негде плохо не работала. В Москве два раза была. В Москве на выставке золотым буквам: герой сочическово труда, три тышшы восемсот литров на фуражну надоила (Шунга Костромск.) [2, с. 40]. Дальнее пространство представлено и названиями, звучащими в рассказах о войне: Отец осемь лет на фронте был. Ранили под Карпатам в 1915 году. Опустили на попрафку. Побыл месяц и уехал. Он мне говорил: «Дочка, бога нет. Есь люди хорошы, а есь – плохи» (Константиновское Сусанинск.) [2, с. 16]. Звучат названия городов и в фольклорных произведениях.

Например, в песне, записанной Д.Н. Жбанковым в Солигаличском уезде в 90-х годах XIX в.:

Провожала я друга милога
 До городу Данилова,
 На заставушке Московской
 С дружками разставалася,
 Горькими слезами заливалася. <...>
 Кабы эта-то девушка
 За молодцем жила.
 Я бы золотцом украсил,
 Жемчугом унизал,
 Я бы летнею порою
 В Петербург город свозил;
 Я бы зимнею порою
 На санях прокатил,
 На Казанских санях
 На ямских лошадях [2, с. 88 – 89].

Собственно топонимы представлены также, кроме данных выше экклезионимов (наименований религиозного характера – соборов, монастырей и т. д.), и гидронимией. Звучит, например, тема Волги:

- Вóрон, вóрон, што ты делаёшь?
- Ямку рою.
- На што ямка?
- Камешки клась.
- На што кáмешки?
- В твоих деток буркáть!

Камешкóу-ту у нас нет, с Волги носим (Из исследования Н. Н. Виноградова) [2, с. 30].

Особый интерес представляют содержащиеся в текстах микротопонимы, которые отражают особенности костромских говоров. Это наименования небольших объектов, имеющих отношение к поселениям, например, Такарёская мельница (микротопоним оттопонимического происхождения, образован суффиксальным способом – при помощи суффикса принадлежности -ск-; номинация по связи с другим объектом: д. Токарево → Токаревская мельница или, по имеющимся у нас материалам, Токаревка): Всяю в природе стала очень мала. Всяю меньше. Сухаря (рыба) уже три года ня вижу. А рыбы-та была! Жыли у Такарёскай мельницы. За полчаса – салдацкий катялок. Смарчков видима-невидима! А брусёны! А курапатак! [2, с. 12].

Ближайший город в костромских говорах принято называть просто городом. В данном случае апеллатив город в пределах небольшого пространства выступает в роли имени собственного, становясь микротопонимом Город: За хлебом в горот каждую неделю пешком. Несёш всё на себе (Макарино Сусанинск.) [2, с. 18]. В городе дамно не бывала. Пошто? (Прудищи Костромск.) [2, с. 26]. Ой, милые! Видь и не знала, што сваты-то придут. Была в городу. А ковды приплелась домой-ту (видь што, ф ту-ту времё не было машин-от), хотела было тесто замисить, ан тут в ворота стукуют. Глежу: шунецкие, друг прислал (Саметь Костромск.) [2, с. 41]. Или из записей Н.Н. Виноградова:

- Дей-то ты, свахонька, была?
- В городú, сердешная, в городу, – с молоком ходила [2, с. 29].

Бóльшая часть имеющихся в текстах микротопонимов образована на основе географической терминологии путём прямого перехода апеллатива в микротопоним, например, Горушка, Угоры, Горб, Шохры, Пригорода, Колодчик, Ключик, Озеро, а также предложно-падежных конструкций, имеющих связь с именами нарицательными более близкую, чем с именами собственными, например, За горбом, У монастыря, За рекой: Скородумки есь, дальше за Тереньковом, километра 4, здесь, прямо за горбом пройдёте (Песочня Костромск.) [2, с. 23]. Берут святу воду, вот тут, у монастыря (Песочня Костромск.) [2, с. 24]. На покос-от раньше за реку (за Ветлугу) нали ходили (Ивановское Шарьинск.) [2, с. 72]. И за обабками охота было сбегать. Дак когда и в дождж возмёшь набирку и живо сбегáешь в угоры. Маслят, циликов, волмениц принесу. Цево сушить, цево солить (Шарьинск.) [2, с. 74]. Вот адин раз падашли к озюру, а там буря да ишшо дошш хлешшот. Озюро нада была на лотке пириплывать (Муравьице Галичск.) [2, с. 9]. А в войну-то чижело было. Бабы на шохрах на торфу роботали (Евдокимово Парфеньевск.) [2, с. 85]. К препадобному Аврааму на Ходовое воскресение такой был харошый кресный хот вакрук цэркви. Там и калоччик и сийчас есь (Ножкино Чухломск.) [2, с. 92]. И зимой и летом ходив умываця на ключик, а теперь туда ходят старухи молиця (Денюгино Кологривск.; из воспоминаний о Е.В. Честнякове) [2, с. 113]. Дядька-то и повёл ево ф пригороду. Ф пригороде-то дом стоял (Знаменка Мантуровск.) [2, с. 130]. И зимой-то слышу, знацит, быть, крицят ребятёнки на горушке (Погорелки Нейск.) [2, с. 141].

Костромские микротопонимы со словом горушка являются наименованиями возвышенных или находящихся на возвышенностях объектов (лесов, мест в лесах, поселений и т. д.) (см. об этом, например, [4, с. 160]). Ср.: Заячья горушка (Возвышенное место, где любили быть зайцы, около деревни Высоково. – с. Георгий Чухломск.); лес Горушка (Вчера мы на Горушку за грибами бегали. – д. Марково Костромск.); место в лесу Горушка (За грибам через Горушку ходили. – д. Калинки Судиславск.) и т. д. Географический термин угор, также обозначающий возвышенность (нар.-разг. в значении ‘возвышенность, холм’ [1, с. 1371]; см. также [4, с. 161]), характеризуется высокой активностью в образовании костромских микротопонимов – наименований различных возвышений (часто холмов), поселений, обрывов, неровных мест, мест с чередованием возвышений и понижений, круто поднимающихся участков дороги и т. п. Ср.: бывшая деревня Угоры (Угоры стоят на возвышенности – на угорье. – д. Власиха Октябрьск.), Селезнёвские угоры (Под деревней Селезнёво неровная поверхность: возвышения и спуски. – д. Березняки Макарьевск.), холм Власовский угор

(Любят ребятишки кататься на лыжах со Власовского угора. – д. Власиха Поназыревск.), обрыв Вахрѣневский угор (На верху обрыва когда-то была деревня. – г. Нея); участок дороги Затяжной угор (Это у соседней деревни Черновлянки, назван из-за крутизны подъѐма. – п. Северный Пыщугск.) и мн. др. К наименованиям возвышенностей, созданным в результате метафоризации, относятся микропонимы, содержащие слово горб. Ср.: Горб (Покос это. Раньше был холм, а сейчас ровное место. Косили на Горбу. – д. Петрилово Костромск.), Хохловский горб (Хохловский горб – небольшая гора. – д. Малая Поповица Мантуровск.), Яичный горб (Яичный горб место в лесу есть, где растут грузди. – д. Меледино Парфеньевск.) и т. д.

Слово шохор (шохра́, шогра́, согра́) в костромских говорах известно в нескольких значениях. Чаще оно имеет отношение к болоту (в том числе и в приведѐнном выше примере из текста хрестоматии), например, лес по болоту (о чём есть сведения с пометой кстр. в словаре В.И. Даля [3, с. 642], заболоченному месту, заливному лугу и др., что подтверждается и микропонимией: поле Шохор (Шохор – высокое, небольшое полько по дороге в деревню Николаевское. – д. Екатеринкино Кадыйск.), болото Шохра (За клюковой пойдѐм в Шохру. – д. Мартыново Макарьевск.), низкое, болотистое место Шохра, заливной луг Шохра (Шарьинск.) и т. д.

Пригородой в костромском крае называют огороженные места (чаще пастбища). Ср. в микропонимии: Пригорода (Отгороженное от полей место, загон для скота. – д. Неверово Антроповск.), лес Большая пригорода (Назван так, потому что раньше в этом месте были крестьянские огороды, теперь же всё заросло лесом. – Павинск.), берѐзовый лес Лавровская пригорода (Примыкает к деревне Лаврово. По Лавровской пригороде столько белых растѐт! – с. Вожерово. Нейск.), урочище Пригорода (Сусаниск.), лес за д. Рогово Пригорода (Мантуровск.), поле в лесу Оганіна пригорода (Антроповск.) и т. д.

Колодчиком и ключиком, в том числе и в качестве микропонимов, часто называют источники, как «обычные», так и «со святой водой». Ср.: Мы на Колодчик ездили. Умылися, чтобы не болеть. И с собой воды-то взяли. – п. Кадый; Ключик – источник с лечебной водой: помогает при заболевании глаз. На Ключик у нас умываться ходят. – с. Контеево Буйск. Не случайно многие из них

сопровождаются соответствующими определениями (чаще святой): В Святом колодчике святили попу воду в Вербное Воскресенье. Считается, что вода целебная. – д. Тимошино Макарьевск.; Святой ключик – ключик в лесу, рядом раньше была часовня, и воду в нём освящали. Говорят, вода в ключике обладает исцеляющими свойствами. – д. Горбачѐво Солигаличск. и др.

Топонимы как часть лексико-семантической системы говоров, этой настоящей «живой старины», являются, как бы консервируя в себе ценную информацию, хранителями многих, в том числе исчезающих, явлений. На основе иллюстраций из живой народной речи, содержащихся в хрестоматийных текстах, можно получить более полное представление об уровне информативности топонимов, их типологии, лексико-семантической и структурно-словообразовательной характеристике, ареальных связях, об особенностях функционирования их в говорах.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского литературного языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Ганцовская Н.С. Меткое костромское слово. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. – 176 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. – СПб.: Диамант: Золотой век, 1999. – 688 с.
4. Цветкова Е.В. Географическая терминология в костромской микропонимии (обозначение положительного рельефа) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – № 4. – С. 158–161.

References

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo literaturnogo yazyka / sost. i gl. red. S.A. Kuznecov. – SPb.: Norint, 2000. – 1536 s.
2. Gancovskaya N.S. Metkoe kostromskoe slovo. – M.: Knizhnyj Klub Knigovek, 2015. – 176 s.
3. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. T. 4. – SPb.: Diamant: Zolotoj vek, 1999. – 688 s.
4. Cvetkova E.V. Geograficheskaya terminologiya v kostromskoj mikrotoponimii (oboznachenie polozhitel'nogo rel'efa) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. – 2015. – № 4. – S. 158–161.

НОВОЕ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В XXI ВЕКЕ

В статье рассматриваются новые способы лексикографирования лексического значения общественно-политической терминологии русского и английского языков в XXI веке. Особое внимание уделено смене формата справочных изданий на материале инновационных одноязычных и переводных словарей и проектов справочников, которые помогают современному пользователю ориентироваться и понимать данную терминологию. Автор приходит к выводу, что основное содержание заглавного слова раскрывается через дополнительные комментарии, в иллюстративных примерах, поскольку они дают возможность увидеть разные позиции в обществе на описываемое понятие. Перспективными являются лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы, которые дают возможность зарегистрировать комплексное описание значения слова.

Ключевые слова: общественно-политическая терминология, лексическое значение, лексикографическое описание.

Общественно-политическая терминология (ОПТ) английского языка представляет собой довольно сложное лингвистическое явление. С одной стороны, она осваивает терминологические единицы из многих областей знания (парламентской процедуры, выборов и избирательных технологий, политической экономики, дипломатии, военного дела, антитеррористических операций и т. п.). С другой стороны, в процессе политической коммуникации происходят различные семантические трансформации (эвфемизация, идеологизация, метафоризация, деспециализация, неологизация и т. п.), которые оказывают значительное воздействие на лексическое значение ОПТ [3]. Изменение актуальности широко обсуждаемых и описываемых в СМИ событий обуславливает динамизм рассматриваемой терминологии. Поэтому появляется значительное число лексикографических продуктов, помогающих пользователю ориентироваться и понимать данную терминологию.

Зарубежный и отечественный лексикографический рынок XXI века богат специализированными словарями, регистрирующими общественно-политическую терминологию. Например, на российском рынке стали появляться специальные словари новой ОПТ (Скляревская Г.Н., Ткачева И.О. Давайте говорить правильно! Политический язык современной России. 2004; Скляревская Г.Н. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. 2006). Современная эпоха трансформировала лексикографические традиции, например формат словарей: несмотря на еще существенную часть печатных изданий, большая часть специальных словарей общественно-политической сферы стали электронными и находятся в свободном доступе онлайн. Например, «Политический словарь» представлен на лексикографическом портале «Мир словарей»⁴. В корпус включены слова, обозначающие наиболее важные общественно-политические понятия, названия политических партий, документов, а также имена известных политиков (как со-

временных, так и исторических), общественных деятелей (*авторитарный, Абрамович, политическая агитация, Алексей, макровласть, манипулирование, милитаризм, демократический выбор России, дядя Сэм, саботаж, Совет Федерации, Совет Безопасности ООН, Содружество Независимых Государств, фракция* и т. п.). Справка зарегистрирована весьма краткая, но в результате поиска можно найти словарные статьи, где также упоминается искомое слово. Такая система перекрестных ссылок представляется удобной, поскольку дает возможность продолжить/конкретизировать поиск. Например:

Оппозиция – организованная группа, противостоящая по оценкам, программе, политике правящей элите.

Вместе с тем на странице предлагается ссылка на дефиниции в других словарях портала «Мир словарей» (экономическом, юридическом, большом энциклопедическом, толковом словаре Ожегова, философском). Подобное функциональное разграничение может быть полезным читателю, который имеет возможность продолжить поиск в смежных областях знания, тем более сфера общественно-политической жизни охватывает разные предметные области, как отмечалось ранее.

Важно отметить, что существуют и другие проекты политических словарей русского языка онлайн: «Словарь политических слов»⁸; «Политический словарь»⁵; «Словарь политических терминов. Политическая энциклопедия онлайн»⁹; «Словарь основных терминов и понятий по политологии»⁷; «Словарь основных политологических понятий и терминов»⁶; «Лучший словарь политических терминов»³. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в основном данные лексикографические справочники носят информационный характер, являются аналогом учебного пособия и энциклопедии. Также, к сожалению, многие словари перепечатывают словарные статьи из подобных справочников, что является плагиатом и вводит пользователей в заблуждение при консультировании с изданием.

Инновационным представляется словарь М. Вишневецкой «Словарь перемен – 2014»¹, поскольку он аккумулирует публикации сообщества «Словарь перемен» (в социальной сети «Фейсбук») на протяжении 2014 года. Данный проект посвящен словам и выражениям, вошедшим в язык или актуализировавшимся в 2014 году. Материал располагается по месяцам, корпус включает слова, афоризмы и фразы данного периода из социальных сетей, в конце зафиксирована краткая хронология года, интервью и эссе отечественных лингвистов, культурологов и политологов. Например:

Россия не Европа – одно из положений проекта «Основы государственной культурной политики», ставшее едва ли не самой обсуждаемой фразой года.

– Знаю, вы сейчас насчет «Россия не Европа» спросите. Вообще, целиком фраза в проекте звучала примерно так: «Россия не Европа и не Азия» (Интервью Владимира Мединского. Портал Lenta.ru. 8.07.2014).

– В частности, большой резонанс вызвал тезис «Россия – не Европа», который министерство предложило зафиксировать в документе. «Но, совершенно точно, тезис “Россия – не Европа” в проект не войдет, он противоречит стилистике и целям документа – попытке консолидировать общество», – сказал тогда советник президента России Владимир Толстой, который также является заместителем председателя рабочей группы по разработке концепции культурного строительства (Сайт РБК. 25.09.2014)¹.

Как мы видим, основное содержание заглавного слова раскрывается в иллюстративных примерах, они дают возможность увидеть разный взгляд в обществе на описываемое понятие, что представляется удачным решением.

Необходимо отметить интересный лингвокогнитивный и лингвокультурологический проект О.Н. Кондратьевой «Словарь политических терминов в СМИ», который носит комплексный характер лексикографирования. Автор стремится проанализировать реальное функционирование политической терминологии русского языка в дискурсе СМИ, а также описать концептуальное содержание, стоящее за политическими терминами. Словарная статья, как описывает автор, состоит из нескольких слоев: *понятийный слой*, раскрывающий суть понятия, регистрирующий информацию энциклопедического характера; *образный и оценочный слой*, эксплицирующий анализ метафорической сочетаемости заглавного слова в российских СМИ, выделяющий образы, с которыми соотносится данный политический концепт, и передающий отношение к нему представителей массмедиа, то есть оценку; *иллюстративный материал*, предлагающий 10–15 наиболее типичных контекстов из медиатекстов [1]. Подобные инновационные проекты,

на наш взгляд, вносят существенный вклад в отечественную политическую лексикографию [2], поскольку позволяют изучить, систематизировать и отразить специфику ОПТ в медиатекстах, в которых происходит семантическая трансформация терминов, корректируется концептуальное содержание и меняется оценка согласно установкам журналиста/издания.

Группа современных двуязычных отечественных словарей, регистрирующих ОПТ русского и английского языков, довольно разнообразна. Среди них: «Англо-русский и русско-английский военно-политический словарь Polyglossum», К.Д. Гарнов, Н.Г. Иноземцева «Англо-русский политический словарь» (2005), А. Крамаревский «Англо-русский политический словарь» (2000), Г.М. Ростова «Политика, дипломатия, СМИ. Англо-русский словарь активной лексики» (2002), А.А. Царев «Русско-английский словарь современной общественно-политической лексики. 2500 слов и словосочетаний» (2005), «Русско-английский военно-политический словарь» (2002) и т. п. Лексикографы передают семантику заглавного слова через его переводные эквиваленты, различные информационные пометы, дополнительные комментарии и примеры.

Интересным представляется справочник С.Н. Гагарина «Толковый словарь вербализации универсального смысла “противодействие” в общественно-политических текстах англоязычных СМИ»², поскольку автор иерархически структурирует контексты, передающие смысл описываемого явления в англоязычных медиатекстах, в виде упорядоченной логико-семантической пирамиды, состоящей из трех уровней. Противодействие как логико-семантический макроконцепт представляет собой верхний уровень структурной организации пирамиды. Подконцепты, понимаемые С.Н. Гагариным как части целого смысла «противодействие», составляют средний уровень пирамиды. Так, лексикограф по результатам сплошной выборки из словника «Cambridge Advanced Learner’s Dictionary» (2006) описывает 38 сформулированных на русском языке подконцептов, например, *выходить из-под контроля*; *отменять, упразднить, расторгать*; *подавлять*; *разрушать(ся)*; *сжимать объем информации* и т. п. Например, подконцепт «не позволять кому-либо чего-либо» зарегистрирован как:

ban smb from smt • v + prep combination

запретить кому-либо что-либо

bar smb from smt • v + prep combination

запретить кому-либо что-либо

deny • verb [dirt]

1. Отказать кому-либо в чем-либо.

2. Не дать кому-либо получить или осуществить что-либо.

Нижний уровень логико-семантической пирамиды представлен развернуто описанными

спектрами лексем, представляющими концепты среднего уровня в многочисленных актуальных на момент выхода словаря в свет контекстах. Эта часть организована в алфавитном порядке, и пользователь может ознакомиться с указателем логико-семантической стратификации универсального смысла «противодействие»².

Таким образом, современные переводные словари регистрируют экстралингвистическую информацию в дефиниции, комментарии после переводного эквивалента, что позволяет раскрыть историю возникновения данного явления, семантические преобразования, особенности употребления внутри данной социальной группы и т. п.; а также фиксируют коллокации к заглавному слову, что расширяет словарный запас и помогает пользователю, которому не всегда достаточно получить только переводной эквивалент, правильно интерпретировать и употребить данную лексическую единицу.

Систематизируя зарубежный опыт лексикографирования ОПТ английского языка, можно отметить значительное разнообразие таких справочников и выделить несколько направлений развития данной области в XXI веке:

– словарные онлайн генераторы, регистрирующие полный список источников с перекрестными ссылками, обобщая различные информационные ресурсы, базы данных и словари в традициях массовой компьютеризации лексикографической науки (например, «Specialist Online Dictionary»¹², портал «Alpha Dictionary»¹⁰);

– общие толковые политические словари (например, «Taegan Goddard’s Political Dictionary»¹³; J. Plano, M. Greenberg «The Concise Oxford Dictionary of Politics» (2008); «The American Political Dictionary» (1996); H. Sperber, T. Trittschuh «Dictionary of American Political Terms» (1986); W. Safire «Safire’s Political Dictionary» (2008) и т. п.);

– узкоспециальные словари какой-либо предметной области общественно-политической жизни (конституционное устройство, политические институты, выборы и избирательное право, международные отношения, социальная политика и т. п.), отражающие тенденцию специализации лексикографии в новом тысячелетии (например, J.M. Elliot, R. Reginald «The Arms Control, Disarmament, and Military Security Dictionary» (2007); B. Burton, W.E.B. Griffin «Dictionary of Espionage and Intelligence: Over 800 Phrases Used in International and Covert Espionage» (2014); C.W.Jr. Freeman, D. Ignatius «Diplomat’s Dictionary (Cross-Cultural Negotiation Books)» (2010); B.F. Hall «Fighting Words Lexicon: An Uncensored Dictionary of Hate Speech, Cultural Stigmas, Racial Slurs, Political Slanders, and Sexual Stereotypes Complete with Online Acronyms, Abbreviations and Definitions» (2018); P. Herbst «Talking Terrorism: A Dictionary of the Loaded Language of Political Violence» (2003) и т. п.);

– специальные лингвистические словари (например, G. Barrett, J. Carville «The Oxford Dictionary of American Political Slang» (2006); F. Metcalf «The Biteback Dictionary of Humorous Political Quotations» (2013) и т. п.).

– краткие глоссарии, волонтерские лексикографические проекты, представляющие популярное направление волонтерской лексикографии (volunteer lexicography) (например, «2010 Political Dictionary from Aqua Buddha to Wikileaks»¹⁵; «US Election Glossary: A-Z Guide to Political Jargon»¹⁴; «A Political Glossary for 2017»¹¹ и т. п.).

Метаязык словарной статьи в большинстве справочников представляет собой подробное описание. Авторы передают факты из истории возникновения и развития явления общественно-политической жизни, повлекшего активное употребление лексической единицы, описывают отношение общества к зафиксированному феномену или отражают свое мировоззрение на данное явление реальности через призму субъективного восприятия, определенной социальной группы и идеологических убеждений.

Так, личность американского президента Д. Трампа привлекает внимание зарубежных лексикографов, поэтому за последние три года в свет вышло много справочников, посвященных ему и его языку: С. Bedford «The Art of the Donald: Lessons from America’s Philosopher-in-Chief» (2017); G. Dimmack «Trumpisms: The Trump-to-English Dictionary» (2017); E. Henican «Trumitude: The Secret Confessions of Donald’s Brain» (2017); R. Hornback «The Trump Lexicon, or, the New King’s English. Vol. 1: Campaign Through First Year in Office» (2018); D. Kelley «Trump to English Dictionary: What He Really Means When He Says What He Says» (2017); M. Maher «The Trump Dictionary» (2016); R. Sweatman «The Trump Dictionary. Vol. 1: A Political Satire Mainly in His Own Words» (2017) и т. п. Составители часто в саркастической манере и в значительной степени субъективно описывают значение заглавного слова. Например, словарная статья в словаре R. Hornback «The Trump Lexicon, or, the New King’s English. Vol. 1: Campaign Through First Year in Office» (2018) представлена следующим образом:

believe me *common phrase*

a phrase inserted as a bluff that marks an egregious ruse, lie, or con; an interjection meant to suggest sincerity, knowledge, or expertise where it is especially in complete absence; frequent usage reveals awareness of own dishonesty; also an attention-grabbing gambit in habitual huckster sales speak and carnival barking (e. g., “I know more about ISIS than the generals, believe me!”; “I would build a great wall, and nobody builds walls better than me. Believe me. And I’ll build it very inexpensively”). Note that this characteristic appeal to belief points to the habits of a practiced,

studies liar and con-artist doggedly projecting a “tell-it-like-it-is” persona while knowingly lying. Note: Pronounced “buh-leevee me” and often said back-to-back, as in the comic patter of Borsch Belt Jewish comics of old.

На наш взгляд, такая субъективация и доминирующий оскорбительный тон в тексте словарной статьи недопустимы, поскольку основное назначение справочного издания заключается в описании языковых явлений, иллюстрировании лингвистических процессов и беспристрастном (*impersonal*) лексикографировании значения заглавных слов. Вероятно, это является манифестацией общественно-политического феномена «пост-правды» (post-truth), когда эмоциональная составляющая превалирует над рациональной и фактологической частью аргументации, убеждения или информирования. Таким образом, некоторые политические словари английского языка в новом тысячелетии меняют свое назначение и превращаются в инструмент политической борьбы.

В XXI веке вышло в свет довольно много справочников языка политиков. В США известна серия исторических словарей, например: R.D. Burns, J.M. Siracusa «Historical Dictionary of the Kennedy-Johnson Era» (2007), N.A. Graebner, R.D. Burns, J.M. Siracusa «Reagan, Bush, Gorbachev. Revisiting the End of the Cold War» (2008), J.M. Siracusa «Encyclopedia of the Kennedys. The People and Events That Shaped America» (2012), «Founding Fathers: The Essential Guide to the Men Who Made America» (2007), J.W. Johnson «Arizona Politicians: The Noble and the Notorious» (2002), G. Allen «The Politician’s Dictionary V1/V2: Or a Summary of Political Knowledge» (2010). Также популярны справочники, регистрирующие информацию о политиках и их роли в истории, их семьях: «The Politician’s Dictionary; Or a Summary of Political Knowledge: Containing Remarks on the Interests, Connections, Forces, Revenues of the Different States of Europe» (2018); P. Walsh «A Dictionary of Politicians: Walsh’s Dictionary of British Politicians, Statesmen, Jacks-in-Office, Politicos and Political Spouses, Lovers and Other Political Animals» (2016); R.S. Conley «Historical Dictionary of the US Presidency» (2015) и т. п. Они носят учебно-повествовательный характер, толково-энциклопедические дефиниции дают возможность использовать данные лексикографические справочники в ходе учебного процесса.

В заключение важно подчеркнуть, что в словарной статье англоязычных политических словарей в большинстве случаев отсутствует какая-либо добавочная семантико-функциональная характеристика заглавного слова (грамматические, орфоэпические, этимологические, функциональные пометы и т. п.), но зарегистрированы прагматические комментарии, предупреждающие об уничижитель-

ном или оскорбительном характере употребления заглавного слова, а также иллюстративные примеры из выпусков новостей или СМИ и комментарии о различиях в восприятии в настоящее время и несколько лет назад.

Таким образом, в новом тысячелетии появляются новые лексикографические формы и проекты, позволяющие детализировать лингвистическую информацию об описываемом общественно-политическом термине, проиллюстрировать особенности его употребления, а также обновлять и актуализировать данные в корпусе.

Примечания

¹ Вишневецкая М. Словарь перемен. – М.: Три квадрата, 2015. – 224 с.

² Гагарин С.Н. Толковый словарь вербализации универсального смысла «противодействие» в общественно-политических текстах англоязычных СМИ. – М.: Дрофа, 2009. – 451 с.

³ Лучший словарь политических терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit-slovar.ru/> (дата обращения: 11.10.2018).

⁴ Политический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mirslouvrei.com/pol> (дата обращения: 11.10.2018).

⁵ Политический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari-online.ru> (дата обращения: 11.10.2018).

⁶ Словарь основных политологических понятий и терминов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sociology.mephi.ru/docs/polit/html/sl_pol.html (дата обращения: 11.10.2018).

⁷ Словарь основных терминов и понятий по политологии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proznanie.ru/slovník/?sl=politology> (дата обращения: 11.10.2018).

⁸ Словарь политических слов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politicbook.ru/> (дата обращения: 11.10.2018).

⁹ Словарь политических терминов. Политическая энциклопедия онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.onlinedics.ru/slovar/pol.html> (дата обращения: 11.10.2018).

¹⁰ Alpha Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.alphadictionary.com/> (дата обращения: 11.10.2018).

¹¹ A Political Glossary for 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vox.com/mischiefs-of-faction/2017/1/24/14157002/2017-political-glossary> (дата обращения: 11.10.2018).

¹² Specialist Online Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.specialist-online-dictionary.com/> (дата обращения: 11.10.2018).

¹³ Taegan Goddard’s Political Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politicaldictionary.com/> (дата обращения: 11.10.2018).

¹⁴ US Election Glossary: A-Z Guide to Political Jargon [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/election-us-2016-37385625> (дата обращения: 11.10.2018).

¹⁵ 2010 Political Dictionary from Aqua Buddha to Wikileaks [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thedailybeast.com/2010-political-dictionary-from-aqua-buddha-to-wikileaks> (дата обращения: 11.10.2018).

Библиографический список

1. Кондратьева О.Н. «Словарь политических терминов в СМИ» как новый лексикографический продукт // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Филология. – № 6 (44), 2016. – С. 38–49.

2. Маник С.А. Политическая лексикография: перспективы развития ивановской лексикографической школы // Теория и практика иностранного языка в высшей школе: сб. науч. статей. – Иваново: Ив. гос. ун-т, 2018. – С. 162–170.

3. Маник С.А. Подходы к определению и описанию общественно-политической лексики в отечественной и зарубежной лингвистической науке // В мире научных открытий: Социально-гуманитар-

ные науки: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. «Социально-гуманитарные проблемы современности: человек, общество и культура» (28 февраля, 2015). Сер.: Филология. – 2015. – № 3.3 (63). – С. 1728–1743.

References

1. Kondrat'eva O.N. «Slovar' politicheskikh terminov v SMI» kak novyj leksikograficheskij produkt // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. – № 6 (44), 2016. – S. 38–49.

2. Manik S.A. Politicheskaya leksikografiya: perspektivy razvitiya ivanovskoj leksikograficheskoy shkoly // Teoriya i praktika inostrannogo yazyka v vysshej shkole: sb. nauch. statej. – Ivanovo: Iv. gos. un-t, 2018. – S. 162–170.

3. Manik S.A. Podhody k opredeleniyu i opisaniyu obshchestvenno-politicheskoy leksiki v otechestvennoj i zarubezhnoj lingvisticheskoy nauke // V mire nauchnyh otkrytij: Social'no-gumanitarnye nauki: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Social'no-gumanitarnye problemy sovremennosti: chelovek, obshchestvo i kul'tura» (28 fevralya, 2015). Ser.: Filologiya. – 2015. – № 3.3 (63). – S. 1728–1743.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ
БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫХ ТЕРМИНОВ ПРАВА

В настоящей статье рассматриваются примеры англоязычных юридических терминов, не имеющих прямых эквивалентов в русском языке. Юридическая терминология англосаксонских стран – одна из древнейших терминологий, формирование которой явилось следствием необходимости поддерживать в развивающихся государствах закон и порядок. Автор сосредоточивает внимание на различных методах перевода безэквивалентных терминов права с английского языка на русский язык, таких как описательный перевод, транскрипция, транслитерация и калькирование. В данной статье предпринята попытка проанализировать основные достоинства и недостатки применения того или иного метода перевода терминов данной области знания. В статье даны многочисленные примеры безэквивалентных терминов из отрасли права, взятые из авторитетных словарей, а также почерпнутые из современных газетных публикаций, и приведены варианты перевода терминов на русский язык.

Ключевые слова: англоязычная юридическая терминология, перевод, метод перевода, безэквивалентный термин, описательный перевод, транскрипция, транслитерация, калькирование.

В настоящее время уже совершенно очевидно тот факт, что перевод не является дословным, точным воспроизведением оригинального текста, и переводчики не ставят перед собой задачу сделать «подстрочник», создать копию первоначальной версии текста на языке перевода [3, с. 119].

При работе с литературными произведениями фантазия переводчика практически ничем не ограничена, ведь тут язык выступает в эстетической и поэтической функции – хотя излишние вольности подчас лишают литературный текст достоинств, свойственных оригиналу. При переводе текстов научных, узкоспециализированных остро встает следующий вопрос: какие расхождения с оригиналом можно считать объективными, объяснимыми с точки зрения строения и структуры языка, а какие являются следствием недостаточной компетентности переводчика, его небрежности и неподготовленности?

Данный вопрос напрямую связан с проблемой эквивалентности, которую поднимали в своих трудах, детально освещая ее, многие отечественные и зарубежные исследователи-лингвисты, в числе которых Л.С. Бархударов, В.Г. Гак, Н.К. Гарбовский, В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, А.Г. Анисимова, В.Я. Задорнова, Джон Кэтфорд, Юджин Найда, Питер Ньюмарк и др. В широком смысле эквивалентность можно трактовать как «отношение между содержанием оригинала и перевода» [3, с. 120]. Это отношение, как мы смеем утверждать, будет значительно различаться при переводе, например, текстов естественно-научного характера, где для каждой лексической единицы, вероятно, найдено прямое лексическое соответствие в языке перевода, и текстов гуманитарного плана.

Действительно, «в естественных науках объект исследования существует помимо человеческого сознания, вне его» [1, с. 12], следовательно, материальная форма выражения, то есть план выражения понятия или концепта, может кардинально

отличаться, но за ним будет стоять одно и то же явление, то есть один и то же план содержания.

Естественные науки обладают некой универсальностью, описывая мир таким, каким мы видим его, и мир этот в известной мере не подчиняется воле человека. С гуманитарными науками дело обстоит иначе: здесь «исследователь имеет дело с объектом, который непосредственно связан с человеком, его общественным бытием, его творческой деятельностью» [1 с. 12]. Значит, человек вполне может влиять на этот объект, менять его по своему усмотрению, искать ему альтернативу. Здесь в игру вступают самые разные факторы: историческое развитие, политические, экономические, социальные и культурные потребности, общественный строй, менталитет, мировоззрение и т. п. Естественно предположить, что в переводе текста, имеющего отношение к гуманитарным наукам, прямых соответствий лексическим единицам текста оригинала будет гораздо меньше.

В данной статье мы рассмотрим лексическую группу, которую, безусловно, можно отнести к одной из наиболее сложных в плане перевода. Речь идет о безэквивалентной лексике, под которой Л.С. Бархударов понимал «лексические единицы (слова и устойчивые словосочетания) одного из языков, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка» [2, с. 96]. Вполне можно утверждать, что передача безэквивалентной лексики не будет иметь ничего общего с поиском точных словарных соответствий. С такого рода прямыми соответствиями, если рассматривать юридические терминологические единицы, мы имеем дело, например, в следующих случаях:

- **death penalty** – смертная казнь;
- **lawsuit** – иск;
- **life imprisonment** – пожизненное заключение;
- **murder** – убийство;
- **warrant** – ордер;
- **witness** – свидетель.

Список этот можно продолжать бесконечно, и на это есть несколько причин. Наиболее важные понятия, уходящие корнями в глубь веков, входят в лексический состав как английского, так и русского языков. К тому же и в Великобритании, и в России большую роль играют принципы международного права, оба государства следуют им и опираются на них, поэтому можно говорить о наличии общей правовой терминологической базы.

Переходя к разговору о безэквивалентной лексике, стоит отметить, что ее доля в рамках перевода с английского языка на русский постоянно увеличивается. Так происходит прежде всего потому, что англо-саксонская правовая семья и условно выделяемая «славянская» правовая семья, во многом различающиеся между собой, обладающие каждой своей спецификой, иерархией, структурой, постоянно модернизируются, совершенствуются. При этом необходимо подчеркнуть, что развитая правовая система является достижением как Великобритании, так и России, то есть оба эти государства находятся на том этапе развития, когда нормальное функционирование общества напрямую зависит от эффективности различных правовых норм и следования им. Отметим также, что в юридическом английском языке немалое количество терминов основано на метафоре, что для русского языка нехарактерно.

Среди основных способов перевода безэквивалентных терминов можно выделить заимствование (транскрипцию или транслитерацию термина, взятого из другого языка), описательный перевод, а также калькирование. Рассмотрим варианты применения данных методов перевода на примере некоторых безэквивалентных терминов права английского языка.

Приведем примеры описательного метода перевода безэквивалентных терминов:

- **disbarment** – «лишение адвокатского звания» (1);
- **defence statement** – «письменное возражение подсудимого против обвинения» (1);
- **emblemment** – «право арендатора земли собрать урожай, даже если срок аренды уже истек» (1);
- **finder's fee** – «комиссионные посредника, маклера (плата лицу или организации за успешное осуществление финансовой или юридической операции, заказываемой другой стороной)» (1);
- **heirloom** – «фамильные вещи, следуемые за наследуемой недвижимостью» (1);
- **non-refoulement** – «невыворение, запрет на выдачу лица другому государству» (1);
- **writ** – «предписание от имени короля» (1).

Далеко не всегда, однако, перевод, предлагаемый словарем, в готовом виде используется в тексте. К примеру, в российском праве отсутствует такое понятие, как **slip and fall [claim]**, и в англо-русском словаре приводится его описательный

перевод «иск за падение и получение травмы по вине человека или организации, ответственных за данную территорию». На деле же если возникает необходимость передать значение этого термина в русском языке, данная форма не используется, хотя описательный элемент в передаче терминологической единицы и присутствует. Достаточно сравнить цитаты из статей, размещенных в американском и российском изданиях, посвященных одной и той же теме:

– Tennis pro Eugenie Bouchard and the United States Tennis Association reached an undisclosed settlement Friday over her disastrous 2015 **slip-and-fall**. (2)

– 82-я ракетка мира Эжени Бушар даст показания в суде Нью-Йорка в рамках разбирательства по своему **гражданскому иску** против Ассоциации тенниса США (USTA). Напомним, 23-летняя теннисистка судится с USTA из-за своего **падения** в комнате физиотерапии на US Open-2015. (3)

– Канадская теннисистка в середине октября подала **иск** на теннисную ассоциацию Соединенных Штатов (USTA). В иске говорится о том, что в комнате физиотерапии Бушар **поскользнулась** на инородной и опасной субстанции, а травма отрицательно повлияла на уровень ее жизни. (4)

– Канадская теннисистка Эжени Бушар посетила судебное заседание по рассмотрению своего **иска** к Ассоциации тенниса США. Напомним, что во время US Open-2015 Эжени **поскользнулась и упала** в кабинете физиотерапии, который в тот момент уже не работал. (5)

Английский термин функционирует как имя существительное и не требует дополнительных разъяснений, поскольку план выражения в данном случае полностью раскрывает план содержания. В русском языке для истолкования термина **slip and fall** требуется несколько предложений и, как видно из приведенных примеров, не всегда в тексте упоминаются две составляющих термина английского языка. Цельность термина как языковой единицы теряется, выделить термин как таковой здесь не представляется возможным. Данный пример демонстрирует, что словарный перевод термина и его реальное функционирование в языке часто разнятся. Можно привести и другие субстантивированные термины, построенные по той же морфологической модели «глагол + союз and (и) + глагол», которые не имеют эквивалентов в русском языке и переводятся с использованием описательного метода: **break and enter** «незаконное вторжение в частное владение, кража со взломом» (6), **hit and run** «бегство водителя с места дорожного происшествия» (1), **name and shame** «публично объявлять, что человек или организация сделали что-то дурное, преступили закон» (7), **aid and abet** «оказывать пособничество и подстрекать, активно содействовать» (1).

Таким образом, все перечисленные термины переводятся на русский язык описательно. Результатом применения метода описательного перевода является громоздкость предложений, текста в целом, но зачастую этот метод является наиболее адекватным способом передачи на русский язык понятия, которое не имеет в нем прямого эквивалента.

Другим общепринятым методом перевода безэквивалентных терминов права с английского языка на русский является заимствование в виде транскрипции или транслитерации или же применение данных переводческих методов одновременно. Далеко не все термины могут заимствоваться в готовом виде, поскольку их звуковой строй не позволяет слову функционировать в русском языке вследствие невозможности образовывать от него падежные формы, если речь идет о существительном. Приведем примеры заимствованных в русский язык терминов права:

– **harassment** – «харассмент, т. е. преступление, нарушающее неприкосновенность частной жизни лица преследованием (телефонными звонками, письмами, слежкой и пр.), назойливым приставанием, домогательством. Совершается обычно с сексуальными мотивами» (8) (здесь стоит оговориться, что в русском языке существует и функционирует термин «домогательство», однако за последнее время именно термин «харассмент», являющийся транслитерацией английского слова, получил широкое распространение как в СМИ, так и в специализированных текстах);

– **beneficiary** – «бенефициар, бенефициарий» (1) (интересно, что существует два варианта написания данного термина в русском языке, второй из которых более близок к произношению термина в английском языке. Первый вариант «бенефициар» является более распространенным: на него в Национальном корпусе русского языка приходится 15 вхождений, в то время как на вариант «бенефициарий» – всего одно);

– **barrister** – «барристер» (1) (данное заимствование часто дополняется разъяснением обязанностей этого должностного лица: «барристер, адвокат высшего ранга, имеющий право выступать в суде в Великобритании» (1). Следовательно, данный перевод-транслитерацию нельзя считать заимствованием в чистом виде, поскольку оно дополняется описательным переводом);

– **solicitor** – «солиситор» (1) (этот термин также дополняется разъяснением полномочий «солиситора»: «адвокат, дающий советы клиенту» (1). Таким образом, здесь также задействованы два метода перевода – заимствование через транслитерацию и описательный перевод).

Можно заметить, что заимствованные термины зачастую требуют пояснений в виде сносок, скобок, объяснения этимологии термина, что нужно принимать во внимание при выборе метода пере-

вода. Более того, некоторые заимствованные термины были введены в язык в ответ на те или иные общественные явления политического, экономического, культурного характера (например, термин «харассмент», ставший популярным в 2017 году в связи со скандалами в Голливуде), поэтому их употребление является определенным индикатором, следовательно, замена их на другие термины, являющиеся устойчивой частью языка, не представляется желательной.

Наконец, переходя к обсуждению калькирования как метода перевода терминов, следует отметить, что терминологическая единица на языке оригинала должна состоять как минимум из двух элементов, чтобы можно было говорить о применении данного метода перевода. Иллюстрацией использования этого метода перевода может послужить ряд примеров:

– **admissibility of evidence** – «допустимость доказательств» (6) (здесь английское сочетание двух существительных с предлогом переводится на русский язык синтаксической конструкцией со связью управление);

– **qualified majority** – «квалифицированное большинство» (1);

– **sea waybill** – «морская накладная (документ, который выдается перевозчиком грузоотправителю в подтверждение факта принятия груза к морской перевозке и содержит обязательства передать груз грузополучателю; является необоротным инструментом)» (1) (едва ли в текст будет включено столь объемное пояснение к термину, однако термин сам по себе не отражает всех тонкостей данного понятия).

Калькирование в целом является наименее часто встречающимся методом перевода юридических терминов английского языка. Одной из причин этого, на наш взгляд, является разная синтаксическая сочетаемость слов в английском и русском языках. Так, в английском языке является нормой беспредложное сочетание двух существительных, одно из которых выступает в атрибутивной функции, между тем в русском языке такой вид синтаксической связи не встречается. В то же время в английском языке два существительных, одно из которых подчиняется другому, соединяются предлогом, а в русском языке связь между существительными осуществляется посредством падежей. Также следует добавить, что калькирование как метод перевода в наименьшей степени служит раскрытию содержания терминологической единицы. Значит, так же, как и заимствованные термины, термины калькированные требуют дополнительных толкований их значения в виде тех же сносок, комментариев в скобках и т. п.

Итог хотелось бы подвести следующим образом: выбор того или иного метода перевода может объясняться как с точки зрения лингвистики

(фонетическое строение слова, морфологическая и синтаксическая сочетаемость слов), так и внешними факторами, в числе которых можно назвать употребление термина для обозначения одного конкретного явления или других подобных ему, направленность издания, в котором публикуется текст и т. д. Далеко не всегда используемый метод является наилучшим возможным путем перевести термин, однако если именно такой вариант перевода устоялся в языке, его замена на представляющийся более приемлемым должна ставиться под вопрос и тщательно анализироваться с учетом вероятных последствий, как например: понятность термина потенциальной аудитории, возможность образования от него производных слов языка, соответствие фонетическим нормам.

Примечания

1. Словари и энциклопедии на Академике: Переводы [Электронный ресурс] // Академик: сайт. – Режим доступа: <https://translate.academic.ru/> (дата обращения: 15.05.2018).
2. Tennis star Genie Bouchard settles suit over slip-and-fall for undisclosed amount [Электронный ресурс] // Daily News: сайт. – Режим доступа: <http://www.nydailynews.com/new-york/tennis-star-bouchard-settles-slip-and-fall-suit-unknown-sum-article-1.3838229> (дата обращения: 15. 05. 2018).
3. Бушар даст показания в суде по делу против USTA [Электронный ресурс] // Sports.ru: сайт. – Режим доступа: <https://www.viewnews.co.uk/axminster-town-council-delays-taking-pippins-lease/> (дата обращения: 17. 05. 2018).
4. Падение в бездну. Как заканчивается худший год Эжени Бушар [Электронный ресурс] // EURO-SPORT: сайт. – Режим доступа: https://www.eurosport.ru/tennis/story_sto5005233.shtml (дата обращения: 17.05.2018).
5. Эжени Бушар дала показания по иску к USTA [Электронный ресурс] // Gotennis.ru: сайт. – Режим доступа: http://www.gotennis.ru/read/news/ezheni_bushar_dala_pokazaniya_po_isku_k_usta.html (дата обращения: 18.05.2018).
6. Словари МУЛЬТИТРАН [Электронный ресурс] // Мультитран: сайт. – Режим доступа: <https://www.multitrans.ru/c/m.exe?a=1> (дата обращения: 15.05.2018).
7. Cambridge Dictionary: Английский словарь [Электронный ресурс] // Cambridge Dictionary:

сайт. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 18.05.2018).

8. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс] // Академик: сайт. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 15.05.2018).

Библиографический список

1. Анисимова А.Г. Теория и практика перевода терминов гуманитарных и общественно-политических наук. – М.: Университетская книга, 2008.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод: (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Международные отношения, 1975.
3. Комиссаров В.Н. Слово о переводе. – М.: Международные отношения, 1973.
4. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007
5. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Р. Валент, 2007.
6. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории. – М.: Либроком, 2012.
7. Gvishiani N. An introduction to contrastive lexicology. – URSS, 2010.
8. Law J., Martin E.A. A Dictionary of Law. – Oxford, 2009.

References

1. Anisimova A.G. Teoriya i praktika perevoda terminov gumanitarnyh i obshchestvenno-politicheskikh nauk. – M.: Universitetskaya kniga, 2008.
2. Barhudarov L.S. YAzyk i perevod: (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda). – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975.
3. Komissarov V.N. Slovo o perevode. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1973.
4. Lejchik V.M. Terminovedenie: Predmet, metody, struktura. – M.: Izd-vo LKI, 2007
5. Recker YA.I. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. – M.: R. Valent, 2007.
6. Superanskaya A.V., Podol'skaya N.V., Vasil'eva N.V. Obshchaya terminologiya. Voprosy teorii. – M.: Librokom, 2012.
7. Gvishiani N. An introduction to contrastive lexicology. – URSS, 2010.
8. Law J., Martin E.A. A Dictionary of Law. – Oxford, 2009.

УДК 811.161.1'37; 821.161.1.09"19"

Попова Татьяна Георгиевна

доктор филологических наук, профессор
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва
tatyana_27@mail.ru

Степанов Сергей Анатольевич

кандидат филологических наук, профессор
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва
sas68@mail.ru

Полубоярова Марина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет
marina22@yandex.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ «ЧУВСТВО» В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ»

В статье дан краткий теоретический материал, обобщающий представления ученых о лексико-семантических группах. Авторы статьи рассматривают основные признаки лексико-семантических групп, рассуждают об их потенциальной открытости и системном характере. В работе представлены интересные наблюдения, связанные с реализацией лексем со значением «чувство» в романе Л.Н. Толстого «Семейное счастье». Удивительно личное и проникновенное произведение, в котором писателю удалось показать тайные глубины женской души, насыщено эмотивными существительными. Продуманное сочетание лексем, обозначающих психологическое состояние, переживания героев, с лексемами, раскрывающими их духовно-нравственные искания и систему этических ценностей, позволило писателю в пределах реалистического романа создать проникнутый сентиментализмом художественный мир, обладающий особой силой воздействия на прекрасную половину человечества и на примере состояний и размышлений героини Маши являющий истинные ценности и настоящее счастье.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, лексема, значение, чувство, Толстой, система, частотность.

Немало научных статей и диссертаций посвящено изучению тех или иных лексико-семантических групп слов. Как правило, лексико-семантические группы рассматриваются на основе изучения их употребления в языке в целом, анализируются на примере лексикона какого-либо словаря. Исследование многообразия глаголов и их распределение по разным группам утверждается в ряд работ как фундамент непрерывности языковой системы. Однако не менее интересно и показательное исследование лексико-семантических групп в определенном художественном произведении. Такое изучение той или иной языковой группы нередко позволяет глубже понять авторский замысел, манеру письма. «Именно изучение лексико-семантических языковых единиц конкретного художественного произведения обуславливает расширение границ лексико-семантической системы языка», – отмечает И.А. Никандрова [4].

Термин лексико-семантическая группа был впервые введен в языкознание В.В. Виноградовым и быстро стал использоваться многими учеными. Большой вклад в изучение лексико-семантических групп внес Ф.П. Филин, который много рассуждал о лексико-семантических группах как языковых единицах, которые способствуют историческому развитию языка [7]. Ф.П. Филин выделял тематические и лексико-семантические группы слов. В основе этого деления находятся отношения лексем, которые объединяются в группы. Так, в группах тематических мы видим внешние соотношения понятий, а в группах лексико-семантических осознаем внутреннюю связь слов. По мнению Ф.П. Фи-

лина, тематическая группа слов в определенной конкретной ситуации определяется только уровнем владения языком и знаниями говорящего, а вот лексико-семантические группы напрямую зависят от особенностей движения языка.

В ходе изучения такого явления как лексико-семантическая группа, учеными были выделены и основные ее признаки, к которым можно отнести: определенный семантический контекст, характерный для каждой лексемы; типы и модели сочетаемости слов, свойственные лексико-семантической группе; наличие внутри группы смысловых пар, составляющих семантический минимум; факультативную возможность выделения из всей группы центрального слова, имеющего наибольшее количество значений.

Лексико-семантические группы слов, в которые объединяются слова одной части речи, являются компонентами, иллюстрирующими системность языка, ведь существует взгляд на лексику как систему лексико-семантических группировок. Напомним, что современное языкознание выделяет три вида сем в составе слова. Интегральная или дифференцирующая сема, которая также называется ядерной, составляет основу значения, наиболее общий смысловой компонент. Разграничительная или дифференциальная сема определяет различие между словами. Ассоциативные или дополнительные семы показывают возможность употребления слова в тех или иных сферах, его активность и употребительность при проведении параллелей. Указанное смысловое строение слов лежит и в основе объединения их в лексико-семантические группы.

Любая лексико-семантическая группа слов является потенциально открытой для пополнения и изменения. Кроме того, лексемы, находящиеся на периферии разных, но близких групп нередко могут перекликаться. Понятно, что являясь частью большой системы языка и представляя собой меньшую, локальную систему, любая лексико-семантическая группа слов передает общий системный характер языка.

Разумеется, в центре системы языка стоит личность. И собственно устройство любой лексико-семантической группы так или иначе (в большей или меньшей степени) соотносится с человеком. Разумеется, есть лексико-семантические группы, в которых «человек» будет архисемой (возьмем, к примеру, группу «профессия»). Однако в силу антропоцентризма, свойственного и языку, и литературе, все лексико-семантические группы существуют для человека, оцениваются, измеряются им. Как справедливо отмечает С.М. Антонова, лексико-семантические группы «играют исключительную роль в когнитивном и языковом моделировании объективной действительности»: «“Интеллект, приплюсованный к предмету” (Р. Барт), “легализация” субъектности, субъективность и даже акцент на субъективной стороне в познании языка делают человеческое измерение в современной методике лингвистических исследований не просто их неизбежным сопутствующим фактором, но знаковым явлением научной эпохи, а модель – формой его существования» [1, с. 8].

Интерес изучения определенной лексико-семантической группы в рамках произведения связан с возможностью исследования психологии автора, изучению языковой личности писателя и его героев, особенностей отбора тех или иных языковых средств и их использования.

Обратимся к роману Л.Н. Толстого «Семейное счастье» и проанализируем представленную в данном произведении лексико-семантическую группу «чувство». Вообще отражение эмоций и чувств в языке очень сложно, оно осуществляется рядом различных способов. В данной статье мы говорим лишь об одном – о прямом назывании чувства.

Прежде чем рассуждать собственно о языковых единицах, оговоримся о жанре данного произведения. В настоящее время многие исследователи называют «Семейное счастье» повестью, но сам писатель называл его романом, что, по нашему мнению, наиболее справедливо. На самом деле, если судить только по объему произведения, «Семейное счастье» можно причислить и к повестям, однако это именно роман, если учитывать глубину чувств и состояний героев, их перемены и оценивать философскую и психологическую глубину произведения.

Лексему, принадлежащую к лексико-семантической группе «чувство» видим мы уже в названии

романа. Счастье – «чувство и состояние полного, высшего удовлетворения» [5, с. 783]. Вряд ли в реалистической литературе можно найти много произведений, в которых столько же упоминаний о чувствах людей, сколько мы их встречаем в романе Л.Н. Толстого. Уже первая страница переносит читателя не в определенную историческую эпоху, погружает его не в какое-то время или пространство, но в область чувств, в которой собственно и развивается все дальнейшее повествование: «Редко кто приезжал к нам; да кто и приезжал, не прибавлял *веселья* и *радости* в нашем доме. <...> В доме еще как будто чувствовалась смерть; *печаль* и *ужас* смерти стояли в воздухе. <...> Потеря матери была для меня сильным *горем*, но должна признаться, что из-за этого *горя* чувствовалось и то, что я молода, хороша... <...> Перед концом зимы это чувство *тоски*, *одиночества* и просто *скуки* увеличилось до такой степени, что я не выходила из комнаты, не открывала фортепьяно и не брала книги в руки» [6, с. 243–244].

В романе нам показана не просто внешняя история становления героини, любви героев, их женитьбы и перерождения любви из страсти и обожания в спокойное уважение. Перед нами история женской души, тонко чувствующей, нежной и ведущей постоянную внутреннюю работу. Примечательно, что Л.Н. Толстому с такой глубиной и силой удалось передать психологию героини. Конечно, в этой истории взаимоотношений мужчины и женщины было много личного, в ней просматриваются оттенки отношений Толстого с Валерией Арсеньевой. Однако, как тонко подметил А.М. Зверев, это и философский, и новый для русской литературы сюжет [3, с. 156].

Изучение лексико-семантической группы «чувство» в романе «Семейное счастье» открывает нам не только способность Толстого понимать женскую психологию, это еще и великолепный пример реализации уникального толстовского метода «диалектики души». И именно полное открытие этого метода дает анализ лексики произведения.

Героиня романа Л.Н. Толстого живет очень богатой эмоциональной жизнью, которая в том числе передается с помощью эмотивных существительных. Большую долю эмотивных существительных составляют «мотивированные слова, различные номинализации, а также отглагольные и отадекватные слова. Меньшая часть – немотивированные слова типа *беда*, *страх*, *печаль*, *страсть*, *мука*, *грусть*» [2, с. 65–66].

Повествование в «Семейном счастье» ведется от лица молодой женщины. С одной стороны, лексемы, передающие чувства, как нельзя лучше выражают ее личность, позволяя нам представить целостный образ. С другой стороны, понятно, что употребление лексем рассматриваемой нами группы и помогает писателю создать мир женщи-

ны, ведь именно для слабого пола так характерны эмоциональные переживания. «Чувство – одна из основных форм переживания своего отношения к предметам и явлениям действительности, эмоциональные переживания, в коих отражается устойчивое отношение индивида к определенным предметам или процессам внешнего мира» [8].

Примечательно, что Толстой много раз употребляет лексему *чувство*, которая собственно и является архисемой в рассматриваемой группе. Повторы данного слова, а также употребление элементов из всего словообразовательного ряда с корнем «чувств-» позволяют писателю сделать акцент на определенной стороне жизни человека, не просто дополняющей логику и рациональные рассуждения, но часто являющейся источником и материалом для размышлений: «Я тогда еще не знала, что это любовь, я думала, что это всегда может быть, что так даром дается это *чувство*»; «А есть *чувство*, так оно выразится»; «Я вслушивалась в каждое слово читаемой молитвы, *чувством* старалась отвечать на него»; «И воспоминания, и надежды, и счастье, и печаль сливались во мне в одно торжественное и приятное *чувство*»; «Мне не того нужно было, мне нужна была борьба; мне нужно было, чтобы *чувство* руководило нами в жизни, а не жизнь руководила *чувством*» [6, с. 257; 262; 268; 279, 288].

Последняя цитата открывает вообще роль чувства в жизни героини. Обратим внимание, что оно толкает Машу и Сергея Михайловича вперед: роман построен так, что именно чувства становятся причинами поступков героев.

В романе «Семейное счастье» множество лексем, которые указывают на психологическое состояние человека: *веселье, радость, печаль, скука, напряженность, восторг, смущение, досада, страх, решимость, спокойствие, волнение, страсть, гнев*.

Кроме того, Маша пытается идти путем совершенствования, в самые лучшие периоды жизни она задумывается о своем образе жизни, о пользе, которую она приносит ближним, поэтому героиня испытывает и немало этических, нравственных переживаний, передаваемых соответствующими лексемами: *любовь, счастье, доброта, искренность, равнодушие, уважение, гордость, преданность, самоотвержение, смирение, нежность, самодовольство, стыд, ожесточение, раскаяние, смелость, восхищение, жалость, презрение*.

В романе одни лексемы, которые передают психологическое состояние, словно обрамляют другие, выражающие морально-нравственные движения души Маши. Очень интересно также, что определенные фрагменты текста романа как бы оказываются окрашенными определенными состояниями и чувствами, что достигается Толстым за счет синтагматической связи лексем и частого

употребления рядом двух, трех соотносимых и дополняющих друг друга слов. Такое сочетание позволяет писателю представить сложное состояние, состоящее из ряда чувств: «И ведь за что я получала такие награды, наполнявшие мое сердце *гордостью и весельем?*»; «Я поняла все *самоотвержение* и *преданность* этого любящего создания...»; «Я ничего не видала и должна была зажмуриться, чтоб оторваться от чувства *наслаждения* и *страха*, которые производил во мне этот взгляд»; «Опять *проницательность, мудрость* и покровительственное *спокойствие* выразились в его взгляде»; «В глазах его плеснуло чувство *оскорбления* и *гнева*» [6, с. 255; 256; 278; 297; 310].

С мастерством опытного психолога и знатока человеческих душ Л.Н. Толстой соотносит эти лексемы: нередко в таких сочетаниях слово, обозначающее настроение, эмоцию дополняется лексемой, обозначающей осмысленное чувство. Не очень часты, но весьма знаковы в художественном тексте словосочетания, построенные на основе управления, в которых мы видим не просто соединение чувств, но их слияние: «*тревога счастья*». Иногда писатель говорит о тех или иных этапах чувств, их пределах: «*беспокойство и начало тоски*», «*граница нежности*».

Данная динамика словосочетаний еще более поддерживает общее движение чувств героини, которая перемещается в романе по знаковому пути любимых толстовских героев: от истины через заблуждения и забвение всего лучшего к новому пониманию жизненных ценностей, которое и торжествует в финале: «...*Старое чувство* стало дорогим, невозвратимым воспоминанием, а *новое чувство* любви к детям и отцу моих детей положило начало другой, но уже совершенно иначе счастливой жизни» [6, с. 320]. Антонимичные определения в сочетании со словом чувство как бы воссоздают в памяти читателя те многочисленные элементы лексико-словообразовательной группы, которые позволяли наиболее точно передать состояние героини.

Нередко название чувства в определенном эпизоде выполняет определенную художественную функцию. Чаще всего, в тексте встречаются знаковые повторы: «... “Разве не было бы для вас *несчастье* соединить свою жизнь с человеком старым, отжившим, который только сидеть хочет...?” <...> “...Но по правде скажите, ведь не о таком муже вы мечтаете, когда по вечерам одни гуляете по аллее; и ведь это было бы *несчастье?*” “Не *несчастье*...” – начала я. “Да мало этого, для меня бы это было величайшее *несчастье*, – прибавил он”» [6, с. 252].

Очень важно, что писатель не дает прямых характеристик поступкам и чувствам героини. Их нередко открывает для читателя система положительных и отрицательных дифференциальных сем.

Толстой показывает, что высшее счастье и самую искреннюю и чуткую любовь испытывает и даже получает в награду человек, мысли которого чисты и не омрачены греховными помыслами. Сочетание лексем «любовь»; «счастье» и «радость» в различных вариациях позволяют нам найти и оценить самые упоительные минуты жизни Маши. В словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой «радость» трактуется как «веселое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения» [5, с. 640].

Л.Н. Толстой заражает одних героев чувствами других: радость влюбленной Маши передается Сергею Михайловичу, а в сцене духовного очищения и добрых порывов Маша пытается распространить свою радость на всех, творит «радость» и наслаждается ею: «Я думала и о радости всего семейства, о словах, которыми они назовут того, кто положил деньги, и мне жалко становилось, что я не сама отдала их. Я думала и о том, что бы сказал Сергей Михайлыч, узнав про этот поступок, и радовалась тому, что никто никогда не узнает его. И такая радость была во мне...» [6, с. 269].

Интересно, что в тексте есть выделенное курсивом словосочетание, описывающее высшее удивительное состояние героя, которое Маша называет «дикий восторг». А одними из самых частотных лексем, обозначающих чувства, являются слова «счастье» и «несчастье», а также «любовь». Именно антонимы «счастье – несчастье» несут основную смысловую нагрузку, связывая все этапы жизни героини.

Таким образом, мы можем говорить об особой значимости лексико-семантической группы «чувство» в романе Л.Н. Толстого «Семейное счастье», позволившей автору создать произведение, наполненное переживаниями и ощущениями. Различные реализации единиц лексико-семантического ряда с положительными и отрицательными коннотациями, их сочетания и знаковые повторы позволили писателю создать поистине новаторское произведение, изнутри высвечивающее женскую душу.

Библиографический список

1. Антонова С.М. Глаголы говорения – динамическая модель языковой картины А72 мира: опыт когнитивной интерпретации: Монография. – Гродно: ГрГУ, 2003. – 519 с.
2. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1989. – 130 с.

3. Зверев А.М., Туниманов В.А. Лев Толстой. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 782 с.

4. Никандрова И.А. О соотношении понятий «Функционально-семантический класс слов» и «лексико-семантическая группа» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2010. – №3. – С. 173–177.

5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Абзуковник, 1999. – 944 с.

6. Толстой Л.Н. Собр. соч. в 12 т. Т. 2. – М.: Правда, 1987. – 528 с.

7. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scicenter.online/frazeologiya-leksikografiya-leksikologiya-scicenter/filin-leksiko-semanticheskikh-gruppah-126116.html> (дата обращения: 17.10.18).

8. Чувство [Электронный ресурс] // Психологический словарь. – Режим доступа: http://www.psychologist.ru/dictionary_of_terms/?id=2846 (дата обращения: 17.10.18).

References

1. Antonova S.M. Glagoly govoreniya – dinamicheskaya model' yazykovoj kartiny A72 mira: opyt kognitivnoj interpretacii: Monografiya. – Grodno: GrGU, 2003. – 519 s.
2. Babenko L.G. Leksicheskie sredstva oboznacheniya ehmocij v russkom yazyke. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 1989. – 130 s.
3. Zverev A.M., Tunimanov V.A. Lev Tolstoj. – M.: Molodaya gvardiya, 2007. – 782 s.
4. Nikandrova I.A. O sootnoshenii ponyatij «Funkcional'no-semanticheskij klass slov» i «leksiko-semanticheskaya grupa» // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. – 2010. – №3. – S. 173–177.
5. Ozhegov S.I., SHvedova N.YU. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. – M.: Abzukovnik, 1999. – 944 s.
6. Tolstoj L.N. Sobr. soch. v 12 t. T. 2. – M.: Pravda, 1987. – 528 s.
7. Filin F.P. O leksiko-semanticheskikh gruppah slov [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://scicenter.online/frazeologiya-leksikografiya-leksikologiya-scicenter/filin-leksiko-semanticheskikh-gruppah-126116.html> (data obrashcheniya: 17.10.18).
8. CHuvstvo [EHlektronnyj resurs] // Psihologicheskij slovar'. – Rezhim dostupa: http://www.psychologist.ru/dictionary_of_terms/?id=2846 (data obrashcheniya: 17.10.18).

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАПИТАНА В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «СНЫ ЧАНГА»

В статье представлены теоретические обобщения научного материала, связанного с понятием «языковая личность». В ходе реконструкции языковой личности мы восстанавливаем мысли через язык писателя, а также воссоздаем духовный облик человека. Автор статьи представляет три уровня организации языковой личности: мотивационный, ментальный, вербально-ассоциативный, рассматривает образ центрального героя рассказа И.А. Бунина «Сны Чанга». Образ капитана, представленный в двух временных пластах, его рассуждения открывают читателю глубинную философию рассказа И.А. Бунина. Для раскрытия языковой личности капитана писатель использует целую систему монологов (или диалогов с собакой), которые проникнуты чувством: капитан ни перед кем не может открыть свое сердце так, как перед Чангом. Языковая личность капитана выражается и через авторские описания его действий, и через слова самого героя.

Ключевые слова: языковая личность, Бунин, текст, монолог, речь героя, образы, философский подтекст.

Предметом нашего исследования является языковая личность героя рассказа И.А. Бунина «Сны Чанга» – хозяина пса, капитана. «Сны Чанга» – это один из самых загадочных и сложных для понимания рассказов писателя, в котором очень емко и полно представлена философия жизни Бунина, переданная через судьбы его героев и восприятие ими окружающего. Примечательно, что позиция автора прямо не выражена в рассказе, о ней читатель лишь догадывается, сопоставляя истории жизни героев и их мышления.

Перед читателем предстает драма, даже трагедия капитана. И видя полюсы бытия этого человека, узнавая его рассуждения и чувства, читатель приближается к осмыслению противоречивости жизни и удивительности ее событий. Композиция рассказа очень интересна: автор чередует различные сцены из прошлого и настоящего Чанга – собаки капитана, которая после его смерти обретает нового хозяина.

Размышления Чанга и его воспоминания, соотносимые и контрастирующие с воспоминаниями и мыслями капитана, помогают читателю приблизиться и к третьей правде – «правде последнего Хозяина» [1, с. 564]. Однако нам в данном случае интересен не глубокий философский смысл повести сам по себе, но языковая личность капитана и особенности ее создания писателем. «Как отдельную проблему можно выделить принцип отбора автором языкового материала для моделирования языковой личности литературного героя», – отмечает Г.Г. Хисамова [5, с. 774].

Постараемся проследить особенности воплощения данной языковой личности в тексте. Очень важно, что именно перед собакой, наедине с ней, капитан оказывается откровенен. В разговоре с Чангом он размышляет о людях и судьбах, абстрагируясь от окружающего. Как отмечает И.А. Никандрова, «подход к персонажу как к языковой личности предполагает, в конечном итоге, воссоздание его целостного духовного облика» [4, с. 17].

Обратимся непосредственно к понятию «языковая личность», опишем его структуру и постараемся отметить важнейшие элементы в формировании языковой личности капитана.

Термин «языковая личность» был впервые употреблен В.В. Виноградовым в книге «О языке художественной прозы». Он активно вошел в научный обиход в конце 1980-х годов, после выхода книги Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность». С этого времени языковая личность рассматривается и обобщенно, и в рамках творчества разных писателей. В 2003 году появилась работа Л.А. Шестак «Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса», в которой языковая личность рассматривается с точки зрения современных лингвистических концепций.

Языковой личностью, homo loquens, в лингвистике считается человек, способный к моделированию языковых единиц, к осознанию структуры и закономерностей высказывания, к творческому использованию языковых единиц с целью выражения индивидуально-авторского восприятия мира, моделирования различных миров, к рефлексии над механизмом языка (образные художественные описания, языковая игра и др.) [3, с. 36; 6, с. 12].

Языковой личностью называется носитель языка, охарактеризованный на основе анализа созданных им текстов:

а) как личность и автор высказываний, наделенный определенным характером, принадлежащий к социальной группе, имеющий свои интересы, предпочтения, неповторимый взгляд на мир;

б) как носитель языка данной языковой общности;

в) как сознательный человек, пользующийся языком – знаковой системой, служащей для целей коммуникации и способной выразить всю совокупность знаний и представлений человека о мире.

Ю.Н. Караулов в книге «Русский язык и языковая личность» указывает на два основных тезиса исследований, посвященных проблеме языковой личности. Первый: «нельзя познать сам по себе

язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности». Второй: существует необходимость введения в анализ «вполне определенного национального языка вместе с историко-, этно-, социо- и психолингвистическими особенностями его носителей» [3, с. 8]. Исследователь считает необходимым говорить именно о русской языковой личности.

Ю.Н. Караулов считает, что подойти к проблеме изучения языковой личности возможно с помощью трех путей:

1. От психологии языка и речи (психолингвистический путь) – его приверженцем был И.А. Бодуэн де Кутренэ, рассматривавший язык литературного произведения с точки зрения языкового мировоззрения коллектива;

2. От закономерностей научения языку (лингводидактический путь);

3. От художественной литературы (новатором в этом направлении был В.В. Виноградов, в работах которого наметилось последующее разграничение «образа автора» и художественного образа как языковой личности).

Языковая личность обладает языковым и практическим опытом, определенным набором лексических единиц, индивидуальными предпочтениями.

Уровнями организации языковой личности являются следующие:

1. Мотивационный – обусловлен психологией и языком субъекта, определяет целеполагание предпринимающего речевой акт, выбор языковых средств, их авторскую обработку, формирование индивидуальной модели языковой формы выражения мысли. Мотивационный уровень обусловлен сознательным (рациональным) и бессознательным способом познания действительности, совмещает личное (индивидуальное), национальное и общечеловеческое.

2. Ментальный уровень – это ментальное представление о мире, картина мира. Его организуют символы, образы, картины, схемы действий.

3. Вербально-ассоциативный уровень – на нем происходит фиксация эмоций и ассоциаций, производится осмысление мира.

Три уровня структуры языковой личности могут быть представлены и так:

1. Вербально-грамматический уровень. В него входят такие понятия, как слово, словоформа, синоним, антоним, словосочетание, предложение.

2. Когнитивный уровень. Соответствующие понятия: фразеологизм, метафора, каламбур и др.

3. Прагматический уровень отражает цель говорящего, его активную позицию, его видение мира. К этому уровню относятся понятия: ключевые слова, авторская оценка и др.

Автор выбирает объекты изображения и форму рассказа о них, художественные детали, принципы,

содержание и методы изображения, отношения, связующие разрозненные элементы в одно целое.

Терминологическое многообразие, существующее в лингвистической науке по этому вопросу, связано с историей изучения языковой личности. И.А. Никандрова отмечает, что «комплексный анализ всех уровней языковой личности дает представление о мировоззрении человека, так как мировоззрение – это результат соединения когнитивного уровня с прагматическим, результат взаимодействия системы ценностей личности, картины мира с ее жизненными ценностями, целями, поведенческими мотивами, установками, проявляющимися, в частности, в порождаемых ею текстах» [4, с. 17].

Любой язык антропоцентричен по своей природе, поэтому так важен в литературе образ человека, его языковая личность. Антропоцентричность русского языка, языка русской классической литературы имеет свои особенности. Она не только наделена гуманистическим пафосом, исходит от личности и возвращается к ней. Отсутствие идеализации смертного человека, мысль о необходимости спасения через путь любви и добра придает русскому антропоцентризму своеобразный характер. Поэтому русские писатели еще более сосредотачивают взгляд на человеке, но не для того, чтобы превознести его, а для того, чтобы понять и рассказать нам о нем, а чаще всего – показать нам эту говорящую и думающую личность со стороны. Примечательно, что языковая личность, по Ю.Н. Караулову, – это углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще [3, с. 38].

Для раскрытия языковой личности капитана Бунин использует целую систему монологов, которые, как мы уже сказали, особенно проникнуты чувством: взрослый человек, первый человек на судне, капитан ни перед кем не может открыть свое сердце так, как перед псом. А позднее, забытый, в одиночестве он изливает псу душу как своему единственному и верному другу. «И если в прошлом, в перерывах между плаваниями, капитан в полной мере был счастлив, а потом с той же силой страдал, то сейчас, в отрешении от страстей, он пытается подвести некий итог ушедшему. И находит его не в счастье любви и не в горечи, вызванной изменой любимой, но в удивлении чуду жизни, неисповедимости ее путей. Это чувство заставляет героя бунинского рассказа не только восхититься огромности бытия, но и с покорностью принять мир таким, как он есть, подчиниться ему», – пишет И.С. Жемчужный [2, с. 69].

Языковая личность капитана выражается и через авторские описания его действий, и через слова самого героя, который, как замечает Чанг, «очень любил поговорить» [1, с. 555]. Первый монолог капитана полностью пронизан светом и ощущением счастья: «Я, Чанг, все-таки ужасно счастливый

человек, такой счастливый, что ты даже и представить себе не можешь...» [1, с. 555]. Обращаясь к псу и называя его ласково «братец», капитан рассказывает собаке о своей семье, о том, как сильно он любит жену и дочь. Благодаря внутренним монологам этого времени жизни капитана мы узнаем, что в его сердце живет настолько огромная любовь, что разумом он опасается этой степени обожания близких. Испытывая «ужасное счастье», капитан чувствует, что подвох кроется в его же любви, поскольку весь огромный мир для капитана существует только в образе жены и дочери.

Бунин показывает нам чуткость натуры капитана: и себе, и псу он задает ряд риторических вопросов («Да и вообще, следует ли кого-нибудь любить так сильно?») [1, с. 556], которые вкупе с рассуждениями о человеческом пути становятся предвестниками большой беды.

Похлебка из сладкого молока и хлеба сменяется для Чанга на посудину с вином, успешная жизнь капитана, полного надежд и планов, разбивается от измены самых дорогих людей, сменяется на жалкое существование в Одессе.

Бунин представляет нам капитана как необыкновенно широкую личность, человека, которому под силу объять весь свет. Нельзя не заметить в данном случае ироничного отношения автора, который говорит о том, что это состояние охватывания всего мира возможно для капитана при особом условии: «... и потому еще, что и тогда уже пахло вином от него» [1, с. 560]; «и поминутно угощает вином то себя, то собеседника, то Чанга» [1, с. 558]. И так, под воздействием спиртного, в двух крайностях своего существования капитан испытывает полярные чувства, но он словно обнимает всю жизнь и радости, и в горе: «Капитан, глядя на темное пламя заката, сидел с раскрытой головою, с колеблющимися от ветра волосами, и лицо его было задумчиво, гордо и грустно, и чувствовалось, что все-таки он счастлив, и что не только весь этот бегущий по его воле пароход, но и целый мир в его власти...» [1, с. 560]; «Друг мой, я видел весь земной шар – жизнь везде такова! <...> Жизнь – скучный, зимний день в грязном кабаке, не более...» [1, с. 558].

Благодаря диалогам капитана с Чангом становится понятно, что капитан – это человек, способный на большое чувство, точнее, испытывающий его; это человек, любовь которого преображает для него все окружающее. Разгадка несчастья жизни капитана в рассказе лежит на поверхности: если он любит беззаветно, то его жена «томится какой-то печальной жадной любовью» [1, с. 561].

Капитан чрезвычайно эмоционален, и в его горестном восклицании «У-у!», которое предшествует рассказу о начале семейной драмы, и в его жестах и движениях (он то дает Чангу пощечину за то, что тот встает лапами на карту, то мотает головой, вспоминая о жене, то машет рукой, не в си-

лах продолжать рассказ о драматических для него воспоминаниях) видна порывистость, открытость и честность этой натуры.

Внимательный читатель рассказа видит, что Чанг и капитан в лучшие годы своей жизни очень похожи: полны сил, неотразимы и готовы на многое: «Чанг так радостно рванулся вперед, что капитан на лету подхватил его, чмокнул в голову и, повернув назад, в три прыжка выскочил, на руках с ним, на спардек, на верхнюю палубу, а оттуда еще выше...» [1, с. 554].

Реконструкция языковой личности – это не только восстановление мыслей через язык писателя, но это и воссоздание духовного облика человека, воздействующего на читателя. Жажущая любви личность не оцененного домашними, одинокого капитана открывает читателю и понимание всего рассказа: высшая правда, по мнению Бунина, заключается в любви и способности понимать и чувствовать человека. И в художественном мире рассказа Бунина залог дружбы собаки и капитана, а потом собаки и художника оказывается в искреннем чувстве, возникающем между этими живыми существами: «И, коснувшись задрожавшей рукой головы Чанга, наклоняется еще ниже – и глаза их, полные слез, встречаются в такой любви друг к другу, что все существо Чанга беззвучно кричит всему миру: ах, нет, нет – есть на земле еще какая-то, мне неведомая, третья правда!» [1, с. 564].

Речь капитана и в молодости, и в старости одинаково патетична, правильна и красива. Она в меру выразительна и образна: свою изменившую ему жену, вернувшуюся с бала, капитан сравнивает с поблекшей розой, а бессердечных и лживых людей с морскими тварями, якобы следующими сокровенным велениям Тао. Перед нами не просто очень образованный человек, но тот, кому ведомо чувство меры, капитан владеет словом, вооружен мудростью как царь Соломон, чьи слова он пару раз цитирует. И в описании капитаном сложного морского пути через рифы, рядом с островами, и в рассказе о Тао, бездне-праматери, и в обвинении равнодушного и пошлого мира («Все это ложь и вздор, чем будто бы живут люди: нет у них ни бога, ни совести, ни разумной цели существования, ни любви, ни дружбы, ни честности, – нет даже простой жалости» [1, с. 558]) мы видим наиболее меткие и нужные слова.

Описание языковой личности не будет полным без портретных характеристик. Образ капитана в молодости складывается для читателя из разрозненных деталей, которые, собираясь воедино, представляют нам стройного и красивого человека: «размытого и выбритого, благоухающего свежестью одеколona, с поднятыми по-немецки русыми усами, с сияющим взглядом зорких, светлых глаз, во всем тугом и белоснежном» [1, с. 554]. Образ старого, уставшего, разочарованного капи-

тана предстает перед нами уже не в виде портрета, мы представляем его по описанию образа жизни и привычек, вещей и помещений: «чуть не до полу продавленная кровать», жидкая нечистая подушка, разбитые башмаки, пьет прямо из горлышка, отдувается в усы [1, с. 553].

Таким образом, описание языковой личности главного героя рассказа И.А. Бунина «Сны Чанга» позволяет нам понять причины его трагедии, раскрыть философию счастья, уловить мысль писателя о необходимости для человека близких людей, которые всегда могут быть рядом, соединяя с ним свое земное существование. Восприятие мира капитаном осваивается на его индивидуальном жизненном опыте, на личном восприятии мира: писатель подводит нас к мысли о двойственности жизни, о парадоксальной сущности человека.

Библиографический список

1. Бунин И.А. Собр. соч. в 4 тт. Т. 2. – М.: Правда, 1988. – 592 с.
2. Жемчужный И.С. «Сны Чанга» И. Бунина: текст и подтекст // Культура и текст. – 1997. – №1. – С. 69–73.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / отв. ред. Д.Н. Шмелев; АН СССР. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
4. Никандрова И.А. Языковая личность персонажа: лингвистический аспект исследования //

Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2010. – №2. – С.15–19.

5. Хисамова Г.Г. Персонаж художественного текста как языковая личность // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – №4. – С. 774–777.

6. Шестак Л.А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса. – Волгоград, Перемена, 2003. – 311 с.

References

1. Bunin I.A. Sobr. soch. v 4 tt. T. 2. – M.: Pravda, 1988. – 592 s.
2. ZHemchuzhnyj I.S. «Sny CHanga» I. Bunina: tekst i podtekst // Kul'tura i tekst. – 1997. – №1. – S. 69–73.
3. Karaulov YU.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' / Otv. red. D. N. SHmelev; AN SSSR. – M.: Nauka, 1987. – 261 s.
4. Nikandrova I.A. YAzykovaya lichnost' personazha: lingvisticheskij aspekt issledovaniya // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. – 2010. – №2. – S.15–19.
5. Hisamova G.G. Personazhkhudozhestvennogoteksta kak yazykovaya lichnost' // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2010. – №4. – S. 774–777.
6. SHestak L.A. Russkaya yazykovaya lichnost': kody obraznoj verbalizacii tezaurusa. – Volgograd, Premena, 2003. – 311 s.

ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИОННО-РЕЧЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
СБОРНИКА РАССКАЗОВ М.А. БУЛГАКОВА «ЗАПИСКИ ЮНОГО ВРАЧА»

В статье анализируются принципы и приемы речевой организации сборника рассказов М.А. Булгакова «Записки юного врача». Автор статьи доказывает, что в сборнике рассказов Булгакова не просто присутствуют несколько точек зрения, но поддаются соотносению различные позиции одного и того же персонажа. А речевая организация книги напрямую связана с внутренним миром главного героя – молодого врача – и той ситуацией, в которой он оказывается. В статье показывается, что в книге Булгакова дана почти хроника событий, в которой кроме собственно речи героя, подразделяемой на произносимое вслух и произносимое про себя, мы видим примыкающие к речи повествователя, но все-таки выделяемые отдельно монологи «абстрактных субъектов», а также голос народа и диалоги верных помощников доктора. Вся эта система голосов поддерживается смысловыми скрепами и языковыми средствами, до мельчайших тонкостей продуманными Булгаковым.

Ключевые слова: Булгаков, рассказ, композиционно-речевая организация, план повествования, точка зрения.

Художественный текст предстает перед читателем как целостная, замкнутая структура, в основе которой лежит авторский замысел. Именно образ автора оказывается наиболее значимым для соотносения различных словесных пластов или рядов текста. Автор и его наличие в тексте дают нам возможность развернуть художественный текст, постигнуть его.

Несмотря на то, что все речевые пласты подчинены автору произведения, речевое многоголосие произведения существует как бы отдельно, именно оно организует смену субъективных планов повествования. И в итоге читатель, воссоздающий художественный мир, как бы соотносит позицию автора, позицию рассказчика или повествователя, позицию разных героев и открывает внутренний смысл текста.

Именно поэтому в плане композиционно-речевой организации наиболее интересным является произведение, в котором не просто присутствуют несколько точек зрения, но поддаются соотносению различные позиции одного и того же героя, выраженные им в разное время, в разном возрасте, в определенных состояниях духа. Выделяя пять аспектов пересечения всех скрытых смыслов текста, Н.А. Николина говорит о значимости субъективной организации текста и структуры повествования [5, с. 6].

В данной статье мы обратимся к сборнику рассказов М.А. Булгакова «Записки юного врача» и попытаемся представить целостную картину речевой организации сборника, которая поддерживает и во многом организует и его архитектуру.

Для начала отметим, что в отличие от романов М.А. Булгакова, которым посвящено множество научных трудов литературоведов и лингвистов, ранний сборник писателя «Записки юного врача» изучен гораздо хуже. Между тем, многочисленные творческие опыты М.А. Булгакова видны уже в рассказах этого сборника, в этих ранних произведениях писатель выступил как знаток челове-

ческих душ, а при этом тонкий аналитик, выявляющий малейшие причины и поводы, могущие повернуть решения человека.

Искренность «Записок юного врача», которую читатель улавливает с первых строк, связана с отличным знанием автором тех лиц, предметов, состояний, форм поведения и той обстановки, которую он описывает. Сборник вышел в 1925–1926 годах, он во многом был создан по следам впечатлений самого Булгакова, которому, как и его герою, пришлось поработать в молодости в сельской больнице: в середине сентября 1916 года Булгаков получил назначение в глухое и дальнее село Смоленской губернии – в село Никольское Сычевского уезда [2].

Речевая организация сборника «Записки юного врача» напрямую связана с внутренним миром главного героя и той ситуацией, в которой он оказывается. Молодой врач, совсем недавно окончивший столичный университет, приезжает в деревенскую глушь, где ему в одиночку приходится бороться с болезнями, неграмотностью и упрямством местных жителей. Несмотря на то, что у доктора есть более опытные помощники (две акушерки и фельдшер), вся тяжесть операций и вся ответственность за людские жизни ложится на плечи врача, что очень хорошо чувствует читатель.

Оказавшись в одиночестве перед множеством конкретных проблем, молодой врач начинает размышлять о своем предназначении, о своих способностях. От рассказа к рассказу автор показывает нам новые битвы этого человека за жизни людей. «Понятно, что подобные обстоятельства волей-неволей активизируют саморефлексию. Герой, обдумывая свое положение, действительно испытывает острое противоборство чувств и мыслей, выдвигая аргументы и одновременно опровергая их», – отмечает В.В. Компанеев [4, с. 122].

Примечательно, что вот эти разные позиции героя становятся в рассказах различными точками зрения, иногда даже полярными, которые и создают особый интерес и колорит рассказов:

«– Ну, как хотите, – глухо добавил я и подумал: “Ну вот и все! Мне легче. Я сказал, предложил, вон у акушерок изумленные глаза. Они отказались и я спасен.” И только что подумал, как другой кто-то за меня чужим голосом вымолвил:

– Что вы, с ума сошли? Как это так не согласны? Губите девочку. Соглашайтесь. Как вам не жаль?» [1, с. 490].

Примечательно, что писатель намеренно разводит эти два голоса героя: голос разума опасющегося человека и голос чувства и сознания того, кто приехал в эту глухую деревню помогать людям. Не случайно молодой врач много раз оговаривается о какой-то силе, побуждающей его поступать и говорить не так, как он думал в самом начале: «Гипс давайте, – силло отозвался я, толкаемый неизвестной силой» [1, с. 483].

Повествование в рассказах ведется в целом от первого лица, собственно все произошедшее в прошлом, происходящее и планы на будущее читатель видит с точки зрения юного врача. Однако ярко проявляется в цикле рассказов и позиция автора, выраженная в том числе благодаря ироничному отношению к своему герою. Образные и метафоричные названия рассказов, действия юного, но талантливого врача, часто неуверенного в себе, наконец, постоянные столкновения голосов героя вызывают у читателя усмешку. Более того, Булгаков строит повествование таким образом, что читатель видит как бы диалог позиций, нередко сопровождаемый даже риторическими вопросами, вовлекающими и читателя в спор:

«Молчи, – сказал я голосу, – не обязательно грыжа. Что за неврастения? Взялся за гуж, не говори, что не дюж».

«Назвался груздем, полезай в кузов», – ехидно отозвался голос [1, с. 478].

Антонимичные в данном контексте фразеологические единицы не только передают ироническое отношение автора к герою, но и создают особую занимательность рассказов: второй голос героя не просто возражает, он возражает логично, противоречит, причем реплики для этих антитез выбираются в соответствии с утверждениями первого голоса.

Как справедливо отмечает И.А. Обухова, «смеховой компонент есть в названии цикла “Записки юного врача”, где указание в заглавии на возраст героя не только раскрывает идею произведения – духовный и профессиональный рост молодого доктора, но и определяет смеховой образ выпускника медицинского факультета, которому его “юный вид отравлял существование”» [6, с. 198–199].

В «Записках юного врача» перед нами предстает почти дневник доктора, хроника событий. И, конечно же, в речь самого врача неоднократно вкрапляются другие голоса. Кроме собственно речи героя, которая подразделяется на произносимое

вслух, произносимое про себя, а также воспоминания-цитаты, в цикле рассказов мы видим примыкающие к речи повествователя, но все-таки выделяемые отдельно монологи «абстрактных субъектов», голосов. Примером может служить реплика усталости, которая выступает в одном из отрывков повествования как говорящий субъект, вырастающий из внутреннего голоса героя: «А усталость напела: “Ложись ты спать, злосчастный эскулап. Выспишься, а утром будет видно. Успокойся, юный неврастеник. Гляди – тьма за окнами покойна, спят стынущие поля, нет никакой грыжи...”» [1, с. 479].

Внутренняя речь самого героя изобилует семантико-синтаксическими повторами, параллельными синтаксическими конструкциями. Почти во всех рассказах цикла встречается прием диалогизации монолога, в ходе которого речь героя прерывается вопросами, на которые он сам потом и отвечает. Причем эти вопросы часто имеют очень общий характер, они выводят читателя к рассуждениям не о конкретной ситуации, а к размышлениям о сложности и ответственности жизненного выбора.

Важнейшим компонентом речевой организации являются также диалоги героев, причем в рассказах мы видим четкую дифференциацию речи персонажей. Реплики доктора, обращенные к своим помощникам и соратникам, очень не похожи на его внутренний голос, они четки и предельно конкретны: «Камфары»; «Попрошу камфары...»; «Камфары еще»; «Готовьте ампутацию»; «Гипс давайте»; «Стерилизуйте немедленно нож, ножницы, крючки, зонд» и др. [1, с. 481–482, 490]. Категоричность и емкость формулировок, иногда даже приказов врача, позволяет читателю оценить собранность и решительность этого героя.

А при описании окружающего мира и пациентов речь врача образна и пестрит деталями. Красоту умирающей девушки с раздробленными ногами врач описывает, упоминая лишь о волосах, гигантской косе и употребляя почти медицинское сравнение: «На белом лице у нее, как гипсовая, неподвижная, потухала действительно редкостная красота» [1, с. 480]. Примечателен в данном случае повтор лексемы «потухает»: сначала врач видит, как потухает девичья красота, а потом задумывается и над тем, как потухает человек: «Вот как потухает изорванный человек» [1, с. 481].

Юный доктор испытывает на себе все тяготы: и днем, и ночью, в любую погоду он спешит к больным. Показательно, что в «Записках юного врача» очень мало сравнений: достаточно метафор, олицетворений, эпитетов, а вот сравнений всего несколько на всю книгу. Это связано, конечно, с тем, что основная речь, которую воспринимает читатель, это речь юного врача, который пока только осваивает новый для него мир. Но одно из самых знаковых сравнений в книге – это сопоставление, в котором доктор говорит о себе: «Несет меня вьюга,

как листок» [1, с. 513]. Это сравнение реализуется в книге как в прямом смысле: во время вьюги заплутали в поле доктор и возница, а потом с трудом добрались до Мурьевкой больницы, так и в переносном: доктор на самом деле не принадлежит сам себе, его жизнь и судьба отдана на благо других. Еще одно показательное сравнение мы слышим из уст доктора: «Правая моя рука лежала на стетоскопе, как на револьвере» [1, с. 523]. На самом деле, вся история доктора, вся хроника его жизни и работы в Мурьевкой больнице показывают, что этот юный врач бросает вызов не только невежеству крестьян, это мелочи по сравнению с тем, что он бросает вызов болезням и самой смерти. Так, Аксинья спрашивает у доктора при его возвращении из Шалометьева: «Померла? Не отстояли?» [1, с. 516]. Последний глагол иллюстрирует нам всю сложность и ответственность борьбы, проводимой молодым врачом, оружием которого являются по сути дела медицинские инструменты.

Указанное сравнение в художественном мире книги расширяется. Герою снится сон, который выводит ход борьбы на поистине эпический уровень: «Потянулась пеленою тьма египетская... и в ней будто бы я... не то с мечом, не то со стетоскопом. Иду... борюсь... В глуши. Но не один. А идет моя рать: Демьян Лукич, Анна Николаевна, Пелагея Ивановна» [1, с. 526].

Образ борьбы с медленной смертью, с «дурной болезнью» видим мы и в рассказе «Звездная сыпь». И в финале цикла возмужавший врач думает об окончании срока пребывания в Мурьевской больнице, но знает, что его борьба не окончена, что она продолжится и далее, в другое время и в другом месте.

Можно с уверенностью сказать, что в рассказе разворачивается все богатство смыслов концепта «борьба», неизменно связанного и переплетающегося с концептом «жизнь». «Концепт “борьба” в русском сознании можно представить как столкновение двух (нескольких) субъектов, каждый из которых стремится (преодолеть (уничтожить, устранить) другого, чтобы достичь победы или, в крайнем случае, пойти на компромисс и заключить мир. Поражение русским сознанием не принимается, так как равносильно смерти (физической или духовной)», – отмечает В.Я. Тихонова [7]. Примечательно, что при описании вьюги, в то время, как сам герой оказывается во власти большей силы, ему приходят мысли о смерти: ему представляется, что в столичной газете напечатают известие о гибели врача и его спутников, исполнивших свой долг. И эти мысли, и описание смерти младенца, которую словно предчувствует доктор, которую навеивает сама природа, предваряются знаковым описанием с рядом знаковых эпитетов, отсылающих нас к образу нечистой силы, чего-то темного и страшного, двумя сравнениями, олицетворением образа вьюги, рядом однородных чле-

нов – глаголов действия и троекратным повтором действующих лиц бешеной скачки: «И мы с Пелагеей Ивановной уехали в страшную даль, закутанные в бараньи тулупы, пронеслись, как черный призрак, состоящий из коней, кучера и нас, сквозь взбесившийся белый океан. Вьюга свистела, как ведьма, выла, плевалась, хохотала, все к черту исчезло, и я испытывал знакомое похолодание где-то в области солнечного сплетения при мысли, что собьемся мы с пути в этой сатанинской вертящейся мгле и пропадем за ночь все: и Пелагея Ивановна, и кучер, и лошади, и я» [1, с. 530].

Интересно, что несколько раз во всей книге в описании героя мы видим определение зачарованный: «Помню, я пересек двор, шел на керосиновый фонарь у подъезда больницы, как зачарованный смотрел, как он мигает» [1, с. 487]; «Мы долго у огня сидели за чаем, и я слушал как зачарованный» [1, с. 522]. «Зачаровывать» в словаре В.И. Даля толкуется как «заколдовывать, зачаривать, заговаривать» [1, с. 662]. Не случайно врач употребляет данную лексему: мы видим, что сам доктор, сторонник точности и научности, оказывается обыкновенным человеком, косвенно причастным к сказочным силам и магии слова.

Речь помощников доктора представлена в каждом рассказе рядом реплик и замечаний. И Пелагея Ивановна, и Аксинья, и фельдшер иногда в самое ответственное время отступают на второй план, нередко перенимая недоверчивый и сомневающийся тон доктора: «Зачем, доктор? Не мучайте. Зачем еще колоть? Сейчас отойдет... Не спасете» [1, с. 481]. Однако эти люди – единомышленники врача, его верные соратники, не случайно в сцене описания медицинских анекдотов из жизни крестьян они называют друг друга «коллегами», общаясь на равных.

Особые пласт всех рассказов составляют реплики пациентов. Все реплики крестьян и крестьянок сливаются в цикле рассказов в единое целое, представляя нам непросвещенную народную массу. Как правило, пациенты обращаются к врачу с преклонением или, наоборот, с равнодушием или даже резкостью. Такое противоречивое отношение определяется собственно функцией доктора и состоянием пациента. Резкость обусловлена полным непониманием народом ситуации, в которой оказывается больной: «Что ты! Не давай резать! Что ты? Горло-то?!» [1, с. 489]. Речь крестьян в случае трепетного обращения к врачу насыщена обращениями, повторами, эмоционально окрашена: «Господин доктор... что хотите... денег дам... Деньги берите, какие хотите. Какие хотите. Продукты будем доставлять... Только чтоб не померла. Только чтоб не померла. Калекой останется – пуцай. Пуцай! – кричал он в потолок» [1, с. 480]. Крестьяне, осознающие, что все зависит от врача, употребляют ласковые и даже заискивающие обращения: «голубчик мой... доктор»; «батюшка милый».

Примечательно, что многие диалоги доктора и пациентов сопровождается своеобразная языковая игра. И тут автор использует как бы прием зеркального отражения: поведение доктора определяется репликами и действиями пациента. Нередко за короткий промежуток времени врач испытывает множество сменяющих друг друга чувств, которые в художественном тексте передаются яркими эпитетами и описаниями знаковых действий.

В рассказе «Тьма египетская» к молодому врачу приходит женщина, которой день назад был назначен прием белладонны. Врач обнаруживает, что пузырек от лекарства пуст. В страхе он спрашивает: «Ты... ты... все приняла вчера?» [1, с. 518]. Для описания голоса доктора автор использует эпитет «дикий». И вот на этот вопрос «диким» голосом, бабочка отвечает голосом «сдобным». Но этот звук сдобного голоса не успокаивает врача, он далее спрашивает «задушенным голоском» [1, с. 518]. Анекдотичность ситуации умело подчеркивается повествователем просторечными глаголами: врач, вызывая фельдшера, «завопил», фельдшер «вынырнул» из аптечного коридора. Также общий юмористически-иронический колорит всей сцены поддерживается благодаря наименованиям, которые даются друг другу героями: врач называет бабу «бабочкой», а та именуется фельдшера «фершалом». Интересно в данном случае и использование фразеологизма «втирать очки», который употребляется в контексте двукратного упоминания глаз женщины. «Я охватил руками румяные щеки и стал всматриваться в зрачки. Но зрачки были как зрачки. Довольно красивые, совершенно нормальные» [1, с. 518]. «Бабочка, ты нам очков не втирай, – сурово, искривив рот, говорил Демьян Лукич. <...> Баба возвела свои нормальные зрачки на чисто выбеленный полоток и перекрестилась» [1, с. 519]. Семантика фразеологизма «втирать очки», разумеется, никаким образом не соотносится с глазами, она связана с обманом в ходе карточной игры. Однако на фоне омонимов «очки» и общей ситуации обмана, непонимания, а также в свете неграмотности бабы такое употребление фразеологизма добавляет ситуации двусмысленности и анекдотичности.

Таким образом, одной из главных особенностей сборника «Записки юного врача» М.А. Булгакова является столкновение точек зрения не только разных персонажей, но и убеждений и мнений главного героя. Глубинный психологизм рассказов и всего сборника складывается благодаря причудливому соотношению различных звучащих голосов, уни-

кальность и особенность которых поддерживается системой языковых средств всего цикла рассказов.

Библиографический список

1. Булгаков М.А. Белая гвардия. Жизнь господина де Мольера. Рассказы. – М.: Правда, 1989. – 576 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб.: Диамант, 1996. – 700 с.
3. Доктор Булгаков – биография писателя и врача [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://medimir.ru/istoriya-mediciny/doktor-bulgakov-biografiya-pisatelya-i-vracha> (дата обращения: 15.09.18)
4. Компанец В.В. Pro et contra психологизма: «Записки юного врача» М.А. Булгакова // Известия волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – №5. – С. 121–125.
5. Николкина Н.А. Филологический анализ текста. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.
6. Обухова И.А. «Смеховое слово» в «Записках юного врача» и «Необыкновенных приключениях доктора» М.А. Булгакова // Симбирский научный вестник. – 2011. – №2. – С. 198–202.
7. Тихонова В.Я. Концепт «борьба» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Новосибирск, 2005. – 28 с.

References

1. Bulgakov M.A. Belaya gvardiya. Zhizn' gospodina de Mol'era. Rasskazy. – M.: Pravda, 1989. – 576 s.
2. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. – SPb.: Diamant, 1996. – 700 s.
3. Doktor Bulgakov – biografiya pisatelya i vracha [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://medimir.ru/istoriya-mediciny/doktor-bulgakov-biografiya-pisatelya-i-vracha> (data obrashcheniya: 15.09.18)
4. Kompanec V.V. Pro et contra psihologizma: «Zapiski yunogo vracha» M.A. Bulgakova // Izvestiya volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2014. – №5. – S. 121–125.
5. Nikolina N.A. Filologicheskij analiz teksta. – M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2003. – 256 s.
6. Obuhova I.A. «Smekhovoe slovo» v «Zapiskah yunogo vracha» i «Neobykvennyh priklyucheniyah doktora» M.A. Bulgakova // Simbirskij nauchnyj vestnik. – 2011. – №2. – S. 198–202.
7. Tihonova V.YA. Koncept «bor'ba» v russkoj yazykovej kartine mira: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk. – Novosibirsk, 2005. – 28 s.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАИМЕНОВАНИЙ ЗЕМЛИ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЕ «БЕОВУЛЬФ»

В статье представлен анализ перевода наименований земли в древнеанглийской поэме «Беовульф» на русский язык (перевод В.Г. Тихомирова). Представления о пространстве, частью которых являются представления о земле, являются концептуально значимыми в картине мира любого народа, что отражается в богатстве и семантической сложности пространственной лексики в памятниках древнеанглийской поэзии. В статье описываются семантические особенности древнеанглийских наименований земли и дается краткая характеристика ключевых черт древнеанглийской аллитерационной поэзии. Отдельно рассматривается такая особенность стиля древнеанглийской поэзии, как синонимия. Приводятся точки зрения отечественных исследователей на трудности передачи специфики древнеанглийской поэзии в переводе на русский язык. Далее следует развернутый анализ лексических средств русского языка, использованных В.Г. Тихомировым для перевода древнеанглийских лексем-наименований земли, и делается вывод об успешности примененного подхода.

Ключевые слова: перевод, стиль, синонимия, аллитерация, контекстуальный анализ, древнеанглийская поэзия, наименования земли.

Древнеанглийская поэзия давно уже признана уникальным культурным явлением, и ей посвящено немало работ зарубежных и отечественных исследователей. Древнеанглийская аллитерационная поэзия представлена несколькими десятками памятников, которые сохранились в рукописях, созданных в десятом веке в Уэссексе. Древнеанглийская поэзия укоренена в устной традиции, но в то же время тесно связана с культурой и историей своего времени. Представления, которые восходят к «эпохе великого переселения народов», переплетаются с идеями и символами, характерными для средневековой христианской культуры. Несмотря на многообразие тем и сюжетов, в древнеанглийских поэтических произведениях присутствуют единые стилистические приемы и принципы стихосложения, которые берут свое начало в устно-эпической континентальной германской традиции. Яркие особенности древнеанглийской поэтической формы включают аллитерацию, эпическую вариацию, формульные выражения, богатые синонимические ряды, сложные слова и перифразы.

Многие исследователи отмечают лексическое богатство древнеанглийской поэзии. О.А. Смирницкая подчеркивает, что главной частью этого богатого словаря выступали имена. Такое большое количество имен позволяло поэту, с одной стороны, описывать эпический мир во всем его многообразии и богатстве и, с другой стороны, справляться с требованиями аллитерационного стиха. Таким образом, ключевые понятия эпического мира (битва, воин, море, корабль и др.) получали большое количество синонимических наименований [7, с. 45]. Н.Ю. Гвоздецкая отмечает такую особенность древнеанглийского поэтического языка, как высокая степень развития лексической синонимии и многозначности в аллитерационной поэзии, которым нет равных в общенародном язы-

ке. По мнению исследователя, цель поэтической синонимии – «не в умножении звуковых оболочек для единого содержания, но в его детальной смысловой дифференциации, ибо в силу мотивированности языкового знака всякое различие звучаний должно быть функционально оправдано различием значений» [3, с. 23].

Важное место в поэтическом тезаурусе, безусловно, занимают пространственные наименования, потому что представления о пространстве играют важную роль в картине мира любого народа. В данном исследовании рассматриваются синонимические наименования земли в эпической поэме «Беовульф», крупнейшем памятнике древнеанглийской поэзии. В поэме можно выделить следующие пространственные концепты: земля, подземный мир, море, небо, страны света. «Земля» представляется самым широким понятием, потому что выступает в поэме в двух аспектах: с одной стороны, земля в узком смысле, выступающая в различных оппозициях («земля» – «море», «земля» – «небо», «земля» – «подземный мир»), и, с другой стороны, земля как мир в целом, вселенная (не случайно именно наименования земли, а не моря и неба впоследствии развили в английском языке это значение). О значимости представлений о земле в поэме свидетельствуют и сюжетные мотивы: в отличие от древнеисландской «Старшей Эдды», где герои путешествуют по разным мирам, в «Беовульфе» действие происходит практически всегда на земле. Важно отметить, что земля в поэме – это многомерный концепт: это часть мифологической вселенной; место реальных исторических событий; героический мир; мир, населенный людьми; плодородная земля-равнина; земля, в которую ложатся павшие воины и в которой хранятся клады. Для описания пространственных концептов, в частности земли, в древнеанглийской поэзии используется большое количество лексем-

наименований пространства, обладающих сложной семантической структурой и отражающих различные культурные пласты. Так, для наименования земли в «Беовульфе» используется восемь лексем: *eorðe, land, worold, grund, hrūse, folde, middangeard* и *ēþel*. У каждой из рассматриваемых лексем можно выделить несколько значений, реализующихся в разных контекстах. Например, самая часто встречающаяся в поэме лексема *eorðe* (18 словоупотреблений) имеет такие значения, как «белый свет, героический мир»; «суша; творение Бога»; «недра земли, подземелье, могильная земля, прах». Возникает вопрос, как подобную многозначность можно передать в переводе на русский язык.

Стилистическое своеобразие древнеанглийской поэзии очень сложно передать в переводе, в том числе и на современный английский язык. Согласно О.А. Смирницкой, древнеанглийская поэзия проигрывает в переводах, которые дают о ней искаженное представление, потому что, когда переводчик пытается передать языковое богатство древних памятников, он «вынужденно подменяет присущий им “германский” колорит колоритом фольклорной или классицистической поэзии, навязывает читателю ложные ассоциации» [5, с. 175]. Исследователь объясняет это самой историей английского языка, которая отрезала древнее поэтическое искусство от всего, что происходило в английской литературе после нормандского завоевания. Поэтому попытки приблизиться к корням древней поэзии, не прибегая к заимствованиям из современной высокой поэтической лексики (в основном слов романского происхождения, не связанных с англосаксонской культурой), обречены на неудачу, так как приводят к «крайнему обеднению перевода в сравнении с оригиналом» [5, с. 175]. По мнению О.А. Смирницкой, русский переводчик находится в более выгодном положении по сравнению с переводчиком на современный английский язык, так как ему не угрожает опасность впасть ни в одну, ни в другую крайность, указанную выше. Переводы древнеанглийских памятников на русский язык немногочисленных; среди них можно назвать переводы так называемых «малых памятников» англосаксонской поэзии, выполненные В.Г. Тихомировым под редакцией О.А. Смирницкой [1], перевод поэмы «Елена», выполненный Н.Ю. Гвоздецкой и Е.Н. Клеминой [4], и перевод поэмы «Исход», выполненный М.В. Яценко [9].

Первый и единственный полный перевод поэмы «Беовульф» на русский язык был сделан В.Г. Тихомировым и впервые опубликован в 1975 году в 9-м томе серии «Библиотека всемирной литературы» [1]. Как отмечает О.А. Смирницкая в примечаниях к поэме, точное воспроизведение поэтических особенностей древнеанглийской поэмы «Беовульф» и древнеисландской «Старшей Эдды» противоречило бы нормам современной поэтики,

потому что в русском языке невозможно полностью передать основные особенности такого рода поэзии – аллитерацию и особую ритмическую организацию стиха. Однако современному русскому читателю стихи, созданные по модели древнегерманского стиха, покажутся прозой; и даже в том случае, когда переводчику удастся сохранить аллитерацию, он не может сохранить ее древнюю функцию, потому что аллитерация воспринимается как второстепенное украшение текста [6, с. 632]. Звуковые узоры аллитерации, которые требуют ударных корней, сложно воспроизвести средствами русского языка с его нефиксированным, свободным ударением [2, с. 189].

Помимо сложности передачи аллитерации, возникают и другие проблемы. Как отмечает М.В. Яценко, сложнейший аспект работы переводчика древнеанглийской поэзии – это передача богатства синонимических рядов, одной из ключевых особенностей англосаксонского поэтического творчества. Исследователь выделяет основные принципы, которые заложены В.Г. Тихомировым при переводе поэмы «Беовульф»: 1) использование устаревшей русской лексики, не имеющей ярко выраженной национальной окраски; 2) использование «потенциальных слов», которые не употребляются в языке, но внутренняя форма которых понятна; 3) использование неологизмов (например, «доброхрабрый», «войсководитель» и т. д.) [9, с. 153]. О.А. Смирницкая выделяет такое свойство древнегерманских синонимических систем, как их открытость: «поэт имеет неограниченные возможности создавать... сложные слова и так называемые кеннинги, т. е. особые метафорические перифразы, служащие для обозначения... ключевых понятий (они могут быть оформлены в древнеанглийской поэзии и как сложные слова, и как словосочетания)» [5, с. 192]. Однако дать представление о безграничных возможностях сложной синонимики в древнеанглийской поэзии в русском переводе невозможно, так как словосложение не играет большой роли в русском языке, и поэтическая речь создается иными средствами. О.А. Смирницкая высоко оценивает избранный В.Г. Тихомировым путь: переводчик не умножает любой ценой число синонимов, но сохраняет в переводе главное – «неоскудевающую способность поэтического языка к словотворчеству» [5, с. 193]. Переводчик с успехом осуществляет необычный языковой эксперимент и создает «потенциальные архаические слова», т. е. такие слова, относительно которых мы не можем быть уверены, существовали ли они в древности, и которые при этом не привносят в перевод ненужную русификацию, возникающую при использовании расхожих архаизмов [5, с. 193]. Так, например, в рассказе о Беовульфе В.Г. Тихомиров использует неологизм «всеземнозатные»: *Он был из смертных / всеземнозатных / вождем достой-*

нейшим (*hē manna wæs // wīgend weorð fullost / wīde geond eorðan* (3098–99) [11, p. 206], в дословном переводе: *Он воин был самый достойный во всем мире (на всей земле)*). А в рассказе скопа о творении мира переводчик использует зафиксированный в словарях архаизм «земнородные», сложенный из двух корней: пел он о том, / как Зиждитель // упрочил солнце / и месяц на небе, // дабы светили / всем земнородным (*gesette sigehrēþig / sunnan ond tōnan // lēoman tō lēohte / landbūendum* (94–95) [11, p. 34], в дословном переводе: *установил победные / солнце и луну, // светочи для света / землителей*).

Как уже было сказано выше, «земля» является одним из ключевых концептов в древнеанглийской поэтической модели мира и поэтому получает большое количество синонимических наименований, которые выделяют тот или иной признак этого понятия. Древнеанглийские наименования земли богаты по своей семантике и имеют несколько значений, реализующихся в разных контекстах. В переводе на современный русский язык В.Г. Тихомиров выбирает следующую стратегию: он выявляет оттенки значения той или иной лексемы и подбирает слова, лучше всего выражающие эти значения. Например, у лексемы *eorðe* выделяется такое значение, как «суша» (в рассказе о творении мира), и именно это слово и использует переводчик: *Создатель устроил / сушу – равнину, / омытую морем (Elmihtiga / eorðan worhte // wlite-beortne wang, / swā wæter bebūgeð* (92–93) [11, p. 34]), несмотря на то, что в словарях это значение не отражено (например, в глоссарии Клэбера дается такое определение слову *eorðe* – «earth; both ground and the world we live in» [10, с. 302]. В словаре также не отражается и другое контекстуальное значение лексемы *eorðe* – «недра земли, подземелье; могильная земля, прах». Это значение связано с мотивом проклятого клада, охраняемого драконом, причиной гибели главного героя. В.Г. Тихомиров очень точно передает это значение с помощью слов «подземелье», «подземное логово»: *долго покоился // клад, наследие / древнего племени, // в том подземелье (swā hīe wīð eorðan fæðm // þūsend wintra / þær eardodon* (3049–3050) [11, p. 202]); *где кольца золота // тонко витые / хранил надменный // ревнитель, сторож // древнего клада, / в подземном логове (Weard unhīore, // gearo gūðfreca / goldmāðmas hēold // eald under eorðan* (2413–2415) [11, p. 169]). Интересно, что мотив клада и подземелья связан не только с лексемой *eorðe*, но и с лексемой *hrūse*, которому Клэбер дает определение с помощью существительных «earth» и «ground» [10, с. 334]. Лексема *hrūse* связана с мотивом клада даже на фонетическом уровне, так как аллитерирует с существительным *hord* «сокровище, клад» и употребляется с ним в словосочетании *hord on hrūsan* (2276) [11, p. 161] «сокровище в земле». Для перевода *hrūse*

В.Г. Тихомиров использует существительные «могильник», «курган», «подземелье»: так, о драконе сказано, что *ему предназначено // стеречь языческих / могильников золото // ...змей, бич земнородных, // берег сокровища, / в кургане сокрытые (Hē gesēcean sceall // hord on hrūsan, / þær hē hæðen gold // warað wintrum frōd... // Swā se ðēodsceaða / þrēo hund wintra // hēold on hrūsan / hordærna sum // ēacencræftig* (2275–2280) [11, p. 161]).

Возвращаясь к центральному слову в лексико-семантической группе наименований земли (*eorðe*), хотелось бы отметить еще одно его контекстуальное значение – «белый свет, героический мир». Это значение актуализируется в контекстах, связанных с мотивом прославления героя, и для его перевода В.Г. Тихомиров прибегает к различным способам, например соединениям пространственных и временных координат, а именно перевод с помощью выражения «в жизни»: о Беовульфе один из героев говорит, что он «в жизни / не видел витязя / сильней и выше» (*Næfre ic mārān geseah // eorla ofer eorðan* (247–248) [11, p. 43]). Интересно отметить, что в древнеанглийском языке не было слова, которое обозначало вселенную, мир в целом. Однако именно лексема *eorðe* приближается к выражению этого смысла: весь белый свет, весь героический мир, то есть практически вся вселенная, которую можно окинуть мысленным взором, – это наиболее абстрактное понятие о земле, доступное древнеанглийскому поэту. Поэтому не случайно, что в контекстах, в которых лексема *eorðe* встречается именно в этом значении, в переводе она передается не только с помощью слова «земля», но и через другие пространственные концепты: об отце Беовульфа говорится, что его «имя славное // донныне знаемо / под этим небом», хотя в оригинале используется лексема *eorðe*: *hine gearwe gemān // wītena wēl-hwylc / wīde geond eorþan* (265–266) [11, p. 44].

Большой интерес представляет перевод лексемы *world*, которая в словаре определяется через современное английское «world». Существительное *world* состоит из двух корней – *wer* «мужчина, муж; герой» [8, с. 282] и *ealdi, ylde* «поколение, люди, человечество» [8, с. 208], таким образом, *world* можно трактовать как «возраст людей», мир как «связь поколений, которые живут во времени». Не случайно лексема *world* преимущественно используется в контекстах, повествующих о жизни в героическом мире или уходе из мира людей. В первом случае для перевода *world* В.Г. Тихомиров использует существительные «жизнь» и «мир»: *world* – это дружинный мир, где человек обладает «радостями жизни» (*world e wunne* (1080) [11, p. 91]) и может повелевать миром – «ибо целый мир // под пятой у него» (*him eal world // wendeð on willan* (1738–39) [11, p. 130]). Однако в ряде контекстов *world* приоб-

ретаает негативную эмоциональную окраску, возможно, по замыслу автора-христианина: *worold* начинает обозначать брэнную, преходящую жизнь и используется в описаниях ухода из жизни: например, *ende worolde lifes* (1387; 2343) [11, р. 112; 164] (дословно: «конец мира (в мире) жизни»), *worulde gedāl* (3068) [11, р. 204] – «(из) мира уход»; последний подвиг Беовульфа называется в поэме его последним «мира делом/работой» – *worldgeweorc* (2711) [11, р. 184]. В переводе, однако, иногда само слово *worold* опускается и используются слова и словосочетания, обозначающие уход из жизни: «кончина» (для перевода *ende worolde lifes* (1387) [11, р. 112]) и «дни этой жизни // в битве окончить» (*ende worolde lifes* (2343) [11, р. 164]).

Древнеанглийская лексема *middan-geard* (дословно «срединный двор») примечательна тем, что этимологически соответствует мифологическому концепту «Мидгард», представленному в древнеисландских «Младшей» и «Старшей Эдде» и обозначающих мир людей в мифологической вселенной. Мидгард локализован в центре мифологического универсума и тесно связан с людьми, будучи противопоставленным миру великанов и хтонических чудовищ. Связь с людьми и миром людей ярко ощущается в контекстах, в которых *middan-geard* встречается в поэме «Беовульф». Например, эта лексема используется в рассказе о строительстве Хеорота, дворца конунга Хродгара, для которой были созваны народы «со всего этого мира» – *geond þisne middan-geard*, и в переводе В.Г. Тихомиров весьма удачно передает ощущение границ населенного людьми мира с помощью словосочетания «дальние пределы»: *Слышал я также, / по воле владыки // от дальних пределов / народы сходились // дворец возводить (Ða ic wīde gefrægn / weorc gebannan // manigre mægþe / geond þisne middan-geard, // folc-stede frætwan (74–76) [11, р. 32])*. В остальных случаях лексема *middan-geard* передается с помощью слов и словосочетаний «в (этом) мире» и «на земле». Так, Хродгар рассказывает о своем правлении: *Swā ic Hring-Dena / hund missēra // wēold under wolcnum, / ond hig wigge belēac // manigum mægþa / geond þisne middan-geard, // æscum ond ecgum (1769–1772) [11, р. 131] – Пять десятков зим / я под сводом небесным // правил данами, / утверждая оружием // их могущество / в этом мире / между многих племен.*

Еще одна лексема, тесно связанная с миром людей, – это лексема *land*, которая определяется в словаре как «земля, страна, сельская местность» [8, с. 211]. Чаще всего в поэме это существительное реализует значение «заселенная территория, страна какого-либо народа» и употребляется в сочетаниях с названиями различных народов, например, *lond Brondinga* (521) [11, р. 60] (дословно «земля/страна Бродингов»), *Finna land* (580) [11, р. 63] («земля/страна финнов»), *Frēsna land* (2915) [11, р. 195]

(«земля/страна фризов»). Наряду с очевидным вариантом «земля/зёмли» (*lond Brondinga* (521) – «зёмли Бродингов»), В.Г. Тихомиров использует в переводе лексические трансформации (смещение и конкретизацию): «к норвежскому берегу», «к финским скалам» и «к пределам фриским». Интересно отметить, что для перевода лексемы *ēþel*, которая является синонимом *land* в значении «родина, родная страна», В.Г. Тихомиров использует существительное «земля» во множественном числе: *ēþel Scyldinga* (913) [11, р. 81] – «зёмли Скильдингов». Вторая часть контекстов демонстрирует такое значение *land*, как «земельное владение, наследная земля», что в переводе передается словом «земля/зёмли»: в наследство детям должно оставить «селенья и зёмли» (*lond ond lēodbyrig* (2471) [11, р. 172]); в награду герои получают «сто тысяч зёмлей и кольцами» (*hund þūsenda // landes ond locenra bēaga* (2994–2995) [11, р. 199]).

В большинстве случаев при переводе сохраняется частеречная принадлежность: существительные переводятся существительными. Однако в отдельных случаях частеречная принадлежность меняется, и исходное существительное превращается в прилагательное: *flōd under foldan* (1361) [11, р. 110] (дословно «поток под землей») переводится как «поток подземный», а клад дракона находится «в подземном логове» (*under eorðan* (2415) [11, р. 169] – дословно «под землей»).

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на существенные различия между поэтическими системами древнеанглийского и современного русского языков, В.Г. Тихомирову удается передать богатство древнеанглийской синонимии. Успех перевода можно объяснить тем, что переводчик обращает особое внимание на значение слова в контексте, а не просто опирается на значения, данные в словаре. Подобный подход позволяет учитывать и передавать в переводе тонкие семантические различия и коннотации лексем-наименований земли в поэме «Беовульф». Признавая, что в переводе на русский язык невозможно передать все стилистические особенности древнеанглийской аллитерационной поэзии, в результате вдумчивого кропотливого анализа семантики языковых единиц и активного использования богатых лексических ресурсов русского языка В.Г. Тихомиров создал перевод, который, с одной стороны, не искажает оригинал и, с другой стороны, органично звучит на русском языке.

Библиографический список

1. Беовульф / пер. В.Г. Тихомирова; ред. и коммент. О.А. Смирницкой // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 27–180.

2. Гвоздецкая Н.Ю. Поэма «Елена» как памятник религиозного эпоса англосаксов // CURSOR

MUNDI. Человек Античности, Средневековья и Возрождения: научный альманах, посвященный проблемам исторической антропологии. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. – Вып. 3. – С. 181–189.

3. Гвоздецкая Н.Ю. Проблемы семантического описания древнеанглийского поэтического слова (опыт текстоцентрического анализа): дис. ... д-ра филол. наук. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2000. – 374 с.

4. Гвоздецкая Н.Ю., Клемина Е.Н. Елена. Ч. 1. Видение Константина // Атлантика. Записки по исторической поэтике / отв. ред. О.А. Смирницкая. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2005. – Вып. 7. – С. 210–219.

5. Смирницкая О.А. Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия / изд. подгот. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. – М.: Наука, 1982. – С. 171–232.

6. Смирницкая О.А. Беовульф (примечания) // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 631–659.

7. Смирницкая О.А. Синонимические системы в «Беовульфе» // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. – 1980. – № 5. – С. 44–57.

8. Смирницкий А.И. Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII в. – М.: Академия, 2008. – 304 с.

9. Яценко М.В. О древнеанглийской поэме «Исход». Древнеанглийская поэма «Исход». Глава VIII (пер. и коммент. М.В. Яценко) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 3, Филология. – 2014. – № 4 (39). – С. 149–163.

10. Beowulf and the Fight at Finnsburg / ed. by F. Klaeber, with introduction, bibliography, notes, glossary and appendices. – Boston: D.C. Heath and Company, 1950. – 594 p.

11. Beowulf. A Student's Edition / ed. by George Jack. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 244 p.

References

1. Beovul'f / per. V.G. Tihomirova; red. i komment. O.A. Smirnickoj // Beovul'f. Starshaya EHdda. Pesn'

o Nibelungah. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1975. – S. 27–180.

2. Gvozdeckaya N.YU. Poehma «Elena» kak pamyatnik religioznogo ehposa anglosaksov // CURSOR MUNDI. CHelovek Antichnosti, Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya: nauchnyj al'manah, posvyashchennyj problemam istoricheskoy antropologii. – Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2010. – Vyp. 3. – S. 181–189.

3. Gvozdeckaya N.YU. Problemy semanticheskogo opisaniya drevneanglijskogo poeticheskogo slova (opyt tekstocentricheskogo analiza): dis. ... d-ra filol. nauk. – Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2000. – 374 s.

4. Gvozdeckaya N.YU., Klemina E.N. Elena. CH. 1. Videnie Konstantina // Atlantika. Zapiski po istoricheskoy poetike / отв. red. O.A. Smirnickaya. – M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 2005. – Vyp. 7. – S. 210–219.

5. Smirnickaya O.A. Poeticheskoe iskusstvo anglosaksov // Drevneanglijskaya poehziya / izd. podgot. O.A. Smirnickaya, V.G. Tihomirov. – M.: Nauka, 1982. – S. 171–232.

6. Smirnickaya O.A. Beovul'f (primechaniya) // Beovul'f. Starshaya EHdda. Pesn' o Nibelungah. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1975. – С. 631–659.

7. Smirnickaya O.A. Sinonimicheskie sistemy v «Beovul'fe» // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9, Filologiya. – 1980. – № 5. – S. 44–57.

8. Smirnickij A.I. Hrestomatiya po istorii anglijskogo yazyka s VII po XVII v. – M.: Akademiya, 2008. – 304 s.

9. YAcenko M.V. O drevneanglijskoj poehme «Iskhod». Drevneanglijskaya poehma «Iskhod». Glava VIII (per. i komment. M.V. YAcenko) // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 3, Filologiya. – 2014. – № 4 (39). – S. 149–163.

10. Beowulf and the Fight at Finnsburg / ed. by F. Klaeber, with introduction, bibliography, notes, glossary and appendices. – Boston: D.C. Heath and Company, 1950. – 594 p.

11. Beowulf. A Student's Edition / ed. by George Jack. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 244 p.

АНЖАМБЕМАН В ПОЭМЕ ШАРЛЯ БОДЛЕРА «LE VOYAGE» И ПЕРЕВОДЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Как известно, переводы составляют существенную часть поэтического наследия М. Цветаевой, в частности, – переводы с французского, которыми поэтесса увлеклась ещё в юности. Далеко не все оригинальные произведения, над воссозданием которых она работала, поэтесса считала достойными своего внимания. Однако некоторые из них – настоящие шедевры. К их числу относится поэма «Le Voyage» Ш. Бодлера. Статья посвящена фонетическим особенностям поэмы «Le Voyage» в переводе М. Цветаевой. Предметом анализа является анжамбеман – один из приемов ритмического членения стихового отрезка, который оба автора широко используют в своем творчестве. А priori можно предположить, что Цветаева не оставит без внимания анжамбеманы Бодлера. И действительно, практически все бодлеровские переносы находят отражение в тексте перевода. В особенности это характеризует фрагменты оригинального текста с высокой плотностью анжамбеманов. Расхождение наблюдается в основном в отношении качества переносимых отрезков: у Бодлера они менее акцентированы синтаксически. Но в целом сопоставление текстов на двух языках позволяет судить о высокой степени фонетической адекватности цветаевского варианта поэмы.

Ключевые слова: анжамбеман строчный, анжамбеман строфический, *rejet*, *contre-rejet*, *double-rejet*, стихораздел, ритмический рисунок, межстрочный перенос.

Для ритмического рисунка поэмы Шарля Бодлера весьма характерен анжамбеман, то есть стихотворный перенос, возникающий в результате «несовпадения синтаксической и ритмической паузы в стихе, когда конец фразы или колона не совпадает с концом стиха (или полустишия, или строфы), а приходится позже (*rejet* – «сброс»), раньше (*contre-rejet* – «наброс»)» [1, стб. 35]. Переносы встречаются в оригинальном тексте около 40 раз. Практически все они – строчные, не выходящие за пределы строфы, двух классических видов: *rejet* (сброс) и *contre-rejet* (наброс). Большинство сбросов Бодлера можно отнести к слабому типу, когда фраза, перенесенная из одной строки на другую, занимает ее всю. Чаще всего переносится часть сложного предложения:

*Pendant que grossit et durcit ton écorce,
Tes branches veulent voir le soleil de plus près!*

*Lorsque enfin il mettra le pied sur notre échine,
Nous pourrons espérer et crier: En avant!*

Также достаточно регулярно поэт отрывает от глагола дополнения:

*Et qui rêvent, ainsi qu'un conscrit le canon,
De vastes voluptés, changeantes, inconnues,
либо переносит сказуемое:*

*L'Imagination qui dresse son orgie
Ne trouve qu'un récif aux clartés du matin.*

Как видим, и в данном случае конец фразы захватывает весь последующий стих, а не только его начало.

Однословный захват начала стиха наблюдается во французской поэме только один раз:

*Pour tromper l'ennemi vigilant et funeste,
Le Temps!*

В остальных трех случаях «лаконичного» переноса полнозначное слово сопровождается служебным:

*Mais les vrais voyageurs sont ceux-là seuls qui partent
Pour partir;*

*«Nous avons vu des astres
Et des flots;*

*Grandiras-tu toujours, grand arbre plus vivace
Que le cyprès?*

Таким образом, сбросы Ш. Бодлера, за редким исключением, не отличаются резкостью, слабо или не слишком акцентированно маркируя разрыв синтаксических связей в точке переноса.

Другой тип анжамбемана – *contre-rejet* – используется в тексте поэмы гораздо реже, чем *rejet*: около трети всех переносов. При этом только половина из 12 выявленных случаев *contre-rejet* полностью «вписывается» в определение классического наброса: начало фразы захватывает конец предыдущего стиха:

*Pour fuir ce rétiaire infâme ; il en est d'autres
Qui savent le tuer sans quitter leur berceau.*

В остальных случаях Бодлер прибегает к диссантичному набросу:

*la Sainteté,
Comme en un lit de plume un délicat se vautre,
Dans les clous et le crin cherchant la volupté;*

К числу своеобразных *contre-rejet* можно отнести и следующий, где, решая задачу сохранения ритмического рисунка, Бодлер переносит в начало стиха причастие, отделив его обстоятельством от вспомогательного глагола:

*Pourtant nous avons, avec soin,
Cueilli quelques croquis pour votre album vorace,*

Частотность использования анжамбемана в тексте перевода выше, чем в оригинальном тексте: более 50 случаев. Как и у Бодлера это строчные *rejet* и *contre-rejet* (36 и 13 примеров соответственно). Таким образом, если *contre-rejet* встречается в сопоставляемых текстах одинаково часто, то *rejet* в переводе используется в большей степени. Различие наблюдается и в отношении объема переносимого фрагмента. Как отмечалось, сброс

сы французского поэта не отличает сила разрыва синтаксических связей между стихотворными строками. Большинство *rejets* Бодлера относится к слабому типу, с переносом целых предложений или их частей. Слабые сбросы характерны и для текста перевода: к ним М. Цветаева прибегает не реже Ш. Бодлера:

*Малейший островок, завиденный дозорным,
Нам чудится землёй с плодами янтаря.*

*Так старый пешеход, ночующий в канаве,
Вперяется в Мечту всей силою зрачка.*

М. Цветаева неоднократно использует и очень сильные анжамбеманы, в частности, однословные, отсекая стихоразделом определение от существительного, либо сбрасывая сказуемое:

что в хижине, что в замке

Наследственным

*Докуда дорастешь, о древо – кипариса
Живучее?..*

*И как апостолы, по всем морям и сушам
Проносится.*

Более очевиден в цветаевском варианте и такой прием ритмического членения стихотворного отрезка как *contre-rejet*: как правило, он пунктуационно обозначен:

*Мы всходим на корабль – и происходит встреча
Безмерности мечты с предельностью морей.*

*Ни парус им не скор, ни пар. Иные души
И в четырёх стенах справляются с врагом.*

Как известно, наиболее редким видом анжамбемана является совпадение его типов. Можно предположить, что насыщенность переносами сопоставляемых текстов позволит обнаружить и большое количество их комбинаций. И действительно, поскольку редкая строфа у обоих авторов обходится без анжамбемана, то и совпадения их типов для их текстов очень характерны.

Наиболее эффектной, в этом смысле, представляется седьмая часть поэмы, где плотность переносов максимальна:

*Comme le Juif errant et comme les apôtres, [сброс]
À qui rien ne suffit, ni wagon ni vaisseau, [сброс]
Pour fuir ce rétiaire infâme; il en est d'autres [наброс]
Qui savent le tuer sans quitter leur berceau.*

*И как апостолы, по всем морям и сушам [сброс]
Проносится. Убить зовущееся днём – [двойной сброс]
Ни парус им не скор, ни пар. Иные души [наброс]
И в четырех стенах справляются с врагом.*

В сопоставляемой строфе мы констатируем одинаковое количество переносов с преобладаниями сброса у Бодлера и более пестрой ритмической палитрой у Цветаевой.

Несколько иная картина наблюдается в следующих стихах. Сравним:

*Entendez-vous ces voix, charmantes et funèbres, [сброс]
Qui chantent : «Par ici! vous qui voulez manger [сброс]*

*Le Lotus parfumé! c'est ici qu'on vendange [наброс]
Les fruits miraculeux dont votre cœur a faim;*

*О, эти голоса, так вкрадчиво из мрака [сброс]
Взывающие: – К нам! – О, каждый, кто взалкал [сброс]*

*Лотосова плода! Сюда! В любую пору [наброс]
Здесь собирают плод и отжимают сок.*

Как видим, здесь Цветаева буквально калькирует оригинал, используя вслед за Бодлером и межстрофный перенос – единственный в поэме. Отметим также, что данный фрагмент примечателен не только локальным совпадением типов переноса, но и использованием анжамбеманов, сопоставимых по силе.

Что касается калькирования однократных переносов с сохранением идентичного оригиналу содержания, то оно встречается в единичных случаях:

*Étonnants voyageurs! quelles nobles histoires
Nous lisons dans vos yeux profonds comme les mers!*

*Чудесные пловцы! Что за повествованья
Встают из ваших глаз – бездоннее морей!*

Как видим, Цветаева использует вслед за Бодлером наброс, а в отсечённом фрагменте – глагол, приобретающий метафорический характер. При этом сохраняется ритм сопоставляемых двустиший и их экспрессия, в частности, адмиративные оттенки значения.

Следующий пример совпадения типа переноса не менее уникален: использование обоими авторами *rejet*, сопоставимого по силе. Цветаева переносит определение, а Бодлер – сравнительную часть аналитического компаратива:

*Grandiras-tu toujours, grand arbre plus vivace
Que le cyprès?*

*Докуда дорастёшь, о древо – кипариса
Живучее?..*

Здесь Цветаевой также удаётся не только калькировать тип анжамбемана, но и близко к оригиналу передать содержание стихов с его использованием, с той оговоркой, что Бодлер, указывая на дерево, «более живучее, чем кипарис», не называет его, тогда как в цветаевской интерпретации кипарис не сопоставляется по «живучести» с другими деревьями. Понятно, что подобные «вольности» неизбежны при переводе поэзии, тем более, если учесть тот факт, что Цветаева выбирает для своей поэмы пятистопный ямб вместо alexandrine Бодлера.

Но, несмотря на разницу стихотворного размера, большая часть бодлеровских анжамбеманов находит отражение в переводе. Это не означает, что переносы двух текстов абсолютно совпадают «локально» или всегда относятся к одному виду. В этом смысле мы наблюдаем и расхождения, особенно очевидные в отношении качественных характеристик *rejet*: Бодлер, в отличие от Цветаевой, редко прибегает к резким сбросам.

Но, как это ни парадоксально, сильные анжамбеманы у Цветаевой не воспринимаются как некий ритмический сбой, разрушающий целостность ее стиха, а, напротив, способствуют сохранению его плавного интонирования, характерного для французской поэмы.

Библиографический список

1. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.

2. Французские стихи в переводе русских поэтов XIX–XX вв.: на французском и русском языках / под ред. Е.Г. Эткинда. – М.: Прогресс, 1973. – 623 с.

References

1. Literaturnaya ehnciklopediya terminov i ponyatij / pod red. A.N. Nikolyukina; Institut nauchn. informacii po obshchestvennym naukam RAN. – M.: NPK «Intelvak», 2001. – 1600 stb.

2. Francuzskie stihy v perevode russkih poetov XIX–XX vv.: na francuzskom i russkom yazykah / pod red. E.G. EHtkinda. – M.: Progress, 1973. – 623 s.

УДК 81'42

Волкова Елена Борисовна

кандидат филологических наук

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

lenka@mail.mipt.ru

Ременникова Ирина Александровна

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

vladrem@list.ru

Вечеринина Елена Алексеевна

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

vealek@mail.ru

ТИПИЧНЫЕ МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТЕКСТАХ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА РУССКОМ И РОМАНО-ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

В статье авторы ставят задачу выявить и проанализировать наиболее типичные конструкции многокомпонентных сложноподчинённых предложений в текстах математических произведений на русском, английском и французском языках. Материалом для исследования послужили труды выдающихся современных математиков в области дифференциальной геометрии и алгебраической топологии. Этим авторам принадлежат фундаментальные результаты в указанных областях, их произведения, написанные безупречным стилем, служат основой для дальнейших исследований. При изложении сложного материала автор должен построить предложение так, чтобы оно было адекватно понято читателем. Этому в значительной степени способствуют многокомпонентные сложноподчинённые предложения. Они широко используются как в русскоязычных, так и в англо- и франкоязычных текстах математических произведений. В статье рассматриваются три основных способа построения данных конструкций и выявляется специфика каждого из них. В результате исследования авторы приходят к выводу, что в текстах математических произведений многокомпонентное сложноподчинённое предложение имеет прозрачную структуру и стандартную форму изложения. Как правило, оно состоит из небольших по объёму компонентов, которые, взаимодействуя определённым образом, формируют цельную коммуникативную единицу. Выявленные синтаксические особенности необходимо учитывать при работе с математическими произведениями на данных языках.

Ключевые слова: многокомпонентное сложноподчинённое предложение, главная часть, изъяснительная придаточная часть, присубстантивно-атрибутивная придаточная часть, условная придаточная часть, союз, относительное местоимение.

Данная статья посвящена выявлению наиболее типичных конструкций многокомпонентных сложноподчинённых предложений (далее МСПП) в произведениях математического цикла на русском, английском и французском языках.

Трёхкомпонентные сложноподчинённые предложения последовательного подчинения в текстах русскоязычных математических произведений были предметом нашего рассмотрения в [3; 4]. Также нами проводился сравнительный анализ изъяснительных и наиболее частотных присубстантивно-атрибутивных конструкций в математических произведениях на русском и романо-германских языках [5; 6].

Вслед за Н.С. Ганцовской [7], Л.Д. Беднарской [2] и другими исследователями мы считаем МСПП особой, целостной разновидностью сложноподчинённых предложений (далее СПП). Это цельная коммуникативная единица, выражающая в расчленённом виде единую мысль, обладающая единой модальностью, общей для всего предложения предикативностью. Как особая разновидность СПП МСПП имеет законы построения и коммуникативные задачи, не совпадающие с законами и задачами двухкомпонентного СПП; это новое, органическое единство составляющих его компонентов, а не механическое сцепление предложений.

В МСПП количественные отличия от двухкомпонентного ведут к качественным различиям. Особенно велики эти различия, когда в многокомпонентном предложении сочетаются придаточные, противостоящие друг другу по структурной роли и функции в предложении. Одни придаточные вместе со своей главной частью образуют нерасчленённую структуру, соотносясь с определённым членом главной части как лексико-морфологической единицей. Другие придаточные с главной частью составляют расчленённую структуру, соотносясь со всей главной частью синтаксически. Так, в МСПП складываются своеобразные отношения, обеспечивающие предложению с определённым количеством компонентов и определённой структуры «коммуникативную цельность» и «портативность», чёткую «членимость и обозримость» [1, с. 6].

Мы рассмотрели произведения наиболее известных математиков: Л.С. Понтрягина [8], Б.В. Федосова [9], F. Benauch-Georges [10], G. Compte et M. Merle [11], S.K. Donaldson [12], M.A. Hill [13], N. Hitchin [14], M.J. Hopkins [14], S. Jaffard [15] – на русском, английском и французском языках. Этим учёным принадлежат важные достижения в области алгебраической и дифференциальной топологии, они являются авторами целого ряда известных монографий и учебников. Методом сплошной выборки мы извлекли около

1500 МСПП. Необходимая информация по выявленным конструкциям приводится в данной статье через дробь в следующем порядке: русский / английский / французский языки.

В текстах математических произведений на исследуемых языках наиболее частотным МСПП оказалось трёхкомпонентное СПП с последовательным подчинением, в составе которого есть одна изъяснительная часть и одна присубстантивно-атрибутивная. Как правило, придаточная изъяснительная часть имеет союз *что / that / que*, присубстантивно-атрибутивная – союзное слово *который / which, that / qui, que, dont* или *где / where / où*. Эта конструкция отличается большой стереотипностью и простотой структуры в математических текстах на исследуемых языках. Главная часть таких предложений только намечает в общем содержание всего сложного предложения, которое должно раскрыться в последующем изъяснительном придаточном. Вторым придаточным в рассматриваемой конструкции является придаточное присубстантивно-атрибутивное с союзными словами *который, где, откуда, какой, когда / which, where, that / qui, que, dont, où, d'où, lorsque, le quel*.

Оказывается, что кольцо R можно включить в поле R^ , которое не имеет истинных подполей, содержащих кольцо R* [8, с. 51].

To define it, note that the map $v \rightarrow v \otimes v$ gives an isomorphism of C_n with the Tate cohomology $(\ker(1-r))/(\text{image}(1+r))$, where $r: (C \otimes C)_{2n} \rightarrow (C \otimes C)_{2n}$ is defined by $r(x \otimes y) = y \otimes x$ [13, с. 14].

Il s'agit donc du problème inverse de la théorie des probabilités dont l'objet est l'étude des propriétés de variable aléatoires de lois données [10, с. 28].

Здесь стоит отметить, что в английском языке в присубстантивно-атрибутивной придаточной части относительное местоимение может быть опущено, если оно не выполняет функцию подлежащего в придаточной части. Однако это не относится к атрибутивно-распространительным придаточным, например, поясняющим математическую формулу. Такие конструкции рассматривались в нашей статье [5].

Из приведённых примеров видно, что поскольку математическим текстам свойственна максимально возможная сжатость изложения, экономия речевых средств, МСПП в исследуемом материале относительно невелики по объёму, взаимосвязи между их частями ясны и не нуждаются в специальном выявлении путём употребления указательного местоимения. Динамический характер предложения способствует тесному взаимодействию частей.

В составе МСПП, где один из компонентов – придаточная часть функционального типа, придаточное изъяснительное, поясняя главную часть или придаточное функционального типа, образует с ними или сложную главную или сложную придаточную часть соответственно.

Трёхкомпонентное предложение с одной условной придаточной частью, а другой изъяснительной является самой распространённой моделью в математических текстах после модели с придаточным изъяснительным и присубстантивно-атрибутивным. Преобладающей является группа предложений с интерпозитивной условной придаточной частью. В последней наиболее продуктивной конструкцией является такая, когда непосредственно за главной частью следуют два союза, изъяснительный и условный: *что если / that if / que si*. Условное придаточное вклинивается в изъяснительную конструкцию между союзом изъяснительного придаточного и самим изъяснительным придаточным, создавая своеобразные взаимоотношения в сложном предложении.

Главная часть такого СПП стереотипна и не несёт на себе основной смысловой нагрузки, она превращается во вводящую, основная функция которой организующая. Главная часть + структурно необходимая для неё изъяснительная придаточная часть противопоставляются условной придаточной части. Так как основная смысловая нагрузка сосредотачивается в изъяснительной придаточной части, то непосредственно с условным придаточным сопоставляется изъяснительное. Изъяснительное придаточное вследствие постпозитивного положения за придаточным условным приобретает оттенок следствия, что подчёркивается частицей *то*, которая на французский и английский языки в этом контексте не переводится, а передается французским наречием *alors* или союзом *тогда / then / alors que* в текстах математических произведений.

Из (3.3) видно, что если граница dG дважды непрерывно дифференцируема, то отображение T непрерывно дифференцируемо [8, с. 395]. *First, the final clause of Lemma 2 shows that if ε is a decomposable bundle with a connection of the type required by the theorem, then ε must be stable* [12, с. 275]. *Par ailleurs, on peut remarquer que si N est fini et si les $X = Ib$ alors $E p(X) = E p(Ib) = P(B)$* [11, с. 240].

Из приведённых примеров видно, что в исследуемых языках вся конструкция приобретает условно-следственный характер. В англоязычных и франкоязычных текстах изъяснительный союз *that / que* не может быть опущен, что характерно для других стилей романо-германских языков.

Лишь немного уступая по продуктивности МСПП с последовательным подчинением, конструкции с соподчинением (однородным и неоднородным) часто встречаются в текстах математических произведений. Если число компонентов в МСПП с последовательным подчинением в исследуемом материале редко превышало 3–4, то в МСПП с соподчинением иногда достигало 4–5. Наиболее продуктивными оказались характерные для стиля точных наук конструкции с однородным соподчинением, где придаточные части поясняют

отдельные члены математической формулы. Данные МСПП настолько стандартны, что относительные местоимения *где, откуда / where / où, d'où* фразеологизировались, утратили своё пространственное значение, превратившись в своеобразный «трафарет» для ввода сложной математической формулы [5, с. 186]. Как правило, только первая придаточная присубстантивно-атрибутивная часть прикрепляется с помощью союзного слова, а последняя может присоединяться сочинительным союзом *и*, реже *а* или бессоюзно / *and, but / et*. Нередки случаи, особенно в англоязычных и франкоязычных текстах математических произведений, когда относительное местоимение при формуле вообще опускается без всякой потери смысла.

Обозначим через N_2 – нормальный делитель, состоящий из всех матриц вида λe , где N – положительное число, а e – единичная матрица [8, с. 38]. Now $T^*A^s = \Omega^0(M; ad P \otimes K)$ with the canonical 1-form θ defined by

$$\theta(A, \Phi) = \int_M B(A \wedge \Phi)$$

where $A \in \Omega^0(0,1)(M; ad P)$ is a tangent vector to A^s at A , $\Phi \in \Omega^0(M; ad P \otimes K)$ a tangent vector to $\Omega^0(M; ad P \otimes K)$ at Φ and B is the Killing form of the group [14, с. 98]. Supposons que nous voulions estimer un nombre f en ayant accès à une information bruitée $Y = f + Z$ où Z est une variable aléatoire gaussienne centrée réduite, et f un estimateur de f [15, с. 4].

Другие виды придаточных также встречаются в МСПП с соподчинением, но конструкция с несколькими соподчинёнными присубстантивно-атрибутивными придаточными частями, поясняющими математическую формулу (их количество в зависимости от сложности формулы может достигать и 5–6), наиболее характерны для текстов математических произведений на исследуемых языках. Их структура прозрачна благодаря небольшому объёму придаточных частей, стандартизации изложения и однонаправленности синтаксических отношений. Однотипные придаточные части, приближающиеся к устойчивым оборотам, поясняют какой-либо член субстантивированного словосочетания – формулы, каждый раз называя этот член и тем самым возвращая нас к формуле главного предложения. При обязательной подчинительной зависимости от главной части, здесь мы находим сочинительную зависимость (равноправную) для придаточных одной ступени подчинения. Однородность придаточных обусловлена однофункциональностью придаточных и зависимостью их от одной и той же единицы главной части. Чёткая членимость предложения способствует выполнению предложением своих коммуникативных задач.

Среди предложений с неоднородным соподчинением, которые по численности в текстах математических произведений приближаются к предложениям с однородным соподчинением, самой употребительной конструкцией является трёхком-

понентное предложение с условной придаточной частью и второй присубстантивно-атрибутивной придаточной частью. В отличие от МСПП с последовательным подчинением здесь чаще наблюдается препозиция функциональной придаточной части. Условному придаточному противопоставляется сложная следственная главная часть (главная + придаточная присубстантивно-атрибутивная). Придаточная присубстантивно-атрибутивная часть присоединяется чаще относительным местоимением *который*, реже *где / which, where / qui, que, où*.

Если последовательность a_1, \dots, a_n еще не есть E -сеть, то существует точка $a+i$, расстояние которой до каждой из точек a_1, \dots, a_n не меньше ϵ [8, с. 86]. If E is a homotopy commutative ring spectrum then E^* is a Hopf ring in spaces over the evenly graded ring E^* , in which $E^{2n} = E^{2n}(pt)$ [13, с. 6]. Si X_n converge vers X faiblement, la suite $PX_n(A)$ converge vers $PX(A)$ pour tout borélien A dont la frontière est négligeable [11, с. 261].

В данных примерах следственный оттенок предложения подчёркивается частицей *то* (отсутствует в английском и французском языках) или союзом *тогда / then / alors que*. Эти союзы могут быть опущены, тогда оттенок следствия приглушается. Придаточная присубстантивно-атрибутивная часть замыкает всю конструкцию либо находится в середине главной части. В последнем случае её связь с главной более тесная. В данном типе МСПП организующими предикативными единицами в предложении являются главная часть и придаточная функционального типа. Придаточные присубстантивно-атрибутивные части образуют несамостоятельные единицы, структурно и по смыслу связанные с этими организующими центрами. Они здесь уподобляются полупредикативным причастным и деепричастным оборотам.

Мы рассмотрели лишь наиболее типичные для текстов математических произведений на исследуемых языках многокомпонентные конструкции. Все разновидности представлены в исследуемых языках в большей или меньшей степени. Широкое использование инфинитивных и причастных оборотов в англо- и франкоязычных текстах математических произведений снижает частотность МСПП по сравнению с русскоязычными текстами. Разные способы синтаксического построения помогают расставить необходимые акценты в сложном предложении, облегчая его восприятие. Стандартная структура МСПП в текстах математических произведений способствует выполнению основной коммуникативной задачи научного текста – максимально чётко и ясно передать сложную мысль, которая должна быть адекватно понята читателем.

Библиографический список

1. Адмони В.Г. Исторический синтаксис немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1963. – 336 с.

2. *Беднарская Л.Д.* Закономерности грамматического членения многокомпонентных сложных предложений: монография. – Орёл: ГОУ ВПО «ОГУ», 2010. – 154 с.

3. *Волкова Е.Б.* Роль изъяснительных конструкций в многокомпонентных сложноподчинённых предложениях (на материале произведений математического цикла) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета: науч. журнал. – Пятигорск: ПГЛУ, 2015. – Вып. 3. – С. 339–346.

4. *Волкова Е.Б.* Сложноподчинённые предложения нерасчлennного типа в научном стиле русского языка (на материале произведений математического цикла): дис. ... канд. филол. наук. – Вологда, 2016. – 212 с.

5. *Волкова Е.Б., Ременникова И.А., Вечеринина Е.А.* Сравнительный анализ распространительных присубстантивно-атрибутивных сложноподчинённых предложений в научном стиле русского и романо-германских языков (на материале произведений математического цикла) // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 3. – С. 307–312.

6. *Волкова Е.Б., Ременникова И.А., Вечеринина Е.А.* Сопоставительный анализ структуры и семантики сложноподчинённых предложений изъяснительного типа в русском и романо-германских языках (на материале произведений математического цикла) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2016. – № 5. – С. 294–300.

7. *Ганцовская Н.С.* Многокомпонентные сложноподчинённые предложения в научном стиле современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1967. – 274 с.

8. *Понтрягин Л.С.* Непрерывные группы. – М.: Едиториал УРСС, 2009. – 520 с.

9. *Федосов Б.В.* Теоремы об индексе // Итоги науки и техники. Сер.: Современные проблемы математики. Фундаментальные направления, 1991. – Т. 65. – С. 165–268.

10. *Benaych-Georges F.* Introduction aux Probabilités et aux Statistiques Cours de Mathématiques pour économistes (donné à l'ENS de 2002 à 2005). Écrit avec Benoît Mselati. L'École normale supérieure, parfois dite «de la rue d'Ulm», est l'une des institutions ... La majorité des 390 enseignants-chercheurs affectés à l'ENS appartient à des universités tierces ou au CNRS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cmapx.polytechnique.fr/~benaych/Probas.03.10.04.pdf> (дата обращения: 15.08.2018).

11. *Compte G., Merle M.* Equisingularité réelle II: invariants locaux et conditions de régularité [Электронный ресурс] // Annales scientifiques de L'École normale supérieure, série 41, fascicule 2, 2008. – Режим доступа: <https://arxiv.org/pdf/0706.406.pdf> (дата обращения: 23.08.2018).

12. *Donaldson S.K.* A new form of a theorem of Narasimhan and Seshadri // Differential geometry, 1982. – № 18. – P. 269–277.

13. *Hill M.A., Hopkins M.J.* Real Wilson Spaces I [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://arxiv.org/abs/1806.11033> (дата обращения: 05.08.2018).

14. *Hitchin N.* Stable bundles and integrable systems // Duke mathematical journal, 1987. – Vol. 54, No. 1. – P. 91–114.

15. *Jaffard S.* Décompositions en ondelettes [Электронный ресурс] // Developments of Mathematics 1950–2000 / J-P. Pier Ed. – Birkhauser. – P. 609–634(2000) – Режим доступа: <http://decompositions-en-ondelettes.pdf> (дата обращения: 23.08.2018).

References

1. Admoni V.G. Istoricheskiy sintaksis nemeckogo yazyka. – М.: Vysshaya shkola, 1963. – 336 s.

2. *Bednarskaya L.D.* Zakonomernosti grammaticheskogo chleneniya mnogokomponentnyh slozhnyh predlozhenij: monografiya. – Oryol: GOU VPO «OGU», 2010. – 154 s.

3. *Volkova E.B.* Rol' iz"yasnitel'nyh konstrukcij v mnogokomponentnyh slozhnopodchinyonnyh predlozheniyah (na materiale proizvedenij matematicheskogo cikla) // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta: nauch. zhurnal. – Pyatigorsk: PGLU, 2015. – Vyp. 3. – S. 339–346.

4. *Volkova E.B.* Slozhnopodchinyonnye predlozheniya nerashchlenyonnoogo tipa v nauchnom stile russkogo yazyka (na materiale proizvedenij matematicheskogo cikla): dis. ... kand. filol. nauk. – Vologda, 2016. – 212 s.

5. *Volkova E.B., Remennikova I.A., Vecherinina E.A.* Sravnitel'nyj analiz rasprostranitel'nyh prisubstantivno-atributivnyh slozhnopodchinyonnyh predlozhenij v nauchnom stile russkogo i romano-germanskih yazykov (na materiale proizvedenij matematicheskogo cikla) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 3. – S. 307–312.

6. *Volkova E.B., Remennikova I.A., Vecherinina E.A.* Sopotavitel'nyj analiz struktury i semantiki slozhnopodchinyonnyh predlozhenij iz"yasnitel'nogo tipa v russkom i romano-germanskih yazykah (na materiale proizvedenij matematicheskogo cikla) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. – 2016. – № 5. – S. 294–300.

7. *Gancovskaya N.S.* Mnogokomponentnye slozhnopodchinyonnye predlozheniya v nauchnom stile sovremennogo russkogo yazyka: dis. ... kand. filol. nauk. – М., 1967. – 274 s.

8. *Pontryagin L.S.* Nepreryvnye grupy. – М.: Editorial URSS, 2009. – 520 s.

9. *Fedosov B.V.* Teoremy ob indekse // Itogi nauki i tekhniki. Ser.: Sovremennye problemy matematiki.

Fundamental'nye napravleniya, 1991. – Т. 65. – S. 165–268.

10. Benaych-Georges F. Introduction aux Probabilités et aux Statistiques Cours de Mathématiques pour économistes (donné à l'ENS de 2002 à 2005). Ecrit avec Benoît Mselati. L'École normale supérieure, parfois dite «de la rue d'Ulm», est l'une des institutions ... La majorité des 390 enseignants-chercheurs affectés à l'ENS appartient à des universités tierces ou au CNRS [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.cmapx.polytechnique.fr/~benaych/Probas.03.10.04.pdf> (data obrashcheniya: 15.08.2018).

11. Comte G., Merle M. Equisingularité réelle II: invariants locaux et conditions de régularité [EHlektronnyj resurs] // Annales scientifiques de L'École normale supérieure, série 41, fascule 2, 2008. –

Rezhim dostupa: <https://arxiv.org/pdf/0706.406.pdf> (data obrashcheniya: 23.08.2018).

12. Donaldson S.K. A new form of a theorem of Narasimhan and Seshadri // Differential geometry, 1982. – № 18. – P. 269–277.

13. Hill M.A., Hopkins M.J. Real Wilson Spaces I [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://arxiv.org/abs/1806.11033> (data obrashcheniya: 05.08.2018).

14. Hitchin N. Stable bundles and integrable systems // Duke mathematical journal, 1987. – Vol. 54, No. 1. – P. 91–114.

15. Jaffard S. Décompositions en ondelettes [EHlektronnyj resurs] // Developments of Mathematics 1950–2000 / J-P. Pier Ed. – Birkhauser. – R. 609–634(2000) – Rezhim dostupa: <http://decompositions-en-ondelettes.pdf> (data obrashcheniya: 23.08.2018).

Журавлева Наталья Николаевна

кандидат педагогических наук
Костромская государственная сельскохозяйственная академия
n.juravleva@mail.ru

Попутникова Людмила Андреевна

кандидат исторических наук
Костромская государственная сельскохозяйственная академия
popytnikova@rambler.ru

Евдокимова Ирина Юрьевна

Костромская государственная сельскохозяйственная академия
irina.schvecova@ro.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРМИНОСИСТЕМЫ «ACKERSCHLEPPER» (СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ТРАКТОР) В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена семантическому и структурному анализу немецкоязычной терминологии, обеспечивающей профессиональную коммуникацию в сфере создания, эксплуатации и обслуживания сельскохозяйственных машин. В статье рассматриваются такие понятия, как системность терминов, терминосистема и терминология, сравниваются методы функциональной и когнитивной лингвистики по систематизации и упорядочению терминов. Авторы изучили значительный лексический материал в сфере современной немецкоязычной технической литературы и разработали когнитивную языковую модель терминосистемы «Ackerschlepper». В статье рассмотрена этимология лексемы «Schlepper»: способ и время ее вхождения в нормативный немецкий язык, проанализирована частотность употребления термина в текстах и заголовках ведущих немецких газет и журналов в разные исторические периоды.

Опираясь на теорию фреймовой семантики, авторы осуществили семантический анализ гиперфрейма «Ackerschlepper», дали формально-грамматическую характеристику входящей в его состав терминологии.

Практическая значимость работы заключается в дальнейшем использовании результатов исследования при пополнении тематических онлайн-словарей и программ-переводчиков, при обучении иностранному языку и профессии, а также в научно-исследовательском процессе в практике высших учебных заведений инженерного и сельскохозяйственного профилей.

Ключевые слова: терминосистема, семантические и структурные характеристики терминов, фреймовый анализ, фреймовая семантика.

Термин «трактор» в немецком языке представлен синонимами в виде заимствования с английского языка «der Traktor» и аутентичного немецкого эквивалента «der Schlepper». Электронный толковый словарь немецкого языка в истории и современности (Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart) раскрывает этимологию лексемы Traktor (*m*) следующим образом: «сельскохозяйственная тяговая машина (20-е годы XX в.), образовано от английского *tractor* с латинским корнем *trahere (tractum)* – тащить, волочить» [1]. Наряду с заимствованием в немецком языке существует и отечественное обозначение данного вида сельскохозяйственной машины: *der Schlepper* – от глагола *schleppen* (тащить по земле, волочить). Северогерманский вариант слова *slēpen* под влиянием южно-германского *schleifen* вошел в нормативный немецкий язык путем редукции корневой гласной в XIII веке [1]. В настоящее время в результате научно-технической эволюции в области тракторостроения термины «der Traktor» и «der Schlepper» приобрели несколько другое значение, а именно «используемое преимущественно в сельском хозяйстве транспортное средство для передвижения и работы машин, агрегатов и другого навесного и прицепного оборудования» [3].

Частотность данных терминов в немецком языке в разные периоды времени отличалась, о чем свидетельствуют графики словоупотребления терминов «der Traktor» (рис. 1) и «der Schlepper» (рис. 2) в текстах и заголовках ведущих немецких газет и журналов начиная с 1945 года.

Учитывая резкое возрастание словоупотребления термина *Schlepper* начиная с 2010 года, примем данную лексему за базисную в характеристике исследуемой терминосистемы, уточнив данное понятие атрибутивным расширением «Acker-» (сельскохозяйственный, пахотный).

Принято считать, что существование отдельного термина, являющегося точным обозначением определенного понятия какой-либо области знаний, возможно лишь в системе: специальной или общезыковой. Первым из ученых-лингвистов, кто затронул вопрос о системности терминов, был Д.С. Лотте, основатель российской терминологической школы, по убеждению которого любая терминологическая единица принадлежит к определенной терминологической системе, основывающейся на классификации понятий [11, с. 48–57].

В зависимости от того, стихийно ли формировалась система терминов или была создана искусственно, ученые выделяют две совокупности терминов – терминосистему и терминологию [10].

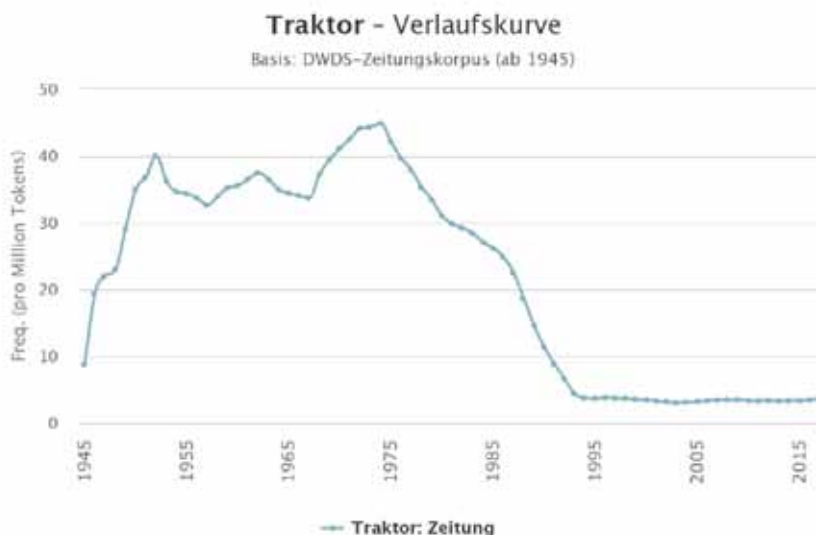

Рис. 1. Частотность употребления лексемы *Traktor* в корпусе ведущих немецких газет (количество слов на 1 млн знаков) [1]

Рис. 2. Частотность употребления лексемы *Schlepper* в корпусе ведущих немецких газет (количество слов на 1 млн знаков) [1]

Проанализировав терминологию, описывающую такую сферу человеческой жизнедеятельности, как создание, эксплуатация и обслуживание сельскохозяйственных машин, которая формировалась стихийно вместе с соответствующей отраслью промышленности, мы разработали языковую модель данной области знаний – терминосистему «Сельскохозяйственный трактор».

Для систематизации и упорядочения терминов применяют разные подходы. В функциональной лингвистике в основе систематизации терминов лежит теория семантических полей.

В когнитивной лингвистике это теория фреймовой семантики, разработанная в 70-х годах XX века американским ученым Ч. Филмором с целью систематизации человеческого опыта в языковой форме.

Оба понятия – «семантическое поле» и «фрейм» – имеют некоторые сходства. Семан-

тическое поле представляет собой «иерархическую структуру множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающая в языке определенную понятийную сферу» [12, с. 487].

Но, как отмечал Ч. Филмор, в отличие от теории семантического поля, где группы лексем исследуются ради них самих, а лексико-семантические области интерпретируются как собственно языковые феномены, семантика фреймов изучает взаимодействие языковых единиц с ментальным пространством [14, с. 52–92]. Фреймовая теория имеет междисциплинарный характер и интегрируется в различные области знания (лингвистического и нелингвистического). Как универсальный метод научного исследования, она позволяет объяснить многие языковые явления с позиции когнитивного анализа.

При составлении языковой модели, описывающей терминосистему «Сельскохозяйственный трактор», мы опирались именно на когнитивный метод лингвистического исследования и на теорию фреймовой семантики. В своем исследовании мы придерживаемся мнения, что метод фреймовой семантики наиболее перспективен, поскольку дает расширенные возможности для применения результатов языкового анализа в образовательном и научно-исследовательском процессе в определенной практической области знаний (специальности), в данном случае – механизации сельского хозяйства. Когнитивная схема конструкции, эксплуатации и обслуживания сельскохозяйственных машин будет весьма полезна при обучении иностранному языку и профессии в практике высших учебных заведений инженерного и сельскохозяйственного профилей. Это подтверждает практическую значимость нашего исследования. Билингвальное обучение (предметное обучение на иностранном языке) расширяет возможности образовательного процесса: одновременно формирует знания в области нескольких дисциплин, укрепляет межпредметные связи, формирует предпосылки дальнейшего международного сотрудничества будущих специалистов с коллегами по профессии [7, с. 49].

В процессе работы с немецкоязычной технической литературой мы сделали отбор наиболее частотной терминологии по выбранной теме общим объемом 1500 лексических единиц. Выборка осуществлялась из современных немецкоязычных справочных, учебных, научных и популярных информационных источников в области механизации сельского хозяйства. Источником формирования терминокорпуса послужили также сайты, форумы и интернет-журналы ведущих тракторных производителей: John Deere, Fendt, Deutz-Fahr, Case IH/Steyr, Claas, Massey Ferguson, Valtra, Mercedes-Benz.

Рассмотрим более подробно терминосистему «Ackerschlepper». (рис. 3). Исследуемый фрейм

выступает как особая ментальная структура, в которой интеллектуальные ресурсы субъекта представлены в «свернутом» виде и при определенных внешних условиях могут «развертываться» особым образом в организованное ментальное пространство» [15, с. 80; 13, с. 190–194].

Терминосистема представляет собой структуру тематических и иерархических связей и отношений между отдельными компонентами (субфреймами). Тематическая направленность связей между отдельными компонентами системы располагается по горизонтали, иерархическая зависимость субфреймов как отношение «частного к общему» – по вертикали. В качестве основных тематических ветвей терминосистемы «Ackerschlepper» мы выделили следующие фреймы: Klassifikation (классификация), Konstruktion (конструкция), KFZ-Service (автосервис), Anbauausrüstung (навесное оборудование). Выбор данных базовых элементов системы мы объясняем основными темами бытового и профессионального общения, связанными с понятием «сельскохозяйственный трактор». Большинство изученных нами немецкоязычных учебных пособий, сайтов производителей сельскохозяйственной техники, научной и популярной литературы имеют данную тематическую рубрику.

Фрейм «Klassifikation» включает терминологию, связанную с классификацией сельскохозяйственных машин по их функциональному назначению. Появление тракторов для выполнения различного вида сельскохозяйственных работ обусловило развитие и дальнейшее функционирование специальной лексики в этом направлении.

К фрейму «Konstruktion» относится терминология, отражающая строение сельскохозяйственного трактора: системы, механизмы, узлы, агрегаты, детали.

Фрейм «KFZ-Service» отражает специальную лексику из области работ по техническому обслуживанию

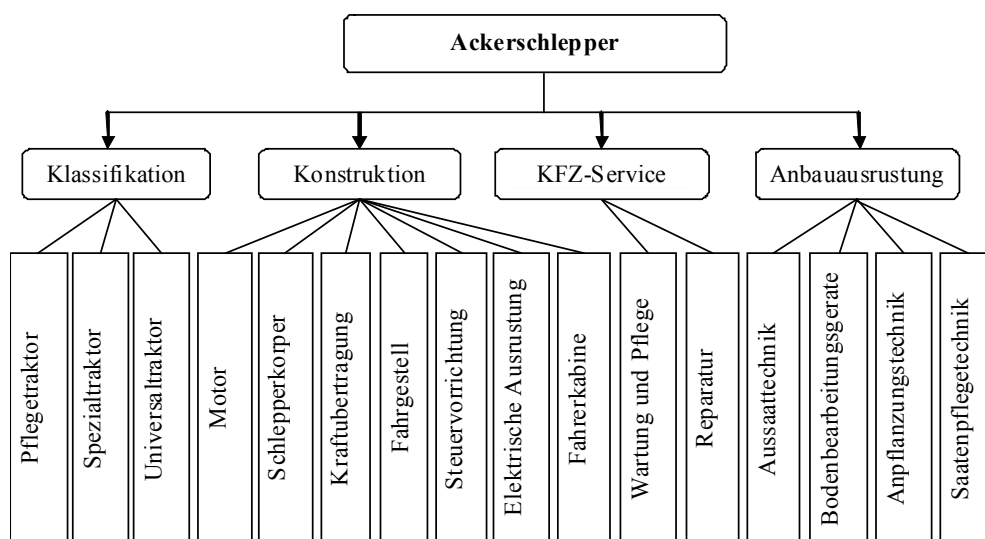

Рис. 3. Терминосистема «Ackerschlepper»

Таблица 1

Примеры лексического наполнения отдельных субфреймов терминосистемы «Ackerschlepper»

Субфреймы	Примеры терминологии	
	в немецком языке	в русском языке
Pflegetraktor (m) (пропашной трактор)	Einsinktiefe (n), Bodenfreiheit (f), Spurweite (f), Zugkraftklasse (f), Wälzachse (f), Rohrbalken (f), Geländegängigkeit (f), Abfederung (f), Gummibereifung (f), Bergsteigefähigkeit (n)	глубина колеи, дорожный просвет, ширина колеи, тяговый класс, ось качения, трубчатая балка, повышенная проходимость, рессорная подвеска, пневматические шины, способность преодолевать подъемы
Spezialtraktor (m) (специальный трактор)	Geräteträger (m), Radfahrwerk (n), Viertakt-Dieselmotor (m), Lenkvorrichtung (f), Antriebsachse (f), aufgelöster Antrieb (m), Differentialgetriebe (n), Schaufellader (m), Planierraupe (f), Bergschlepper (m)	самоходное шасси, колесный движитель, четырехтактный дизель, механизм поворота, ведущий мост, раздельный привод, дифференциал, ковшовый погрузчик, грейдер, горный трактор
Universaltraktor (m) (трактор общего назначения)	Arbeitsoperation (f), Beladerampe (f), Arbeitsintensität (f), Radsturz (n), Rangieren (n), Reibbeiwert (m), Rückwärtsgang (m), Schiebkraft (f), Seilwinde (f), Richtungsstabilität (f)	технологическая операция, погрузочная платформа, мощность, развал колес, маневрирование, коэффициент трения, задний ход, толкающее усилие, лебедка, устойчивость
Motor (m) (двигатель)	Kurbeltrog (m), Manometer (n), Austreiber (m), Abgassammler (m), Entlüfter (m), Wasserpumpe (f), Zylinderkopf (m), Druckstange (f), Starter (m), Luftreiniger (m), Kraftstoffpumpe (f), Einspritzdüse (f), Ansaugventil (m)	картер, манометр, генератор, выпускной коллектор, сапун, водяной насос, головка цилиндра, шатун, стартер, воздухоочиститель, топливный насос, форсунка, впускной клапан
Schlepperkörper (m) (остов трактора)	Querbalken (m), Kupplungsgehäuse, Lagerbalken (n), Getriebegehäuse (n), Hinterachsstrebe (n), Nirostschraube (pl), Antriebsstück (n), Achsbrücke (f), Längsträger (pl), Doppelgelenkscharnier (n).	поперечный брус, корпус сцепления, продольный брус, корпус коробки передач, корпус заднего моста, болты, корпус обгонной муфты, балка моста, лонжероны, двойной шарнир
Kraftübertragung (f) (трансмиссия)	Endgetriebe (n), Ausgleichgetriebe (n), Kupplung (f), hydraulisch geschaltetes Getriebe (n), Achsabstand (n), Zwischenverbindung (f), Drehgetriebe (n), Kardanwelle (f), Torsionsmoment (n), Winkelgetriebe (n)	конечная передача, дифференциал, сцепление, коробка передач с гидравлическим включением, главная передача, промежуточное соединение, механизм поворота, карданный вал, крутящий момент, угловая передача
Fahrgestell (n) (ходовая система)	Antriebsräder (pl), Rumpf (m), Barren (m), Leitrad (n), Vorderachse (f), Aufhängung (f), Antriebsachse (f), vordere Rahmenhälfte (f), hintere Rahmenhälfte (f), Scharnier (m)	ведущие колеса, корпус, брусья, направляющее колесо, передняя ось, подвеска, ведущий мост, передняя полурама, задняя полурама, шарнир
Steuervorrichtung (f) (механизм управления)	Fahrkupplung (f), Pedale (pl), Fahrbremse (f), Zapfen (m), Steuerstange (f), Lenkrad, Lenkhebel (n), Schnecke (f), Sektor (m), Lenkstrang (f)	муфта сцепления, педали, тормоз, цапфа, продольная тяга, рулевое колесо, сошка, червяк, сектор, рулевой вал
Elektrische Ausrüstung (n) (электрооборудование)	Akkumulator (m), Schaltrelais (n), Austreiber (m), Starter (m), Anlasseranker (m), Betätigungsspule (f), Schutzgehäuse (n), Magnetfeld (n), Buchse (f), Federn (pl)	аккумулятор, реле, генератор, стартер, якорь стартера, катушка возбуждения, защитный кожух, магнитное поле, втулка, пружины
Fahrerkabine (f) (кабина)	Absplitterung (pl), Flügel (pl), Sitz (m), Geschwindigkeitsmesser (m), Haube (f), Getriebe (n), Besspiegelung (pl), Lenkrad (n), Dach (n), Nebelscheinwerfer (pl)	стекла, двери, сиденье, спидометр, капот, коробка передач, зеркала, рулевое колесо, крыша, противотуманные фары
Wartung (f) und Pflege (f) (техническое обслуживание и уход)	Nutzungsdauer (f), Arbeitsgang (m), Aufbewahrung (f), Läuteranlage (f), Ansatz (m), Auslauf (m), Abwälzung (f), Abschmieren (n), Fristinspektion (f), Ausnutzung (f)	срок службы, операция, хранение, мойка, заправка, износ, обкатка, смазка, периодический осмотр, эксплуатация
Reparatur (f) (ремонт)	Zusammenbau (m), Generalreparatur (f), Diagnostik (f), Zyklus (m), Nutzungsdauer (f), Störung (f), Wartbarkeit (f), Einzelheit (f), Ausrüstung (f), Werkzeug (n)	монтаж, капитальный ремонт, диагностика, периодичность, наработка, неисправность, ремонтпригодность, деталь, оборудование, инструмент
Aussaattechnik (f) (посевная техника)	Aussaat (f), Ausbringen (n), Fertigung (f), Aggregat (n), Landwirtschaftskultur (f), Kraftstoff (m), Furche (f), Drillmaschine (f), Sämereien (f), Konstruktion (f)	посев, производительность, технология, агрегат, сельскохозяйственная культура, топливо, борозда, сеялка, семена, конструкция
Bodenbearbeitungsgeräte (pl) (почвообрабатывающая техника)	Grubber (m), Egge (f), Boden (m), Auflockerer (m), Schälpflug (m), Pflug (m), Ackerbau (m), Wenden (n), Teller (m), Bodendichtung (f)	культиватор, борона, почва, рыхлитель, лущильник, плуг, земледелие, оборачивание, диск, уплотнение грунта

Субфреймы	Примеры терминологии	
	в немецком языке	в русском языке
Anpflanzungstechnik (f) (посадочная техника)	Saatleitung (f), Setzling (m), Pflanzmaschine (f), Gleichstandsdrillmaschine (f), Fertigteil (n), Rutschplanken (n), Bewässerungsgerät (n), Setzabstand (n), Abgleich (m), Feinsamenbehälter (m)	семяпровод, рассада, рассадопосадочная машина, сеялка точного высева, секция, катки, поливное устройство, шаг посадки, регулировка, бункер для мелких семян
Saatenpflegetechnik (f) (техника по уходу за посевами)	Aufgießen (n), Düngergabe (n), Abspritzen (n), Ausblaspistole (f), Mineralstoffdüngung (n), Auflockerung (f), Beifutter (n), Mulchen (n), Wurzelwerk (n), Pflanzenschutz (f)	полив, внесение удобрений, опрыскивание, распылитель, минеральные удобрения, рыхление, подкормка, мульчирование, корневая система, защита

живанию, уходу и ремонту сельскохозяйственных тракторов.

В отдельный фрейм «**Anbauausrüstung**» мы выделили терминологию по навесному оборудованию к сельскохозяйственному трактору, поскольку оно не относится к основной машине, но позволяет модифицировать технику для выполнения работ разного назначения.

В таблице 1 представлены субфреймы по обозначенным выше тематическим направлениям и примеры относящейся к ним терминологии на немецком и русском языках.

Семантический анализ терминосистемы «**Askerschlepper**» весьма важен, но недостаточен для полной ее характеристики. Большое значение имеет не только план содержания, но и план выражения лингвистического материала. Рассмотрим формально-грамматическую характеристику исследуемой терминосистемы, а именно способы словообразования.

Подсчет способов образования 1500 лексических единиц в рамках системы «**Askerschlepper**» позволил вывести определенную статистику. Наиболее продуктивным оказался морфологический способ: 1080 терминов, что составило 72 % общей выборки. Новые термины были образованы путем преобразования уже существующих слов по определенным словообразовательным моделям (аффиксация, словосложение, аббревиация).

Стоит отметить, то наибольшее количество терминов, входящих в состав фрейма «**Askerschlepper**», образовано посредством словосложения. Мы насчитали 660 многокомпонентных терминов, что составило 44 % выборки, например: *der Pflege|traktor* – универсально-пропашной трактор; *die Gleich|stands|drill|maschine* – сеялка точного высева; *der Geschwindigkeits|messer* – тахометр; *die Zug|kraft|klasse* – тяговый класс; *das Kupplungs|gehäuse* – картер сцепления.

На втором месте по продуктивности оказался способ образования новых терминов с помощью суффиксов и префиксов: 23 % терминов (345 лексических единиц), например: *die Ab|feder|ung* – подрессоривание, рессорное подвешивание; *Aus|treib|er* – генератор; *die Wart|bar|keit* – ремонтпригодность; *die Aus|saat* – сев; *das Getriebe* – трансмиссия, коробка передач и др.

С целью экономии языковых средств многокомпонентные термины и терминологические сочетания заменяются аббревиатурами в технической документации (в инструкциях, в руководстве по эксплуатации и техническому обслуживанию и ремонту). В рамках сделанной нами выборки лексических единиц мы насчитали 75 сокращений, например:

B100 – *Biodiesel in Reinform* – биодизель марки *B100*, чистый биодизель без минеральных добавок; *PS (Pferdestärke)* – лошадиные силы; *FZ (Frontzapfwelle)* – фронтальный вал отбора мощности.

Многие из сокращений образованы от заимствованных из английского языка слов и терминосочетаний. И это несмотря на наличие в немецком языке эквивалентных терминов, например: *2WD (Two Wheel Drive = Zweiradantrieb)* – двухколёсный привод; *APS (Automatic PowerShift = Schaltautomatik)* – устройство автоматического переключения; *EEM (Electronic Engine Management = elektronische Motorregelung)* – электронное регулирование скорости вращения двигателя и т. д.

Образованные с помощью синтаксического способа терминологические сочетания составили 18 % выборки (270 единиц), например: *hydrostatischer Vorderradantrieb* – гидравлический передний привод; *elektronische System zur automatischen Anpassung der Motorleistung an die Belastung* – электронная система регулировки мощности двигателя к нагрузке; *stufenloses Getriebe* – бесступенчатая коробка передач; *technische Anforderungen* – технические требования; *mechanischer Vorderradantrieb* – механический передний привод и т. д.

Выделенная нами группа простых терминов составила 150 лексических единиц (10 % проанализированных терминов), например: *der Sitz* – сиденье; *die der Gang* – передача, скорость; *Buchse* – втулка; *der Rumpf* – корпус, стойка (плуга); *das Rad* – колесо; *der Motor* – двигатель и т. д.

Стоит отметить, что многие простые термины, описывающие фрейм «**Askerschlepper**», образованы на основе внешнего, предметного или функционального сходства объектов. Именно этот способ начал использоваться одним из первых в ходе развития тракторной промышленности для соз-

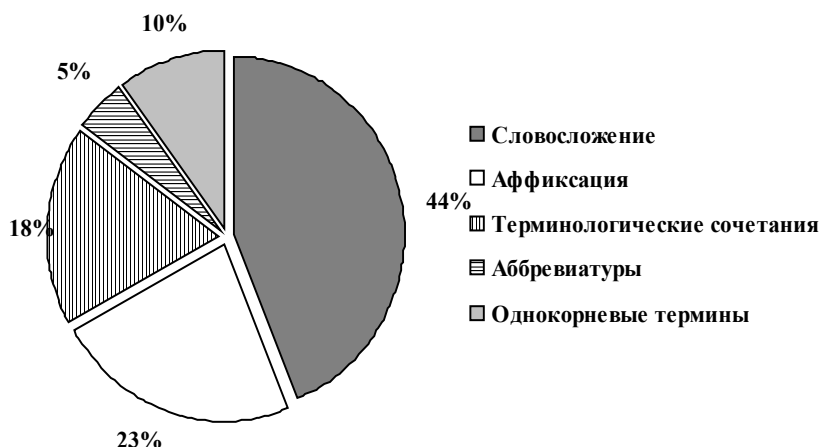

Рис. 4. Модели образования терминологии фрейма «Ackerschlepper»

дания новых терминологических наименований, описывающих данную сферу жизнедеятельности человека. В качестве примеров терминологической метафоризации можно привести следующие: *der Zapfen*, основное значение которого «шпика», в области автомобиле- и тракторостроения используется в значениях «цапфа», «шип», «стержень»; *die Feder* (основное значение – «перо птицы») используется в значении «пружина» или «рессора»; *der Flügel* (основное значение – «крыло») – крыло или несущая плоскость; *der Teller* (основное значение – «тарелка») – диск; *die Haube* (основное значение – «чепец») – капот двигателя и т. д.

Специфика образования немецкой терминологии, описывающей фрейм «Ackerschlepper», отражена в приведенной диаграмме (рис. 4).

В результате проведенного нами анализа терминосистемы «Ackerschlepper» мы можем сформулировать некоторые выводы. Терминология в предметной области «сельскохозяйственные машины» может быть систематизирована когнитивным методом и представлена в виде структурированной терминосистемы, имеющей семантические и формально-грамматические характеристики. Научная и практическая значимость проведенного исследования заключается в отборе, анализе и систематизации большого количества терминологического материала по теме «Ackerschlepper» (сельскохозяйственный трактор), что в свою очередь намечает линии перспективного направления развития темы исследования в области когнитивной лингвистики, переводческой деятельности. Фреймовая систематизация семантического материала может внести весомый вклад в совершенствование электронного переводческого сервиса по выбранной теме. Как отмечают многие исследователи и пользователи программ-переводчиков, в этой сфере сегодня существуют определенные проблемы с адекватностью и точностью технического перевода [8; 9]. Пополнение электронных баз данных на основе устойчивых когнитивных связей между элементами терминосистемы позволяет более эффективно

подобрать варианты автоматического перевода. Результаты исследования могут также использоваться в практике обучения иностранному языку и специальности будущих технических и научных работников в области механизации сельского хозяйства.

Библиографический список

1. Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart [Электронный ресурс] // Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. – Режим доступа: <https://www.dwds.de/wb> (дата обращения: 14.10.2018).
2. Schlepperkatalog 2018. Alle Typen mit Daten und Preisen / Profi – Magazin für professionelle Agrartechnik. – Münster: Landwirtschaftsverlag, 2017. – 383 s.
3. Traktor [Электронный ресурс] // Wiktionary, das freie Wörterbuch. – Режим доступа: <https://de.wiktionary.org/wiki/Traktor> (дата обращения: 14.10.2018).
4. Traktoren und Landmaschinen: Wie sie funktionieren und was sie können. – Fränkisch-Crumbach: Edition Xxl Verlag, 2012. – 47 s.
5. Udo Paulitz. Traktoren – Die schönsten Modelle seit den 1920er Jahren. – Pottscheidt: HEEL Verlag, 2011. – 256 s.
6. Walter Kletzl, Manuel Schott, Stefan Auer. Handbuch Reparaturen an Landmaschinen und Traktoren. – Stuttgart: Verlag Eugen Ulmer, 2010. – 550 s.
7. Журавлева Н.Н., Водопьянова Т.А. Особенности предметного обучения на иностранном языке в образовательной практике вуза // Образовательная деятельность вуза в современных условиях: материалы Международной научно-методической конференции. – Караваево: Костромская ГСХА, 2015. – С. 49.
8. Журавлева Н.Н., Красильщик Е.А., Попутникова Л.А. Грамматические трансформации при переводе с германских языков на русский (на примере веб-текстов инженерной направленности) //

Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 147–152.

9. Журавлева Н.Н., Попутникова Л.А., Орлов Д.А. Проблема использования словарей и электронного переводческого сервиса при переводе специальной литературы с германских языков [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2017. – № 4. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/article/view?id=26551> (дата обращения: 13.07.2017).

10. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. – М.: Librokom, 2009. – 256 с.

11. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии // Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 158 с.

12. Новиков Л.А. Избранные труды: в 2 т. – М.: РУДН, 2013. – 842 с.

13. Попутникова Л.А., Тампей В.П. Анализ структуры и особенностей формирования кинологической терминологии в немецком языке // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – Т. 23, № 3. – С. 190–194.

14. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – С. 52–92.

15. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. – СПб.: Питер, 2002. – 272 с.

References

1. Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart [Электронный ресурс] // Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. – Режим доступа: <https://www.dwds.de/wb> (дата обращения: 14.10.2018).

2. Schlepperkatalog 2018. Alle Typen mit Daten und Preisen / Profi – Magazin für professionelle Agrartechnik. – Münster: Landwirtschaftsverlag, 2017. – 383 s.

3. Traktor [Электронный ресурс] // Wiktionary, das freie Wörterbuch. – Режим доступа: <https://de.wiktionary.org/wiki/Traktor> (дата обращения: 14.10.2018).

4. Traktoren und Landmaschinen: Wie sie funktionieren und was sie können. – Fränkisch-Crumbach: Edition Xxl Verlag, 2012. – 47 s.

5. Udo Paulitz. Traktoren – Die schönsten Modelle seit den 1920er Jahren. – Pottscheidt: HEEL Verlag, 2011. – 256 s.

6. Walter Kletzl, Manuel Schott, Stefan Auer. Handbuch Reparaturen an Landmaschinen und Traktoren. – Stuttgart: Verlag Eugen Ulmer, 2010. – 550 s.

7. ZHuravleva N.N., Vodop'yanova T.A. Osobennosti predmetnogo obucheniya na inostrannom yazyke v obrazovatel'noj praktike vuza // Obrazovatel'naya deyatel'nost' vuza v sovremennyh usloviyah: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii. – Karavaevo: Kostromskaya GSKHA, 2015. – S. 49.

8. ZHuravleva N.N., Krasil'shchik E.A., Poputnikova L.A. Grammaticheskie transformacii pri perevode s germanskikh yazykov na russkij (na primere veb-tekstov inzhenernoj napravlenosti) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 2. – S. 147–152.

9. ZHuravleva N.N., Poputnikova L.A., Orlov D.A. Problema ispol'zovaniya slovarей i ehlektronnogo perevodcheskogo servisa pri perevode special'noj literatury s germanskikh yazykov [Электронный ресурс] // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2017. – № 4. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/article/view?id=26551> (дата обращения: 13.07.2017).

10. Lejchik V.M. Terminovedenie: Predmet, metody, struktura. – М.: Librokom, 2009. – 256 с.

11. Lotte D.S. Osnovy postroeniya nauchno-tekhnicheskoy terminologii // Voprosy teorii i metodologii. – М.: Izd-vo AN SSSR, 1961. – 158 s.

12. Novikov L.A. Izbrannye trudy: v 2 t. – М.: RUDN, 2013. – 842 s.

13. Poputnikova L.A., Tampej V.P. Analiz struktury i osobennostej formirovaniya kinologicheskoy terminologii v nemeckom yazyke // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – Т. 23, № 3. – С. 190–194.

14. Fillmor CH. Frejmy i semantika ponimaniya // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – М.: Progress, 1988. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – С. 52–92.

15. Holodnaya M.A. Psihologiya intellekta: paradoksy issledovaniya. – SPb.: Piter, 2002. – 272 s.

Зими́на Мари́на Влади́мировна

кандидат филологических наук
Ивановский государственный университет, г. Иваново
m_zimina@mail.ru

Ополовникова Мари́я Влади́мировна

кандидат филологических наук
Ивановский государственный университет, г. Иваново
otw@mail.ru

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ

Статья посвящена исследованию образа президента России, создаваемого в немецкоязычной прессе с помощью концептуальной метафоры. Рассматривается метафорическая номинация Zar, являющаяся базовой в модели «Президент – царь». Отмечается, что данная лексическая единица обладает в немецкой лингвокультуре отрицательной коннотацией, способствуя созданию негативного образа В.В. Путина. Обосновывается идея о том, что прагматический и персуазивный потенциал исследуемой метафоры может быть реализован с опорой на логику, лексическую семантику, коммуникативное членение высказывания. Устанавливаются способы перенесения характеристик, имплицитруемых словом Zar, на президента. Авторы приходят к выводу о том, что акцентирование на негативной характеристике, содержащейся в метафорическом наименовании Zar, происходит как на уровне отдельного высказывания, так и на уровне текста. Выявляются механизмы формирования общественного мнения и манипулирования им с помощью метафоры.

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, прагматика, коммуникативное членение предложения, коннотация, манипулирование, президент России, царь.

Пресса призвана освещать актуальные события, происходящие на мировой арене, информируя, интерпретируя и давая определенную оценку с целью формирования общественного мнения. Поскольку Россия является одним из стержневых актеров современной политической жизни, она часто упоминается в СМИ, в том числе и в немецкоязычных газетах и журналах. К сожалению, приходится констатировать, что нашей стране по-прежнему отводится роль основного противника стран Запада, представляющего серьезную угрозу демократическому миру. В соответствии со своими главными функциями западные СМИ рисуют преимущественно негативный образ России. При этом в немецкоязычной прессе существенная роль отводится фигуре президента В.В. Путина, поскольку он является ведущим репрезентантом Российской Федерации на международной политической сцене.

В информационном обществе у СМИ есть реальная возможность существенно исказить представления граждан о политических лидерах и политической жизни в стране и мире, поскольку медиатексты ориентированы «не только на удовлетворение информационных потребностей массовой аудитории, но и на информационное воздействие» [3, с. 27]. Представления событий политической и общественной жизни в определенном свете можно достичь, выбирая что, где и как сообщить. Одним из основных инструментов СМИ является язык. Его ресурсы служат не только для информирования, но и для манипулирования общественным сознанием. Арсенал языковых средств, имеющийся в распоряжении журналистов, широк и включает в себя как лексический инвентарь, так и грамматические конструкции

и стилистические фигуры, умелое использование которых позволяет передать тончайшие оттенки смысла, выразить оценку, сформировать необходимое мнение читателей. Особое место среди языковых средств, обладающих богатым прагматическим и персуазивным потенциалом, занимает метафора, призванная «организовать общественное мнение, создать у адресата нужный адресанту яркий, зримый образ, также суггестивно влияющий на восприятие информации под заданным углом зрения» [4, с. 99].

В современных работах по политической и медиалингвистике преобладает когнитивный подход к интерпретации метафоры, в рамках которого она трактуется как один из видов ментальных операций, как способ познания, структурирования и объяснения мира. Суть метафоры заключается в «понимании и переживании сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [6, с. 27]. Тесная связь метафоры с ментальной обработкой, концептуализацией и категоризацией действительности обуславливает ее широкое использование в медийном и политическом дискурсе в качестве средства манипуляции, для «переконцептуализации картины мира адресата» [1, с. 47].

Метафоры, как правило, функционируют не изолированно, а объединяются в метафорические модели – своего рода « типовые схемы, отражающие специфику национальной ментальности на данном этапе развития общества и социальные представления о концептуальной организации сферы-источника и сферы-мишени метафорической экспансии» [10, с. 56]. Существенной особенностью является то, что при когнитивном анализе метафорических моделей рассматриваются «не только собственно метафоры, но и другие тропы:

метафорический эпитет, сравнение, ирония, гиперболы, литота и т. п.» [10, с. 42].

Анализу языковых средств создания образа России и В.В. Путина на разных этапах его правления посвящено множество исследований, проводимых на материале зарубежных и отечественных СМИ, при этом большое внимание уделяется изучению метафоры. Отметим, что сами метафорические модели, представленные в данных работах, в большинстве случаев одинаковы, варьируется лишь их частотность и наполнение. К наиболее типичным можно отнести: Россия – это человеческий (больной) организм, преступное сообщество, милитаризованное общество, монархия, мир животных, царство растений, дом, механизм, театр, игра, спортивное состязание. Образ президента, как правило, рассматривается в рамках данных моделей.

Представляется интересным рассмотреть, какие метафоры со сферой-мишенью ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ преобладают в немецкой прессе последнего времени и каким образом они реализуют свой прагматический потенциал. Материалом исследования послужили немецкоязычные газеты и журналы за январь – август 2018 г. Было выявлено, что основными метафорическими моделями медийного политического дискурса в данный период выступают «Президент – это единоличный правитель», «Президент – это враг», «Президент – это хозяин», «Президент – это игрок».

Чаще всего встречается модель «Президент – это единоличный правитель», представленная различными фреймами, в качестве центральных элементов которых можно выделить метафорические номинации *Zar*, *Autokrat*, *Herrscher*. Эти лексемы со значением «правитель, человек, обладающий властью» находятся в иерархических отношениях, причем *Herrscher* – это гипероним, а у лексем *Autokrat* и *Zar* к данной общей семантической основе добавляется компонент «неограниченное единовластие», при этом *Zar* используется для обозначения монархов в России. Такой тип семантических отношений между данными лексемами определяет сходство структуры фреймов, выстраиваемых вокруг данных метафор, и в то же время обуславливает количественно-качественные различия их наполнения.

Наиболее разветвленной является модель «Президент – это царь», выступающая элементом модели «Россия – это монархия». Отметим, что данные метафоры не являются новыми, они широко используются уже на протяжении достаточно большого времени в прессе разных стран. Структуру модели формирует ряд фреймов/слотов, отражающих основные сведения о данном понятии: правитель (*Zar*), его окружение (*Hof*, *Höfiling*, *Untertan*, *Vasall* и проч.), атрибутика (*Zepter*, *Thron*), форма правления (*Neozarismus*, *Neoimperialismus*, *Imperium*, *Reich* и др.), способ прихода к власти

(*Inthronisation*) и др. Использование монархической метафоры способствует созданию и распространению определенных стереотипов, касающихся роли президента, характера власти и способов ее передачи в России.

В рамках данной статьи подробнее остановимся на метафорической номинации *Zar*, прагматическом эффекте ее использования и механизмах его реализации. Лексема *Zar* является базовой в метафорической модели «Президент – царь» и самой частотной в слоте «правитель», она используется для характеристики президента России, наделяя В.В. Путина качествами, присущими прототипическому монарху, и приписывая ему политически неограниченную власть. Отметим, что образ царя в русской и немецкой культурной традиции различен. В немецкой аудитории под «царем» понимается носитель титула монарха в дореволюционной России: *Zar* – 1) *Titel des Monarchen im vorrevolutionären Russland*, 2) *Träger des Titels Zar*. Данное понятие не нагружено дополнительными коннотациями, свойственными русскому концепту «царь», поскольку не является ключевым для немецкой картины мира. Соответственно, употребление данной лексемы актуализирует образ человека, обладающего характеристиками, которые выводятся непосредственно из семантики самого слова: единоличный русский правитель. Семантика негативной оценки, присущая этому слову в контекстах, описывающих современные российские реалии, связана, очевидно, с семой «единовластие», поскольку одной из базовых ценностей европейского сообщества является плюрализм мнений, и потому практически абсолютная власть В.В. Путина жестко критикуется.

Рассмотрим способы, используемые в немецкоязычной прессе для установления связи между понятиями «*Präsident/Putin*» и «*Zar*», то есть для репрезентации отношения «объект – признак». Приписывание объекту некой характеристики в качестве признака может осуществляться путем предикации. В таком случае существительное *Zar* употребляется не в своем денотативном значении и не является референтным, а его признаковые семы являются оценочными относительно другого референта (*Putin*). Характеризующую функцию лексема *Zar* выполняет в контекстах, в которых она несет новую в коммуникативном плане информацию, то есть выступает в качестве ремы. Например, когда данная языковая единица функционирует в качестве именной части сказуемого:

(1) *Putin könnte Klarheit schaffen, schreibt der Experte Konstantin Gaase vom Moskauer Carnegie-Zentrum: Er bräuchte nur einen starken Regierungschef zu ernennen und ihm später die Macht zu übergeben. Doch wird Putin den bei der Bevölkerung unbeliebten Medwedew halten. Zar bleibt er vorerst alleine* (*Westfallen Blatt*. 07.05.18).

В примере (1) присутствует эксплицитное указание на то, что В.В. Путин не назначает преемника, поскольку не хочет делиться властью. Лексема *Zar*, функционируя в составе составного именного сказуемого и являясь фокусом ремы, приписывает российскому президенту признак «единоличный правитель» и позволяет сделать акцент на этой отрицательной оценке. Отметим, что данная характеристика усиливается за счет вынесения ремы на первое место в высказывании (так называемая суперпозиция ремы), что смещает основное логическое ударение на начало предложения, то есть на лексему *Zar*. Кроме того, важность данной информации подчеркивается благодаря ее употреблению в сильной позиции текста – в завершающем высказывании.

Существенно реже встречаются контексты, в которых образ царя, актуализируемый лексемой *Zar*, используемой в составе рематической группы, имплицитно более широкий спектр качеств:

(2) Am 18. März wählt Russland. Wladimir Putin steuert bei der Wahl ohne ernsthaften Gegenkandidaten eine weitere sechsjährige Amtszeit an. Seine Wiederwahl wird **einer Segnung** gleichkommen – seiner Selbst und seiner Politik. *Wahlkampf betrieben hat der Kreml-Chef nicht. Einem Zaren steht sowas schlichtweg nicht. Beweihräucherung* hingegen schon (Stern. 12.03.18).

В отличие от примера (1), где лексема *Zar* напрямую соотносится с именем собственным *Putin*, являясь его предикатом, в примере (2) связь между этими понятиями имплицитна. Ее можно показать, используя средства формальной логики: мышление, язык и логика тесно связаны, и «логический анализ структуры естественного языка позволяет обнаружить скрытые семантические особенности языковых конструкций» [5, с. 22]. Построим силлогизм:

Большая посылка: Царю не престало участвовать в предвыборной кампании. (*Einem Zaren steht sowas schlichtweg nicht.*)

Меньшая посылка: Путин – царь.

Заключение: Путин не участвует в предвыборной кампании. (*Wahlkampf betrieben hat der Kreml-Chef nicht.*)

Как видим, заключение и большая посылка силлогизма представлены в тексте эксплицитно, в то время как меньшая посылка, устанавливающая связь между президентом и приписываемым ему признаком, опущена, то есть силлогизм представлен в сокращенном виде. Такая скрытая предикация является средством манипулирования сознанием читателей, поскольку исподволь навязывает ему необходимое оценочное суждение.

Образ царя, представленный в примере (2), ближе к традиционно русскому представлению, обогащенному целым рядом дополнительных смыслов и коннотаций. Имеющийся контекст с его религиозной лексикой (*Segnung, Beweihräucherung*) актуализирует восприятие царя как помазанника Божьего, наместника Бога на земле и приписывает В.В. Путину такие качества, как неприкасаемый, стоящий над всеми, наделенный абсолютной властью. Использование лексемы *Zar* в суперпозиции ремы фокусирует внимание читателей на характеристиках, имплицитно этой языковой единицей.

Наряду с рематическим употреблением лексемы *Zar* имеет место ее использование в качестве темы. Данный компонент коммуникативной структуры высказывания считается элементом с наименьшей степенью коммуникативной динамики и определяется как «носитель тождественного, реализуемого через известное, достоверное, определенное, данное, исходное» [8, с. 43]. В таких контекстах именная группа *Zar* является референтной, то есть соотносится с определенным объектом внешнего мира, а именно с В.В. Путиным:

(3) **Putin** in seiner jährlichen TV-Bürgerfragestunde. **Der Zar** ist nah (Süddeutsche Zeitung. 07.06.18).

В примере (3) в первом предложении упоминается В.В. Путин, для обозначения которого во втором предложении используется контекстуальный синоним *Zar*. Это слово выступает в качестве темы, так как называет то, о чем уже говорилось, то есть содержит известную информацию. Такое употребление устанавливает связь между лексемами *Putin* и *Zar*, отождествляя их. Использование слова с ярко выраженным оценочным компонентом в качестве темы можно рассматривать как эффективное средство манипуляции: характеристики, приписываемые царю, считаются по умолчанию присущими и президенту России.

Слово *Zar* настолько однозначно ассоциируется с российским президентом, что может встречаться в заголовке и без эксплицитного упоминания В.В. Путина в предтексте. Поскольку заголовок традиционно относится к сильным позициям текста, которые оказывают существенное влияние на восприятие текста читателем, использование лексемы *Zar* в заголовочном комплексе можно рассматривать как средство манипуляции:

(4) **Der Zar** sitzt wieder auf dem Thron – und er sucht Hilfe. Wladimir Putins Inthronisation ist ein gefundenes Fressen für eine neue Generation von Kreml-Astrologen (Salzburger Nachrichten. 09.05.18).

Слово *Zar* занимает в данном примере начальную позицию в высказывании и используется с определенным артиклем, что позволяет рассматривать его как тему. Такое употребление подразумевает, что читателю известно, о ком пойдет речь. Прямое указание на то, что статья посвящена В.В. Путину, присутствует лишь в подзаголовке. Подобное использование метафоры *Zar* можно рассматривать как навешивание ярлыка – «упрощенной номинации, в основу которой кладется только один частный признак» [4, с. 153], формирующий определенную (негативную) оценку.

Во многих контекстах лексема *Zar* используется не самостоятельно, а сопровождается определением, выраженным прилагательным либо компонентом сложносоставного слова. Эпитеты могут быть как конкретизирующими, так и оценочными. Логико-конкретизирующие эпитеты (*der russische, letzte, alte, neue Zar, der Kreml-Zar*) уточняют значение определяемого слова:

(5) *Der Kreml-Zar darf dabei auf Unterstützung hoffen* (Focus. 09.06.18).

Эпитет, используемый в примере (7), конкретизирует денотативное значение слова *Zar*, подчеркивая, что речь идет о российском президенте, не затрагивая его коннотативный аспект.

Оценочные эпитеты в сочетании с лексемой *Zar* встречаются в немецкоязычной прессе довольно редко. Это, вероятно, можно объяснить тем, что само слово *Zar* обладает ярко выраженной оценкой. Отметим, что были выявлены лишь положительные эпитеты (*der gute Zar, der Superzar*):

(6) *Putins Feldzüge in Syrien und auf der Krim, wohin der gute Zar Wladimir eigenhändig einen Lastwagen steuerte, sollen die Russen nicht zuletzt davon ablenken, dass ihr Land auch im Inneren der Sowjetunion immer ähnlicher wird, deren Untergang für Putin „die größte Katastrophe des 20. Jahrhunderts“ war* (FAZ. 18.05.18).

Эпитет, выраженный прилагательным *gut*, в контексте примера (8), насыщенном негативно окрашенной лексикой, служит средством выражения иронии, подчеркивая отрицательную коннотацию, присущую определяемой лексеме *Zar*. Похожее саркастическое употребление наблюдается и в остальных случаях.

В ряде контекстов лексема *Zar* сопровождается либо именем, либо фамилией президента (*Zar Putin, Zar Wladimir*):

(7) *Zar Putin und der steinige Weg in die Zukunft* (Saarbrücker Zeitung, 17.08.18).

Отметим, что сочетание с фамилией является более частотным в немецкоязычной прессе, однако употребление с именем больше соответствует русской традиции именования царей:

(8) *Freilich ist die freie Wirtschaft nur eine notwendige, keine hinreichende Bedingung der liberalen Demokratie. Das beweist Russland mit seinem neuen Zaren Wladimir, das beweisen die Autoritären in Ungarn und Polen, das 1989 die radikalsten Wirtschaftsreformen durchgezogen hatte und seitdem hohes Wachstum genießt* (Zeit. 23.08.18).

В сочетании с именем собственным лексема *Zar* выступает в роли приложения, совмещающего две функции: «быть косвенным именем денотата и выступать прямым именем его атрибута» [2, с. 3]. Такое употребление можно рассматривать как еще один способ установления связи между объектом (президентом) и его признаком.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов:

– метафорическая модель «Президент – это царь» является одной из наиболее частотных в актуальных в немецкоязычной прессе и обладает широким прагматическим потенциалом;

– использование данной модели способствует формированию негативного образа В.В. Путина;

– метафорическая модель «Президент – это царь» формируется несколькими слотами, ведущим из которых является «Правитель», преимущественно представленный в текстах немецкой прессы метафорическим наименованием *Zar*;

– негативная коннотация лексемы *Zar* обуславливается иной системой ценностей западноевропейского общества, в котором предпочтение отдается демократии, а не автократии;

– прагматический и персуазивный потенциал исследуемой метафоры реализуется с опорой на логику, лексическую семантику, коммуникативное членение высказывания;

– существует несколько возможностей перенесения характеристик, имплицитных словом *Zar*, на президента В.В. Путина: прямо – посредством предикации, и косвенно – используя данную единицу в качестве темы высказывания;

– акцентирование на негативной характеристике, содержащейся в метафорическом наименовании *Zar*, происходит на разных уровнях: на уровне отдельного высказывания – в результате использования этой единицы в качестве фокуса ремы, и на уровне текста – благодаря употреблению лексемы *Zar* в сильных позициях: в заголовочном комплексе и последнем предложении статьи;

– употребление негативно окрашенной лексемы *Zar* в сочетании с положительным эпитетом ведет к возникновению иронии, которая является еще одним способом придания отрицательного характера описываемому явлению.

Подводя итог, необходимо отметить, что изучение функционирования метафоры в политическом и медийном дискурсе с привлечением логических, лингвистических и прагматических теорий позволяет вскрыть механизмы формирования мнения читательской аудитории и манипулирования им. Перспективным представляется сопоставительное исследование метафорических моделей в разных лингвокультурах, анализ корреляции вербальных и визуальных метафор в рамках одной модели, рассмотрение взаимодействия разных метафорических моделей с общей сферой-целью.

Библиографический список

1. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. – 215 с.

2. Величко И.В. Структурно-семантический и функционально-прагматический статус приложения в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2009. – 28 с.

3. Ким М.Н. Жанры современной журналистики. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2004. – 335 с.

4. Клушина Н.И. Образ врага (о военной риторике в мирное время) // Язык современной публицистики: сборник статей / сост. Г.Я. Солганик. – М.: Флинта: Наука, 2007. – С. 144–161.

5. Кривонос А.Т. Язык. Логика. Мышление: Умозаключение в естественном языке. – М.; Нью-Йорк: ВАЛАНГ, 1996. – 683 с.

6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 256 с.

7. Слюсарева Н.А. Категориальная основа тематической организации высказывания-предложения // Вопросы языкознания. – 1986. – № 4. – С. 41–50.

8. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2001. – 238 с.

References

1. Budaev E.H.V., Chudinov A.P. Metafora v politicheskom interdiskurse. – Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2006. – 215 s.

2. Velichko I.V. Strukturno-semanticheskiy i funkcional'no-pragmaticheskiy status prilozheniya v russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Stavropol', 2009. – 28 s.

3. Kim M.N. Zhanry sovremennoj zhurnalistiki. – SPb.: Izd-vo Mihajlova V.A., 2004. – 335 s.

4. Klushina N.I. Obraz vraga (o voennoj ritorike v mirnoe vremya) // YAzyk sovremennoj publicistiki: sbornik statej / sost. G.YA. Solganik. – M.: Flinta: Nauka, 2007. – S. 144–161.

5. Krivonosov A.T. YAzyk. Logika. Myshlenie: Umzaklyuchenie v estestvennom yazyke. – M.; N'yu-Jork: VALANG, 1996. – 683 s.

6. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem. – M.: Izd-vo LKI, 2008. – 256 s.

7. Slyusareva N.A. Kategorial'naya osnova tema-rematicheskoy organizacii vyskazyvaniya-predlozheniya // Voprosy yazykoznanija. – 1986. – № 4. – S. 41–50.

8. Chudinov A.P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metaforы (1991–2000). – Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t., 2001. – 238 s.

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИКА И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЕГО СОЗДАНИЯ (на примере политических дискурсов Мари Ле Пен и Эммануэля Макрона)

Исследование посвящено изучению специфики создания образа современного политика – при помощи стилистических средств, которые оказывают модифицирующее воздействие при создании данного образа – на примере дискурса таких политиков, как Мари Ле Пен и Эммануэль Макрон. Политика как общественное явление подразумевает влияние на сознание больших масс людей, поэтому употребление тех или иных языковых средств является действенным механизмом, благодаря которому политик имеет возможность убедить своих слушателей, так или иначе оказать влияние на реципиентов своего дискурса, манипулировать сознанием социума. Одним из основных способов достижения политических целей является оказание влияния на общественное сознание. Для достижения данной цели политические деятели вынуждены прибегнуть к помощи стилистических средств языка, которые являются основополагающим понятием политического дискурса.

Ключевые слова: стилистические средства, политический дискурс, лексические особенности дискурса, политик, положительный и отрицательный образы политика.

Термин «политика», рассматриваемый в качестве общественного явления, подразумевает влияние на сознание населения. В современном обществе отмечаются тенденции к возрастающей значимости политических коммуникаций, которые вызваны усилением демократизации социального и политического устройства государства. Несмотря на то, что в последнее время проблемы, находящиеся в рамках политического дискурса, активно обсуждались научным сообществом, особенности политической коммуникации остаются недостаточно изученными для того, чтобы составить подробную характеристику специфики данного явления.

При анализе подготовленной политиками речи для выступления можно выявить тактики и стратегии, которые являются наиболее популярными в политических кругах для убеждения больших групп людей. Исследование данных выступлений помогает не только спрогнозировать дальнейшие действия того или иного политического деятеля, но и выявить наиболее эффективные способы воздействия на слушателей [4, с. 67].

Только доказав, пленив и убедив, оратор сумеет вызвать интерес у слушателей. В качестве наиболее важной задачей политика как оратора можно отметить его стремление сконцентрировать свое внимание на проблемах и интересах широких слоев населения. Ключевым фактором в обозначении интересов публики является их разносторонняя направленность, зависящая от региона, города или даже улицы, на которой проживает та или иная группа граждан.

Следует отметить, что оратор является непосредственным участником дебатов. Следовательно, в понятие ораторского искусства включается как умение составлять и произносить определенные тексты, так и умение возразить своему оппоненту. Исходя из данных фактов, политический дискурс можно назвать основным инструментом полити-

ческого деятеля. Не случайно многие исследователи изучают политический дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», как «речь, погруженную в жизнь» [1, с. 177–178].

В наши дни благодаря прессе и массовой коммуникации с таким явлением, как политический дискурс, каждый человек сталкивается ежедневно. Основной движущей силой данной сферы общения является борьба за власть и доверие населения. Вследствие этого в настоящее время прослеживается тенденция к повышению интереса ко многим аспектам написания текстов политических речей не только у профессионалов в этой сфере, но и у самых широких масс граждан.

Важным следует считать и тот факт, что текстам политических выступлений присуще выполнение ряда функций, благодаря которым они информируют, аргументируют, осуществляют контроль и т. д. Также в текстах политических речей сочетаются признаки различных типов дискурса – политического, риторического, ритуального и т. п. Исходя из контекста политического дискурса, в данном случае можно заметить набор разноплановых признаков, сводящихся к прагматической доминанте, на которые опирается политик при сохранении борьбы за власть [4, с. 45].

Любой политик посредством своей речи должен суметь затронуть нужную струну в сознании своей аудитории, а его высказывания – найти отклик у реципиентов дискурса. С этой целью грамотным политикам присуще умение оперировать символами, архетипами и ритуалами, созвучными массовому сознанию.

Основным признаком политического текста можно считать предназначенность данного текста для воздействия на политическую ситуацию при помощи пропаганды определенных идей и эмоционального воздействия на политическую точку

зрения граждан, которая в дальнейшем может повлиять на принятие ими тех или иных политических решений [2, с. 12].

Целью политического дискурса является убеждение, пробуждение в адресатах нужных намерений, предоставление почвы для данных убеждений и побуждение к действиям. Поэтому эффективность политического дискурса можно определить относительно этой цели.

Несмотря на отсутствие единства применения приемов, характеризующих политическую речь (например, влияние гендерной составляющей на дискурс того или иного политика), для политического дискурса характерен определенный устоявшийся и регламентированный стиль. Так, многие ученые, в частности Е.И. Шейгал, И.А. Стеркин, при анализе политического дискурса выделяют ряд таких стилистических особенностей, как использование сложных глагольных конструкций и тропов (наиболее частый характер носит использование в речи эпитетов), что придает речи большую выразительность [6, с. 58; 5, с. 89].

Характерной особенностью политического дискурса многих зарубежных и отечественных политиков, как мужчин, так и женщин, является широкое употребление метафор, основой которых является военная и «больничная» лексика: *information war; the battle for the voter; the attack on democracy; the diplomatic battle; shock therapy; the society is on the road to recovery; the government crisis* – информационная война, битва за избирателя, атака на демократию, дипломатические битвы; шоковая терапия, общество находится на пути к выздоровлению, правительственный кризис и т. д.

Если анализировать стилистические особенности политического дискурса в гендерном аспекте, то очевидным является тот факт, что речь женщин, занимающих политический пост, как правило, является в большей степени стилистически насыщенной, чем речь мужчины-политика. Иначе говоря, речь женщины-политика наполнена стилистическими приемами, основная цель которых – привлечь внимание избирателя. Это, например, метафора, эпитеты, лексический повтор, противопоставление, ирония.

Необходимо отметить, что употребление лексики, в которой присутствует семантика восприятия действительности на уровне чувств, эмоций и ощущений, в некоторой мере подтверждает известный стереотип о склонности женщин делать акцент на переживаемых чувствах и эмоциях.

При анализе речи мужчин-политиков необходимо учитывать тот факт, что основными признаками дискурса мужчин являются намеренное снижение грамматической сложности предложений и употребление более простой и нейтральной по своей стилистической окраске лексики для упрощения восприятия речи политиков-мужчин людьми различного социального статуса. В своих речах

и текстах выступлений мужчины, занимающие политически значимую должность, стремятся продемонстрировать, что они рады каждому своему избирателю, подчеркнуть свои демократические взгляды, надежность и внушить избирателям уверенность в том, что их ожидает «светлое будущее». Речи мужчин-политиков часто наполнены простыми глагольными конструкциями, указывающими на выполнение субъектом того или иного действия: *we face, we might live, we struggle, we will succeed, they will survive, they achieve* и так далее [6, с. 62].

Необходимо принять во внимание тот факт, что женщины, выполняющие политические обязанности, обладают конкретно-образным мышлением и стремлением к наглядности, обозначая и подкрепляя наиболее актуальные проблемы большим количеством примеров, которые легко запомнятся избирателям ввиду своего бытового характера.

В подобных случаях мужчины-политики, чтобы продемонстрировать значимость проблемы и правомерность действий, которые будут предприниматься для ее решения, прибегают к четкому и рациональному изложению проверенных фактов. При этом важно учитывать, что, стремясь проявлять уважение к аудитории, мужчина-политик старается не превышать регламент во время выступления [4, с. 59].

Известный французский политик, лидер партии «Национальный фронт» Марион Анн Перрин Ле Пен в текстах своих политических выступлений зачастую употребляет термины и лексику, снабженную в словарях пометкой *formal*, например, слово *onus – the responsibility for something* (ответственность за что-либо): *But let's put the onus here where it belongs* – «Давайте оставим бремя здесь, на том месте, где ему надлежит быть». Речь Мари Ле Пен грамотна, логически последовательна, строго направлена на реципиента.

В свою очередь, Эммануэль Макрон, молодой амбициозный политик, лидер партии «Вперед!», в текстах своих выступлений стремится ободрить своих избирателей и, что «все будет хорошо»: *The goal we all share with you is to ensure by the summer of this year the possibility to lift sanctions if the Minsk agreement provisions are fulfilled* – «Целью, которую мы все с вами разделяем, является обеспечение возможности снятия санкции к лету этого года в случае, выполнения пунктов Минских соглашений» [9].

Важно отметить, что в речи Мари Ле Пен присутствуют определенные фразеологические стилистические средства: эпитеты – *a certain, confirmed logic, fruitful meetings* и т. д.; метафоры – *a powerful umbrella of protection; terrorism, married up with technology, insert in the inner world* и многие другие; ирония и самоирония – *as if walking on a carpet of roses, I am speaking for the first time... I daresay that it is also the last time* и прочие.

Эммануэль Макрон также часто использует в речах своих выступлений эпитеты – *dark side of globalization, environmental health of our planet* и т. д.; иронию и самоиронию – *Vladimir the Great, They do not have anything to talk about* и т. д.; метафоры. Реже всего действующий президент Франции использует такие стилистические средства, как метонимия и оксюморон.

Таким образом, благодаря анализу и подсчету употребления различных фразеологических стилистических приемов можно сделать вывод, что Мари Ле Пен в текстах своих выступлений использует по большей части такие приемы, как метафора, эпитет, ирония.

В свою очередь, речи Эммануэля Макрона не лишены иронии, ему свойственно использование и самоиронии, в то же время обращает на себя внимание незначительное употребление прочих фразеологических стилистических приемов, таких как гипербола, оксюморон и метонимия.

В текстах речей как Мари Ле Пен, так и Эммануэля Макрона, выдающихся политиков, ораторов, преобладают простые предложения с однородными членами, также отмечается наличие пассивных конструкций и сложных предложений, в особенности сложноподчиненных, с придаточными условиями.

Положительные же аспекты образа современного политика, которым является Мари Ле Пен, – это, безусловно, грамотность, искренность, честность, желание быть ближе к народу, толерантность, ведь недаром именно Мари Ле Пен выступала за отмену санкций, утверждая, что *sanctions are an unreasonable method in diplomacy, all states should be tolerant, and show respect for each other, negotiate on an equal footing, make compromise decisions on certain issues* – «санкции являются неразумным методом в дипломатии, все государства должны быть терпимыми и проявлять уважение друг к другу, вести переговоры на равных, принимать компромиссные решения по тем или иным вопросам» [8].

Положительным аспектом образа политического лидера в лице Эммануэля Макрона является четкий и легкий месседж, понятный для многих групп населения: Франция должна быть шансом для всех (*La France doit être une chance pour tous*). Данный призыв Макрона – «шанс для всех» – стал посылом для мигрантов – он будет президентом, который даст возможность всем развиваться.

В своем «Твиттере» Макрон пишет о необходимости защищать ценности страны, и данный призыв также усиливает его положительные черты как политика, как яркого лидера: *Let's continue to protect our progressive values!* – «Давайте и дальше защищать наши прогрессивные ценности!» – таков призыв Макрона, и это позволяет повысить его имидж в глазах молодых людей, тех, кто стремится к прогрессу, к движению вперед [9].

На оптимистичном фоне Макрона месседж Марин Ле Пен воспринимался как негативный: против иммиграции, против ЕС, против системы. Главным отличием электората «Национального фронта» от других партий является жесткие антииммигрантские установки. Так, в одном из своих высказываний Марин Ле Пен заявила, что во Франции «чересчур много иммигрантов» – *There are too many immigrants in France!* В одном из своих интервью Мари Ле Пен призналась: «Более того, я не только признаю возможность, я очень бы желала того, чтобы каждый народ шел своим собственным путем. Я категорически против того, чтобы русские были похожи на американцев, а немцы на французов. Ведь если любитель собак захочет вообще уничтожить все существующие породы, чтобы вывести одну единственную породу – породу неких Абсолютных Дворняг, – это абсолютная ерунда!» – *Moreover, I not only recognize the opportunity, I would very much like that every nation should go its own way. I am absolutely against the Russians being like Americans, and the Germans being French. After all, if a dog lover wants to destroy all existing breeds altogether in order to bring out one single breed of the breed of certain Absolute Dwarves, this is absolute nonsense!* [8].

В данном контексте, стилистический прием противопоставления нации и собаки, позиционирует Мари Ле Пен в негативном аспекте – ведь она не толерантна к другим нациям.

Многие полагают, что политический дискурс Мари Ле Пен носит явно ксенофобские, антикоммунистические, исламофобские и расистские черты, но на самом деле это не так. Анализ текстов речей Эммануэля Макрона после его победы на президентских выборах позволил выявить, что политик зачастую позволяет себе высказывания в стиле «новоиспеченного Наполеона», отождествляя себя с Королем, позволяя себе подобные высказывания: «Во французской политике не хватает присутствия Короля», и даже сравнивая себя с античным богом – «Франсуа Олланд не верит в Антично-Божественного президента» [9].

Таким образом, анализируя речи двух политиков, мы видим, что Мари Ле Пен, являясь женщиной-политиком, с целью создания положительного образа пользуется такими стилистическими приемами, как эпитет, гипербола, а также риторическими приемами убеждения. Частотность использования данных приемов в речах Ле Пен достигает в среднем 30 %. Также Мари Ле Пен использует такой риторический прием, как призыв – 25 %. Эммануэль Макрон, подобно другим мужчинам-политикам, для того, чтобы создать положительный образ, использует призывы – 28 % и иронию – 25 %. В качестве негативных сторон образов политических с одинаковой частотой прослеживается использование таких риторических приемов, как приемы убеждения и призывы.

Подводя итоги всему вышесказанному, нельзя не согласиться с тем, что сегодня, когда политика играет очень важную роль в жизни людей, необходимо не только знать различные стилистические средства и риторические приемы, присущие политическому дискурсу, но и уметь ими пользоваться. Политику, а также его спичрайтеру нужно учитывать, какие средства и приемы помогают создать его положительный образ, чтобы среднестатистический человек проголосовал за него, а не за его политического оппонента, а также помнить о гендерной окраске экспрессивных средств. Именно выбор средств и приемов воздействия на аудиторию может принести политику поражение или победу на выборах.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Зайцева Е.Л. Выражение отрицательной оценки в политическом дискурсе: опыт сравнительно-сопоставительного исследования российских и французских печатных средств массовой информации: дис. ... канд. филол. наук. – Чебоксары, 2006. – С. 1–22.
3. Знаменская Т.А. Стилистика английского языка. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 208 с.
4. Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2005. – 320 с.
5. Попова З.Д., Стеркин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Истоки, 2002. – 59 с.
6. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000. – 431 с.
7. «Французский Обама»: почему Макрон плохой вариант для Кремля [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: <http://www.bbc.com/russian/features-39698816> (дата обращения: 21.12.2017).

8. Сайт информационного агентства Francepress [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www..com/content> (дата обращения: 19.12.2017).

9. Сайт журнала «Корреспондент» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://korrespondent.net/tag/1881/> (дата обращения: 15.12.2017).

References

1. Arutyunova N.D. YAzyk i mir cheloveka. – M.: YAzyki russkoj kul'tury, 1999. – 896 s.
2. Zajceva E.L. Vyrazhenie otricatel'noj ocenki v politicheskom diskurse: opyt sravnitel'no-sopostavitel'nogo issledovaniya rossijskih i francuzskih pechatnyh sredstv massovoj informacii: dis. ... kand. filol. nauk. – CHEboksary, 2006. – S. 1–22.
3. Znamenskaya T.A. Stilistika anglijskogo yazyka. – M.: Editorial URSS, 2004. – 208 s.
4. Mihaleva O.L. Politicheskij diskurs kak sfera realizacii manipulyativnogo vozdejstviya. – Irkutsk: Izd-vo IGU, 2005. – 320 s.
5. Popova Z.D., Sterkin I.A. YAzyk i nacional'naya kartina mira. – Voronezh: Istoki, 2002. – 59 s.
6. SHEjgal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa: dis. ... d-ra filol. nauk. – Volgograd, 2000. – 431 s.
7. «Francuzskij Obama»: pochemu Makron plohoj variant dlya Kremlya [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.bbc.com/russian/features-39698816> (data obrashcheniya: 21.12.2017).
8. Sajt informacionnogo agentstva Francepress [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www..com/content> (data obrashcheniya: 19.12.2017).
9. Sajt zhurnala «Korrespondent» [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://korrespondent.net/tag/1881/> (data obrashcheniya: 15.12.2017).

ЭВФЕМИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ СТАРЕНИЯ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (на материале журнала «Космополитен»)

Статья посвящена вопросу использования эвфемизмов для маскировки проблемы старения в рекламных текстах антивозрастных средств в английской и русской версии журнала «Космополитен». Основными причинами употребления данных языковых единиц является желание завуалировать неприятную действительность и подать информацию о товаре самым выгодным образом для его успешного продвижения.

В статье проводится сравнительный анализ использования эвфемизмов в рекламном тексте на английском и русском языках. В ходе анализа были выявлены эвфемизмы для обозначения как самого процесса старения, так и для маскировки его признаков, а именно морщин, обвисания кожи и т. д. Автор делает вывод о том, что данные единицы широко используются при создании рекламы антивозрастных средств как в английском, так и в русском языке.

Ключевые слова: эвфемия, эвфемизм, рекламный текст, гляцевый журнал, косметические средства, старение, лингвистическая косметика.

Эвфемизмы составляют значительный процент лексики как в английском, так и в русском языке. Они возникают в условиях общения между людьми и являются залогом успешной коммуникации. Поскольку данные единицы встречаются повсеместно и к ним прибегают в различных ситуациях, вопросу использования эвфемии в целях достижения безконфликтного общения посвящено много работ как зарубежных [10–15], так и отечественных авторов [1–3; 5; 7–8].

Широкое распространение эвфемизмы получили и на страницах гляцевых журналов, поскольку последние заинтересованы в удержании аудитории при подаче даже самой неприятной информации. Эти языковые средства можно встретить как в самих статьях, так и в рекламе различной продукции.

В данной статье будут рассмотрены эвфемистические единицы в рекламных текстах, взятых из журнала «Космополитен», одного из самых популярных гляцевых изданий как в англоязычных странах, так и в России. Если сравнивать журнал на английском и русском языках, то, как правило, можно увидеть схожий макет номера, а также его смысловое наполнение. Кроме того, на его страницах размещается большое количество рекламных сообщений. Поскольку данное издание рассчитано на женскую аудиторию, в нем встречается реклама таких товаров, как духи, одежда, ювелирные украшения и, конечно, косметика. Здесь следует отметить, что реклама одних и тех же брендов встречается в журналах как на английском, так и на русском языке, поскольку она во всех изданиях распространяется в соответствии с франчайзингом. Однако при этом присутствуют и рекламные сообщения о локальной продукции, производимой непосредственно в стране, на территории которой выходит журнал.

Одним из самых рекламируемых косметических продуктов в женских журналах являются средства против старения. Как отмечает Н.Б. Руженцева, ре-

клама подобных товаров – это «достаточно тонкая область рекламы, связанная с болезненными для многих людей ощущениями и переживаниями, обусловленными процессом старения» [6].

Для правильной и эффективной подачи сведений о том или ином товаре в первую очередь необходимо свести к минимуму негативную информацию, связанную со старением, поскольку она может вызвать беспокойство или отторжение со стороны аудитории. В связи с этим при создании рекламного сообщения часто прибегают к так называемой «лингвистической косметике», которая используется для того, чтобы создать впечатление, что все неприятные проблемы решены, а если они и есть, то не так уж и серьезны [9, с. 44].

Одним из средств, относимых к «лингвистической косметике», являются эвфемизмы. Они обладают высокой силой воздействия на формирование мнений и оценок аудитории благодаря своей способности «завуалировать», смягчить неприятную информацию. Они помогают смоделировать правильную, с позиции адресата, действительность за счет так называемого «улучшения денотата».

Согласно М.А. Корчевской, эффективность эвфемизмов в рекламе обусловлена тремя главными причинами: сложностью идентификации эвфемизмов в тексте, неосведомленностью массовой аудитории о явлении эвфемии, трудностью оперативно анализировать эвфемизмы в условиях масштабности и интенсивности информационного поля [4, с. 12]. Таким образом, необходимо отметить скрытый характер воздействия эвфемизмов на аудиторию.

Принято считать, что рекламное сообщение косметики массового спроса, как правило, базируется на модели «проблема – средство – решение», в которой продукт представляется как эффективное средство для решения определенной проблемы, связанной с внешностью и здоровьем человека [4, с. 15].

В случае с антивозрастными средствами каждый компонент этой модели может содержать эв-

фемистические средства. В рамках данной статьи будут рассмотрены единицы, призванные завуалировать первый компонент модели – проблему, а именно процесс старения и его признаки: морщины, дряблость и обвисание кожи, тусклый цвет, пигментные пятна (последние могут появиться в результате фотостарения кожи). Материал был отобран из 12 номеров за 2017 год и первых 6 номеров за 2018 год журнала на английском и русском языках. Эвфемизмы были выявлены в 48 текстах на английском и в 64 текстах на русском языке. Для описания непосредственно проблемы в рекламных текстах было использовано 22 эвфемизма. Однако многие единицы встречались более одного раза.

В первую очередь, хотелось бы остановиться на эвфемизмах, использующихся для описания стареющей кожи. Самыми популярными единицами в английском языке являются *imperfections* и *signs of aging*. В текстах на русском языке также часто используются словосочетания со схожим значением: *несовершенство кожи*, *признаки возраста* или *признаки старения*. В первом случае (*imperfections / несовершенство кожи*) подразумевается, что проблему легко устранить, и при регулярном использовании рекламируемого средства происходит восстановление красоты и молодости кожи. Во втором случае (*signs of aging / признаки возраста* или *признаки старения*), несмотря на присутствие единицы с отрицательной коннотацией (*aging / старение / возраст*), наблюдается смягчение за счет существительного *signs/признаки*. Оно подчеркивает, что признаки не означают старость, но только начальный этап или что проблема носит в некоторых случаях локальный характер, а предлагаемое средство готово помочь в решении возникшего затруднения.

Весьма вероятно, что в обоих случаях русские единицы являются непосредственным переводом соответствующих английских эвфемизмов. Однако интересно отметить, что указанные выше русские единицы используются в рекламных текстах как международных брендов косметики (Lancome, Vichy, Sisley), так и отечественных марок (Art-Visage, Faberlic, Librederm), что свидетельствует о том, что единицы «прижились» в языке.

Далее, следует отметить присутствие словосочетания *rough textured skin* в текстах на английском языке и его соответствия *неровная текстура кожи*, которое встречается в рекламных сообщениях на русском языке. Интерес вызывает слово широкой семантики *texture/текстура*. Оно может использоваться при описании как старой морщинистой кожи, так и различного рода дефектов (неровностей, шрамов, порезов, прыщей и т. д.), которые, в свою очередь, могут быть совершенно не связаны с процессом старения, что позволяет хорошо завуалировать неприятную действительность.

Других эвфемистических единиц, описывающих стареющую кожу, в рекламных текстах на английском языке выявлено не было. В то же время в русских рекламных текстах встречается большее разнообразие эвфемизмов, при этом степень эвфемизации может варьироваться. Некоторые единицы, как и в случае с вышеупомянутыми выражениями *признаки возраста* и *признаки старения*, за счет присутствия слов с некоторой отрицательной коннотацией маскируют явление не в полной мере и констатируют наличие проблемы в слегка смягченной форме, например, *недостатки кожи*, *проблемная кожа*, *увядающая кожа*, *возрастные изменения кожи*. Реже встречаются эвфемизмы, которые более «плотно» вуалируют денотат. Кроме выражения *несовершенство кожи*, о котором уже шла речь выше, обращает на себя внимание словосочетание *индивидуальные особенности кожи*, которое может означать, кроме морщин, любые другие эстетические проблемы, тем самым полностью отвлекая внимание от старения.

Помимо этого, для обозначения процесса старения в рекламных текстах на русском языке используются выражения *эти коварные механизмы* или *влияние времени*. В данном случае наблюдается полное вуалирование исходного понятия, также идет перенос ответственности за происходящее с человека на внешние факторы, которые «виноваты» в том, что он стареет.

И наконец, в русском языке можно встретить такую единицу, как *ухудшение качества кожи*. Здесь существительное *качество* отделяет слово с ярко выраженной отрицательной коннотацией *ухудшение* от единицы *кожи*, тем самым несколько сглаживается отрицательная информация.

Здесь следует отметить, что во многих эвфемизмах наблюдается метонимический перенос за счет употребления существительного *skin/кожа*. Причина выбора именно данной единицы очевидна: рекламируемое средство должно наноситься именно на кожу. Однако, кроме этого, создатели рекламных текстов также стараются подчеркнуть, что стареет не сам человек, а только его кожа, что также несколько смягчает проблему. Метонимия прослеживается и в русском эвфемизме *увядание клеток*. Здесь акцент ставится на старении именно клеток, а не всего организма.

Кроме эвфемизмов, скрывающих сам процесс старения, в рекламных текстах присутствуют единицы, описывающие различные его признаки. Так, для обозначения морщин в обоих языках прибегают к эвфемизации путем уменьшения степени признака: *fine lines*, *морщинки*, тем самым сглаживает остроту проблемы.

Кроме этого, в русском рекламном тексте встретилось такое выражение, как *линии хмурого взгляда*, которое используется при описании морщин в области лба. Наряду с возрастом, причинами их

появления могут быть различные отрицательные эмоции (недовольство, гнев и т. д.) или просто усталость. Соответственно, подчеркивается временный характер данного явления: проблема исчезает, если человек избавляется от отрицательных эмоций или отдыхает. Результат закрепляется при помощи рекламируемого средства. Эта единица является калькой английского словосочетания *frown lines*. Стоит отметить, что английская единица в анализируемых текстах не встретилась.

Другим проявлением старения является обвисание кожи лица. Для маскировки данного явления в русском языке используется словосочетание *влияние гравитации*, которое, очевидно, также является калькой английского выражения *influence of gravity*. Присутствие термина *гравитация* полностью отвлекает внимание от неприятной информации о старении. В рекламе на английском языке примеров употребления этого эвфемизма выявлено не было.

То же самое касается и использования русского эвфемизма *неровный тон* для обозначения пигментных пятен, которые также могут быть одним из проявлений возрастных изменений. При наличии в английском языке единицы *uneven skin tone* с тем же значением, в анализируемых рекламных текстах данное словосочетание не встретилось.

Итак, анализ примеров показал, что эвфемизмы являются важным языковым приемом для маскировки проблемы старения при создании рекламы антивозрастных средств как в английском, так и в русском языке.

В целом используются единицы с разным эвфемистическим потенциалом. Предпочтение отдается широкозначным словам. Одним из основных средств реализации эвфемизмов является метонимия. Чаще всего эвфемизмы используются для обозначения самого процесса старения, в меньшей степени представлены единицы, которые описывают признаки старения (морщины, обвисание кожи и т. д.). В русском языке было выявлено больше эвфемизмов, чем в английском языке. При этом большинство русских единиц является непосредственным переводом соответствующих английских эвфемизмов. Это свидетельствует о том, что создатели рекламного текста на русском языке ориентируются или берут за основу тексты на английском языке.

Библиографический список

1. Бойко Т.В. Эвфемия и дисфемия в газетном тексте: дис. ... канд. филол. наук. – СПб.: 2005. – 206 с.
2. Иванова О.Ф. Эвфемистическая лексика английского языка: как прозвучать красиво, вежливо и убедительно и при этом не солгать. – М.: МАКС Пресс, 2006. – 156 с.
3. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов: Краткий тематический словарь совре-

менных русских эвфемизмов. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.

4. Корчевская М.А. Эвфемия как инструмент воздействия на аудиторию в журналистике и рекламе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 18 с.

5. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. – М.: Ленанд, 2007. – 264 с.

6. Руженцева Н.Б. Рекламные эвфемизмы как форма текстовой адаптации к категории вежливости в рекламных изданиях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/reklamnye-evfemizmy-kak-forma-tekstovoy-adaptatsii-k-kategorii-vezhlivosti-v-reklamnyh-izdaniyah> (дата обращения: 05.07.2018).

7. Сенчикова Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.

8. Торонцева Е.Н. Эвфемистические наименования в аспектах языка, истории и культуры: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 193 с.

9. Ульяновский А.В. Маркетинговые коммуникации: 28 инструментов миллениума. – М.: Эксмо, 2008. – 356 с.

10. Allan K., Burrige K. Forbidden words: Taboo and the censoring of language. – Cambridge, England: Cambridge University Press, 2006. – 303 p.

11. Holder R.W. A Dictionary of Euphemisms: How not to say what you mean. – New York: Oxford University Press, 2003. – 501 p.

12. Keyes R. Euphemania: Our Love Affair with Euphemisms. – New York: Little, Brown and Company, 2010. – 256 p.

13. McCallum N.L., McGlone M.S. Death be not profane: Mortality Salience and Euphemism Use [Электронный ресурс] // Western Journal of communication. – Vol. 75, № 5 (October – December 2011). – Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/241748378/download> (дата обращения: 20.05.2018).

14. Neaman J.S., Silver C.G. The Wordsworth Book of Euphemisms: the Hilarious Guide to the Unmentionable. – London: Wordsworth Editions Ltd, Cumberland House, 1995. – 420 p.

15. Rawson H.A. A Dictionary of Euphemisms and Other Doubletalk. – New York: Crown, 1995. – 387 p.

References

1. Bojko T.V. EHVfemiya i disfemiya v gazetnom tekste: dis. ... kand. filol. nauk. – SPb.: 2005. – 206 s.
2. Ivanova O.F. EHVfemisticheskaya leksika anglijskogo yazyka: kak prozvuchat' krasivo, vezhливо i ubeditel'no i pri ehtom ne solgat'. – М.: МАКС Press, 2006. – 156 s.
3. Kovshova M.L. Semantika i pragmatika ehvfemizmov: Kratkij tematicheskij slovar' sovremennyh russkih ehvfemizmov. – М.: Gnozis, 2007. – 320 s.

4. Korchevskaya M.A. EHVfemiya kak instrument vozdejstviya na auditoriyu v zhurnalistike i reklame: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2012. – 18 s.
5. Moskvina V.P. EHVfemizmy v leksicheskoj sisteme sovremennogo russkogo yazyka. – M.: Lenand, 2007. – 264 s.
6. Ruzhenceva N.B. Reklamnye ehvfemizmy kak forma tekstovoj adaptacii k kategorii vezhlivosti v reklamnyh izdaniyah [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/reklamnye-ehvfemizmy-kak-forma-tekstovoy-adaptatsii-k-kategorii-vezhlivosti-v-reklamnyh-izdaniyah> (data obrashcheniya: 05.07.2018).
7. Senichkina E.P. Slovar' ehvfemizmov russkogo yazyka. – M.: Flinta: Nauka, 2008. – 464 s.
8. Toropceva E.N. EHVfemisticheskie naimenovaniya v aspektah yazyka, istorii i kul'tury: dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2003. – 193 s.
9. Ul'yanovskij A.V. Marketingovyje kommunikacii: 28 instrumentov milleniama. – M.: EHksmo, 2008. – 356 s.
10. Allan K., Burridge K. Forbidden words: Taboo and the censoring of language. – Cambridge, England: Cambridge University Press, 2006. – 303 p.
11. Holder R.W. A Dictionary of Euphemisms: How not to say what you mean. – New York: Oxford University Press, 2003. – 501 p.
12. Keyes R. Euphemania: Our Love Affair with Euphemisms. – New York: Little, Brown and Company, 2010. – 256 p.
13. McCallum N.L., McGlone M.S. Death be not profane: Mortality Salience and Euphemism Use [EHlektronnyj resurs] // Western Journal of communication. – Vol. 75, № 5 (October – December 2011). – Rezhim dostupa: <https://www.researchgate.net/publication/241748378/download> (data obrashcheniya: 20.05.2018).
14. Neaman J.S., Silver C.G. The Wordsworth Book of Euphemisms: the Hilarious Guide to the Unmentionable. – London: Wordsworth Editions Ltd, Cumberland House, 1995. – 420 p.
15. Rawson H.A. A Dictionary of Euphemisms and Other Doubletalk. – New York: Crown, 1995. – 387 p.

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КАК СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «МАН»

Статья посвящена анализу фразеосемантического поля «Ман» (человек), представленного антропохарактеризующими паремиями, содержащими в своем составе компонент-фитоним английского языка. Целью исследования является анализ основных культурных установок и образов, вербализованных в данных устойчивых сочетаниях. Автором исследуются понятия «паремия», «пословица», «поговорка», приведены различные подходы отечественных и зарубежных исследователей к их определению, выделены основные признаки и характеристики данных понятий. В рамках поля выделены основные семантические группы, номинирующие основные социальные проблемы и трудности, ценности и приоритеты народа, заключенные в паремиях. Установлены основные источники возникновения пословиц и поговорок с компонентом-фитонимом, характеризующим ту или иную сторону человека. Проанализирована грамматическая структура данных паремий и основные компоненты, входящие в их состав.

Ключевые слова: паремия, пословица, поговорка, фразеосемантическое поле, человек, социальная проблема, английский язык.

В структуру фразеосемантического поля (ФСП) «Ман» входят паремиологические средства языка, которые потенциально и реально являются источниками фразеологических единиц. ФСП – это совокупность лексических единиц и устойчивых словесных комплексов, обладающих общей идеей и стилистической неоднозначностью [1]. В настоящее время паремиология имеет тенденцию развития в отдельную науку, выходящую из фразеологии. Слово «паремия» происходит от греческого *παροιμία* – «пословица», «притча» и, согласно этимологическому словарю М. Фасмера, являлось синонимом понятий «пословица» и «поговорка». Этимология данного термина уходит корнями в область религии и церковного служения: придя в древнерусский язык, оно номинировало «избранные места для чтения из Ветхого завета» [14, с. 206], о чем свидетельствует и толковый словарь Д.Н. Ушакова [12].

Стоит отметить, что на данный момент в лингвистике отсутствует точное определение статуса и дефиниция понятия «паремия». Анализ данного понятия с точки зрения лингвистики, проведенный Л.Б. Коцюба, показал, что в настоящее время чаще употребляется термин «поговорка» в обобщенном смысле, в отличие от термина «паремия» [5]. В словарях лингвистических терминов О.С. Ахмановой понятия «пословица» и «поговорка» не разграничены. Пословица определена как «образное законченное изречение, имеющее назидательный смысл и, обычно, специфическое ритмо-фонетическое оформление» [2, с. 330].

Проанализировав определения *паремии*, предложенные российскими и зарубежными учеными, Л.Е. Ильина приходит к выводу, что в лингвистическом смысле *паремия* – это «устойчивое высказывание, представляющее собой целостное предложение дидактического содержания» [3]. За основу исследования мы берем определение *паремии*, выведенное Л.Б. Савенковой: «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное изречение, пригодное для употребления в дидактических це-

лях». Автор отмечает также, что понятия «пословица» и «поговорка» являются видовыми, и изречения, названные таковыми, различаются по признаку наличия или отсутствия в их составе переносного значения [10, с. 145]. Данное определение дополнено Л.Б. Коцюба: «краткое образное устойчивое высказывание (часто употребляемое в переносном значении), синтаксически оформленное как простое или сложное предложение (иногда может состоять из нескольких предложений), отражающее обобщенную формально закрепленную ситуацию, возведенную в формулу, излагающее важную истину, наставление, правила или принципы поведения, нравственные законы, сформулированные на основе жизненного опыта» [10, с. 67]. Мы считаем, что главным признаком паремии является ее эквивалентность суждению, в отличие от фразеологической единицы, эквивалентной понятию. Кроме того, паремия воспроизводима в речи в готовом виде и основана на жизненном опыте народа.

Первым паремиологом в отдельную науку выделил немецкий ученый Ф.В. Вандер. Он разграничил понятия «пословица» и «поговорка», считал их отличными от нравоучительных изречений и девизов [6, с. 16]. В статье «Современная паремиология», посвященной актуальным проблемам, решаемым в рамках данной науки, В.М. Мокиенко также говорит о возросшей необходимости дифференциального употребления понятий «поговорка» и «пословица». Он отмечает, что наиболее четко данные понятия разграничил В.И. Даль, определяя *пословицу* как «коротенькую притчу, суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот», а *поговорку* как «окольное выражение, переносную речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения» [7]. Словарь Д.Э. Розенталя также делает акцент на неназидательном, непоучительном характере поговорки, в отличие от пословицы: *пословица* – «образное законченное изречение, имеющее назидательный смысл, обычно характеризующееся особым ритмо-интонационным и фо-

нетическим оформлением (параллелизм построения, стихотворный размер, звуковые повторы и т. д.)). *Поговорка* – «образное, иносказательное выражение, метко определяющее какое-либо жизненное явление, лаконичное по форме, в отличие от пословицы не заключающее в себе прямого поучительного смысла, с чем часто связана синтаксическая незаконченность» [9].

В древнерусском языке главным признаком в семантической структуре слова «пословица» являлась «произнесенность», «договоренность», «обет». Этимологический анализ позволил выделить следующие характерные признаки «пословицы»: способность выразить завершённую мысль, использование в речи для аргументации суждения, общеизвестность и воспроизводимость. Переносный смысл пословицы позволяет отличать ее от выражений чисто дидактического характера, созданных для нравовучения [7].

В оксфордском и кембриджском словарях приводятся схожие дефиниции поговорки (proverb), которые сводятся к следующему: широко известная фраза или короткое предложение, содержащее предписание, совет или представляющее собой правдивое, фактическое утверждение об объективной реальности. Поговорка (saying) в оксфордском словаре дефинируется следующим образом: «фраза или предложение, выражающее сведения о жизни, воспринимаемые большинством людей как правдивые и достоверные» (здесь и далее перевод автора. – Т. Я.) [16, с. 1136]. Кембриджский словарь практически приравнивает определение *поговорки* к определению *идиомы*: «широко известное утверждение, значение которого зачастую не вытекает из значений слов, входящих в его состав» [15].

Любой язык мира обладает собственным неповторимым паремнологическим фондом, единицы которого репрезентируют специфичные и универсальные для многих народов установки культуры, определяемые В.Н. Телия как «ментальные образцы, играющие роль прескрипций для жизненных практик, являющиеся продуктом взаимодействия двух или более индивидов» [11, с. 18].

Цель данной статьи – проанализировать основные культурные установки, вербализованные в антропохарактеризующих паремиях английского языка, содержащих в своем составе компонент-фитоним. Материалом исследования стали пословицы и поговорки английского языка, имеющие в своем составе компонент-фитоним, отобранные методом сплошной выборки из ведущих лексикографических изданий (Oxford, Cambridge, McGraw, Ammer, NTC, Webster Idioms Dictionaries).

Собранный паремнологический материал в рамках названного поля можно разделить на следующие семантические группы.

1. Схожесть с семьей.

В английском языке существует поговорка, выражающая установку «дети похожи на своих роди-

телей»: **an apple never (doesn't) falls (roll) far from the tree (stem, trunk)**. Паремия может также номинировать детей, чье место жительства находится недалеко от родительского. Такое значение зафиксировано в письме американского философа и поэта Ральфа Уолдо Эмерсона, выступавшего против переселения индейского народа чероки на Дикий Запад, своей тете, Мэри Муди Эмерсон: «*As men say the apple never falls far from the stem, I shall hope that another year will draw your eyes and steps to this old dear odious haunt of the race*» («Хотя говорят, что яблоко от стебля недалеко падает, я надеюсь, что следующий год привлечет Ваше внимание и действия к этой отвратительной гонке») [17; 19]. Вероятно, в основе выражения лежит ассоциация с яблоней или другим плодоносным деревом, поскольку *яблоком* назывался любой плод. Яблоко в некоторых культурах считалось символом единства [13].

Характеристика воспитания репрезентирована в паремии **as the twig is bent, so is the tree inclined** – обучение ребенка с ранних лет наиболее важно для его успешной жизни. Источник выражения – «Послание к нескольким людям» английского поэта Александра Поупа (1732): «*Tis Education forms the common mind, Just as the Twig is bent, the Tree's inclined*» («Образование формирует интеллект, куда изогнута веточка, туда смотрит все дерево») [17]. Александр Поуп родился в семье католиков, для которых многие школы были недоступны, и к тому же обладал слабым здоровьем, поэтому обучался чтению на дому [8]. Согласно словарю символов Д. Трессидера [13], дерево в сознании многих народов считается символом роста и развития; его расходящиеся в сторону ветки представляют разнообразие.

2. Характер человека.

Интересны паремии, в которых репрезентированы черты характера человека, содержащие в своем составе лексему *tree*. Библия является источником выражения **tree is known by its fruit** («о дереве судят по плоду») – «судить книгу по обложке», людей судят по поступкам. Источниками для данного выражения является Евангелие от Матфея, глава 12, стих 33 [18]. Если говорят **tree is known by its fruit**, то имеют в виду, что внешность не главное, требуется время, чтобы узнать истинные качества человека. Синонимичным значением обладает поговорка **as the tree, so is the fruit** – каково дерево, таков и его плод. Из ветхозаветной Книги Экклесиаста пришло в английский язык выражение **as the tree falls, so shall it lie**, в котором заключена идея о том, что человеку не следует изменять принятой вере и убеждениям даже перед лицом смерти [18].

Сема оценки характера заключена и в следующих паремиях: **sort the wheat from the chaff / separate the wheat from the chaff** – из группы/сообщества людей с различными характерами выбрать наилучших, наиболее подходящих. Ал-

люзия к Библии, а именно к Еве, вкусившей запретный плод, заключена в выражении **stolen fruit is sweet / the sweetest**, которое, помимо субъекта, также характеризует и человека, заключая в себе идею о том, что человека привлекает все запретное, недоступное, недостижимое [18]. Исследователи уверены, что плодом, соблазнившим Еву, было яблоко [13]. Шарообразное по форме, оно может являться символом блаженства, земных желаний или потворства этим желаниям, оно связано с искушением, которому не смогла противостоять Ева [4]. Кроме того, яблоко служит символом познания, поскольку Ева сорвала его с Древа Познания добра и зла [13].

Отрицательная характеристика характера также нашла отражение в паремиях с компонентом-фитонимом. **Rotten apple spoils the barrel / injures its neighbor(s)** – человек с отрицательными, неподходящими определенной группе чертами характера оказывает сильное влияние на остальных членов группы, сообщества.

Слабость и сила характера отражены в поговорке **a reed before the wind lives on, while mighty oaks do fall**. Во время сильного порыва ветра тростник прогибается и колышется на ветру, а ветви дуба (или целое дерево) ломаются, стараясь как бы сопротивляться обрушившемуся потоку. Данная поговорка означает, что люди, обладающие гибким, покладистым характером, умеющие подстраиваться под обстоятельства, имеют больше шансов пережить кризисные или катастрофические события, чем люди твердого нрава, жестких принципов. Слово *reed* (*камыш/тростник*) может иметь также негативную окраску; таким образом, выражение в целом приобретает второстепенную сему социального статуса: люди, занимающие низкую должность, позицию в обществе, «приспособленцы», в отличие от людей высокого положения, переживают трудную ситуацию с наименьшими потерями.

Эгоистичность отражена в пословице **one beats the bush while (and) another catches the birds** – один выполняет (тяжелую) работу, а второй пользуется ее результатами.

Такая черта, как черствость, репрезентирована в выражении **you cannot get blood from a turnip** – невозможно дожидаться помощи от немилосердного, черствого, недоброжелательного человека.

3. Состояние здоровья.

An apple a day keeps the doctor away – о здоровом человеке. В данном случае яблоко символизирует силу природы, правильное питание, оказывающее положительное воздействие на организм. **All oak and iron bound and sound as a barrel** – о здоровом человеке, находящемся в хорошей физической форме. Дуб у многих народов ассоциировался с мощью, выносливостью, физической силой. В кельтской культуре дуб считался мужским деревом, он ассоциировался с мужской силой и мудростью [13].

4. Поведение.

When elephants fight, it is the grass that suffers – в конфликте более сильных, лидирующих сторон наибольший урон наносится более слабым. **When all fruit fails, welcome haws** – о человеке, выбравшем себе в качестве «второй половины» значительно более старшего или по каким-либо параметрам выгодного человека. **Lead someone up (down) the garden path** – предать кого-нибудь, направить по ложной дороге. **Cannot see the wood (forest) for the trees** – слишком сконцентрироваться на деталях и из-за этого не увидеть главного, самого важного, общей картины.

5. Жизненный опыт.

The oldest trees bear the softest fruits – как старое проверенное дерево приносит более вкусные плоды, так и человек с опытом ценится выше, чем неопытный, незрелый в какой-либо области. В поговорке **if you pay peanuts, you get monkeys** глупый человек выступает субъектом действия: если ты выделяешь незначительные средства на оплату труда, то такой вариант понравится только глупому, неопытному человеку, возможно, не имеющему отношения к данной области деятельности.

6. Социальное положение.

A king's chaff is worth more than other men's corn – «плевелы короля лучше зерна других людей», характеризует высокий социальный статус правящих «верхов» государства, страны.

Основными источниками происхождения антропохарактеризующих паремий являются Ветхий и Новый Завет и дискурсы различных социальных групп. Основной ценностью в пословицах провозглашается рациональный подход к различным чертам характера человека и польза, которую они могут человеку принести: приобретение жизненного опыта, умение налаживать связи с людьми различного социального статуса, расстановка жизненных приоритетов, умение оценивать обстановку и приспособиться к изменяющимся условиям окружающей среды, осознание необходимости заботы о здоровье. Компоненты *дуб, яблоко, плод, тростник, орех* приобретают антропоморфные значения, символизируя физические и нравственные качества человека.

В процессе исследования были выявлены основные культурные установки, образы, лежащие в основе паремий с компонентом-фитонимом английского языка.

Пословицы построены по модели простого предложения, осложненного однородными членами, сложносочиненного и сложноподчиненного предложения с придаточным условия. В паремиях контекстуально противопоставляются слова, не являющиеся в языке антонимами: *reed* и *oak* (камыш и дуб), *corn* и *chaff* (зерно и плевелы), *elephant* и *grass* (слон и трава).

Библиографический список

1. Антропова Л.И. Лексико-фразеологическое поле с общим значением «порицать» в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1978.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 598 с.
3. Ильина Л.Е. Паремии в русском и французском языках: сопоставительный анализ // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2017. – № 1 (201). – С. 25–32.
4. Кирло Хуан. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории / пер. с англ. Ф.С. Капицы, Т.Н. Колядич. – М.: Центрполиграф, 2010. – 525 с.
5. Коцюба Л.Б. Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. – 2013. – Т. 10. – № 1. – С. 65–67.
6. Кузьмина Е.А. Паремии как лингвокультурная репрезентация языковой личности (на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов: 2002. – 255 с.
7. Мокиенко В.М. Современная паремнология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. – 2010. – № 3. – С. 6–20.
8. Поуп Александр: Краткая биография [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.livelib.ru/author/300670-aleksandr-poup>.
9. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/?q=484>.
10. Савенкова Л.Б. Русские паремии как функционирующая система: дис. ... д-ра филол. наук. – Ростов н/Д, 2002. – 484 с.
11. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методические исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 13–25.
12. Толковый словарь Д.Н. Ушакова онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=44619>.
13. Трессидер Джек. Словарь символов. – М., 1999.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 (Муза-Сят) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.
15. Cambridge Dictionary. English Dictionary, Translations and Thesaurus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org>.
16. Hornby A.S. Oxford Advanced Learners' Dictionary. – Oxford: Press of University, 2000. – 1540 p.
17. Martin H. Manser. The Facts on File Dictionary of Proverbs. – New York: facts On File Inc., 2007. – 513 p.
18. Oxford Dictionary of proverbs /ed. by Jennifer Speake. – Oxford: Press of the University, 2008. – 625 p.
19. The Selected Letters of Ralph Waldo Emerson / ed. By Joel Myerson. – New York: Columbia University Press, 1997. – 461 p.

References

1. Antropova L.I. Leksiko-frazeologicheskoe pole s obshchim znacheniem «poricat'» v sovremennom nemeckom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 1978.
2. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. – M.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1966. – 598 s.
3. Il'ina L.E. Paremii v russkom i francuzskom yazykah: sopostavitel'nyj analiz // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 1 (201). – S. 25–32.
4. Kirlo Huan. Slovar' simvolov. 1000 statej o vazhnejshih ponyatijah religii, literatury, arhitektury, istorii / per. s angl. F.S. Kapicy, T.N. Kolyadich. – M.: Centrpoligraf, 2010. – 525 s.
5. Kocyuba L.B. Opredelenie paremii (lingvisticheskij aspekt definicii) // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika. – 2013. – T. 10. – № 1. – S. 65–67.
6. Kuz'mina E.A. Paremii kak lingvokul'turnaya reprezentaciya yazykovoj lichnosti (na materiale nemeckogo yazyka): dis. ... kand. filol. nauk. – Tambov: 2002. – 255 s.
7. Mokienko V.M. Sovremennaya paremiologiya (lingvisticheskie aspekty) // Mir russkogo slova. – 2010. – № 3. – S. 6–20.
8. Poup Aleksandr: Kratkaya biografiya [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.livelib.ru/author/300670-aleksandr-poup>.
9. Rozental' D.EH., Telenkova M.A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/?q=484>.
10. Savenkova L.B. Russkie paremii kak funkcioniruyushchaya sistema: dis. ... d-ra filol. nauk. – Rostov n/D, 2002. – 484 s.
11. Teliya V.N. Pervoocherednye zadachi i metodicheskie issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kul'tury // Frazeologiya v kontekste kul'tury. – M., 1999. – S. 13–25.
12. Tolkovyj slovar' D.N. Ushakova onlajn [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=44619>.
13. Tressider Dzhek. Slovar' simvolov. – M., 1999.
14. Fasmer M. EHtimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 3 (Muza-Syat) / per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. – M.: Progress, 1987. – 832 s.
15. Cambridge Dictionary. English Dictionary, Translations and Thesaurus [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://dictionary.cambridge.org>.
16. Hornby A.S. Oxford Advanced Learners' Dictionary. – Oxford: Press of University, 2000. – 1540 p.
17. Martin H. Manser. The Facts on File Dictionary of Proverbs. – New York: facts On File Inc., 2007. – 513 p.
18. Oxford Dictionary of proverbs /ed. by Jennifer Speake. – Oxford: Press of the University, 2008. – 625 p.
19. The Selected Letters of Ralph Waldo Emerson / ed. By Joel Myerson. – New York: Columbia University Press, 1997. – 461 p.

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ТЕОРИЮ И ПРАКТИКУ ЮРИДИЧЕСКОГО РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ 1917–1930-Х ГОДОВ

В статье автор использует историко-правовой материал для анализа деятельности органов государственной власти по предупреждению и разрешению социальных конфликтов. Рассмотрены характерные для того времени детерминанты социальных конфликтов (в годы гражданской войны, «новой экономической политики», в период коллективизации), а также эффективность способов их разрешения. Автор статьи выявляет основные особенности социальных конфликтов указанного времени, заключающиеся в несовместимости интересов сторон, разрушительной силе конфликтов и включенности в них государственных органов. В статье также описаны минусы силового разрешения конфликтов советской властью, показана роль государства, которое фактически контролировало всю социальную систему, заставляя ее функционировать на необходимом ей манер и держа ее в состоянии очень сильного напряжения.

Ключевые слова: правовая политика, социальный конфликт, юридическое разрешение, трудовые споры, политическая оппозиция, уголовная репрессия, правосознание, правовая культура.

Юридическое разрешение – это законодательно закрепленное влияние компетентных государственных органов на субъектов конфликта, которое оказывается для снятия противоречий и устранения столкновения сторон. Постараемся проследить особенности юридической техники разрешения социальных конфликтов в советском государстве в первые двадцать лет после его образования.

В 1920-е и 1930-е годы Россия переживала сложные времена. Страна находилась на этапе определения векторов правового и государственного строительства, рассмотрения различных доктрин. Это был этап серьезного столкновения социально-политических интересов. Вспыхивали многочисленные социальные конфликты, являющиеся реакцией на жесткие меры правительства.

Было бы ошибкой думать, что в первые десятилетия своего существования Советское государство не продумывало путей разрешения возникавших конфликтов. Изучение нормативных документов показывает, что уже в первые несколько лет государством был издан ряд нормативно-правовых актов (Декрет о земле, Декрет о восьмичасовом рабочем дне, Положение о рабочем контроле и др.), которые должны были предупредить столкновения на производстве и в аграрном секторе. Также были созданы отделы, комитеты и комиссии, занимавшиеся урегулированием возникавших вопросов (расценочные, тарифно-согласительные комиссии, отделы труда и их конфликтные отделы, народные суд, и др.) [6].

В 1917–1918 годах особое внимание было уделено примирительному способу разрешения конфликтов, возникающих на производстве. В этом вопросе Советское государство опиралось на опыт и знания, накопленные различными учреждениями, разрешавшими конфликты и споры еще в до-

революционной России (примирительные камеры, третейские суды и др.). Кроме бдительного контроля за порядком рабочего дня, проводилась работа по устранению нарушения законодательства в производственной сфере, устанавливался порядок страхования рабочих в связи с болезнью, увечьями и несчастными случаями наемных рабочих города и деревни и т.д. [8].

Но данные шаги и мероприятия со стороны государства были скорее реакцией на непростую социально-экономическую ситуацию, сложившуюся в 1918 году, нежели выбранным и продуманным курсом в правовом строительстве, в создании механизмов согласования основных жизненных интересов членов общества.

Такая ситуация была связана с небольшим значением, которое уделялось государственно-правовым институтам, а также с низким уровнем правового сознания и общей культуры населения. Все подготовительные работы по юридическому разрешению конфликтов в царской России оказались безрезультатными, поскольку гражданская война свела на нет многие начинания и наработки.

Уже в 1918–1920 годах стали ясны особенности социальных конфликтов в Советском государстве:

– различные общественные силы отстаивали свои интересы в разных сферах жизни, а также в области идеологии: конфликты в данном случае возникали в результате осознания противоположными сторонами данного противоречия как взаимной несовместимости их интересов и целей;

– большинство конфликтов имели разрушительный характер: вооруженные восстания в деревнях, идеологическое противостояние с интеллигенцией; забастовки на производстве;

– в конфликты оказались вовлечены государственные структуры, так как государство брало

на себя решающую роль в реформировании всей общественно-политической системы.

Во время гражданской войны появилась угроза разрушения социальной системы. На первое место вышли жестокие, даже страшные методы социального регулирования и разрешения социальных конфликтов. Руководство страны пошло в это время на репрессивные меры, которые получили закрепление в многочисленных актах законодательства.

Практика силового разрешения социальных конфликтов в годы гражданской войны регламентировалась различными декретами и подзаконными актами нескольких видов и уровней. Поэтому силовой порядок разрешения конфликтов мы считаем уместным рассматривать как одну из форм юридической деятельности. Между тем, любой юрист обязан подчеркнуть, что насилие как средство разрешения конфликтных ситуаций является нарушением прав и свобод человека и гражданина, что позволяет классифицировать деятельность государства как законную по форме, но противоправную по сути.

Создание нормальной правовой системы, которая могла бы обеспечить юридически грамотное и справедливое разрешение конфликтов, было затруднено из-за развернутой политики военного коммунизма. В эти годы на производстве распространилось законодательное «блокирование» конфликтов, связанное с введением всеобщей трудовой повинности, ставшей системой мобилизации рабочих и милитаризации труда. Всех сопротивляющихся и конфликтующих призывали к порядку силовым способом, применяя административные меры наказания, а также уголовные репрессии.

В годы военного коммунизма главенствовали специфические, насильственные формы избегания и подавления конфликтов: подавлялась воля спорящей стороны, ей внушался страх и мысль о безнадежности сопротивления и сопротивления. Разумеется, такие методы не могли способствовать установлению взаимовыгодных отношений. Насильственные меры приводили к ряду социально-психологических последствий: проявлениям враждебности, агрессии, оправданию силовых способов борьбы. Все это свидетельствовало о неустойчивом и временном характере разрешения конфликтов.

1920-е годы были ознаменованы новыми достижениями правовой политики: закреплены основополагающие правовые принципы (справедливости, равенства и свободы) в Конституции РСФСР (1925 г.), в нормах Гражданского кодекса РСФСР (1923 г.), Кодекса законов о труде РСФСР (1922 г.), Земельного кодекса РСФСР (1922 г.), Уголовного кодекса РСФСР (1922 г., новая редакция 1926 г.), Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (1922, новая редакция 1923 г.), Гражданского процессуального кодекса РСФСР (1923 г.).

Смена военно-коммунистических методов руководства приводит к возникновению более гибких социальных норм и правовой регуляции. Изменяются и юридические способы разрешения конфликтов [9].

Появляется, точнее, возрождается примирительно-третейское разрешение конфликтов: стороны, которые участвовали в процессе, признавались равными в правах, не допускалось ущемление интересов какой-либо стороны. Наиболее действенным способом разрешения конфликтов стал консенсус. Обозначим факторы, которые позволяли разрешать трудовые конфликты в 1920-е годы:

- репрессивные меры, применяемые по отношению к нарушителям трудового законодательства;
- с 1923 года рассмотрение жалоб на решения трудовых сессий народных судов происходило в Бюро надзора по трудовым делам;
- к нарушителям актов об охране жизни и здоровья трудящихся теперь применялись административные санкции;
- в крестьянской среде с 1924 года действовали примирительные комиссии, разрешавшие конфликты, связанные с наемным трудом и другими хозяйственными вопросами;
- за законностью трудовых отношений наблюдали с 1926 года правовая инспекция и прокуратура.

Данные средства разрешения конфликтных ситуаций оказались очень востребованными и сохраняли актуальность еще в течение длительного времени. Анализ особенностей юридического разрешения социальных конфликтов в рассматриваемый период позволяет сделать вывод о том, что в данной сфере государство использовало разнонаправленные подходы, в рамках которых сочетались консенсуальные и репрессивные средства правового регулирования. Принятие правовых актов, регламентировавших использование примирительных процедур для разрешения производственных конфликтов, осуществлялось наряду с широким применением насильственных мер, направленных на подавление классово-чуждых элементов [3].

Высылки интеллигенции из страны на определенное время или бессрочно, суды над научными работниками, политическими деятелями и представителями различных партий, священнослужителями с вынесением обвинительных и очень жестоких приговоров являются показателем времени [1]. Богатые крестьяне, люди, скопившие какие-либо капиталы часто путем честного труда, отдавались под суд, лишались всего имущества и прав. Такие вопиющие факты позволяют говорить о том, что одним из мотивирующих начал в действиях государственных органов в 1920-е годы сохранялась репрессивно-карательная ориентация. Именно репрессии рассматривались руководством страны, а также политическими деятелями как наилучшая мера по установлению порядка в Советском государстве.

Ни исторические уроки эпохи военного коммунизма, ни демократический потенциал правовой системы 1920-х годов не были реализованы. Конфликты не разрешались, а подавлялись силой. Методы, используемые государством, были разрушительны для личности, для общества [7].

Государство фактически контролировало всю социальную систему, заставляя ее функционировать на необходимый манер и держа ее в состоянии очень сильного напряжения. Государство сообщало об идеологии «общего интереса», под маской которой и вторгалось в разные сферы жизни людей: научную, техническую, нравственную и др. Государство все подчиняло своей воле, используя различные насильственные методы, а при этом пыталось отвести от себя подозрения и скрывало собственные злодеяния под формой борьбы с врагами народа, которые появлялись среди самого народа.

Законодательство конца 1920-х – начала 1930-х годов закрепляло насильственное разрешение конфликтов, создавало механизм «большого террора» и обеспечивало безнаказанность преступной деятельности высших должностных лиц и органов Советского государства, вводило ее в рамки «законности», придавало им определенную легитимность [4]. В ходе анализа архивных материалов судебных процессов над интеллигенцией в конце 1920-х – начале 1930-х годов (по делам: «Союза возрождения России» (г. Кострома, 1930 г.), «Партии трудового крестьянства» (г. Иваново-Вознесенск, 1931 г.), «Российской державной монархической партии» (г. Кострома, 1934 г.) и др.) выявлены грубейшие нарушения норм Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 г. Обвиняемые лишались таких общепринятых гуманных прав, как право на защиту; прокурор и защитник в процессе не участвовали; не предусматривалось кассационное обжалование большинства приговоров и др. [10].

Процесс коллективизации и процесс ликвидации кулачества как класса, протекавший в 1928–1933 годах, явили отрицательные результаты, которые не способствовали правому разрешению конфликтов и развитию юридических способов их разрешения. Силовое разрешение встающих проблем имело лишь один плюс: скорость разрешения конфликта. Во всем остальном силовые методы были неэффективны, так как они вызвали скрытое сопротивление, новые столкновения, опять вынуждающие к применению насильственных мер.

Рассмотрение архивов с материалами судебных процессов над кулаками позволило нам сделать вывод о многочисленных нарушениях Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: в процессе судебного дела у обвиняемых отсутствовала защита, следствием не проводилась экспертиза, принятие решений о раскулачивании и выселении принимались без публичного судебного заседания, вынесение приговора судом не основывалось на достаточ-

ной доказательной базе и др. Права собственников на имущество, обозначенные в Гражданском кодексе РСФСР 1923 г., совсем не соблюдались. В 1929 г. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР был дополнен нормами, существенно ущемлявшими права сторон в процессе.

В финале 1920-х годов и в начале 1930-х годов право было вытеснено административно-принудительными нормами. Во время индустриализации трудовое законодательство все более ориентировалось на обслуживание интересов производства, отодвигая на второй план интересы рабочего. Именно с этим связана упрощенная система разрешения споров, которая установилась на производстве. Теперь уже фактически не использовался примирительный способ разрешения конфликтов, а также обращения в конфликтные органы. Администрации предприятий обращались в суды. «После слияния в 1933 г. всех органов НКТ в центре и на местах с ВЦСПС третейские суды и примирительные камеры стали организовываться в случае необходимости при Советах профсоюзов. В связи с прекращением с 1934 г. заключения коллективных договоров рабочие были существенно ограничены в примирительно-третейском разрешении конфликтов на производстве. Основным органом примирительного разрешения конфликтов оставалась лишь расценочно-конфликтная комиссия. Появление в 1928 г. производственно-товарищеских судов не смогло компенсировать ограниченности способов разрешения конфликтов» [2].

Этап коллективизации характеризовался пересмотром земельного законодательства, устанавливалось социалистическое сельскохозяйственное землепользование. В этой ситуации руководство страны отменяло ряд способов разрешения конфликтов в области наемного труда. В 1930 г. происходит ликвидация конфликтных комиссий, земельных обществ и земельных комиссий. В 1930 году появляются сельские общественные суды.

Таким образом, исследование вопроса разрешения конфликтов в указанный период позволяет сделать ряд выводов:

1. Для того чтобы не повторить ошибок прошлого, негативных последствий разрешения конфликтов необходимо и в наши дни воспитывать у людей уважение к праву, поднимать правовую культуру населения.

2. Как показывает история, силовое разрешение конфликтов в социальной сфере было малоэффективным. Люди, ограниченные в свободе, подавляемые государством, подспудно сохраняли желание о еще большем противодействии. Конфликты не разрешались, а перетекали в другие столкновения. Все это угрожало социальной системе в целом.

3. Использование насильственных средств в практике разрешения конфликтов должно осуществляться в рамках и в соответствии с законом.

Применение силы должно быть способом установления порядка, но не орудием произвола.

4. Первостепенной задачей в правовой политике всех времен и настоящего времени в том числе является разрешение конфликтов не путем ущемления прав одной из спорящих сторон, а путем учета интересов всех спорящих. Такой подход является наиболее правильным, поскольку позволяет избежать социальной напряженности.

5. Для предотвращения и разрешения конфликтов приобретают особую значимость консенсуальные процедуры. Важность консенсуса состоит в том, что предполагается такая согласованность позиций, при которой субъекты конфликта, обсуждая какое-либо решение, не выступают против принятия и поддерживают его. Любая консенсуальная процедура должна исключать абсолютное доминирование одной из сторон. Особое значение эти процедуры имеют в гражданском процессе, при разрешении трудовых и иных конфликтов.

6. В наши дни необходимо дальнейшее совершенствование примирительного и судебного способов разрешения трудовых конфликтов посредством повышения роли профсоюзных органов. Необходимо повышать государственный надзор и контроль за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных актов, содержащих нормы трудового права.

Библиографический список

1. Бакулин В.И., Лейбович О.Л. Рабочие, «спецы», партийцы (О социальных истоках «великого перелома») // Рабочий класс и современный мир. – 1990. – № 6. – С. 98–110.
2. Бриль Г.Г. Юридическое разрешение социальных конфликтов в Советском государстве в 1917 – начале 1930-х гг.: дис. ... д-ра юрид. наук. – Нижний Новгород, 2002. – 392 с.
3. Буянов В. Трудовые конфликты и политика профсоюзов // Вестник труда. – 1926. – № 2. – С. 34.
4. Гринберг М.С. Уголовное право и массовые репрессии 20-х и последующих годов // Государство и право. – 1993. – № 1. – С. 69–70.
5. Грингауз Н. К вопросу об уголовном праве и правотворчестве масс в 1917–1918 гг. // Советское государство и право. – 1940. – № 3. – С. 90–91.
6. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 годы. Т. 1.

1917–1928 гг. – М.: Госполитиздат, 1957. – 879 с.

7. Курицын В. Переход к НЭПУ и проблемы законности: новое прочтение // Право и жизнь. – 1992. – № 1. – С. 145–146.

8. Митрохина Н.В. Первые нормативные акты советской власти о рассмотрении трудовых споров // История государства и права. – 2000. – № 4. – С. 23–28.

9. Струмилин С.Г. Наемный труд в России и на Западе. 1913–1925. Ч. I. Наемный труд в России. – М.: Вопросы труда, 1927. – 188 с.

10. Эстрин А.Я. Развитие советской уголовной политики. – М.: Советское законодательство, 1933. – 244 с.

References

1. Bakulin V.I., Lejbovich O.L. Rabochie, «specy», partijcy (O social'nyh istokah «velikogo pereloma») // Rabochij klass i sovremennij mir. – 1990. – № 6. – S. 98–110.
2. Bril' G.G. YUridicheskoe razreshenie social'nyh konfliktov v Sovetskom gosudarstve v 1917 – nachale 1930-h gg.: dis. ... d-ra yurid. nauk. – Nizhnij Novgorod, 2002. – 392 s.
3. Buyanov V. Trudovye konflikty i politika profsoyuzov // Vestnik truda. – 1926. – № 2. – S. 34.
4. Grinberg M.S. Ugolovnoe pravo i massovye repressii 20-h i posleduyushchih godov // Gosudarstvo i pravo. – 1993. – № 1. – S. 69–70.
5. Gringauz N. K voprosu ob ugolovnom prave i pravotvorchestve mass v 1917–1918 gg. // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1940. – № 3. – S. 90–91.
6. Direktivy KPSS i Sovetskogo pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam. 1917–1957 gody. T. 1. 1917–1928 gg. – M.: Gospolitizdat, 1957. – 879 s.
7. Kuricyn V. Perekhod k NEHPU i problemy zakonnosti: novoe prochtenie // Pravo i zhizn'. – 1992. – № 1. – S. 145–146.
8. Mitrohina N.V. Pervye normativnye akty sovetsoj vlasti o rassmotrenii trudovyh sporov // Istoriya gosudarstva i prava. – 2000. – № 4. – S. 23–28.
9. Strumilin S.G. Naemnyj trud v Rossii i na Zapade. 1913–1925. CH. I. Naemnyj trud v Rossii. – M.: Voprosy truda, 1927. – 188 s.
10. EHstrin A.YA. Razvitie sovetsoj ugolovnoj politiki. – M.: Sovetskoe zakonodatel'stvo, 1933. – 244 s.

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПРИРОДЕ ОГОВОРОК В ПРАВЕ

Оговорка в праве рассматривается сквозь призму деления нормативных правовых предписаний на общие и специальные. Отстаивается понимание правовых оговорок в качестве особого вида специальных нормативных предписаний, что аргументируется особенностью их применения в договорной и судебной практике, последствиями их реализации. Особое внимание в статье уделяется таким функциям оговорок в праве, как регулятивно-ограничительная, информационно-корректирующая и функция защиты. Регулятивно-ограничительная функция норм-оговорок определяется автором в качестве одной из важнейших функций, поскольку в ней раскрывается регулятивный потенциал этого средства регуляции как первичной упорядочивающей силы права. Информационно-корректирующая функция оговорок увязывается с установлением иного способа регулирования вида общественного отношения, отличающегося от способа регулирования, применяемого общей нормой. Защитная функция правовых оговорок раскрывается посредством анализа практики заключения международных договоров. Кроме того, автором выделяется целый ряд оговорок, имеющих отношение к денежным обязательствам и выполняющих функцию защиты. В статье делается вывод, что правовая оговорка представляет собой разновидность специальных норм, предусматривающих исключение из правил общего характера.

Ключевые слова: общие нормы права, специальные нормативные правовые предписания, оговорки в праве, функции права.

В настоящее время термин и понятие «оговорка» – весьма распространенное явление в отраслях права, характеризующееся разнообразием интерпретаций и сфер применения. Например, в гражданско-правовом регулировании разработан и применяется ряд оговорок: третейская оговорка – условие договора или отдельное соглашение о возможности обращения за разрешением споров, наряду с государственным судом, в третейский суд по выбору истца; симметричная и асимметричная арбитражная оговорка; оговорка о возмещении потерь; оговорка об обычной практике в нефтегазовой отрасли; индексная оговорка – определение размера денежного обязательства, подлежащего исполнению, рассчитываемого пропорционально изменению величины прожиточного минимума на душу населения; валютная оговорка в ее нескольких вариантах (косвенная, прямая, мультивалютная оговорка) и др. В международном праве *clausula rebus sic stantibus* (оговорка о неизменности условий договора до тех пор, пока неизменными остаются обстоятельства, вызвавшие его заключение и действие); медиативная оговорка; оговорка о применимом праве; оговорка о федеративном государстве – способ ограничения обязательств федерального центра вопросами, подпадающими под установленную конституцией юрисдикцию федерального правительства [8, с. 154–163] и др. В конституционном праве – оговорка о неприкосновенности уполномоченного по правам человека и др.; в уголовном – оговорка о неприменении смягчающих обстоятельств и т. п.

Все варианты понимания оговорок, встречающиеся в специальной литературе, можно объединить в три группы: оговорка как прием юридической техники [3, с. 142; 14, с. 10–11]; оговорка как разновидность специальных юридических норм [4, с. 154–155]; оговорка как специальное предписа-

ние и как отсылка, то есть прием юридической техники [6, с. 425–440; 13, с. 84–101].

Внимательно изучив позиции и аргументы авторов представленных подходов к трактовке такого явления, как оговорка, наиболее предпочтительным видим тот, согласно которому оговорка – разновидность специальных норм. Основания такого суждения кроются в предназначении оговорок, особенностях их применения в общерегулятивной и договорной практике, в случаях возникновения спора, а также последствиях использования оговорок.

Применение оговорок, так же как и их понимание, важно для установления максимально объективного и соответствующего действительности полного представления о рассматриваемом феномене. В деятельности правоприменителя оговорки – либо содержание нормативных источников (нормы права), либо условия договора, что подтверждает имеющийся вывод об оговорках как о разновидности специальных норм. А потому оговорки часто становятся юридическим основанием принимаемого решения, в связи с чем подвергаются правовой оценке с точки зрения действительности или недействительности, установления ее содержания и возможности применения, то есть имеют место те же самые действия, что и в отношении любой иной нормы права, которые осуществляются на основе существующих правил о действии нормы права, о признании договора недействительным в целом или в части, о толковании и т. д.

Последний аспект, на наш взгляд, имеет особое значение, поскольку интерпретационная деятельность здесь подчинена не только общим правилам толкования, но и специальным, которые обусловлены спецификой связи двух норм: общей и специальной (оговорки). Нарушение этих правил может привести к неверному установлению содержания оговорки и ее применению, а как след-

стве – к ошибочному разрешению дела. Возможно, именно этим и объясняются ситуации, когда по идентичным обстоятельствам складывается весьма противоречивая практика, не способствующая стабилизации отношений [1, с. 45–48; 5, с. 5].

Рассматривая вопрос понимания оговорок в системе правовых норм, необходимо обратить внимание еще на один немаловажный аспект. Представляется, что в характеристике этой разновидности специальных норм нельзя отказаться от традиционного обращения к их функциональной нагрузке.

Понятие функций явлений и процессов, используемое в юриспруденции, заимствовано из естественных наук и философии, оно призвано отразить зависимость и влияние одного компонента взаимоотношений на другой/другие. Поскольку общественные отношения в большинстве своем имеют правовую форму, то все ее элементы, участвующие в этом опосредовании, находятся в зависимости от различных компонентов общественных отношений, а значит, осуществляют функции. Ценность этой категории для исследования заключается не просто в описании действий, а прежде всего в выявлении связей этих действий с иными, подпадающими под влияние права явлениями.

Функции правовых норм позволяют проследить динамику их способности воздействовать на общественные отношения [7, с. 24–25]. Поэтому рассмотрение правовых оговорок в качестве разновидности специальных норм предполагает провести их функциональный анализ, чтобы представить полную картину о них.

Как и в вопросе с целями норм-оговорок, их функциональная нагрузка может быть представлена «многослойно», поскольку им присущи общие функции всего права (правоустановительная, правообеспечительная, функция государственной оценки и ориентации поведения субъектов, охранительная, воспитательная, информационная, целевая, мотивационная и др.), функции специальных норм (регулятивная, правовосполнительная и др.), специальные функции норм-оговорок, обусловленные спецификой их содержания, предназначения в механизме правового регулирования, описанными выше целями.

Регулятивно-ограничительная функция норм-оговорок является одной из важнейших функций, поскольку в ней с одной стороны раскрывается регулятивный потенциал этого средства регуляции как первичной упорядочивающей силы права. Как и любое регулятивное средство, оговорка представляет собой модель поведения, устанавливает права и обязанности субъектов, указывает на возможные негативные последствия.

Начало регулятивной активности норм-оговорок – окончание регулятивного воздействия общеправовых предписаний. Реализация гипотезы оговорки приостанавливает действие общей нор-

мы, но только в отношении обстоятельств и случаев, установленных в гипотезе оговорки.

Например, в ст. 327.1 Трудового кодекса РФ закреплено сразу два правила поведения работодателя, которые регламентируют трудовые правоотношения, участником которых являются иностранные граждане и лица без гражданства: общее и исключение. При этом исключение оставляет действие общего правила, как только появляются соответствующие обстоятельства. Трудовые правоотношения, складывающиеся между работодателем и работниками, являющимися иностранными гражданами или лицами без гражданства, регулируются нормами трудового законодательства и иными нормативными правовыми актами. Исключение составляют случаи, когда эти же отношения подлежат регулированию иностранным правом.

Информационно-корректирующая функция связана с установлением иного способа регулирования вида общественного отношения, отличающегося от способа регулирования, применяемого общей нормой. В оговорках содержится информация о совокупности обстоятельств, наличие которых в реальной действительности ведет к дифференциации регулятивного воздействия на поведение участников отношения. При наличии подобной информации участники отношений должны понимать не только о требованиях по корреляции поведения, но и о получении иного результата. Возникновение условий, установленных в гипотезе нормы-оговорки, становятся причиной применения иного способа регулирования по сравнению с тем, что прописан в общей норме.

Кроме того, эта функция имеет тесную связь с конкретизацией правовых норм. Содержащееся в общей правовой норме абстрактное правило поведения не может подробно регулировать все виды отношений какого-то вида, однако не исключает применение особого подхода для юридической оценки частного проявления отношения. Решая задачу по дифференциации правового регулирования, правотворческий субъект прибегает к различным способам конкретизации общих предписаний, в том числе установлению специальных условий или изъятиям из общих условий правового регулирования [11, с. 9].

Статья 61 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 29 июля 2018 года) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» устанавливает общий порядок приобретения акций и долей кредитной организации в ходе исполнения одной сделки или нескольких подобных сделок одним юридическим (или физическим) лицом, который обязывает уведомить Банк России, если приобретается более 1 процента акций, и получить предварительное согласие Банка России, если приобретается более 10 процентов [10].

В п. 5 ч. 1 ст. 1 Земельного кодекса РФ провозглашает в качестве некоего отправного начала единство судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, в соответствии с которыми объекты, прочно связанные с земельными участками, в обязательном порядке следуют судьбе данных участков. Этот принцип перестает действовать, когда федеральными законами устанавливается иной порядок регулирования сделок.

Тот же закон в ст. 35 устанавливает случаи, исключающие применение указанного принципа:

1) отчуждение части здания или сооружения, выделение которой в натуре вместе с частью земельного участка невозможно;

2) отчуждение здания или сооружения, находящегося на изъятом из оборота земельном участке согласно ст. 27 Земельного кодекса РФ;

3) отчуждение сооружения, которое расположено на земельном участке на основании публичного сервитута.

Еще одной наиболее выпукло проявляющей себя функцией норм-оговорок выступает *функция защиты*. Общественные отношения могут развиваться прогрессивно только в условиях стабильности и эффективности действия механизма защиты прав и интересов их участников. Стабильность – состояние, которое обеспечивается не только юридическими средствами, но и социальными, политическими, экономическими. Однако юридический инструментарий играет далеко не последнюю роль. Так, стабильность законодательства и правовой политики непосредственно задействованы в обеспечении интересов участников правовых отношений.

Стабильность отношений зависит и от того, насколько разные по своему статусу и возможностям их участники уверены в том, что при существенном изменении их положения и условий, существовавших в момент возникновения отношений, они могут рассчитывать на сохранение и охрану их прав и интересов при изменении фактических условий. В этих условиях необходимы дополнительные меры по обеспечению баланса интересов всех участников социального общения. Наличие правовых оговорок в законодательстве как раз позволяет предоставить необходимые гарантии.

Право тем прогрессивнее и ценнее, чем больше в его арсенале инструментов обеспечительного и охранительного толка не только в случаях, когда можно точно определить критерии правомерности и неправомерности поведения контрагента отношения, но и в случаях рискованных ситуаций. В частности, такими инструментами являются и оговорки. Содержание целого ряда из них явно указывает на предназначение оговорок в правовом регулировании, на цели их применения и на детерминированные этим функции. Например, оговорка о публичном порядке, третейская оговорка, оговорка об исключении ответственности и др.

Защитная функция правовых оговорок наглядно прослеживается в практике заключения международных договоров. Правовые оговорки позволяют решить сразу несколько задач по развитию правового общения и сотрудничества как в публичной, так и в частноправовой сферах: во-первых, широкое использование оговорок обеспечивает широкое участие в отношениях международного характера, что соответствует принципу «лучше частичное участие в договоре, чем неучастие в нем»; во-вторых, наблюдается динамичность развития международных отношений путем модификации содержания международных договоров и упрощения их заключения; в-третьих, они защищают суверенные права государства.

Например, оговорка о публичном порядке выполняет функции своеобразного универсального защитного юридического механизма, «предотвращающего с помощью суда несовместимые с публичным порядком государства: а) применение иностранного права; б) оказание правовой помощи суду иностранного государства; в) признание и приведение в исполнение решения иностранного суда или международного коммерческого арбитража» [9, с. 162].

Судебной практикой выработано определение публичного порядка, согласно которому он предстает в виде совокупности фундаментальных начал (принципов) права, для которых характерны универсальность, императивность их содержания, особая общественная или государственная значимость. Данные принципы выступают основой формирования и действия политической, экономической и правовой системы государства [2].

Содержание оговорки о публичном порядке установлено ст. 1193 Гражданского кодекса РФ, на основании которой правоприменитель вправе не учитывать предписания нормы иностранного права, если последствия ее реализации в явной форме вступили бы в противоречие с основами правопорядка Российской Федерации.

Функцию защиты выполняет целый ряд оговорок, имеющих отношение к денежным обязательствам. Их исполнение подчинено принципу номинализма, который упорядочивает деловые отношения, вносит определенность, обеспечивает стабильность гражданского оборота. Отступление от него возможно только в силу прямого предписания закона.

В системе действующего законодательства допускается исключение из общего принципа номинализма, например в виде индексации цен. Так, в соответствии со ст. 183 Арбитражного процессуального кодекса возможно дополнительное взыскание денежных сумм в порядке индексации наряду с ранее взысканными судом денежными суммами, без дополнительного предъявления отдельного иска. Индексация представляет собой одну из форм возме-

щения кредитору вызванных инфляцией убытков, заключающуюся в пропорциональном увеличении сумм путем использования установленных в законе или договоре коэффициентов.

Другим примером индексной оговорки, установленной законодательством, является определение размера подлежащего исполнению денежного обязательства в прямой зависимости от изменения величины прожиточного минимума на душу населения.

Защитительную функцию осуществляет и валютная оговорка, представляющая собой специальное условие договора, предусматривающее исполнение требования и (или) обязательства в оговоренной валюте, но в сумме, эквивалентной определенной сумме в иной валюте или условных единицах по согласованному в договоре курсу.

Использование в денежном обязательстве валютной оговорки (выражение долга в иностранной валюте, как правило, твердой конвертируемой) – один из распространенных способов компенсации потерь от удешевления денег.

В отечественной системе законодательства валютная оговорка регламентирована в п. 2 ст. 317 ГК РФ. Норма данной статьи допускает определение денежного обязательства не только в рублях, но и в сумме, эквивалентной определенной сумме в иностранной валюте, а также в условных денежных единицах. С учетом этого положения подлежащая уплате в рублях сумма высчитывается исходя из официального курса соответствующей валюты на день платежа, за исключением случаев, когда иной курс или другая дата его определения не предусмотрены законом или договором. Диспозитивность регулирования позволяет сторонам установить иной курс, например курс доллара США – не ниже 40 руб., на случай, если курс соответствующей иностранной валюты будет падать [12, с. 169].

Проведенный анализ материала, касающегося оговорок и иных связанных с ними вопросов, позволяет констатировать, что оговорки – разновидность специальных норм с присущим им целевым предназначением и функциональной нагрузкой.

Цели норм-оговорок разнообразны, предопределяют их функции, и представлены целями нескольких уровней: первый – цели права в целом, второй – цели специальных норм, разновидностями которых являются оговорки, третий – цели самих оговорок. К последнему уровню относятся а) ограничение действия общей нормы; б) установление иного способа регулирования отношений; в) защита интересов участников правоотношений в условиях риска или необходимости установления баланса возможностей.

Функции норм-оговорок, как и цели, характеризуют их как часть права в целом, как вид специальных норм, как особую группу норм. В последнем случае специфическими функциями

норм-оговорок, полагаем, выступают: регулятивно-ограничительная, информационно-корректирующая, защитительная.

На основании вышеизложенного полагаем возможным предложить следующую дефиницию оговорок в праве с учетом выявленной их функциональной природы. Правовая оговорка представляет собой разновидность специальных норм, предусматривающих исключение из правил общего характера путем изъятия какого-либо отношения из сферы действия общего правила и ограничения этой сферы, а также установления иного способа регламентации общественных отношений в случаях, указанных в гипотезах норм-оговорок, обладающих ограничительной, корректирующей и защитительной направленностью.

Библиографический список

1. Бевзенко Р.А. Сохраняется ли третейская оговорка при уступке требования? // Корпоративный юрист. – 2007. – № 11. – С. 45–48.
2. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26 февраля 2013 г. № 156. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Кашианина Т.В. Юридическая техника: учебник. – М.: Эксмо, 2007. – 510 с.
4. Латышев Н.В. Цели правовых оговорок // Апробация: науч. журнал. – 2016. – С. 154–155.
5. Лежнин Р. Исполнение обязательств в иностранной валюте // ЭЖ-Юрист. – 2017. – № 7–8. – С. 5–9.
6. Мелешников А.В. Оговорки и отсылки международного права и российского законодательства // Проблемы юридической техники: сб. статей / под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2000. – 823 с. – С. 425–440.
7. Нормы советского права. Проблемы теории / под ред. В.К. Бабаева, М.И. Байтина. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 248 с.
8. Осминин Б.И. Клаузула о федеративном государстве, клаузула о территориальных единицах, федеративная оговорка – способы ограничения международных договорных обязательств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 4. – С. 154–163.
9. Павлова Н.В. Оговорка о публичном порядке как судебный эксклюзив и предел вежливости конкретной нации: комментарий к Обзору практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке // Вестник ВАС РФ. – М.: Закон, 2013. – № 7. – С. 162–173.
10. Сборник законодательства РФ. – 2002. – № 28. – Ст. 2790; 2018. – № 27. – Ст. 3950.

11. *Ткачева С.Г.* Конкретизация закона и его судебное толкование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1973. – 20 с.

12. *Степанченко А.В.* Валютная оговорка и иные способы преодоления инфляционных потерь // Российский юридический журнал. – 2017. – № 1. – С. 167–172.

13. *Суменков С.Ю.* Исключения в праве. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 376 с.

14. *Шутак И.Д.* Оговорки в праве: дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 1999. – 320 с.

References

1. Bevzenko R.A. *Sohranyaetsya li tretejskaya ogovorka pri ustupke trebovaniya?* // Korporativnyj yurist. – 2007. – № 11. – S. 45–48.

2. *Obzor praktiki rassmotreniya arbitrazhnyimi sudami del o primenenii ogovorki o publichnom poryadke kak osnovaniya otkaza v priznanii i privedenii v ispolnenie inostrannyh sudebnyh i arbitrazhnyh reshenij: informacionnoe pis'mo Prezidiuma VAS RF ot 26 fevralya 2013 g. № 156.* – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

3. *Kashanina T.V. YUridicheskaya tekhnika: uchebnik.* – М.: ЕНkсмо, 2007. – 510 с.

4. *Latyshevich N.V. Celi pravovyh ogovorok // Aprobaciya: nauch. zhurnal.* – 2016. – S. 154–155.

5. *Lezhnin R. Ispolnenie obyazatel'stv v inostrannoj valyute // EHZH-YUrist.* – 2017. – № 7–8. – S. 5–9.

6. *Meleshnikov A.V. Ogovorki i otsylki mezhdunarodnogo prava i rossijskogo*

zakonodatel'stva // Problemy yuridicheskoy tekhniki: sb. statej / pod red. V.M. Baranova. – N. Novgorod, 2000. – 823 s. – S. 425–440.

7. *Normy sovetskogo prava. Problemy teorii / pod red. V.K. Babaeva, M.I. Bajtina.* – Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1987. – 248 с.

8. *Osminin B.I. Klauzula o federativnom gosudarstve, klauzula o territorial'nyh edinicah, federativnaya ogovorka – sposoby ogranicheniya mezhdunarodnyh dogovornyh obyazatel'stv // ZHurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya.* – 2016. – № 4. – S. 154–163.

9. *Pavlova N.V. Ogovorka o publichnom poryadke kak sudebnyj ehksklyuziv i predel vezhливости konkretnoj nacii: kommentarij k Obzoru praktiki rassmotreniya arbitrazhnyimi sudami del o primenenii ogovorki o publichnom poryadke // Vestnik VAS RF.* – М.: Zakon, 2013. – № 7. – S. 162–173.

10. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* – 2002. – № 28. – St. 2790; 2018. – № 27. – St. 3950.

11. *Tkacheva S.G. Konkrетizaciya zakona i ego sudebnoe tolkovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk.* – М., 1973. – 20 с.

12. *Stepanchenko A.V. Valyutnaya ogovorka i inye sposoby preodoleniya inflyacionnyh poter' // Rossijskij yuridicheskij zhurnal.* – 2017. – № 1. – S. 167–172.

13. *Sumenkov S.YU. Isklyucheniya v prave.* – М.: YUrlitinform, 2016. – 376 с.

14. *SHutak I.D. Ogovorki v prave: dis. ... dokt. yurid. nauk.* – SPb., 1999. – 320 с.

Желева Ольга Викторовна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск
zheleva.olga@gmail.com

Ткач Александр Сергеевич

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск
alexandertkach01@gmail.com

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ УГОЛОВНОГО ПРОСТУПКА

В статье анализируется понятие, признаки уголовного проступка, а также критерии, позволяющие отграничить новый вид преступного деяния от преступления. Рассматривается становление и формирование понятия уголовного проступка в соответствии с дореволюционным российским законодательством. Указывается, что под уголовным проступком понималось деяние в форме нарушения правил, охраняющих те или иные ценности, влекущее за собой применение исключительно исправительных наказаний. На основе сравнительно-правового метода и системного изучения зарубежного законодательства выделяются три подхода к определению дефиниции уголовного проступка в зависимости от: 1) запрещенности и вида наказания; 2) процессуального порядка судопроизводства; 3) степени общественной опасности деяния. Авторами рассматриваются различные позиции относительно необходимости введения понятия уголовного проступка в уголовный закон, приводятся как положительные, так и отрицательные последствия внесения соответствующих изменений в российское законодательство.

Ключевые слова: преступление, уголовный проступок, преступление небольшой тяжести, квалификация преступлений, категории преступлений, уголовно наказуемое деяние, уголовный закон, административное правонарушение, административная преюдиция, степень общественной опасности.

Экономические, политические и социальные преобразования, происходящие в Российской Федерации в настоящий период времени, обусловленные формированием правового государства и становлением гражданского общества, стали предпосылкой для реформирования всех институтов российской правовой системы, в том числе и уголовного законодательства. В последние годы тенденцией в сфере правовой регламентации уголовно-правовых отношений стала гуманизация уголовного законодательства посредством декриминализации определенных деяний, введения составов преступлений с административной преюдицией, расширения сферы применения института освобождения от уголовной ответственности. Между тем, данные меры были признаны недостаточными, существующая система категоризации преступлений – неэффективной, не соответствующей общеправовым принципам справедливости, а также индивидуализации уголовной ответственности и наказания. Вследствие этого Пленум Верховного суда РФ вынес Постановление от 31.10.2017 г. № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”» [6].

Согласно данному проекту, в уголовное законодательство будет включен новый вид преступного деяния – уголовный проступок, под которым следует понимать «преступление небольшой тяжести, за которое Уголовным кодексом не предусматривается наказание в виде лишения свободы» [6]. К числу уголовных проступков будут отнесены такие виды преступлений, как незаконное предпринимательство, злоупотребления при эмиссии ценных бумаг,

при отсутствии квалифицирующих признаков, поскольку они имеют наименьшую степень опасности. Помимо дефиниции уголовного проступка нововведением станет появление статьи 76.2 УК РФ, закрепляющей, что «лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста, впервые совершившее уголовный проступок, освобождается судом от уголовной ответственности с применением одной из мер уголовно-правового характера, указанных в главе 15.2 настоящего Кодекса, за исключением отдельных случаев. Также лицо, совершившее впервые преступление небольшой или средней тяжести, не являющееся уголовным проступком, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с применением одной из мер уголовно-правового характера, указанных в главе 15 Уголовного кодекса, но только в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред» [6].

Необходимо отметить, что внесение изменений в уголовное законодательство, связанных с появлением нового вида уголовно-наказуемого деяния, было отражено ещё в Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации, где указано, что требуется «конкретизировать содержание и укрепить юридическое значение нормативной категоризации преступлений, посредством которой установить особые правила для преступлений, не представляющих большой общественной опасности (уголовных проступков), неосторожных преступлений, преступлений исключительной тяжести, преступлений международного и транснационального характера» [2, с. 8]. Вышеизложенную позицию выразил на Всероссийском съезде судей в декабре 2016 года Председатель Верховного суда РФ В.М. Лебедев, который отметил, что в связи с преодолением излишней криминализации действующего уголовного закона, с тем, что пре-

ступления небольшой тяжести составляют порядка 55 % от общего числа всех дел, рассматриваемых судами РФ, требуется введение понятия уголовного проступка, под которым следует понимать «правовое понятие между уголовно наказуемым деянием и административным правонарушением. Его, думается, можно применять к преступлениям не только небольшой, но и средней тяжести. Проступок не наказывается лишением свободы, имеет короткие сроки давности» [7].

Следует указать, что понятие уголовного проступка не является новым для отечественного уголовного законодательства. Впервые понятие уголовного проступка появилось в Своде законов Российской империи 1832 года. Так, согласно ст. 2 XV тома Свода законов под маловажными преступлениями и проступками понимались деяния, запрещенные под страхом легкого телесного наказания или полицейского исправления [10]. Данное понятие носило формальный характер и не имело уголовно-правового значения, поскольку не применялось к конкретным составам преступного поведения.

После принятия в 1845 году Уложения о наказаниях уголовных и исправительных уголовно-наказуемые деяния были дифференцированы на две категории: преступление и проступок. Согласно ст. 1 раздела первого «О преступлениях, проступках и наказаниях вообще» преступлением считалось «всякое нарушение закона, чрез которое посягается на неприкосновенность прав Власти Верховной и установленных Ею властей или же на права и безопасность общества или частных лиц», а в соответствии со ст. 2 этого же раздела уголовный проступок представлял собой «нарушение правил, предписанных для охранения определенных законами прав и общественной или же личной безопасности или пользы» [11]. Исходя из анализа положений Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., можно выделить следующие характерные признаки уголовного проступка: 1) сущность данного противоправного поведения заключалась в нарушении правовых предписаний, охраняющих те или иные ценности; 2) объектом посягательства являлись менее важные социальные блага; 3) совершение проступка влекло за собой применение исключительно исправительных наказаний.

Следует отметить, что в Уголовном уложении 1903 года правовое регулирование получили уже три категории преступных деяний: тяжкие преступления, преступления и проступки. При этом к проступкам относились деяния, субъективную сторону которых составляли легкомыслие или небрежность, либо представляющие собой: нарушение положений законов, охраняющих безопасность и спокойствие; нарушение лишь имущественных интересов казны; причинение кому-либо незначительного вреда. В качестве наказания за проступки предусматривались

арест или денежная пеня [9, с. 275]. Согласно Уголовному уложению 1903 года, такая категоризация преступлений влекла за собой и различия в процессуальном порядке рассмотрения соответствующих категорий дел. Так, народные суды рассматривали дела о преступлениях и проступках, а революционные трибуналы – о тяжких преступлениях.

Если обратиться к зарубежному законодательству, то можно выделить три подхода к определению понятия «уголовный проступок». В качестве первого можно назвать формальный подход, согласно которому преступные деяния подразделяются на определенные категории по критерию запрещенности и наказуемости. Так, в ст. 9 УК Швейцарии указано, что преступлением является деяние, наказуемое каторжной тюрьмой; проступком – деяние, подлежащее наказанию тюрьмой «в качестве наиболее тяжкого», а нарушениями, согласно ст. 101 УК Швейцарии, считаются преступные деяния, наказуемые арестом или штрафом или только одним штрафом [13]. Согласно ст. 4 УК штата Массачусетс преступление представляет собой уголовное правонарушение, влекущее за собой наказание в виде смертной казни или лишения свободы в тюрьме, а проступком признается уголовное правонарушение, наказуемое исключительно штрафом, что устанавливается уголовным законом или каким-либо иным законодательным актом. При этом последствиями совершения проступка не могут быть ограничения или лишения прав и свобод человека и гражданина, вытекающих из осуждения за преступление, или в целом ухудшение правового положения лица, совершившего уголовный проступок. Второй подход, связанный с выделением уголовного проступка в качестве самостоятельного вида уголовно-наказуемого деяния, обусловлен особенностями устанавливаемого законодателем порядка уголовного судопроизводства. К примеру, в соответствии с Законом об уголовном праве от 21 июля 1967 года Великобритании (The Criminal Law Act, 1967), все уголовные правонарушения дифференцируются на две группы: 1) правонарушения, последствием совершения которых становится применение в отношении подозреваемого ареста без вынесения судебного приказа (arrestable offences), и 2) правонарушения, за которые подозреваемый может быть арестован только по судебному приказу (non-arrestable offences). В первую из названных групп включены: а) правонарушения, за которые может быть назначено абсолютно определенное, установленное законом наказание (fixed by law), то есть только смертная казнь или пожизненное тюремное заключение. К этой категории относятся такие преступления, как измена, тяжкое убийство, пиратство с насилием и поджог на судостроительных верфях Ее Величества; б) правонарушения, за которые лицо (ранее не судимое) может быть в соответствии с каким-либо

законом приговорено к тюремному заключению на срок в пять лет и более; в) попытка совершить правонарушение, подпадающее под какую-либо из вышеуказанных категорий. Ко второй группе отнесены все прочие уголовные правонарушения. Более того, если уголовное правонарушение рассматривается в порядке судопроизводства с обвинительным актом (то есть судом присяжных), то оно является преступлением (к ним относятся правонарушения первой категории), а если в порядке суммарного судопроизводства, то проступком [14]. В соответствии с третьим подходом, критерием определения уголовного проступка является степень общественной опасности. Например, согласно ст. 10 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. [12] в зависимости от степени общественной опасности и вида наказания все уголовные правонарушения можно подразделить на преступления и уголовные проступки. При этом преступление заключается в совершении виновного деяния (действия или бездействия), которое влечет за собой применение одного из наказаний: штраф, исправительные работы, ограничение свободы, лишение свободы или смертная казнь. А уголовным проступком является виновное деяние, не представляющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству. Последствием для лица, совершившего проступок, становятся арест, штраф, исправительные работы, привлечение к общественным работам.

Подводя итог рассмотрению понятия «уголовный проступок», следует обратить внимание на то, что возможное появление в российском законодательстве категории уголовного проступка оценивается учеными по-разному. На этот счет можно выделить две противоположные позиции. В соответствии с первой, введение уголовного проступка в систему уголовно-наказуемых деяний обусловлено несколькими факторами: 1) социальная обусловленность, проявляющаяся в необходимости правильного статистического отображения состояния преступности, а также в минимизации негативного влияния, которые испытывают осужденные в местах лишения свободы, во время адаптации в обществе после отбытия наказания [8, с. 75]; 2) наличие преступных деяний, которые должны быть декриминализованы [3, с. 2–5]; 3) низкий уровень общественной опасности у преступлений небольшой тяжести и отсутствие у лиц, совершивших преступления такой категории, устойчивой антиобщественной ориентации [4, с. 90–96]; 4) большая загруженность правоохранительных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование; 5) сокращение практики применения лишения свободы и повышение эффективности данного вида наказания [4, с. 90–96].

Согласно второй позиции, введение уголовного проступка приведет к размыванию сфер уголовного и административного права, снизит эффективность административной преюдиции [4, с. 90–96]. Так, Л.В. Головкич считает, что по своей правовой природе уголовный проступок представляет собой административное правонарушение, а введение новой категории приведет к необходимости изменения не только уголовного, но и уголовно-процессуального законодательства [1]. В.Ф. Лапшин выразил аналогичное мнение и подчеркнул, что для выделения категории преступлений с наименьшей общественной опасностью требуется не введение категории уголовных проступков, а перенесение определенных составов в Кодекс РФ об административных правонарушениях, что не приведет к смешиванию предметов уголовной и административной отраслей права [5].

Таким образом, на основе вышеизложенного можно прийти к выводу, что введение понятия уголовного проступка способствует реализации уголовно-правовой политики в соответствии с направлением гуманизации. Действительно, можно выделить такие преимущества появления нового вида преступного поведения, как: более детальная категоризация преступлений в зависимости от характера и степени общественной опасности, получение соответствующих действительности статистических данных о преступности в стране; реализация целей уголовно-правового предупреждения и криминологической профилактики. При этом в отличие от до-революционного отечественного законодательства, законодательства ряда зарубежных стран в проекте нового федерального закона используется не только формальный критерий, но и критерий степени общественной опасности деяния, позволяющий отделить уголовный проступок от преступлений. Между тем указание на иные квалифицирующие признаки уголовного проступка в проекте отсутствует, в результате чего такая форма декриминализации требует четкого разграничения уголовного проступка, преступления небольшой тяжести, малозначительного деяния и административного правонарушения. Кроме того, введение нормы об уголовном проступке потребует коренного пересмотра ряда положений Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ, а также разработки соответствующей теоретической основы, иначе появление нового вида уголовно наказуемого деяния будет являться искусственным.

Библиографический список

1. Александров А., Головкич Л., Есаков Г. и др. Уголовный проступок: новые грани уголовного закона [Электронный ресурс] // Отрасли права РФ: интернет-портал. – Режим доступа: <http://отрасли-права.рф/article/23764> (дата обращения: 18.03.2018).

2. Бабаев М., Пудовочкин Ю. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. – 2012. – № 4. – С. 4–12.

3. Гаврилов Б.Я., Рогова Е.В. Закрепление уголовного проступка в контексте реформирования уголовного законодательства России // Российская юстиция. – 2016. – № 11. – С. 2–6.

4. Коробов П.В. Уголовный проступок: «за» и «против» // Правоведение. – 1990. – № 5. – С. 90–96.

5. Мнения экспертов о необходимости введения уголовного проступка разделились [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: справ. правовая система. – М., 2018. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2017 г. № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”» // Консультант Плюс: справ. правовая система. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

7. Председатель Верховного суда РФ объяснил, почему уголовное законодательство России нуждается в декриминализации // Российская газета. – 2016. – № 212 (7080).

8. Рогова Е.В. Социальная обусловленность категории уголовного проступка в современном уголовном праве // Сибирский юридический вестник. – 2015. – № 3 (70). – С. 70–76.

9. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1994. – Т. 9. – 352 с.

10. Свод законов Российской Империи 1832 г. / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. – СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справ. правовая система. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

11. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с доп. по 1 янв. 1876 г. / сост. проф. С.-Петерб. ун-та С.Н. Таганцевым, Н.С. Таганцев. – М.: Тип. М. Стасюлевича, 1876. – 741 с.

12. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года, № 226-V (с изм. и доп. по состоянию на 28.12.2016 г.) [Электронный ресурс] // Параграф. Информационные системы. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=1;-307 (дата обращения: 18.03.2018).

13. Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред., предисл. и пер. с нем. А.В. Серебрянниковой. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 775 с.

14. Cecil Turner Kenny's Outlines of Criminal Law. – 18th ed. Cambridge Academ, 2013. – 728 p.

References

1. Aleksandrov A., Golovko L., Esakov G. i dr. Uголовnyj prostupok: novye grani uголовnogo zakona [EHlektronnyj resurs] // Otrасli prava RF: internet-portal. – Rezhim dostupa: <http://otrasli-prava.rf/article/23764> (data obrashcheniya: 18.03.2018).

2. Babaev M., Pudovochkin YU. Konceptiya uголовno-pravovoj politiki Rossijskoj Federacii // Uголовnoe pravo. – 2012. – № 4. – S. 4–12.

3. Gavrilov B.YA., Rogova E.V. Zakreplenie uголовnogo prostupka v kontekste reformirovaniya uголовnogo zakonodatel'stva Rossii // Rossijskaya yusticiya. – 2016. – № 11. – С. 2–6.

4. Korobov P.V. Uголовnyj prostupok: «za» i «protiv» // Pravovedenie. – 1990. – № 5. – S. 90–96.

5. Mneniya ehkspertov o neobhodimosti vvedeniya uголовnogo prostupka razdelilis' [EHlektronnyj resurs] // GARANT.RU: sprav. pravovaya sistema. – М., 2018. – Dostup iz lokal'noj seti Nauch. b-ki Tom. gos. un-ta.

6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 31.10.2017 g. № 42 «O vnesenii v Gosudarstvennuyu Dumu Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii proekta federal'nogo zakona “O vnesenii izmenenij v Uголовnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Uголовno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii v svyazi s vvedeniem ponyatiya uголовnogo prostupka”» // Konsul'tant Plyus: sprav. pravovaya sistema. – Dostup iz lokal'noj seti Nauch. b-ki Tom. gos. un-ta.

7. Predsedatel' Verhovnogo suda RF ob"yasnil, pochemu uголовnoe zakonodatel'stvo Rossii nuzhdaetsya v dekriminalizacii // Rossijskaya gazeta. – 2016. – № 212 (7080).

8. Rogova E.V. Social'naya obuslovlennost' kategorii uголовnogo prostupka v sovremennom uголовnom prave // Sibirskij yuridicheskij vestnik. – 2015. – № 3 (70). – S. 70–76.

9. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. / pod red. O.I. Chistyakova. – М.: YUrid. lit., 1994. – Т. 9. – 352 s.

10. Svod zakonov Rossijskoj Imperii 1832 g. / pod red. I.D. Morduhaj-Boltovskogo. – SPb.: Russkoe knizhnoe tovarishchestvo «Deyatel'», 1912 [EHlektronnyj resurs] // Konsul'tant Plyus: sprav. pravovaya sistema. – Dostup iz lokal'noj seti Nauch. b-ki Tom. gos. un-ta.

11. Tagancev N.S. Ulozhenie o nakazaniyah uголовnyh i ispravitel'nyh 1866 goda: s dop. po 1 yanv. 1876 g. / sost. prof. S.-Peterb. un-ta S.N. Tagancevym, N.S. Tagancev. – М.: Tip. M. Stasyulevicha, 1876. – 741 s.

12. Uголовnyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 3 iyulya 2014 goda, № 226-V (s izm. i dop. po sostoyaniyu na 28.12.2016 g.) [EHlektronnyj resurs] // Paragraf. Informacionnye sistemy. – Rezhim dostupa: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=1;-307 (data obrashcheniya: 18.03.2018).

13. Uголовnyj kodeks SHvejcarii / nauch. red., predisl. i per. s nem. A.V. Serebryannikovoj. – SPb.: YUrid. centr Press, 2002. – 775 s.

14. Cecil Turner Kenny's Outlines of Criminal Law. – 18th ed. Cambridge Academ, 2013. – 728 p.

СУБЪЕКТ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются вопросы исследования структуры преступной деятельности через призму науки криминалистики. Автор обращает внимание на то, что для совершенствования методологии криминалистических исследований очень важно правильно определить, какую именно сторону преступной деятельности исследует эта наука. В рамках изучения данной проблематики всесторонне рассмотрены взгляды на содержание и структуру преступной деятельности, проанализированы основы теоретического и практического значения такого важного элемента преступной деятельности, как ее субъект. Представлено не только авторское определение, но и классификация субъектов преступной деятельности.

Ключевые слова: криминалистическая наука, деятельность, преступная деятельность, расследование преступлений, структура преступной деятельности, субъект преступной деятельности.

В современных условиях развития криминалистической науки приобретают актуальность исследования, затрагивающие вопросы в сфере раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Социально негативные последствия преступной деятельности, количественные и качественные изменения ее структуры требуют современных подходов к решению стоящих перед расследованием частных задач.

В связи с этим научный интерес представляют вопросы исследования структуры преступной деятельности через призму науки криминалистики.

Следует отметить, что изучением преступной деятельности, помимо криминалистической науки, занимается множество других юридических наук, среди которых – уголовное право, криминология, а также оперативно-разыскная деятельность и др. Это обусловлено прежде всего тем, что преступная деятельность является исключительно многоаспектным явлением, все признаки, свойства и отношения которого невозможно исследовать в рамках одной отрасли знания.

Надо отметить, что ученые выделяют разное количество элементов деятельности вообще и преступной деятельности в частности.

Так, М.С. Коган, акцентируя свое внимание на объективной (внешней) стороне деятельности, выделяет следующие ее элементы: субъект, наделенный активностью и направляющий её на объекты или на других субъектов. Как указывает автор, в роли субъектов могут выступать конкретный индивид, та или иная социальная группа и, наконец, общество в целом. Объектом может быть природный элемент, тот или иной социальный институт, человек. Эта активность выражается в том или ином способе овладения субъектом объекта. Третий компонент рассматриваемой системы – энергия субъекта, которая выступает в самых различных формах в зависимости от целого ряда детерминирующих факторов [4, с. 45–48].

Следует согласиться с обоснованным выводом Л.Д. Самыгина о том, что «такое трёхчленное

представление о человеческой активности может удовлетворить нас только в таких случаях, когда речь идёт о самом нижнем “базовом” уровне деятельности, где рассматриваются отдельные операции. Большинство авторов, говоря о деятельности на более высоком – социальном – уровне, определяют более сложную её структуру. Прежде всего, процессы деятельности необходимо подразделить на процессы (действия) субъективные (то есть внутренние, психические) и объективные (внешние, физические)» [12, с. 12]. В объектной части необходимо выделить из деятельности такой важный элемент, каким является *средство деятельности*, так как именно этот элемент свойственен человеческой деятельности. Различные авторы, рассматривая структуру деятельности, обращают большее внимание на ту или другую сторону.

В.Д. Шадриков в одной из своих работ делает акцент на психологической стороне деятельности и выделяет следующие элементы: мотивы деятельности, цели деятельности, программы деятельности, информационная основа деятельности, принятие решений, подсистемы деятельностно важных качеств [15, с. 12].

В.П. Бахин, Н.С. Карпов и П.В. Цымбал [1, с. 15] определяют следующие содержательные элементы преступной деятельности: цель, объект, субъект, средства и процесс деятельности.

В свою очередь, О.В. Чельшева, полемизируя о структуре преступной деятельности, утверждает, «что элементами данной деятельности будут выступать субъект, предмет, на который направлена энергия субъекта, орудия и средства воздействия субъекта на предмет, совокупность объектов, составляющих обстановку события, время события, место события, результат события, действия субъекта события, представляющие собой энергию, направленную на предмет воздействия» [14, с. 41–42].

Автор не выделяет в качестве элементов мотив и цель действий субъекта, поскольку рассматривает их в качестве свойств самого субъекта, неотделимых от него [14, с. 41–42]. Важно отметить,

что О.В. Чельшева говорит не о «преступной деятельности», а о *структуре событий*, подлежащих расследованию в порядке уголовного судопроизводства или уголовно-релевантных событий. Видимо, поэтому в данную структуру ею включены такие элементы, как обстановка, время, место и результат. На наш взгляд, данные элементы действительно устанавливаются в процессе расследования и непосредственно связаны с преступной деятельностью, но рассматривать их в качестве самостоятельных обособленных элементов деятельности нельзя. Более того, системный анализ преступной деятельности не исключает, а предполагает изучение структурных элементов во взаимодействии с основными элементами окружающей (по отношению к соответствующей системе) среды.

Поэтому мы полагаем, что следует рассматривать внешние (объективные) и внутренние (субъективные) элементы деятельности в совокупности, поскольку между ними имеется внутренняя связь.

С учетом изложенного выше, на наш взгляд, можно выделить следующие структурные элементы преступной деятельности: субъект, объект, мотив, цель, вина, комплекс взаимосвязанных действий, орудия и средства деятельности, а также результат этой деятельности.

В философской литературе неоднократно подчеркивалось, что деятельность составляет единство внутреннего, отражательно-побудительного и внешнего исполнительного. В этом плане в качестве основных элементов деятельности прежде всего выделяются: цель как идеализированный предвосхищаемый результат деятельности и предмет деятельности, составляющий объект или совокупность объектов, преобразование которых обеспечивает реализацию целей. Также деятельность включает в себя способы и средства достижения цели, сами действия или операции (то есть манипулятивные элементы), определяемые поставленной целью и конкретными условиями деятельности, и, что психологически особенно важно, мотивы деятельности (потребности, интересы, желания человека).

Все элементы деятельности существуют в тесной взаимосвязи друг с другом. Складывается определенная цепочка связей: условия жизни людей – потребности – интересы – цели – действия людей – изменение условий жизни. Причём каждое звено цепочки связано с другими далеко не однозначно, и не только прямой, но и обратной связью, так как действия людей приводят к изменению условий, порождающих их потребности [10, с. 41].

Вместе с тем с точки зрения содержания преступной деятельности определяющим элементом, на наш взгляд, выступает *ее субъект*.

Еще Р.С. Белкин в своей работе указывал на криминалистическую значимость информации о субъекте преступной деятельности – как для осуществ-

ления поисковых мероприятий и сужения круга подозреваемых лиц, так и выдвижения версий относительно целей, мотивов, способов подготовки, совершения и сокрытия преступления [2, с. 178].

Невозможно определить криминалистическое значение субъекта преступной деятельности, не сопоставив его с понятием субъекта преступления как одного из элементов состава преступления, изучаемого в рамках уголовно-правовой доктрины.

Итак, в уголовном праве субъект преступления – лицо, совершившее общественно опасное, запрещенное уголовным законом деяние и подлежащее уголовной ответственности. Понятие субъекта преступления представляет собой такую правовую конструкцию, которая состоит из совокупности уголовно-правовых признаков. К их числу относят: физическое лицо, возраст наступления уголовной ответственности, вменяемость.

Такое понимание субъекта отражает его уголовно-правовую модель, то есть совокупность основных признаков, при отсутствии которых в действиях лица нет состава преступления. В уголовном праве субъект всегда рассматривается как отдельный индивид (физическое лицо). Думается, что криминалистическое понятие субъекта преступной деятельности должно рассматриваться шире. При этом гораздо ближе, на наш взгляд, понятие субъекта преступной деятельности находится к понятию личности преступника, исследуемого в рамках науки криминологии.

Представляется убедительной позиция ученых, которые указывают, что признаки личности преступника не всегда сводятся к признакам состава преступления. Они могут включать следующие компоненты:

- социальный статус личности, определяемый принадлежностью лица к определённой социальной группе и социально-демографической характеристикой (пол, возраст, образование, семейное положение и др);

- социальные функции личности, включающие совокупность видов деятельности лица в системе общественных отношений как гражданина, члена трудового коллектива, семьянина;

- нравственно-психологическая характеристика личности, отражающая её отношение к социальным ценностям и выполняемым социальным функциям (случайные преступники, профессиональные преступники) [7, с. 87].

На наш взгляд, с точки зрения предшествовавшего преступного опыта (наличие судимости) было бы правильным дополнить этот ряд опасными и особо опасными, а также ситуативными преступниками, которые реализуют свой преступный умысел под воздействием складывающейся ситуации, не всегда даже благоприятной. Следовательно, некоторые доминанты личности преступника могут и не иметь уголовно-правового значения,

однако будут играть важную роль для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Авторы монографии «Преступная деятельность (понятие, характеристика, принципы изучения)» [1, с. 16] отмечают, что для совершения преступлений субъект преступной деятельности должен обладать определёнными знаниями, умениями и навыками, чертами характера, позволяющими идти на жестокие, а порой и дерзкие действия. Как и при любом ином виде деятельности, преступники используют накопленный опыт других и свой собственный, что позволяет им, добиваясь поставленных целей, нередко оставаться безнаказанными, при этом совершенствуя способы преступной деятельности. Индивидуальный опыт, отражающийся в способах совершения преступлений, имеет исключительно важное криминалистическое значение для борьбы с преступностью, поскольку предоставляет возможность органам предварительного расследования по признакам (следам) предшествующих действий (ранее совершённых преступлений) устанавливать исполнителей новых преступных акций.

Л.Д. Самыгин полагает, «что в тех случаях, когда в деятельности участвует не один субъект, а несколько, мы вправе разделить их на главных участников (руководителей, организаторов, основных исполнителей) и второстепенных (помощников или пособников)» [12, с. 13].

Согласимся, такая классификация допустима, но с поправкой на ст. 33 УК РФ. Так, вопросы соучастия в уголовном праве остаются одними из самых дискуссионных, поэтому некоторые ученые вполне обоснованно считают, что в части 2 ст. 33 УК РФ говорится об исполнителях-соучастниках, а не об исполнителях – индивидуально действующих лицах [13, с. 279], что позволяет расширить перечень лиц, представленных Л.Д. Самыгиным, но при этом исключить помощников, так как такой вид соучастника законом не предусмотрен.

На уровне индивида субъектом является отдельный человек, и здесь понятие субъекта преступной деятельности близко к понятию личности преступника. Однако, как нам представляется, изучение преступной деятельности должно осуществляться и на более обобщённых уровнях, например на уровне жизнедеятельности преступных групп, преступных сообществ и даже на уровне функционирования преступности в целом. В этом случае под субъектом преступной деятельности следует понимать и действующие преступные группы, и всё преступное сообщество.

Таким образом, под субъектом преступной деятельности предлагается понимать физическое лицо (индивида), группу лиц и сообщества, чьё функционирование обеспечивается за счёт результатов преступной деятельности. Данный вывод, на наш взгляд, не противоречит положениям уголовно-правового учения о субъекте преступления, со-

гласно которому субъектом преступления является физическое, вменяемое лицо, достигшее установленного законом возраста. Причем понятия субъекта преступления и субъекта преступной деятельности (на уровне индивида) совпадают по объёму, то есть это одни и те же физические лица. Различие состоит лишь в том, что, употребляя термин «субъект преступной деятельности», мы имеем в виду более широкую совокупность криминалистически значимых свойств, чем уголовно-правовые свойства субъекта преступления.

Под субъектом преступной деятельности на уровне индивида понимается физическое лицо, обладающее некоторым набором обязательных признаков, среди которых: вменяемость и достижение возраста, с которого наступает уголовная ответственность. Данные признаки дают основания полагать, что это лицо способно нести предусмотренную УК РФ ответственность за совершенные общественно-опасные деяния. А в криминологической науке при описании личности преступника указывают на систему его свойств, называемых структурой личности. Причем отличие личности преступника от не преступника состоит в негативной направленности, реальными носителями которой выступают личностные свойства, получившие законченное выражение в виде и характере преступных деяний, являющихся основным мерилом её глубины и силы [6, с. 82].

Как уже было сказано выше, в качестве субъекта преступной деятельности может выступать не только индивид, а группа (сообщество), имеющие различные формы организации. Исследуя криминалистические аспекты организованной преступности в ее различных проявлениях, следует отметить, что она посягает не только на общественную безопасность, жизнь и здоровье граждан, собственность, но и нарушает нормальное функционирование государственных, коммерческих и иных организаций и общественных объединений. Причем в организованную преступную деятельность одновременно вовлекается несколько, а иногда и значительное число лиц, объединённых одной преступной целью и заранее подготовленных к её достижению.

В связи с этим будет уместно привести тезис Н.П. Яблокова о том, что «любая преступная группа (как разновидность малых социальных групп людей) не является простым механическим сложением некоего числа лиц, совместно совершающих преступления. Каждая преступная группа, объединяя на основе совместного осуществления общественно опасной деятельности несколько человек, стремящихся к достижению единой преступной цели, с той или иной степенью организованности, с устоявшимися межличностными отношениями, фактически превращается в единый субъект криминальной деятельности. В таком коллективном

субъекте появляются новые, не свойственные отдельному преступнику качества, цели, возможности, методы поведения и др.» [16, с. 8].

Даже в простейшем виде групповое действие нельзя рассматривать как простое механическое сложение действий отдельных субъектов. В данном случае в различной степени проявляются новые качества, характерные лишь для групповых преступлений [8, с. 146].

В настоящее время в теории уголовного права и в криминалистике рассматриваются различные виды преступных групп, каждый из которых отличается набором присущих только данной группе специфических признаков.

Вместе с тем определяющим для понимания функционирования преступного объединения является не разработанные криминалистической наукой признаки, а перечень, обозначенный в Постановлении Пленума Верховного суда от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)», но с учетом так называемых дополнительных признаков, которые вырабатываются как наукой, так и судебной практикой, например: особый порядок подбора ее членов и их ответственности перед группой, жесткая дисциплина, запрет на выход из состава преступной группы и комплекс принимаемых к этому мер, общая материально-финансовая база [18].

Так, учеными выделяются преступные группы без предварительного сговора или простейшие преступные группы, которые создаются ситуативно, под влиянием эмоциональных факторов во время совместного времяпрепровождения. Преступная цель в таких группах чаще всего бывает кратковременной. У группы нет четкой организации, распределения ролей, лидера и т. п. Такие группы в основном характерны для несовершеннолетних. Это своего рода извращенная тяга к социальности социально незрелых людей [5, с. 18].

Второй вид субъектов преступной деятельности – это преступная группа с предварительным сговором на совершение преступлений. Это более структурно организованная группа, типа «компаний» [11, с. 23]. В таких группах имеется более или менее стабильный состав, может не быть лидера, но выявляется руководящее ядро. В своей деятельности такие группы руководствуются ярко выраженной сугубо криминальной идеей и чаще всего опираются на традиционные уголовно-профессиональные взгляды, убеждения и специфические общекриминальные способы и методы преступной деятельности. У таких групп, как правило, ещё не бывает долгосрочных планов преступной деятельности, но в них уже определяются ролевые функции, соподчинённость членов, сформировавшиеся нормы межличностных отношений [16, с. 10].

Наконец, на наш взгляд, в качестве субъекта преступной деятельности выступают также организованные преступные группы и преступные сообщества (преступные организации), при этом закон не устанавливает каких-либо правовых различий между понятиями «преступное сообщество» и «преступная организация». Вместе с тем в п. 3–5 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» определены признаки, по которым органу предварительного расследования предстоит определить форму преступного объединения. А именно: преступное сообщество (преступная организация) может осуществлять свою преступную деятельность либо в форме структурированной организованной группы, либо в форме объединения организованных групп, действующих под единым руководством. Структурированная организованная группа – группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, состоящая из подразделений (подгрупп, звеньев и т. п.), характеризующихся стабильностью состава и согласованностью своих действий. Кроме указанных выше признаков, данной группе присущи взаимодействие различных ее подразделений в целях реализации общих преступных намерений, распределение между ними функций, наличие возможной специализации в выполнении конкретных действий при совершении преступления и другие формы обеспечения деятельности преступного сообщества (преступной организации) [17, с. 4].

Характер организованной преступной деятельности всегда взаимосвязан с особенностями личности их участников. В связи с этим, как справедливо отмечают авторы учебника, «с одной стороны, эта деятельность формирует личность преступника, с другой – сама предопределяется ее особенностями» [9, с. 68].

Таким образом, групповое действие, как уже было сказано ранее, нельзя рассматривать как простое механическое сложение действий отдельных субъектов. В тех случаях, когда преступление совершено группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, следователем должны быть установлены конкретные преступные действия каждого из соучастников преступления для достижения преступного результата.

Изучение содержания субъекта преступной деятельности (индивида, группы или сообщества) характеризуется комплексом таких специфических признаков, которые, по утверждению А.М. Кустова, участвуют в процессе детерминации механизма преступления, обуславливают особенности его отражательных возможностей и процесса слеодообразования, но вместе с тем испытывают

на себе и запечатлевают воздействие других лиц, предметов, процессов, которые взаимодействуют с ними [4, с. 112].

В связи с этим информация о субъекте преступной деятельности, отображающаяся в процессе реализации этой деятельности в материальных и идеальных следах, позволит лицу, осуществляющему производство по уголовному делу, познать уголовно-релевантное событие через поиск, обнаружение и фиксацию следов отражения.

Библиографический список

1. Бахин В.П., Карпов Н.С., Цымбал П.В. Преступная деятельность: понятие, характеристика, принципы, изучение. – Киев, 2001. – 275 с.
2. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике / Р.С. Белкин. – М.: Юрид. лит., 1988. – 304 с.
4. Коган М.С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). – М.: Политиздат, 1974. – 324 с.
4. Кустов А.М. Механизм преступления: теория и практика. – М., 2001. – 112 с.
5. Карпец И.И. Актуальные проблемы борьбы с организованной преступностью: стеногр. лекции. – М.: Консульт. центр правл. Всесоюз. о-ва «Знание», 1990. – 32 с.
6. Криминология: Курс лекций: учебник // под ред. В.Н. Бурлакова, С.Ф. Милукова и др. – СПб.: СПб ВШ МВД РФ, 1995. – 424 с.
7. Криминология: учебник / Н.Н. Кондрашков, Б.А. Коробейников, Н.Ф. Кузнецова и др. – М.: Юрид. лит., 1988. – 384 с.
8. Лукашевич В.Г. К вопросу о классификации преступных групп и пути дальнейшего совершенствования деятельности органов внутренних дел. – Киев, 1978. – 146 с.
9. Криминология: учебник // под ред. Малкова В.Д. – М.: Юстицинформ, 2006. – 528 с.
10. Мишин В.И. Общественный прогресс / Мин-во высш. и сред. спец. образования РСФСР; Горьк. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. – Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1970. – 296 с.
11. Быков В.М. Преступная группа: криминалистические проблемы. – Ташкент: Узбекистан, 1991. – 143 с.
12. Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 180 с.
13. Лучший учебник уголовного права (общая часть). – СПб.: Изд-во проф. Малинина, 2011. – 824 с.
14. Чельшева О.В. Объект и предмет криминалистики: Генезис, содержание, перспективы развития // под ред. И.А. Возгрин. – СПб.: МВД России; Санкт-Петербургский университет, 2001. – 158 с.
15. Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека: учеб. пособие. – М.: Логос, 1996. – 320 с.

16. Яблоков Н.П. Расследование организованной преступной деятельности. – М.: Юристъ, 2002. – 172 с.

17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система (дата обращения: 27.07.2018).

18. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда от 9 августа 2012 г. № 84-О12-16 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система (дата обращения: 27.07.2018).

References

1. Bahin V.P., Karpov N.S., Cymbal P.V. Prestupnaya deyatel'nost': ponyatie, harakteristika, principy, izuchenie. – Kiev, 2001. – 275 s.
2. Kriminalistika: problemy, tendencii, perspektivy. Ot teorii – k praktike / R.S. Belkin. – M.: YUrid. lit., 1988. – 304 s.
4. Kogan M.S. Chelovecheskaya deyatel'nost' (opyt sistemnogo analiza). – M.: Politizdat, 1974. – 324 s.
4. Kustov A.M. Mekhanizm prestupleniya: teoriya i praktika. – M., 2001. – 112 s.
5. Karpec I.I. Aktual'nye problemy bor'by s organizovannoj prestupnost'yu: stenogr. lekcii. – M.: Konsul'tac. centr pravl. Vsesoyuz. o-va «Znanie», 1990. – 32 s.
6. Kriminologiya: Kurs lekciy: uchebnik // pod red. V.N. Burlakova, S.F. Milyukova i dr. – SPb.: SPb VSH MVD RF, 1995. – 424 s.
7. Kriminologiya: uchebnik / N.N. Kondrashkov, B.A. Korobejnikov, N.F. Kuznecova i dr. – M.: YUrid. lit., 1988. – 384 s.
8. Lukashevich V.G. K voprosu o klassifikacii prestupnyh grupp i puti dal'nejshego sovershenstvovaniya deyatel'nosti organov vnutrennih del. – Kiev, 1978. – 146 s.
9. Kriminologiya: uchebnik // pod red. Malkova V.D. – M.: YUsticinform, 2006. – 528 s.
10. Mishin V.I. Obshestvennyj progress / Min-vo vyssh. i sred. spec. obrazovaniya RSFSR; Gor'k. gos. un-t im. N.I. Lobachevskogo. – Gor'kij: Volgo-Vyat. kn. izd-vo, 1970. – 296 s.
11. Bykov V.M. Prestupnaya gruppа: kriminalisticheskie problemy. – Tashkent: Uzbekistan, 1991. – 143 s.
12. Samygin L.D. Rassledovanie prestuplenij kak sistema deyatel'nosti. – M.: Izd-vo Mosk. un-tа, 1989. – 180 s.
13. Luchshij uchebnik ugolovnogo prava (obshchaya chast'). – SPb.: Izd-vo prof. Malinina, 2011. – 824 s.
14. Chelysheva O.V. Ob'ekt i predmet kriminalistiki: Genezis, soderzhanie, perspektivy

razvitiya // pod red. I.A. Vozgrina. – SPb.: MVD Rossii; Sankt-Peterburgskij universitet, 2001. – 158 s.

15. SHadrikov V.D. Psihologiya deyatel'nosti i sposobnosti cheloveka: ucheb. posobie. – M: Logos, 1996. – 320 s.

16. YAblokov N.P. Rassledovanie organizovannoj prestupnoj deyatel'nosti. – M.: YUrist", 2002. – 172 s.

17. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 10.06.2010 № 12 «O sudebnoj praktike rassmotreniya ugolovnyh del ob organizacii prestupnogo

soobshchestva (prestupnoj organizacii) ili uchastii v nem (nej)» [EHlektronnyj resurs] // Konsul'tantPlyus: sprav. pravovaya sistema (data obrashcheniya: 27.07.2018).

18. Kassacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po ugolovnym delam Verhovnogo Suda ot 9 avgusta 2012 g. № 84-O12-16 [EHlektronnyj resurs] // Konsul'tantPlyus: sprav. pravovaya sistema (data obrashcheniya: 27.07.2018).

ВЛИЯНИЕ БЛАНКЕТНОСТИ НА ПРОЦЕСС КРИМИНАЛИЗАЦИИ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ В РОССИИ

В статье затрагивается тема влияния бланкетности на криминализацию торговли людьми в России. На основе положений теории криминализации производится оценка последствий данного процесса для правоприменительной деятельности. Анализируя исследования, посвященные вопросу бланкетности, автор выделяет два вида проявления бланкетных признаков диспозиции ст. 127.1 УК РФ: «международно-правовая бланкетность» и «межотраслевая бланкетность». Продемонстрированные в статье последствия влияния бланкетности на криминализацию торговли людьми позволили сделать вывод о том, что данный процесс был проведен без оценки соответствия вводимой нормы правилам законодательной техники и особенностям правовой системы Российского государства. В целях оптимизации механизма криминализации рассматриваемого деяния предложено исключение влияния бланкетности на конструкцию состава торговли людьми путем отказа от использования гражданско-правовой терминологии при описании объективной стороны преступления, относящегося к общеуголовной преступности.

Ключевые слова: бланкетность, криминализация, торговля людьми, междисциплинарные связи, купля-продажа человека, сделки в отношении человека.

Криминализация как часть уголовно-правовой политики государства заключается в объявлении определенного деяния преступлением. Процесс криминализации осуществляется путем формирования в законе новых общественно опасных деяний. И в этом процессе должны быть соблюдены определенные законы, касающиеся сложившихся правил юридической техники. В теории криминализации выделяются основания и принципы криминализации. Основаниями криминализации выступают общественные процессы, вызывающие потребность в уголовно-правовой охране отдельных социальных ценностей. Принципы криминализации зависят от существующей правовой системы и гарантируют включение нормы в закон на основе сохранения логической стройности и системности законодательства. К принципам криминализации относятся логическая связь между отдельными положениями закона, их непротиворечивость, беспробельность, отсутствие излишеств норм и т. п. [1] К выделяемым в литературе способам оптимизации механизма криминализации следует также отнести и снижение влияния бланкетности на конструирование уголовно-правовых норм.

Уголовный закон Российской Федерации содержит значительное количество бланкетных норм, толкование и применение которых невозможно без обращения к иным нормативно-правовым актам, и увеличение их количества является одной из тенденций развития современного уголовного законодательства [11, с. 145]. Обилие бланкетных норм в Уголовном законе, по мнению Л.Д. Гаухмана, позволяет выделить в структуре уголовного права так называемое «смешанное уголовное право», применение которого невозможно без обращения к иным, неуголовным законам [3, с. 10].

Бланкетные нормы являются способом связи нормативно-правовых актов, который способству-

ет избеганию дублирования правовых предписаний и «экономии правового материала» [2, с. 209].

По мнению некоторых авторов, бланкетность является отражением междисциплинарных связей уголовного права [10, с. 317; 5, с. 140]. Мнение большинства ученых сходится относительно того, что явление бланкетности присуще и самой уголовно-правовой норме, и конкретному предписанию (диспозиции), находящему выражение в уголовном законе.

Анализ исследований, посвященных вопросу бланкетности уголовно-правовых норм, позволяет выделить два основных вида ее проявления:

– бланкетный признак уголовно-правовой нормы, состоящий в использовании терминов иной отрасли права при описании объективной стороны состава преступления в диспозиции статьи Особенной части УК РФ;

– бланкетная диспозиция, в которой формулирование нормы осуществляется путем отсылки на нарушение правил поведения, установленных иной отраслью права [9, с. 12–37; 6, с. 16–22; 8, с. 38–39].

В составе торговли людьми (ст. 127.1 УК РФ) бланкетные признаки диспозиции проявляются на двух уровнях: международном (так называемая «международно-правовая бланкетность»), когда при конструировании уголовно-правовой нормы используются институты и термины международного права, и внутринациональном («межотраслевая бланкетность»), использующем терминологию иной отрасли права.

Согласно принципу международно-правовой допустимости и необходимости криминализации деяний, признаваемых преступлениями в международном сообществе, Российская Федерация обязана привести национальное законодательство в соответствие с принятыми на себя международными обязательствами в борьбе с преступностью.

При этом каждое планируемое изменение уголовного закона предварительно подлежит оценке с точки зрения его соответствия сложившимся правилам законодательной техники и с учетом особенностей правовой системы Российского государства и современного состояния проблемы. В механизме криминализации в таком случае главным образом должна быть учтена суть международно-правовой нормы, а не ее форма. Законодатель при формулировании положений ст. 127.1 УК РФ использовал способ имплементации норм международного права, предполагающий включение в национальный закон нормы международного права без ее существенного изменения. Практически полностью было заимствовано определение торговли людьми, приводимое в п. «а» статьи 3 Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее (Палермский протокол), дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности. Сравнительно-правовое исследование норм международного и национального законодательства об ответственности за торговлю людьми позволяет заявить о неспособности использованного приема имплементации отразить специфику данного деяния в условиях российской правовой системы.

Бланкетный признак диспозиции ст. 127.1 УК РФ, а именно ее связь с международным правовым материалом, запрещающим торговлю людьми, позволяет затронуть вопрос о соответствии содержания отечественной нормы об ответственности за торговлю людьми международным стандартам ее противодействия.

Анализ определения торговли людьми, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ, в целом соответствует понятию, закрепленному в вышеуказанном Протоколе, однако все же содержит некоторые несоответствия.

Во-первых, при описании объективной стороны состава торговли людьми российский законодатель в круг действий, ее образующих, помимо названных в Протоколе ООН, включил куплю-продажу и иные сделки в отношении человека. На наш взгляд, подобное расширительное толкование международно-правовой нормы не вполне удачно, ибо согласно гражданско-правовому определению купли-продажи получение и передача какого-либо имущества уже составляют данный договор и являются содержанием сделок, могущих быть совершенными в отношении человека, поэтому двойное употребление синонимичных терминов в определении торговли людьми является тавтологией.

Во-вторых, способ воздействия на жертву как обязательный криминообразующий признак торговли в отношении совершеннолетнего потерпевшего в Палермском протоколе (применение силы, угроза применения силы, принуждение, обман,

подкуп, мошенничество, злоупотребление властью или уязвимым положением потерпевшего и т. п.) не был учтен в российской норме. Однако принятие закона более жесткого, чем того требует международный акт, является, несомненно, положительным решением законодателя, так как согласие жертвы на эксплуатацию не должно рассматриваться как отказ в уголовном преследовании виновных лиц.

В-третьих, не нашли отражения в ст. 127.1 УК РФ и указания на умышленность действий виновных лиц и разделение торговли людьми в зависимости от наличия или согласия потерпевшего на последующую эксплуатацию, ссылок на которые содержатся в Протоколе о пресечении торговли людьми. Что касается указания на умысел, то при действующей конструкции состава торговли людьми в УК РФ в этом нет необходимости: состав сконструирован как формальный – преступление совершается умышленно, причем умысел может быть только прямой. А вот согласие жертвы на последующую эксплуатацию нередко приводит к отказу в возбуждении уголовного дела, поэтому законодательная регламентация вопроса о добровольности участия потерпевшего в механизме торговли людьми необходима.

В-четвертых, противоречием положениям Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми является наличие в российской норме специального вида освобождения от уголовной ответственности за торговлю людьми, совершенную впервые и (или) в отношении двух или более человек, при добровольном освобождении потерпевшего (потерпевших), а также способствовании раскрытию совершенного преступления и отсутствию в деянии иного состава преступления. Такая позиция законодателя представляется вполне оправданной и соответствующей общим задачам и принципам российского уголовного права, среди которых главное значение принимает охрана прав и свобод личности, недопущение наступления вредных последствий и предупреждение преступлений. Однако ограничение круга деяний, за совершение которых лицо может быть освобождено от уголовной ответственности, только совершением впервые торговли людьми или торговли людьми в отношении двух и более потерпевших вызывает большие сомнения. При сравнительном анализе иных уголовно-правовых норм, предусматривающих подобный вид освобождения (например, ст. 126, 205, 205.1, 206 УК РФ), становится очевидным, что возможность освобождения от уголовной ответственности связывается исключительно с ненаступлением вредных последствий. Вследствие этого круг действий, образующих торговлю людьми, за совершение которых лицо может быть освобождено от уголовной ответственности, должен быть расширен.

Таким образом, Россия использовала Палермский протокол как минимальный стандарт, приняв

более жесткие нормы об уголовной ответственности. Однако оказанное влияние международно-правовой бланкетности на процесс криминализации торговли людьми в России привело к тому, что диспозиция российской нормы оказалась неадаптированной к особенностям и традициям национально права, правилам законодательной техники, нормам русского языка. Вследствие этого в правоприменительной деятельности возникают трудности объективной уголовно-правовой оценки деяний, составляющих торговлю людьми.

Торговля людьми определена в законе через перечисление действий, альтернативно образующих объективную сторону данного преступления: куплю-продажу, иные сделки в отношении человека, его вербовку, перевозку, укрывательство, передачу и получение. Бланкетное изложение диспозиции ст. 127.1 УК РФ позволяет применять в уголовно-правовой практике толкование терминов гражданского законодательства. Однако, как справедливо замечает М. Кострова, «значение термина, установленного для одной отрасли права, нельзя без достаточных оснований распространять на терминологию Уголовного закона» [7, с. 41]. Следует также заметить, что одни и те же термины в разных отраслях права по своему значению могут не совпадать (например, понятие «потерпевший» в уголовном и уголовно-процессуальном законодательствах). Если значение используемого в нескольких отраслях права одного и того же юридического термина различно, то для каждой отрасли законодательства следует давать его соответствующее определение [8, с. 29].

Купля-продажа человека представляет собой сделку между продавцом и покупателем, когда продавец передает человека покупателю, а покупатель получает человека и уплачивает за него определенную денежную сумму. В ходе сравнительного анализа понятия «купля-продажа» в гражданском законодательстве и содержания формы торговли людьми в виде купли-продажи человека – в уголовном, следует отметить следующее:

– в противоположность купли-продажи в гражданском законодательстве купля-продажа человека изначально незаконна;

– одной из сторон договора купли-продажи может выступать юридическое лицо, тогда как уголовная ответственность юридического лица в РФ не предусмотрена;

– несовпадение моментов совершения (окончания) данной сделки: купля-продажа в гражданском праве признается совершенной в случае выполнения обязательств по договору обеими сторонами, в уголовном праве акт купли-продажи человека должен признаваться оконченным с момента выполнения действий по передаче или получению человека каждой из сторон вне зависимости от того, выполнена ли она другой стороной или нет;

– отсутствие правосубъектности у одной из сторон договора влечет его недействительность в гражданском праве, отсутствие же признаков субъекта преступления у продавца или покупателя, совершающих акт купли-продажи человека, от ответственности другую сторону не освобождает. В этой связи совершение купли-продажи человека, при осуществлении которой на стороне покупателя выступает лицо, действующее в условиях санкционированного оперативно-розыскного мероприятия, следует признавать оконченной в случае полной реализации умысла в отношении продажи человека, то есть при его передаче покупателю и получении денежной суммы за него.

Бланкетность диспозиции ст. 127.1 УК РФ проявляется и в использовании термина «сделка» в качестве формы торговли людьми. К сделкам в отношении человека следует относить дарение, мену, аренду, прокат, хранение, перевозку человека, передачу его в счет долга, ренту, залог, завещание и наследование человека. Анализ гражданско-правового содержания видов данных договоров позволило сформулировать следующие выводы:

– все перечисленные деяния включают в себя передачу и получение человека и окончены с момента «перехода» потерпевшего от одного лица к другому;

– неудачность включения дарения в разновидности сделок в отношении человека объясняется следующим: достижение согласия о дарении признается в гражданском праве заключенным (совершенным) договором, тогда как в таком случае признание преступления оконченным противоречит уголовно-правовым принципам ввиду того, что возникновение и формирование умысла уголовной ответственности не влечет. Теоретически в подобной ситуации виновных можно привлечь к ответственности за приготовление к совершению торговли людьми, однако ввиду практической невозможности доказывания умысла это представляется нереализуемым;

– в рамках торговли людьми укрывательство человека и содержание гражданско-правового договора хранения сливаются в своем значении, что может создать проблему относительно причисления совершенного деяния к укрывательству человека в целях эксплуатации или к хранению человека как разновидности иной сделки в его отношении, где указанная цель криминообразующим признаком состава не является. То же самое относится и к перевозке человека в целях эксплуатации и договору перевозки как вида иной сделки в отношении человека.

Продемонстрированные последствия криминализации торговли людьми, в ходе которой не было уделено должного внимания формулированию положений нормы ст. 127.7 УК РФ относительно содержания понятия «торговля людьми», влияние

бланкетности на данный процесс привели к многочисленным трудностям в квалификации рассматриваемого деяния. Несмотря на то, что бланкетные признаки диспозиции ст. 127.1 УК РФ неявные, то есть в тексте нормы нет прямой ссылки на иной нормативно-правовой акт, но по смыслу закона бланкетность подразумевается, именно наличие бланкетных признаков данной нормы, к которым относятся использование гражданско-правовой терминологии при описании деяния, относящегося к общеуголовной преступности, а также конституционное положение о приоритете норм международного права над внутригосударственным, являются главной проблемой конструкции диспозиции рассматриваемой нормы. Социальная обусловленность криминализации торговли людьми России не вызывает сомнений, однако содержание данной преступной деятельности и ее формы не говорят об отсутствии альтернативы в использовании терминологии гражданского права. Несмотря на это, «гражданское право избыточно понятиями, к которым вынуждены обращаться специалисты в области уголовного права» [4, с. 116], торговля людьми является преступлением против личной свободы человека (общеуголовная преступность), и использование гражданско-правового понятийного аппарата при описании ее состава не оправдано, скорее наоборот, приводит к неоднозначности толкования и квалификации. Справедливо в этом отношении мнение М.С. Жука о том, что бланкетные признаки диспозиции уголовно-правовой нормы не должны приводить к смешению правового материала уголовного права и иных отраслей, так как каждый из них имеет самостоятельное значение, а бланкетность есть лишь выражение связи между различными отраслями права [5, с. 142]. Включение предписаний иных отраслей права, норм морали и нравственности в уголовно-правовую норму является «необоснованным отказом норме в самостоятельности» [12, с. 158–159].

Учитывая вышеизложенное, следует заключить, что процесс криминализации торговли людьми в России был проведен без оценки соответствия вводимой нормы (ст. 127.1 УК РФ) правилам законодательной техники и особенностей национальной правовой системы. В целях оптимизации механизма криминализации торговли людьми целесообразно исключить возможное влияние бланкетности на конструкцию рассматриваемой нормы. Во исполнение данного предложения, а также исходя из анализа содержания гражданско-правовых терминов «купля-продажа», «сделка» и объективной оценки форм торговли людьми видим обоснованным изложение ч. 1 ст. 127.1 УК РФ в следующей редакции: «1. Передача и (или) получение человека, совершенные вопреки или помимо воли потерпевшего».

Библиографический список

1. Антонов А.Д. Теоретические основы криминализации [Электронный ресурс] // Черные дыры в российском законодательстве. – 2002. – № 2. – Режим доступа: <http://www/k-press.ru/bh/2002/2rantonov/rantonov.asp> (дата обращения: 10.10.2018).
2. Боровиков Н.С. Отсылочные и бланкетные уголовно-правовые нормы в системе связей между нормативно-правовыми актами // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 208–209.
3. Гаухман Л.Д. Бланкетные нормы в УК РФ: проблемы правотворчества и правоприменения // Современное уголовное законодательство России и вопросы борьбы с преступностью: сб. науч. статей. – М.: Московский университет МВД России, 2007.
4. Епифанова Е.В. Аналогия в уголовном праве: история и современность // Актуальные проблемы экономики и права. – Краснодар, 2008. – № 1. – С. 113–117.
5. Жук М.С. Бланкетность как форма отражения межотраслевых связей уголовного права // Общество и право. – 2010. – № 4 (31). – С. 139–143.
6. Ибрагимов М.А., Образжиев К.В. Нормативные акты иных отраслей права как источники уголовного права: монография. – Ставрополь, 2005. – 96 с.
7. Кострова М. Грамматическое или языковое толкование Уголовного закона // Законность. – 2002. – № 3. – С. 38–42.
8. Магомедов С.К. Унификация нормативной правовой терминологии и единое правовое пространство России // Журнал Российского права. – 2004. – № 3. – С. 23–29.
9. Пикуров Н.И. Квалификация преступлений при бланкетной форме диспозиции Уголовного закона (с конкретизацией запрета в административном праве): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1982. – 197 с.
10. Пикуров Н.И. К вопросу о границах системы уголовного права // Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права, 31 мая – 1 июня 2007 г. / редкол.: В.С. Комиссаров [и др.]; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М.: ТК Велби: Изд-во «Проспект», 2007. – С. 317–319.
11. Решняк М.Г. Бланкетные уголовно-правовые нормы: проблемы действия во времени и пространстве // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – Вып. 1. – С. 145–148.
12. Сельский А.В. Место бланкетности в определении понятия и структуры уголовно-правовой нормы // Бизнес в законе. – 2009. – Вып. № 2. – С. 155–159.

References

1. Antonov A.D. Teoreticheskie osnovy kriminalizacii [Elektronnyj resurs] // Chernye dyry v rossijskom zakonodatel'stve. – 2002. – № 2. – Rezhim dostupa: <http://www/k-press.ru/bh/2002/2rantonov/rantonov.asp> (data obrashcheniya: 10.10.2018).

2. Borovikov N.S. Otsylochnye i blanketnye ugovolno-pravovye normy v sisteme svyazej mezhdru normativno-pravovymi aktami // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. – 2008. – № 2. – S. 208–209.

3. Gauhman L.D. Blanketnye normy v UK RF: problemy pravotvorchestva i pravoprimeneniya // Sovremennoe ugovolnoe zakonodatel'stvo Rossii i voprosy bor'by s prestupnost'yu: sb. nauch. statej. – M.: Moskovskij universitet MVD Rossii, 2007.

4. Epifanova E.V. Analogiya v ugovolnom prave: istoriya i sovremennost' // Aktual'nye problemy ehkonomiki i prava. – Krasnodar, 2008. – № 1. – S. 113–117.

5. ZHuk M.S. Blanketnost' kak forma otrazheniya mezhotraslevyh svyazej ugovolnogo prava // Obshchestvo i pravo. – 2010. – № 4 (31). – S. 139–143.

6. Ibragimov M.A., Obrazhiev K.V. Normativnye akty inyh otraslej prava kak istochniki ugovolnogo prava: monografiya. – Stavropol', 2005. – 96 s.

7. Kostrova M. Grammaticheskoe ili yazykovoe tolkovanie Ugolovnogo zakona // Zakonnost'. – 2002. – № 3. – S. 38–42.

8. Magomedov S.K. Unifikaciya normativnoj pravovoj terminologii i edinoe pravovoe prostranstvo Rossii // ZHurnal Rossijskogo prava. – 2004. – № 3. – S. 23–29.

9. Pikurov N.I. Kvalifikaciya prestuplenij pri blanketnoj forme dispozicii Ugolovnogo zakona (s konkretizaciej zapreta v administrativnom prave): dis. ... kand. jurid. nauk. – M., 1982. – 197 s.

10. Pikurov N.I. K voprosu o granicah sistemy ugovolnogo prava // Sistemnost' v ugovolnom prave: materialy II Rossijskogo kongressa ugovolnogo prava, 31 maya – 1 iyunya 2007 g. / redkol.: V.S. Komissarov [i dr.]; Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova. – M.: TK Velbi: Izd-vo «Prospekt», 2007. – S. 317–319.

11. Reshnyak M.G. Blanketnye ugovolno-pravovye normy: problemy dejstviya vo vremeni i prostranstve // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. – 2013. – Vyp. 1. – S. 145–148.

12. Sel'skij A.V. Mesto blanketnosti v opredelenii ponyatiya i struktury ugovolno-pravovoj normy // Biznes v zakone. – 2009. – Vyp. № 2. – S. 155–159.

ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ (ОПЕРАТИВНЫХ) САНКЦИЙ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Раскрывается место и роль санкции приостановления в системе мер правовой защиты. В статье приводится ряд аргументов за необходимость трактовки приостановления в качестве разновидности санкций в праве. Предлагается авторское определение санкции приостановления. Отмечается особое значение приостановлений в российском частном праве. Автором критикуется излишне жесткая увязка оперативных санкций и мер государственного принуждения, что во многом нивелирует существенные отличия между ними. Рассматриваются наличествующие в юридической литературе различные варианты терминологического обозначения организационных санкций в российском праве. Выделяются основные отличительные признаки организационных (оперативных) санкций. Делается вывод о том, что санкция приостановления, будучи разновидностью санкций защитного характера, подлежит обязательному включению в их единую систему. Ряд организационно-обеспечительных средств в виде удержания вещи, приостановления встречного исполнения по договору, безакцептного списания суммы долга, отказа от принятия ненадлежащего исполнения по гражданско-правовому договору, приостановления трудового договора и другие имеют явно защитный характер, не содержат в себе ни цели наказания, ни карательной ответственности.

Ключевые слова: защита права, организационные санкции в праве, юридическое приостановление.

В юридической литературе приостановление как санкция защитного характера не имеет обстоятельного комплексного рассмотрения, а наличествующие отдельные высказывания ученых не добавляют порой ясности в понимании ее юридической природы. Однако ряд представителей науки гражданского права предлагают определять анализируемый инструмент в качестве меры (или санкции) оперативного воздействия. Так, В.П. Грибанов одним из первых стал именовать временное приостановление и отказ от исполнения договора мерами оперативного воздействия [8, с. 143]. Аналогичную позицию занял и В.В. Витрянский [5, с. 620–623]. Наиболее близкую нам точку зрения высказывают Ю.Г. Басин и А.Г. Диденко, рассматривая приостановление в качестве оперативной санкции [1, с. 393–395].

Отдельные авторы раскрывают природу приостановления исполнения встречного исполнения по договору через понятие самозащиты [3, с. 45]. Другие исследователи рассматривают анализируемый инструмент сквозь призму динамической правоспособности и идеи секундарных прав [2, с. 554]. В судебной практике также отмечается обеспечительный характер мер приостановления в праве, позволяющих предотвратить возможные отрицательные последствия для сторон правоотношения [16, с. 84].

Представляется, что сущность приостановления в праве многогранна, а следовательно, отмеченное нами разнообразие трактовок учеными и практиками данного явления вполне объяснимо. Однако два аспекта в сущности правового приостановления имеют, на наш взгляд, главенствующее положение: 1) приостановление есть санкция; 2) приостановление есть средство защиты права.

Представляется возможным предложить определение санкций приостановления в российском праве в качестве разновидности межотраслевых

мер организационного реагирования на нарушение права в целях обеспечения защиты прав субъектов, справедливого и законного разрешения дела, сущность которых выражается во временном прекращении деятельности, действия правового акта, юридического процесса, исполнения договора, а также во временном отстранении от исполнения служебных (или трудовых) отношений и в иных схожих последствиях.

Далее более подробно рассмотрим вопросы понятия, специфики и видов оперативных санкций в российском праве.

В юридической литературе высказана позиция, согласно которой оперативные меры воздействия, включая и приостановление, рассматриваются в качестве самозащиты, а последняя включается в механизм государственного принуждения. При этом авторы полагают, что инструменты самозащиты одобряются, санкционируются государством. Следовательно, указанные меры можно отнести к санкциям. Одновременно сущность оперативных санкций определяется посредством указания на применение их за совершение субъектом правонарушения и «поэтому они не только поддерживаются силой авторитета государства, но в основе их заключено принуждение, что требует закрепления их нормами права» [7, с. 5].

Соглашаясь в целом с отнесением оперативных мер воздействия к особому виду санкций в российском частном праве, позволим себе не согласиться с обязательным указанием в ходе их анализа государственного принуждения. Подобная не вполне точная позиция сформировалась еще в советской юридической литературе в ситуации тотального доминирования государства в механизме правового регулирования. В то время санкцией признавалось лишь то средство, которое было напрямую связано с государственным принуждением. В современных же условиях достаточно динамичного

развития договорного права в России и расширения практики применения мер защиты самими участниками общественных отношений в силу закона или договора постоянная отсылка к государственному принуждению видится излишней. Кроме того, жесткая увязка оперативных санкций и мер государственного принуждения нивелирует во многом определенные отличия между ними. Однако нам представляется важной сама возможность выделения особой группы санкций в российском праве – оперативных, назначение которых видится нам не столько в принуждении (государственном или каком-либо ином), сколько в защите нарушенного права.

В юридической литературе по настоящий момент не сложилось единого подхода к терминологическому обозначению рассматриваемых правовых мер. Преимущественно используются такие термины, как: «оперативные санкции», «организационные санкции», «делегированные санкции» и «меры оперативного воздействия» [4, с. 111–114; 6, с. 65–70; 15, с. 23–30]. Данная терминология по отношению к приостановлению в частном праве стала использоваться в 50–60-е годы прошлого века. Несмотря на жесткую административно-командную форму регулирования экономики и принижение роли частного права в советский период, исследователи достаточно активно разрабатывали идею оперативных санкций [11, с. 52–53], применяемых субъектами хозяйственных отношений самостоятельно.

Основанием для выделения оперативных мер, включая приостановление, в самостоятельную группу правовых санкций послужили преимущественно две их специфические черты: применение на началах риска без учета вины контрагента, отсутствие их непосредственной связи с государственным принуждением [6, с. 67]. Однако отмеченная специфика, по мнению ряда исследователей, не мешает признавать рассматриваемые инструменты в качестве именно санкций в праве, поскольку они имеют нормативное закрепление, связаны с неблагоприятными последствиями для нарушителя и выполняют охранительную функцию [20, с. 54].

Несколько иное обоснование для отнесения в частном праве приостановления и иных оперативных мер к числу санкций предложено в работе В.В. Васькина, В.В. Качановой и М.И. Клеандрова: «Эти санкции применяются за правонарушения, поэтому они не только поддерживаются силой авторитета государства, но в основе их заключено принуждение, что требует закрепления их нормами права, которые содержатся в разделах об ответственности соответствующих нормативных актов. Реализация санкций – уже ответственность» [14, с. 5]. К числу отличительных признаков таковых ученые относили: их применение без обращения к юрисдикционным органам; для их наложения достаточно инициативы управомоченного лица, чьи права нарушены

или допущена сама возможность их нарушения в будущем; они преимущественно не носят имущественного характера (например, одностороннее приостановление исполнения обязательства); наделены специфической юридической силой.

Согласно позиции Т.С. Шохиной, оперативные меры также следует включать в число юридических санкций, специфика которых связана с бесспорностью их применения, без предварительного обращения к нарушителю договора и без его согласия [19, с. 110].

Ряд авторов более точным полагает использование термина «меры оперативного воздействия». В их числе и В.П. Грибанов, предложивший в свое время дефиницию последних в качестве юридических средств правоохранительной направленности, которые могут применяться к нарушителям гражданских прав и обязанностей управомоченным лицом по собственной инициативе без обращения за защитой к соответствующим органам государственной власти [9, с. 55]. Исследователь вполне резонно отмечал тот факт, что рассматриваемые инструменты неразрывно связаны с обязательственными отношениями и призваны обеспечивать надлежащее исполнение обязательства посредством предоставления управомоченной стороне права самостоятельно в одностороннем порядке оперативно воздействовать на своего контрагента. При этом В.П. Грибанов настаивал на разграничении мер оперативного воздействия и средств самозащиты, указывая на тот факт, что при самозащите отсутствуют какие-либо обязательственные отношения между субъектами. Применение же оперативных мер возможно лишь в рамках обязательственного правоотношения. Наряду с этим автор пояснял, что оперативные меры воздействия в императивном порядке предусматриваются законом и предоставляют субъекту договорного обязательства право на совершение определенных действий, влекущих за собой в одностороннем порядке изменение условий договорного обязательства либо его прекращение или приостановление его исполнения.

Оперативные санкции, на наш взгляд, в общетеоретическом плане отличаются от мер ответственности основанием их применения и выполняемой функцией в механизме правового регулирования. В отличие от мер ответственности оперативные санкции применяются за нарушения предписаний норм права и договора вне зависимости от вины и призваны в функциональном плане не наказать нарушителя, а обеспечить исполнение обязательств, что особенно отчетливо проявляется в частноправовой сфере регулирования общественных отношений. Как верно отмечает М.И. Брагинский, одностороннее приостановление, а равно и односторонний отказ от исполнения обязательства, не является в содержательном плане юридической ответственностью контрагент-

та, а следовательно, пострадавшая сторона вправе поступить подобным образом независимо от вины контрагента ввиду наличия самого факта нарушения [13, с. 575].

Определенную критику вызывает приставка термина «оперативный» к анализу приостановлений в праве и иных средств как особой группы санкций. И вот почему. Слово «оперативный» достаточно многозначно, и, как справедливо отмечают сами исследователи, его использование в рамках понятия «оперативные санкции» влечет порой смешение различных признаков в определении данного термина, вызывающее ряд неточностей в его понимании.

Значение термина «оперативный» представлено следующими вариантами в отношении рассматриваемой группы санкций:

1) повышение динамичности реализации мер ответственности, увеличение оперативности действия лица по возложению соответствующих мер;

2) установление различного содержания специфических средств реагирования охранительной направленности в отличие от мер юридической ответственности;

3) повышение эффективности и результативности рассматриваемых средств, отличающихся упрощенной и сокращенной процедурой их применения [1, с. 393].

По нашему мнению, термин «оперативный» в отношении таких санкций, как приостановление, прекращение и другие, не вполне точно отражает их сущность и функциональную направленность. Указанный термин дословно обращает внимание на временной параметр и скорость применения мер. Однако в действительности санкция приостановления и иные меры так называемого «оперативного» воздействия имеют более значимые специфические особенности, выраженные в двух важнейших признаках: они имеют явную защитную функциональную направленность в механизме правового регулирования посредством предупреждения дальнейшего или возможного нарушения правовых предписаний, а также их полного недопущения посредством организации движения правоотношения или иного их изменения; обретают нормативное, формальное закрепление в соответствующих санкциях норм права. Именно организующая и обеспечительная сторона рассматриваемой группы санкций является их важной отличительной чертой, а не скорость применения, которая имеет вторичный характер при раскрытии их юридической природы.

Как справедливо указывают Ю.Г. Басин и А.Г. Диденко, в юридической литературе доминируют определения понятий, относимые с позиций формальной логики к числу неявных, посредством перечисления общих родовых и отличительных признаков отражаемого явления.

В случае с оперативными санкциями речь идет об отсутствии у них компенсационной (правовосстановительной) функции, нацеленность на превенцию нарушения, а также косвенный характер возможных невыгодных последствий их применения для нарушителя. Продолжая свою мысль, авторы абсолютно верно подчеркивают родовую принадлежность рассматриваемых санкций к мерам защиты [1, с. 393], что подтверждается содержанием ст. 9 Гражданского кодекса РФ, устанавливающей категорию защиты права через обозначение ее отдельных способов, перечень которых является открытым. На наш взгляд, более логичным видится употребление в обозначающей терминологической оболочке анализируемой группы санкций не слова «оперативный», а термина «защитный». Но все же и этим не исчерпывается проблема наименования данных санкций.

Еще раз перечислим основные отличительные признаки «оперативных» санкций в частном праве:

- организационный характер воздействия на охраняемое правоотношение посредством его изменения без использования мер имущественного или личностного характера;

- их самостоятельное применение субъектом без обращения за содействием к третьим лицам или органам государственной власти, чье право уже нарушено или может быть нарушено в будущем;

- односторонний характер их реализации уполномоченным лицом без согласования с контрагентом;

- основанием их применения является сам факт или потенциальная возможность нарушения предписания закона или договора без учета вины.

Обратим внимание на самый первый из перечисленных признаков – организационный характер данных мер, что отличает их от всех иных мер защиты права, например от средств восстановления нарушенного права. Таким образом, логичнее именовать анализируемые санкции не оперативными, а защитно-организационными или организационно-обеспечительными. Быстрота принятия решения явно второстепенна по сравнению с функциональной спецификой санкции приостановления исполнения обязательства или иных мер данной группы. Именованное юридическое понятие посредством указания на второстепенный признак, на наш взгляд, – далеко не лучшее решение как в практическом, так и в теоретическом плане.

Весьма показательна в этом плане позиция Ю.Г. Басина и А.Г. Диденко, уделившим особое внимание рассматриваемым правовым средствам. Так, авторы пишут: «...По совокупности же отличительных признаков они образуют самостоятельное правозащитное понятие. По характеру воздействия среди мер защиты права можно различить имущественные взыскания, направленные на восстановление (компенсацию) имущественных

потерь, вызванных нарушением права, и организационные средства воздействия на нарушителя права» [1, с. 394]. Далее исследователи продолжают свою мысль: «К организационным можно отнести средства воздействия, изменяющие или прекращающие правоотношение между нарушителем прав и лицом, потерпевшим от нарушения, например изменение условий и порядка исполнения обязательства. Имущественные последствия наступают здесь лишь как попутный результат, причем они обычно лишены твердой количественной определенности. Оперативные санкции по первому из названных выше признаков относятся ко второй группе мер защиты прав, классифицируемой по характеру воздействия на нарушителя» [1, с. 394]. В указанных цитатах на первый план отчетливо выводится организационный характер санкций данного вида, но авторы почему-то настойчиво продолжают именовать их оперативными. Представляется, что приостановление является именно организационной санкцией в российском частном праве, позволяющей временно остановить движение соответствующих правоотношений в целях исправления дефектной юридически значимой ситуации или предотвращения нарушения предписания нормы права.

Следует также поддержать утверждение Т.Е. Каудырова о наличии у оперативных санкций функции пресечения нарушений правовых предписаний наряду с иными функциями, выделенными нами ранее. Единственное, что вызывает возражение в концепции оперативных санкций Т.Е. Каудырова, так это избранный им термин – «оперативный». Одновременно, как и многие другие исследователи, автор неоднократно подчеркивает именно организационный, а не оперативный характер рассматриваемого вида средств санкционной защиты, отмечая в плане их сущности, что они представляют собой «организационные меры, применяемые в рамках гражданско-правового обязательственного, регулятивного правоотношения». Эти разграничительные сущностные признаки позволяют в краткой форме определять отраслевую (гражданско-правовую), институциональную (обязательственные) и функциональную (регулятивное правоотношение) принадлежность оперативных санкций» [11, с. 15]. Лишь во вторую очередь, факультативно Т.Е. Каудыров указывает на оперативность рассматриваемых мер, упрощенный характер их применения без необходимости согласования и обращения к компетентным органам за защитой.

Трактовка оперативных мер в качестве особого вида правовых санкций достаточно активно разрабатывалась еще в рамках советской цивилистики [6, с. 65–70; 17, с. 50–51]. Ученые-правоведы того времени обоснованно исходили из широкого понимания санкций в праве в виде любых последствий нарушения обязательств, предлагая вклю-

чать в их число приостановление исполнения обязательств, перевод плательщика на аккредитивную форму расчетов, прекращение отгрузки продукции неисправному плательщику, требование к контрагенту устранить дефекты поставленной продукции и др. Наряду с термином «оперативные санкции» также оперировали и понятием «оперативно-хозяйственные санкции», которые трактовались как меры воздействия, применяемые для нарушителя хозяйственных отношений, отрицательно сказывающиеся на его экономическом положении. При этом подчеркивался ярко выраженный организационный характер данных санкций.

Ряд советских исследователей-юристов, исходя из того, что хозяйственный орган использовал рассматриваемую разновидность правовых санкций самостоятельно, но по поручению государства, предлагали именовать их делегированными санкциями [10, с. 71–75], что, на наш взгляд, акцентировало внимание не на основной характерной черте данных инструментов.

Наиболее точно, на наш взгляд, природу анализируемых средств определил М.Н. Семякин, отметив, что данные меры имеют организационный характер и представляют собой единый комплекс гражданско-правовых способов воздействия, направленных на создание для нарушителя неблагоприятных организационных условий его деятельности в целях обеспечения всесторонней защиты прав и законных интересов потребителей [18, с. 334–336].

Таким образом, до начала 90-х годов в советской юридической литературе доминировала точка зрения, согласно которой оперативные меры воздействия на нарушителя трактовались именно в качестве санкций правовой нормы, отличающихся от иных мер организационным и превентивным характером, самостоятельностью их применения пострадавшим лицом без обращения к юрисдикционным органам. Лишь в современный период развития отечественной юриспруденции стал наблюдаться тренд по именованию указанных средств в качестве «мер оперативного воздействия», что представляется нам менее точным и не соответствующим истинной природе анализируемого правового феномена.

Специальное исследование обоснованию рассмотрения оперативных средств защиты в советском гражданском праве в качестве особого рода санкций посвятил Т.Е. Каудыров. В своей работе автор достаточно убедительно обосновывал тезис о том, что ключом к раскрытию юридической природы оперативных мер является разрешение вопроса о соотношении понятий «санкция» и «юридическая ответственность», «охрана права» и «защита права». В итоге исследователь пришел к выводу о том, что санкции правовых норм могут содержать не только меры ответственности, но

и защиты, что позволяет вести речь об особом типе санкций защитного характера [12, с. 8–10].

Одновременно Т.Е. Каудыров правомерно утверждал, что понятие охраны права является наиболее широким и включает в себя и меры защиты, и меры ответственности. Автор делал убедительный вывод о сущности оперативных санкций, относя их к особым средствам защиты субъективных прав. Кроме того, полагаем уместным привести следующее высказывание ученого по данному вопросу: «Понятие “санкция” суть одна из форм выражения отдельной группы мер защиты субъективных прав, собирательное понятие, включающее все меры защиты санкционного типа. Таковыми являются имущественная ответственность, оперативные санкции и группа санкций непосредственного принуждения (принудительное исполнение, вилдикация вещи собственником от недобросовестного приобретателя, устранение собственником помех при осуществлении им права собственности)» [12, с. 12].

Подобная точка зрения полностью разделяется и нами, что надлежит учитывать при дальнейшем развитии общетеоретического учения о санкциях в праве. Следовательно, санкция приостановления, будучи разновидностью санкций защитного характера, подлежит обязательному включению в их единую систему. Такие организационно-обеспечительные меры, как удержание вещи, приостановление встречного исполнения, безакцептное списание суммы долга, отказ от принятия ненадлежащего исполнения, приостановление трудового договора и другие имеют явно защитный характер, не содержат в себе цели ни наказания, ни карательной ответственности.

Библиографический список

1. Басин Ю.Г., Диденко А.Г. Оперативные санкции как средство защиты гражданских прав // Басин Ю.Г. Избранные труды по гражданскому праву. – Алматы: АЮ – ВШП «Адилет», НИИ частного права КазГЮУ, 2003. – С. 393–395.
2. Белов В.А. Гражданское право. Т. 1: Общая часть. Введение в гражданское право: учебник. – М.: Юрайт, 2014. – 521 с.
3. Богданова Е.Е. Формы и способы защиты гражданских прав и интересов // Журнал российского права. – 2003. – № 6. – С. 39–45.
4. Бодункова С.А. Организационные санкции норм трудового права, закрепленные в законах РФ // Вестник Омского университета. – 2002. – № 3. – С. 111–114.
5. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. – М.: Статут, 1999. – 848 с.
6. Бриных Е.В. Оперативные санкции – форма гражданско-правовой ответственности // Советское государство и право. – 1969. – № 6. – С. 65–70.
7. Васькин В.В., Качанова В.В., Клеандров М.И. Оперативные санкции в народном хозяйстве: учеб. пособие к спецкурсу «Хозяйственное право». – Куйбышев: Изд-во Куйбышевского гос. ун-та, 1988. – 57 с.
8. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав: Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 284 с.
9. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2001. – 411 с.
10. Жицинский Ю.С. Санкция нормы советского гражданского права. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1968. – 123 с.
11. Каудыров Т.Е. Оперативные санкции как средство обеспечения исполнения договора поставки // Хозяйственный механизм: правовые формы совершенствования: сб. науч. тр. – Алма-Ата, 1982. – С. 52–55.
12. Каудыров Т.Е. Гражданско-правовые оперативные санкции в хозяйственных отношениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1986. – 25 с.
13. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / рук. авт. коллект. и отв. ред. О.Н. Садилов. – М.: Юриформцентр, 1995. – 448 с.
14. Оперативные санкции в народном хозяйстве: учеб. пособие / под ред. В.В. Качановой. – Куйбышев: КГУ, 1985. – 56 с.
15. Панова А.С. Гражданско-правовая сущность мер оперативного воздействия // Право и Экономика. – 2016. – № 5. – С. 23–30.
16. Приложение к Информационному письму Президиума ВАС РФ от 24 сентября 2002 года № 69 «Обзор практики разрешения споров, связанных с договором мены» // Вестник ВАС РФ. – 2003. – Т. 1. – С. 81–88.
17. Садилов О.Н. Имущественные санкции в хозяйственных договорах // Советское государство и право. – 1957. – № 4. – С. 50–60.
18. Семякин М.Н. Гражданско-правовые формы (средства, способы) управления качеством продукции в системе хозяйственного механизма: дис. ... докт. юрид. наук. – Свердловск, 1991. – 365 с.
19. Шохина Т.С. Оперативные меры защиты прав предприятий и производственных объединений. – М.: Юрид. лит., 1985. – 215 с.
20. Юдашкина Ц.Г. Об эффективности оперативно-хозяйственных санкций за нарушение условия о качестве поставляемой продукции // Экономико-правовые проблемы повышения эффективности народного хозяйства: межвуз. сб. – Куйбышев, 1980. – С. 53–64.

References

1. Basin YU.G., Didenko A.G. Operativnye sankcii kak sredstvo zashchity grazhdanskih prav // Basin YU.G. Izbrannyye trudy po grazhdanskomu

pravu. – Almaty: AYU – VSHP «Adilet», NII chastnogo prava KazGYUU, 2003. – S. 393–395.

2. Belov V.A. Grazhdanskoe pravo. T. 1: Obshchaya chast'. Vvedenie v grazhdanskoe pravo: uchebnik. – M.: YUrajt, 2014. – 521 c.

3. Bogdanova E.E. Formy i sposoby zashchity grazhdanskih prav i interesov // ZHurnal rossijskogo prava. – 2003. – № 6. – S. 39–45.

4. Bodunkova S.A. Organizacionnye sankcii norm trudovogo prava, zakreplennye v zakonah RF // Vestnik Omskogo universiteta. – 2002. – № 3. – S. 111–114.

5. Braginskij M.I., Vitryanskij V.V. Dogovornoe pravo. Kn. 1: Obshchie polozheniya. – M.: Statut, 1999. – 848 s.

6. Brinyh E.V. Operativnye sankcii – forma grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1969. – № 6. – S. 65–70.

7. Vas'kin V.V., Kachanova V.V., Kleandrov M.I. Operativnye sankcii v narodnom hozyajstve: ucheb. posobie k speckursu «Hozyajstvennoe pravo». – Kujbyshev: Izd-vo Kujbyshevskogo gos. un-ta, 1988. – 57 s.

8. Griбанov V.P. Predely osushchestvleniya i zashchity grazhdanskih prav: Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskih prav. – M.: Izd-vo MGU, 1972. – 284 s.

9. Griбанov V.P. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskih prav. – M.: Statut, 2001. – 411 s.

10. ZHicinskij YU.S. Sankciya normy sovetskogo grazhdanskogo prava. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1968. – 123 s.

11. Kaudyrov T.E. Operativnye sankcii kak sredstvo obespecheniya ispolneniya dogovora postavki // Hozyajstvennyj mekhanizm: pravovye formy sovershenstvovaniya: sb. nauch. tr. – Alma-Ata, 1982. – S. 52–55.

12. Kaudyrov T.E. Grazhdansko-pravovye operativnye sankcii v hozyajstvennyh otnosheniyah: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Tomsk, 1986. – 25 s.

13. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii, chastj pervoj (postatejnyj) / ruk. avt. kollekt. i otv. red. O.N. Sadikov. – M.: YUrinformcentr, 1995. – 448 c.

14. Operativnye sankcii v narodnom hozyajstve: ucheb. posobie / pod red. V.V. Kachanovoj. – Kujbyshev: KGU, 1985. – 56 s.

15. Panova A.S. Grazhdansko-pravovaya sushchnost' mer operativnogo vozdejstviya // Pravo i EHkonomika. – 2016. – № 5. – S. 23–30.

16. Prilozhenie k Informacionnomu pis'mu Prezidiuma VAS RF ot 24 sentyabrya 2002 goda № 69 «Obzor praktiki razresheniya sporov, svyazannyh s dogovorom meny» // Vestnik VAS RF. – 2003. – T. 1. – S. 81–88.

17. Sadikov O.N. Imushchestvennye sankcii v hozyajstvennyh dogovorah // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1957. – № 4. – S. 50–60.

18. Semyakin M.N. Grazhdansko-pravovye formy (sredstva, sposoby) upravleniya kachestvom produkcii v sisteme hozyajstvennogo mekhanizma: dis. ... dokt. jurid. nauk. – Sverdlovsk, 1991. – 365 s.

19. SHohina T.S. Operativnye mery zashchity prav predpriyatij i proizvodstvennyh ob"edinenij. – M.: YUrid. lit., 1985. – 215 s.

20. YUdashkina C.G. Ob ehffektivnosti operativno-hozyajstvennyh sankcij za narushenie usloviya o kachestve postavlyaemoj produkcii // EHkonomiko-pravovye problemy povysheniya ehffektivnosti narodnogo hozyajstva: mezhvuz. sb. – Kujbyshev, 1980. – S. 53–64.

К ДИСКУССИИ О ПРОБЛЕМАХ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ЗАКОННОСТЬЮ РЕШЕНИЙ В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье исследуется ряд аспектов организации прокурорского надзора за законностью решений в оперативно-разыскной деятельности подразделений органов внутренних дел. Обосновывается идея о необходимости активизации деятельности уполномоченных прокуроров путем принятия мер, обеспечивающих эффективное оперативно-разыскное противодействие преступности с соблюдением законности. На основе анализа законодательства, прокурорской и судебной практики, а также научных публикаций автором выносятся на обсуждение ряд дискуссионных вопросов, касающихся компетенции уполномоченного прокурора, изучающего дело оперативного учета на предмет законности принимаемых в его рамках решений. Обосновывается положение о том, что прокурорский надзор в указанной сфере должен предусматривать не только соответствие проведенных оперативно-разыскных мероприятий действующим нормативным предписаниям. По мнению автора, данный вид надзорной деятельности также включает изучение оперативно-разыскных материалов на предмет комплексности мер оперативного характера, выявление и исключение формализма в оперативной работе. Указывается, что эффективная организация прокурорского надзора во многом зависит от четкости ведомственного контроля, который, выступая проводником исполнения актов прокурорского реагирования, выполняет своего рода координирующую функцию в обеспечении законности принимаемых оперативно-разыскных решений. Предлагается уполномоченным прокурорам обращать внимание на использование в оперативной работе баз данных ведомственных информационных систем, многократно доказавших свою эффективность в противодействии преступности.

Ключевые слова: прокурорский надзор, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскное решение, оперативно-разыскное мероприятие, преступность, уполномоченный прокурор, законность, ведомственный контроль, дело оперативного учета, информационные системы.

Статистика преступности, фиксируемая всеми официальными обзорами Генеральной прокуратуры и Министерства внутренних дел Российской Федерации, отражает наличие своего рода дефектов функционирования правоохранительной системы. Значительная их часть касается сферы прокурорского надзора за законностью решений в оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД), которая вопреки стремительным тенденциям криминальной активности остается неповоротливой, отстающей от складывающихся реалий. Причиной тому являются, в частности, системные недостатки в организации вышеуказанного надзора, возникающие на почве применения устаревших постулатов, подмены понятий, нежелания использовать современные инструменты борьбы с преступностью.

В данном контексте показательным представляется информационное письмо прокуратуры Свердловской области от 16.06.2016 № 16/3-09-2016 «О недостатках в организации и осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов об оперативно-разыскной деятельности» [10, с. 292–294]. В нем дается развернутый анализ организации прокурорского надзора за законностью ОРД в сфере борьбы с наркопреступностью. В частности, указывается на имеющиеся недостатки при выявлении, пресечении, предупреждении и раскрытии наркопреступлений. Отмечаются организационные просчеты в планировании надзорной деятельности. Установлено низкое качество актов прокурорского реагирования, искажение статистических данных, отражающих степень влияния

прокуратуры на состояние законности, а также на обеспечение конституционных прав и интересов граждан.

Кроме того, согласно изложенным в вышеуказанном письме сведениям, имели место факты осуществления надзорной деятельности за исполнением законов об ОРД сотрудниками, не являющимися уполномоченными прокурорами, при отсутствии у них надлежащего допуска к секретным и совершенно секретным материалам. В целях роста показателей допускалось искусственное дробление прокурорских проверок. Изучение дел оперативного учета в территориальных органах МВД России, межрайонных отделах наркоконтроля по области осуществлялось хаотично и сводилось исключительно к одной категории дел – оперативно-поисковым. Что особо привлекло наше внимание – это констатируемые в документе крайне низкий уровень подготовленности уполномоченных прокуроров районов, поверхностное знание ими ведомственных приказов, положений федерального законодательства, сопряженные с отсутствием понимания специфики надзора за законностью ОРД.

Приведенный пример – один из немногих в открытом доступе на фоне закрытости значительной части исследуемой сферы прокурорской деятельности. В то же время он далеко не единственный, характерный в той или иной мере для ряда субъектов Российской Федерации. В целом сложившаяся проблема вызывает тревогу, требует обсуждения.

Опорной идеей данной работы выступает активизация деятельности прокуроров, осуществляющих надзор за соблюдением законности

оперативно-разыскных решений. В ее основу заложены положения ст. 2 Конституции Российской Федерации, согласно которым «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [4]. Формой реализации концепции выступает обязанность уполномоченных прокуроров предпринимать меры, обеспечивающие эффективное(!) оперативно-разыскное противодействие преступности с соблюдением законности.

В рамках поставленной проблемы к дискуссионным вопросам относится компетенция уполномоченного прокурора, изучающего дело оперативного учета на предмет законности принимаемых в его рамках решений. Так, авторы одного из новых исследований, отстаивающие самостоятельность оперуполномоченного в оперативно-разыском процессе, высказывают озабоченность тем, что «прокуроры считают вправе в представлениях и протестах давать оценку количеству и содержанию версий, выдвигаемых по делам оперативного учета, высказывать суждения о полноте планирования, требовать проведения конкретных мероприятий» [6, с. 111]. В своих аргументах авторы монографии апеллируют к Наставлению об организации и тактике ОРД, полагая, что планирование и выдвижение версий, как элементы организации, не могут быть предметом прокурорского надзора.

Предложенный уважаемыми учеными довод, если его рассматривать сугубо в формально-правовом аспекте, без сомнения, можно считать состоятельным. Тем не менее возникает вопрос: насколько оправданно и объективно идеализировать профессионализм сотрудника оперативного подразделения и можно ли считать его суждения, определяющие картину совершенного преступления и соответствующие ей направления проведения оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ), истиной в последней инстанции? А сколько случаев «провала» оперативных разработок, когда вследствие поспешных, а иногда и просто нелепых действий оперативников документирование проводилось с нарушениями (как организационно-тактическими, так и процессуальными), не позволяющими впоследствии выявить и привлечь к ответственности причастных к преступной деятельности лиц? Ответы на данные вопросы кроются в оперативно-разыскной практике, насыщенной ошибками принимаемых оперативно-разыскных решений [см.: 1].

На наш взгляд, попытки чрезмерно расширенного толкования понятия «организация» с прицелом на ограничение сферы прокурорского надзора, стеснение уполномоченных прокуроров в принятии актов реагирования весьма сомнительны, выступают препятствием формированию слаженной правоохранительной системы эффективного

противодействия преступности. Подход должен быть диаметрально противоположным. И в этом контексте нам импонирует решительная позиция В.Г. Лебединского и Ю.А. Каленова, отстаиваемая ими еще в 1957 году и не утратившая актуальности в наше время. Авторы, выделяя управленческий аспект прокурорского надзора, убедительно отмечают, что «от прокурора требуется большая энергия и инициатива как в выявлении нарушений закона, так и в борьбе за их устранение и предупреждение. Преступник, совершивший злодеяние против государства, общества и отдельных граждан, как правило, не идет с повинной к органам правосудия. Преступление надо активно раскрыть, установить преступника, собрать доказательства его виновности и, наконец, изобличить его перед судом и народом. Большая роль во всем этом падает на прокурора как организатора борьбы с преступностью» [5, с. 62].

Организация прокурорского надзора в части законности принимаемых оперативно-разыскных решений должна предусматривать не только соответствие проведенных ОРМ действующим нормативным предписаниям, но и изучение материалов на предмет комплексности мер оперативного характера, выявление и исключение формализма в оперативной работе, оценку полученных результатов. С учетом сложившейся ситуации объектом внимания уполномоченного прокурора становится объемный массив сведений, в том числе о круге фигурантов, проведении за ними негласного наблюдения, об их внутрикамерных разработках и т. д. Только системное видение общей картины применяемого оперативно-разыскного инструментария позволяет устанавливать недостающую информацию, взвешенно осмысливать реальные и потенциальные оперативные возможности, определять наиболее эффективные направления их использования.

Предлагаемое видение прокурорского надзора несколько выходит за рамки сложившихся представлений о классических элементах организации деятельности уполномоченных прокуроров. При этом оно не означает подмену субъекта ОРД, а также той части ОРД, которая относится к исключительной компетенции сотрудников оперативных подразделений. И здесь очень важно расставить акценты, разумно ограничивая пределы ознакомления прокуроров с информацией оперативно-разыскного характера.

К примеру, согласно положениям ч. 3 ст. 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» «сведения о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих ОРД, а также о лицах, оказывающих содействие этим органам на конфиденциальной основе, представляются соответствующим прокурорам только

с письменного согласия перечисленных лиц, за исключением случаев, требующих их привлечения к уголовной ответственности» [8]. В то же время, невзирая на, казалось бы, понятную смысловую нагрузку приведенной нормы, а также мотивы и логику законодателя, в реалиях правоприменительной практики за границы орбиты прокурорского надзора искусственно вытесняется абсолютно вся информация о результатах работы так называемых конфиденентов. В литературе часто встречаются категоричные высказывания о том, что вопросы работы с лицами, оказывающими содействие органам, осуществляющим ОРД, не входят в предмет прокурорского надзора [6, с. 111].

Безусловно, работа с негласными источниками информации – важнейшими спутниками органов, осуществляющих ОРД, – по своей природе имеет глубокую специфику, выстраивается в условиях, обеспечивающих гарантии конфиденциальности и безопасности. Личные данные негласных помощников, за исключением предусмотренных законом случаев, не могут быть предметом прокурорского анализа. Это фундаментальные основы оперативно-разыскной науки и практики, которые как аксиома не требуют обсуждения.

В то же время не раскрывающие негласный источник сведения о фигурантах, их связях (в преступном мире, госорганах и др. сферах), психических отклонениях (наркоман, пироман, педофил и др.), несущие значимую для раскрытия совершенных преступлений информацию, позволяющие оценивать применяемые оперативно-разыскные меры на предмет их комплексности и эффективности, на наш взгляд, предметом прокурорского надзора охватываться должны. Отсутствие в делах оперативного учета соответствующих проверочных материалов является нарушением законности.

Функции уполномоченных прокуроров требуют взвешенного сбалансирования. Недопустимы любые злоупотребления властью, а также просчеты в вопросах надзора за организацией ОРД. Обоснованны на этот счет замечания В.Ф. Луговика и С.М. Луговича, которые отмечают, что «некоторые прокуроры превышают свои полномочия и требуют представления им не только статистических и иных сведений, находящихся в распоряжении оперативных подразделений, но и проведения для нужд прокуратуры аналитической работы и систематического (например, раз в неделю или месяц) представления каких-либо аналитических материалов [6, с. 114].

Также авторы справедливо подчеркивают озабоченность тем, что «многими руководителями оперативных подразделений практически не выполняется мобилизирующая, стимулирующая функция ведомственного контроля, а крен делается только на негативные стороны работы оперативных подразделений. Вопросы на подведении

итогов за отчетный период, как правило, рассматриваются одни и те же, положительный опыт не анализируется. Не учитываются, не ставятся в пример сложные и проблемные ситуации, возникающие при проведении ОРМ, на совещаниях и занятиях по служебной подготовке разбираются очень редко» [6, с. 106–107].

Действительно, эффективная организация прокурорского надзора во многом зависит от четкости ведомственного контроля, который, выступая проводником исполнения актов прокурорского реагирования, выполняет своего рода ревизионно-координирующую миссию в обеспечении законности принимаемых решений в оперативно-разыскной сфере. Если же ведомственный контроль отсутствует либо имеет узконаправленный, непоследовательный (размытый) характер, возникают конфликты интересов, негативно влияющие на отношения между прокуратурой и МВД и в целом на результаты борьбы с преступностью.

Ярким примером служит судебная практика. Так, в 2013 году в суде рассматривались материалы об административном правонарушении, предусмотренном ст. 17.7 КоАП Российской Федерации [9]. Поводом к возбуждению дела послужило неисполнение оперуполномоченным А.К. Григорьевым требования прокурора Маревского района Новгородской области М.Ю. Григорьева о предоставлении дел оперативного учета и журналов по их ведению. В судебном заседании было установлено, что решение А.К. Григорьева основывалось на итогах совещания в г. Валдай, где обсуждался приказ МВД от 04.04.2013 № 001 «Наставление об основах организации и тактики оперативно-разыскной деятельности в органах внутренних дел». В частности, на совещании было доведено до его сведения, что согласно положениям вышеупомянутого приказа МВД прокуратура не является надзирающим органом. Противоречивость такой вводной привела к деструктивной полемике между оперативником и уполномоченным прокурором, требовавшей вмешательства руководителя органа, осуществляющего ОРД. Отсутствие последнего на рабочем месте не позволило внести ясность в сложившуюся ситуацию, что, в свою очередь, повлекло конфликт и судебное разбирательство.

И еще один аспект, на котором хотелось бы заострить внимание. В рамках осуществления координационной функции, предусмотренной п. 7 ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [7], уполномоченные прокуроры обязаны обращать внимание на использование в оперативной работе баз данных информационных систем МВД, многократно доказавших свою эффективность в противодействии преступным проявлениям [2], соотносить принимаемые в рамках оперативно-разыскных дел решения с имеющимися место тенденциями криминальной среды.

Согласно результатам исследований, одной из значимых качественных характеристик современного периода выступает рецидивоопасность преступности. В 2014 г. впервые за всю историю изучения преступности повторные деяния в общей структуре составили более половины всех преступлений – 50,7 %, в 2015 г. – 51,8 %, в 2016 г. – 54,0 %, в 2017 г. – уже 56,0 %. Такое положение, по мнению авторов, усиливает криминальный профессионализм и организованные формы преступной деятельности, а в будущем может негативно повлиять на степень тяжести и общественной опасности преступности [3, с. 9].

Приведенные данные актуализируют роль надзорной деятельности уполномоченных прокуроров в организации взаимодействия оперативных подразделений криминального блока МВД России с Главным информационно-аналитическим центром, а также Федеральной службой исполнения наказаний. В основу совместной работы может быть положен информационный обмен сведениями об освобождении лиц из мест лишения свободы, их связях, в том числе в условиях заключения, о преступной специализации, лидерских качествах и т. п.

Подытоживая изложенные положения, стоит отметить глубокую мысль мэтров юридической науки о том, что «ничто так не подрывает авторитет прокуратуры, как безынициативность прокурора в выявлении нарушений законности, как его вялость в осуществлении возложенных на него прав и обязанностей, как отсутствие должной принципиальности и настойчивости в устранении нарушенной законности и в восстановлении нарушенных прав граждан» [5, с. 63]. Современный прокурорский надзор в сфере ОРД – это не столько право, сколько вытекающая из Конституции Российской Федерации обязанность уполномоченного прокурора следить за законностью оперативно-разыскных решений, тесно соприкасающаяся с комплексностью применения арсенала мер оперативно-разыскного реагирования, их оперативностью и эффективностью. Организация прокурорского надзора, как, впрочем, и самой ОРД, должна исключать признаки аморфного отношения к решению задач борьбы с преступностью. В противном случае миссия правоохранительной системы будет невыполнима.

Библиографический список

1. *Бабичев Д.А.* Прокурорский надзор за законностью оперативно-разыскных решений о документировании преступной деятельности организованных наркогрупп // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – № 3. – С. 284–288.
2. *Бабичев Д.А.* Информационное обеспечение подразделений уголовного розыска в Российской Федерации и Луганской Народной Республике: сравнительный анализ // Вестник Костромского

государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2016. – № 6. – С. 198–204.

3. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2017 года и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор / Ю.М. Антонян, Д.А. Бражников, М.В. Гончарова и др. – М., 2018. – 76 с.

4. Конституция Российской Федерации: закон от 12.12.1993 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 08.10.2018).

5. *Лебединский В.Г., Каленов Ю.А.* Прокурорский надзор в СССР (очерки по курсу) / под общ. ред. В.А. Болдырева; Гос. изд-во юрид. лит-ры. – М., 1957. – 331 с.

6. *Луговик В.Ф., Лугович С.М.* Правовой статус оперуполномоченного при проведении оперативно-розыскных мероприятий: монография. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 156 с.

7. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 05.10.2018).

8. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 05.10.2018).

9. Постановление и. о. мирового судьи судебного участка № 11 Валдайского судебного района Новгородской области от 30 сентября 2013 года (дело № 5 – 190/2013, п. Демянск, Новгородская область) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://7.nvg.msudrf.ru/> (дата обращения: 17.06.2018).

10. *Шаров М.И.* Прокурорский надзор за исполнением законов об обороте наркотиков: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – 295 с.

References

1. Babichev D.A. Prokurorskiy nadzor za zakonnost'yu operativno-rozysknyh reshenij o dokumentirovanii prestupnoj deyatel'nosti organizovannyh narkogrupp // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 3. – S. 284–288.
2. Babichev D.A. Informacionnoe obespechenie podrazdelenij ugolovnogozyska v Rossijskoj Federacii i Luganskoj Narodnoj Respublike: sravnitel'nyj analiz // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova. – 2016. – № 6. – S. 198–204.
3. Kompleksnyj analiz sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii po itogam 2017 goda i ozhidaemye tendencii ee razvitiya: analiticheskij obzor / YU.M. Antonyan, D.A. Brazhnikov, M.V. Goncharova i dr. – М., 2018. – 76 s.

4. Konstituciya Rossijskoj Federacii: zakon ot 12.12.1993 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashcheniya: 08.10.2018).

5. Lebedinskij V.G., Kalenov YU.A. Prokurorskij nadzor v SSSR (očerki po kursu) / pod obshch. red. V.A. Boldyreva; Gos. izd-vo yurid. lit-ry. – M., 1957. – 331 s.

6. Lugovik V.F., Lugovich S.M. Pravovoj status operupolnomochennogo pri provedenii operativno-rozysknyh meropriyatij: monografiya. – M.: INFRA-M, 2018. – 156 s.

7. O prokurate Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 17.01.1992 № 2202-1 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (data obrashcheniya: 05.10.2018).

8. Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti: Federal'nyj zakon ot 12.08.1995 № 144-FZ [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (data obrashcheniya: 05.10.2018).

9. Postanovlenie i. o. mirovogo sud'i sudebnogo uchastka № 11 Valdajskogo sudebnogo rajona Novgorodskoj oblasti ot 30 sentyabrya 2013 goda (delo № 5 – 190/2013, p. Demyansk, Novgorodskaya oblast') [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://7.nvg.msudrf.ru/> (data obrashcheniya: 17.06.2018).

10. SHarov M.I. Prokurorskij nadzor za ispolnieniem zakonov ob oborote narkotikov: dis. ... kand. yurid. nauk. – M., 2017. – 295 s.

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «МЕТОДИКА» И «ОРГАНИЗАЦИЯ»
ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена вопросам дефиниции понятий «методика» и «организация», установлено их значение, определены сферы применения в прокурорской деятельности. Сделан вывод о том, что, несмотря на сходство данных понятий (означают определенную упорядоченность с целью повышения эффективности работы), они наполняются различным содержанием. Исследуя теоретические и практические вопросы прокурорской деятельности, следует рассматривать в совокупности ее организационные и методические аспекты, так как они находятся в тесной взаимосвязи. Поскольку методика и организация деятельности – ключевые категории, влияющие на ее эффективность, последовательное рассмотрение и реализация основных элементов, составляющих их содержание, обеспечит полноту научных исследований и оптимальный режим реализации органами прокуратуры их функций.

Ключевые слова: прокуратура, функции прокуратуры, прокурорская деятельность, организация, методика, эффективность.

Понятия «методика» и «организация» традиционно рассматриваются как категории, непосредственно связанные с деятельностью, отражающие определенную упорядоченность с целью ее оптимизации. Анализ публикаций и научных исследований, практики функциональной деятельности органов прокуратуры, содержания организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры РФ свидетельствует о том, что данные понятия в настоящее время зачастую смешиваются, употребляются как тождественные. К примеру, в работе Т.Е. Сушиной под названием «Организация работы в прокуратуре субъекта Российской Федерации по надзору за исполнением законов о праве граждан на доступное жилище» основное внимание уделено правовому регулированию жилищных вопросов и методике прокурорского надзора за исполнением этих законов, а содержание организации работы этого направления деятельности в работе фактически не раскрывается [8]. Также многие приказы Генерального прокурора РФ по направлениям деятельности начинаются со слов «Об организации...» («Об организации прокурорского надзора за исполнением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», «О совершенствовании организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции», «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве» и др.), однако наряду с вопросами организации работы на том или ином участке в данных приказах раскрывается и методика осуществления прокурорского надзора за исполнением законов, а именно: где искать нарушения закона, как их выявлять, каким образом на них реагировать. Этим самым допускается смешение понятий «методика» и «организация». Изложенное свидетельствует об отсутствии понимания различия и содержания данных понятий, а следствием этого зачастую является неполное рассмотре-

ние (учет) научными и практическими работниками всех методических и организационных аспектов описываемой (осуществляемой) деятельности, отчего страдает и ее практическая реализация, и полнота научных исследований.

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова приводится следующее определение методики: 1) наука о методах обучения; 2) совокупность методов обучения чему-нибудь, практического выполнения чего-нибудь [9, с. 300]. Там же содержится определение понятия «организация»: 1) планомерное, продуманное устройство, внутренняя дисциплина; 2) общественное объединение или государственное учреждение [9, с. 392].

Понятие методики осуществления прокурорской деятельности существовало в период советской прокуратуры. Б.В. Коробейников под *общей методикой прокурорского надзора* понимал «совокупность научно обоснованных и апробированных на практике приемов и методов применения полномочий и надзорных правовых средств» [5, с. 47], а в ее содержании выделял частные методики осуществления надзорной деятельности в определенных сферах отношений или на отдельных видах объектов, которые используются прокурорами непосредственно при проверках. Кроме методики осуществления надзорной деятельности, применительно к поддержанию прокурорами государственного обвинения в суде широко используется понятие «криминалистической методики поддержания государственного обвинения», под которой понимается «система теоретических положений и практических рекомендаций, использование которых предназначено для оптимального выполнения комплекса действий по подготовке к участию в рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции и решению этой задачи на различных этапах судебного разбирательства» [2], в рамках которой выделяются частные методики поддержания государственного обвинения по отдельным категориям уголовных дел.

Под организацией общего надзора Б.В. Коробейников понимает «совокупность мер, осуществляемых прокурором с целью создания условий, необходимых для обеспечения эффективности этой деятельности» [5, с. 47]. Данные условия создаются руководителями всех звеньев прокуратуры и в каждой конкретной прокуратуре в процессе организации работы. Ф.М. Кобзарев определяет организацию работы прокуратуры как «комплекс взаимосвязанных между собой действий, направленных на оптимизацию функционирования прокурорской системы по реализации целей и задач прокуратуры» [7]. Иные выработанные наукой определения организации работы в системе прокуратуры в целом сходны с приведенным.

В учебниках о прокурорской деятельности организация работы прокуратуры, как правило, рассматривается как единство трех подсистем: «К первой, *внутрифункциональной* подсистеме относятся: анализ состояния законности и правопорядка, борьбы с преступностью, прокурорской и следственной практики, анализ деятельности правоохранительных, контролирующих органов; анализ деятельности органа прокуратуры; распределение обязанностей между прокурорскими работниками; определение приоритетных направлений деятельности; прогнозирование и планирование работы; работа с кадрами; организация их труда; оценка деятельности работников; взаимодействие и координация деятельности структурных единиц и прокурорских работников; руководство; принятие и реализация управленческих решений; контроль и проверка исполнения. Вторую, *внешнефункциональную* подсистему образует организация основных видов деятельности: организация надзора за соблюдением Конституции РФ, исполнением законов и законностью правовых актов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина, исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, исполнением уголовного наказания, исполнением законов судебными приставами, участия прокурора в рассмотрении дел судами, взаимодействия с другими органами, координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, участия в правотворческой деятельности, международного сотрудничества, работы с обращениями граждан, по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, по даче согласия на проведение проверок предприятий малого и среднего бизнеса и работы по предупреждению преступлений и иных правонарушений. Третью, *вспомогательную*, подсистему составляет: организация делопроизводства, учета и отчетности, систематизации законодательства, материально-технического и финансового обеспечения» [7, с. 26–27].

Таким образом, организация конкретного вида деятельности прокуратуры – это составная часть организации работы прокуратуры в целом, по своему содержанию значительно уже последней и осуществляется теми должностными лицами (руководителями, исполнителями), на которых возложено осуществление работы на соответствующем участке (поддержание государственного обвинения, надзор за исполнением законов и др.). К основным элементам, составляющим организацию работы (вида деятельности) следует отнести информационно-аналитическую работу, планирование и прогнозирование, обеспечение взаимодействия, проверки и контроля исполнения. Данные основные содержательные элементы присущи как деятельности прокурора-руководителя, организующего свою работу и работу подчиненных на вверенном ему участке, так и конкретного работника. И если соответствующие действия руководителя зачастую выражены вовне в виде принятых и реализуемых управленческих решений, то в работе исполнителей они чаще всего выражаются в мыслительной, интеллектуальной работе над поставленными задачами. Научные исследования, в которых в комплексе не раскрываются хотя бы основные элементы организации работы [6; 8] либо перечисляются, но не наполняются содержанием применительно к теме исследования [1], не дают целостного представления о том, какие имеются (либо необходимы) условия в прокуратуре для эффективной реализации рассматриваемой деятельности. Отсутствие четких теоретических знаний в этой сфере у практических работников также может повлечь недочеты в организации работы, что в свою очередь не позволит максимально полезно использовать потенциал прокуратуры для реализации ее функций.

Следует отметить, что зачастую методика и организация того или иного вида деятельности прокуратуры в практической деятельности тесно переплетаются между собой, и поэтому сложно установить, где заканчивается одно и начинается другое, но это не свидетельствует об отсутствии необходимости разграничивать эти понятия. Напротив, для того, чтобы полно и всесторонне исследовать (обеспечить осуществление) деятельности, необходимо рассматривать в совокупности ее организационные и методические аспекты. При этом следует исходить из того, что «методика» представляет собой алгоритм выполнения определенной (надзорной либо ненадзорной) деятельности, включающий в себя ряд последовательных действий, этапов и отвечает на вопрос: как, с использованием каких приемов и способов, правовых средств наиболее оптимально практически осуществить тот или иной вид деятельности; а «организация» отвечает на вопрос: как обеспечить реализацию этой деятельности, сделать ее более слаженной и эффективной с учетом возможностей

прокуратуры путем постоянного получения и анализа информации о состоянии интересующего объекта, планирования и прогнозирования, усовершенствования внутренней структуры, внутреннего нормативного (ведомственного) регулирования, фактического устройства, взаимодействия заинтересованных ее структурных подразделений и должностных лиц между собой и внешними партнерами, обеспечения контроля и проверки исполнения.

Библиографический список

1. *Гасанов Р.М.* Проблемы организации деятельности районной прокуратуры в современных условиях (по материалам прокуратуры г. Москвы): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 197 с.
2. *Исаенко В., Белова Г.* Методика поддержания государственного обвинения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/22023-metodika-podderzhaniya-gosudarstvennogo-obvneniya> (дата обращения: 07.10.2018).
4. *Кожевников К.М.* Правовые и организационно-методические проблемы обеспечения участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 195 с.
5. *Коробейников Б.В.* Методика, тактика и организация общего надзора // Социалистическая законность. – 1986. – № 1. – С. 46–48.
6. *Кудряшова А.В.* Организация работы в прокуратуре субъекта Российской Федерации по обеспечению участия прокурора в рассмотрении уголовных дел судами: дис. ... канд. юрид. наук. – Кострома, 2012. – 240 с.
7. *Максютов М.Ф.* Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – 219 с.

8. Настольная книга прокурора / под общ. ред. С.Г. Кехлерова, О.С. Капинус; науч. ред. А.Ю. Винокуров. – М.: Юрайт. – 2012. – 449 с.

9. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1985. – 797 с.

References

1. Gasanov R.M. Problemy organizacii deyatelnosti rajonnoj prokuratury v sovremennyh usloviyah (po materialam prokuratury g. Moskvy): dis. ... kand. jurid. nauk. – M., 2006. – 197 s.
2. Isaenko V., Belova G. Metodika podderzhaniya gosudarstvennogo obvneniya [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/22023-metodika-podderzhaniya-gosudarstvennogo-obvneniya> (data obrashcheniya: 07.10.2018).
4. Kozhevnikov K.M. Pravovye i organizacionno-metodicheskie problemy obespecheniya uchastiya prokurorov v rassmotrenii ugovolnyh del sudami: dis. ... kand. jurid. nauk. – M., 2006. – 195 s.
5. Korobejnikov B.V. Metodika, taktika i organizaciya obshchego nadzora // Socialisticheskaya zakonnost'. – 1986. – № 1. – S. 46–48.
6. Kudryashova A.V. Organizaciya raboty v prokurate sub"ekta Rossijskoj Federacii po obespecheniyu uchastiya prokurora v rassmotrenii ugovolnyh del sudami: dis. ... kand. jurid. nauk. – Kostroma, 2012. – 240 s.
7. Maksyutov M.F. Prokurorskiy nadzor za ispolneniem zakonov v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug ot del'nymi vidami yuridicheskikh lic: dis. ... kand. jurid. nauk. – M., 2018. – 219 s.
8. Nastol'naya kniga prokurora / pod obshch. red. S.G. Kekhlerova, O.S. Kapinus; nauch. red. A.YU. Vinokurov. – M.: YUrajt. – 2012. – 449 s.
9. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. – M.: Russkij yazyk, 1985. – 797 s.

Муратова Альмира Раисовна*кандидат юридических наук, доцент
Башкирский государственный университет, г. Уфа
almiramuratova@mail.ru***Багаутдинова Алина Маратовна***Башкирский государственный университет, г. Уфа
bagautdinova.law@mail.ru*

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ДОГОВОРА НА РАЗРАБОТКУ ВЕБ-САЙТА

Настоящая статья посвящена проблеме правовой природы договора на разработку веб-сайта, которая на данный момент представляется актуальной в связи с неоднозначно складывающейся договорной и судебной практикой. Указанный вопрос ранее рассматривался в науке гражданского права, однако исследователи не пришли к единому мнению по поводу правовой квалификации такой сделки. Некоторые авторы делали выводы о правовой природе договора, не уделяя при этом достаточного внимания специфике веб-сайта как объекта и результата обязательства. В целях разрешения обозначенной проблемы в статье раскрывается понятие веб-сайта, рассматриваются его правовые характеристики как результата интеллектуальной деятельности. В работе анализируются основные варианты квалификации договора на разработку веб-сайта с учётом признаков, особенностей и существенных условий отдельных видов договоров. Автор приходит к выводу о смешанном характере договора на разработку веб-сайта. Основными методами исследования являются сравнительно-правовой и метод анализа.

Ключевые слова: веб-сайт, гражданско-правовой договор, создание веб-сайта, договор возмездного оказания услуг, договор подряда, договор авторского заказа, результат интеллектуальной деятельности.

В условиях рыночной конкуренции практически невозможно представить ведение бизнеса без современных ИТ-технологий. Наличие хорошего веб-сайта является одной из предпосылок успешности проекта и, более того, одним из главных инструментов предпринимательской деятельности в целом. Так, в российском гражданском обороте постоянно возникают отношения по разработке, регистрации и технической поддержке интернет-сайтов, получающих своё юридическое оформление в виде гражданско-правовых договоров. Тем не менее в отечественном законодательстве отсутствуют специальные нормы, регулирующие такие договорные отношения, в то время как многочисленная судебная практика не отличается единообразным подходом к юридической квалификации договора на разработку веб-сайта. В связи с этим весьма актуальным представляется вопрос о правовой природе данной сделки. Ответ на него позволит определить, какие положения гражданского законодательства подлежат применению в целях обеспечения законных прав и интересов участников соглашения.

Прежде чем приступить к основной части работы, следует подчеркнуть, что в данной статье понятия «веб-сайт» и «интернет-сайт» используются как синонимы в целях более полного раскрытия заявленной темы.

Главным критерием правильной квалификации договора, на наш взгляд, является его предмет. В юридической литературе существуют различные точки зрения относительно того, что представляет собой данная правовая категория. Так, некоторые учёные-цивилисты понимают под предметом договора вещь или благо, по поводу которого заключено соглашение [10, с. 35]. Другие авторы определяют предмет в качестве конкретных действий, которые необходимо со-

вершить участникам сделки, в том числе по поводу какого-либо объекта [19]. По нашему мнению, вторая точка зрения наиболее полно отражает содержание понятия предмета договора, данной позиции мы и придерживаемся в своём исследовании. Предмет договора на разработку интернет-сайта можно определить как выполнение за плату комплекса организационных, технических и иных мероприятий, направленных на создание интернет-сайта и предусмотренных согласованным техническим заданием. Процесс разработки веб-сайта, как правило, включает следующие этапы: 1) веб-дизайн, то есть создание шаблонов веб-страниц; 2) вёрстка, или создание гипертекстовых страниц; 3) веб-программирование; 4) покупка доменного имени и размещение сайта на домене и хостинге [6]. Очевидно, что выполнение данных действий по договору связано со спецификой его объекта, который представляет собой сложное техническое и правовое явление.

Бесспорно, интернет-сайт как объект гражданских прав имеет особый правовой режим. Впервые определение веб-сайта появилось в российском законодательстве в 2012 году после внесения изменений в Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Согласно п. 13 ст. 2 указанного нормативного правового акта, сайт в сети Интернет – это совокупность программ для электронных вычислительных машин и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет по доменным именам и (или) по сетевым адресам, позволяющим идентифицировать сайты [14]. Данная дефиниция, как мы видим, содержит только технические характеристики веб-сайта, не затрагивая его правовой режим. В связи с этим учёными-ци-

виллистами предлагаются иные определения данного объекта.

По мнению П.В. Бабарыкина, под сайтом в сети Интернет как цифровым произведением следует понимать «объективную форму представления и организации электронных документов и цифровых произведений (например: литературных произведений, фотографий, аудиовизуальных произведений, звукозаписей, программ для ЭВМ, баз данных и т. д.), систематизированных таким образом, чтобы эти данные могли быть найдены и обработаны с помощью технологий Интернет» [2, с. 51]. Схожую позицию занимает и А.К. Быстров, определяя интернет-сайт как «совокупность выраженных в цифровой форме результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, размещенную автором интернет-сайта, обладателем исключительного права на интернет-сайт или уполномоченным им лицом в сети Интернет таким образом, что к ней имеет доступ неограниченный круг лиц» [4, с. 9]. А.А. Кравченко определяет интернет-сайт как «доступную посредством сети Интернет совокупность самостоятельных материалов, систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены поисковой системой и обработаны с помощью браузера» [11, с. 20]. Таким образом, веб-сайт как объект гражданских прав [7, ст. 128] представляет собой результат интеллектуальной деятельности, чем и определяется специфика его гражданско-правового режима.

К этому необходимо добавить, что большинство учёных-юристов [2; 5; 11; 20] характеризуют веб-сайт как составное произведение, то есть произведение, представляющее собой по подбору и расположению материалов результат творческого труда и полученное путём соавторства [9, п. 2 ч. 2 ст. 1259]. Подобный подход поддерживается и судебной практикой [16]. Однако, несмотря на давние дискуссии, законодатель только в 2014 году внёс изменения в п. 2 ст. 1260 ГК РФ, закрепляющую перечень составных произведений. Теперь к ним наряду с антологиями, энциклопедиями, базами данных, атласами относятся и интернет-сайты, при этом данный перечень является открытым. Составные произведения, согласно пп. 2 п. 2 ст. 1259 ГК РФ, являются объектами авторских прав [9, ст. 1259].

Тем не менее характеристика веб-сайта как составного произведения в большей степени относится к его контенту. Сам же интернет-сайт, являющийся результатом творческой работы нескольких специалистов (веб-дизайнеров, верстальщиков, программистов) возможно рассматривать в качестве сложного объекта в рамках ст. 1240 ГК РФ. Как указывает Е.А. Суханов, сложный объект в праве интеллектуальной собственности представляет собой результат многослойного процесса,

когда одни лица своей творческой деятельностью создают элементы, используемые на втором этапе уже другими лицами для комплексного объекта в целом [18]. При этом каждый из участников процесса творит свое произведение, на которое он имеет авторское право, но все вместе они образуют новый объект. Согласно ст. 1240 ГК РФ сложным объектом может быть признан кинофильм, иное аудиовизуальное произведение, театральное зрелищное представление, мультимедийный продукт или база данных, включающие в себя несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности. На необходимость включения в данный перечень веб-сайтов указывают многие исследователи [5, с. 14; 11, с. 61].

Теорией и практикой выработано несколько вариантов правовой квалификации договора на создание интернет-сайта, среди которых следует отметить возмездное оказание услуг, подряд, авторский заказ, а также смешанный тип договора.

Чаще всего стороны определяют такую сделку как возмездное оказание услуг. Однако название договора не всегда отражает его действительную сущность: во всех случаях имеет значение, на что была направлена воля сторон соглашения. Между тем основными чертами услуги, в отличие от работы, где смысл обязательства состоит в том, чтобы передать полученный о вещественный результат заказчику, являются её неотделимость от личности исполнителя, а также нематериальный характер [19]. Конечный итог услуги, как правило, выражается в виде какого-либо полезного эффекта. Если же услуга и завершается результатом, то он не носит о вещественного характера (например, в случае, если адвокат выиграл дело) или же ценность состоит не в материальном носителе, в котором он зафиксирован, а в содержании, идеях (например, эксперт дал письменное заключение по вопросам, требующим специальных знаний) [10, с. 327]. Законодатель в качестве предмета договора возмездного оказания услуг называет совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности исполнителем [8, п. 1 ст. 779], не включая при этом в предмет достижение результата, ради которого могла быть заключена сделка. Эти положения развивает Конституционный суд РФ, указывая, что выделение в качестве предмета данного договора совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности обусловлено тем, что даже в рамках одного вида услуг результат, ради которого заключается договор, в каждом конкретном случае не всегда достижим, в том числе в силу объективных причин [17, п. 3.1].

А.В. Барков указывает на такие характеристики услуги, как «нео вещественный результат, то есть неосязаемость, неотделимость от источника; тесная связь с личностью исполнителя; синхронность

оказания и получения услуги; моментальность потребления; несохраняемость, невозможность хранения и накопления услуг; невозможность исполнителям гарантировать результат услуги; эксклюзивность услуг, которая выражается в их неоднородности и изменчивости [2]. Очевидно, что веб-сайт как результат действий по договору не отвечает вышеназванным характеристикам. Однако, на наш взгляд, и столь полное определение не следует считать универсальным, особенно в случае, если результат услуги выражается в созданных идеях либо иной информации, хранящихся на материальном носителе. Такой результат отделим от своего источника, он непотребляем и его возможно сохранить. Можно ли веб-сайт отнести к данной категории объектов, вопрос спорный. По нашему мнению, вполне возможно рассматривать веб-ресурс в плане индивидуального, неповторимого интерфейса, определённой структуры веб-страниц и уникального контента как совокупность идей исполнителя, претворённых в реальность с помощью специальных знаний. В таком случае по аналогии с заключением эксперта, приведённым в качестве примера выше, сайт можно считать результатом услуги. Следуя данной логике, субъекты гражданского оборота и судебные органы нередко квалифицируют отношения по созданию веб-сайта как смешанный договор возмездного оказания услуг и авторского заказа [15].

Наряду с этим в судебной практике существуют прецеденты, когда такие отношения рассматриваются в качестве информационной услуги [12]. Данная позиция судов, на наш взгляд, связана с тем, что в российском законодательстве отсутствуют нормы, раскрывающие понятие информационной услуги. Однако указанный вид договора достаточно подробно рассматривается в науке гражданского права. Как отмечает Л.В. Андреева, объектом договора об оказании информационных услуг является информация, не охраняемая как результат интеллектуальной деятельности, предоставляемая в различных формах и на различных материальных носителях. Информационные услуги определяются автором как деятельность, обеспечивающая по заданию заказчика процесс сбора, обработки, накопления, хранения и передачи либо предоставления заказчику информации из имеющихся в распоряжении исполнителя информационных ресурсов [1]. Очевидно, что предмет и объект договора оказания информационных услуг и договора на разработку интернет-сайта отличаются, следовательно, данные сделки не являются тождественными, не могут рассматриваться как родовое и видовое понятия.

В доктрине распространено мнение, согласно которому правоотношения сторон по созданию веб-сайта следует квалифицировать в качестве договора подрядного типа [6; 20]. Данную позицию можно встретить и в судебной практике [21].

По мнению её сторонников, конечный результат является критерием правильной квалификации договора, ведь, бесспорно, заказчика больше интересует итог работы, а не её процесс. Однако основным признаком договора подряда, отличающим его от схожего с ним договора возмездного оказания услуг, является наличие овеществленного результата, осязаемого и отделимого от личности самого подрядчика [10, с. 286]. Очевидно, что веб-сайт отвечает не всем вышеназванным характеристикам: он, бесспорно, отделим от личности своего создателя, при этом назвать его овеществлённым объектом довольно трудно. Сайт, как совокупность различных файлов (текстов, картинок, аудио- и видеозаписей), хранится на каком-либо сервере, при этом сам не существует в материальном мире. Интересно, что обычный поисковый запрос в браузере даёт возможность пользователям обратиться к веб-ресурсу практически из любой точки мира и с любого устройства, имеющего доступ в сеть Интернет. Из этого логично следует, что сайт, хоть и имеет конкретное расположение на одном из серверов, но в то же время является объектом информационного пространства.

Следует отметить и то, что действующий веб-сайт в любой момент времени является незавершённым объектом: он не находится в статичном состоянии, а постоянно изменяется и дополняется. Этот аспект, на первый взгляд, указывает не в пользу подряда как правильной квалификации договора на разработку веб-сайта. Однако незавершённость результата как объекта подрядных правоотношений вполне может быть обусловлена соглашением сторон и техническим заданием. Точнее, объект, хоть и неоконченный фактически, будет считаться завершённым в рамках договорных правоотношений, так как все действия, предусмотренные соглашением сторон и техническим заданием, выполнены подрядчиком в полном объёме и надлежащим образом.

Необходимо отметить, что принципиальным различием в правовом регулировании услуги и подряда являются положения о существенных условиях данных договоров. В случае отсутствия в контракте согласованных сроков суд, квалифицируя сделку как подряд, может признать её незаключенной, тогда как такой проблемы не возникает при определении договора в качестве возмездного оказания услуг.

Существует и третья точка зрения по вопросу о правовой природе договора на создание интернет-сайта, согласно которой такая сделка представляет собой отношения авторского заказа [9, ст. 1288 ГК РФ]. Сторонники данной позиции исходят из правовой характеристики веб-сайта как результата интеллектуальной деятельности, о чем было сказано выше. Согласно ст. 1288 ГК РФ, по договору авторского заказа одна сторона (автор)

обязуется по заказу другой стороны (заказчика) создать обусловленное договором произведение науки, литературы или искусства на материальном носителе или в иной форме. Как видно из нормы-дефиниции, данная сделка характеризуется особым субъектным составом: в качестве исполнителя выступает непосредственно автор создаваемого произведения. В целом в правоотношениях по созданию веб-сайта исполнителями могут являться как организации, так и физические лица, в частности фрилансеры и индивидуальные предприниматели. Очевидно, что в случае, если исполнителем в сделке выступает юридическое лицо, конструкция договора авторского заказа не может быть применена. Бесспорно, организация на основании ст. 1229 ГК РФ может являться обладателем исключительного права на результат интеллектуальной деятельности, однако непосредственно автором в силу понятных причин быть не может. Недостатком квалификации договора как авторского заказа также является возможность при наличии уважительных причин просрочить момент выполнения заказа исполнителем [9, ст. 1289 ГК РФ], что объясняется творческим характером исполнения.

Следует отметить, что конкретные физические лица – верстальщик, веб-дизайнер, программист – вполне имеют возможность выступать исполнителями по договору авторского заказа. В таком случае для того, чтобы заказчик мог свободно распоряжаться интернет-сайтом, сторонам соглашения необходимо оговорить переход к заказчику всех исключительных прав на него, применяя при этом нормы о договоре об отчуждении исключительного права [9, ст. 1285] либо же положения о лицензионном договоре [9, ст. 1286]. Таким образом, мы считаем, что в ситуации, когда исполнителем по договору на разработку веб-сайта выступает физическое лицо, такие отношения следует квалифицировать как авторский заказ. Однако как разрешить вопрос о правовой природе договора в случае, когда исполнителем по сделке является юридическое лицо?

Решением дискуссионного вопроса о квалификации договора на разработку веб-сайта могло бы послужить введение в Гражданский кодекс РФ нормы, закрепляющей данную юридическую конструкцию как самостоятельный вид договора. Так, автор А.К. Быстров предлагает дополнить Гражданский кодекс РФ статьёй 1290.1 «Договор создания Интернет-сайта», в которой будут учитываться особенности предмета и объекта сделки, а также её субъектного состава. По мнению автора, такая договорная конструкция уже должна содержать в себе обязательство по передаче всех исключительных прав на интернет-сайт либо же право на его использование без заключения каких-либо дополнительных соглашений, если иное не предусмотрено договором. К такой сделке, как указыва-

ет А.К. Быстров, в субсидиарном порядке должны применяться положения ГК РФ об авторском заказе [5, с. 10].

Однако, следуя данной логике, специальные нормы необходимо вводить в Гражданский кодекс РФ во всех случаях, когда сложившиеся отношения по каким-либо причинам не укладываются в рамки уже известных конструкций. По нашему мнению, отечественное законодательство уже содержит положения, способные удовлетворить потребности стремительно развивающегося гражданского оборота. Это, в частности, принцип свободы договора [7, ст. 421], позволяющий субъектам права заключать смешанные и непоименованные договоры. Данные юридические конструкции, бесспорно, служат эффективности и гибкости механизма правового регулирования.

Практикой выработана ещё одна позиция по вопросу о правовой природе договора на разработку веб-сайта. Исследовав предмет соглашения и обстоятельства дела, суды нередко указывают на смешанный характер такого договора. При этом существуют разные варианты квалификации. Например, судебный орган может определить сделку как сочетание договора возмездного оказания услуг и авторского заказа [15].

Как отмечает М.И. Брагинский, в составе смешанного договора должны быть элементы не менее двух поименованных договоров, между правовыми режимами которых предполагается определённая связь, а также отсутствуют противоречия [4, с. 60–63]. В судебной практике в качестве элементов договора рассматриваются его предмет и иные существенные условия. По мнению Е.В. Татарской, «элементами, совмещение которых в одном договоре позволяет нам квалифицировать договор как смешанный, являются предмет договора в совокупности с особенностями субъектного состава договорного правоотношения, определяющими его выделение в качестве типа (вида) в системе договорных обязательств» [21]. Именно указанный подход представляется нам наиболее верным в случае, когда исполнителем по сделке является юридическое лицо. Так, используя смешанный тип договора, состоящего из элементов авторского заказа и услуги, стороны смогут учесть специфику объекта, а именно веб-сайта, как результата интеллектуальной деятельности, а также особенности субъектного состава отношений. Правовое регулирование данных отношений, на наш взгляд, должно осуществляться по принципу комбинирования норм.

Таким образом, в судебной практике и доктрине существуют различные варианты квалификации договора на разработку интернет-сайта, каждый из которых имеет как преимущества, так и недостатки. Проблему отсутствия единого подхода по вопросу о правовой природе указанной сделки мог

бы разрешить Верховный суд РФ, разъяснив свою позицию. Пока же судебные органы рассматривают каждые конкретные дела сугубо индивидуально, не претендуя на единообразие и универсальность.

Библиографический список

1. *Андреева Л.В.* Коммерческое (торговое) право: учебник [Электронный ресурс]. – М.: Кнорус, 2012. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.08.2018).
2. *Бабарыкин П.В.* Гражданско-правовое регулирование создания и использования сайтов в сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2005. – 167 с.
3. *Барков А.В.* Договор как средство правового регулирования рынка социальных услуг: монография [Электронный ресурс]. – М.: Юрист, 2008. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 15.08.2018).
4. *Брагинский М.И.* Основы учения о непоименованных (безымянных) и смешанных договорах. – М.: Статут, 2007. – 79 с.
5. *Быстров А.К.* Интернет-сайт и доменное имя как объекты гражданских прав в системе отношений по использованию сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. – 255 с.
6. *Бычков А.* Договор на разработку интернет-сайта [Электронный ресурс] // ЭЖ-Юрист. – 2013. – № 44. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.08.2018).
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): от 30.11.1994 № 51-ФЗ: (по сост. от 23.05.2018 г.) [Электронный ресурс] // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301. – Режим доступа: КонсультантПлюс.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): от 26.01.1996 № 14-ФЗ: (по сост. на 18.04.2018 г.) [Электронный ресурс] // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410. – Режим доступа: КонсультантПлюс.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая): от 18.12.2006 № 230-ФЗ: (по сост. на 23.05.2018 г.) [Электронный ресурс] // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 5. – Ст. 5496. – Режим доступа: КонсультантПлюс.
10. Гражданское право: в 2 т.: учебник / под ред. Б.М. Гонгало. – М.: Статут, 2017. – Т. 2. – 543 с.
11. *Кравченко А.А.* Правовой режим интернет-сайта как комплексного объекта права интеллектуальной собственности: дис. ... канд. юр. наук. – М., 2016. – 214 с.
12. Кировский городской суд Мурманской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kir--mrm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=10864940&case_uid=F3D78178-5FEC-4B23-9819-A80FDB11E141&delo_id=1540005 (дата обращения: 16.08.2018).
13. Муромский городской суд Владимирской области: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://muromsky--wld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=111892459&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 18.08.2018).
14. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ: (ред. от 29.07.2017) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: КонсультантПлюс.
15. Октябрьский районный суд г. Омска: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://octobercourt--oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=56030688&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 18.08.2018).
16. Постановление Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 22.04.2008 № 255/08 по делу № А63-14046/2006-С1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: КонсультантПлюс.
17. Постановление Конституционного суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П по делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В.В. Макеева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: КонсультантПлюс (дата обращения: 15.08.2018).
18. Российское гражданское право: в 2 т. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права: учебник [Электронный ресурс] / под ред. Е.А. Суханова. – М.: Статут, 2011. – Режим доступа: КонсультантПлюс (дата обращения: 15.08.2018).
19. Российское гражданское право: в 2 т. Т. 2. Обязательственное право: учебник [Электронный ресурс] / под ред. Е.А. Суханова. – М.: Статут, 2011. – Режим доступа: КонсультантПлюс (дата обращения: 15.08.2018).
20. *Савельев А.И.* Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование [Электронный ресурс]. – М.: Статут, 2014. – Режим доступа: КонсультантПлюс (дата обращения: 15.08.2018).
21. Санкт-Петербургский городской суд: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=7021343&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 18.08.2018).
22. *Татарская Е.В.* Правовая природа смешанных договоров [Электронный ресурс] // Российская юстиция. – 2010. – № 4. – Режим доступа: КонсультантПлюс (дата обращения: 20.08.2018).

References

1. Andreeva L.V. Kommercheskoe (torgovoe) pravo: uchebnik [EHlektronnyj resurs]. – M.: Knorus, 2012. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 15.08.2018).
2. Babarykin P.V. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie sozdaniya i ispol'zovaniya sajtov v seti Internet: dis. ... kand. yurid. nauk. – Spb., 2005. – 167 s.
3. Barkov A.V. Dogovor kak sredstvo pravovogo regulirovaniya rynka social'nyh uslug: monografiya [EHlektronnyj resurs]. – M.: YUrist, 2008. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru>. (data obrashcheniya: 15.08.2018).
4. Braginskij M.I. Osnovy ucheniya o nepoimenovannyh (bezmyannyh) i smeshannyh dogovorah. – M.: Statut, 2007. – 79 s.
5. Bystrov A.K. Internet-sajt i domennoe imya kak ob"ekty grazhdanskih prav v sisteme otnoshenij po ispol'zovaniyu seti Internet: dis. ... kand. yurid. nauk. – M., 2016. – 255 s.
6. Bychkov A. Dogovor na razrabotku internet-sajta [EHlektronnyj resurs] // EHZH-YUrist. – 2013. – № 44. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 12.08.2018).
7. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya): ot 30.11.1994 № 51-FZ: (po sost. ot 23.05.2018 g.) [EHlektronnyj resurs] // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1994. – № 32. – St. 3301. – Rezhim dostupa: Konsul'tantPlyus.
8. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya): ot 26.01.1996 № 14-FZ: (po sost. na 18.04.2018 g.) [EHlektronnyj resurs] // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1996. – № 5. – St. 410. – Rezhim dostupa: Konsul'tantPlyus.
9. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetyortaya): ot 18.12.2006 № 230-FZ: (po sost. na 23.05.2018 g.) [EHlektronnyj resurs] // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2006. – № 5. – St. 5496. – Rezhim dostupa: Konsul'tantPlyus.
10. Grazhdanskoe pravo: v 2 t.: uchebnik / pod red. B.M. Gongalo. – M.: Statut, 2017. – T. 2. – 543 s.
11. Kravchenko A.A. Pravovoj rezhim internet-sajta kak kompleksnogo ob"ekta prava intellektual'noj sobstvennosti: dis. ... kand. yur. nauk. – M., 2016. – 214 s.
12. Kirovskij gorodskoj sud Murmanskij oblasti [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://kir--mrm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=10864940&case_uid=F3D78178-5FEC-4B23-9819-A80FDB11E141&delo_id=1540005 (data obrashcheniya: 16.08.2018).
13. Muromskij gorodskoj sud Vladimirskoj oblasti: sayt [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://muromsky--wld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=111892459&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (data obrashcheniya: 18.08.2018).
14. Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii: Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ: (red. ot 29.07.2017) [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: Konsul'tantPlyus.
15. Oktyabr'skij rajonnyj sud g. Omska: sayt [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://octobercourt--oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=56030688&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (data obrashcheniya: 18.08.2018).
16. Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo suda RF ot 22.04.2008 № 255/08 po delu № A63-14046/2006-S1 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: Konsul'tantPlyus.
17. Postanovlenie Konstitucionnogo suda RF ot 23 yanvarya 2007 g. № 1-P po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij punkta 1 stat'i 779 i punkta 1 stat'i 781 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhalobami obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Agentstvo korporativnoj bezopasnosti» i grazhdanina V.V. Makeeva [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: Konsul'tantPlyus (data obrashcheniya: 15.08.2018).
18. Rossijskoe grazhdanskoe pravo: v 2 t. T. 1. Obshchaya chast'. Veshchnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektual'nye prava. Lichnye neimushchestvennye prava: uchebnik [EHlektronnyj resurs] / pod red. E.A. Suhanova. – M.: Statut, 2011. – Rezhim dostupa: Konsul'tantPlyus (data obrashcheniya: 15.08.2018).
19. Rossijskoe grazhdanskoe pravo: v 2 t. T. 2. Obyazatel'stvennoe pravo: uchebnik [EHlektronnyj resurs] / pod red. E.A. Suhanova. – M.: Statut, 2011. – Rezhim dostupa: Konsul'tantPlyus (data obrashcheniya: 15.08.2018).
20. Savel'ev A.I. EHlektronnaya kommerciya v Rossii i za rubezhom: pravovoe regulirovanie [EHlektronnyj resurs]. – M.: Statut, 2014. – Rezhim dostupa: Konsul'tantPlyus (data obrashcheniya: 15.08.2018).
21. Sankt-Peterburgskij gorodskoj sud: sayt [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=7021343&delo_id=5&new=5&text_number=1 (data obrashcheniya: 18.08.2018).
22. Tatarskaya E.V. Pravovaya priroda smeshannyh dogovorov [EHlektronnyj resurs] // Rossijskaya yusticiya. – 2010. – № 4. – Rezhim dostupa: Konsul'tantPlyus (data obrashcheniya: 20.08.2018).

SUMMARY

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Almaz M. Ismailova

*Dagestani State University, the City of Makhachkala,
Dagestan autonomy, Russia
almaz.ismailova@mail.ru*

The development of the mining industry in Eastern Armenia in the 1880s – the early 20th century

This article deals with the development of the mining industry in Eastern Armenia. Armenia, being one of the outskirts of the Russian Empire, was closely connected with Russia economically, politically and culturally. When Russia's economic conquest of the Caucasus had almost been completed by the late 19th century, Armenia's economy also complied with the demands of Russia's capitalist industry. The author traces the development of the mining industry in the Eastern Armenia. In the late 19th – the early 20th centuries, along with the formation of local capital, foreign capital, in particular, French capital, joined the mining industry of Armenia. Copper production in Eastern Armenia increased several times during the study period. On the eve of the World War I, the main centre of the Transcaucasian copper industry also moved to Armenia. The author characterises the formation of the mining industry in Eastern Armenia in the 1880s – the early 20th century. The proposed approach will be of interest to specialists in the study of the history of the South Caucasus in the second half of the 19th – the early 20th centuries.

Keywords: Eastern Armenia, copper, mines, mining, province, foreign capital, Caucasian industrial and metallurgical company, ore, hydroelectric power, bessemerising of blue metal in converters.

Roman V. Konyayev

*Altai State Pedagogic University, the City of Barnaul
ram-ne@mail.ru*

Firing instruction of lower ranks in renewals of Omsk Military District during the World War I

The guarantor of state's sovereignty is a strong army. The fighting capacity of armed forces is largely determined by the level of training of personnel. The article reconstructs the process of the firing instructions of lower ranks in renewal infantry brigades using the example of military units of Omsk Military District. The author analyses the main stages of the firing instruction of lower ranks. The article reconstructs the sequence of firing instruction of lower ranks – from familiarisation with small arms to conducting firing exercise with live ammunition using the elements of battle indoctrination amounting to elements. Conclusions about the firing instructions of rank are made and data are drawn from the business documents of personnel depots of Omsk Military District.

Keywords: World War I, Omsk Military District, firing instruction, shooting, lower ranks, renewals, military-trained reserve.

Marina V. Fadeyeva

*National research university
"Higher School of Economics", Moscow
marina.fadeyeva.o@gmail.com*

What students of the Imperial University of Warsaw suffered from and what they were ill with in the early 20th century

History of everyday life will soon celebrate a half-century anniversary, however in the Russian academic tradition in general and among the historians whose writings contribute into the history of students, in particular, history of everyday life still has to defend its right to be recognised as one of the approaches to studying of the past. The article is devoted to one of the manifestations of the phenomenon of students' everyday life. Students' self-censuses, diaries and memoirs are a traditional set of primary sources, analysis of which help historians to reconstruct everyday life of the students. The article summarises the new material on the subject by engaging newly discovered archival materials in the studies of the everyday life of the students – the evidence of diseases, provided by students of the Imperial University of Warsaw as an excuse for absence. Analysis of these sources allowed the author to reconstruct one of the areas of students' everyday life – students' sicknesses, providing the question of students' health with examples of diseases and medical diagnoses.

Keywords: history of everyday life, Russian history, history of students, Imperial university of Warsaw, 20th century history, history of medicine, public health.

Andrey V. Rukoleyev

*Altai State Pedagogic University, the City of Barnaul
rukoleev.av@yandex.ru*

Financing and activities of the Imperial St. Petersburg mineralogical society (1817–1917)

The object of research is the activity of the Imperial Mineralogical Society in St. Petersburg from 1817–1917. This article examines the issues of its financing and scientific activities. The role of interaction between the state, private individuals, as well as members of society in the formation of the budget is disclosed. Some data on costs and budget accumulation are shown, depending on the year of the study and the daily activities of the society. We describe the research directions of the society in the field of mineralogy, geology and other related sciences. The data of the results of research and experiments of the members of the Imperial Mineralogical Society are given. The study was carried out on the basis of an analysis of the sources of the fund 766 of St. Petersburg branch of the archive of the Russian Academy of Sciences. The results of this work are intended to increase the reliability of scientific data in the history of mineralogy in Russia.

Keywords: Imperial mineralogical society, budget, financing, geology, mineralogy, scientific organisation, investigations.

Alla A. Panchenko

*Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University
alla.vdovina@gmail.com*

The idea of the World revolution and its influence on the development of the linguistic education during the first years of the Soviet period of Russian history

The article, based on archival materials of the Nizhny Novgorod State Linguistic University in the early years of Soviet power, considers the emergence of the Soviet system of teaching foreign languages in the context of the idea of the World revolution and the World Republic of Soviets. Using the connection to the international associations of Esperantists, the pioneers of linguistic education received government support both at the All-the-Soviet-Union and at the regional level. It is reasonably indicated that plans to spread the "red idea" around the world arena together with the identified influence of the proletariat's ideological orientation on the process of teaching foreign languages in the territory of both the USSR in general and Nizhny Novgorod part of Russia, in particular, had one of the decisive implications in the development of the vector development of the entire system of higher foreign language education.

Keywords: World revolution, Esperanto, Soviet higher education system, Nizhny Novgorod State Linguistic University history.

Natal'ya S. Mayorova

*Kostroma State University
natalyamaiorova@yandex.ru*

Archbishop Luka (Valentin Felixovich Voyno-Yasenetsky) on the spirit, soul and human life

The article is devoted to the personality of Archbishop Luka (Valentin Felixovich Voyno-Yasenetsky). The course of the life of this saint abounded with abrupt turns. Nature showered uncommon art abilities on him, he entered law department, but became the physician rather than lawyer. Medicine made a basis of his life. On the road, in exile, in the hardest conditions, Archbishop Luka continued carrying out operations, studying and systematising the obtained data. Results of his research activity gained wide recognition in the scientific world and in medical community. What is unique, is the fact that the one who was the author of books in the "godless" state was a priest – Archbishop Luka. The author considered this circumstance quite natural. If for himself, church service life path was not obvious, for people around, future priesthood of Valentin Felixovich Voyno-Yasenetsky did not raise doubts. Having taken the gown, he devoted himself to church service. In numerous sermons, he brought up the most different subjects, but saw protection of church as his main task. Having mind of an inquisitive researcher, Archbishop Luka did not oppose religion and science. Divine, the spirit of God were understood by him as a basis of bases which is embodied in the world around, in spiritualised plants and animals, in the man who possesses soul.

Keywords: priest, Archbishop Luka, state, faith, spirit, soul, antireligious policy.

Movla K. Osmayev

*Chechen State University, the City of Grozny,
Chechnya autonomy, Russia
osmaev.movla@yandex.ru*

Social and cultural scope of Chechnya-Ingushetia in the period of the World War II (east front): overcoming the lack of specialists

The state of the personnel potential of institutions of the socio-cultural sphere of the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic during the World War II (east front) has never been the subject of a special study. The initial period of the war was marked by a reduction in the number of institutions in this sector and a reduction in the number of qualified specialists in the republic, a large part of which was drafted into the army or evacuated together with its organisations. Since 1943, there has been a restoration of the personnel potential of the socio-cultural sphere, which even the deportation of Chechens and Ingushs could not interrupt-by the end of the war the share of social and cultural workers from the total number of workers and employees had decreased only slightly. The article for the first time introduces archival materials that reveal a number of measures to stimulate the training of national cadres in the period until February 1944.

Keywords: Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic, World War II (east front), socio-cultural sphere, personnel training.

Vladimir S. Okolotin

*Ivanovo State University
okolotin.vladimir@yandex.ru*

Operational maintenance of defence facilities by the all-Russian emergency Commission to combat the anti-Soviet employees in Ivanovo Region in 1942

The article is devoted to the study of the activities of the staff of the secret office of the People's Commissariat of internal Affairs for operational maintenance of the defence industry during the World War II. This article describes the features of such work in the region in 1942 on the example of the office of the People's Commissariat of internal Affairs of Ivanovo Region. Particular attention is paid to the disclosure of the effectiveness of this activity, as well as the identification of the reasons that prevented the implementation of the decisions of the state defence Committee of the USSR. In addition, the article reveals the features of operational-search work of the staff of the all-Russian emergency Commission to combat anti-Soviet subversion and sabotage at the defence facilities of Ivanovo Region. We also reflect the role of the regional Committee of the all-Russian Communist party of the Bolsheviks to eliminate the shortcomings identified by the People's Commissariat of internal Affairs in the production activities of enterprises. The article is prepared on the materials of the state archive of Ivanovo Region and the archive of the federal security service of Russia in Ivanovo Region. It summarises the new material on the topic, most archival documents for the first time introduced into scientific circulation. The results of

this study may be of interest to specialists in the field of regional economy, the history of special services and the World War II (east front).

Keywords: enactments, state defence Committee of USSR, regional Committee of all-Russian Communist party of Bolsheviks, People's Commissariat of internal Affairs city departments, defence enterprises, enterprise # 2, special tasks, equipment, weapons production programme, ammunition, army, arms and ammunition, decisions, measures of influence.

Yelena N. Abovyan

*Bryansk State Technical University
abovyan-elena@rambler.ru*

Valeriy V. Dzyuban

*Institute of World Civilisations, Moscow
bryanskstudzyuban@mail.ru*

Suzemka district during the World War II (chronicle of guerrilla warfare, 1941-1943)

The history of Suzemka land, which is inextricably linked with the history of the Russian land, goes back centuries. One of the most outstanding milestones of this history is the active participation of the local population in the fight against the occupiers during Hitlerists' invasion. This is one of the bright pages in the chronicle of the partisan struggle in Bryansk Region and in the whole partisan movement. During the war, the area became a base and centre of guerrilla warfare against the occupiers of the entire South-Western part of the Bryansk forests. Here in 1941-1943 troops, previously manned in the Ukraine, and Kursk guerrillas were stationed and fought. Hence the connection of Sydir Kovpak, Alexander Saburov, Mikhail Naumov went into the raids to the Ukraine on the right bank of the Dnieper. The article deals with one of the outstanding places of partisan glory – Suzemka district, which became the centre of the partisan movement in Bryansk Region during the World War II.

Keywords: World War II (east front), partisans, partisan movement, collaborationism, resistance, occupation, victory.

Mikhail S. Kishchenkov

*Yaroslavl State Agricultural Academy
mkishhenkov@yandex.ru*

Yuriy S. Nikiforov

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
nikifor2108@yandex.ru*

Denis V. Tumakov

*Yaroslavl State Medical University
denistumakov@yandex.ru*

"Everyone cringes before the big shot", oh really?: constants or innovations in structure and practices of the Soviet regional elite of the 1950s—70s

Ideas of structure, hierarchy and practices of the Soviet regional elite of the 1950s—70s – the late socialism period – are analysed, generalised and systematised in the article. On the basis of archival documents, on the basis of sources of personal origin and historiographic material, levels of regional elite, mechanisms of its co-optation and control are allocated. On the one

hand, constant factors in behaviour of local elite connected with heritage of Stalinism, are noted. On the other hand, new trends in communicative practices of local elite caused by influence of Khrushchev's and Brezhnev's era come to light.

Keywords: regional elite, USSR, communicative practices, archival documents, historical memory, Soviet province, late socialism, lobbyism.

Natal'ya A. Belova

*Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
natale4ka@inbox.ru*

Modern problems of interethnic relations in Kostroma Region

Questions about migration, xenophobia, fears of local residents in Kostroma Region are considered in the article. The author analyses socio-economic situation. As well as, how it influences sentiment of local residents on the attitude to aliens (the non-Russians – we mean that the Russian nation is "impure" of course) people. The author compares information of statistics, local authorities and her own research results. The author organised more than five population surveys. In this survey, more than one thousand Kostroma residents of from 2014–2018 were participated.

Keywords: economic and social situation, international situation, migrants, local population, public national policy, administration, Kostroma, surveys of public attitudes.

Yelizaveta I. Fat'kina

*Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University
of Telecommunications
lizza92@mail.ru*

Defence enterprises as an element of the Swedish export control structure

The article is dedicated to the role of Swedish enterprises in the development of the state system of export control. The author considered the largest Swedish enterprises and their development in the second half of the 20th century. The degree of globalisation in this sphere is also considered, and attention is paid to the question of whether Swedish enterprises belong to large international corporations or not. Undoubtedly, such factors as the high level of state dependence on exports and active participation in international programmes and organisations are of key importance. The author focuses on the history of the development and merger of the largest state organisations, thus coming to the conclusion that there is a clear trend towards liberalisation in the sphere of Swedish arms exports, including, a reduction in the domestic needs of the state and an increase in demand abroad.

Keywords: export control system, Swedish defence industry, globalisation, trade liberalisation, product interchangeability, defence equipment manufacturers, international trade.

SCIENCE OF LITERATURE

Andrey V. Golubkov

*Gorky Institute of World Literature, Moscow
andreygolubkov@mail.ru*

The debates about «body rhetoric» in the XVIIIth century French aristocratic culture: the case of the «ridiculous précieuses»

Modern cultural discourse is considering the everyday behaviour as a special semiotic system, similar to natural language and featuring its own grammar and morphology. The 17th century's French aristocratic culture, embodied in this period's salon literature, is a vivid example of such artificial language: then gestures, poses and other behaviour patterns meant signs that need to be deciphered. The study is centered on an extremely negative attitude towards the "beautiful things" – that is, French high society ladies (the most known of them are Mme de Rambouillet and Mme de Scudéry) that shone in the salons in the 1st half of the 17th century. In the late 1650s and the early 1660s, their behaviour became an object of severe satire, the most vivid reflections of which are the works of Molière (his comedy "The Affected Ladies", 1659) and Antoine Baudeau de Somaize ("Le Grand Dictionnaire des Précieuses", 1661) and less known books dealing with this subject as well "Catéchisme des Précieuses" and others. The satirists, considering themselves as bearers of gallant aristocratic culture, consistently satirised the affectation of précieuses, the unnaturalness of their speech style and of their manner to behave themselves, based on total body control and "naturalness" devised by them and used in conversation and other contacts with their audience. The précieuses became hostages of archaic "bodily rhetoric", that contemplated the demonstration of sign as a sign and was based on a play clearly visible to spectators and listeners. The popularity of the new scheme, in which the most important thing was behaviour to conceal play and meticulous rhetoric effort, was related to growing fascination with physiognomic among the aristocrats in the 1650s. The précieuses were satirised and rejected by gallant culture, a part of which they initially had been, due to their use of old-fashioned behavior and speech patterns.

Keywords: affected ladies, physiognomy, French aristocratic culture, gallantry, Molière.

Kirill A. Chekalov

*Gorky Institute of World Literature, Moscow
ktchekalov@mail.ru*

**Auto-reflection and meta-textuality
in the novels of Paul Henri Coirentin Féval**

The article deals with works of French writer Paul Henri Coirentin Féval (1816-1887). He is an extremely prolific writer, very famous in the 19th century, but is rarely published today (except for the novel "The Hunchback"). In the thrilling, genre-diverse novels of Féval, there is clearly expressed not only the desire to rely on other people's texts, but also the installation of parody and pastiche, as well as the author's active invasion of the text, accentuation of the narrative instance.

In the article, a large-scale novel cycle "The Black Coats" (mostly the first volume, whose events turn out to be transformed into a play composed by the same characters), as well as novels "Vampire City" (where Ann Radcliffe becomes the main character) and "The Crime Factory" (a parody for a criminal novel, created before the final design of the detective genre).

Keywords: popular literature, swashbuckler novel, criminal novel, melodrama, gothic, vampire, metatext, parody, pastiche.

Anastasiya V. Yermakova

*The Stoletovs Vladimir State University
anastasia1369ermakova@gmail.com*

Innokenty Annensky and Jean Nicolas Arthur Rimbaud: translation as re-creation (the case of the poem Sensation by Arthur Rimbaud)

Translations by Innokenty Annensky were not just creative original interpretations, which all researchers pay attention to, but special way of recreating, interpreting and adapting the artistic and imaginary world of the translated author. A detailed analysis of the translation of Arthur Rimbaud's poem Sensation, including close reading of the original and reconstruction of the contexts of aesthetic and philosophical searches of Russian symbolism makes possible to clarify this thesis. The paper proves that Innokenty Annensky created a productive model of translation as a re-creation, based not on imitating and reproducing images and associations of the translated text, but on recreating a work from the local material, with an internal understanding of its living structure, which later turned out to be important for the emergence of the Russian avant-garde and futurism with its attention to internal design of any poem.

Keywords: interpretation, reception, translator, author, reader, translation, Innokenty Annensky, Jean Nicolas Arthur Rimbaud.

Tamara M. Denisova

*Kostroma State University
tamaradenisova@yandex.ru*

**Features of the German short story
"postclassical period" (Judith Hermann)**

In the second half of the 20th century, a short story of the post-war period, closely related to the events of this time, is gradually losing its topicality. A young generation of German writers makes attempts to find new topics and forms. In the stories of this period, there is an interest in pressing issues – the situation with refugees, the elderly in West Germany, the appeal to the times of National Socialism from the point of view of the present day. In today's short story, a person stands at the centre of constantly changing reality, it confronts with society, technical achievements that threaten its existence. Hence arises characteristic of the genre of a short story "economy mode", which implies such techniques as typification of heroes, symbolism, rejection of frame constructions, compressed plot. To the literature of the generation of young writers of the second half of the 20th century belong short

stories by Judith Hermann, who quickly gained a cult status, critics heard the voice of a new generation, the readers recognised themselves and their own problems in the heroes of the stories.

Keywords: modern German short story, topical themes, genre features, German writer, Judith Hermann.

Vladimir V. Tikhomirov
Kostroma State University
vtihom@mail.ru

**The play "Vasilisa Melentyeva"
by Alexander Ostrovsky as a historical drama**

Genre features and specifics of historicism of the play which is the only in the playwright's creative work as a historical drama, and in which the plot's historical sources and the playwright's fiction are skillfully combined, become clear in the article taking into account experience of research of the drama "Vasilisa Melentyeva" by Alexander Ostrovsky available in the Russian literary criticism. Concerning the genre, the play gets closer to traditions of the European drama, first of all Shakespearean one, as the leading role in it belongs to the interpersonal moral and psychological conflicts which are turned into the historical past. It was to a lesser extent characteristic of the Russian historical dramatic art owing to specifics of national and religious representations, mainly epic ones, about driving forces of history. The complexity of the heroes' characters in the drama "Vasilisa Melentyeva" and sharpness of the conflicts pulls the play together with tragic genre.

Keywords: drama historicism, fact and fiction, epic and personal in history, characters' conflict.

Irina A. Ovchinina
Ivanovo State University
ovchn@yandex.ru

Andrey A. Vinogradov
Kostroma State University
avinon@kmt.ru

**The peculiarities of A.N. Ostrovsky's work on the
historical chronicle about Kosma Minin**

The article considers the creation history of Alexander Ostrovsky's historical play "Kosma Zakharyich Minin-Sukhoruk", as well as the way of work with the draft, with letters and reminiscences of the playwright's contemporaries. Numerous rough copies, amendments, marks made by Alexander Ostrovsky in his writings reveal the fact that he had always thought over the composition thoroughly, rewritten various fragments over and over again and changed their parts. This told on some events' interpretation, on personages' characters undergoing notable changes. The authors expose correlations with historical materials which gave Alexander Ostrovsky the necessary information. The history of the play's censorship is also disclosed. Despite the high censor's estimation (the censor noted the sincerity of the play's patriotism) the stage production of the play was banned.

Keywords: autograph, sources, personages, emendation, historical facts, interpretation, censorship, publication.

Denis V. Vasil'yev
Herzen Russian State University, Saint Petersburg
vasiljevden@yandex.ru

**The character of the manifestation and role of the
trickster archetype in the confessional statements
of the underground hero of Fyodor Dostoyevsky's
story "Notes from Underground"**

In the present article we revealed the role of the mythological archetype of the trickster in the confessional word of the hero of the story "Notes from Underground" by Fyodor Dostoevsky. The archetypal layer of the paradoxical personality creates variability in its confessional statement, splitting the confession into two poles. The first pole is a provocation, dealing for a fall, which implies a conscious self-isolation of the hero. The second is a personal ascent, a spiritual "adventure", involving a radical transformation – through confession to the world. In the course of the study, a conclusion is drawn: the trickster in Fyodor Dostoevsky's story reveals itself in the desire of the underground hero to break through to its inner person. This aspiration of the paradoxicalist unfolds, first of all, in its confessional statements, behind the external provocative nature of which, the spontaneous, natural life of the hero's soul lies, as the initial layer, expressing the author's fundamental intuition, oriented toward "realism in the highest sense."

Keywords: archetype, trickster, Fyodor Dostoevsky, underground hero, confession, underground.

Nataliya G. Koptelova
Kostroma State University
nkoptelova@yandex.ru

**Images and motifs of Commedia dell'arte in
Alexander Blok's poetic comprehension (the 1900s)**

Features of interpretation of dell'arte images and motifs in Alexander Blok's lyrical poetry of the 1900s are considered in article. Ways of development of the Italian comedy poetics elements by the Russian symbolism leader are characterised. The complexity and polysemy of his dialogue with tradition of dell'arte which represents a versatile phenomenon is traced. It is proved that Alexander Blok actively reinterpreted images and motifs of the Italian national comedy. A conclusion that the works by Alexander Blok which use dell'arte images and motifs have had great influence on development of the Russian painting (Konstantin Somov, Alexandre Benois), literature (Andrei Bely, Mikhail Kuzmin, Anna Akhmatova) and theatre (Vsevolod Meyerhold's esthetics updating), is made in the article. It is emphasised that Vsevolod Meyerhold transformed dell'arte images and motifs from the contents plane into the form plane. Therefore Alexander Blok was negative to the general direction of searches of the latter as they were drawn towards spectacular play type of theatre.

Keywords: Alexander Blok, poetry, comprehension, images, motifs, Commedia dell'arte, Russian symbolism, irony.

Oksana N. Ushakova
Kostroma State University
oks19011986@mail.ru

Star image semantics in the collection of poetry "Roses" by Georgy Ivanov and poetic tradition

Variants of semantics of an image of a star embodied in the collection of poetry "Roses" by Georgy Ivanov compared to poetic tradition are considered in the article. It is proved that the concept of happiness which is perceived as merge to certain divine principles is associated with star image for Georgy Ivanov's lyrical subject. Such a star image interpretation goes back to Mikhail Lermontov's poetic experience. It is noted that star image transformation in the collection of poetry "Roses" is marked by motif of "fall". Georgy Ivanov's appeal to Afanasy Fet's tradition is obvious in this case. It is shown in the article that star symbol is also connected with poetic philosophical reflections about the past and the present. Such approach to star image interpretation is close to Lord Byron's and Fyodor Tyutchev's poetic system. For enrichment of the star semantic archetype, Georgy Ivanov is guided by tradition of use of evaluative and colour epithets created in Alexander Blok's, Osip Mandelstam's, Vladimir Nabokov's lyrics. It is this mechanism of creative continuity which provides star figurative evolution in the collection of poetry "Roses".

Keywords: Georgy Ivanov, "Roses", semantics, star image, lyrical hero, colour symbolics, poetic tradition, Mikhail Lermontov, Afanasy Fet, Fyodor Tyutchev, Alexander Blok, Osip Mandelstam, Vladimir Nabokov, Lord Byron.

Ruslan Ye. Klement'ev
Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
ruslankle@gmail.com

Unmade screen adaptation of Andrei Platonov's novella "Epifan Locks"

The article summarises the new material on the topic "Andrei Platonov and cinema". The new facts are introduced into the history of Andrei Platonov's work on the libretto based on his novella "Epifan Locks". The documents found in archival collections and periodicals made it possible to establish the fact of the ordering of the libretto at Leningrad factory of Sovkino in 1928. This allowed to date the work more accurately, in comparison with previous publications on this topic. Also, the article describes the cinematic context of the creation of the libretto. Conclusions are drawn about the reasons for the rejection of Andrei Platonov's libretto at the film factory: the campaign against inclusion in the plans for screen adaptations of literary works and films on historical topics, the unfavourable situation in the scenario industry, criticism of Andrei Platonov himself towards his works of the second half of 1929.

Keywords: Andrei Platonov, film dramaturgy, "Epifan Locks", screen version, libretto, screenplay, Sovkino.

Zinaida Y. Kholodova
Ivanovo State University
kholodova_z@rambler.ru

Mikhail Prishvin's artistic outlook: the dramatics aspect

The article investigates the dramatics aspect of Mikhail Prishvin's artistic outlook. Mikhail Prishvin's reviews of Fyodor Sologub's and Dmitry Merezhkovsky's plays and his diaries registrations about Mikhail Saltykov-Shchedrin's and V.Gippius' dramas are analysed. Mikhail Prishvin's evidences about state theatres in provinces after the October Revolution and his work as a lector in Yelets people's university are observed. The emphasis in the article is on the writer's dramatics works: the creative searches of new genres and ways of depicting the people, unaccomplished plans of dramatic creations and "Bazaar" drama. Certain questions of its creating (the time of working, different titles, some ways of life material reconsideration, appealing to the genre of "drama for reading aloud", etc.). Mikhail Prishvin developed special methods helping listeners understand the play, he changed its structure and strengthened the author's text role. The ideologic content of the drama is adequate to Mikhail Prishvin's dialogic type artistic outlook.

Keywords: artistic outlook, dramatics, genre, drama for reading aloud, author's text.

Tat'yana G. Kuchina
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
tgkuchina@mail.ru

Muse of silence: motifs of silence and dumbness in Sergey Gandlevskiy's and Lev Loseff's metapoetics

The article is turned to consideration of metapoetic problematic and intertextual communications in the poems "Everything ticks loudly. To the matchbox's marches..." by Sergey Gandlevskiy and "Lyrics for the romance "Words" No. 2" by Lev Loseff. In the poetry of a turn of the 20th and the 21st centuries, the principles of communication of the poet and the Muse have considerably changed in comparison with lyrics of the 19th and the early 20th centuries: the Muse is no longer an "announcer", and the poet, a "scribe". What becomes the most important prevailing motif of poems by Sergey Gandlevskiy, is impossibility of articulation of poetry, its eluding from a word. The poet's destiny is the silent world in which it has no real, its own, words any more, but the Muse silently goes away, leaving it to stay in mute melancholy. Sergey Gandlevskiy's poem, in fact, could be called "The Death of the Poet" – and the death occurs in the meta-literary relation: the poet loses ability to create poetry. In Lev Loseff's poem, the figure of the poet stays behind scenes: "noise of the dictionary at a crossroads" does not need its participation; words brought together by grammar easily do without it. Only "accidentally" flashing with the poem, words for a moment allow the poet to coincide with itself – only to "fade into darkness" forever.

Keywords: Sergey Gandlevskiy, Lev Loseff, silence, numbness, meta-poetics, poet's death.

Aleksey S. Bokarev
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
asbokarev@mail.ru

**"New sincerity" in the Dmitry Vodennikov's
 poetry: on the behavioural strategies
 of a lyric subject**

The subject of this study is the subjective sphere of the lyric by Dmitry Vodennikov, namely, the principle of polyphony defining it, where the personality of the speaker is divided into two hypostases connected dialogically. It is established that both internal states and emotions and the hero's life "companions", alienated from his "I", which determine his self-awareness are involved in the sphere of his internal dialogue. A detailed analysis of the poems "Ah, a greedy, hot sin torments me like a lion", "I'm my own hell and paradise, a wolf and a black hare", "Agrimony", the cycle "My alien's letters to you" allows us to consider the polyphony as a "language of experience" that is universal in Dmitry Vodennikov's works. At the same time, its complication is interpreted as a symptom of the non-identity of the subject to the poet's true "I", and the "new sincerity" declared by the author, as a purely aesthetic phenomenon.

Keywords: Dmitry Vodennikov, "new sincerity", "I" and "other", subject structure, polyphony, dialogical relations in lyrical poetry.

Yelena M. Tyuleneva
Ivanovo State University
talen@rambler.ru

**Scheherazade's principle and the search
 for the Second in "The Symmetry Teacher"
 by Andrei Bitov**

The article is an attempt of reading Andrei Bitov's novel "The Symmetry Teacher" through the description of the author's strategy, conditionally called "Scheherazade's strategy" and aimed at non-finality and meta-narrativity. Based on the author's propensity to continue to work on his previous texts and to rewrite them, to create versions and doubles, it is suggested that the effect of the Second (its presence, absence, search) becomes a necessary condition for the emergence and development of Andrei Bitov's narrative construction. The description of Scheherazade's narrative principle is introduced: a balancing between "lack" and "surplus", an actualisation of the "second" component and a telling of its search/creation. Technique and mechanisms for creating the "second" element in the text and features of its functioning are demonstrated. It is justified by the concept of a new binarity, used by Andrei Bitov, that it is not reducible to the binaries and that originated not from antitheticalness, but from integrativity. The title of the novel and the concept of symmetry, actualised by the author, are interpreted in this perspective.

Keywords: Andrei Bitov, "The Symmetry Teacher", narrative strategy, non-finality, double, Scheherazade's principle.

Dmitriy L. Lakerbay
Ivanovo State University
lakomotion@yandex.ru

Personal style as a "literary card"

The aim of the research is to characterise the specificity of personal style in the aspect of its unique informativeness. The main objectives of the article – the introduction of new ideas about the possibilities of analysis of historical and literary situations. The results of the study show that, despite the difficulty of accurate description, personal style is a unique informant, because it is a kind of "literary card". First, this "card" informs included in the style of literary and cultural codes, loci, traditions, etc. Second, this "card" provides new information about the complex historical and literary situations. "Card" of style helps to understand, how the "text of the subject" can be transmitted in culture in its universality and uniqueness simultaneously. Joseph Brodsky does not borrow Anna Akhmatov's model of "The Poet in History", but he turns out to be the only one, who can fully absorb it, "filling" with his own destiny. The comparison of "cards" of styles should also help in resolving the issue of authorship of the fairy tale "The Little Humpbacked Horse".

Keywords: personal style, "literary card" of style, historical and literary situation, cognitive-pragmatic programme of synthetic linguistic personality, precedent text, "subject text"; literary mystification.

Aleksandr V. Markov
Russian State University for the Humanities, Moscow
markovius@gmail.com

**Associative theory of the language
 by Gustav Shpet in the context
 of the development of visual media**

Theoretical works by Gustav Shpet were written in the context of the intensive influence of new media, including sound recording and cinematography, on the habits of perception of reality. The model of the language of Gustav Shpet, in which the language cannot be reduced either to the representation of the objective world, or to the realisation of psychological functions, largely reproduces the mechanics of the new media as providing relatively good communication without the ability to verify the quality of this communication. Criticism of the concept of "internal form" by Gustav Shpet can also be explained that he sees in it just a mode of ordering impressions, reminiscent of the viewer's perception of screen impressions, rather than a mode of cognition of the surrounding reality. It is proved that this understanding of the screen perception is inspired by the fantastic prose of Nicolas Camille Flammarion, in which cognition as such cannot prevent a catastrophe, but a correct interpretation of the screen impressions is necessary. Language communication origin reconstruction by Gustav Shpet most closely resembles the image of Flammarion's technical communication using visual equipment. Gustav Shpet's argument is based on the criticism of homonymy and synonymy,

which is completely realised artistically in one of the episodes of Flammarion's book. Flammarion's influence on Gustav Shpet was mediated by the poetry of Russian symbolism, which he knew and appreciated, and which determined a number of details of his theory of language. Thus, the consideration of the intermedial contexts of Gustav Shpet's thought allows us explaining the features of the argumentation, which he did not specifically stipulate, sharing with the readers a single spirit of his epoch.

Keywords: intermediality, visual media, language theory, communication philosophy, impression, association, homonymy and synonymy, spirit of epoch, Nicolas Camille Flammarion, Gustav Shpet, Valery Bryusov, Innokenty Annensky.

Aleksandr V. Chernov

*Cherepovets State University, the City of Cherepovets,
Vologda Region
avchernov@bk.ru*

Journalistic "optics" in historical discourse. Leonid Parfyonov's and Mikhail Zygar's "historical writing". Part 2

The article is devoted to Mikhail Zygar's specific journalistic understanding and approach to a reproduction of the past. Mikhail Zygar's and Leonid Parfyonov's journalistic historiosophies are compared in the article. We try to classify these two methods of "historical writing" using Hayden White's classification model. Mikhail Zygar's prefaces to his two published historical works, speeches at forums and professional conferences, interviews are used as empirical material. The article describes the author's identification as a journalist, his statement that the past is a matter of journalistic search and creativity. Mikhail Zygar's perception of historical sources and their critical analysis are depicted. The article is devoted to a comparison of journalistic historiosophy and ways of embodying the past in Leonid Parfyonov's and Mikhail Zygar's projects. The conclusion about similarities and differences is given. White's matrix offered in his work "Metahistory" is used as a classification model.

Keywords: history and journalism. Leonid Parfyonov, Mikhail Zygar, historiosophy, "historical writing".

Yuliya V. Podkina

*Moscow Institute for the Humanities
yul-podkina@yandex.ru*

Metaphor in journalistic text of economic topics

This article deals with the problem of using metaphors in modern texts written on the economic theme and published in the socio-political newspaper "Moskovskij Komsomolets" and in the business newspaper "The RBK". The paper reveals the mechanisms of constructing epiphoras and diafors, it is devoted to a complex study of metaphor as a means of expression and cases in which metaphorical expression loses its expressive component. The study also provides the most common metaphorical models that economic journalism uses to illustrate the described phenomena. The author seeks to trace the patterns of use of certain

metaphors in different contexts in accordance with the position taken by the journalist on the issue covered by it. The proposed approach will be of interest to specialists engaged in writing texts on the economic theme, as well as to students and teachers of specialised universities.

Keywords: metaphor, epiphora, diaphor, concept, language expressiveness, economic discourse, journalism.

SCIENCE OF LANGUAGE

Irina Yu. Tret'yakova

*Kostroma State University
trirfr@mail.ru*

Occasional transformations of phraseological units: intensification of phraseological meaning

The article covers the question of dependence of phraseological occasional transformations on author's intentions. One of the purposes of phraseological transformations is to intensify phraseological meaning, which leads to changes in degrees of expressing a feature, processes, qualities that are characterised by a phraseological unit. Intensification of phraseological meaning is actualised in diverse ways: through inserting occasional intensifiers into a component structure; or through phraseological contamination. The article studies means of intensification of phraseological meaning, that is types of occasional intensifiers which characterise duration, intensity of processes, qualities and features in explicit and implicit ways. The means under the study are occasional intensifying components with the meaning of a specified quantity, unspecified quantity, with the absolute degree of featuring, with syncretism of intensity and evaluation, with syncretism of intensity and literalisation. The intensifiers represent occasional components lacking semantic elements with a quantitative meaning, which leads to increase of a feature degree or intensification of an action in an implicit way. Inserting of occasional components into a phraseological unit results into meaning intensification of processes, features, in other words, it increases expressivity of a phraseological unit.

Keywords: occasional phraseologisms, occasional transformations of phraseological units, intensification.

Oksana Yu. Bogdanova

*Yaroslavl Higher Military School of Air Defence
dictema@mail.ru*

Emotive aspect of the text dicteme name

The article presents the results of title and heading emotive aspect study considered from the perspective of dicteme text structure theory. Being a text dicteme name the title and heading perform various functions. Among them the attractively-pragmatic function is highly expressed, since the pragmatic effect of text dicteme name on the reader is quite large. In this article the emotive aspect of the dicteme name of a journalistic text is considered by the example of using aggressive vocabulary. The basic techniques of

hidden speech influence on the reader are shown and the types with varieties of speech aggression are listed. The analysis of the newspaper "The New York Times" materials allows to identify the main lexico-semantic groups of aggressive vocabulary. Due to the variety of lexico-semantic composition of aggressive vocabulary in modern English-language journalism the impact on the reader is very strong since each of its units has a high degree of emotiveness.

Keywords: title, heading, text dicteme name, emotive aspect, aggressive vocabulary, speech effect, verbal aggression.

Galina D. Neganova
Kostroma State University
cultland@yandex.ru

Actualisation of natural and geographical features of Kostroma lowland in dialect geographic lexis: the Volga – the Kostroma floodplain

The nomenclature of folkish geographical terms reflecting the natural features of the Volga-Kostroma floodplain is considered in the article in the aspect of the Programme of the Lexical Atlas of Russian folk patois, which is a unique region of Kostroma lowland. Dialect words are written in the village of Shunga in 2018. The author pays special attention to the group of hydrographic realities, the names of small closed natural reservoirs: бадана, бакалда, бочаг, залив. These terms include the names of small water bodies. However, in the lexical meaning of each of these words, there are additional differential features that reflect the content of the reality — by origin, shape, size, etc. Local geographical terms accurately inform about the peculiarities of similar geographical objects, however possessing subtle differences.

Keywords: Kostroma lowland, Volga-Kostroma floodplain, Shunga village, Shunga patois, dialect geographical terms, hydrographic lexis, бадана, бакалда, бочаг, залив.

Polina P. Vinogradova
Kostroma State University
vpp.home@gmail.com

Lexico-semantic originality of appellation of ritual bread pastry of Kostroma territory

Both special and ordinary pastries, simply of the highest quality, acted as ritual grain products in Old Rus'. Semantic opposition sour (from leavened dough: коровай, калач, курник etc) vs unleavened (жаворонки, кресты, лестницы etc) gained the special importance. In modern Kostroma patois, this layer of lexicon has suffered considerable losses. Ritual value of the realemes has been partly lost; however, in some areas of Kostroma land, the all-Russian names of ritual products (каравай, курник etc), as well as specific local names (шишуля, тужильник etc) do remain. Data on Kostroma dialects help to reveal lexico-semantic features of this group of lexicon both in language retrospectives and currently; and they also help

to designate its place as a part of a theme group of "The names of baked products from flour".

Keywords: bread, ritual pastry, dialect lexicology, ethnography, Kostroma patois.

Tat'yana V. Gorlova
Kostroma State University
tat4060@yandex.ru

Archaic toponyms of the town of Nerekhta of Kostroma Region as the historical and geographical indicator (in terms of names of places of saltworks)

Archaic toponymy features of de-anthroponymic (from anthroponym) formation is investigated in the article in terms of names of places of saltworks of the town of Nerekhta of Kostroma Region on the profile of the town's early history (the 13th–14th centuries). The submitted detailed analysis of the name of one of Nerekhta's saltworks Betyuk plans ways of an etimologisation of similar names that is not only of importance for further investigations of this territory's toponymy, but is also capable to shed light on those language and historical processes that occurred at the time of settlement in the lands of the Upper Volga area. Studying the most ancient names allows tracking ways of population shift and formation of national language.

Keywords: Nerekhta, archaic toponym, saltworks, de-anthroponym (from-anthroponym) word formations, Betyuk.

Lyudmila A. Dmitruk
Kostroma State University
lyudmila-dmitruk@mail.ru

On the status of some units of the lexical and phraseological fund of the Russian language (historical aspect)

The article analyses the units of the lexical and phraseological fund of the Russian language and is based on the materials and works of the democratic writers of the Russian 18th century literature. Words and stable expressions, which take an intermediate position between territorially and socially limited vocabulary and neutral units commonly used in the literary language in the spoken speech pattern of the 18th century, underwent a process of semantic and stylistic regrouping over time. One part of this vocabulary subsequently constituted the folk-spoken basis of the literary language, the other part went away to the periphery of the national language and still continues to function in folkish patois, vernacular, and socio-texts. The article provides a synchronic-diachronic analysis of one of the segments of the eighteenth-century dictionary – phraseologism *стать в пень*, which has moved from the sphere of neutral-spoken usage to the sphere of dialectically limited vocabulary.

Keywords: Russian literary language history; dialect; vernacular; phraseological unit; *стать в пень*; Alexander Ablesimov; "The Miller Who Was a Wizard, a Cheat and a Matchmaker".

Yelena V. Tsvetkova
Kostroma State University
ely15@list.ru

**The book "Apt Kostroma Word"
by Nina Gantsovskaya as a source
of knowledge on Kostroma toponymy**

The article is devoted to the book "Apt Kostroma Word" by Nina Gantsovskaya as a source of data on Kostroma toponymy. Toponyms revealed in the texts which are a part of this popular scientific anthology (so Elena Berezovich defined the book's genre in her review), in fact an encyclopedia of folkish life, are considered taking into account their typology according to objects designated by them as well as to various information related to them. Attention is paid to toponyms as names representing near (their own) and distant space; as ones containing data on Kostroma landscape, on its history and culture, on its inhabitants' language features. The characteristic to micro-toponyms formed on the basis of geographical terms, including local ones, characterised by wide circulation and by variety of meanings in Kostroma Region patois, is given. Connection of special micro-toponymic semantics with semantics of appellatives, forming the basis of micro-toponymisation, is defined. The main types of nomination in toponymy, presented in the mini-stories by those people whose mother tongue is the dialect, come to light. Attention is paid to the fact that toponyms as a part of patois lexico-semantic system are actually "living fossils" keeping in themselves ancient, fundamental features of the Russian national language as if preserving in themselves various information. On the basis of illustrations from live folkish speech which both the anthology's texts and toponymic expeditions' materials, used for comparison, contain, an idea of features of toponyms' functioning in Kostroma patois is given.

Keywords: toponyms, micro-toponyms, Kostroma toponymy, book "Apt Kostroma Word", dialect text.

Svetlana A. Manik
Ivanovo State University
svetlana_manik@yahoo.com

**New lexicographic approaches to describe lexical
meaning of socio-political terminology
in the 21st century**

The article deals with the description of new lexicographic approaches to describe lexical meaning of Russian and English socio-political terminology in the 21st century. There is a special emphasis on the format change of the reference books as exemplified by innovative mono- and bilingual dictionaries and dictionary projects that assist a contemporary user in understanding this terminology. The author has come to the conclusion that the meaning of the key word is rendered through additional comments, illustrative examples as they reflect various social stands on the phenomenon under discussion. Lingual-cognitive and lingual-cultural approach are considered to be perspective since it allows a lexicographer to provide comprehensive description of the lexical meaning of the term.

Keywords: socio-political terminology, lexical meaning, lexicographic description.

Nataliya Yu. Tikhonova
Lomonosov Moscow State University
natatih1994@yandex.ru

**Revisiting the translation
of non-equivalent legal terms**

The article deals with English legal terms that do not have direct equivalents in the Russian language. English legal terminology is one of the most ancient terminologies, which began to develop due to the need to maintain the rule of law. The author focuses on different translation techniques that are applied to translate non-equivalent legal terms from English into Russian such as descriptive translation, transcription, transliteration and calque modelling. The article makes an attempt to analyse the main advantages and disadvantages of these translation techniques with regard to the terms of the given field of knowledge. The article gives multiple examples of non-equivalent legal terms from authoritative dictionaries as well as from modern newspaper articles and provides possible translations of these terms into the Russian language.

Keywords: English legal terminology, translation, translation technique, non-equivalent term, descriptive translation, transcription, transliteration, calque modelling.

Tat'yana G. Popova
Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation, Moscow
tatyana_27@mail.ru

Sergey A. Stepanov
Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation, Moscow
sas68@mail.ru

Marina V. Poluboyarova
Moscow State Linguistic University
marina22@yandex.ru

**Lexico-semantic group of nouns "feeling" i
n the novel "Family Happiness" by Leo Tolstoy**

In the article, the short theoretical material generalising ideas of scientists of lexico-semantic groups is given. Authors of article consider the main signs of lexico-semantic groups, argue on their potential openness and system character. In work the interesting observations connected with realisation of lexemes with feeling value in the novel "Family Happiness" by Leo Tolstoy are presented. Surprisingly personal and penetrating work in which the writer managed to show secret depths of a female soul, very saturated emotive nouns. The thought-over combination of the lexemes designating psychological state, experiences of heroes to the lexemes opening their spiritual and moral searches and the system of ethical values allowed the writer to create within the realistic novel the art world got by sentimentalism having the special force of impact on a fine half of mankind and on the example of the heroine Masha showing true values and the real happiness.

Keywords: lexico-semantic group, lexeme, value, feeling, Leo Tolstoy, system, rate.

Yelena V. Sausheva

*Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation, Moscow
oktober58@yandex.ru*

**Language identity of the captain in the story
"The Dreams of Chang" by Ivan Bunin**

Theoretical generalisations of the scientific material connected with the concept "language personality" are presented in the article. During reconstruction of the language personality we restore thoughts through the writer's language and also we recreate spiritual shape of the person. The author of article represents three levels of the organization of the language personality: motivational, mental, verbal and associative, considers an image of the central hero of the story "The Dreams of Chang" by Ivan Bunin. The image of the captain presented in two temporary layers, his reasoning open for the reader deep philosophy of the story of Ivan Bunin. For disclosure of the language identity of the captain the writer uses the whole system of monologues (or dialogues with a dog) which are imbued with feeling: the captain before anybody can't open the heart as before a dog. The language identity of the captain says also through author's descriptions of his actions, and through the words of the hero.

Keywords: language identity, Ivan Bunin, text, monologue, speech of hero, images, philosophical implication.

Yanina I. Sukhareva

*Moscow Aviation Institute, "Arrow" filial, t
he City of Zhukovsky, Moscow Region
janinasi58@yandex.ru*

**Features of the composite and speech organisation
of the collection of stories of Mikhail Bulgakov
"A Country Doctor's Notebook"**

The principles and receptions of the speech organisation of the collection of stories of Mikhail Bulgakov of "A Country Doctor's Notebook" are analysed in the article. The author of the article proves that the collection of stories of Mikhail Bulgakov not just contains several points of view, but reflects various positions of the same character in correlation. Also, the speech organisation of the book is directly connected with inner world of the main character – the young doctor – and that situation in which it appears. It is shown in the article that in the book by Mikhail Bulgakov almost chronicle of events in which along with the speech of the hero subdivided on the said aloud and the said to himself, we see adjoining the speech of the storyteller, but after all the monologues of "abstract subjects" allocated separately and also the voice of the people and dialogues of faithful assistants to the doctor is given. All this system of voices is supported by the semantic clamps and language means which to the smallest subtleties are thought over by Mikhail Bulgakov.

Keywords: Mikhail Bulgakov, story, composite and speech organisation, plan of narration, point of view.

Yelena A. Polyakova

*Ivanovo State University
eapolyakova77@yandex.ru*

**Translation of the nouns denoting "earth"
in the Old English poem Beowulf**

The paper presents an analysis of the translation of the nouns denoting "earth" in the Old English poem Beowulf translated into Russian by Vladimir Tikhomirov. Spatial concepts that constitute an important part of a national picture of the world, play a significant role in Old English culture, which is reflected in semantically rich and extensive vocabulary of Old English poetry. The paper studies semantic characteristics of the Old English nouns denoting "earth" and gives a brief description of the key peculiarities of Old English poetic style, synonymy being its especially important aspect. The article also presents some Russian scholars' opinions on translating Old English poetry into Russian. Having conducted a detailed analysis of the lexical means of the Russian language employed by the translator to render Old English nouns denoting "earth", the author concludes that the approach the translator resorts to is highly efficient.

Keywords: translation, style, synonyms, alliteration, contextual analysis, Old English poetry, nouns denoting "earth".

Nina V. Ivanova

*Kostroma State University
ivninvik@yandex.ru*

**Enjambment in the poem "le voyage"
by Charles Baudelaire and in the translation
of Marina Tsvetaeva**

As we know, translations are an essential part in the poetic heritage of Marina Tsvetaeva, in particular, translations from the French language, which the poetess spoke fluently since her youth. Not all the originals she worked on, the poetess considered worthy of her attention. However, some of them are real masterpieces. These include the poem "Le Voyage" by Charles Baudelaire. The article is focused on the phonetic peculiarities of the poem "Le Voyage" translated by Marina Tsvetaeva. The subject of analysis is enjambment, one of the methods of rhythmic verse divisions of the segment, both authors widely used in their work. A priori we may assume that Marina Tsvetaeva would not disregard the enjambments in Charles Baudelaire's poem, despite the fact that she changes the alexandrine of the original into the iambic pentameter. Indeed, almost all Charles Baudelaire's enjambments are reflected in the text of the rendition. In particular, it characterises the fragments of the original text with a high density of enjambments. We can see the discrepancy mainly in the quality of transferred segments: Charles Baudelaire's lines are syntactically less accentuated. But in general, the comparison of the texts in two languages is indicative of the high degree of phonetic adequacy of Marina Tsvetaeva's version of the poem.

Keywords: line enjambment, strophic enjambment, rejet, contre-rejet, double-rejet, verse boundary, rhythmic pattern, interline transfer.

Yelena B. Volkova

Moscow Aviation Institute (national research university)
lenka@mail.mipt.ru

Irina A. Remennikova

Moscow Aviation Institute (national research university)
vladrem@list.ru

Yelena A. Vecherina

Moscow Aviation Institute (national research university)
vealek@mail.ru

Typical multicomponent compound sentences in the texts of mathematical works in Russian and Romano-Germanic languages

The authors set in the article the objective to reveal and analyse the most typical constructions of multicomponent compound sentences in the texts of mathematical works in Russian, English and French. The works of outstanding modern mathematicians in the field of differential geometry and algebraic topology served as a material for the research. These authors achieved fundamental results in the above stated fields; their works written in an impeccable style serve as the basis for further studies. Delivering a difficult material, the author has to construct the sentence in such a way that the reader should understand it in a proper way. Multicomponent sentences are instrumental here. They are widely used in the texts of mathematical works in Russian as well as in English and French. The article deals with three main ways of building such constructions. Due to the research, the authors conclude that the multicomponent compound sentences of mathematical works have a transparent structure and a standard form of delivering. As a rule, it consists of small parts in terms of volume, which form an integral communicative structure interacting in a definite way. It is necessary to take into account the found out syntactic peculiarities at dealing with the texts of mathematical works in these languages.

Keywords: multicomponent compound sentence, main clause, object clause, attributive clause, conditional clause, conjunction, relative pronoun.

Natal'ya N. Zhuravlyova

Kostroma State Agricultural Academy
n.juravleva@mail.ru

Lyudmila A. Poputnikova

Kostroma State Agricultural Academy
poputnikova@rambler.ru

Irina Yu. Yevdokimova

Kostroma State Agricultural Academy
irina.schvecova@ro.ru

Characteristic of the term "Ackerschlepper" (agricultural tractor) in the German language

This article is devoted to the semantic and structural analysis of German-language terminology, providing professional communication in the field of creation, operation and maintenance of agricultural machinery. The article discusses such concepts as the consistency of terms, the term system and terminology, compares the methods of functional and cognitive linguistics to systematize and streamline terms. The authors studied significant lexical material in the field of modern German-language technical literature and developed a cognitive language model of the Ackerschlepper term-system. The article describes the etymology of

the lexeme "Schlepper": the method and time of its entry into the normative German language, analyses the frequency of use of the term in the texts and headlines of leading German newspapers and magazines in different historical periods. Based on the theory of frame semantics, the authors carried out a semantic analysis of the "Ackerschlepper" hyperframe, given a formal-grammatical characteristic, which is part of its terminology. The practical significance of the work lies in the further use of research results in the replenishment of thematic online dictionaries and translator programs, in teaching a foreign language and profession, as well as in the research process in the practice of higher educational institutions of engineering and agriculture.

Keywords: terminological system, semantic and structural characteristics of terms, frame analysis, frame semantics.

Marina V. Zimina

Ivanovo State University
m_zimina@mail.ru

Mariya V. Opolovnikova

Ivanovo State University
omw@mail.ru

Metaphorical portrait of the president of Russia in the German printed media

The article is devoted to the study of the image of the President of Russia, created in the German press by applying conceptual metaphors. We consider the metaphorical nomination Zar, which is the base in the model "President is a tsar." It is noted that this lexeme has negative connotation in German linguoculture, contributing to the creation of a negative image of Vladimir Putin. It justifies the idea that the pragmatic and persuasive potential of the metaphor can be realised with reliance on logic, lexical semantics, and communicative structure of the utterance. It establishes ways to transfer the characteristics implied by the word Zar to the president. The authors come to the conclusion that the emphasis on the negative characteristic contained in the metaphorical name Zar occurs both at the level of a separate utterance and at the level of a text. The mechanisms of public opinion formation and manipulation with the help of metaphor are revealed.

Keywords: metaphor, metaphorical model, pragmatics, information structure of clause, connotation, manipulation, Russian president, tsar.

Yelena M. Dyomina

Peoples' Friendship Russian University, Moscow
deminahelena23@gmail.com

The image of modern politician and the stylistic means of its creation (in terms of Marine Le Pen's and Emmanuel Macron's political discourses)

The article is devoted to the study of means which have a modifying effect in the creation of this image – based on the discourse of politicians such as Marie Le Pen and Emmanuel Macron. Politics as a social phenomenon implies the influence on the consciousness of large masses of people. The use of certain language

tools is an effective mechanism through which the politician has the opportunity to convince his listeners, one way or another to influence the recipients of their discourse, to manipulate the consciousness of society. The main goal of many politicians is to influence the public consciousness, and this can be done with the help of some stylistic means.

Keywords: stylistic means, political discourse, lexical features of discourse, politics, positive and negative image of politician.

Yelena V. Shlyahina

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
elenav_yar@mail.ru*

**Euphemisation of the aging issue
in the ad texts both in English and Russian
(a case study of "Cosmopolitan")**

The article studies the question of euphemisms that are used to veil the aging problem in the ad texts in the English and Russian versions of *Cosmopolitan* magazine. The key reasons for using the linguistic means are the wish to hide unpleasant facts of the reality and to describe the product in the best way for its successful promotion. The article represents contrastive analysis of euphemisms in English and Russian ad texts. In the result of the analysis there the euphemisms for both the aging process and its signs such as wrinkles, skin sagging, etc have been found. The author makes the conclusion that the considered linguistic means are widely used in the anti-age advertising both in the English and Russian languages.

Keywords: euphemism, euphemism, ad text, glossy magazine, beauty products, aging, linguistic cosmetics.

Tat'yana I. Yakunina

*State University for the Humanities and Pedagogy
of the South Urals, the City of Chelyabinsk
tamushacsu@inbox.ru*

**Paroemiological means as structural elements
of the phraseological semantic field "man"**

The article aims at analysing phraseological semantic field "man" represented by proverbs of the English language incorporating a phytonym component and characterising humans. The main cultural features and images reflected by English proverbs and sayings are under study. The author explores the terms "paroemia", "proverb" and "saying", their features and characteristics, and different approaches to their study by Russian and English speaking researchers; distinguishes the main semantic groups representing certain social problems and people's values and priorities. The sources of proverbs and saying naming human traits, their grammatical structure and holding components are under study.

Keywords: paroemia, proverb, saying, phraseological semantic field, man, social problem, English language.

JURAL SCIENCES

Gennadiy G. Bril'

*Kostroma State University
kuin@kstu.edu.ru*

**Modern view on the theory and practice
of social conflicts legal resolution
in the Soviet state (1917–1930s)**

The author uses historical and legal material in the article for the analysis of activities of public security authorities for social conflicts prevention and resolution. Determinants of social conflicts characteristic of those times (in the years of the Russian civil war, the so-called "new economic policy", during agriculture collectivisation) as well as efficiency of ways of their resolution are considered.

Keywords: policy of law, social conflict, conflict legal resolution, labour disputes, political opposition, repression for crime, fundamental principles of law, sense of justice, legal culture, consensual procedures.

Roman S. Kashanskiy

*Saratov State Jural Academy
i_gp@ssla.ru*

**On the question of the functional nature
of reservations to the law**

The reservation in law is considered in the light of the division of normative legal prescriptions into general and special. The author argues for the understanding of legal reservations as a special type of special regulatory requirements, which is explained by the peculiarity of their application in Treaty and judicial practice, the consequences of their implementation. Special attention is paid to such functions of reservations in law as regulatory-restrictive, information-correcting and protection function. The regulatory-restrictive function of the norms-reservations is defined by the author as one of the most important functions, because it reveals the regulatory potential of this means of regulation as the primary ordering force of law. The information-correcting function of reservations is linked to the establishment of a different way of regulating the type of public relations that differs from the method of regulation applied by the General rule. The protective function of legal reservations is revealed through the analysis of the practice of concluding international treaties. In addition, the author distinguishes a number of clauses related to monetary obligations and performing the function of protection. The article concludes that a legal reservation is a type of special rules providing for an exception to the general rules.

Keywords: general rules of law, special regulations, reservations in law, functions of law.

Ol'ga V. Zheleva
National Research Tomsk University
zheleva.olga@gmail.com
Aleksandr S. Tkach
National Research Tomsk University
alexanderitkach01@gmail.com

On the legal nature of criminal offence

The article analyses the concept, characteristics of a criminal offence, and features of distinction of a new type of criminal offence from a crime. The authors consider the formation of the concept of a criminal offence in pre-revolutionary Russian legislation. It is noticed that a criminal offence was act in the form of violation of rules that protect certain values, entail corrective punishments. The comparative legal method and systematic study of foreign legislation are used in research. The authors identify three approaches to the concept of criminal offence of depending on: 1) the prohibition and type of punishment; 2) the procedural order of the proceedings; 3) the degree of public danger of the act. The authors consider various positions regarding the need to introduce the concept of a criminal offence in a criminal legislation, cite positive and negative consequences of amending Russian legislation.

Keywords: crime, criminal offence, crime of small gravity, qualification of crimes, categories of crimes, criminally punishable act, criminal law, administrative offence, administrative prejudice, degree of public danger.

Lyudmila A. Shcherbich
Prosecutor's Office University of the Russian Federation, Moscow
shcherbkrim@mail.ru

The subject of criminal activity: a forensic aspect

The article deals with the study of the structure of criminal activity through the prism of the science of criminology. The author draws attention to the fact that in order to improve the methodology of forensic research it is very important to correctly determine which side of criminal activity is studied by this science. In the study of this problem views on the concept, content and structure of criminal activity are comprehensively considered in the article, the theoretical and practical significance of such an important element of criminal activity as its subject is analysed. The author's definition is presented along with the classification of the subjects of criminal activity.

Keywords: criminological science, activity, criminal activity, investigation of crimes, structure of criminal activity, subject of criminal activity.

Svetlana Yu. Yushenkova
Russian State University of Justice, Moscow
Moscow University of Finance and Law "MFUA", Moscow
29179455@s.mfua.ru

The effect of blanket on the process of criminalisation of human trafficking in Russia

The article touches upon the issue of the influence of blanket on the criminalisation of human trafficking in Russia. Based on the provisions of the theory of criminalisation, an assessment is made of the conse-

quences of this process for law enforcement. Analysing studies on the issue of blanket criminal law, the author identifies two types of manifestations of blanket signs of disposition of art. 127.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: "international legal blanket" (manifested in the implementation of the provisions of the Protocol on the prevention and suppression of human trafficking in national law) and "inter-sectoral blanket" (manifested in the use of the civil law conceptual apparatus when describing the objective side of the composition of human trafficking). The implications of the effect of blanket on the criminalisation of trafficking in persons demonstrated in the article led to the conclusion that this process was carried out without assessing the compliance of the introduced norm (Art. 127.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) with the rules of the legislative technique and the specifics of the legal system of the Russian state. In order to optimise the mechanism of criminalisation of the act in question, it was proposed to exclude the influence of blanket on the structure of the composition of trafficking by refusing to use civil law terminology when describing the objective side of a crime related to ordinary crime.

Keywords: blanket, criminalisation, trafficking in persons, interdisciplinary communication, buying and selling person, transactions in relation to person.

Emil' I. Khakimov
Saratov State Jural Academy
i_gp@ssla.ru

Suspension in the system of organisational (operational) sanctions of the Russian law

The place and role of the suspension sanction in the system of legal protection measures are revealed. The article provides a number of arguments for the need to interpret suspension as a kind of sanctions in law. The author's definition of suspension sanction is proposed. The special importance of suspensions in the Russian private law is noted. The author criticises the overly rigid connection of operational sanctions and measures of state coercion, which largely negates the significant differences between them. Various variants of the terminological designation of organisational sanctions in the Russian law are considered in the legal literature. The main distinctive features of organisational (operational) sanctions in the law are highlighted. It is concluded that the suspension sanction, being a kind of protective sanctions, is subject to mandatory inclusion in their unified system. A number of organisational and security means in the form of retention of things, suspension of counter-performance under the contract, direct write-off of the debt amount, refusal to accept improper performance under a civil contract, suspension of the employment contract and others are clearly protective in nature, do not contain the purpose of neither punishment nor punitive liability.

Keywords: protection of right, organisational sanctions in law, jural abeyance.

Dmitriy A. Babichev
Kostroma State University
babichev-lavd@inbox.ru

**On the discussion on the problems
of the organisation of prosecutor's supervision
of the law of decisions in operational investigative
activities**

The article examines a number of aspects of the organisation of prosecutorial oversight of the legality of decisions in the operational-search activity of the units of internal affairs bodies. The idea of the need to revitalise the activities of authorised prosecutors through the adoption of measures to ensure effective operational-search counteraction to crime in compliance with the law is substantiated. Based on the analysis of legislation, prosecution and judicial practice, as well as scientific publications, the author presents for discussion a number of discussion questions concerning the competence of the authorised prosecutor studying the case of operational accounting for the legality of decisions made within it. It justifies the provision that the prosecutor's supervision in this area should provide not only the compliance of the conducted operational-search measures with the current regulatory requirements. According to the author, this type of supervisory activity also includes the study of operational-search materials with regard to the complexity of operational measures, the identification and elimination of formalism in operational work. It is indicated that the effective organisation of prosecutorial oversight largely depends on the clarity of departmental control, which, acting as a conduit for the execution of prosecution response acts, performs a kind of coordinating function in ensuring the legitimacy of operational search decisions. It is proposed to authorised prosecutors to pay attention to the use in operational work of databases of departmental information systems that have repeatedly proven their effectiveness in countering crime.

Keywords: prosecutor's supervision, operational-search activity, operational-search solution, operational-search measure, crime, authorised prosecutor, legality, departmental control, operational record, information systems.

Alla V. Kudryashova
Kostroma State University
alla880@mail.ru

**About the ratio of concepts "technique" and
organisation" in relation to Prosecutor's activity**

The article is devoted to the definition of the concepts of "methodology" and "organisation", establishing their meaning and scope of application in pros-

ecutorial activities. It is concluded that despite their similarity in the fact that they mean a certain order in order to improve the efficiency of work, they are filled with different content. Investigating theoretical and practical issues of prosecutorial activity, it is necessary to consider its organisational and methodical aspects as they are in close interrelation. Since the methodology and organisation of activities are the key categories that affect its effectiveness, consistent consideration and implementation of the main elements that make up their content will ensure the completeness of scientific research and the optimal mode of implementation of their functions by the Prosecutor's office.

Keywords: Prosecutor's office, functions of Prosecutor's office, Prosecutor's activity, organisation, technique, efficiency.

Al'mira R. Muratova
Bashkir State University, the City of Ufa,
Bashkortostan autonomy, Russia
almiramuratova@mail.ru

Alina M. Bagautdinova
Bashkir State University, the City of Ufa,
Bashkortostan autonomy, Russia
bagautdinova.law@mail.ru

**The question of the legal nature of an agreement
for the development of a website**

This article is devoted to the problem of the legal nature of the contract for the development of the website, which at the moment seems relevant in connection with the ambiguous emerging contractual and judicial practice. This issue was previously considered in the science of civil law, but the researchers did not come to a consensus on the legal qualification of such a transaction. Some authors have drawn conclusions about the legal nature of the contract, without paying sufficient attention to the specifics of the website as the object and result of the obligation. In order to solve this problem, there is reveal the concept of the website, consideration its legal characteristics as a result of intellectual activity in the article. There is analysis of the main variants for the qualification of the contract for the development of the website, taking into account the features, characteristics and essential terms of certain types of contracts. The author comes to the conclusion about the mixed nature of the contract for the development of the website. The main methods of research are comparative and method of analysis.

Keywords: website, civil contract, website creation, compensated services rendering contract, custom work contract, mixed contract, result of intellectual activity.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях.

Все материалы следует представлять в редакцию **по электронной почте: e-mail: vestnik@ksu.edu.ru.**

1. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word** (*.doc, *.docx, *.rtf). Если Вы используете нестандартный шрифт, приложите к письму копию статьи в формате PDF, а также файл с шрифтом. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc).

2. Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**. При проверке используется сайт: <http://www.antiplagiat.ru>.

3. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. Максимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – **не более 14 страниц машинописного текста.**

5. Аннотация к статье должна быть объемом 100–120 слов. Количество ключевых слов – от 7 до 10.

6. **Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация должны быть переведены на английский язык.**

7. Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.) указывается в круглых скобках сразу после названия статьи на русском языке.

8. Библиографический список должен быть представлен **в алфавитном порядке**. Ссылки в тексте статьи оформляются **квадратными скобками** с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не менее 5 и не более 20 источников.

После библиографического списка на русском языке в статье должен быть представлен **транслитерированный библиографический список**. При составлении списка библиографических ссылок на латинице («References») русскоязычные источники необходимо транслитерировать, а иностранные источники привести в соответствии с требованиями транслитерации.

При транслитерации используется сайт: <http://translit-online.ru/>

9. Единицы измерения приводятся в соответствии с Международной системой единиц (СИ).

10. **Рисунки, схемы, диаграммы.**

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

11. **Таблицы.** Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10.

12. **Формулы** выполняются только в редакторе **MS Equation**.

13. **Десятичные дроби** имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

Убедительная просьба соблюдать построение статьи!

Каждый новый пункт не нужно нумеровать, но порядок размещения материала должен соответствовать представленному ниже списку.

1. Отрасль наук и специальность.
2. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
3. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора.
6. Адрес электронной почты для каждого автора.
7. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон.
8. Название статьи (сокращения в названии недопустимы).
(Ссылка на грант или источник финансирования – если есть).
9. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (100–120 слов).
10. Ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).
11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.
12. Текст статьи.
13. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).
14. References.

Правила составления аннотации к научной статье

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую, идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.
2. Описание хода исследования.
3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

10.01.01. Филология, Русская литература.

УДК 821.161.1.09”20”

Кучина Татьяна Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль

tgkuchina@mail.ru

Адрес: 123456, г. Иваново, ул. Ивановская, д. 12, кв. 34; Тел.: 89876543210

Б. Пастернак и В. Маяковский в системе интертекстуальных связей лирики Б. Ахмадулиной

Аннотация: Интертекстуальная техника Б. Ахмадулиной рассматривается сквозь призму отсылок к творчеству Б. Пастернака и В. Маяковского и мотивных, сюжетных, цитатных переключек с конкретными стихотворениями этих поэтов. На материале таких произведений Б. Ахмадулиной, как «Снегопад», «Февраль без снега», «Милость пространства. 10 марта», показаны способы актуализации поэтического претекста: апелляция к маркированным словам-образам из лирики Б. Пастернака («снег», «зима», «февраль»), переход от пейзажного к метапоэтическому плану в развертывании лирического сюжета, сохранение инвариантной структурно-семантической схемы текста-предшественника, экспликация ключевых пастернаковских инвариантных тем и подтем – единства разного и сопричастности частного, индивидуального вечному и бесконечному. Иначе строится поэтическая коммуникация с текстами В. Маяковского: их сюжетно-тематический план в реминисцентном микроконтексте, как правило, редуцирован, но при этом в стихотворениях Б. Ахмадулиной выделены те узнаваемые словесные компоненты, которые указывают на текст-источник. В статье делается вывод о том, что интертекстуальная связь с лирикой В. Маяковского – это поэтика точечных понятийных пересечений.

Ключевые слова: Ахмадулина, Пастернак, Маяковский, интертекст, реминисценция, аллюзия, приемы выразительности.

Tatyana G. Kuchina
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky
tgkuchina@mail.ru

B. Pasternak and V. Mayakovsky in the system of intertextual connections of the lyrics of B. Akhmadulina

The intertextual techniques of B. Akhmadulina is viewed in the article through the lens of the references to the poems written by B. Pasternak and V. Mayakovsky. The author examines some of Akhmadulina's creative works (namely "Snowfall", "The February without Snow", "The Favour of Space. March 10") and points out the basic ways of actualization of the poetic pretext such as usage of Pasternak's lyrical vocabulary ("snow", "winter", "February"), transition from landscape plane to metapoetic one in lyrical plot, preserving the invariant structure and semantics of the precedent text, explication of the most important and constant themes of Pasternak's poetry – the unity of different things and the association of private, local existence with eternal and infinite space. The "communication" of Akhmadulina's texts with Mayakovsky's ones is constructed in the other ways. Plots of the precedent poems in reminiscent context are reduced but B. Akhmadulina underlines the "sygnal" (specifically "mayakovskyan") words which indicate the concrete pretext. In article the conclusion that therefore intertextual correlation of her creations with Mayakovsky's poetry should be viewed as poetics of semantically "pinpoint" crossings.

Key words: Akhmadulina, Pasternak, Mayakovsky, intertext, reminiscence, allusion, techniques of expressiveness.

Текст статьи...

Библиографический список

References

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть: в кол-ве т. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет.

Например:

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и том: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть: в количестве т. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Том. – Количество страниц.

Например:

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название газеты. – Год издания. – Номер или дата выпуска.

Например:

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Название словаря / сведения о составителях; редакторах и т.п. – Номер переиздания (если есть). – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания / сведения о составителях; редакторах и т.п. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Теля В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Фамилия и инициалы автора. Название диссертации: дис. ... канд. (д-ра) отрасли науки. – Место издания, год издания. – Количество страниц.

Например:

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Фамилия и инициалы автора. Название автореферата: автореф. дис. ... канд. (д-ра) отрасли науки. – Место издания, год издания. – Количество страниц.

Например:

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.) [Электронный ресурс]. – Выходные данные издания. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Тюпа В.И. Жанр и дискурс [Электронный ресурс] // Критика и семиотика. – Вып. 15. – Новосибирск: М., 2011. – С. 31–42. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature1/tyupa-11.htm> (дата обращения: 18.02.2018).

Архивные материалы

Например:

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2018 – Т. 24 – № 4

Учредитель и издатель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор
ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-68726 от 09.02.2017 г.

Подписано в печать 06.11.2018.
Дата выхода в свет 19.12.2018.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 39,5.
Уч.-изд. 41,1 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 301.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна